Анна Немеровская

И даровал Всевышний Человеку свободу воли

Вторая редакция

Нью-Йорк 2017

Всевышним дана человеку свобода выбора пути, свобода воли.
И герои романа в критическую минуту вынуждены принимать нелегкие решения, делать свой судьбоносный выбор.
Автор прослеживает судьбы нескольких поколений своих героев на протяжении целого века. Все мучительные перипетии этого сложного столетия вплетаются в судьбы персонажей романа.

www.nemerovsky.com/anna
Автор предпочитает эпистолярный жанр и будет признательна читателям за их отзывы по адресу:
Anna Nemerovsky
P.O. Box 35-1009
Brooklyn, NY 11235

Анна Немеровская
«И даровал Всевышний Человеку свободу воли»
(Издание второе)

Все права защищены 2012
© Anna Nemerovsky

Anna Nemerovsky
And God has given Man free will

© Copyright
All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from authors.

ISBN # 978-0-9829750-6-0

Printed in United States of America

Обложка - работа художника Натальи Лошмановой.

Огромная благодарность моему самому первому читателю, самому придирчивому и в то же время доброжелательному редактору, элегантной Марине Бияновой. Обладая мягим характером, она тем не менее твердой рукой убрала из книги последние огрехи и придала окончательный лоск тексту.
Особая благодарность Элле и Семену Бенциановым, Елене Грачевой и Наталье Миззури.
И, наконец, я глубоко признательна моему мужу Марку Немеровскому за техническую помощь.

О романе Анны Немеровской

Как-то на Брайтоне стояла я в очереди в русском магазине и держала в руках то ли пучок редиски, то ли буханку хлеба, словом, что-то одно. Мужчина восточной наружности впереди меня, с тележкой, нагруженной продуктами, предложил мне пройти к продавцу до него. Я воспользовалась его любезностью и почему-то подумала, что он бакинец. И тут же из угла магазина раздалось обращение его жены: «Джаник!», что не оставило никаких сомнений в правильности моей догадки. Безошибочнее внешности южанина, незнакомца выдал великодушный жест, так присущий бакинцам.

Анна Немеровская из того же роду-племени. Неважно, еврейские, русские, армянские или азербайджанские корни – лучших представителей моего родного города объединяла восточная чуткость, щедрость и внутренняя интеллигентность. Если я и заблуждаюсь, то из пристрастности к жителям своего редко омываемого дождями города на берегу Каспийского моря, о котором не имеют представления большинство американцев, мало отягощенных знанием географии. Свое неравнодушие к родному городу Анна не скрывает: любовь к Баку и ко всему бакинскому сквозит в описании бакинского базара, особенностей восточной кулинарии, в отсылке к стихам бакинских поэтов (Мансур Векилов, Абрам Плавник, Александр Халдеев и др.), в подробном смаковании-пересказе обычаев и традиций, так хорошо знакомых ей. По праву памяти Анна делится с нами своими познаниями.

Не думаю, что можно усомниться в очевидном: роман Немеровской – просвещенческий роман. Не в том смысле, что предполагает темного читателя, а в том, что автор считает нужным рассказать, а больше пересказать все, что может быть полезно и интересно для нити ее повествования. Мы привыкли, что исторические справки и сноски теснятся мелким шрифтом внизу страницы либо вынесены в конец книги. Здесь они вклиниваются в повествование, удлинив роман если не на треть, то намного. Вот она описывает 1933-й год, приход к власти Гитлера, негодуя на то, что мир молчал. И тут же переходит к трагедии в Судане, приводя справку по новейшей истории о конфликте между арабами и африканцами. Автор откровенно признается, что отвлеклась, и вновь принимается за семейную хронику еврейской семьи из Германии. На следующей странице мы встречаем документальные отрывки, касающиеся и других международных конфликтов. Отсюда и необычная структура этого произведения. Справки из энциклопедий и исторических хроник, материалы исторических исследований, отрывки из произведений Чехова и Шолом-Алейхема, выдержки из мемуаров и еврейская поминальная молитва, и многое, многое другое!

Как правило, стихи в романах, за исключением памятного случая с «Доктором Живаго», попадаются крайне редко и, во всяком случае, умеренно. И чаще всего это стихи авторские. У Немеровской же цитаты из стихотворений, а то и целые стихотворения классиков и современников разбросаны по-бакински щедрой рукой. Александр Галич и Александр Городницкий, Ольга Берггольц и Илья Эренбург, Мирза Шафи Вазех и Евгений Евтушенко, Владимир Высоцкий, Илья Сельвинский, и еще, и еще, вплоть до ныне живущих и благополучно здравствующих бруклинских поэтов русской диаспоры. Полный простор для читательского произвола! Кто хочет, может выклевывать стихи, словно изюминки из кекса; кого привлекает информация – пусть читает документальные куски; а кто любит самую ткань повествования да проследует за автором сего труда, чтобы «идти туда, не знаю куда» дабы «принести то, не знаю что».

Книга Анны Немеровской – роман гибридный. Можете называть его мозаичным, мультифасетным. Хотите – читайте отдельные истории, хотите – следуйте за автором. «Узелок завяжется, узелок развяжется», одна «майса» нанизывает на себя другую, и все это сходится в конце, до которого, надеюсь, добредет терпеливый читатель, любитель жизненных историй и коллизий. И уж куда только ни протягивается эта нить! Оккупированная Франция и бакинский дворик, русское село и поезд, везущий заключенных на Восток... Герои колесят по всему Союзу и сопредельным странам, да и временн***ы***е рамки раздвинуты широко, до пределов. Два века, на которые пришлись революции и войны, и особенно 20-й век, «век-волкодав». История не щадит многочисленных героев романа, чьи даты рождения и смерти вынесены в отдельную графу. Семейная сага Немеровской не ограничена рамками одной семьи, а охватывает сразу несколько поколений ряда семей.

Представляется, что Анна Немеровская зачарована магическим переплетением судеб своих героев, пытаясь понять, что лежит в их основе. Не случайно она ссылается на Ефремова, рассуждавшего в «Лезвии бритвы»: «*И в человеческом существовании незаметные совпадения, давно наметившиеся сцепления обстоятельств, тонкие нити, соединяющие те или другие случайности, вырастают в накрепко спаянную логическую цепь, влекущую за собой попавшие в ее орбиту человеческие жизни. Мы, не зная достаточно глубоко причинную связь, не понимая истинных мотивов, называем это судьбой.*

Если проследить всю цепь, а затем распутать начальные ее нити, можно прийти к некоему отправному моменту, послужившему как бы спусковым крючком или замыкающей кнопкой. Отсюда начинается долгий ряд событий, неизбежно долженствующих сблизить совершенно чужих людей, живущих в разных местах нашей планеты, и заставить их действовать совместно, враждуя или дружа, любя или ненавидя, в общих исканиях одной и той же цели».

Противореча известному афоризму, Анна Немеровская смело попыталась объять необъятное. Насколько ей удалось – судить читателю.

ЛИАНА АЛАВЕРДОВА
7 августа 2017 г.

Моим предкам и потомкам посвящается.

Уважаемый читатель,
учитывая Вашу занятость и нехватку времени, разрешается при чтении пропускать текст, напечатанный курсивом.
Автор не обидится.

Три книги под одной обложкой.

Главный герой первой книги – подросток Слава из небольшого российского городка Н-ска. История начинается с судьбы его прадеда и разворачивается на историческом фоне тяжелейшего XX века – войны, революции, страшные 20-е, 30-е, 40-е, военные и послевоенные годы.

Главные герои второй книги имеют косвенное отношение к предкам Славы. Рожденные в том же Н-ске, они волею судеб, попали в Германию. По их жизням прокатывается тот же самый жестокий век. Они оказались в самом пекле Второй мировой войны.

Третья книга – о семье польских евреев, разбросанной по миру войнами и гонениями, некоторые члены которой сталкиваются с героями первой и второй книг, так и не узнав о множестве тонких нитей, связующих их всех.

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

Слава окончил доклад и сдержанно поклонился. Раздались дружные, одобрительные аплодисменты. Он чувствовал, как его заливала волна гордости и (что таить!) радости победы. Как будто тело было полым и наполнялось изнутри чем-то горячим – сначала быстро нагрелись ноги, волна поднялась к животу и груди, согрела сердце и прилила к лицу. Слава понял, что краснеет от счастья, как мальчишка, еще раз поклонился и быстро сбежал со сцены.

Это было его первое выступление на конгрессе такого уровня, первый выезд за границу, первое признание коллег. Аплодисменты на международных научных конгрессах весьма отличаются от выкриков экзальтированных меломанов "бис" и "браво" на музыкальных концертах, скажем, скрипачей или оперных певцов.

А ученый люд ведет себя спокойно, с достоинством. Проявление отношения к прозвучавшим докладам, как правило, контролируется тремя чувствами в различных сочетаниях и пропорциях: признанием, критичностью и завистью. У кого что превалирует, таковы и эмоции, несущиеся из зала. Слава слышал, что одобрение было искренним.

Дмитрий Олегович, его руководитель, издали потряс обоими кулаками в знак похвалы. Давид обнял Славу и восторженно прошептал: "Ты просто молодец!" Слава сел в самом конце зала, пытаясь унять радостное возбуждение. Ему хотелось разобраться в необычных для него ощущениях, но гулко бьющееся сердце мешало сосредоточиться.

Это был Международный конгресс психологов. Слава был психологом, и тема его выступления – "Психология подросткового возраста" – одна из самых сложных, особенно, в нашей современной реальности.

Итак, психолог Слава анализирует свои новые эмоции. То, что он честолюбив, Слава не отрицал. Да, он стремился к вершинам науки и признанию, много работал, но добивался всего сам, был честен в науке и в жизни. Да, ему, конечно же, приятен успех, а кому, скажите на милость, успех не приятен? Но то сладкое чувство, которое он испытал, когда ему хлопали так охотно и дружно, было похоже на упоение триумфом... Ну, пусть и так. Наверное, все испытывают нечто подобное в сходной ситуации. Он постепенно остывал и явственно ощущал, что освобождается от чего-то, от кого-то, что жизнь его меняется. Он казался себе похожим на ребенка, державшегося за мамину юбку, который, наконец, оторвался и пошел сам.

В жизни каждого человека случается поворотный момент (а бывает, и не один), когда он, подобно рыцарю на распутье, будто стоит перед надписью на камне: "Направо пойдешь – коня потеряешь, налево – жизнь потеряешь, а прямо пойдешь – царевну найдешь". Увы, в реальных обстоятельствах мы такой надписи-подсказки не имеем, поэтому порой просто не осознаем, что это был судьбоносный момент. На самом же деле от того, как мы поступим в этот миг, что скажем, кто будет рядом, зависит, куда мы придем в конце концов.

После знакомства со Славой я стала вспоминать, был ли у меня такой момент в жизни. Как-то в компании подростков меня настойчиво уговаривали закурить. А я очень не люблю, когда на меня давят. Помню, я важно сказала: "Я уже пробовала, и мне не понравилось". А потом твердо добавила: "Курить не буду." Может, это и был поворотный момент в становлении моего характера? А может, нет – так, мелкий эпизод.

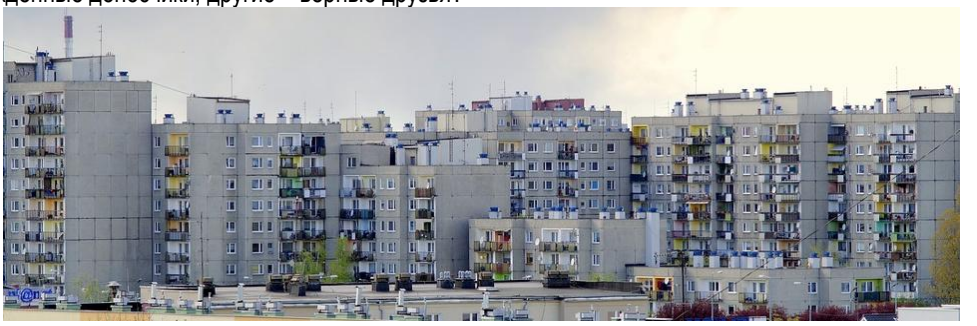
******

Слава родился в конце 70-х годов в небольшом городе Н-ске. Мама работала на фабрике. Они жили вдвоем – отец умер, когда Слава был в шестом классе. Учился Слава хорошо, со школьной программой легко справлялся. Мама не разрешила пойти в техникум после 8 класса, как он намеревался (так хотелось скорее стать взрослым, начать зарабатывать, а продолжать учиться можно и вечером). Но мама настояла, чтобы Слава получил аттестат, а потом поступил в институт. Для нее это было очень важно. Они с покойным мужем мечтали, что сын получит высшее образование, станет инженером или даже конструктором чего-то очень серьезного, например, самолетов. У них были большие надежды на будущее сына, и мама старалась в память о муже осуществить их. Слава не стал спорить с мамой и согласился еще и потому, что не мог определиться, куда поступать, кем стать.

В середине 9-го класса мама получила квартиру в новом микрорайоне, они переехали. Слава пошел в новую школу. Сидел на "камчатке" в левом ряду у окна, наблюдал. Класс делился на две конкурирующие "партии". Во главе одной стоял отличник Юра, всегда с иголочки одетый, самовлюбленный красавчик, смотревший на всех свысока, с нескрываемым пренебрежением. Другой половиной класса заправляла длинноногая Света, тоже одетая, как с картинки иностранного журнала. Училась Света кое-как. Юра справедливо считал ее неинтеллигентной, неначитанной. И этим питалась их скрытая неприязнь.

Слава не примкнул ни к правым, ни к левым. Был сам по себе. Впрочем, его и не звали ни те, ни другие. Может, потому что у него не было импортных шмоток, может, не нравился независимый вид… В классе только пять-шесть учеников соблюдали нейтралитет.

Девятый класс быстро закончился, опять наступило лето, и мама устроила Славу помощником вожатого в фабричный пионерский лагерь. Это лето ему понравилось – деньги заработал и, как оказалось, с малышами общаться было интересно. Они такие разные – маленькие, а характеры уже видны! Откуда что берется? Чем объяснить, что с одними легко, а с другими – нет, одни жадные, другие – готовы отдать последнее, одни – прирожденные доносчики, другие – верные друзья?



Конец августа. Свободные дни до школы Слава проводил на Пустыре. Между двумя микрорайонами был большой Пустырь. По плану там должны были разбить парк, но то ли денег не хватило, то ли строителей перевел на другой объект непреклонный “аврал”, то ли по какой другой секретной причине, но парка не было уже несколько лет. На Пустыре была грязь, строительный и бытовой мусор и несколько чахлых кустиков. Летом под этими кустиками сидели пьянчужки и "соображали" на энное количество членов своего коллектива. Пацаны играли в карты или другие “интеллектуальные” азартные игры.

Днем иногда какая-нибудь бабушка с тяжелыми кошелками рисковала идти через Пустырь, чтобы сократить дорогу, но случалось это очень редко – боялись хулиганов. А после того, как однажды утром там нашли убитого бомжа, приличные люди и вовсе перестали ходить через него. Вот туда и зачастил Слава. Главным у пацанов был Сергей, 19 лет, профессиональный жулик-картежник. Он рассказывал ребятам, развесившим уши, о жизни в тюрьме и на зоне, хотя, как он говорил, пока еще не сидел. Все детали он почерпнул из рассказов бывших зэков – старшего брата и его друзей. Все остальные пацаны, человек шесть-семь, были помоложе – 15-17 лет – и давно сидели у Сергея в долговой яме. Славе Сергей не нравился – эти глупые разговоры об одном и том же, его мат, цинизм и злобность...

Слава еще ни разу не играл – знал, что обязательно проиграет, если начнет... Перед ним были живые примеры. Сергей же как хороший психолог не давил, выжидал, – если пацан зачастил на Пустырь, то рано или поздно втянется. Слава тоже это понимал, поэтому мысленно клялся, что перестанет прогуливать школу и ходить на Пустырь. За первые три недели сентября он был в школе раз десять, да и то не на всех уроках. В школу не ходил, потому что там было скучно, друзей за три месяца прошлого учебного года не приобрел, но главное, потому что не сделаны уроки, а уроки не сделаны, потому что пропускал школу...

Утром мама уходила на работу раньше Славы и не знала, что он пропускает школу. Слава маму любил, не хотел огорчать, вечером стыдился смотреть ей в глаза, мучительно краснея, врал и, чтобы мама не успела спросить о школьных делах, уходил на Пустырь, каждый день обещая себе, что это в последний раз. Его угнетала такая двойная жизнь.

Однажды вечером он твердо решил, что пора кончать с этим, и попросил маму: "Разбуди меня завтра утром, когда встанешь, я с тобой выйду, мне надо в школу пораньше". И после этих слов тем же вечером побежал на Пустырь, обещая себе, что с завтрашнего утра начнет новую жизнь... Как оказалось, Слава действительно был на Пустыре в последний раз.

Вечер был прохладный, наступающая осень пропитала все вокруг влагой, на земле уже не посидишь. Пацаны стояли, переминаясь с ноги на ногу, кое-кто курил, Сергей, по обыкновению, травил свои байки. Вдруг он напрягся, как хищник, почуявший добычу, отскочил на несколько шагов в сторону от ребят. И тут все увидели идущих через Пустырь двух девочек. Одной было, как подумал Слава, лет 16-17. Через плечо тяжелая сумка. За руку она вела девчушку лет 5-6 с рюкзачком за спиной.

Сергей раскинул руки: "Ах, кто к нам в гости идет! Ах, какая птичка к нам попала в сети, не расстанемся с тобой ни за что на свете"... Точно Волк перед Красной Шапочкой... Но тут ситуация была во много раз хуже – остальные ребята подошли поближе, и девочки оказались в окружении парней. Славе стало жутко за этих

глупых Красных Шапочек. Страшно подумать, что захочет сделать этот мерзавец Сергей. Слава один не сможет защитить их – Сергей намного сильней, да еще у него нож в кармане, а из ребят никто не поможет. Мысли метались и путались в голове.

Но старшая Красная Шапочка, как и в сказке, не испугалась Волка. Дальше события развивались совершенно неожиданным для пацанов образом.

– Добрый вечер, ребята, – сказала Девочка, спокойно разглядывая их. – Я расскажу вам много интересного о вас самих. Я знаю про вас все. Не верите?

Сергей хотел что-то произнести, так сказать, перехватить инициативу, но не мог. Славе в темноте даже показалось, что Сергей беззвучно открывает и закрывает рот.

– Так вот, у тебя, – сказала Девочка, протянув в сторону худого, как скелет, Толика ладошки с растопыренными пальцами, – недавно в семье случилось большое горе. Мама твоя сильно плачет. Не оставляй ее одну, ты ей сейчас очень нужен.

Ребята замерли, – они знали, что у Толика месяц назад младший братишка умер от туберкулеза.

– А тебе, пончик, – тут она направила свои ладошки в сторону толстяка Юрки, – надо позаботиться о своем здоровье – у тебя гепатит, это очень серьезно. Надо пить расторопшу, соблюдать строгую диету и найти хорошего врача, а то будет худо.

Юрка поник головой, и все поняли, что это правда и не было откровением для него.

– Ах, ты сволочь! – вскипел Сергей. – Ты знал об этом, молчал и затягивался с нами одной сигаретой, пил пиво с одного горла, чтобы мы все заразились от тебя?

А Девочка продолжала рассказывать парням про них самих, поворачивая ладошки с растопыренными пальцами в сторону каждого пацана от одного к другому, и каждому она говорила что-то такое, от чего ему становилось не по себе. При этом она как-то незаметно умудрялась переставлять ребят: после очередного высказывания она делала легкое движение рукой, как бы указывая парню, куда ему следует передвинуться. В результате всех ее манипуляций оказалось, что ребята образовали широкий полукруг, на одном конце которого стоял Сергей, на другом – Слава.

– Я даже могу показать вам свечение. Вот ты, – указала она на Славу, – подвинься сюда, так, правее, еще чуть-чуть, закрой глаза.

Слава с готовностью выполнял все, а пацаны, как завороженные, смотрели на них. Девочка тоже двигалась – шаг туда, шаг сюда, как будто искала нужную точку. Малышка, которую про себя Слава определил в младшие сестрички Девочки, держалась за карман ее брюк, двигалась вместе с ней и смотрела на всех огромными серьезными глазами. Личико детское, красивое, просто кукольное, а глаза взрослые и сверкающие в темноте.

– Открой глаза, посмотри на мою голову и сразу же закрой опять, – наконец, скомандовала Девочка. – Ну, что, видел?

– Да, видел.

Слава не сказал, что именно он видел, а ребята не спросили – стояли, ошарашенные всем происходящим, да и Девочка не давала времени прийти в себя, осмыслить услышанное, что-то спросить...

– Тебе я вот что скажу, – она посмотрела на Сергея. – Если задумаешь злое дело, с тобой случится несчастье... Да, да, – задумчиво, как бы вглядываясь в неясное будущее, тихо и грустно сказала Девочка, – может случиться большая беда.

– А ты, – повернулась она к Славе, – проводишь меня, и я тебе все скажу по дороге. Взяла сестричку за руку и пошла, не сомневаясь и не проверяя, идет ли за ней Слава. А он послушно и радостно, не взглянув на пацанов, поторопился за ней. Шли молча. Слава терпеливо ждал.

– У тебя справедливое сердце, – наконец, прозвучал ее тихий и очень мелодич-ный голос. – До конца года осталось три месяца - это очень важное время для тебя. Ты знаешь, что такое "Голубая луна"? Ты в каком классе? В десятом? Вы проходите в школе астрономию?

В это время малышка остановилась, посмотрела на сестру, как будто хотела что-то сказать (“Может быть, она не может говорить?” – мелькнуло у Славы). Девочка и Слава тоже остановились и оглянулись на оставшихся ребят, и оглянулись вовремя – буквально за несколько секунд до страшной картины.

По Пустырю почти не ездили машины – редкие лихачи рисковали сократить дорогу этим путем. Там можно было проколоть шины о доску с гвоздем, завязнуть в грязи после дождя или, не дай Бог, задавить какого-нибудь бомжа. Ну, а ехать ночью решился бы только, мягко говоря, не очень трезвый человек. Так вот, неизвестно откуда появилась машина, у которой был включен только ближний свет, чтобы видеть дорогу перед собой. Шофер, видимо, поздно заметил кучку ребят и резко затормозил, но машина не может сразу остановиться и на последнем метре, почти уже перестав двигаться, краем бампера толкнула Сергея.

Он упал. На несколько мгновений все замерли. Первым опомнился шофер: машина взвыла, стала пятиться назад все быстрее и быстрее и скрылась в темноте, откуда появилась.

Ребята бросились к Сергею, подняли, осмотрели, отряхнули и повели, поддерживая под руки. Слава смотрел на эту картину как-то отрешенно, как будто это кино, как будто все происходит не в жизни, а в дурном сне. Но вот стряхнул оцепенение, и тогда по спине побежали мурашки: неужели это ее предсказания начинают сбываться?!

– Не волнуйся, с ним все в порядке, он только упал, даже не ушибся. Ну, слушай дальше. Ты ведь знаешь, что есть лунный календарь. Лунный месяц в среднем длится около 29,5 суток. То есть, в одном календарном году получается 12 лунных месяцев (354 дня) и остаётся ещё 11-12 лишних дней. Так что раз в 2 или 3 года – происходит не 12, а 13 полнолуний. Вот это лишнее полнолуние и называется "Голубой луной"! И этот месяц считается особенным, а для тебя он будет очень важным.

******

Никакого отношения термин “Голубая луна” не имеет ни к одноименной песне в исполнении Бориса Моисеева, ни к сексуальной ориентации, вернее, дезориентации.

Раньше люди пользовались лунным календарем (и до сих пор в нашем языке слово “месяц” имеет ещё и значение “луна”). В солнечном календаре месяцы называются: январь, февраль и т.д. И каждый лунный месяц тоже имел своё название – например:“Цветочная луна”, “Яичная луна” и т.п. А лишний лунный месяц называли “Голубой луной”. Только и всего.

******

– В конце этого года будет "Голубая луна", – продолжала Девочка, – и в этом месяце у тебя есть шанс изменить свою судьбу. Или жизнь твоя пройдет скучно и бесцветно, или тебя ждет грандиозный успех, интересная жизнь и ... счастье, – добавила она с чуть лукавой улыбкой.

Слава хотел спросить, что он должен сделать, чтобы иметь этот “грандиозный успех, интересную жизнь и счастье”, но не мог говорить. У него так пересохло во рту, что шершавый язык царапал нёбо.

– Хочешь, конечно, знать, как этого всего добиться? – проницательно спросила Девочка.

“Неужели она еще и мысли читает?” – подумал Слава и торопливо кивнул.

– Если я скажу тебе, что человек сам кузнец своего счастья, ты, может, лишь иронично улыбнешься. Или скажу, что надо "учиться, учиться и учиться", как завещал известный вождь, – так ты, скорее всего, даже посмеешься над моими словами... Я не знаю, какой практический совет тебе дать... Ты читал Джека Лондона "Любовь к жизни"?

Слава хотел рассказать ей, что очень любит Джека Лондона, что перечитал все его рассказы из районной библиотеки, но не смог сказать ни слова и опять кивнул.

– Помнишь, как герой рассказа полз? Из последних сил, несмотря на все напасти и, казалось бы, безо всякой надежды... Но у него была цель, и он стремился к ней всем своим существом, полз, когда уже не мог идти, но не сдавался. Так и ты должен изо всех сил стараться, из кожи лезть, чтобы достичь своей цели. Почему, как ты думаешь, по-разному складываются судьбы людей? Одни думают, что судьба человека уже предначертана, а значит, остается только плыть по течению. А другие считают, что у человека всегда есть свобода выбора дороги, и он сам волен поступить так или иначе.

Ну вот, мы уже и пришли. Спасибо, что проводил. Помни, что я тебе сказала. Будет очень обидно, если ты упустишь свой шанс. Счастливо!

Они уже были на тротуаре около первого дома их микрорайона. Девочка улыбнулась и пошла с сестренкой, не оглядываясь. Малышка обернулась, посмотрела на Славу, сверкнув своими удивительны-ми глазами, и тоже улыбнулась. Они вошли в подъезд. Слава остался один в полной растерянности.

******

Ошибка, наслоение эпох, –
Полночи часовой двоится пояс:
Мы не должны же были, видит Бог,
Попасть в один во тьму бегущий поезд.
Искрится Ваша речь, оттенками пленя,
А мне отпущена лишь пара междометий...
Вы человечней, совершеннее меня
На многие тысячелетья.
Смотрю, как чёлку непокорную со лба
Торжественно отводят Ваши пальцы –
И руку прячу: пятерня груба.
И взгляд мой прям, как взгляд неандертальца.
Вы так добры, что этот диссонанс
Не выдаёте ни единым жестом,
Не указуете на то, что разделяет нас,
На всё моё несовершенство.
И я тянусь – сквозь чащи и пески,
Сквозь времена, – стремясь
настигнуть Солнце.
...Вы так же безнадёжно далеки,
Но помогли мне выйти в кроманьонцы

(Ростислав Дижур)

Глава вторая

Слава остался один в полной растерянности. Ему нужно было время, чтобы понять все, что произошло, что он увидел, услышал, и что-то решить для себя. Неизвестно, сколько он так стоял, пока постепенно в голове не прояснилось. Подумал, что мама, наверное, уже волнуется, где он. Это беспокойство погнало его домой. Увидев мамино встревоженное лицо, Слава не дал ей и рта раскрыть:

– Мамочка, не волнуйся, все в порядке, на Пустырь больше не пойду. Не забудь меня разбудить завтра пораньше. Я очень устал, пойду спать.

И действительно, как только голова коснулась подушки, сон обхватил его крепко и нежно и отпустил только утром, когда мама сказала:

– Вставай, Славочка.

В школу он вошел с каким-то непривычным, непонятным ощущением. Сима Петровна, их классная, встретила его словами:

– О! Слава-Красное Солнышко соизволил, наконец, появиться!

На уроке он понял, как много пропустил. Удивляться нечему – конец 9 класса был не особенно благополучным, лето было заполнено работой и удовольствиями, а в 10 классе в сентябре – больше пропусков, чем посещений. На перемене он подошел к классной:

– Сима Петровна, я много пропустил, но обещаю, что все нагоню. Дайте мне, пожалуйста, неделю. И еще – попросите, пожалуйста, других учителей тоже меня пока не спрашивать. Через неделю я буду готов.

Сима Петровна посмотрела на Славу с таким выражением лица, будто только что его увидела:

– Н-ну, хорошо, посмотрим через неделю, – с сомнением в голосе произнесла она.

Однако, когда Слава трезво оценил, как катастрофически отстал от класса, он понял, что самому не справиться. В классе некоторые ученики уже занимались с репетиторами, готовились в вузы. Но, увы, этот вариант в силу известных причин ему не годился. Славе стало ясно, что единственный шанс спасти положение – просить Фиму помочь.

******

Фима Голдшрайбер, худенький, тихий очкарик, также сидел на "камчатке", хотя был круглым отличником. Он пришел в эту школу через несколько дней после Славы в тот же 9 класс. Ни с кем не подружился, хотя со всеми был доброжелательно вежлив. Не примкнул ни к одной из двух партий в классе. Тот первый день его появления все хорошо запомнили.

Надо сказать, что отпетых хулиганов в школе не было. Директриса, дама очень строгая, умудрялась всех проблемных ребят – двоечников, злостных нарушителей дисциплины – после 8 класса отправлять в различные ПТУ. В результате ее политики в старших классах не было особо отстающих и явных хулиганов, осталась пара-тройка ребят не столько даже возмутителей спокойствия, сколько, так называемых, клоунов. Любой педагог скажет вам, что в классе почти всегда есть один-два таких клоуна. Их задача рассмешить класс любой ценой: шуточками, передразниваниями, гримасами. Среди них бывают такие, кто просто веселится сам и веселит класс (таким был Олег), но бывают язвительные до противного, которые не упустят случая зло высмеять кого-то, особенно, если объект, по их мнению, слабее. В 10-А классе, где учились Слава и Фима, таким был Игорь, но он принадлежал к партии Юры, который не любил конфликтов и не одобрял слишком злых шуток.

Сима Петровна вошла в класс с новеньким и представила его:

– Ребята, у нас новый ученик, Ефим Голдшрайбер. Судя по ведомости, которую он принес из предыдущей школы, очень хороший ученик.

– Как, как? – ехидным шепотом переспросил один из клоунов.

– Голдшмулер, кажется, – вызывающе громким шепотом ответил второй.

Сима Петровна строго посмотрела на шептунов. Она была требовательная, но справедливая. Ее уважали, а это, согласитесь, немало – заслужить уважение старшеклассников способен не каждый учитель. И хотя шептуны сразу же заткнулись, классу стало ясно, что появился новый объект для шуток, а может, даже и издевательств. Интересно, как новенький отреагирует на шуточки? Станет нарываться на драку?

– Куда же тебя посадить, чтобы тебе было видно? – задумчиво произнесла Сима Петровна, имея в виду, что Фима – очкарик и не самого высокого роста.

– Ничего, мне будет хорошо и на последней парте, – ответил Фима и с явным удовольствием быстро прошел к последней парте в среднем ряду.

Весь урок новенький сидел, уткнувши нос в парту с открытой крышкой: в парте лежала толстая книга, а на парте – для маскировки – учебник математики. Фима с явным интересом читал книгу, а как только Сима Петровна вставала со своего стула, он придвигал к себе учебник, закрывая крамолу. Ученики, сидящие в

конце класса, с интересом наблюдали: попадется или нет, а если попадется, то как будет выкручиваться? Урок закончился, клоуны стали рассказывать анекдоты про Абрама и Сару, поглядывая на Фиму и явно ожидая его реакции. Но новенький был так увлечен книгой, что ничего не слышал и не видел. А может, только делал вид?

Но на этой перемене большинству ребят было не до Фимы и не до анекдотов – следующим уроком была химия. Химичка была пожилая, неприятная, вредная особа по прозвищу Зануда, потому что даже самую простую и интересную тему она рассказывала так, что всем немедленно хотелось спать. Вся школа жаждала выпроводить химичку на пенсию и никогда больше ее не видеть. Перед уроком на перемене кто-то судорожно читал учебник, кто-то рассовывал в укромные места шпаргалки, кто-то списывал домашнее задание...

Начался урок. Фима продолжал читать свою толстую книгу, сверху лежал уже учебник химии. В начале урока химичка, как всегда, проводила опрос, сидя за кафедрой. Фима читал. Когда она захлопнула журнал и сказала: "Начнем новую тему", все облегченно вздохнули, – значит, больше спрашивать не будет. Постепенно азарт снова захватил болельщиков: попадется новенький или нет? Несколько раз он вовремя успевал втолкнуть животом толстую книгу в парту и закрыть ее учебником химии. Но в конце концов химичка оказалась проворнее и, торжествуя, вытащила у Фимы из парты книгу, закрыла ее, прочитала название и покачала головой. Лицо ее выражало крайнюю степень удивления, брови выползли над очками. Класс замер в предвкушении развлекалочки, а потом заерзал от любопытства: что за книга такая?

– Иди, пожалуйста, к доске.

Фима спокойно вышел. Химичка заняла своё место за кафедрой. Книгу она положила на край кафедры. С первой парты, вытянув шею, прочли название книги, написали это название на бумажке и передали записку назад. Каждый с нетерпением ждал, когда записка дойдет до него, а у доски пока происходило следующее.

– Ты вообще в курсе, что я объясняла новую тему?

Фима кивнул.

– Тогда скажи, о чем шла речь.

Фима невозмутимо повторил название темы урока, а потом объяснил ее так коротко и просто, что всем стало понятно. Класс затих. Все радовались поражению Зануды. Хотя никто не позволил себе ни улыбочки, но она же не дура, все поняла.

– Хорошо, назови типы химических реакций.

– Существуют 4 типа химических реакций: *СОЕДИНЕНИЯ*, *РАЗЛОЖЕНИЯ*, *ОБМЕНА* и *ЗАМЕЩЕНИЯ*.

– Дай примеры, – Зануда явно нервничала к великому наслаждению всего класса.

И тут уже не только у Зануды округлились глаза и поднялись брови. Фима неспешно повернулся к доске и разломил мел пополам. Взяв в каждую руку по половинке мела, он, широко раздвинув руки, начал писать на доске формулу синхронно(!) двумя руками с двух сторон. Символы сближались с обеих сторон одновременно и идеально сошлись на знаке равенства: $CaO + H_2O = Ca(OH)_2$. Тут у любого челюсть отвиснет.

– Это реакция *СОЕДИНЕНИЯ*, поскольку две молекулы CaO и H_2O соединяются в одну, более сложную молекулу $Ca(OH)_2$. – объяснял Фима. – Обратная этой – реакция *РАЗЛОЖЕНИЯ:* $Ca(OH)_2 = CaO + H_2O$

Здесь молекула $Ca(OH)_2$ разлагается на два других, более простых вещества.

В реакциях *ОБМЕНА* исходные вещества обмениваются между собой атомами и даже частями молекул. Например: $NaOH + HCl = NaCl + H_2O$ (и опять две половинки мела стучат по доске с двух сторон, приближаясь к середине формулы).

Следующая реакция $Zn + 2HCl = H_2 + ZnCl_2$ относится к реакции *ЗАМЕЩЕНИЯ*. Цинк заместил водород в его соединении с хлором. Водород при этом выделяется в виде газа.

– Вот и все, – скромно закончил Фима и подошел к кафедре. – Разрешите, пожалуйста, забрать мою книгу, я больше не буду читать на уроке...

Зануда растерянно кивнула, а Фима, схватив книгу под мышку, докончил фразу:

– ...эту книгу.

Класс потаенно захихикал, оценив эту хитрость. Химичка была посрамлена. Ее выручил звонок. Не успела за ней закрыться дверь, как все бросились к Фиме. Подошел даже сноб Юра. Вопросы сыпались со всех сторон. Все они сводились к одному: "Как у тебя это получается?"

– Для меня это нетрудно, потому что я – амбидекстр.

– Что-о?

– Бывают правши, бывают левши. Праворукие люди могут, если очень надо, хоть кое-как написать и левой рукой. И также леворукие смогут что-то нацарапать правой рукой. Но ни те, ни другие не могут писать одновременно двумя руками. А амбидекстры могут.

******

Леонардо да Винчи был амбидекстром – в одинаковой степени хорошо владел правой и левой руками и даже мог одновременно писать разные тексты разными руками.

Джеймс Абрам Гарфилд – 20-й президент США был амбидекстром. К сожалению, мы мало знаем об этом талантливом человеке, который начал жизнь подённой работой, потом был боцманом, учителем в народной школе, затем получил место учителя и директора одного из высших учебных заведений, занимаясь также адвокатурой и заседая в сенате штата Огайо. Он левой рукой писал по-древнегречески, правой – по-латыни. Кроме того, предложил новое доказательство теоремы Пифагора. (Был тяжело ранен через три месяца после вступления в должность президента и умер от последствий неудачного лечения, не дожив до своего пятидесятилетия.)

******

– Знаешь, Фима, ты так хорошо объяснил про химические реакции, что я все поняла, – томно сказала красавица Света.

Юра и его команда прыснули от смеха.

– Ха! Мало кому удавалось что-нибудь объяснить Светочке так, чтобы она поняла, – съязвил Юра, и Света догадалась, что опять попала впросак.

– А что, ваша Нудилка вам это не так объясняла?

Всем понравилось новое прозвище химички – Нудилка звучало лучше, чем Зануда. Класс понял, что с Фимой выгоднее дружить, чем конфликтовать.

– А списывать дашь, Голдфишер? – деловито спросил Олег.

– Дам, почему нет? Только я не Голдфишер, а Голдшрайбер. В переводе с немецкого Голдфишер значит золотой рыбак, а Голдшрайбер – золотой писатель.

– А ты – золотой амбидекстр, – вставила свои пять копеек хохотушка Рая.

Все засмеялись, и Фима тоже. Вот так прошел первый день у Ефима Голдшрайбера в новой школе.

Книга, которую читал Фима, была "Воспитание чувств" Гюстава Флобера.

******

Весь класс беззастенчиво использовал Фиму – он безотказно давал списывать, решал на контрольной не только свой вариант и передавал всем, кому было нужно. Если кто-нибудь просил объяснить что-то на перемене, Фима откладывал все, чем занимался до этого, и объяснял коротко и очень понятно. Слава, хотя и сидел тоже на последней парте, через проход от Фимы, почти не общался с ним, не просил списывать, а Фима по своей инициативе не общался ни с ним, ни с кем другим, потому что был занят чтением книг. Но Славу коробила та бесцеремонность, с которой все обращались к Фиме: "Фимка, дай списать геометрию… Фимка, дай физику..." При этом еще и шуточки отпускали.

У Славы действительно было справедливое сердце. Он остро чувствовал обиды свои и чужие. Внешне он походил на довольно хулиганистого парня – руки в брюки, разболтанная походка, независимый вид, постоянная полуулубочка на губах… Ну, что можно ожидать от такого?.. На самом деле Слава был гораздо более сдержанным и воспитанным, чем казался, – не сквернословил, не обижал слабых, не грубил старшим, много читал.

Он несколько отстраненно смотрел на все, что происходит в классе, анализировал, делал для себя определенные выводы. Например, тонко чувствовал, что Фиму коробят некоторые смешочки. “Наверное, он от этого и уходит в свои книги”, – думал Слава, наблюдая за ним. Правда, последнее время художественную литературу стали больше заменять книги технические. Оно и понятно – выпускной класс все-таки.

На перемене Слава подошел к Фиме, и вдруг – всей кожей, всем нутром своим – почувствовал, как Фима напрягся, во взгляде возникла какая-то тревога. Славе стало не по себе, он не понял, чем вызвал такие эмоции. Неужели Фиме показалось, что от него, Славы, исходит какая-то опасность?

– Фима, я хотел попросить тебя кое о чем. Понимаешь, – самым мягким голосом, на какой был способен, начал Слава, – я очень много пропустил и боюсь, что самому мне не догнать. Я попросил у Симы Петровны неделю. А догнать надо математику, физику, химию...

Сказал и сам сконфузился – не слишком ли много он просит? Ведь Фиме тоже надо готовиться – вон какие вузовские учебники таскает в сумке! Хорошо еще, что учителя, устав бороться с Фиминым подпольным чтением, махнули на него рукой: пусть делает, что хочет, все равно по всем предметам круглый отличник.

– Да, пожалуйста, какие проблемы! Сегодня же после уроков можем начать, – улыбнулся Фима своей кроткой улыбкой близорукого человека.

Если честно, то у Славы были другие планы на этот вечер. Вчера, после такой знаменательной встречи с Девочкой, Слава, придя домой, сразу заснул. Сегодня утром – в школу. А ему хотелось спокойно посидеть в одиночестве, поразмыслить. Необходимо было восстановить в памяти подробно все события, обдумать каждое произнесенное Девочкой слово, вспомнить каждый жест, каждое движение. Прокрутить все это многократно, как кинопленку.

Но если Фима согласился, нельзя упускать такую возможность. После уроков они остались в пустом классе. Фима, быстро нащупав все Славины пробелы, объяснил несколько тем. Остальное запланировали на оставшиеся 6 дней.

Потом как-то незаметно перешли на совершенно посторонние предметы. Оказалось, что у них много общего: они любят одних и тех же писателей, одинаково оценивают учителей и одноклассников, похожие взгляды на жизнь. Одним словом: "Мы с тобой одной крови – ты и я" – это означало родство душ, мироощущений – начало крепкой и верной дружбы.

Слава рассказал, как и с каким огромным удовольствием работал летом помощником пионервожатого в лагере. Было приятно, что Фима слушал его с интересом. Затем разговор коснулся родителей, и они выяснили, что живут с мамами, отцы у обоих умерли (у Фимы – 6 лет назад). Тут Фима вскочил в тревоге:

– Какой кошмар, как поздно засиделись! Мама будет волноваться, я же не предупредил, что задержусь!

Осенний вечер наступает рано. За окнами уже темнело. Слава чувствовал себя виноватым. Впопыхах собрались и побежали.

– Я провожу тебя. Как зовут твою маму?

– Соня, тетя Соня, – Фима был серьезно встревожен.

"Неужели его будут так сильно ругать, что он боится? – подумал Слава. – Конечно, моя мама тоже, наверное, беспокоится. Хоть бы к соседке зашла и там заболталась. Ну поругает, но ведь не ужас как – она отходчивая. А уж если приласкаться и попросить чего-нибудь вкусненького, так и вовсе растает".

Слава хотел посоветовать метод, не раз испробованный им самим, но благоразумно решил сначала познакомиться с Фиминой мамой, а уж потом давать советы. Прежде всего надо взять вину на себя, выгородить приятеля.

– Вон наш подъезд, крайний, – показал на бегу Фима.

У подъезда стояла женщина, кутаясь в большой платок и всматриваясь в темноту.

– Это моя мама, – Фима издали помахал ей рукой.

Слава понял – Фима не боится, что его будут ругать, а просто очень сильно беспокоится за маму. Мальчики подбежали к ней, и Слава заговорил первым. В этом и заключался его метод, который часто выручал: надо не дать маме шанс начать говорить, надо говорить самому, быстро и проникновенно, – ведь материнское сердце быстро тает.

– Тетя Соня, простите, пожалуйста, это я виноват. Я попросил Фиму объяснить мне непонятный раздел по физике, и поэтому мы задержались. Пожалуйста, не сердитесь.

– Да разве я сержусь? – улыбнулась тетя Соня ("А улыбки у них ну совершенно одинаковые!"). – Я просто очень волнуюсь, когда Фимочки нет. Где бы я его искала?

У Славы защемило внутри от этих слов: "Где бы я его искала?" Он почти физически ощутил ее боль и страх.

– Пожалуйста, приходите после школы к нам домой и занимайтесь, сколько надо.
Я буду только рада. Предупреди свою маму, что будешь у нас, и занимайтесь на здоровье. Хорошо?

– Спасибо. Большое спасибо. Я побегу, ладно?

******

Дома мама встретила Славу сурово:

– Где тебя носит? Ты не понимаешь, что я волнуюсь? И вообще, последнее время ты мне совсем не нравишься. Бегаешь где-то, поздно приходишь, от твоих вещей пахнет куревом, уроки не делаешь. Что из тебя получится?..

– Мамочка, дорогая, дай хоть корочку хлеба, я тебе сейчас все-все объясню.

Сидя за кухонным столом и уплетая за обе щеки, он стал рассказывать маме события последних дней, пропуская то, что может ее огорчить. Да, говорил он, раньше ходил на Пустырь, часами болтал там с пацанами. Пацаны курили, поэтому его куртка пропахла табаком, а сам – ни-ни. Да, не делал уроки. Да, не слушал объяснения, потому что читал на уроке книжки (а про себя подумал: "Прости, но о прогулах тебе знать совсем не надо".) Теперь взялся за ум. (Слава потешно схватился за голову, чтобы вызвать мамину улыбку, чего и добился, – хорошо, когда мама улыбается!) Попросил одноклассника Фиму, чтобы тот объяснил непонятное. Вот и засиделись в классе после уроков. Когда дошло, что уже поздно, так бегом домой. А Фимина мама стояла уже у подъезда, очень нервничала. Потом говорит, чтоб я приходил, чтоб мы у них занимались.

– Так что я завтра к нему пойду после уроков. А ты не волнуйся.

– Как его фамилия?

– Голдшрайбер. А что?

– Да ничего, просто спросила. Вот ты говоришь, что его мама в подъезде стояла, нервничала. Вроде она больше других мам своего сына любит.

– Да я не думаю так, просто тебе рассказываю. Я же понимаю, что люди по-разному проявляют свои чувства. Она так нервничала, что это даже мне было видно. А ты у меня молодец – хоть и волновалась, но сдерживалась. Ладно, я буду уроки делать, Фимка мне много заданий дал. – Слава хотел поскорее увести разговор в другое русло. Разве можно сравнивать мам...

Он разложил учебники на кухонном столе – это было его любимое место для уроков. Пусть мама в комнате телевизор смотрит. А если она на кухне, то опять же неплохо – то чай нальет, то пирожок подсунет. Правда, сегодня он бы с удовольствием остался один – ему подумать надо. Подумать о вчерашнем.

Но мама то выйдет из кухни, то опять зайдет, посмотрит на Славу и опять выйдет... Наверное, поговорить хочет. Ну, никак сегодня не получится побыть одному. Наконец, мама налила чай Славе и себе, положила варенье в розетки и задумчиво сказала:

– Да, наверное, они все-таки беспокоятся за своих детей больше.

– Кто они?

– Еврейские мамы. Мы же о них говорили. Любят они своих детей так же, как и другие мамы, а вот беспокоятся и трясутся над ними больше. Помнишь, у тети Кати в деревне летом жили, когда ты маленький был? Там кошка окотилась и лежала в сенях на подстилке с котятами, вылизывала их. А тетя Катя говорит: "Когда котята подрастут и начнут ползать повсюду, мы можем нечаянно на них наступить. Надо их отсюда убрать. Деточка, возьми вон ту картонную коробку, положи туда котят и снеси во двор за сарайчик. Пусть там в коробке и лежат пока". Только ты хотел взять котят, а кошка ка-ак прыгнет на тебя – ты и упал от неожиданности. Тогда дядя Никита взялся за эту операцию. А кошка вокруг него так и вьется вьюном, так и вьется – то царапать бросается, то скулит и плачет, вроде как умоляет: "Пожалей моих деток, не отнимай, не губи". Помнишь? Так и твоя эта Шрайбер или как там ее за сыночка беспокоится – как бы кто не обидел.

Я тебя как воспитывала? Не баловала, никаких телячьих нежностей... Подрался во дворе, правда, это очень редко бывало, – ну что ж, пацан ведь. А еврейские мамы оберегают своих деток, боятся за них очень. Поэтому у многих из них мальчики вырастают мягкие, за себя постоять не могут.

– Мам, а чего евреи боятся, почему они все время думают об опасности? – спросил Слава, вспомнив тревожный взгляд Фимы.

– Ну что, сам не знаешь что ли? Во все времена им и доставалось больше всех, и виноватыми их всегда считали больше других... За что? Может, из зависти. А может, потому, что в любом месте их за чужаков держат. Во многих странах живут – и везде чужие... Не знаю даже, отчего так происходит. Трудно объяснить. Наверно, никто не сможет сказать.

Вот я тебе про твоего дедушку скажу, как он вообще о людях и о жизни думал. Ну так, коротко. Дедушка Толя, мой папа, был большого природного ума человек. И такое глубокое чувство справедливости… Ты же хорошо помнишь его... Он мне с детства старался привить свои взгляды на жизнь. Теперь о таких высоких отношениях между людьми, как любовь… понимаешь, в широком, подлинном смысле слова… как сострадание, равенство и братство всех, кто живет на земле, какого бы вероисповедания и цвета кожи они ни были, – теперь о таких материях если и говорят, то со снисходительной улыбкой, порой даже с насмешкой. Это, видите ли, устаревшие, замусоленные понятия, и нынче звучат они слишком напыщенно.

Но вот смотри, отстранись от нашей сегодняшней жизни. Ведь много в мире верующих, а самые священные заповеди каждой веры призывают именно к добрым чувствам. Или вот возьми идеи коммунизма. Ну, жить бы по таким законам – так на земле давно бы уж рай наступил! И я не знаю, убей Бог, не знаю, почему на самом деле нельзя построить справедливое общество. Кто может ответить? Я думаю, никто...

******

Создать справедливое общество будущего пытались многие.

Еще в Древней Греции Гесиод (первый исторически достоверный древнегреческий поэт VIII—VII веков до н. э.) мечтал о возвращении минувшего «золотого века», когда счастливые люди не знали неравенства, собственности и эксплуатации. О справедливом политическом устройстве общества спорили греческие и римские философы. Платон в 360 г. до н. э в своей работе «Государство» осуждал частную собственность и теоретизировал об устройстве идеального государства.

Вспомним утопистов: Томас Мор, Шарль Фурье, Анри Сен-Симон, Роберт Оуэн...

А вот эксперименты наших дней:

– израильские сельскохозяйственные общины – кибуцы и мошавы.

– индийский «город Рассвета» – Ауровиль заложенный 28 февраля 1968 года на юге Индии.

Это социальный эксперимент под эгидой ЮНЕСКО и Индийского правительства. (Слава с мамой об этом городе не слышали, они узнали о нем только в начале следующего тысячелетия.)

******

Мама сидела, подперев кулаком щеку, задумчиво вглядываясь в своё далекое прошлое.

– Но дело не только в этом, – вернувшись из другого времени, продолжала мама. – Я помню, как папа гордился знаменитыми на весь мир русскими фамилиями! Хотя знал все недостатки русского народа. Больше всего ненавидел пьянство и зависть. Он был настоящий русский патриот! Да! Именно поэтому и другие народы никогда не унижал! Вообще не разделял людей по национальностям... Что-то мне сегодня так живо отец вспомнился… Удивительной порядочности был человек… Я стараюсь относиться к людям, как он учил. Да и твой дедушка Миша был человеком редкого благородства... Ну, ладно, пора спать, – улыбнулась она Славе и начала убирать посуду со стола.

Слава тоже собрал свои учебники и вдруг, неожиданно для себя самого, подошел к маме, хотел поцеловать ее в щеку, но, без привычки к проявлениям нежности, промахнулся и попал куда-то между виском и ухом. Мама замерла от такого негаданного счастья. Потом оба смутились, радостно заулыбались и молча пошли спать, чтобы не расплескать это (такое редкое в последнее время!) единение душ.

Четыре года назад Полина похоронила мужа. У нее это были пятые похороны за два года. Пятеро самых близких людей ушли из жизни – мама, папа, свекор, свекровь и муж. А такая счастливая была семья!..

Сердце ее высохло и сжалось. Она жила без эмоций, как робот, совершала какие-то необходимые действия – ходила на работу, готовила, убирала, занималась прочими домашними делами… Вечером короткие, сухие вопросы и такие же короткие ответы сына: "Как дела в школе?" – «Нормально», "Поздно не приходи" – «Ладно», "Когда будет родительское собрание?" – «Еще не сказали». И все.

Так и жили, молча и с болью. А сегодня первый раз за четыре года поговорили как родные, сердца оттаяли. И неважно, на какую тему они говорили – какая разница, о чем? Главное – они **говорили!** И этот неуклюжий поцелуй в висок значил так много! И кончилась зима в доме, и началась весна. Может, об этом говорила Девочка, когда обещала Славе счастье?

Глава третья

Историю семьи Славы начнем с его прадеда Савелия. Прадед… Очень немногие из нас знают историю своей семьи, ну, скажем, хотя бы поколений пять назад.

******

О, сколько их, единственных,– несметно!–
Гостило на земле
И сгинуло, казалось бы, бесследно,
В тысячелетней мгле.

И я, как все, не больше чем прохожий,
Окликнутый на миг,
Но и во мне, неповторимо, Божий
Запечатлелся лик…

*(**Ростислав Дижур**)*

******

Прадед – это, в лучшем случае, самый дальний предок, о котором какая-то часть нашего народа знает со слов дедов и родителей. В лучшем случае! А то дедом все и ограничивается. Не говоря уж о такой редкости, как записи истории своего рода, начатые далекими предками и продолжаемые из поколения в поколение.

******

*Между тем, в бывшей Российской империи родословные были чтимы, существовал официальный «Гербовник», была «Родословная книга», были «Столбцы» – перечни старейших родословий, и записанные там являлись «столбовыми дворянами». Дворянство впитывало в себя людей разного национального происхождения, и в так называемой «Бархатной книге», реестре древнейших родов – от Рюрика, есть немало славных фамилий, в том числе, как утверждают старые справочники, литовцев, евреев, шведов, греков… Не стану утомлять вас перечислением шотландских предков Лермонтова или сведениями о том, что род историка и писателя Карамзина произошел от татарина Кара-Мурзы. (**Виталий Коротич**)*

******

Итак, Савелий Семионов, начало XX века. Село Антоновка вблизи уездного города Н-ска было, по российским меркам, не так уж далеко от Москвы – чуть более 200 верст на юго-запад от нее. Савелий – поп, по советской терминологии – "служитель культа". Был он очень честный, добрый и справедливый, всегда говорил то, что думал. Например, он считал, что все религиозные секты, ну, разные там баптисты, пятидесятники, иеговисты, молокане и другие, не должны конфликтовать между собой. Если люди живут по Божьим законам, соблюдают Божьи заповеди – не убий, не воруй, уважай родителей и т. д., – не проповедуют зла и насилия и, тем более, читают одну и ту же Библию, то неважно, как они молятся, как крестятся, как украшают или не украшают свой молельный дом, они не должны враждовать, а жить в мире.

Церковное начальство за такую крамолу его не жаловало, оттого и послало отца Савелия в самое бедное село, в самый бедный приход.

******

В конце XIX века большой популярностью пользовался истинно святой человек отец Иоанн, настоятель собора в Кронштадте. Сюда стекались простые люди: безработные, нищие, бездомные, люди

"второго сорта", изгнанные из столицы. Отец Иоанн открыл для них мастерские, больницу, столовую, ночлежный дом и т. д. Он совершал богослужения, проповедовал, исповедовал, прикосновением рук лечил больных, добрым словом возвращал преступников на путь истинный, совершал и другие благие дела... Слава о нем разошлась по всей стране.

В 1890 году в Харькове заболела некая женщина, оставшаяся вдовой с семью детьми. Добросердечная соседка уговорила ее пойти к знаменитому проповеднику отцу Иоанну Кронштадскому, который находился проездом в их городе. Церковь и площадь были переполнены, но вдова все-таки сумела подойти к святому отцу. Она еще ничего не попросила, он только посмотрел на неё и сказал: "Я знаю, что вы еврейка, но вижу в вас глубокую веру в Бога. Помолимся вместе Господу и Он исцелит вас от вашей болезни"… Месяц спустя она была совершенно здорова.

Мы не всегда можем проследить за тонкими связями соединяющими разных людей, не можем понять, как слова, идеи, духовная энергия одного человека, пронзая города и эпохи, влияют на другого человека...

Через 45 лет у этой женщины родится правнук – Александр Мень.

(По материалам книги Ива Амана "Отец Александр Мень")

******

Во время еврейских погромов в своем селе Антоновка отец Савелий прятал раввина с семьей и односельчан-евреев у себя в доме. Женщин и детей – в подвале, а мужчины сидели в задней комнате, бледные и притихшие. Он выходил к погромщикам – строгий, высокий, красивый, с большим крестом на груди – и произносил такие проповеди, что все плакали: и разбушевавшиеся, было, крестьяне у крыльца, и евреи в комнате. А под конец он говорил: "Идите все домой с Богом, я буду за вас всю ночь молиться, благодарить Всевышнего, что уберег вас от самого страшного греха – греха убийства".

******

Темна Россия и забита:
Тираны, войны, недород…
К чему клеймо антисемита
Тебе, страдающий народ? ***(Н.А. Бердяев)***

******

И, слава Богу и спасибо проповедям и влиянию отца Савелия, погромы у него в селе были редки, не очень злобные и быстро сходили на нет.

Еще учась в семинарии, Савелий подружился с другим учеником – Афанасием. Стали они неразлучными друзьями. Эти двое чувствовали удивительное родство душ, понимали друг друга с полуслова. Бывало, не соглашались, обсуждая какой-либо эпизод из Библии, а то и моральные стороны жизни, но всегда уважительно относились к мнению друг друга. Однако по тем сомнениям и вопросам, которыми терзался Афанасий, Савелий почувствовал его колебания в вере. И тогда он решил отправиться с ним в Кронштадт послушать проповеди святого отца Иоанна Кронштадтского.

******

Андреевский собор, вмещавший до 5000 человек, был полон, а потому очень долго шло причащение и литургия. Божественная литургия, совершенная о. Иоанном, не поддается описанию. Служба о. Иоанна представляла собою непрерывный, горячий молитвенный порыв к Богу. Во время службы он был воистину посредником между Богом и людьми, ходатаем за грехи их, живым звеном, соединявшим Церковь земную, которую он представлял, и Церковь небесную, в которой в те минуты витал его дух…

(Сайт Русской Православной церкви)

******

Друзья были под большим впечатлением от увиденного и услышанного. И хотя Савелию показалось, что дух Афанасия окреп, но сомнения все-таки грызли друга. В конце концов Афанасий уже перед самым окончанием учебы, сказал, что не может лицемерить. Раз потерял веру, то быть попом не имеет права. Нельзя проповедовать, нести людям слово Божье без настоящей веры, без искры в душе. Ушел в мирскую жизнь.

Все тогда осуждали Афанасия, отвернулись от него, но не Савелий. Он поддерживал с ним дружеские отношения, навещал, когда случалось быть в городе. Афанасий тоже бывал у Савелия – на крестинах сына, на отпевании жены и еще несколько раз после гражданской. Обычно друзья сидели долго, за полночь, вспоминали молодые годы, учебу, споры, знакомство с Лидией, на которой женился Савелий перед окончанием семинарии.

Лидия росла в большой дружной крестьянской семье. Детей было восемь: старший брат, потом шесть сестер – Лида последняя – и самый младший любимый братик. Они были с Лидой погодки и очень близки. Старший брат любил двух младших больше всех и нежно заботился о них. Во время русско-японской войны его тяжело ранило. Долго мыкался по госпиталям, пока, наконец, не перевели в недавно созданное Сергиево-Елизаветинское убежище – хороший госпиталь, с заботливым уходом медсестер и монахинь.

******

Вторая дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы, внучка английской королевы Виктории – Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская родилась 1 ноября 1864 года.. Семеро детей герцога воспитывались матерью в традициях старой Англии: простая одежда и еда, посильная домашняя работа. Мать старалась вложить в их сердца любовь к ближним, особенно к страждущим.

В 1884 году Елизавета венчалась с будущим генерал-губернатором Москвы великим князем Сергеем Александровичем, сыном Александра II и братом Александра III. (Её младшая сестра Алиса, выйдя замуж за российского императора Николая II в ноябре 1894 года, стала российской императрицей Александрой Фёдоровной.) В 1891 году Елизавета приняла православие. Через год создала Елизаветинское благотворительное общество.

4 февраля 1905 года Великий князь Сергей Александрович был убит террористом Иваном Каляевым.

В 1907 г. в память о муже Великая княгиня Елизавета Фёдоровна создала Сергиево-Елизаветинское убежище в подмосковном селе Всехсвятское, рядом с Храмом Всех Святых (ныне – московский район Сокол). В этом убежище нашли приют и заботу, обучались новым профессиям увечные воины-инвалиды – герои русско-японской войны, в том числе Георгиевские кавалеры, дети-сироты, потерявшие родителей в войне 1904-1905 годов. Кроме Сергиево-Елизаветинского убежища, Великая княгиня Елизавета Фёдоровна в 1909 году учредила Марфо-Мариинскую Обитель Милосердия на Большой Ордынке. Поселившись в обители, Елизавета Фёдоровна стала монахиней, вела подвижническую жизнь: ночами ухаживала за тяжелобольными или читала Псалтирь над умершими, а днём трудилась наряду с сёстрами милосердия, обходя беднейшие кварталы и Хитров рынок – самое криминогенное место тогдашней Москвы, вызволяя оттуда малолетних детей. (***Константин Михайлов. Москва, которую мы потеряли.)***

******

И только попав в этот госпиталь, старший брат известил своих родных, где находится. Родителей уже не было в живых, старшие сестры жили своими семьями. Снарядили Лидочку с братом – благо, дорога не столь уж дальняя – Подмосковье. Но – вот горе-то! – не успели. Старший брат скончался, не дождавшись радости повидать родных.

При этом убежище находилось Сергиево-Елизаветинское кладбище для героев русско-японской войны, а при кладбище – кирпичная часовня, где отпевали умерших воинов. Лидочка с младшим братом, придя на кладбище, увидали свежую могилу старшего.

В это время туда же пришли и семинаристы – помолиться в часовне, поправить кое-где могилы. Среди них были два закадычных друга – Савелий и Афанасий. Они сразу обратили внимание на нежную, юную, скромно одетую девушку, которая не голосила, не причитала, как другие бабы. Только крупные слезы катились по бледному лицу... Ее поддерживал парнишка, очень похожий на нее, сразу видно – брат. Савелий, не выдержав вида этой горестной картины, подошел и стал утешать девушку.

Она рассказала: “Вот, мол, не успели попрощаться с любимым братом, а он, наверно, ждал. Каждый день, наверно, на дверь смотрел, думал, сейчас дверь откроется – и мы с братишкой войдем. А раньше не писал, потому что лежал в госпиталях за Уралом, знал, что нам бы не добраться так далеко”.

Савелий утешал, как мог, посоветовал, какую молитву читать каждый день весь год, а потом – раз в неделю. Сказал, что через полгода заканчивает семинарию. Девушка опустила голову и покраснела. Всем известно, что к окончанию семинарии, перед распределением по приходам, молодой поп должен быть женат.

Если семинарист говорит молодой девушке, что он скоро заканчивает семинарию, значит, намекает кое на что. Но Савелий сказал просто так, без всякого намека и даже не сразу понял, почему девушка покраснела.

Афанасий в это время говорил с братишкой Лиды. Тогда на обратном пути Афанасий признался другу, что окончательно разочаровался в религии и сомневается, есть ли Бог.

– Как может Всевышний допускать убийства, войны?! Посмотри, сколько молодых невинных душ загублено, сколько калек, без ног, без рук!.. За что они должны друг друга убивать? Почему Он это допускает?

Ну, к примеру, отец видит, что два сына дерутся, разве он их не остановит?

– Я так думаю, – прищурившись, сказал Савелий, – если отец видит, что два сына дерутся, он им обоим должен подзатыльников надавать и развести в разные стороны.?

– Должен, конечно.

– Так эти жертвы и калеки – это-то и есть от Него подзатыльники. А люди этого понять не могут или не хотят. Вот Каин убил своего брата Авеля. Первое убийство тогда произошло. За грех этот смертный и наказал Он Каина – это был человеку первый подзатыльник. А потом уж сколько крови пролилось...

Два дня Савелий ходил как в воду опущенный. Наконец, Афанасий пристал к нему с прямым вопросом:

– Ты о той девушке думаешь?

Савелий кивнул:

– Я даже не спросил, как ее зовут, из какого села. Как теперь ее найти? Болван я полный.

– Ну, насчет болвана, так я особо с тобой спорить не буду, – улыбнулся Афанасий, – но помочь могу. Просто не понимаю, что бы ты без меня делал. Запомни на всю жизнь, что это я устроил твое счастье, – сказал Афанасий, с торжеством протягивая другу записку с адресом. Он видел, как понравилась Савелию эта девушка, поэтому все и выведал у ее брата. Да много ли надо – имя и название села.

Савелий женился на Лидии, получил приход, потом его перевели в другой, победнее, потом в 1910 году родился у Савелия сын Мишенька, которого он назвал в честь архангела Михаила. С Афанасием поддерживал теплые, дружеские отношения, навещали друг друга.

Во время мировой войны ушел добровольцем на фронт младший брат Лидии. Воевать за Отечество – это честь, говорил старший брат, и младший, следуя его заветам, не мог остаться в стороне, когда Родина в опасности. Тяжелораненый, он из госпиталя дал знать сестре, и она немедленно отправилась в путь с мужем и 5-летним Мишуткой. Успели... Брат умер у нее на руках, получив благословение Савелия и благословив их сам. Был похоронен на Всехсвятском Братском кладбище, что недалеко от Сергиево-Елизаветинского кладбища, т.е. поблизости от старшего брата.

******

Историческая справка*: Около Храма Всех Святых 15 февраля 1915 открылось Московское военное Братское кладбище – Всероссийский памятник героям войны 1914 года. Этот уникальнейший Братский некрополь тоже был создан по инициативе великой княгини Елизаветы Федоровны. Всего в годы Первой мировой войны на военном Братском кладбище погребено 17340 нижних чинов, 580 офицеров, 38 общественных деятелей, 23 сестры милосердия и 14 врачей. При этом не были забыты воины других, не православного, вероисповеданий. На особых участках Братского кладбища похоронены российские воины католического, мусульманского, иудейского, буддистского вероисповеданий. Разделенные верой, они были объединены тем, что отдали жизнь за Общее Отечество – Великую Россию.*

******

В 1918 году умерла жена Савелия – попадья Лидия. Каждый день они с маленьким Мишей молились за упокой ее души. После похорон Лидии Афанасий долго шептался с Савелием, рассказывая ему об ужасах, творимых новой властью в Н-ске и Москве, где он изредка бывал.

– Ты помнишь протоиерея Иоанна Восторгова, настоятеля Собора Василия Блаженного на Красной площади? Так его 5-го сентября у кирпичной ограды Братского кладбища расстреляли. А еще Ефрема Кузнецова, викария Забайкальского. Его тоже... Мы с тобой его не знали, но, кто знал, говорят, святой был человек. Многих там расстреляли – бывших министров, председателя Государственного совета, сенаторов… А еще знакомые москвичи рассказывали такое: священник Заозерский, осужденный за противодействие ограблению храмов, когда его вывели из суда на Лубянскую площадь в Москве, широким крестом крестил приветствовавшую его толпу. Обритого и остриженного, его вместе с иеромонахом Чудова монастыря Телегиным из города Шуи и тремя другими духовного звания застрелили на Лубянке.

******

Ночами по улицам, по общественным местам, по квартирам жилых домов Москвы и других городов проводились облавы. Набирали заложников по «социальному» признаку… Их раздевали до нижнего белья, сажали в грузовики и везли на Братское кладбище, в Малую Всехсвятскую рощу и на Ходынское поле.

В период с 1918 по 1920 годы на Братском кладбище и в окрестностях были расстреляны десятки тысяч россиян. В основном, это представители интеллигенции: офицеры, чиновники, учителя, врачи, инженеры, техники, юристы, журналисты, студенты, гимназисты. Это одно из мест самых массовых захоронений жертв красного террора в Москве.

(Из летописи Братского кладбища героев Первой мировой войны.)

******

– А само Сергиево-Елизаветинское убежище было разгромлено большевиками и закрыто. Но кладбище не уничтожили… пока, – грустно добавил он. – Я навестил могилы Лидиных братьев. Погребения в земле не затронули, только многие надгробья порушили. Детей-сирот и воинов-инвалидов выбросили на улицу. Уму непостижимо, чем новой власти мешали герои-инвалиды и сироты... Многих монахинь и служителей убежища арестовали, и больше о них ничего не известно.

Через некоторое время Афанасий сообщил Савелию о том, что императора Николая II и его семью расстреляли в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, а на следующий день 18 июля великая княгиня Елизавета Федоровна и другие члены дома Романовых и близкие к ним люди приняли мученическую смерть. В 18 км от города Алапаевска у рудника Нижняя Селимская, в одну из шахт были сброшены их тела. (*Прошло чуть более 90(!) лет и 8 июня 2009 года Генеральная прокуратура России* ***посмертно реабилитировала*** *всех убитых под Алапаевском*...)

******

«Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора»

(М. Лацис – Ян Судрабс – зам.пред.ВЧК. "Красный террор" 1 /XI/1918 г.)

******

В 1920 году новые власти переименовали Сергиево-Елизаветинское кладбище в кладбище «Арбатец», чтобы стереть всякую память о героях Русско-японской войны и самом убежище.

Глава четвертая

Великий художник-реалист Илья Репин с огромным уважением писал картины из жизни трудящихся людей, но никогда не намеревался доверить героям своих «Бурлаков на Волге» управление Россией. После того, как в его мастерскую несколько раз подряд врывались пьяные мародеры с ура-революционными воплями, художник покинул страну.

У композитора Сергея Рахманинова грабители несколько раз вышибали двери, а любимый рояль вытолкнули в окно, чтобы послушать, как он брякнет о мостовую. После этого композитор предпочел уехать. Народный артист Федор Шаляпин поглядел-поглядел на всё это и тоже уехал. Не стану напоминать вам, по каким удаленным от Родины погостам рассеяны прахи писателя Ивана Бунина, балерины Анны Павловой, антрепренера Сергея Дягилева, художника Константина Коровина, скульптора Александра Архипенко, создателя телевизора Владимира Зворыкина, авиаконструктора Игоря Сикорского, композитора Игоря Стравинского и множества других детей ошалевшей страны…

…Осенью 1922 года из страны без всяких судов и следствий был выслан на пароходе 161 человек, элита тогдашней интеллигенции: ректоры Московского и Петербургского университетов, крупнейшие ученые, журналисты, писатели, философы – Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский, Ф. Степун, Н. Булгаков, П. Сорокин… С каждого брали подписку, что он никогда не вернется – при возвращении смельчакам грозил расстрел на месте. ***(Виталий Коротич)***

В другой статье тот же автор писал:

Расправа над интеллектуальной элитой была задумана задолго до высылки – в известном письме М. Горькому, отправленном еще в сентябре 1919 года, Ленин пишет, что интеллигенция – это «не мозг, а говно нации». Самого себя он, исходя из заявленного, видимо, к интеллигентам не причислял.

******

"Чуждые народу элементы" высылали из России пароходами, поездами. Надо сказать, что этим людям здорово повезло – они лишились только родины. Оставшиеся же в России выдающиеся люди страны вскоре были лишены жизни.

Потом повсюду начались разные революционные беды – конфискация имущества, разорение церквей, аресты. Савелия долго не трогали, но вот наступил тот страшный день начала лета 1923 года – приехал комиссар с двумя солдатами. Крестьяне стояли вокруг крыльца и хмуро молчали. Они хотели бы защитить своего, как они между собой называли, "святого Савелия", но не знали как. Его проповеди имели такую силу,

что, если бы он захотел, мог бы поднять этих людей на бунт, но он этого не сделал. Он только спросил разрешения у комиссара пойти помолиться в последний раз перед святыми иконами (“пока их не обесчестили” – подумал он про себя). Комиссар вскипел было, но побоялся враждебно молчащих крестьян. “Только быстро!” – скомандовал он.

Савелий предвидел арест – борьба с религией была в разгаре. На всякий случай он заранее приготовил один узелок для себя, другой – для сына и адрес своего друга Афанасия, который жил в городе.

В последнее время Савелий много думал о том, как спасти Мишеньку. Все его мысли были только об этом. Но, сколько он ни думал, все сходилось на том, что, кроме как к Афанасию, обратиться не к кому. “Хотя, – размышлял Савелий, – прошло уже довольно много времени, как мы с ним виделись последний раз... Кто знает, как изменила его новая власть? Может, он стал большим начальником или даже комиссаром?.. Нет, – решил он все же, – никогда Афанасий не продаст душу дьяволу. Верит он в Господа или не верит, но порядочнее друга нет”. Савелий сердцем своим чутким знал, что на друга можно положиться. Поэтому в узелке сына лежал адрес Афанасия.

В комнате отец Савелий поцеловал Мишеньку и велел ему бежать к кузнецу Ефроиму – тот спрячет и переправит к Афанасию в город. Перекрестил сыночка и выпустил в окно. Передал узел и спросил, осилит ли он, ведь узел немаленький.

– Конечно, донесу. Своя ноша не тянет – так матушка говорила.

При упоминании матушки в эту горькую минуту у Савелия стал комок в горле, а у Миши выступили слезы. Оба подумали: хорошо, что она не дожила до этого страшного дня. Отец, опасаясь показать сыну свою слабость, махнул напоследок рукой и отошел от окна. У него было всего несколько минут для прощания, на молитву уже не оставалось времени. Он аккуратно снял иконы, поцеловал и, мысленно прося у Господа прощения, завернул в чистую наволочку, потом в мешковину и опять подошел к окну. Он ждал соседку Марию. У них был уговор: если за батюшкой придут, она побежит огородами к его окнам, примет иконы, чтобы спасти их от охальников-большевиков. Савелий перегнулся через подоконник, осторожно спустил мешок с иконами на землю. В это время, запыхавшись, прибежала тетка Мария. Отец Савелий шепнул ей, чтобы завернула иконы в хорошо промасленную тряпку, а потом снял свой большой красивый крест и тоже положил к иконам: "Все равно комиссары отберут". Тетка Мария обещала все сохранить, а когда кончатся эти смутные, грешные времена, обязательно вернуть и иконы, и крест ему или Мишеньке. У отца Савелия было мало надежды, что все это сбудется, но тетка Мария говорила так убежденно... Очень хотелось верить.

Он надел свой старый простой деревянный крест, вышел на крыльцо и низко поклонился всем односельчанам:

– Прощайте, не поминайте лихом, простите, если что не так.

Комиссар велел ему молчать, не митинговать. Но отец Савелий уже ничего не боялся. Со своего высокого крыльца он заметил мелькнувшую за избой-читальней тетку Марию с его драгоценным мешком, видел стоящую поодаль испуганную группу еврейских семей. Кузнеца Ефроима среди них не было. “Это хорошо, – подумал Савелий, – значит, он в кузнице”.

– Живите с Богом, не делайте зла никому, берегите свою душу, – оставил людям свой завет отец Савелий.

Тем временем Миша прибежал в кузницу. Ефроим был там, но не работал по причине субботы. Просто сидел и думал. О многом думал этот еще не старый еврей в нынешнее опасное время...

Увидев поповского сыночка, Ефроим все понял. Привел его в избу и сел со своей Сарой держать военный совет – что делать дальше. Миша объяснил, что ему надо только добраться до города, а там он постарается найти дядю Афанасия. Военный совет велся на идиш, но мелькали и слова, которые Миша понимал. Когда люди живут рядом, общаются, покупают и продают друг другу, дети вместе играют, вместе учатся в школе, то невольно усваивают самые распространенные слова и фразы соседей. Неудивительно, что и Миша немножко понимал идиш.

Когда шабес кончился, закипела работа. Сара раздела Мишу, отдала белье старшей дочери стирать и решила сначала подстричь его, потом искупать. А чтобы ровно подстричь, в селе был простой способ: на голову надевали глиняный горшок, и все, что виднелось из-под горшка, надо было состричь. Старшая дочка стала возмущенно что-то быстро-быстро говорить матери на идиш, размахивая мокрыми от стирки руками. Тетя Сара что-то отвечала, также эмоционально жестикулируя. Эта "пантомима" значительно облегчала понимание того, о чем шла речь.

Миша вспомнил, как Афанасий, когда гостил у них, был весел, с аппетитом поедал матушкино угощение и рассказывал анекдоты. "Знаю, знаю, Савелий, помню – похабные анекдоты нельзя, про евреев нельзя, про татар нельзя, про религию тоже нельзя". Но все-таки ему удалось вставить фразу из анекдота о том, как одна еврейка говорит другой: "Я не могу сейчас с тобой разговаривать – у меня руки заняты".

Вот и сейчас, видя их жесты и понимая некоторые слова, Миша уловил общий смысл спора. Дочка тети Сары возражала, чтобы мать надевала горшок "*гою*"(не еврею) на голову, потому что тогда горшок перестанет быть кошерным. А мать отвечала, что, мол, ничего страшного – надо потом потереть горшок золой, и все будет как положено. Ведь зола всё очищает. Миша стеснялся, что стал причиной этой перепалки и просил не беспокоиться из-за него. Но тетя Сара была неумолима, – она лучше всех знала, что и как надо делать. Не прерывая своей работы, она дала какое-то указание Ефроиму, которое он побежал исполнять.

Назавтра был воскресный, следовательно, базарный день. Плотник Захар делал на продажу деревянные ложки, игрушки, скамеечки и, в тесном сотрудничестве с кузнецом, стиральные доски и другую хозяйственную утварь. Вот к нему и пошел Ефроим напроситься назавтра в попутчики, потому что у него, дескать, есть на продажу грабли и лопаты. Сара строго-настрого наказала о Мише не говорить.

Захар не возражал – вдвоем вроде и веселее, но предупредил, что выезжает затемно, часа в два ночи, а обратно – не позже полудня: “А то бандиты нынче грабят тех, кто на ярмарку едет, часов в 6 утра, а тех, кто с ярмарки с деньгами, – часов в 5 вечера. Поэтому надо ехать так рано”. Ефроима это вполне устраивало.

Сара велела Ефроиму и Мише лечь спать, а сама собралась дежурить и разбудить их вовремя. Но прежде чем идти спать, Мише хотелось на прощанье немного посидеть во дворе на лавочке, посмотреть на родное село. Сердце щемило – доведется ли еще когда увидеть родные места? Сел с ним и Ефроим.

Летняя ночь была необыкновенно хороша. Мерцающие звезды, тонкий серпик луны. Торжественно и тихо было под небесным сводом Божественного храма природы. Миша думал о том, как любил отец смотреть в это бархатное вечернее небо, как часто они вдвоем сидели вечерами на крыльце своего дома... Перехватило горло...

Мудрый Ефроим погладил мальчика по голове:

– Помолись, Мойшеле, помолись, не стесняйся. Я тоже буду молиться за отца Савелия.

И они стали молиться – каждый своему Богу. Мальчик просил Всевышнего сохранить и помиловать его отца, вернуть его живым и невредимым. Он стоял на коленях, бил поклоны и истово крестился. А еще не старый, но уже измученный жизнью Ефроим, раскачиваясь, молился своему суровому Богу. Он просил сохранить жизнь и здоровье "служителю культа", "*гою*", "святому Савелию" – самому благородному и достойному человеку из всех, кого он, Ефроим, знал. “Уж я, поверь, Господи, многих повидал на своем веку и научился разбираться в людях”.

А Всевышний грустно взирал на творящееся на земле безобразие… Небо, как всегда, было безразлично к земным делам. Люди на всем белом свете страдали и радовались, любили и ненавидели, рождались и умирали…

В два часа ночи приехал заспанный Захар. Сара и Ефроим погрузили лопаты, грабли, ухваты и прочий товар для продажи. Убедившись, что Захар не оборачивается, Сара жестом показала Мише, чтоб молчал, подсадила его в телегу, заслонив узлом, который собрал ему отец. Там были валенки, тулупчик, свитер, маленький молитвенник, две смены белья, кусок мыла, баночка засахаренного меда и кулек с сухарями.

Ехали молча, каждый думал о своем. Умная, несчетное количество раз прошедшая эту дорогу лошадь, знала, куда ехать. Захар, жалея ее, не погонял и, видимо, дремал. Летние ночи короткие, небо начало светлеть, когда они въехали в город. На подъезде к базарной площади Ефроим дал Мише знак, и мальчик соскочил с телеги, да встал так, чтобы Захар его не видел.

– Слушай, Захар, мне тут надо одного знакомого навестить, я отлучусь, а ты не спи, за товаром следи. Скоро буду.

И Ефроим быстро, чтобы не было расспросов, ушел. Выйдя с базарной площади, они пошли искать заветный адрес. Ефроим получил от Сары не только подробные наставления, но и вкусные гостинцы для Афанасия. Наконец, они оказались перед нужным домом. Сели на скамейку на другой стороне улицы и стали ждать рассвета – негоже в воскресный день будить людей в 6 утра.

Вот на улице стали появляться редкие прохожие. Ефроим оглядывался по сторонам, будто кого-то выискивал.

– Дядя Ефроим, я думаю, уже можно. Давайте я пойду, я помню даже его квартиру, хоть и маленький был, когда мы с папой к нему приходили. При слове "папа" у Миши тоскливо сжалось сердце, и он сник.

– Подожди, не торопись, а вдруг он квартиру сменил. Сарочка моя – умная женщина, она сказала, как надо поступить, – остановил его Ефроим, продолжая что-то или кого-то искать глазами.

В это время из подвала дома, за которым они наблюдали, вылез, потягиваясь, беспризорник. Это был мальчик на вид лет 10, чумазый, рваная одежда на нем болталась. Чье сердце не дрогнуло бы при взгляде на этого ребенка? Но беспризорников было так много, что сердца черствели и не трепетали...

Увидев пацана, Ефроим перестал оглядываться и поманил его пальцем. Беспризорник, не торопясь, вразвалочку, перешел дорогу. Он уже много повидал в своей короткой жизни и даже стал в некотором смысле

философом, но такую странную пару – старого еврея с бородой и чистенького русского паренька с грустным лицом – он видел впервые и не мог придумать, кем они друг другу приходятся.

– Молодой человек, – вежливо начал Ефроим, – во-первых, доброе утро, а во-вторых, так я так думаю, что вареная картошечка в мундире и посоленная сверху вам бы сейчас не помешала.

– Так что я вам должен за эту картошечку? – с деланым равнодушием спросил паренек, но было видно, какие у него голодные глаза.

– Ну, например, вы могли бы выполнить одно мое поручение, но выполнить его надо очень точно. В этом доме, в квартире номер 8, когда-то жил господин, то есть, извините, товарищ Афанасий. Вы должны, вернее, я прошу вас постучать в его квартиру, через дверь ничего не говорить. Только ему лично... Это очень важно, юноша, чтоб только ему лично, а если в комнате кто-то будет, надо сказать так, чтобы слышал только он.

– Да знаю я вашего Афанасия, хороший мужик. Другие норовят подзатыльник дать, а он – никогда. Добрый он, один раз мне булку дал, – перебил пацан. – Так что надо ему сказать?

Он торопился заработать картошечку.

– А сказать надо, что Михаил, сын его друга Савелия, сидит здесь на лавочке и просит разрешения увидеться.

Прошло несколько минут, но обоим они показались такими длинными! Ефроим подумал, что напрасно он сказал про "друга Савелия". Сейчас так опасно с кем-то дружить – дружба может обернуться бедой...

Но вот из подъезда вышел давешний пацан, за ним показался Афанасий. Это было забавное зрелище: маленький, грязный, с хитрыми глазками оборвыш держит за рукав огромного, слегка растерянного мужчину. Афанасий был высокий, габаритный, с гордой осанкой – ну, прямо Портос из “Трех мушкетеров”. Но для Ефроима и Миши это было совсем не забавно. Для них это была самая радостная минута. Афанасий крепко обнял Мишу, и тот, не выдержав напряжения последних суток, разрыдался у него на груди. Ефроим жестами показал Афанасию сесть на скамейку и успокоить мальчика, а сам, чтобы не мешать им поговорить, постарался увести любопытного беспризорника.

– Молодой человек, вы исключительно выполнили задание, и я думаю, что вы заслужили две картошечки, но… Тут есть такое "но". Картошечки, которые сварила моя уважаемая супруга, не любят грязных рук, они просто не терпят грязные руки. И, кстати, как вас зовут?

– Федя.

Все это Ефроим говорил, ведя пацана к колонке.

– Давайте здесь оба помоем руки.

– Во, дает! Картошка любит – не любит, терпит – не терпит. – Федя давал понять, что не маленький, сказками голову не заморочишь, но руки все же мыл. Чего не сделаешь ради еды! – У картошки не бывает чувств, – продолжил он и вдруг с воплями бросился к скамейке.

Он заметил крадущегося воришку, которого привлек узелок Ефроима с гостинцами для Афанасия и нехитрой закуской для путешественников, включая вышеупомянутую картошечку.

– Чего вы, раззявы, сидите, не см**о**трите?! Вас так и разденут, и разуют!

– Молодой человек, вы поступили крайне благородно и поэтому награждаетесь еще и малосольным огурчиком, лучше которых нигде нет, потому что их приготовила моя Сарочка.

Ефроим выдал пацану две картошки и огурец, усадив его на самый край скамейки, чтоб он не слышал их разговор. Афанасий приглашал их домой, но Ефроим отказался.

– У вас там соседи, не надо привлекать их внимание. Я вам скажу все наши с Сарочкой соображения, а вы, пожалуйста, думайте дальше сами. Миша, конечно, очень грамотный, ученый молодой человек, но к взрослой жизни не приспособленный. Каждый человек, особенно мужчина, должен иметь какую-то профессию в руках: портной, сапожник, а может, доктор или инженер, если есть возможность учиться. Но для Миши пока желательно поступить на завод учеником или в какой-нибудь техникум, если возможно.

Теперь важный момент – документы. Если вы захотите устроить Мишу куда-нибудь учиться или взять его к себе на завод, везде спросят документы. Так для этого случая, – продолжал Ефроим с таинственным видом, – можно устроить такой концерт. Пойдем к городской больнице, и вы, Афанасий, занесете туда мальчика и скажете: “Вот, шел, вижу – паренек лежит без сознания, я и принес его к вам”. А врачи спросят Мишу, как звать, кто такой, откуда? А ты, Миша, только головой мотай, ничего не говори, как будто ничего не помнишь. И тут вы, Афанасий, говорите врачу: “Если ничейный он, так я его заберу себе, приглянулся мне этот паренек”. И просите у доктора бумагу.

– Так, мол, и так, – шептал Ефроим, – напишите, уважаемый доктор, что неизвестный подросток лет 13-14 поступил в больницу такого-то числа, выписан такого-то. Сдан под ответственность гражданина Афанасия. И давайте, доктор, говорите вы, его пока как-нибудь назовем... Например, Михайло. А фамилию ему дадим... ну, скажем, Семенов. Пусть будет похожа на настоящую – Семионов, – сказал Ефроим, довольный своей

находчивостью. – А с этой бумажкой вы его куда-нибудь и пристроите. Но ни в коем случае нельзя, чтобы про отца Савелия узнали: говорят, что детей старше 14 тоже забирают, – закончил Ефроим.

– Да, похоже, что это хорошая мысль, – промолвил Афанасий после недолгого обдумывания “сценария” Ефроима. – У нас тут как раз открываются курсы слесарей при заводе, ребят набирают. Они там и учиться будут, и практику на заводе пройдут, и общежитие будет.

– Дяденька, и меня тоже устройте, а? – попросил обалдевший от такой перспективы Федя. Оказывается, он все слышал.

– Не волнуйся, дяденька, – умолял он встревоженного Ефроима, – я ничего никому не расскажу, вот ей-Богу! Что я, злодей какой? Я даже вам пригожусь: скажу, что я сам видел – лежал этот парень на земле без сознания.

Он говорил быстро, убедительно, с просьбой и надеждой в голосе. Ему так не хотелось расставаться с этими людьми, от которых веяло недоступной ему жизнью!

– Так ты еще маленький. Сколько тебе?

– Двенадцать.

– Да ладно врать-то! Тебе, наверное, и 10 еще не исполнилось.

– Что вы, дядя Афанасий, мне 11 было в прошлом году. А в этом 12 будет.

– Обратите внимание, как он хорошо торгуется, – пошутил Ефроим. – Вы ему 10, а он 12 и только чуть-чуть снижает, самую малость.

– Ну, ладно, я попробую, постараюсь, – Афанасий вспомнил детей-сирот, изгнанных из Сергиево-Елизаветинского убежища. Тогда он думал, что если бы была у него семья, усыновил бы одного-двух. И вот, сейчас сама судьба дает ему шанс если не усыновить, то хотя бы помочь парнишке.

– А у тебя какие документы есть?

– Так бумаги не проблема – меня два раза в милицию забирали, в детдом отправляли. У них можно документ стребовать.

– Чего ж ты тогда на улице, а не в детдоме?

– Так разве там можно жить? Кормят плохо, считай, почти и не кормят, повара все воруют, старшие пацаны бьют, все отбирают, учителя завсегда пьяные. Зиму там еще можно перетерпеть, а весной все разбегаются. Дядя Афанасий, пожалуйста, я буду очень стараться, я тоже хочу учиться!

Миша тоже стал с мольбой смотреть на дядю Афанасия.

– Ну, ребята, что вы на меня так смотрите, я же не Бог. Сказал постараюсь. Был бы я Богом, так навел бы на земле порядок, не допустил бы столько горя. – Произнося это, Афанасий, прищурившись, смотрел куда-то вдаль, как будто там, далеко находился тот, к кому он обращался.– Где справедливость? Как можно допустить, чтобы самые благородные и достойные люди страдали без вины! А ты, старик, тоже молишься, в Бога веруешь, а где он, ваш Бог, почему о вас не печется? Что скажешь, а? – повернулся он к Ефроиму. На самом деле Афанасий не ждал ответа, вопросы были риторические. – Поэтому я и ушел из семинарии.

– Неисповедимы пути... – шептал Ефроим, слегка раскачиваясь и закрыв глаза. Он молча молился и просил прощения у своего Бога за то, что слушал речи такого безбожника, просил за этих невинных детей, за самого богохульника, у которого, он видел, было доброе сердце. В глубине души, на самом ее дне неясно шевелилось не то чтобы сомнение, упаси Бог, но, скорее, недоумение: за что же можно наказывать безгрешные детские души или таких людей, как Савелий?

******

…Господи Боже милосердый! Ведь Ты же Великий, Всемилостивый и Справедливый! Какой же это порядок, что одному Ты даешь все, а другому – ничего? Одному – сдобные булочки, а другому – казни египетские! Однако, с другой стороны, думаю я, ты все-таки очень глуп, Тевье! Что это значит? Ты берешься указывать Богу, как миром управлять? Уж если Ему так угодно, значит, так и быть должно. Потому что, если бы должно было быть иначе, то и было бы иначе. А на вопрос, почему бы и в самом деле не быть по-иному, есть один только ответ: "Рабами были мы" – ничего не попишешь! На то мы и евреи на белом свете. А еврей должен жить верой и надеждой: верить в Бога и надеяться на то, что со временем, если будет на то воля Божья, все переменится к лучшему...". ***(Шолом-Алейхем)***

******

– Ну, ладно, хватит о религии, – прервал эту “дискуссию” Афанасий. – Давайте наш хитрый план выполнять. Вранье, конечно, не одобряется, но наша ложь – во спасение, так что мы будем следовать ей и добьемся нашей цели. Афанасий поднял со скамейки маленький, но сплоченный коллектив, и они пошли в больницу.

– Слушай, Ефроим, а ты иди на ярмарку, товар надо продавать, там твой односельчанин как бы чего не заподозрил. В больнице мы сами справимся, после придем к тебе на ярмарку и все расскажем. И не

волнуйся за Мишку, теперь я за него в ответе. А тебе огромная благодарность, мы с Мишей тебя вовек не забудем.

– Обязательно приходите, чтоб я все знал и Сарочке мог все подробно доложить. И еще у нас в телеге Мишин узел, надо его забрать.

Миша и Ефроим долго стояли обнявшись и молча прощались. У обоих было тяжело на сердце. Ефроим был добрый и мягкий, и, конечно, он растрогался. А Миша... Кроме признательности, он испытывал множество горестных чувств – прощание с детством, со своим недлинным прошлым, с селом, где прошла вся его маленькая жизнь, с человеком, который знал и уважал его отца. С кем он мог поговорить об отце?.. Отныне это запретная тема.

Ефроим вернулся на базар. Торговля уже шла вовсю. Примерно через час появились Афанасий и Федя, которые рассказали, что все в порядке. Ефроим требовал подробности, которых, в общем-то, было немного.

В приемной случайно оказался сам главврач больницы, пожилой, седой, с бородкой клинышком – ну, словом, из бывших. Он задал Мише несколько вопросов, пожал плечами и обратился к медсестре:

– Вера Васильевна, определите мальчика в палату. Я ничего серьезного у него не вижу, травм на голове нет, видимо, пережил какое-то потрясение. Накормите, дайте бром с валерьянкой, пусть поспит. В его возрасте сон – лучший лекарь. Я сейчас ухожу, постараюсь вернуться к концу дня, тогда посмотрю мальчика более внимательно. Вы остаетесь за старшую, пока меня нет. Слышите, – крикнул он кому-то за дверью, – Вера Васильевна сейчас за главврача.

Афанасий поспешил за доктором.

– Если вы его выпишете, можно я приду и заберу мальчонку, уж очень он мне приглянулся.

– Это очень благородно с вашей стороны, – доктор внимательно посмотрел на Афанасия снизу вверх. – Делайте, что хотите. Может, завтра меня здесь уже не будет...

Последнюю фразу доктора Ефроиму не сказали, чтобы зря не беспокоить.

– Дядя Афанасий, а ты заметил медсестру Веру Васильевну?

– С чего это я должен был ее заметить?

– А я видел, она на тебя глаз положила, ей-Богу. Ты мужчина видный, вот ты ей и понравился! – Федя был наблюдателен.

– Да перестань, Федор, ерунду молоть, – отмахнулся, смутившись, Афанасий.

Афанасий забрал Мишин узел с вещами, сказал, что отнесет домой, а потом займется вопросами их учебы или чем-то еще, на что у него есть свои соображения. А после всех дел вернется на базар за Федей, чтобы отвести его в баню и отмыть от вшей.

Глава пятая

Счастью Феди не было границ. Он стал петь частушки, которые тут же сам и сочинял. Потом от избытка чувств, чтобы вся его энергия не пропадала зря, стал плясать, кувыркаться, привлекая покупателей. Вокруг телеги Захара стал собираться народ. Федя постукивал деревянными ложками, как кастаньетами, танцевал и кружился с лопатой или граблями в руках, будто с партнершей.

– Бабулечка, дорогушечка, посмотри, какая удобная скамеечка! Вечерком, когда сидишь и вяжешь носочки внучику, поставишь свои ноженьки усталые на скамеечку и сразу легче станет, тут и меня, и мои частушечки вспомнишь.

Он уверял женщин, что деревянные ложки волшебные, что обед будет вкуснее, если его помешивать именно этой ложкой. Женщины посмеивались и покупали. Одна очень бойкая сказала, что как-нибудь в воскресенье придет и всем расскажет, действительно ли обед был вкуснее.

А если кто-то подходил к товару Ефроима, тут уж изобретательности Феди не было предела, – никто не отходил от телеги без покупки, тем более что Ефроим охотно торговался, а покупателю всегда приятно, если удастся хоть немного снизить цену.

Тут из толпы зевак вышел пожилой человек, с тросточкой, в темно-сером костюме, в жилетке с традиционной для состоятельных людей цепочкой от часов. Он подошел к Ефроиму и приветственно приподнял шляпу.

– Приветствую вас, уважаемый Реб Ефроим.

– Шолом Алейхем, многоуважаемый Реб Лейб, – поклонился Ефроим.

– Называйте меня Леонид Семенович, – негромко сказал господин. – Как ваша уважаемая супруга, детки?

******

Савл стал Павлом. Вечный удел апостолов. Вечный удел евреев. Евреи обычно меняют имена.

(Станислав Ежи Лец)

******

– *Борух - Ашем...* А как ваша мишпуха?

– *Ме кен лейбн нор ме лозт ништ*. (“Можно было бы жить, да не дают”) Они обошли телегу и стали поодаль, чтобы никто не мешал им беседовать. Разговор велся на идиш. Федя продолжал завлекать публику, продавать товар, но изредка поглядывал на беседующих мужчин, пытаясь понять, к чему приведет эта встреча: к добру или наоборот.

******

Мужчина в сером костюме был Лейб Соломонович Клигер – известный в городе коммерсант-мануфактурщик еще с дореволюционных времен. Ни одна благотворительная акция в городе не обходилась без его щедрых пожертвований. У господина Клигера была очень большая семья: родители (чтоб они здравствовали до 120-ти!), семеро братьев и сестер, у каждого своя семья, супруга, ее родители и ее шесть братьев и сестер со своими семьями и, наконец, свои старшие дети и дорогие младшие деточки, которым надо дать хорошее образование.

После Кишиневского погрома 1903 года молодые еврейские парни стали организовывать отряды самообороны. И хотя Лейб очень боялся за своих старших детей, не привыкших драться и убивать, понимал, что другого выхода нет, – надо защищаться.

******

«...Что породило это, потрясающее до глубины души буйство христианского русского народа, который, вообще, отличается простотой и добротой? Сильно чувствуется воздействие извне злонамеренных людей, подстрекнувших наш народ к такому небывалому погрому... Русский народ, братья наши! Что вы делаете? Зачем вы сделались варварами – громилами и разбойниками людей, живущих в одном с вами отечестве, под сенью и властью одного русского Царя и поставленных от него правителей? Вы забыли свое христианское звание и слова Христовы... Каков же и чей дух проявили кишиневцы над евреями? Дух диавола... Познайте-ка, братья русские, какого вы духа? Не обижайте никого…Вот мое краткое Евангельское слово, братья русские, по поводу кровавой расправы с евреями».

(Слово о. Иоанна Кронштадтского. «Мысли мои по поводу насилий христиан с евреями в Кишиневе". 1903)

******

Но что может сделать один человек, хоть и святой, против власти?!

Давид – старший сын Лейба – стал убежденным сионистом и организатором отрядов самообороны в городе и близлежащих селах. На деньги отца заказали у Ефроима много топоров и купили несколько винтовок. Тогда и началась дружба Лейба и Ефроима. И хотя они различались по возрасту, уровню образования и обеспеченности, а их встречи были очень редкими, однако оба чувствовали искреннее расположение друг к другу.

Во многих городах и селах еврейским защитникам удалось остановить погромщиков, но полиция арестовывала еврейских ребят, мотивируя тем, что у них в руках было оружие (как будто у погромщиков его не было!). В одном из множества таких случаев в числе арестованных оказались трое сыновей Лейба и пятеро его племянников. В этом же отряде еврейской самообороны были и два русских гимназиста – борцы за справедливость, которых тоже арестовали. Лейб нанял лучшего адвоката для всех арестованных и даже поехал с ним к самому писателю Владимиру Галактионовичу Короленко в Полтаву советоваться, как правильно вести линию защиты.

У Короленко в этом был большой опыт. Он, активно всей силой своего яркого пера, защищал несправедливо обиженных и угнетенных. Суды над членами отрядов самообороны громко обсуждались, особенно в Гомеле, Житомире и Полтаве. Иногда, если у арестованных не было денег и богатых родных, адвокатов нанимали на деньги Короленко и других достойных русских интеллигентов. Вот поэтому Лейб Соломонович поехал с нанятым им русским адвокатом к Короленко в Полтаву. (Чем кончилась эта история, мы узнаем позднее.)

Погромы, как пожары в лесу – то возгорались ярко, то тлели исподтишка, то вспыхивали тут и там локальными язычками пламени…

******

Над толпой откуда-то сбоку
бабий визг взлетел и пропал.
Образ многострадального Бога
тащит непротрезвевший амбал.

Я не слышал, о чем говорили…
…Только плыл над сопеньем рядов
лик еврейки Девы Марии
рядом с лозунгом: «Бей жидов!»

(Роберт Рождественский)

******

18 – 19 апреля 1905 г. произошел очередной погром в Мелитополе. Самооборона защитников города, состоявшая из представителей еврейской и русской молодежи, остановила погромщиков, которые,

получив отпор, стали грабить магазины и лавки христиан. Прибывшие к вечеру 19 апреля войска прекратили погром.

Против погромов выступали многие русские рабочие, интеллигенты. В ряде мест они создавали вооруженные дружины, защищавшие евреев (Ростов-на-Дону, Одесса, Челябинск, Житомир, Воронеж). Формировали совместные отряды из русских и евреев. Некоторые православные священники, иногда даже иерархи православной церкви, пытались предотвратить или остановить погромы, но, как правило, безуспешно. В Керчи 31 июля 1905 "патриотическая" демонстрация – во главе с градоначальником – переросла в еврейский погром, во время которого по его же распоряжению был обстрелян еврейский отряд самообороны; погибли два его бойца (один из них — русский гимназист П.Кирилленко).

(Краткая еврейская энциклопедия, том 6)

******

К вопросу об отношении некоторой (пусть и немногочисленной) части интеллигенции к еврейским погромам**:** *...Гоголь является "единственным из первоклассных художников мира, воспевшим, в полном смысле этого слова, всеми красками своей палитры, всеми звуками своей гаммы и со всем подъемом увлеченной своей души еврейский погром... Ничего подобного по жестокости не знает ни одна из больших литератур".* ***(Зэев Жаботинский)***

******

Со времени тех еврейских погромов прошло 20 лет. Теперь, в советское время он, Леонид Семенович (Лейб Соломонович) Клигер служит в городе Н-ске заместителем директора своей же ткацкой фабрики, будучи ее реальным управляющим. Директором назначили большевика, который ничего не понимал ни в ткацком деле, ни в экономике, но имел достаточно здравомыслия не мешать своему заму. Поэтому дела на фабрике шли хорошо, и директор получал награды.

О чем говорили между собой на базаре эти два таких разных еврея, мы скоро узнаем. Наконец, к радости Феди, которому было как-то тревожно на душе, они распрощались, и Ефроим вернулся к торговле.

Благодаря Феде к полудню уже все распродали, накормили, напоили лошадь и сели в телегу полдничать. Ефроим не забыл помыть руки сам и полил воду на руки Феде и Захару.

– Картошечка не любит грязных рук, – улыбаясь, сказал Федя. Он скромно стал в сторонке, ожидая приглашения.

– Больше всех сегодня работал Федя, значит, он заслужил самый большой обед. Правда, Захар?

– Да-да, конечно, – ответил Захар, но видно было, что мысли его где-то далеко. Он был задумчив.

Развернули свои узелки. У Ефроима были вареные картошки, яйца, хлеб, помидоры и соленые огурцы, соль, лук и чеснок. Он разделил все эти яства на три части и пододвинул каждому его долю. У Захара тоже была своя нехитрая снедь: буханка черного хлеба и большой кусок сала, пахнущий чесноком, с розовыми прожилками и с жесткой корочкой-кожей (а ведь это самое вкусное, если кто понимает!). Он разделил все это на две неравные части и б**о**льшую пододвинул Феде. Никогда еще в своей нелегкой жизни Федя не ел такой вкуснятины.

– Дядя Ефроим, а ты почему не кушаешь сало, ты не любишь? А то я поделюсь.

– Нельзя мне, Феденька, нельзя, но мне очень приятно, что ты добрый и хочешь поделиться. Хоть бы ты не растерял свою доброту, когда вырастешь, – последние слова Ефроим произнес с тихим вздохом, как бы про себя, но Федя услышал их и запомнил на всю жизнь.

– Но ведь это так вкусно! Как можно не есть сало? – сокрушался Федя. – Мне прямо-таки жалко тебя.

– Сало мы кушаем баранье, называется "к**о**да", так что можешь меня не жалеть. Понимаешь, у каждого народа есть свои обычаи, традиции. Вот у православных есть время – пост, когда нельзя кушать мясо. Ну так что же, надо соблюдать правила.

– Ох-ох, сейчас все всё нарушают – время такое, – прервал свое грустное молчание Захар.

– Послушай-ка, Федюша, моего совета: ты так набросился на еду, что может случиться заворот кишок. Оставь половину на завтра. – Ефроим собрал оставшиеся картошки и огурцы в узелок и отдал мальчику. – Это тебе на завтра.

То же сделал и Захар. Видно было, что он хочет что-то сказать.

– Федя, а давай-ка я тебя к себе заберу, – наконец, решился он. – Старуха у меня добрая, детей нам Бог не дал. Я тебя столярному делу обучу. А, Федь?

– Ой, дядя Захар, если б ты мне вчера встретился, так я бы знаешь как обрадовался! Бегом бы за тобой побежал! А сегодня мне другое светит...

Захару было к тому времени немного за 40. Жена все время пилила его, что у них нет детей. Он пил, от этого становилось еще хуже – когда он был пьяный, жена била его палкой, отводя душу. Никто этого, правда, не видел, но все соседи говорили, что жена его поколачивает.

Федя на самом деле добрый паренек, если мог кому-то помочь, делал это с готовностью. Видя опечалившегося Захара, он искренне пожалел его. И тут же придумал, как ему помочь.

– Ты не грусти, дядя Захар. Ты детей хочешь? Так я тебе это дело вмиг устрою.

Как ни комично это прозвучало из уст маленького оборванца, Захар внимательно посмотрел на него.

– Слушай, что я тебе скажу, – с загоревшимися глазами продолжал Федя. – Тут Манька маленькая есть, у нее мамка с месяц назад умерла. Ничейная она, беспризорная, плачет все время. Я ее в свой подвал пускаю, только ночью не велю плакать, спать не дает. А днем она где-то бегает, побирается. Ты ее забери себе, ей лет, наверно, семь, твоя старуха будет довольна. Найти ее, а? – и, не дожидаясь ответа, он засунул два пальца в рот и засвистел так пронзительно, что все лошади на ярмарке перестали жевать и замерли, прядая ушами. Потом он еще засвистел трелью. По-видимому, это был условный свист, потому что, откуда ни возьмись, появились четыре пацана, таких же оборванных и грязных, как и сам Федя.

Он командирским голосом повелел найти маленькую Маньку, которая недавно влилась в их беспризорное братство, и пообещал тому, кто приведет, кусок хлеба с салом. Обещанная награда подействовала сильнее, чем командный тон, и пацаны разбежались.

Захар с Ефроимом стали собираться, напоили еще раз лошадь, начали ее запрягать. Тут Федя занервничал:

– Вот вы уедете, а как меня дядя Афанасий найдет? – шепотом встревоженно спросил он у Ефроима.

– Не мельтеши, сейчас сообразим, – успокоил его рассудительный Ефроим. – Я думаю, что лучшим местом встречи будет больница. Иди туда и там обязательно с ним встретишься.

В это время они увидели одного из посланных Федей оборванцев, который вел растерянную Маньку. Вокруг них вились еще двое, которые спорили, кто первый увидел девочку. А с другой стороны подбежал четвертый, которому и вовсе ничего не светило. Федя молча посадил Маньку в телегу и ничего не стал больше говорить – давал время Захару присмотреться к девочке. Между тем он степенно развернул свой узелок, попросил у Захара ножик, отрезал хлеб, сало и протянул тому, кто честно заработал. Потом отрезал куски поменьше и дал их тем, кто оказался не столь успешным в сыскном искусстве. Наконец, досталось и Маньке, которая терпеливо ждала, не сводя глаз с этого сказочного богатства, но не плакала, не канючила. Она знала, что Федя добрый, он и раньше делился с ней, когда было чем.

– Слушай, Маняша, это твой дядя Захар, он тебя давно искал и вот нашел. Теперь он тебя к себе заберет и тебе будет у него хорошо, – разом решил за всех Федя.

– А ты? – жалобно спросила Манька.

– Так я буду к тебе в гости приезжать, и ты будешь в город на базар с дядей Захаром ездить. А еще у него тетя очень добрая, и она ждет тебя.

– Ну, хорошо, вези меня, – тихо сказала Манька Захару. – Федя ведь не врет, правда? Он меня жалеет, а другие мальчишки злые, они меня щипают.

“Щипают”... Захар молча обнял девочку, и так они сидели с минуту. Никто из тех, кто видел эту сцену, не произнес ни слова.

Наконец, Захар сказал: "Ну, тронулись, с Богом". И лошадка, знакомая с этой командой, неспешно пошла по дороге к дому. Ефроим потихоньку давал Феде последние указания.

– Захар приезжает на ярмарку каждое воскресенье, – шептал он Феде на ухо. – Он хороший мужик, но выпивает, а когда выпьет, то себя не контролирует и секретов хранить не может. Захар не должен знать, что Миша в городе. Это большой секрет. Ты, Федя, приходи на ярмарку следующим воскресеньем один, помоги ему торговать и передай для меня только два слова, что у вас все в порядке. А я приеду с Захаром через воскресенье, вот тогда и увидимся. Миша никогда не должен появляться на ярмарке – Захар или кто другой могут его узнать. Сейчас беги в больницу, только помни, не сболтни чего лишнего.

Федя, как взрослый, пожал руки Захару и Ефроиму, погладил по голове Маньку, соскочил с телеги и скрылся за углом.

Ехали молча, погруженные каждый в свои мысли. Девочка заснула от сытости, тепла и покоя, привалившись к Захару, в сердце которого, неожиданно для него самого, проснулась незнакомая доселе нежность.

Уже подъезжали к городским окраинам, когда Ефроим вдруг спросил:

– Покажи, сколько ты наторговал.

Захар осторожно, чтобы не разбудить девочку, достал из-за пазухи торбочку с выручкой. Ефроим быстро выхватил торбочку из рук обалдевшего от этой выходки Захара. Тот не смог ничего сказать, даже не успел разозлиться, так велико было его удивление.

– Вот проедем корчму, где ты всегда самогон покупаешь, после этого отдам. Понял? Никакой больше выпивки. У тебя теперь дитё на руках. Будешь пить – она тебя бояться будет. А потом невзлюбит. Что ты за отец ей тогда будешь? – вел Ефроим антиалкогольную пропаганду.

Приехали они домой рано, еще четырех не было. Манька проснулась и с интересом оглядывалась по сторонам. Захар встревожился – а вдруг его Шура не одобрит такую грязную, чумазую девчушку? И вообще, разве такой серьезный вопрос решают с бухты-барахты? Он попросил Ефроима проводить его до дома для моральной поддержки. Ефроим умный, он найдет нужные слова, как все объяснить жене.

Ефроим зашел в дом, пока Захар распрягал лошадь.

– Здравствуйте, уважаемая Шура. У вас сегодня большая радость. Да что я говорю, у вас сегодня не одна радость, а их у вас несколько. Во-первых, вот ваша выручка в целости и сохранности до копеечки, – он положил на стол торбочку с деньгами. – Во-вторых, Захар трезвый, как стеклышко. А самая главная радость – готовьте горячую воду вашу девочку купать.

– Какую девочку? – Шура побежала в конюшню.

Как состоялась их встреча, Ефроим уже не видел. Он спешил домой – ему много чего надо было рассказать Сарочке, но, возможно, самое главное – это была встреча с Лейбом Соломоновичем Клигером.

Пока Ефроима с Захаром не было в селе, Сара тоже не бездействовала – она очень хитро пустила слушок среди женской половины населения, что якобы кто-то слышал, что Миша решил сам добраться до Москвы, дойти до Самого Главного и выпросить прощение для отца. Этого было достаточно. Слухи обрастали подробностями. Во-первых, надо добраться до станции, влезть в поезд “зайцем”, без билета, или прицепиться на подножке, и это, говорили все, было очень опасно. Каждая баба выдумывала разные новые обстоятельства опасного путешествия, которые потом уже и ей самой казались реальными фактами.

Глава шестая

А в это время события в городе развивались своим чередом.

Федя пробрался в палату к Мише, подмигнул ему издали и скромно сел в уголке. Миша отвернулся к стене, чтобы не выдать глазами свое знакомство с Федей. На душе у него было очень плохо: дядя Ефроим уже уехал домой, дядя Афанасий ушел... А вдруг он по какой-то причине не придет за ним? Вот Федя пришел... Значит, если что – одна дорога, в беспризорники... Вошла Вера Васильевна, строго посмотрела на Федю:

– В чем дело? Почему посторонние в палате?

– Тетенька Вера Васильевна, я здесь тихонечко посижу, ни капельки не помешаю. Я дяденьку жду, который этого мальчика принес, не гоните меня. – как можно убедительнее и проникновеннее попросил Федя.

– А зачем тебе этот дядя?

– Это я только ему могу сказать, – и тут Федя постарался не упустить свой шанс. – А знаете, я могу вам помогать. Я все буду делать – хоть ведра носить, хоть подавать больным, что надо, я и развлекать их могу. А то чо они все грустные такие? Вот когда раненые красноармейцы в больнице лежали, так к ним артисты приезжали, чтоб веселее было. А я могу им песни спеть и сплясать не хуже артистов.

И, не дожидаясь разрешения, он вышел на середину палаты, артистично поклонился и выдал все, на что способен. Если считать, что на базаре была генеральная репетиция, то здесь, в палате был настоящий концерт. Больные обрадовались неожиданному развлечению. Кто-то сел и стал похлопывать в ладоши, кто мог стоять, начал потихоньку притопывать, а двое лежачих подпевали и посвистывали в такт. В дверях собрались нянечки, сестрички и больные из других палат. Миша одним глазком, из-под подушки украдкой поглядывал на все это веселье и первым увидел доктора за спинами развеселившихся зрителей. Он спрятал голову поглубже под подушку.

– Что за веселье?

Все притихли, стали пятиться назад до полного рассасывания. Главврач был пожилой, старой закалки, очень опытный и строгий. Никому не давал спуску, замечал любой недосмотр, поэтому в больнице был порядок. В палате, кроме больных и Веры Васильевны, остался один Федя.

– Вы кто будете, молодой человек?

– Я Федя.

– А что вы тут, позвольте спросить, делаете?

– Я помогаю больных лечить.

– ?

– Да, ваши больные здесь скучают и от этого выздороветь не могут, а я их развлекаю.

– Вера Васильевна, у меня сегодня был очень тяжелый день и просто нет сил дискутировать с этим, с позволения сказать, молодым лекарем. Дайте ему что-нибудь покушать и выведите поскорее. Нам здесь только вшей не хватало, – тихо добавил он.

Вера Васильевна обрадованно закивала головой, довольная, что доктор не сделал ей замечания за постороннего грязного оборванца в палате. И еще она обратила внимание, что фразу о вшах доктор сказал очень тихо, чтобы не травмировать пацана.

“Сколько же в нем такта, благородства,– подумала Вера Васильевна.– Сейчас таких нет.”

Федя получил хлеб с котлетой, яблоко и был выведен за порог больницы. Сидел он долго. На город уже начали опускаться теплые, нежные сумерки. Упоительная погода и природа – с одной стороны, человеческое горе и неустроенность – с другой составляли грустный диссонанс. Федя не смог бы объяснить свое состояние. Это была светлая грусть под стать мягкому раннему вечеру.

Наконец, слава Богу, появился дядя Афанасий с какими-то вещами в руках. Это он приготовил для Феди чистую одежду. Федя рассказал, что сейчас Вера Васильевна осталась в больнице за старшую, поэтому “самый шанс” получить у нее нужную справку.

– Ты, дядь Афанасий, с ней немного полюбезничай, и дело в шляпе. И Мишку сразу заберем, а то он там очень грустит. А потом еще и ее домой проводим, – наставлял Федя. – Ты сначала спроси, есть у нее дети? А потом спроси про мужа. Если муж есть, тогда провожать не будем.

– Ну какой ты хитрый!

– Я умный и вперед гляжу, – не смущаясь, уточнил Федя. – Жизнь-то, она кого хошь научит.

Он хотел пойти с Афанасием помочь, а то вдруг сам не справится. Но тот велел остаться на улице, и Федя благоразумно решил не лезть – надо человеку самому. (“Небось, не маленький”)

По Фединым рассчетам, Афанасия не было довольно долго: ну, полюбезничать – пять минут, получить справку – еще пять минут, а собраться – так тут и трех минут хватит. Полчаса прошло, и Федя все-таки решил зайти в больницу. (“Таки без меня, видно, ничего не получится”) Афанасий сидел с Верой Васильевной и мирно пил чай, держа в руках заветную бумагу. Ему было очень просто и уютно с этой женщиной и не хотелось уходить. Увидев Федю, он немного смутился.

– Вот, Вера Васильевна, еще один человечек, за которого я теперь ответственность имею. Хотел его сегодня в баню отвести, да, наверное, опоздали...

– Так мы его можем и в больнице обработать.

Вера Васильевна попросила нянечек привести Федю в божеский вид, передала чистую одежду, и Федя попал в руки санитарок, которые знали, что делать. Его раздели, постригли машинкой волосы, смазали голову керосином, мыли его мылом и жесткой, как наждачная бумага, мочалкой. Потом скоблили его лысую голову, а потом все по второму разу. Старую одежду положили в ржавое ведро и вынесли во двор, чтобы сжечь. Одели во все чистое и привели обратно: "Принимайте товар".

Пока Федю "обрабатывали", Афанасий продолжал беседовать с Верой Васильевной. Как удачно все складывается! И Мишу забрали, и смена Веры Васильевны закончилась, и все вместе пошли провожать ее под предлогом, что уже вечер. Ну просто все шло по Фединому сценарию!

******

Верочке было семнадцать лет, а брату – семь, когда они остались без родителей. Она устроилась нянечкой в больницу и растила брата. Никуда не ходила, подруг не имела, отдавала всё своё время только брату и работе. Старалась дать ему хоть какое-то образование. Сама на работе училась у медсестер и врачей. Запоминала все с одного раза, научилась делать уколы и другие процедуры. Главврач Николай Петрович был ею доволен. За старание и ответственность и в пику молодым врачам-бездельникам оставлял ее за главную, когда отлучался. Прошло лет десять после того, как они с братом остались одни, и она поставила крест на своей личной жизни. Брат же ее, которому изредка удавалось посмотреть какие-нибудь фильмы, просто "заболел" кино. Он стал собирать деньги, чтобы уехать в Москву и поступить на кинофабрику. Сказал, что обязательно, кровь из носа, будет снимать кино. Она очень волнуется за него – там, в Москве, столько соблазнов, можно душу погубить.

Все это она рассказывала Афанасию по дороге. Никогда ни с кем не делилась, а тут вот прорвало... Мальчики деликатно шли сзади. Федя рассказывал Мише, что было на базаре.

И тут им встретился сам главврач Николай Петрович.

– Вера Васильевна, добрый вечер. Рад вас видеть. И вам, гражданин-товарищ, добрый вечер. Я вижу, вы забрали мальчика. Ну что же, вам виднее. А это кто, неужели "артист"?

– Я вот пришел поблагодарить Веру Васильевну, что она так с душой к мальчишке отнеслась, – смущенно сказал Афанасий.

– Да, я знаю, у нее золотое сердце. Только она старается скрыть это, хочет строгой казаться.

Вера Васильевна зарделась от слов доктора и постаралась перевести разговор на тревожащую ее тему:

– Николай Петрович, как вы себя чувствуете? Получше, чем вчера? – участливо спросила она.

– Спасибо, милая Верочка, да, у меня был тяжелый день, но, кажется, завтра тучи над нами рассеются. Приходите завтра на работу пораньше, я вам все расскажу. А сейчас я иду к доктору Левину, в картишки перекинемся, как всегда воскресным вечером. И пусть заодно мое сердечко послушает, уж очень я за эти два дня перенервничал. Всем, господа, желаю хорошего вечера, – он по-старомодному поклонился, сняв шляпу.

– Дяденька главврач Николай Петрович, разрешите мне приходить в больницу вам помогать. Я хочу быть доктором, – неожиданно влез Федя.

– Ну, что ж, желаю успеха, – Николай Петрович поклонился персонально Феде и пошел дальше.

Когда подошли к Верочкиному дому, увидели спешащего им навстречу паренька.

– Вот, познакомьтесь – это мой брат Сеня, о котором я вам рассказывала. Говорит, что скоро уедет.

Юноша напрягся, ожидая, что и этот незнакомый человек начнет его отговаривать. Но, по счастью, представительный мужчина ("Интересно, что за мужик? Надеюсь, Верка дома расскажет") встал на его сторону:

– Я считаю, уважаемая Вера Васильевна, что ему надо ехать. Надо дать себе шанс повернуть свою жизнь, чтобы потом не жалеть. Постарайся добиться того, чего хочешь, – обратился он к парню. И после паузы добавил: – Не пей, с дурными людьми дружбу не води. Добивайся своей цели – вот и все наставления. Ну, а если не получится, возвращайся, тебя здесь родной человек ждет, – Афанасий улыбнулся юноше, поклонился Вере Васильевне.

– Надеюсь, мы с вами еще увидимся.

Вера Васильевна покраснела и тоже слегка поклонилась.

Дома Вера Васильевна никак не могла уснуть, разные мысли мешали... Афанасий тоже долго не ложился, смотрел на моментально уснувших ребят, которых завтра ожидала новая жизнь, и тоже о чем-то думал.

******

Брат Веры Васильевны Семен работал в фотоателье помощником хозяина и фотографом в одном лице. Он прекрасно фотографировал, проявлял, печатал снимки, но заработок был небольшой: лето, жарко, все отдыхают на речке, редко кто заходит в фотоателье. Наконец, Семен уговорил долго упиравшегося хозяина взять аппарат, треногу и пойти на речку.

Такого количества желающих сфотографироваться они еще не видели. Успех полный! Хозяин записывал адреса клиентов и собирал деньги, а Семен фотографировал, дав волю фантазии: то возле ивы, то на фоне речки с плавающими утками, то в лодке, то с детишками, играющими в мяч... После захода солнца пошли в ателье и там печатали фотографии, не поднимая головы. За этот день Семен заработал столько, сколько не получалось за месяц. Вот удачный день! Завтра они опять пойдут на речку – раздавать карточки и еще снимать. Да и давешняя встреча порадовала: Веркин провожатый показался ему положительным, и два пацана рядом тихие, не хулиганистые, но на его детей вроде не похожи. Хоть бы у Верки что-нибудь серьезное сладилось, так он бы уехал с легким сердцем. А то оставить ее одну тоже нелегко. Раньше она о нем заботилась, а теперь он взрослый и должен о ней думать. Обещал, что, как устроится, к себе ее вызовет. Так она ж не захочет свою любимую больницу бросать...

Глава седьмая

Вся жизнь доктора Николая Петровича прошла под влиянием Антона Павловича Чехова. Они были одногодки – оба 1860 года рождения. Оба приехали в Москву в 1879 году, поступили на медицинский факультет Московского университета, где слушали лекции знаменитых профессоров Н.Склифосовского, Г.Захарьина и других, не менее выдающихся. Они не стали близкими друзьями из-за деликатности и стеснительности Николая. Остались просто добрыми знакомыми, однокурсниками. Начиная с 1880 года в печати стали появляться рассказы Антона Чехова под довольно прозрачным псевдонимом "Антоша Чехонте".

Николай восторгался ими, пытался писать сам, но был к себе очень строг и перестал "баловаться", как он это называл, – лучше Чехова все равно не сможет. Читал все написанное его кумиром, многое знал почти наизусть, цитировал его по всякому поводу.

После окончания университета А.Чехов начал работать уездным врачом в Воскресенске (сейчас – город Истра), а затем в Звенигороде. Николай Петрович тоже стал врачом в уездной больнице. И проработал в ней, любимой, страшно сказать, 40 (!) лет. Женился, имел сына и дочку, дорос до главного врача, овдовел, пережил все трудности революционно-военного времени.

******

Желание служить благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья...

(А.П.Чехов)

******

При любой власти к врачам особое отношение: и белые, и красные, и всякие другие разноцветные – все люди, все болеют, все идут на поклон к специалистам. Дети выросли, уехали в Москву. Потом сын переехал в Питер, занимает там какой-то важный пост. Дочка вышла замуж за дипломата, уехала за границу. Отношения

с детьми были не очень близкими. У детей с детства была подсознательная обида на отца за то, что он больше внимания уделяет своей больнице и больным в ней, чем своим детям.

Проблемы "отцов и детей", проблемы взаимоНЕпонимания поколений существуют всегда, но особенно они обостряются в периоды перемен, войн, революций. Дети Николая Петровича жили своей жизнью. Один-два раза в год он получал короткие письма или открытки – мол, живы-здоровы, чего и тебе желаем. Николай Петрович не роптал, все равно ничего не изменишь. И еще глубже погружался в заботы и дела больницы.

Уже многие годы это была лучшая больница во всей губернии, и главврач старался не уронить ее славу, уровень специалистов, порядок и т.д. Но последнее время работать становилось все труднее и труднее. В больнице, кроме Николая Петровича, работали еще три молодых врача. Николай Петрович привык, что молодые врачи учатся у старших, более опытных, беззаветно преданных своей работе. А иначе зачем выбирать такую ответственную профессию? Из трех врачей один понял, что ошибся в выборе профессии, не знал, что делать, на что решиться. Может, бросить все и уйти из этой надоевшей больницы? Второй был какой-то ни рыба ни мясо – не поймешь, что он хочет от жизни. Возможно, ему просто лень или не дано увлечься каким-то делом серьезно. А третий вообще был не врач – он окончил фельдшерскую школу и тянул не выше, чем на медбрата, но был член большевистской партии, говорил лозунгами и всех критиковал. Все было бы еще не так плохо, если бы этот фельдшер, самозванно именующий себя доктором, не мутил воду. Он устраивал собрания по каждому поводу и без повода, с важным видом проводил политзанятия, делал всем замечания, наглея с каждым днем. В конце концов, стал приставать к самому Николаю Петровичу, обвиняя его в антикоммунизме, буржуазном уклонизме и в чем-то еще, чего Николай Петрович решительно не понимал. Всю больницу трясло от склок, медсестры и нянечки рыдали.

Николай Петрович каждое утро шел в больницу, как на каторгу, каждый вечер приходил домой с болью в сердце, но главное было не это. Главным для него было спасение больницы, его детища, смысла всей его жизни. В конце концов, этот фельдшер-склочник совсем распоясался. Он сказал, что все(!) работники больницы будут ежедневно отчитываться перед ним(!) о проделанной за день работе, приходить на политзанятия, раз в неделю выступать на общем собрании. Николай Петрович резко осадил выскочку, сказал, что главврач – он, и распоряжения дает только он. Кроме того, категорически запретил этому деятелю называться доктором, потому что "доктор" – это звание высоко-образованного медика.

– Надо понимать разницу, а вы не знаете ни правил русского языка, ни врачебной науки, ни этики. Еще одно аналогичное выступление, и я вас уволю.

Никто никогда раньше не слышал громкого голоса Николая Петровича, а тут он кричал так, что все работники остолбенели, притихли, больные тоже замерли и лежали тихо, как мышки. После этого Вера Васильевна отпаивала Николая Петровича настойками боярышника и валерианки, потом уложила в ординаторской палате, не отпустила его на ночь домой и осталась сама в ночную смену. Внутри у нее все дрожало от беспокойства за его здоровье, от страха за судьбу больницы и, конечно, за свою собственную.

Утром Николай Петрович обдумал ситуацию и понял, что надо действовать. Действовать решительно, а то будет поздно. Надо пойти к высокому начальству, объяснить все и поставить вопрос ребром: или я управляю больницей, и она в отличном сотоянии, или бездарный фельдшер, который эту больницу может только разрушить. Но к кому идти? Дело в том, что Николай Петрович был совершенно аполитичен и вовсе не разбирался ни в чем, кроме медицины и русской литературы. Все должности он называл по-старому: "городовой", "урядник", "губернатор". Он понимал, что есть новая власть – советская власть. Также есть компартия – это идеология. Она должна заниматься воспитанием в людях патриотизма, человеколюбия, доброты, сострадания, то есть частично взять на себя функции "скинутой с корабля современности" церкви. А в реальности эта партия взяла на себя функции начальства.

Значит, надо идти к самому главному начальнику в городе – секретарю райкома. Кстати, а почему самый главный у них называется секретарем? Николай Петрович привык, что, когда бывает какое-то важное собрание, его ведет председатель, а секретарь –это вспомогательная канцелярская должность. А у них секретарь – самый главный. Все наперекосяк...

Да, если он не добьется справедливости, то и у него в больнице самым главным станет этот мелкий, вспомогательный, канцелярский фельдшер. Николай Петрович делал утренний обход, давал указания, отвечал на вопросы, но мысли его были далеко, а если точнее – в кабинете секретаря. И Николай Петрович пошел в райком.

Обычно на прием к секретарю райкома в будние дни приходит очень много народу, так что ждать пришлось бы долго. Но Николай Петрович явился к секретарю райкома именно в то воскресенье, когда этот наивысший в уездном городе начальник оказался на работе, что случалось по воскресеньям нередко.

В кабинете он не оробел, как мальчишка, чего боялся больше всего, а произнес очень взволнованную, можно даже сказать, яркую речь. Рассказал о 60-летнем юбилее больницы (неплохо бы отметить хоть каким-

то ремонтом), о том, что их больница – лучшая среди всех больниц губернии и надо сохранять эти традиции. Он работает в ней уже 40 лет и искренне переживает за каждого больного. Бывший (Николай Петрович благоразумно не употребил слова "до революции") главврач приглашал знаменитых хирургов из столицы, которые хорошо знали его, поэтому не отказывались приехать, хоть это и уездная больница, и проводили показательные операции, а мы, молодые доктора, затаив дыхание, смотрели, учились...

– Предположим, уважаемый товарищ, работают на заводе двое рабочих. Один молчун, работает исключительно ответственно, все детали сделаны им правильно, хорошо, без брака, и машины для народного хозяйства будут работать без аварий. Другой – бездельник и лоботряс, работает из рук вон плохо, но говорит лозунгами. Скажите на милость, кто из них более полезен для страны, для России? Если я вылечу труженика-работягу, а бездельник и неуч, который третирует всю больницу, его загубит, то кто из нас нужнее обществу? Я готов передавать свой опыт, но они просто не хотят учиться. Кстати, простите, но мне не нравятся ваши мешки под глазами. Да и цвет лица оставляет желать лучшего. Скажите, а ноги у вас отекают?

– Да, особенно к вечеру.

– Вам непременно нужно прийти ко мне в больницу на обследование. Еще раз простите за деликатный вопрос: а как вы мочитесь?

– Как заика, – пошутил секретарь-начальник.

Тут у Николая Петровича немного отлегло от сердца: если человек шутит, если у него есть хоть немного чувства юмора, значит, не все потеряно, до него можно достучаться.

– Они обвиняют меня в том, что я не хожу на лекции “о текущем моменте”, – продолжал Николай Петрович. – Во-первых, момент – это миг, мгновение, он не может быть текущим, протяженным во времени. Это безграмотно, не по-русски. Во-вторых, у меня нет времени, потому что я лечу больных, пока они слушают лекции. И еще. Они осуждают меня за то, что я консультируюсь со старым специалистом. Знаете, для порядочного врача не может быть унизительным посоветоваться с другим врачом, попросить прийти на консилиум, особенно, если тот более опытный. У нас в городе живет старый доктор Левин, ему уже за 80. Он когда-то учился в Германии. Вы, наверное, слышали о нем.

Начальник кивнул головой: да, он знает доктора Левина, кто его не знает!

– Так вот, несколько раз я посылал за ним фаэтон и просил приехать обсудить сложный случай. И хотя ему уже очень трудно, он не отказывал, приезжал, потому что это благородный человек. Я был горд, что его мнение совпадало с моим, и мы спасали людей. Разве это зазорно? Одним словом, я убедительно прошу вас оградить меня от издевательств бездарей и разрешить мне взять на работу грамотных специалистов. В противном случае, мне придется уволиться и уехать к сыну в Питер – он там занимает хороший пост, устроит меня в какую-нибудь больницу, пусть даже простым врачом. Я за должностью не гонюсь. Сын меня давно зовет. (Насчет того, что сын зовет, так это Николай Петрович выдал желаемое за действительное, даже слегка покраснел, но собеседник не заметил.)

Может, сыграла роль фраза о высокой должности сына, а может, просто начальник оказался не дурак, но результат для Николая Петровича был более чем положительным.

******

Следует хоть немного, рассказать о Начальнике. Начальник, то есть секретарь райкома Сергей Павлович, был еще совсем не старый, ему не было еще и 50 лет, но бурное революционное прошлое подорвало его здоровье, так что обследоваться у хорошего врача ему не помешало бы. Он помнил себя восторженным, молодым гимназистом, который громко и вполне искренне обличал богатых, считая их бездуховными, заносчивыми, несправедливыми и т.д. Ну, точно, как Федя Трофимов из «Вишневого сада». Ах, как он красиво говорил о народе, о справедливости, о силе и гордости!

******

Трофимов: *Твой отец был мужик, мой – аптекарь, и из этого не следует решительно ничего. (Лопахин вынимает бумажник.)*

Трофимов: *Оставь, оставь... Дай мне хоть двести тысяч, не возьму. Я свободный человек. И всё, что так высоко и дорого цените вы все, богатые и нищие, не имеет надо мной ни малейшей власти, как пух, который носится по воздуху. Я могу обходиться без вас, я могу проходить мимо вас, я силен и горд. Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле, и я в первых рядах!*

(***А.П.Чехов)***

******

Зрители особенно горячо хлопают актеру исполнителю роли Трофимова – так он красив, юн и романтичен! Награждая аплодисментами прекрасного героя Феденьку Трофимова, мало кто задумывается, а чего же ты, Федюша, обличая праздных дворян, жрешь и пьешь у них на халяву, их слуги подают тебе еду, чистят твои сапоги и одежду? И тебе не стыдно принимать все это?

Вот и у Сергея Павловича в далекой молодости тоже было лето, проведенное в дворянском доме. Он был влюблен в гимназистку Ирочку, которая и пригласила его провести лето у них в имении. Там было человек десять разного возраста. Сергею казалось, что Ирочка к нему тоже неравнодушна, и это наполняло его сердце воодушевлением, которое находило выход в красноречии. Как он обличал тогда все пороки общества, всю несправедливость власть предержащих! И Ирочка, видимо, соглашалась с ним, потому что слушала, улыбаясь. В конце лета Сергей сделал Ирочке предложение, нисколько не сомневаясь в положительном ответе. Однако ее ответ был ушатом ледяной воды, неожиданно вылитой на голову обескураженного претендента.

– А на что мы будем жить? На деньги моего папеньки, который, как ты неделикатно высказал ему, эксплуатирует крестьян? Или ты возьмешь надел земли и будешь добывать сам хлеб насущный? Так ведь ты не любишь работать. Если бы ты был, например, доктором, ты бы смог обеспечить свою семью, но у тебя нет никакой профессии, ты ничего не можешь, – Ирочка развела руками и ушла, оставив в беседке совершенно онемевшего Сережу.

Чудесное лето кончилось, Ирочка уехала в Италию изучать рисование и вокал (она никак не могла выбрать из двух увлекающих ее искусств). От обиды и зависти Сергей окунулся с головой в революционную деятельность, был сослан в Сибирь, где и подорвал свое здоровье.

Сергей Павлович всегда испытывал глубокое почтение к докторам. При каждой встрече с ними он вспоминал Ирочкины слова “Если бы ты был, например, доктором …” и, образно говоря, как бы примерял на себя белый врачебный халат, и всякий раз приходилось признавать, что эта одежда не по нему.

Теперь, после революции, стал секретарем райкома. И эта беседа с доктором пробудила в нем болезненные воспоминания о самом праздничном периоде его жизни – о том лете в дворянском имении.

******

Пауза затянулась. Николай Петрович начал нервничать. Наконец, Начальник вынес свой вердикт:

– Значит так, уважаемый Николай Петрович, никому о нашей встрече не рассказывайте. Завтра я приеду к вам в больницу часов в 10 утра. Вы постарайтесь быть занятым, чтобы вас на виду не было. Я попрошу ваших "докторов" обследовать меня. Потребую, чтобы каждый обследовал отдельно и написал заключение. Потом вызову вас, а вы сделаете вид, что вроде первый раз меня видите. И вы тоже меня посмотрите, мы сравним результаты, ну а потом... потом они узнают, где раки зимуют. Кроме того, я поговорю в области, чтобы выбить практикантов-медиков на лето, а вы уж из них выберете себе кого получше. А вот насчет ремонта, так пока придется потерпеть, постараюсь на следующий год втиснуть в бюджет.

Забегая вперед, скажу, что так оно и произошло на самом деле. Вся больница надолго запомнила урок, преподанный некоторым, с позволения сказать, докторам.

Представляете теперь, в каком приподнятом настроении пришел Николай Петрович домой. Правда, не выдержал, заскочил по дороге в больницу (тогда и увидел пляшущего Федю) и сразу домой. Пообедал, прилег на минуточку и проспал два часа спокойным, обновляющим сном. Проснулся с улыбкой, очень довольный собой, – он все сделал, как задумал, не оробел, не унижался. Одним словом, жизнь прекрасна! Собрался и пошел к доктору Левину. Обычно там по воскресеньям вечерком играли в преферанс – сам хозяин дома доктор Левин, Николай Петрович, немного знакомый нам Леонид Семенович Клигер и бывший учитель гимназии Олег Иванович. По дороге Николай Петрович встретил Верочку с “сопровождающими ее лицами”, и это тоже добавило ему хорошего настроения, – ведь он искренне, по-отцовски любил Верочку и переживал за неустроенность ее судьбы. А тут ее провожал такой видный, представительный и, кажется, приличный человек. Может, что и сладится...

Пока ждали Николая Петровича, доктор Левин поделился со своими друзьями:

– У нашего доктора какие-то неприятности на работе, он очень нервничает. Я даже условился с ним, что после игры послушаю его сердце. Нам надо его отвлечь, чтобы не думал о делах. Вот вы, например, Олег Иванович, каким-нибудь заковыристым вопросом заведите с ним речь о Чехове. Ведь все знают, что это его любимый конек.

Николай Петрович пришел сияющий, довольно потирая руки. Поприветствовал всех, извинился за опоздание и предложил немедленно сесть играть. Карты были розданы, и игра началась. Все заметили, что настроение у Николая Петровича хорошее, но на всякий случай Олег Иванович во время игры начал разговор о Чехове, как просил доктор Левин.

– Я давно хотел спросить вас, уважаемый Николай Петрович, о последней сцене пьесы "Вишневый сад". Все уехали и заперли слугу Фирса в доме. Он же может погибнуть, он старенький, не сможет выбраться. Если бы Фирс остался во дворе, то сумел бы, в конце концов, добраться до какого-нибудь крестьянского двора. Может быть, этот вопрос каждый режиссер решает по-своему?

– Что вы, что вы, батенька! – заволновался Николай Петрович. Он даже не заметил, как остальные прятали улыбки. – Там в пьесе все четко: все уехали и **забыли** старого Фирса!

– Ах, Боже ты мой! – воскликнул Олег Иванович. – Так что же он, умрет? Ведь Лопахин уезжает в Харьков на всю зиму, как он заявляет. Кто же спасет старика?

Николай Петрович печально развел руками:

– Есть люди заботливые, которые думают о других, а есть и такие, кто занят только собой, своими делами, чувствами и эмоциями и совершенно со спокойной совестью забывает обо всех, кто им перестал быть нужен. И неважно, богатые они или бедные, дворяне или простые люди, ученые или нет. Заботливость – это свойство характера. Вот ведь Аня спрашивает Епиходова, и не один раз: "Семен Пантелеич, справьтесь, пожалуйста, отвезли ли Фирса в больницу".

– Какой ужас! – вступил в разговор Леонид Семенович. – Почему же тогда пьеса называется “комедия”? Или я ошибаюсь? Простите, я не такой знаток Чехова.

– Да, вы правы, – подтвердил Николай Петрович, – она обозначена Антоном Павловичем как комедия... Я полагаю, чтобы еще более подчеркнуть трагизм положения...

Когда кончили играть, Николай Петрович сказал, что чувствует себя хорошо и нет нужды затруднять уважаемого доктора Левина.

Глава восьмая

Итак, доктор Левин Давид Эммануилович, 1840 года рождения. Учился в Германии, где познакомился и подружился с Николаем Васильевичем Склифосовским, который в 1866-1867 годах работал в Германии в Институте патологоанатомии профессора Рудольфа Вирхова и клинике профессора Лангенбека.

В 1871 году Склифосовский начал работать на кафедре хирургической патологии в Императорской Медико-хирургической Академии, и Давид Эммануилович работал у него некоторое время.

В 1879 году выходит царский указ, запрещающий евреям жить в столичных городах. Для евреев определена, так называемая, “черта оседлости”, за пределами которой селиться им не разрешается. Из крупных городов всех евреев выселяют. Но временами наступала, как бы теперь сказали, “оттепель”. Тогда они постепенно просачивались обратно, и власти, скажем так, смотрели сквозь пальцы на эти нарушения. Евреи получали право жить там, открывать свое дело, лечить и даже вступать в купеческие гильдии. Затем – очередной указ и очередная чистка.

Во время одной из этих чисток Давид Эммануилович в состоянии сильнейшей депрессии переехал в город Н-ск, где жили его престарелые и любящие родители. Они же и подобрали ему милую и добрую невесту, дождались внуков. В этом городе у Давида Эммануиловича был большой, красивый двухэтажный дом. На первом этаже были приемная, специализированные кабинеты и процедурная, на втором – жилые комнаты.

С парадного входа он с раннего утра до часу дня принимал больных обеспеченных, которые были в состоянии заплатить за лечение. А с двух до шести со двора к нему приходили бедные больные, которые не могли платить и которых он принимал бесплатно. Детей до 13 лет он вообще лечил бесплатно. Людям среднего достатка было как-то непрестижно заходить со двора, поэтому они приходили, как и богатые, через парадный вход и платили. Тем более, что хорошее лечение стоит того.

Бедные люди, обычно очень благодарные, приносили кто что мог – кто дюжину яиц, кто ведро картошки... Давид Эммануилович принимал подарки с признательностью. В городе его уважали.

Несмотря на то, что в губернском городе были свои неплохие больницы, все же лучшей во всей губернии считалась уездная больница в Н-ске, потому что главврачом в ней в то время был самый авторитетный и опытный доктор, а больница содержалась в идеальном порядке. Поэтому, когда у самого губернатора в 1904 году заболел скарлатиной любимый внук, он и вызвал лучшего доктора – главврача уездной больницы Н-ска. Тот взял с собой Николая Петровича – молодого (с высоты преклонного возраста главврача), но талантливого доктора. Потом, после тщательного осмотра ребенка, сказал, что хочет пригласить на консилиум еще доктора Левина. Губернатор был очень недоволен. Это как раз было время судебного процесса над еврейскими защитниками (тремя сыновьями Лейба Соломоновича Клигера, пятью его племянниками и двумя русскими гимназистами). Губернатор не любил евреев, хотя погромы не одобрял. Ему очень не хотелось приглашать в свой дом доктора Левина, но губернаторша закатила истерику, кричала, что ей абсолютно все равно, какому Богу молится доктор, ей нужно спасти внука. Послали за еврейским специалистом. Он приехал со своей медсестрой.

Несколько лет назад количество больных у доктора Левина стало уже непомерно большим, и Давид Эммануилович написал письмо в Берлин немецкому доктору, с которым познакомился на XI Медицинском конгрессе, с просьбой порекомендовать квалифицированную медсестру. Приехала тощая, суровая немка Эльза, молодая, очень аккуратная, старательная, с хорошими рекомендациями. Она сказала, что только на

два года, но застряля надолго. Эльза только с виду была сурова. Они отлично сработались. Эльза плохо говорила по-русски, но с доктором она свободно общалась по-немецки.

Ребенка спасали общими усилиями, всю ночь никто не прилег. Наконец, кризис был позади. Доктора осыпали друг друга комплиментами. Эльзу оставили в доме губернатора, чтобы она продолжала делать уколы. Губернаторша едва сдерживала слезы благодарности. Она видела, сердцем своим материнским видела, в каком напряжении был еврейский доктор, как внимательно и уважительно слушали его коллеги, как бережно, но уверенно прикасался он к нежному детскому тельцу. Губернатор пригласил всех к столу.

– Сколько я вам должен?

– Нисколько, вы же знаете мой принцип – детей до 13 лет я лечу бесплатно.

– Ну тогда просите, что вам надобно. Вот, например, я знаю наперед, что эти господа у меня попросят: новое оборудование или новые койки в больницу.

– Спасибо, господин губернатор, я ничего просить не буду.

– Я уважаю и очень ценю вашу деликатность, – сказал губернатор после недолгой паузы. – Сейчас в городе судебные слушания проходят, и я, честно говоря, думал, что вы за ваших единоверцев попросите.

– Я вам отвечу, господин губернатор, но сначала разрешите рассказать одну историю.

Десять лет назад в 1894 году в Риме проходил знаменитый XI Медицинский конгресс. 200 человек от России, 200 – от Америки и т.д. Всего 750 врачей. Весь цвет мировой медицины. Господин Склифосовский Николай Васильевич взял и меня в состав российской делегации. Председателем конгресса был признанный во всем мире ученый Рудольф Вирхов, в Институте патологоанатомии которого в молодости работал Николай Васильевич и, конечно же, сохранил с ним самые теплые отношения. Российская делегация произвела очень хорошее впечатление, – все врачи владели несколькими иностранными языками, выступали с интересными докладами, многие работали в зарубежных клиниках и имели дружеские личные контакты. И вдруг Николай Васильевич предложил (не посоветовавшись с высоким начальством) провести следующий конгресс в Москве. Истинный русский интеллигент… Ему и в голову не пришло тогда усомниться, смогут ли приехать в Москву выдающиеся ученые-евреи. Например, итальянец Ломброзо, чья книга "Гениальность и помешательство" прогремела на весь медицинский мир, – итальянский еврей. Вообще в Москву не сумеет приехать значительная часть медицинского мирового сообщества. Потому что они евреи.

Председатель конгресса Рудольф Вирхов (он же депутат германского бундестага) заявил: "Если будет какое-либо различие в отношении к евреям, ни один немецкий врач на конгресс не приедет". И о том, что в Российской империи евреев не принимают в университеты, господину Склифосовскому тоже указали, хотя сам уважаемый Николай Васильевич абсолютно, ни в малейшей степени, не был антисемитом. Наоборот, когда он работал в Одессе в городской больнице, то ближайшими и самыми знающими помощниками у него были именно евреи. И в Киеве тоже, и в Москве. Он любил с ними работать. Он просто забыл (!) о существовании “еврейского вопроса” в России.

******

…В Российской империи евреев не принимали в местные университеты. Чтобы получить специальность врача, они уезжали учиться в Германию, Швейцарию, Австрию. Он же (Н. В. Склифосовский) хорошо знал, что российский военный министр Ванновский циркуляром от 10 апреля 1882 года установил “норму” подготовки евреев-врачей: “В военном ведомстве их число не должно превышать пяти процентов, а на высшие должности евреев вовсе не назначать”. Волею самого царя для евреев была введена процентная норма приема в высшие учебные заведения Первой была Медико-хирургическая академия. Не потому ли, что … в академии собралось так много представителей этого “опасного” племени, искавших любых способов стать врачами. ***(Анатолий Рубинов. Такова еврейская жизнь)***

******

– Так вот, я хочу вас спросить – за что? – тихо продолжал Давид Эммануилович. – Когда я читал свой доклад и мне хлопали как представителю России, я был горд за свою страну. Я, как и многие евреи, у которых была материальная возможность, учился в Германии. Спросите меня, почему я вернулся? Я вам не отвечу, – я не знаю. Наверное, потому что это моя Родина... Мы отдаем ей все силы, талант, идеи, всю свою жизнь, почему же она так сурова к нам? За что? Мои две дочки тоже уехали учиться в Германию, вышли там замуж. Приезжали несколько раз с мужьями и внуками в гости и уезжали обратно. Не хотят здесь оставаться. Зовут меня к себе. Что меня здесь держит? Могилы родителей и жены? Так они простят меня, если уеду от унижений в другие края. Может, меня держит какое-то эфемерное чувство долга? К кому? К Родине? К достойнейшему Николаю Васильевичу Склифосовскому? Думаю, что все-таки придется уехать. Вот постарею, продам практику молодому врачу, – он посмотрел на Николая Петровича, – и уеду. Кто меня осудит?

Вы думали, что я попрошу о снисхождении к моим единоверцам. Так разве можно что-то сделать? Ведь суд у нас объективен и независим, не так ли? – в голосе Давида Эммануиловича прозвучала горькая ирония.–

– Простите, я, кажется, наговорил лишнего. Разрешите откланяться. Если буду нужен, всегда к вашим услугам.

Николай Петрович помнил эти два дня, как будто это было вчера, хотя прошло уже 20 лет. Он помнил все, что говорил доктор Левин по поводу скарлатины. Левин поведал тогда о возможностях гомеопатии, которая формирует иммунитет к болезни, и о том, что это известно еще со времен лечения Ганеманом эпидемии скарлатины в Кенигслюттере в 1799 г. "Жаль, – с досадой думал Николай Петрович, – что многим докторам это неизвестно и сейчас".

Давид Эммануилович рассказывал и о вовсе неизвестных фактах – например, о том, что некоторые американские врачи, с которыми он разговаривал на конгрессе, считали, что президент США Джордж Вашингтон умер от скарлатины. Сейчас трудно утверждать, но, как было объявлено, Вашингтон простудился, затем у него начался сильный насморк, лихорадка, возникла инфекция в горле, превратившаяся в острый ларингит и пневмонию (а возможно, скарлатину). Медицинские средства того времени не помогли, и в возрасте 67 лет Вашингтон скончался. Современные медики полагают, что он скончался в значительной степени из-за неверного лечения, включавшего обработку хлористой ртутью и кровопускание.

– От скарлатины, – сказал тогда доктор Левин, – умер также один из детей Авраама Линкольна. Циолковский в 11 лет заболел скарлатиной. В результате осложнения после болезни он потерял слух…

Но не только о скарлатине помнил Николай Петрович. Глубоко взволновали его куда более серьезные вещи, о которых говорил доктор Левин, – о еврейском вопросе. И ему как настоящему русскому интеллигенту было горько...

Тогда, в 1904-1905 годах, суд над членами еврейского отряда самообороны города Н-ска вынес довольно мягкий приговор. Возможно, благодаря хорошим адвокатам, а может, сыграло роль присутствие среди обвиняемых двух русских гимназистов, или мнение губернатора возымело действие, или, что тоже вполне вероятно, общее настроение интеллигенции в стране имело при этом не последнее значение.

Интеллигентных людей в любой стране немного, но они соль земли, они определяют направление исторического пути, они идут впереди развития менталитета общества. (И часто гибнут...)

Николаю Васильевичу Склифосовскому, сделавшему на конгрессе в Риме в 1894 году свое рискованное предложение, все же удалось выкрутиться из щекотливого положения, в которое он тогда попал. Пришлось, правда, пойти на многие дипломатические хитрости, обращаться к великим мира сего – даже к генерал-губернатору Москвы князю Сергею Александровичу. Словом, ко всем, кто имел право или возможность повлиять на решение этого вопроса. В конце концов, он сумел провести Медицинский конгресс в Москве на высоком уровне.

Уже дав, наконец, согласие на проведение конгресса в Москве, великий князь спросил Склифосовского, сколько же прибудет в Москву евреев. Николай Васильевич этого не знал – **нигде и никогда такого учета не велось.** Вопреки намерениям генерал-губернатора поселить евреев отдельно, на Глебовском подворье в Зарядье, где положено было обитать московским евреям, Склифосовский разместил всех, приехавших на конгресс, в том числе и евреев, в лучших гостиницах Москвы.

******

Москвичи потом долго обсуждали свои впечатления от конгресса. Бульварная газета "Московский листок" … написала о том, что местные евреи без всяких затруднений о чем-то разговаривали с иностранцами. О чем? Известное дело – наверное, "замышляли какой-нибудь новый заговор". Образованные же люди с восторгом и гордостью говорили о потрясающем докладе Ивана Петровича Павлова.

(Анатолий Рубинов. Такова еврейская жизнь)

******

Николаю Петровичу в год проведения в Москве XII Международного конгресса врачей было 37 лет. На открытие конгресса он, к великому его сожалению, не попал, но на некоторых семинарах был и слушал доклад И.П.Павлова о высшей нервной деятельности.

Давид Эммануилович на этом конгрессе не был, передал с Николаем Петровичем приветы и письма некоторым знакомым немецким врачам и Н.В. Склифософскому.

******

На открытии XII Международного конгресса врачей 7 августа 1897 года по особому приглашению присутствовали высокопоставленные лица из столицы, президенты национальных комитетов, делегаты, а также врачи, получившие входные билеты на это первое общее собрание... Большой театр никогда не видал в своих стенах такого многочисленного собрания врачей. Партер, ложи, балконы были переполнены. В ложах расположились дамы в роскошных и изящных туалетах. Мужчины все во фраках. В глубине сцены в окружении лавровых деревьев и пальм висел прекрасно выполненный большой портрет Государя

Императора; по бокам портрета, рядом с русским флагом, стояли национальные флаги государств, приславших на Московский конгресс своих представителей...

Его Императорское Высочество объявил XII Международный конгресс открытым, что было встречено дружными и продолжительными аплодисментами. Затем поднялся Министр народного просвещения граф И.Д. Делянов и обратился к собранию на латинском языке:

– Досточтимые слушатели! После долгого размышления, на каком языке вас приветствовать от имени Министерства народного просвещения, которое мне вверено Монархом России, я решил, что более всего здесь подойдет язык латинский, ибо он известен всем мужам науки так же хорошо, как и свой отечественный. Итак, с полным радушием приветствую ваше сюда прибытие… От всей души желаю, чтобы настоящий сонм ученых содействовал своими трудами развитию медицинской науки и чтобы почтенная и многолюдная среда ваша внесла новые вклады в науку, подобные тем, которые в глубине своего гениального духа и в тиши своих лабораторий выработаны знаменитыми Гарве, Дженнером, Гельмгольцем, Пастером, Пироговым, Вирховым, Листером и некоторыми другими, пред коими преклоняется весь ученый мир и коих имена дороги для всего человечества…

Рукоплесканиями было встречено выступление профессора Н.В. Склифосовского, который сказал, что русские ученые теперь уже не ученики, а полноправные граждане Европы. XII Международный конгресс врачей стал апофеозом российской медицины. Именно тогда великий немецкий патолог Рудольф Вирхов воскликнул: "Учитесь у русских!" ***(Официальный сайт ММА имени И.М.Сеченова Из истории Московской Медицинской академии.)***

******

Историческая справка. *Следующий, XIII Международный медицинский конгресс состоялся в Париже в 1900 г. Интересная подробность: среди делегатов конгресса была первая русская женщина – врач З. Я. Ельцина, выбранная Русским сифилидологическим и дерматологическим обществом.*

В 1903 г. состоялся XIV Международный медицинский конгресс в Мадриде. Выдающееся событие этого съезда – доклад 54-летнего И.П. Павлова об исследовании функций главных пищеварительных желез.

******

В октябре 1904, как раз в то время, когда доктор Левин с коллегами лечили внука губернатора, И.П.Павлову вручали Нобелевскую премию за работы по физиологии пищеварения. Он был первым российским лауреатом этой высочайшей награды в ученом мире! Вся русская интеллигенция, особенно врачи, испытывали огромную гордость за свою профессию и за свою страну.

******

Иван Петрович Павлов родился 26 сентября 1849 года в семье священника. В возрасте 8 лет Иван, раскладывая яблоки на высоком помосте, сорвался, сильно расшибся. Крестный отец Павлова, настоятель Свято-Троицкого монастыря под Рязанью, забрав мальчика к себе, восстановил его физические силы и оказал большое влияние на интеллектуальное развитие. С 1860 по 1864 гг. И.П.Павлов учился в Рязанском уездном духовном училище, был признан одним из первых ее учеников. Давал уроки. Увлекался Писаревым. Впоследствии отмечал особую роль в своей жизни работы И.М.Сеченова "Рефлексы головного мозга". Иван добился у отца позволения сдавать экзамены в университет, не заканчивая последнего класса семинарии. В 1870 году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. (Как видим, духовное образование не мешает светскому.)

******

Излишне объяснять, какие теплые отношения установились между этими тремя врачами – Николаем Петровичем, Давидом Эммануиловичем и тогдашним главврачом больницы. Когда главврачом больницы стал Николай Петрович, он принял эстафету заботы и усиленного внимания к овдовевшему к тому времени доктору Левину. Это было необходимо особенно сейчас, в эти тяжкие, опасные времена...

Глава девятая

Что же Лейб Соломонович Клигер? После того страшного периода, который именуется в советской истории "первой русской революцией" (1905 г), он понял, что надо ехать.

******

В Русско-японской войне 1904-1905 годов Россия потерпела поражение. Переговоры о мире проходили в США, в Портсмуте. Вел их Сергей Юльевич Витте (премьер-министр). Его стараниями Портсмутский мир был довольно почетным для России, ее потери сведены к минимуму.

После подписания Портсмутского мира тогдашний Президент США Теодор Рузвельт пригласил Витте в Белый дом и вручил ему личное письмо к Николаю Второму. В нем президент обращался к царю с просьбой. Суть письма заключалась в следующем. Согласно торговому договору между США и Россией от 1832 года, американцы имеют право свободно приезжать в Россию. Могут быть ограничения, но не

связанные с вероисповеданием. Русские же власти запрещают въезд американским евреям. В письме Рузвельта царю подчеркивалось, что американцы никогда не смогут примириться с тем, что можно судить о порядочности или благонадежности людей, исходя из их принадлежности к тому или иному вероисповеданию. И Президент США просит отменить эту практику ущемления прав американских граждан.

Николай II передал это письмо Министру внутренних дел. Была создана комиссия, которая ничего не решила. Дело кончилось тем, что США денонсировали торговый договор с Россией от 1832 года на том основании, что они не могут примириться с произволом в отношении своих граждан.

Как видим, антисемитизм Николая II бил крепко по России, по ее государственным интересам. Ведь Рузвельт просил-то всего ничего: не ущемлять права американских евреев посетить Россию. Он не вмешивался в ее внутренние дела, не касался русских евреев. Но Николай предпочел даже разрыв торговых отношений с США, лишь бы не отойти ни на шаг от традиционной политики юдофобии.

(Иосиф Тельман)

******

Ехать надо всем, решил Лейб Соломонович. Как уже было сказано, "*мишпуха*"(семья) была немаленькая. Он разработал план эвакуации членов семьи и семейного бизнеса. Примерно каждые полгода выезжала семья одного из братьев или сестер самого Лейба Соломоновича или его жены, его старших детей. Кто ехал в Германию, кто – в Англию, кто – в другие страны Европы, часть семей уехала в Америку. Открывали там свое дело – либо ткацкую фабрику, либо магазин тканей, либо пошивочную мастерскую из тканей родственного предприятия.Четко были налажены связи между разными странами: где что нужно, там все родственники помогали и при этом еще зарабатывали. Первая мировая война затруднила связи между ними, но не прервала их. Для армий всех стран необходимо сукно, брезент, шинели, гимнастерки, нижнее белье и портянки. Дело господина Клигера и компании ширилось и процветало.

Он все еще сидел в России, умудряясь даже во время мировой войны переправлять родственников за границу. И не “пустых”, а со значительным капиталом. Он решил выехать последним, но тут случилась революция, которая его поначалу не очень напугала: ну пришла новая власть, так что же? Люди остаются людьми при любой власти, и кушать они хотят при любой власти, и даже взятки берут при любой власти. Самое страшное случилось у него дома под самым носом – младшие дети, сын и дочь, поддались этой революционной заразе, окунулись с головой в "общественно-политическую жизнь страны" (а то без них общество не проживет и страна погибнет!). Он хотел их отправить в Европу давно, когда были маленькие, со старшими детьми и с семьей одного из братьев, но жена боялась отпустить младшеньких.

Никогда не слушал жену, всегда поступал, как считал нужным и правильным. И только в этот раз, один-единственный раз (!) сжалился над ее слезами – и вот результат! Сын женился на русской! Этот факт не мог не огорчать Лейба Соломоновича, хотя он признавал, что девчушка неплохая, уважительная, смотрит мужу в рот, слушается во всем. Но беда в том, что у сына-то в голове засела эта дурацкая идея – спасать все человечество! Если бы не эта зараза, Лейб сумел бы соблазнить девочку богатством, роскошной заграничной жизнью и вывезти их обоих, – пусть уж "*гойка*"(не еврейка) будет, лишь бы живы остались.

А дочкин муж вообще их не признает, видеть не хочет. Дочка по секрету прибегает с матерью повидаться. Хвастается, дура, мол, мой муж ворошиловский стрелок, а может, латышский стрелок... нет, все-таки ворошиловский – да кто их разберет! В общем, какой-то стрелок и хочет в столицу переехать. Ну как можно спокойно жить при этом?!

Однако семейные проблемы не мешали ему заниматься бизнесом. Даже наоборот, когда он окунался в расчеты и координировал работу всех своих международных филиалов, то немного отвлекался от тяжких дум и слез жены. Для завершения всех дел в России ему нужен был последний курьер, честный, надежный, свой человек. И отправить этого человека надо не куда-нибудь, а в далекую Америку. В то время "железный занавес" опускался со зловещим скрежетом, но еще существовали маленькие щелочки, еще можно было проскользнуть.

И именно по этому вопросу Лейб Соломонович говорил на базаре с Ефроимом. Кроме того, он предложил уехать к дочкам в Германию доктору Левину с Эльзой. Обещал, что Ефроим с семьей довезут их до Берлина, позаботятся о них в дороге. Но Давид Эммануилович отказался – боялся стать обузой зятьям. Они, хоть и евреи, но младший зять – слишком онемеченный, а старший обременен большой семьей, куда еще их утруждать. Как ни пугал его Лейб наступающими новыми порядками, но так и не уговорил.

– Нет, дорогой Лейб Соломонович, спасибо за заботу, но я никуда не поеду, слишком стар для переездов.

Лейб Соломонович заказал несколько чемоданов и шахматных досок с двойным дном, загрузил их, естественно, не газетами "Искра", а золотыми и бриллиантовыми ювелирными изделиями. Заверил Ефроима, что

по приезде в Америку его встретит родственник Лейба Соломоновича и постарается помочь на первых порах с обустройством на новом месте, добрым советом, жильем и так далее.

Вот почему Ефроим так торопился домой – рассказать рассудительной жене о предложении Лейба Соломоновича. Сам он склонялся к мысли, что надо ехать, но что скажет Сарочка? Женщина-мать обычно бывает более осторожной, пугливой что ли. Она думает, что сможет уберечь своих детей от беды, что, как квочка, сможет прикрыть крылышками своих птенцов и защитить их от напастей. У большинства женщин материнские опасения берут верх над всеми доводами, и в такой ситуации они боятся ехать.

******

Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться! (***В. Шекспир. Гамлет)***

******

Едва Ефроим вошел в дом, Сара тут же велела ему, первым делом умыться, переодеться, привести себя в порядок, – они ждут гостей: скорняк Шломо из соседнего села придет сегодня вечером сватать сразу двух старших дочерей за своих двух сыновей.

У Ефроима с Сарой, как у Тевье-молочника, было семь дочерей (дай Бог им всем здоровья!). В другое время эта новость обрадовала бы Ефроима необычайно. Еще бы! Уменьшить количество проблем сразу почти на треть! Но сейчас...

Он потащил Сару в кузню, где они могли поговорить без свидетелей, и рассказал ей о предложении Лейба Соломоновича. Сара долго не размышляла:

– Надо ехать, больше такого шанса не будет.

Ефроим оторопел от скорости ее реакции.

– А как же дочки? Отказать хорошим женихам?

Сара и тут недолго думала.

– Выкрутимся. Мы дадим согласие скорняку, а ты скажешь Лейбу, что наша семья состоит из 13 человек.

– ?

– Ну, какой непонятливый! Шломо-скорняк давно вдовец, у него только 3 сына. Двоих берем мы, а из-за двух лишних человек Лейб не будет спорить. Можешь его уверить, что никто из всей семьи ничего лишнего знать не будет. Мы поедем все вместе.

“Какая она все же умница, как быстро принимает такие разумные решения и находит выход из любых ситуаций!” – в сотый раз изумился про себя Ефроим.

– А может, Шломо не захочет?

Сара так многозначительно посмотрела на мужа!.. И вопрос был решен.

******

Есть такая наука – астрология. Вот посмотрит ученый-астролог в свои таблицы и скажет: “Вчера для Водолеев (к примеру) был тяжелый день, а сегодня – удачный. Если вы хотите попросить прибавки к жалованью, то сегодня смело можете идти к начальству; если задумали новое дело, то – вперед: звезды благоволят к вам. Сегодня вы сможете встретить друга или полюбить на всю жизнь... Не упустите свой шанс – сегодня ваш день! Вас ждут перемены к лучшему”. И так далее...

“А у Раков (опять же, к примеру), – скажет он, – все наоборот. Сегодня все будет плохо, несчастья поджидают вас на каждом шагу. Постарайтесь тихо сидеть дома, ничего не делать и ничего не замышлять”.

Если сравнить события, произошедшие с каждым из наших героев (кроме отца Савелия) вчера и сегодня, мы увидим удивительные совпадения – сегодняшний, воскресный, день был удачным для всех, в отличие от плохого, опять же для всех, вчерашнего.

Вчера у Феди крошки во рту не было, вечером в его подвал пришла Манька и стала скулить от голода. Федя дал ей попить водички и велел спать... А теперь у Захара и его жены есть дочка, у Маняшки – семья. У Феди есть друг, кров над головой, в перспективе – учеба. Миша вчера пережил самый страшный день – арест отца, но из всех возможных вариантов дальнейшего развития событий то, что случилось с ним в воскресенье, – день удачный и благоприятный. Для Афанасия вообще день везения – помог Мише, заодно и Феде, познакомился с Верой Васильевной, задумался о своих 37 годах – еще не старый, можно подумать о семье.

Верочкин субботний день был очень тревожный, а воскресный – почти счастливый, сердечко ее, полное надежд, трепетало, как у молоденькой девушки. Ее брат Сеня не заработал в субботу ни копейки, а воскресенье было на редкость многообещающим и урожайным – и работой доволен, и заработал, и Веркин провожатый приободрил, вселил надежду. Теперь Сеня твердо уверен, что добьется в столице успеха.

К Николаю Петровичу звезды благоволили в этот день, как никогда в последнее время. У Ефроима кроме радости за благополучное спасение Миши тоже день стал поворотным. Даже начальник Сергей Павлович,

страдающий от своих недугов, – уж очень грустно, когда все болит и тело не хочет работать исправно, – неожиданно обрел надежду на излечение.

Что же получается? Может, все наши герои – Водолеи? Или звезды в этот день устали наказывать людей и немного подобрели?

******

Однако, на то и Бог! Ведь Он, как говорится, "Всех Кормящий и Насыщающий", – разумно миром управляет... ***(Шолом-Алейхем. Тевье – молочник)***

******

Что больше всего потрясло Савелия после ареста, так это спокойное равнодушие людей, арестовавших и допрашивавших его. Комиссар, который его арестовал, солдаты-конвоиры, потом следователь были злы и в то же время презрительно-равнодушны. Они не размышляли, они “выполняли работу”. Если бы отец Савелий увидел в лице следователя идейного противника, он, возможно, попытался бы с ним поспорить или, напротив, доказать свою лояльность и преданность России. Он хотел разглядеть в лицах солдат-конвоиров скрытое сочувствие, сострадание... Ну хоть какие-то эмоции! Глухо...

После изнурительного допроса следователь произнес жесткую резолюцию: "Хорошенько подумай, завтра поговорим. И это будет окончательный разговор, долго тянуть не станем".

В общей камере, куда его отправили, он впервые за эти дни встретил живых людей с человеческими чувствами. Эти люди – каждый со своей историей, со своим горем и обидой, – сострадали попавшим в беду. Они выделили отцу Савелию хорошее место у окна, поведали о себе, кто что посчитал возможным рассказать. Отец Савелий благословил каждого и помолился за всех. А когда пришел его черед рассказывать, только руками развел – рассказывать было нечего, взяли только за то, что он поп, то есть за профессию. На вопросы о семье коротко сказал, что вдовец и остался сын, которому скоро 14лет.

Все загрустили, вспоминая своих родных.

– А ты хоть догадался договориться с сыном, чтобы он от тебя отказался?

– ?

– Ты что, не понимаешь? Теперь так надо, чтобы его тоже не арестовали. До 14 всех отправляют в детдом, а после 14 – тоже забирают. Я так своему все объяснил: я честный человек, ни в чем не виноват, пусть в душе меня бережет и детям расскажет, а на людях пусть отрекается... Лишь бы жив остался...

******

Утром рано, на рассвете корпусной придет.
На поверку встанут дети, солнышко взойдет.
Проберётся лучик тонкий по стене сырой,
К заключённому ребенку, к крошке дорогой.
Но светлее все ж не станет мрачное жилье,
Кто вернёт тебе румянец, солнышко мое?
За решеткой, за замками дни, словно года.
Плачут дети, даже мамы плачут иногда.
Но выращивают смену, закалив сердца.
Ты, дитя, не верь в измену твоего отца.

(Эту колыбельную заключенные матери с грудными детьми пели в Бутырке. Рахиль Мессерер, сидевшая там же, записала слова песни.)

Историческая справка: *В дальнейшем (8 апреля 1935 года) этот возрастной рубеж был снижен до 12 лет лично самим "другом детей" и "отцом всех народов".*

******

Спор о том, отрекаться или не отрекаться от родителей, долго не утихал. Эта тема взбудоражила всех, пока не увели на допрос одного из заключенных. В камере повисло тяжелое молчание – все понимали, что это значит. Отец Савелий сразу обратил внимание на этого человека. Сильно заросший – значит, давно сидит, – он пользовался особым уважением остальных, к его мнению прислушивались. Когда его увели на допрос, Савелию рассказали, что тот имеет юридическое образование, и это, по-видимому, чрезвычайно раздражает следователей. "Юриста" приволокли после допроса избитого, полуживого.

Камера его жалела, но молчала – словами делу не поможешь. Это молчание нарушал только один деревенский – он плакал, крестился, у всех спрашивал:

– Как же это? Как так можно, братцы? Что же это они – звери какие?

Его плач и вопросы были для всех, как ковыряние ножом в ране. Один не выдержал:

– Закрой рот, не трави душу. Между прочим, эти звери – то-оже Божьи создания, церковные и их жалеют, говорят “заблудшие души”! – ехидно добавил он, глядя прямо на отца Савелия, который горестно понурил голову. “Что же это творится?! Вразуми, просвети, Господи!”

"Юристу" обмыли раны и все легли спать. Отец Савелий спать не мог. Он сидел рядом с избитым, поил его водой и молился, потому что больше ничем помочь не мог.

– Может, ты объяснишь, добрый человек, почему же происходит такое? – спросил он "юриста", потому что Господь не отвечал на этот слишком трудный для него вопрос.

– Мне жаль тебя, батюшка, ты, видно, хороший человек. Плохи твои дела, – шепотом отвечал ему "опытный" товарищ, тяжело дыша после каждого слова.

"Сам такой избитый, а меня жалеет", – подумал Савелий.

– Понимаешь, лозунг они такой придумали: "Религия – опиум для народа". А ты получаешься распространитель опиума. Всех к стенке. А насчет сына ты зря рассказал, – кто знает, и среди здешних могут быть доносчики... Молись, батюшка, чтобы сына кто из родных припрятал, и за себя молись, – может, вместо расстрела в Сибирь пошлют или на каторгу.

На следующий день отца Савелия на допрос не вызывали. Видно, следователи были очень заняты – новеньких в камеру приводили еще и еще. Кто-то кричал, кто-то плакал – люди разные. Отец Савелий каждого старался успокоить. Утешить не мог, только чуть успокоить, чтобы уберечь от истерики. И, конечно, он молился, ничего не ел, – постился и молился. Этой ночью никого на допрос тоже не вызвали. Хотелось спать, но сон не шел.

Он думал, конечно, о Мишеньке, вспоминал Лидию, прожитую жизнь, Афанасия и тот давнишний разговор с ним, о том, почему люди убивают друг друга, почему один человек блюдёт Божьи законы, а другой не хочет.

Под утро он забылся коротким сном и – о радость-то какая! – увидел во сне Мишеньку, который самым подробным образом рассказал ему все, что с ним случилось, – от стрижки у Ефроима и Сары, поездки на ярмарку, о встрече с Афанасием, знакомстве с Федей, про больницу и Веру Васильевну и кончая тем, что завтра они идут учиться на курсы слесарей при заводе, где работает Афанасий. Когда Савелий проснулся, не было человека счастливее его, он возблагодарил Всевышнего за милость.

Утром железная дверь камеры открылась с устрашающим грохотом, и отца Савелия увели. В этот момент он забыл все подробности Мишенькиного рассказа, но помнил общее впечатление от сна, – ощущение благополучия, уверенности, что с Мишей все в порядке, и в дальнейшем все будет хорошо. А если нужно какое жертвоприношение ради этого, пусть этой жертвой будет он, отец Савелий, за своего сына и за всех детей – и до 14, и после...

После допроса он в камеру не вернулся. На этом следы его теряются.

******

Почему мы исчезаем,
превращаясь в дым и пепел,
в глинозем, в солончаки,
в дух, что так неосязаем,
в прах, что выглядит нелепым,–
нытики и остряки?
Почему мы исчезаем
так внезапно, так жестоко,
даже слишком, может быть?..

(Булат Окуджава)

******

Забегая вперед, скажу, что после 1956 года Миша разыскивал хоть какие-то сведения о судьбе отца, посылал запросы, ездил в Москву, добивался доступа к архивам. Но ничего не нашел – не было дела в архиве, никакой папки, никакой бумажки. Кто-то объяснил Михаилу, что дело, видимо, было таким тоненьким – в нем, наверно, была только одна бумажка: родился тогда-то, учился в семинарии, женился, имел приход – вот и все. А одна бумажка даже не стоит того, чтобы на нее папку заводить... Вот так бесследно мог исчезнуть человек... Жизнь человеческая была дешевле бумажной папки.

Глава десятая

Миша с Федей жили в общежитии. По воскресеньям разбегались: Миша – в библиотеку, а Федя – сначала на базар помогать Захару. Изредка приезжал Ефроим, очень чем-то озабоченный, уходил с базара по своим делам. Иногда Захар привозил Манечку. С бантиками в аккуратно заплетенных косичках она гордо восседала на телеге и угощала беспризорников яблоками. На базаре было весело, Федю уже все знали и приходили на его концерты.

Среди постоянных зрителей был точильщик – благообразный мужичок, очень тихий, по всему видно, одинокий, с красивой, начинающей седеть шевелюрой. Была также боевая шустрая бабенка, которая обещала Феде проверить, на самом ли деле обед, приготовленный Захаровой ложкой, вкуснее, чем если пользоваться ее старой ложкой. Она часто подпевала Феде, изредка поглядывая на Точильщика, – ну, понятное дело, хотела как-то привлечь его внимание. Наблюдательный Федя все замечал. Вот эта бабенка и стала приставать к Феде с претензиями, что он ее обманул насчет ложек. Федя предложил ей принести в следующее воскресенье горшочек с борщом, две миски и свою ложку, а Федя возьмет Захарову – вот тогда и проверим, а так что даром говорить. Все обрадовались – в следующее воскресенье можно будет отведать борща.

Чтобы поддержать престиж Захаровых ложек, Федя дал Манечке точную инструкцию на предстоящее воскресенье. Она истолкла дома зубчик чеснока, смешала с ложкой топленого нутряного сала, наполнила

этой смесью одну из деревянных ложек, приготоленных Захаром на продажу, замотала эту ложку чистой тряпочкой и спрятала ее.

В следующее воскресенье бойкая бабенка торжественно предъявила горшочек с борщом. От желающих быть "проверяльщиками" не было отбоя. Но хитрый Федя выбрал Точильщика (к великому удовольствию бабенки). Точильщик смущался, он не любил быть в центре внимания, но Федя четко руководил процессом. Точильщику завязали глаза, из горшка налили в две миски одинаковое количество борща. Одну миску Федя дал хозяйке и велел помешать своей ложкой, а борщ во второй миске он стал мешать своей "волшебной " ложкой, которую ему услужливо подала Манечка.

Точильщик пробовал борщ из той и другой миски, не видя их, и, конечно, миска борща с добавкой сала и чеснока оказалась вкуснее. Народ ликовал, Манечка прыгала на телеге от радости и хлопала в ладоши, хозяйка борща, ничего не понимая, была полностью оконфужена. Точильщик быстро доедал борщ из обеих мисок. Федя что-то пошептал Точильщику на ухо, подвел к нему хозяйку борща и сказал, что вот, мол, человек хочет поблагодарить за такой необыкновенно вкусный борщ. С базара они ушли вместе. Видимо, у Феди было такое хобби или миссия – устраивать чье-то счастье.

Они с Захаром продавали товар, потом, получив свой заработок натурой, Федя бежал в больницу. Там он помогал Вере Васильевне. Вечером к больнице подходили Афанасий и Миша, и все вчетвером шли к Вере Васильевне пить чай. Заработок, который приносил Федя, был очень кстати – ужин получался на славу. Каждый рассказывал, как прошла его неделя, читали письма брата Сени об учебе и жизни в Москве. Федины веселые рассказы приводили всех в восторг.

Но в тот день, когда Федя рассказал, что произошло с ними на неделе, было совсем не весело, хотя кончилось все вполне благополучно.

У Миши на груди висел железный крестик, надетый маминими руками. Для Миши это был даже не столько символ веры, сколько память о маме, память о той счастливой и беззаботной жизни, когда у него были и папа, и мама, когда бегал с друзьями на речку, когда все его любили, когда папа вечерами беседовал с ним, как со взрослым, а матушка пекла вкусные пирожки, внимательно слушала их беседу и иногда вставляла свои редкие, но меткие замечания. Но в нынешние непонятные времена, когда все нельзя, а такие религиозные предметы, как, например, крестик, и вовсе запрещены, Миша носил крестик под одеждой, чтобы никто не видел, а когда их вели в баню, прятал его в башмак под стельку.

И вот крестик пропал. Миша тщательно, как всегда в банной раздевалке, задвинул крестик глубоко под стельку, аккуратно сложил сверху свои вещи. В бане были только свои, интернатские. Когда вышли из бани и начали одеваться, Миша обнаружил пропажу, да и вещи лежали не так, как раньше. Кто-то в них копался.
А как узнаешь – кто? Кто выходил во время мытья в раздевалку? Разве упомнишь? Миша стоял белый, как мел. Федя даже испугался за него. Всю обратную дорогу он пытался выяснить, что случилось, но Миша молчал. В общежитии он лег на кровать и отвернулся к стене. Федя ходил возле него кругами, не зная, как подступиться. Чтобы помочь, надо знать, что случилось с другом. Ночью Федя услышал тихие Мишины всхлипывания и не выдержал. Он насел на друга, в буквальном смысле "насел" – сел сверху на лежащего плашмя Мишу.

– Или ты мне сейчас же расскажешь, в чем дело, или я разбужу всех и вызову воспитателя, чтобы выяснить, кто тебя обидел, – выставил Федя ультиматум.

– Какая разница, расскажу я или нет, все равно крестик не вернешь – это единственная память о маме...

Федя не такой человек, чтобы легко сдаться обстоятельствам, но тут и он призадумался. Как найти вора? Как заставить признаться и вернуть крестик? Задача, казалось, неразрешимая... Но нельзя ничего не делать. Надо хоть попытаться.

Следующим утром во время завтрака Федя, неожиданно для всех, вскочил на стул (ростом он был невелик, а надо было привлечь внимание) и громко крикнул:

– Слушайте все. У моего друга, у Мишки украли крестик. Это не религиозная вещь, это единственная память о его маме. Многие из нас сироты. Скажите, у кого из вас есть хоть какая-то память о родителях? Может, у кого-то хоть фотка сохранилась? А у меня вот совсем ничегошеньки не осталось, – голос его предательски зазвенел, но он справился с волнением. – Этот крестик не золотой, даже не серебряный, а простой, железный, ничего не стоит. Мишка – наш друг, вы все говорите, что уважаете его, а сами... Тот, кто спер, самая последняя гнида, сволочь! Хоть мы в Бога не верим, но Он все равно накажет эту гадину-вора. Вот увидите!

Федя слез со стула в мертвой тишине. Так в тишине закончили завтрак и пошли на занятия. А вечером, когда мальчики пришли в общежитие, у Миши на подушке лежал заветный крестик. Подложили тайком... Миша надел его и больше не снимал. И, хоть он по-прежнему носил его под рубашкой, теперь все знали, что Миша носит крестик потому, что это единственная память о его маме. Вот такой был конец этой недели.

Федя с воодушевлением и артистизмом рассказывал за ужином обо всех событиях недели. Еще раньше он решил, что в таком серьезном деле, которое, видимо, назревало, Афанасий без него не справится. После ужина, пребывая к тому же на волне эмоционального всплеска, он подтолкнул стеснительного жениха:

– Послушай, дядь Афанасий, ну, сколько можно Веру Васильевну мучить? Ты зачем над ней издеваешься? Она, бедная, ждет и ждет, когда ты ее замуж позовешь. Смотри, уведут – там один больной к ней подкатывается, серьезный такой, солидный. Как бы не опередил он тебя. Мы с Мишкой сегодня уйдем пораньше, а ты оставайся и все скажи, как полагается.

******

Утром в одно из воскресений у дома Афанасия на скамейке, как и три месяца назад, сидели те же четыре человека, привлекая внимание ранних прохожих, – такие разные люди! Всего три месяца прошло, а сколько событий они вместили!..

Ефроим сказал, что пришел попрощаться, уезжает в Жмеринку. Может быть, Афанасий знает кого-нибудь, кто захочет поехать на его место в их село, которое остается без кузнеца? Дом и кузню он продаст задешево. Привез всем подарки на прощанье. Ефроим делал железные фигурки на металлической подставке: руки-ноги из толстой проволоки, головка – шарик. Все очень просто, а фигурки получались забавные.

Фигурку мальчика с книжкой в руке он подарил Мише. Зная о желании Феди стать врачом, Ефроим сделал для него человечка, держащего в одной руке шприц, а в другой – клизму. Потом он достал из кошелки целую скульптурную группу: на скамейке сидит пара, женская фигурка нежно склонила головку-шарик на плечо мужской, у их ног сидят три маленькие детские фигурки, а за спиной стоят два мальчика – один с книжкой, другой – со шприцем. Это был подарок Афанасию. Восторг полный!

– Как жалко, что мы не знали, мы бы тоже что-нибудь приготовили для вас, – огорчился Миша. – Дядя Ефроим, вы обязательно напишите нам, вы же знаете адрес.

– Напишу, напишу, – со вздохом ответил Ефроим.

Ребята тепло попрощались с ним и ушли с тяжким ощущением, что это – прощание навсегда, что еще один этап в жизни безвозвратно остался позади.

Афанасий остался сидеть с Ефроимом. Помолчали.

– Ты в Америку?

Ефроим молча кивнул. Потом, после паузы тихо сказал:

– Писать не буду, как бы вам... как бы чего не вышло...

– Когда?

– В следующее воскресенье.

– А я в следующее воскресенье женюсь.

– *Мазел Тов!* Я очень рад за вас, человек не должен быть один. Желаю вам много *нахес* и много детей!

– Я всегда мечтал, что меня Савелий будет венчать, – задумчиво проговорил Афанасий. – Я же ушел из семинарии, не соблюдаю никаких обрядов, но венчание – это очень красиво и торжественно. Все время представлял себе, как Савелий проведет всю церемонию... "Венчается раб Божий Афанасий и раба Божия Вера" А теперь что? Рабы Божьи… или не Божьи… рабы. Савелия нет, в церковь ходить нельзя, венчаться нельзя, что делается?.. Ну, ладно, Ефроим, что я на тебя наваливаю свои заботы... Дай Бог, чтобы удача была всегда с тобой, ты заслужил.

Мужчины пожали друг другу руки, а потом, повинуясь порыву, крепко обнялись, и это были поистине душевные и искренние объятия.

******

Прошла неделя. Для кого – прошла, а для кого и пробежала, пролетела... Наконец, наступило решающее воскресенье.

По дороге из Антоновки в город Захар медленно вел под уздцы свою безотказную лошадку с Ефроимовым добром – ящиками и саквояжами. Сара со старшими дочерьми шли позади телеги, подоткнув юбки повыше, чтобы не замарать на грязной дороге, – все равно до города их никто не видит. Две младшие девочки сидели на телеге. Ефроим шел рядом с Захаром, погруженный в свои невеселые думы: и ехать страшно, и оставаться опасно.

А Захар говорил и говорил, не замолкая, по большей части о каких-то пустяках. Чувствовалось, что он хочет спросить что-то важное. Наконец, начал издалека:

– И чего это ты решил в Жмеринку податься? Вообще-то, я думаю, что ты не в Жмеринку едешь, а совсем в далекие места. Ну ладно, это не мое дело. Хотя я тебе вот что скажу. Раньше евреям, конечно, плохо жилось. Да, погромы в городе были... Но, согласись, в нашем селе было не так плохо, как в других селах. Я тогда молодой парнишка был, когда вас батюшка Савелий прятал. Я помню. Мужики лютые были и еще натравили их. Но смертоубийства у нас не было. Ты зла не держи.

–Тогда, правда, ваш ребе старенький умер от переживаний. Потом, помню, новый, молодой ребе приехал. Но долго не задержался. И остались вы без Бога.

– Мы без Бога никогда не были и не будем, – строго заметил Ефроим.

– Да я не так сказал, не серчай. Я хотел сказать – без Божеского наставления остались. И вообще я о другом хотел тебя спросить.

– Ну?

– Я тебя, Ефроим, очень уважаю…

– Ну, не тяни, вон, видишь, уже станция показалась, говори.

– Ты тогда мальчонку Савельевского спас, в город вывез…

– А ты откуда знаешь? – насторожился Ефроим.

– Обижаешь. Я, хоть и неученый, но все-таки не дурак. Когда в ту ночь твоя Сара грузила вещи в телегу, не оборачивался, а луна была полная, светила ярко, так что и тень видна была четко, и телегу слегка качнуло, когда на нее кто-то влез. Потом, по дороге ты задремал, а я оглянулся, – из-под узла ноги торчат. Когда же мы к базару подъехали, кто-то – я же нарочно не смотрел – с телеги спрыгнул. Ты ушел, а узел оставил. Гляжу, полотно льняное с голубой полосочкой, не твоей Сарочки, а чье – не припомню. Ты уж прости, но заглянул я туда и догадался. Ну, думаю, какой же Ефроим молодец! Потом ты узел унес. А потом, как подошел к тебе на базаре солидный такой человек с золотой цепочкой на пузе, я и прикинул, что ты, наверно, Мишутку пристроил к своим единоверцам на часового мастера учиться, а может, портняжному или даже ювелирному делу. А?

Ефроим глубоко задумался. Захар терпеливо ждал.

– А ты никому об этом не рассказывал?

– Да вот те крест! Я даже Шуре своей ни словечка. Я почему тебя спрашиваю: вот вдруг, Бог даст, отпустят батюшку, сан только снимут и отпустят. Или, может, хоть письмо от него придет, ну, там известие какое. А где же нам тогда сыночка искать? Как Мишутку найти? Я клятву даю, что никому не скажу. Не в обиду тебе будь сказано, но я так считаю: если ты, еврей, душу христианскую спас, а я что же, подлость сделаю и выдам его супостатам?

– Ладно… Ты, Захар, с Федей часто видишься? Замечательный парнишка. Знаешь, он на доктора хочет учиться. Ты его с виду не упускай. Хороший жених для твоей Манечки будет.

Захар даже остановился. Вот это мысль, вот это идея! Жених для Маняши! Доктор! Да ведь и вправду чудный парнишка! Но почему Ефроим увел разговор в сторону?

– Так вот, – медленно продолжал Ефроим, – если надо будет что-то Мише передать, шепни Феде. Он знает, где Мишу искать. Но смотри, если проболтаешься, то и Мише, и Феде навредишь.

Какой хитрый Ефроим! Недаром столько лет он муж Сарочки, поднабрался житейской мудрости – последней фразой он надежно запечатал эту тайну: Захар никогда не захочет навредить ни Мише, ни Феде.

Вот и станция. Шломо с сыновьями уже ждут. И Лейб Соломонович тут. Он отошел с мужчинами в сторонку, – последние указания, какие-то бумаги, пожелания доброго пути. Ну, все, как обычно при проводах. Потом быстро разобрали вещи с телеги, погрузились в вагон.

Прощайте Ефроим, Сарочка и вся ваша *мишпуха*! Пусть Всевышний всегда будет милосерден к вам...

******

… Люди все равно ждут. Думают, что придет поезд, что они сядут в вагон, и он увезет их в какую-то счастливую страну. И очевидно, что такие поезда не приходят. И никуда не везут. Но именно ожидание счастливого поезда и дает силы к жизни, силы видеть, как светят звезды... ***(А.П. Чехов)***

******

В тот же день состоялось бракосочетание Афанасия и Верочки. Они пошли в ЗАГС и зарегистрировали свой брак в бюрократической, совершенно не торжественной обстановке.

За маленьким домиком доктора Николая Петровича был большой, когда-то красивый, а нынче запущенный сад, примыкающий к больничному. А в саду большая беседка. Вот в этой беседке Николай Петрович решил устроить для Афанасия и Верочки свадьбу. Правда, "свадьба" – это громко сказано, вернее – скромный обед в честь бракосочетания. Хитрый Федя намекнул больным, что у Веры Васильевны будет свадьба и неплохо бы принести небольшой букетик цветов. Больные передали это сообщение своим родным, и цветы шли потоком – ведь почти у каждого был хоть маленький палисадничек. Все хотели сделать приятное милой Вере Васильевне. Цветы (по секрету от молодоженов) тайком относили в сад к Николаю Петровичу. Там Федя с Мишей увили беседку гирляндами из этих цветов, украсили также цветами два стула с высокими спинками, заодно почистили сад от старых листьев и веток, посыпали дорожку песком (тащили с пляжа два ведра песка), вдоль дорожки тоже разбросали цветы. Красота получилась расчудесная!

Вера Васильевна беспокоилась, что угощение она приготовила не ахти какое, по своим возможностям – картошка, яйца, овощи и холодец. Но весь медперсонал больницы (естественно, тоже приглашенный на торжественный обед) уж постарался – принесли, кто что смог.

На столе были и домашняя колбаска, и соления, селедочка, пирожки и даже свадебный пирог. Одна догадливая нянечка принесла тюлевую накидку. Если кто помнит, в те времена было модно: на кровать, покрытую тканевым одеялом, водружали четыре подушки одну на другую – вниз клали самую большую, сверху – самую маленькую, и все это сооружение из подушек накрывали кружевной или тюлевой накидкой. Вот из нее-то и сделали фату. Верочка вся светилась от счастья. Казалось, красивее ее не было на свете невесты. Николай Петрович достал заветную бутылочку вишневой наливки, которую готовила еще Мария Ивановна, его запасливая и хозяйственная покойная супруга. Она тоже любила Веруню, как дочку.

Николай Петрович сочинил оду в честь Верочки и Афанасия. В ней говорилось о прекрасной царевне, которая жила в царских палатах, то бишь работала в больничных палатах, до тех пор, пока принц на железном коне, понимай – на тракторе, не увез ее. Все очень смеялись. Оду вставили в рамочку. (Она висела в доме Афанасия и Верочки долгие годы и погибла во время войны под бомбежкой вместе с домом.)

Афанасий пригласил двух друзей с работы. Один из них принес гитару и пел такие задушевные романсы, что многие женщины утирали слезы. Одним словом, свадьба удалась на славу.

Прощаясь с новоиспеченными супругами, Николай Петрович пригласил их прийти завтра к нему домой на ужин для серьезного разговора. Афанасий и Верочка ломали голову над тем, что это за разговор будет. Пришлось терпеть до следующего вечера.

В понедельник молодожены не работали – им дали три дня отпуска, и они наслаждались покоем и счастьем, которое так редко выпадает достойным людям. Вечером пришли к Николаю Петровичу, нежно держась за руки и стесняясь своей нежности. Верочка принесла вареники с картошкой и гречневой кашей – пальчики оближешь! Афанасий не мог дождаться конца ужина – о чем же пойдет разговор? Наконец, Николай Петрович потер виски (видно, начать ему было трудно) и заговорил, обращаясь больше к Афанасию.

– Уважаемый Афанасий, вы очень благородный человек. Вы взяли на себя ответственность за этих двух замечательных ребят, устроили их судьбы, дали им, как говорится, правильное направление в жизни. Насколько я понимаю, они вам не родня. Вы их опекун **de facto**, а не **de jure**. Я вас пригласил, чтобы поговорить о Феде. Он хочет стать врачом, а учится на слесаря. Вот Мишу, например, техника интересует, он, я думаю, будет хорошим инженером. И учится он с интересом и удовольствием. А Федя учится там только потому, что ему некуда деваться, потому что там его друг и еще потому, что он не хочет вас, Афанасий, огорчить. Да, да, он вас настолько уважает, что это видно каждому. Каждое ваше одобрительное слово делает его просто по-настоящему счастливым. Поэтому именно у вас я прошу разрешения – я хочу усыновить Федю.

Николай Петрович увидел удивленные глаза Афанасия и Верочки.

– Пожалуйста, – поспешно продолжил он, – дайте мне договорить. Я хочу именно юридически, по закону усыновить Федю, дать ему свою фамилию и отчество. И будет он Федор Николаевич Соколовский. Дети мои далеко и вряд ли приедут когда-нибудь. Наследства, кроме этого домика-развалюхи (который давно просит большого ремонта), у меня нет. Самая большая ценность – моя библиотека – множество очень редких книг, многие с автографами А.П.Чехова и других писателей, но больше, конечно, Чехова. Я думал передать книги в его музей в Ялте. Там Мария Павловна, сестра Чехова, директором служит. Навещал ее однажды, обещал передать в музей часть моих сокровищ, а кое-что я теперь и Федюше завещаю.

Хочу взять мальчика к себе, пусть живет со мной. Будет ходить в ту же школу, в которую их сейчас из интерната водят, вечером уроки помогал бы делать, приобщал бы к медицине, подготовил бы в мединститут... А если Бог даст мне еще лет 10-15 пожить, то я был бы счастлив иметь такого ученика, преемника в моем деле.

Николай Петрович искренне полюбил Федю и всей душой стремился помочь ему осуществить его мечту стать врачом. Очень может быть, что где-то в глубинах подсознания, даже не вполне отчетливо, таилась надежда, что, воспитывая Федю, он хоть чуть-чуть искупит свой родительский грех, вернет в мир то тепло и любовь, которые вовремя недодал своим детям. Но это предложение было от чистого сердца.

Он замолчал, ожидая решения, но Афанасий тоже молчал. А молчал он просто потому, что растерялся. Верочка опомнилась первой:

– Николай Петрович, голубчик, как вы все хорошо придумали! А как Федя будет рад!

Николай Петрович выжидательно смотрел на Афанасия.

– Вы на меня так смотрите, что я даже растерялся. Ну, конечно, я не против, даже очень рад такому повороту. Вы и спрашивать меня не должны. А насчет 10-15 лет... Тут уж вы меня простите, доктор Левин вон на 20 лет вас старше и то ни о чем таком не помышляет. И вы, пожалуйста, нам голову не морочьте, вы нам нужны еще не меньше 30 лет – надо будет внуков растить.

Все облегченно рассмеялись. По этому поводу Николай Петрович достал остатки наливки.

Глава одиннадцатая

Для Феди наступила благодатная, нежданная пора в его жизни, полная напряженной деятельности и каждодневной теплоты близкого человека. Он наслаждался каждой минутой своего бытия. Федя был счастлив, как Золушка, попавшая во дворец. Утром они с Николаем Петровичем завтракали, и Федя убегал в школу. Там он общался с Мишей (к сожалению, не так много, как хотелось, ведь они учились в разных классах). Потом – сразу в больницу. Там у него уже был свой круг обязанностей – поднести, унести... Если молодые нянечки стеснялись подать судно или утку какому больному, то просили Федю. Принести обед, покормить лежачего, отвести кого надо на укол... Да мало ли дел в больнице, когда больных много, а персонала, как всегда, не хватает. А спеть частушки, развеселить приунывших? Разве это не одна из важных составляющих процесса выхаживания больных?

А вечером – домой. Вдумайтесь в это слово: "ДОМ", где у Феди была своя комната, своя кровать, свой письменный стол, где рядом был дорогой и любящий человек. Федя делал уроки, потом рассматривал анатомический атлас. Николай Петрович объяснял ему, рассказывал разные случаи из своей жизни, из медицинской истории и врачебной практики. От него Федя, например, узнал историю многолетней борьбы с оспой. Древний метод (вариоляция) состоял в прививке оспенного гноя из созревшей пустулы больного натуральной оспой, приводившей к заболеванию оспой в лёгкой форме. Этот способ был известен на Востоке с IX века, в Индии о нём сохранились записи VIII века, а в Китае – X века. Европа страдала от эпидемий оспы особенно в Средневековье.

******

Жила в Англии леди Мэри Уортли Монтегю (1689-1762) – английская писательница и путешественница. Жена посла Британской империи в Османской империи, представительница высшей аристократии Великобритании, привезла в Европу в 1718 году восточную технику прививания оспы (вариоляция). Она сама болела оспой, еле выжила, осталась с обезображенным лицом. Во время пребывания в Турции Мэри сделала прививку шестилетнего сыну, а во время эпидемии оспы, вспыхнувшей в Англии в 1721 г., убедила врача привить ее трехлетнюю дочь. Потом предложила провести эксперимент над семью приговоренными к смерти преступниками в обмен на обещание помилования. Они выжили и были отпущены на свободу. Затем тот же опыт был проделан над шестью сиротками из приюта (все равно дети там мерли, как мухи). Сиротки тоже выжили. Тогда король Георг I повелел подвергнуть этой процедуре собственных внуков, и страна поверила в эффективность лечения. ***(Григорий Чхартишвили)***

******

Но вариоляция давала 2% смертности. Ученые продолжали искать абсолютно надёжный метод. Официально создателем вакцины против оспы считается английский врач Эдвард Энтони Дженнер (1749-1823), который через 80 лет после леди Монтегю в 1790-х годах разработал первую в мире вакцину против оспы, прививая неопасный для человека вирус коровьей оспы. Метод признали только в начале XIX века.

Первую в России прививку от оспы по методу Дженнера сделал профессор Ефрем Мухин в октябре 1801 года мальчику Антону Петрову из сиротского дома. Потом этому знаменитому мальчику дали дворянство и фамилию Вакцинов.

Или вот еще пример интереснейших, познавательных бесед Николая Петровича с Федей. Однажды Николай Петрович рассказал ему о гомеопатии – об этом направлении в медицине и о главном его принципе – “подобное лечится подобным!”, о том, что есть лекарства, которые в больших количествах – яд, а в микроскопических дозах способны чудесным образом исцелять больных. Федя слушал его жадно, впитывал каждое слово. Любая такая беседа была еще одним маленьким шажком на пути к заветной цели – стать доктором, стать таким, как Николай Петрович.

А.П.Чехов с друзьями

Разумеется, Николай Петрович много рассказывал ему об Антоне Павловиче Чехове, о студенческих годах, о проведенных вместе летних каникулах в имении их друзей Киселёвых в селе Бабкино. Как раз тогда, в 1885 году, в соседней деревушке Максимовке жил Исаак Ильич Левитан, который навещал Чеховых.

– Исаака все любили, – говорил Николай Петрович, вспоминая молодые годы. – Он был необыкновенно красив, огромные печальные глаза, грустная улыбка. Мы старались его развеселить, отвлечь от горьких мыслей о невозможности приехать в Москву.

Нам было стыдно, что осенью мы уедем с дачи в Москву, а ему, великому художнику, певцу русской природы, нельзя – ведь в 1879 году его официально, как и всех евреев, выселили из Москвы…

– Почему, папа Коля?

В ответ на этот вопрос Николаю Петровичу пришлось поведать Феде много горького из истории родной страны – и про черту оседлости для евреев, и про то, как их выселяли из крупных городов, как не принимали в медицинские и другие престижные высшие учебные заведения, о страшных погромах…

– Тогда и доктор Левин переехал к нам в город окончательно, – с грустью закончил свое повествование Николай Петрович.

– А что потом было с Левитаном?

– Ну, а потом, благодаря хлопотам Михаила Васильевича Нестерова, Валентина Александровича Серова, Константина Алексеевича Коровина, Алексея Кондратьевича Саврасова, Антона и Николая Чеховых, Саввы Тимофеевича Морозова, Павла Михайловича Третьякова, многих других известных русских интеллигентов, власти стали закрывать глаза на то, что Левитан появлялся в Москве и Петербурге. – Николай Петрович называл всех знакомых и друзей по-старомодному уважительно, по имени-отчеству.

– Однажды, помню, Исаак здорово обиделся на Антона за его рассказ "Попрыгунья" – увидел там намеки на свою ученицу и приятельницу Софью Кувшинникову. Мы их до-о-олго мирили. Понимаешь, писатель черпает сюжеты из жизни. Проходят годы, реальные люди, которые были прототипами героев, уходят… Ну, кто теперь знает что-нибудь об этой Софье Кувшинниковой и что прототипом "Попрыгуньи" была именно она? Да и кто она такая, чтобы о ней помнить? А великолепный рассказ остался навсегда... Мы все очень радовались, когда они помирились. А после путешествия на Дальний Восток Антон подарил Исааку свою книгу с надписью: "Величайшему художнику от величайшего писателя. Милому Левиташе. Остров Сахалин – на случай, если он совершит убийство из ревности и попадет на оный остров". Потом, в 1892 году, опять начались строгости и опять всех евреев выселяли. И только в 1899 году, за год до смерти, Исаак получил вид на жительство в Москве... Я свято храню два карандашных рисунка: один мне подарил Исаак Ильич Левитан, другой – Николай Чехов, брат великого Антона Павловича, знаменитый художник. Знаешь, Николай Чехов участвовал в росписи стен московского храма Христа Спасителя!

******

Как-то одноклассник пригласил Федю на свой день рожденья. Вечером Федя пришел домой радостно-возбужденный, но через некоторое время, как показалось Николаю Петровичу, притих и погрустнел.

– Что с тобой, Федюша, пошто опечалился, добрый молодец? – попытался он шуткой вернуть ему хорошее настроение.

– Да так, ничего особенного. Просто подумал о том, что у меня нет дня рожденья. У других есть, а у меня – нет. Ну, ладно, не большое это горе, правда, папа Коля? Идем спать.

– Спать мы еще успеем, а проблему твою прямо сейчас и решим. – Николай Петрович ненадолго задумался, глядя на Федю. – Например, так. Ты ведь родился в 1912 году? Вот и выберем число 12. А месяц давай возьмем между зимой и весной – как бы обозначим переход из холодного, голодного периода твоей жизни к светлому, весеннему, полному надежд на будущее. Именно таким месяцем, я думаю, можно считать март. Тем более это должен быть март, потому что он считается месяцем военных врачей. Постановляем от сегодняшнего числа сего года, назначить твоим днем рожденья 12 марта 1912 года, – сделал Николай Петрович торжественное заключение решения Фединой проблемы. – Теперь будем каждый год в этот день праздновать твой день рожденья и дарить тебе подарки.

У Феди радостно заблестели глаза. “Какой он еще, в сущности, ребенок”, – подумал Николай Петрович.

– А почему март – месяц врачей?

Николай Петрович рассказал Феде легенды о древнегреческих богах, о том, что там у них происходило и как все это изобразил дражайший Антон Павлович. Потом не спеша достал с полки томик А.П. Чехова и прочитал Феде шутливый гороскоп своего обожаемого Антона Павловича Чехова… ***О МАРТЕ.***

Месяц март получил свое название от Марса, который, если верить учебнику Иловайского, был богом войны. Формулярный список этого душки-военного затерян, а посему о личности его почти ничего не известно. Судя по характеру его амурных предприятий и кредиту, которым пользовался он у Бахуса, следует думать, что он, занимая должность бога войны, был причислен к армейской пехоте и имел чин не ниже штабс-капитана. Визитная карточка его была, вероятно, такова: «Штабс-капитан Марс, Бог войны». Стало быть, март есть месяц военных и всех тех, кои к военному ведомству прикосновенность имеют: интендантов, военных врачей, батальных художников, институток и проч. Числится в штате о рангах третьим месяцем в году и имеет с дозволения начальства 31 день. Римляне в этом месяце праздновали так называемые Гилярии – торжества в честь Никиты Гилярова-Платонова и богини Цибеллы. Цибеллой называлась богиня земли. Из ее метрической выписки явствует, что она была дочкой Солнца, женою Сатурна, матерью Юпитера, – одним словом, особой астрономической, имеющей право на казенную квартиру в Пулковской обсерватории. Изобрела тамбур, тромбон, свирель и ветеринарное искусство. Была, стало быть, и музыкантшей и коновалом – комбинация, современным музыкантшам неизвестная. В этом же месяце римляне праздновали и именины Венеры, богини любви, брака (законного и незаконного), красоты, турнюров и ртутных мазей. Родилась эта Венера из пены морской таким же образом, как наши барышни родятся из кисеи. Была женою хромого Вулкана, чеканившего для богов фальшивую монету и делавшего тонкие сети для ловли храбрых любовников. Состояла на содержании у всех богов и бескорыстно любила одного только Марса. Когда ей надоедали боги, она сходила на землю и заводила здесь интрижки с чиновниками гражданского ведомства: Энеем, Адонисом и другими. Покровительствует дамским парикмахерам, учителям словесности и доктору Тарновскому. В мартовский праздник ей приносили в жертву котов и гимназистов, начинающих влюбляться обыкновенно с марта. У наших предков март назывался Березозолом. Карамзин думал, что наши предки жгли в марте березовый уголь, откуда, по его мнению, и произошло прозвище Березозол. Люди же, которых много секли, знают, что это слово происходит от слова «береза» и «зла», ибо никогда береза не работает так зло и энергично, как перед экзаменами.

Слушая его, Федя заливался таким веселым смехом, что аж слезы выступили на глазах. Особенно ему понравилось принесение “в жертву котов и гимназистов, начинающих влюбляться обыкновенно с марта”, и последнее соображение об экзаменах.

Николай Петрович рассказал Феде о некоторых современниках А.П. Чехова, упоминаемых в этом ироническом гороскопе. По учебникам историка Дмитрия Ивановича Иловайского, выдержавшим более 150 изданий, учились несколько поколений российских гимназистов. (*После революции Иловайского несколько раз арестовывала ЧК. Умер в 1920 г.)*

Никита Петрович Гиляров-Платонов –публицист, богослов, философ, литературный критик, мемуарист.

Ипполит Михайлович Тарновский и его брат Вениамин Михайлович Тарновский – знаменитые российские врачи. Николай Петрович не стал останавливаться на таких подробностях, как то, что Ипполит был акушер-гинекологом, доктором медицины, тайным советником, а Вениамин – венеролог, сексопатолог, судебный психиатр, основал первую русскую школу венерологии, отделив эту специальность от хирургии. Решил, что обращать внимание Феди на эту область медицины еще рановато, поэтому и опустил объяснение о ртутных мазях (ими тогда лечили сифилис)

******

Николай Петрович следил за всеми медицинскими новостями и, естественно, не пропустил только что изданный знаменитый труд Ивана Петровича Павлова “Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных”. В советской прессе писали о том, что Иван Петрович Павлов с мая по июль 1923 года посетил Париж, научные центры США, где сделал два доклада, участвовал в работе XI Международного физиологического конгресса в Эдинбурге (Великобритания).

А о том, что на родине во вступительной лекции студентам Медицинской Академии И. П. Павлов резко критиковал программу большевиков в области науки и образования, – об этом, разумеется, широкая публика не узнала.

Глава двенадцатая

В самом конце длинного коридора на третьем, последнем этаже больницы была одна запертая комната, на которой висела табличка: "Палата №6". Это была палата для душевно-больных. В городе не было больницы для них, городские власти отмахивались – мол, нет лишних денег кормить психов задаром. Тихие помешанные жили по своим домам и были все на учете у доктора Николая Петровича. Родные приводили их раз в месяц, якобы для лечения печени. Доктор сначала говорил с родными, потом осматривал больного – щупал живот, заглядывал в горло, а тем временем беседовал с пациентом, задавал разные вопросы, исподволь стараясь прояснить его нынешнее психическое состояние. Просил родных относиться к этим больным поделикатнее, не кричать на них, не раздражаться. Ведь испокон веку на Руси относились к убогим и дурачкам с состраданием. Назначал какое-нибудь легкое успокоительное средство и прощался очень уважительно, за ручку, просил прийти через месяц. Больные от такого доброго отношения доктора стремились в следующий раз произвести на него благоприятное впечатление и охотно шли к нему на прием. А в палате №6 лежали два человека, которых Николай Петрович не мог отпустить в большой мир.

Один из них, Никифор, имел жену и сына, где-то до этого работал, умеренно выпивал два раза в месяц – в аванс и получку – святое дело. Ничто не предвещало беды. Но как-то раз Никифор пришел с работы необычно рано, лег, отвернувшись к стене, потом вдруг вскочил, схватил топор и начал молча крушить все: стол, стулья, шкаф и уже принялся за стены. Жена с сыном убежали, как только увидели в руках Никифора топор. Позвали соседей, милиционера, связали, увезли. Одним словом, он оказался в палате №6.

Второй, Степан, был из приличной учительской семьи. Он был племянником бывшего учителя гимназии Олега Ивановича, одного из любителей преферанса у доктора Левина. Степан хорошо учился, собирался стать учителем истории. Но с какого-то времени иногда по ночам, особенно, в полнолуние, стал спать беспокойно, размахивать руками, бормотать во сне. Однако при этом спал крепко, трудно было разбудить его, а когда утром просыпался, ничего не помнил. Постепенно эти бормотания становились все более четкими, обретая черты довольно внятной речи на совершенно непонятном языке. Советовались с Николаем Петровичем и доктором Левиным, но мозг человеческий – самое удивительное, загадочное явление во всей Вселенной – был неподвластен даже им. Похоже было на психическое заболевание.

Матушка, тайком от мужа и брата, отвезла его к бабке-знахарке в деревню. Как только вошли к ней, Степан схватился за голову, как если бы она вдруг сильно заболела, просто раскалывалась от боли, а бабка стала креститься и выгонять их из дому: "Уходите скорее, боюсь я его, у него же руки в крови!" Степана увели, а матушка осталась, умоляя бабку хотя бы объяснить, в чем дело, если не может излечить.

– Нонче новые времена, в Бога никто не верует и в дьявола тоже, – доверительно шептала бабка, пожалев несчастную мать. – Раньше-то как было? Наш батюшка мог дьявола изгонять. Не все могли, а он мог! Меня звал в помощницы, – добавила она гордо и мечтательно, вспоминая далекие годы. – Дьявол возьмет душу человека в кулак, а батюшка его крестом, крестом, да молитвой, да силой духа своего – и побеждал. А у сына твоего – подселение.

– Как это – подселение?

– Душа чья-то мается, покоя себе не находит. Злой человек был, вояка, супостат и насильник, много крови пролил, а каяться не хотел. Его-то душа в твоего сына и вселилась.

– Почему, почему!? Мой сын и мухи не обидит, всегда добрый был! Чем он виноват?

– Не знаю, милая, не знаю. Душа его слабая, незащищенная... Крестов не носите, молитвой не охраняетесь... Вот дух супостата и искал такого человека, а тут случайно попался ему твой сын, он и подселился, чтобы через него пакости делать, речи крамольные говорить. Иди, милая, с Богом, я тебе ничем помочь не могу и денег не возьму.

Матушка боялась рассказать мужу и брату о посещении знахарки, но ситуация становилась все хуже и хуже. Они начали записывать за ним, пытаясь понять, на каком языке и о чем он говорит. Постепенно оба доктора разобрались, что Степан говорит на греческом языке, но не современном, а древнегреческом. Он

уже заговаривался и днем. А времена наступали опасные – человека, говорящего на иностранном языке, запросто могли обвинить, что он шпион. Разве не к особой бдительности призывали нас вожди? Поэтому о таком несчастье семьи знали только доктора Левин и Николай Петрович. От остальных болезнь сына тщательно скрывали. Они перестали ходить в гости, принимать у себя друзей.

Как-то Степан расшумелся у себя в комнате. Матушка зашла к нему со стаканом чая в надежде успокоить. Он ходил по комнате, говорил что-то непонятное, размахивал руками... Маму он не видел. Неловким и непреднамеренным движением руки Степан выбил у нее из рук стакан и даже не обратил на мать никакого внимания. И хоть он сделал это не нарочно, – матушка видела, как он смотрел в ее сторону невидящим взглядом, – это стало последней каплей в чаше ее горя. Она подумала, что агрессивность "подселенца" все сильнее сказывается в поведении ее милого и доброго Степушки. Матушка слегла с сердечным приступом, и через несколько дней ее не стало.

Но перед смертью она успела рассказать мужу и брату о посещении бабки. К тяжелому горю добавились еще растерянность и недоумение. Рушились все привычные устои. Они всегда гордились своими прогрессивными и современными взглядами, неверием в колдунов, в приметы, в заговоры и прочую ерунду. Если согласиться с бабкой, получается, что душа какого-то древнегреческого военачальника вселилась в нежного Степочку... За что?! Почему так случилось? Что делать? Как жить дальше? Что будет со Степаном, когда он останется один?

Дедушка Степана был из купцов. Сын и дочь не пошли за ним по купеческой части, а стали учителями. Сын не женился. Дочь вышла замуж тоже за учителя, родила только одного сына Степочку. А дед так мечтал иметь большую, дружную, крепкую купеческую семью!

Когда отец Степы тоже ушел в мир иной, Степан остался на попечении дяди – Олега Ивановича, который катастрофически быстро старел. Его угнетала болезнь племянника, ответственность за него, отсутствие помощи и вся невеселая жизнь вокруг. Он попросил Николая Петровича взять Степана в больницу – все лучше, чем в НКВД.

Вот так оказались в одной палате два столь разных человека, пока спокойных, но непредсказуемых и поэтому потенциально опасных для общества.

******

Николай Петрович не был богатырского телосложения, а больные попадались разные – буяны, пьяницы, озлобленные. Справляться с ними помогали Николаю Петровичу спокойный уверенный голос, строгий взгляд да дядя Коля – завхоз, дворник и вообще мастер на все руки. Ключи от палаты №6 были только у них. Только дядя Коля имел право заходить в эту палату, медсестрам туда входить не разрешалось. Он приносил больным еду, убирал, выводил по очереди гулять в больничный сад.

Однажды Федя пришел из школы пораньше. Сначала помог нянечкам, потом побежал в сад к дяде Коле, который сгребал снежную слякость вперемешку с грязью и последними осенними листьями. Дядя Коля поднял голову, посмотрел на последнее окно на третьем этаже и засуетился:

– Ох, у меня еще шестая палата не кормлена.

– Дядь Коль, дай ключи, я им обед снесу.

Дядя Коля отдал ему ключи, и Федя побежал кормить шестую палату. Никифор, как всегда, лежал лицом к стене. Степан был спокоен, лежа читал очередную книгу из тех, которые приносил ему Николай Петрович. Услышав звук ключа, они повернулись к двери – время обеда. Сначала въехала коляска с тарелками ароматно пахнущего обеда, потом вошел... не дядя Коля, не Николай Петрович, а, чего они никак не ожидали, маленький мальчик. Оба сели на кровати и удивленно уставились на него. Феде стало немного тревожно, он понял, куда попал. Он не за себя испугался. Он подумал, что, если они сейчас оттолкнут его и убегут, он не сможет их удержать, случится суматоха, какая-то неприятность или беда, и он, Федя, будет во всем виноват, и Николай Петрович рассердится. Делать нечего, надо выкручиваться.

– Здравствуйте, товарищи выздоравливающие! – громко приветствовал их Федя. – Давайте будем знакомиться. Я – Федя, а вы?

– Я – Степа, – удивленно глядя на мальчика, Степан отложил книгу.

Никифор молчал и не мигая смотрел на Федю. Видимо, в голове его смутно шевельнулось неясное воспоминание о том, что у него, вроде, тоже есть сынок такого же возраста.

– А он – Никифор, – объяснил за него Степан.

– Пожалуйста, кушайте, а я приберу тут и что-нибудь вам расскажу. – Федя поставил перед каждым его тарелку. – Сегодня очень вкусный обед.

Федя застелил постели, прибрал в тумбочках. При этом он еще успевал что-то рассказывать и петь свои любимые частушки. "Товарищи выздоравливающие" смотрели на него с удивлением и восторгом.

– Да какой же у вас из окна вид красивый! – Федя подошел к окну. – И больничный сад видать, и Николая Петровича сад с беседкой, а вон и речку видно... Прямо, как картина, которые художники рисуют.

– Мы видели в беседке какой-то праздник, там все веселились и песни пели, – вспомнил Степан.

– А-а, это мы тетю Веру женили, то есть замуж выдавали, – сказал Федя, и у него заскребло на душе от этих слов Степана. Его доброе сердце наполнилось жалостью к людям, сидящим здесь взаперти, как в тюрьме. – А какую книгу вы читаете? – увел он разговор в сторону и прочел название. – А.П. Чехов "Рассказы". Это, наверно, вам Николай Петрович дал почитать?

– Как ты догадался?

Когда Федя начал убирать тарелки, Никифор поманил его пальцем, чтоб подошел поближе, и громким шепотом предостерег, показывая на Степана:

– Ты будь с ним поосторожней – он убийца!

– Да что вы, голубчик! Вы просто ошиблись! Он не убийца, а только похож на него. Сейчас милиция ищет одного убийцу, у него большая родинка на правой щеке. Степан, пожалуйста, повернитесь налево, теперь направо. Видите, никакой родинки нет. Вы, Никифор, ошиблись. А вы, Степан, не обижайтесь на него. Никифор совсем не хотел вас обидеть, он просто ошибся.

Федя действовал интуитивно, но, как хороший психолог, повторял несколько раз на разные лады, что это ошибка, что Степан не убийца. Потом он велел им пожать друг другу руки, обняться, велел дружить и помогать друг дружке во всем.

В это время Николай Петрович встретил во дворе дядю Колю.

– Ты уже накормил шестую палату?

– Федя пошел их кормить, – ответил дядя Коля, и в этот момент до него дошло, что он наделал. Он твердо помнил, что сестричкам в палату к психам ходить не дозволено, а Феде... Тут он просто не подумал, какие неожиданности могут произойти.

Николай Петрович испугался и побежал на третий этаж, дядя Коля – за ним. В те минуты, пока Николай Петрович, запыхавшись, мчался к палате №6, он еще глубже осознал, как дорог ему этот мальчик. Он такой маленький, слабый, а они могут в момент невменяемости ударить его или даже, упаси Боже, убить. Наконец, они добежали. Пока Николай Петрович дрожащими руками доставал ключ, дядя Коля приложил ухо к двери, и она открылась. Они оба втиснулись в палату и увидели изумившую их картину: Федя сидел между Степаном и Никифором, хлопал их по коленям и рассказывал им какую-то историю. Все трое хохотали.

Вечером дома Федя обсуждал с Николаем Петровичем в подробностях свое пребывание у душевнобольных.

– Я, наверное, стану психиатром.

– Ты же хотел быть хирургом? – улыбнулся Николай Петрович.

– А можно я буду и хирургом, и психиатром?

– Можно, Феденька, можно. Тебе, дорогой, все можно.

Глава тринадцатая

Наступила очень холодная зима, лютая стужа 1924 года. Умер Ленин.

******

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней...
И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.
И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

(Вера Инбер)

******

Страна сжалась, съежилась, замерла… Что с нами будет? Казалось, что хуже уже быть не может... А люди продолжали жить (если это можно назвать жизнью) – учиться, работать, пить, есть (если было что), гулять и даже любить. Однако это было странное состояние, сравнимое с депрессией, – человек продолжает двигаться, ходить на работу, выполнять необходимые действия, но душа его страдает, умирает. Страна страдала…

На базаре теперь Федя появлялся редко, а Захар, помня слова Ефроима, каждый раз приглашал его приехать погостить, познакомиться с его женой, повидаться с Манечкой – она уже пошла в школу, учится хорошо. Поэтому по воскресеньям с ним на базар больше не приезжает, дни короткие, да и морозы сильные.

Федя обещал. Наконец, после такой на редкость студеной зимы пришла долгожданная весна, и, дождавшись каникул, Захар увез Федю к себе на несколько дней.

Миша попросил Федю навестить могилу матушки, если только будет возможность сделать это, не вызывая (ни в коем случае!) каких-либо подозрений и не подвергая себя опасности. Он нарисовал ему подробный план села, – кто где живет, где сельсовет, где школа, церковь, кладбище, чтоб Феде не пришлось спрашивать дорогу. И, самое главное, расположение могилы матушки. Передал подарок для тетки Марии.

Пока ехали, говорили с Захаром о разном, благо времени было предостаточно. Захар задавал Феде "провокационные" вопросы: с кем дружит, а нет ли среди его друзей ребят из ихнего, Захарова, села. Чтобы переменить тему, Федя сам стал спрашивать Захара.

– Слышь, дядя Захар, а как там Ефроим в своей Жмеринке? Ничего о нем не слышно? Обещал писать, а сам – ни словечка. Я вот что подумал: может, он по-русски писать не умеет? Говорит он по-русски хорошо, а писать, наверно, может только на своем, еврейском? Может, кому из соседей пишет?

– Я знал, что ты про него спросишь. У меня у самого сердце было не на месте. Так вот, кое-что мне удалось разузнать. Значит, так. Поехал наш Ефроим ни в какую не в Жмеринку, а в Америку. – Захар специально сделал паузу, он упивался эффектом, произведенным этой новостью. Эффект был! – И поехал он, – продолжал довольный собой Захар, – вместе со скорняком из Лугового, соседнего села, значит. У того сыновья женихались с Ефроимовыми дочками. А у скорняка этого остались в селе две сестры да брат, и все с семьями. Ну, значит, поехал я в ихнее село в базарный день со своим товаром, а потом к одной из сестриц подкатил эдак культурненько да вежливо. Мол, очень интересуюсь, как там Ефроим устроился, все ли у него хорошо, не жалеет ли, не хочет ли обратно воротиться? Вот она мне все подробно и рассказала.

Приехали, значит, они все в эту Америку, ну поселились – добрые знакомые помогли. Две свадьбы скромненько справили. Скорняк пристроился на меховую фабрику работать. Открыть свое дело ему пока денег не хватает. Я тогда ей намекаю: ты, мол, мне больше подробностей про Ефроима, поскольку он мой друг и односельчанин. Понял с ее слов, что Ефроиму труднее пристроиться, вроде поехал он в село, где лошадей держат, подковал их по всем правилам, со всем своим искусством. Хозяевам понравилось. “Ну, – говорят ему, – на кажный день работы нет. Ты приезжай раз в неделю, в субботу”. А он как раз в субботу-то работать не имеет права, еврейская вера не дозволяет. “А по воскресеньям, – отвечают они, – мы не работаем, в церковь ходим”.

– Вот ведь какая незадача, – сострадательно вздохнул Захар. – И хочет человек работать, и может работать, и работа есть, и нравится, как он ее исполняет, и дорого, наверно, не просит – а не ладится дело... Ну, вроде, он иногда по будням кое-какую мелкую работенку имеет. Но сильно переживает.

А Сарочка его (вот умнейшая баба!) взялась хлеб печь. Хлеб печет – аромат на всю улицу. Потом халы, булочки сдобные, одним словом, развернулась. Дочки младшие в школу ходят, а после школы Сарочке помогают. Ну теперь и Ефроим при ней – муку привозит, товар по заказчикам развозит. Но по своему кузнечному делу, я думаю, дюже скучает. Он же кузнец от Бога, такое мастерство редко кому дается.

Давеча, вот, третью дочку пришли сватать. Ефроим с Сарой обрадовались – еще одна будет пристроена. Так дочка эта ни в какую! “Замуж не пойду, пока не выучусь – хочу докторицей быть, и все тут!” Сложно теперь судить. Вроде как раньше-то дети должны были родителей слушать и почитать. Бывало, кого родители посватают, за того и выходят. А сейчас что делать? Теперь мода пошла другая, повелением своим родительским не заставишь. Мало почтения к старшим стало... Но Маняша наша такая умница, такая послушная да услужливая! Шурочка моя не нарадуется.

– Дядя Захар, ты не отвлекайся, ты про Ефроима докончи рассказывать.

– Ну, чего еще рассказывать, я больше ничего и не знаю. Скорняк этот о себе все пишет, а о Ефроиме – так, к слову. Я ей, сестрице скорняка, и говорю: “Ты, мол, письмо когда брату писать будешь, обязательно отпиши, что Захар и два мальчика низкий поклон передают Ефроиму и его семье и всяческого благополучия желают”. Правильно?

Федя замер. В его голове крутилось: "два мальчика"... Что-то Захар знает.

– Ты, Федя, не думай. Если кто другой письма читает, – Захар невольно, несмотря на то, что вокруг никого, перешел на шепот, – так скажу, что я имел в виду не двух мальчиков, а двух девочек – мою Шуру и Маняшу. Ну вроде сестрица скорняка этого по-русски меня не совсем поняла.

Федя долго молчал, наконец, решился:

– Ладно, дядя Захар, не будем друг от дружки хорониться, говори, что ты знаешь.

– Так, а что я знаю? Что Ефроим парнишку с нашего села (Захар даже не назвал имя парнишки – вот конспирация!) увёз и спрятал, а где – не знаю. Он мне даже перед отъездом не сказал. Но я так думаю, что он его к какому-то мастеровому еврею пристроил учиться часовому делу, а может, портняжному или ювелирному. А? Я ж не ради любопытства спрашивал – вдруг понадобится по делу какому.

– Понадобится, так найдется. – И на этом Мишина тема была закрыта между ними.

Шура встретила Федю по самому высшему разряду – зарезала курочку, напекла пирогов, да разных солений и варений со своего хозяйства на стол выставила. Маняша бросилась ему на шею, с гордостью показывала свои тетрадки с хорошими отметками. За столом Федя, по обыкновению, рассказывал разные байки. Звучал детский смех, было весело и тепло в доме и на душе у Захара и Шуры. Люди не всегда осознают, что именно сейчас, в этот момент они по-настоящему счастливы, не восклицают: "Остановись, мгновенье!.."

******

Счастливые люди… не могут понять, насколько они счастливы. Именно сейчас, когда они рядом друг с другом и можно обняться, расцеловаться, простить друг друга, объясниться в любви. Когда есть возможность тепла человеческого... ***(А.П.Чехов)***

******

На следующее утро Федя с Маняшей пошли прогуляться по селу. Она вежливо здоровалась с редкими встречными (весенние работы в разгаре, не много праздно-шатающихся в это время) и представляла Федю: “Это мой двоюродный брат”. Почему она решила его так назвать – сама не смогла бы объяснить – просто так вырвалось. Федя, хорошо изучивший план села, удивлял ее своими познаниями:

– Сейчас за углом будет изба-читальня, а вот в этой избе живет тетка Мария. А в том доме ваш ветеринар живет.

– Жил, – тихо поправила его Манечка. Они помолчали. – А как ты все знаешь?

– Я же готовлюсь на доктора учиться, многие полезные науки изучаю, поэтому могу мысли читать, – важно произнес Федя, а у самого смешливые глаза чуть не в щелочки превратились. – Вот я могу сейчас сказать, о чем ты думаешь.

– О чем?

– Ты думаешь: "Никак не пойму, как это Федя мои мысли читает?"

– Ой, правильно.

Беседуя и оглядываясь по сторонам, Федя с Маняшей шли по направлению к кладбищу. Там он сразу нашел могилу матушки Лидии – план, составленный Мишей, был точным.

Маняша сказала, что, когда они ходят на родительский день к могилкам родителей Захара и Шуры, всегда подходят к этой могилке. И еще тетка Мария сюда приходит и убирает ее.

– А кто там, Федя? Зачем мы сюда подошли?

– Там очень хорошая и добрая тетя. Вот мы с тобой не знаем, где могилки наших мамок, так можно сюда подойти и поклониться. А если тебя спросят, зачем подошла, скажи: “Не знаю, просто так”.

Вернулись домой. Федя, как всегда, не мог сидеть без дела. Они с Маняшей вскопали огород, пока Захар и Шура работали в поле. В оставшиеся два дня Федя переделал много чего – в крестьянском дворе всегда найдется работа, если человек не лентяй. Потом Захар отвез Федю в город. Долго еще они с Шурой вспоминали и обсуждали этот визит и строили радужные планы...

******

1924 год. Иван Петрович Павлов прочитал во Всероссийской Медицинской Академии последний курс лекций о работе больших полушарий головного мозга. Причиной ухода из Медицинской Академии стало исключение студентов – детей “лишенцев”, в том числе детей священников.

******

В конце 1924 года у Верочки и Афанасия родился первенец Ванечка. А через 3 года – дочка. Годы бежали, быстро догоняя один другой… В 1928 году Миша окончил школу и поступил на вечернее отделение Политехнического института, продолжая работать на заводе.

Один-два раза в год Федя приезжал в село. Отношения с Маняшей были очень теплые и дружеские, какие-то братски-сестринские. Захар с Шурой, приглядываясь к ним, утешали себя, что Маняша еще ребенок, а вот как подрастет...

******

В 1929 году состоялось торжественное заседание Физиологического общества, посвященное 100-летию со дня рождения И.М.Сеченова, на котором выступил И. П. Павлов и так охарактеризовал положение в стране:“Мы живем под господством жестокого принципа: государство, власть – все. Личность обывателя – ничто”.

******

В 1930 году у Верочки и Афанасия родился еще сынок. Получилась семья, как на Ефроимовом подарке – трое деток.

Федя окончил школу, поступил в Московский мединститут. Как раз в этом, 1930 году Медицинский факультет отделился от Московского университета и стал Московским медицинским институтом. Уж как был горд Николай Петрович!

Перед отъездом в Москву Федя поехал в Антоновку к Захару. Маняше было 14 лет. Высокая, видная девочка – в селе взрослеют быстро. Уже и мальчики стали с интересом поглядывать на нее. Особенно настойчив был Василек, красивый светловолосый паренек. Шура парня особенно не поощряла, но и не отгоняла (на всякий случай). Федя, как обычно, был радушно принят, как обычно, помог по хозяйству, и, как обычно, Захар с Шурой не заметили особого изменения в отношениях детей – их отношения были так же искренни и чисты, без всякого намека на особые чувства.

******

В этом же 1930 году в возрасте 90 лет умер доктор Левин. Он не мучился, хотя был слаб физически. Но голова была ясная, как в молодые годы. Однажды он прочел о смерти Альвара Гульстранда, шведского офтальмолога, лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине 1911 года, с которым был знаком в молодости.

– А ведь он намного моложе меня... наверное, и мне пора, – задумался Давид Эммануилович. Как подумал, так и произошло – заснул и не проснулся.

******

...Однажды, вверив небесам
Очаг, что время не разрушит,
Не возвращусь, – останусь там,
Где по ночам витают души. ***(Ростислав Дижур)***

******

Похоронили доктора Левина на еврейском кладбище рядом с могилами его родителей и жены. По старости доктор Левин давно не принимал больных, его известность и популярность в городе постепенно сошли на нет, так что на его скромные похороны, проведенные Лейбом Соломоновичем по еврейскому обряду, власти особого внимания не обратили. И слава Богу... Дочки на похороны приехать не смогли.

В оставшийся после него, теперь ничейный, дом вселили несколько разных семей, и стал он большой коммунальной квартирой. Эльзе дали в ней одну комнату на первом этаже, бывшую процедурную. Она забрала из комнат Давида Эммануиловича самое ценное – фотографии, письма, домашние реликвии: большой красивый альбом с серебряным тиснением и застежкой, фотографии Давида Эммануиловича – с родителями, после обучения в Германии, со знаменитыми врачами, в операционной, с молодой женой, с первенцем, с обоими детьми... Грамоты, письма, полные благодарности и признательности... Вся история жизни человека. Разве можно выбросить такое?! Каждую фотографию она положила в отдельный конверт, на котором с немецкой обстоятельностью написала, когда была сделана, кто на ней изображен. Она бережно хранила это, увы, никому уже здесь не нужное богатство в надежде когда-нибудь передать его детям Давида Эммануиловича.

Николай Петрович взял Эльзу на работу в больницу. За эти годы ее русский язык стал намного лучше, но остался сильный акцент, над которым посмеивались больные. А соседи Эльзы по коммуналке злобно третировали ее по всякому мельчайшему поводу – "немчура"...

Глава четырнадцатая

Следствием того, чем ознаменовался этот недобрый **1933 год**, стала мировая катастрофа.

12 января. В СССР закончился Пленум ЦК ВКП(б), который принял решение о чистке партии и прекращении приёма в неё.

28 апреля. Постановление СНК СССР «О выдаче гражданам паспортов».

10 мая. Студенты Германии под руководством нацистов сожгли более 20 тысяч книг еврейских и других авторов мировой литературы.

В Советской России еще с начала 20-х годов, т.е. на 10 лет раньше начали изымать из библиотек "вредную" литературу. *"…элиту вытаптывали остервенело – живую и мертвую. Дабы упорядочить мысли граждан и пресечь вредное умствование, Надежда Крупская категорически предписала всем Политпро-светам изъять из библиотек и впредь запретить произведения десятков философов, среди них Канта, Платона, Декарта, Спенсера, Шопенгауэра, которые про большевиков знать не знали, но, по мнению Надежды Константиновны, могли навредить им. Даже философские сочинения Льва Толстого подлежали изъятию".* ***(Виталий Коротич)***

******

20 июня. Учреждена Прокуратура СССР.

2 августа. В СССР торжественно открыт Беломорканал.

2 сентября. В Риме Бенито Муссолини и полпред СССР в Италии В.П.Потемкин подписали Пакт о ненападении и нейтралитете между Италией и СССР.

16 ноября. США и СССР установили дипломатические отношения.

Ноябрь. Нобелевскую премию по литературе получил Иван Алексеевич Бунин – «За строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы».

14 декабря. Академия наук СССР передана в прямое подчинение Совету Народных Комиссаров СССР. Отныне членов АН СССР утверждает правительство. И никто не отважился напомнить, что еще в 1928 году на Общем собрании Академии наук СССР И.П.Павлов решительно выступил против вмешательства руководства страны в дела Академии.

******

Эльзу вызвали в определенные органы и настоятельно "порекомендовали" в самый короткий срок отказаться от иностранного гражданства и получить советское. Она прибежала к Николаю Петровичу рассказать об этой рекомендации. В ответ он горестно развел руками.

– Поверьте, дорогая Эльза, я вас очень ценю как прекрасную медсестру, но, может быть, вам будет лучше на своей родине?

– У меня нет там ни родных, ни друзей, которые бы приняли меня. Мне даже негде там будет жить...

Что же делать? За советом пошли – несложно догадаться – к Леониду Семеновичу Клигеру, к кому же еще? Леонид Семенович всплеснул руками:

– О чем вы говорите, милая Эльза! А дочери Давида Эммануиловича?! Они же примут вас, как родную! Собирайтесь немедленно, пока они (он показал пальцем наверх) не передумали.

Эльза попросила все-таки написать для нее рекомендательные письма, что Леонид Семенович с Николаем Петровичем и сделали от всей души. Она собрала в старый чемодан свои нехитрые пожитки, и, конечно же, альбом Давида Эммануиловича и другие его памятные вещи. Леонид Семенович и Николай Петрович повезли Эльзу на вокзал в фаэтоне, посадили в вагон, поцеловали в щечку (чем привели старую деву в необычайное смущение) и распрощались с нею с неподдельной теплотой, понимая, что это прощание навсегда. [Дальнейшая судьба Эльзы и дочерей доктора Левина описаны во второй книге.]

******

Страна выискивает врагов и борется с ними, но количество их каким-то странным образом не уменьшается. Врагов много. Враги везде. Как можно их распознать? Они ведь, как постоянно напоминает великий и мудрый вождь, скрываются под личиной самых верных и преданных друзей.

Николай Петрович, Афанасий, Верочка, Миша и Федя верили только друг другу и больше никому. На откровенные разговоры со всеми другими людьми они наложили запрет. И, несмотря на это, каждый из них, боясь за своих друзей, неустанно предупреж-дал остальных – избегайте разговоров о политике, будьте осторожны, никому не дове-ряйте... Члены этого маленького коллектива были связаны не узами родства, а более крепкими – духовными узами.

******

Весной 1935 года смертную казнь в СССР распространили на детей с 12 лет.

*В августе того же года на XV Международном конгрессе физиологов, который проходил в Москве, И.П. Павлов был признан Первым физиологом мира. В письме к Н.И.Бухарину, умоляя спасти родственницу, несправедливо арестованную ГПУ, И.П. Павлов писал**: "Боже мой, как тяжело теперь сколько-нибудь порядочному человеку жить в Вашем Социалистическом Раю"**. Истины ради надо отметить, что Бухарин помог. В октябре от рака желудка умер младший сын И.П. Павлова Всеволод.*

И через несколько месяцев 27 февраля 1936 года скончался Иван Петрович Павлов.

******

Летом Федя успешно закончил Московский мединститут и перед тем, как вернуться в родной(!) ему дом и родную больницу уже в качестве дипломированного врача, он с друзьями поехал в Ленинград, посмотреть легендарный город, увидеть белые ночи.

Ах, Ленинград, Ленинград, Северная Пальмира, сказочный город...

******

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад – Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский. ***(С. Я. Маршак)***

******

В Ленинграде жил писатель Григорий Белых, который в соавторстве с Алексеем Еремеевым (по прозвищу Ленька Пантелеев в честь известного налетчика) написал книгу «Республика Шкид», имевшую неве-

роятный успех. Начиная с 1927 года книгу переиздавали почти ежегодно. Федя читал все произведения Григория Белыха – "Дом веселых нищих", "Холщовые передники", "Американская каша" и другие, но больше всего любил “Республику Шкид”.

Была у Феди мечта узнать адрес писателя Григория Георгиевича Белыха, прийти к нему, поблагодарить за такую увлекательную и, главное, жизненную книгу, рассказать, как часто он ее перечитывает, потому что она правдивая (уж он-то знает точно!) до последнего слова, и еще ее юмор помогает в трудных ситуациях и т. д. Но времени было мало, да и обстановка была неподходящая. Ребята гуляли все вместе, а желание повидаться с писателем было несколько интимное – ведь Феде хотелось поговорить по душам, рассказать о своей жизни, о скитаниях, о своем беспризорном детстве, о коротких знакомствах с детприемниками… "Да ладно, – подумал он, – в следующий свой приезд в Ленинград обязательно найду его."

Гуляя и развлекаясь, он не забывал о своих близких, купил всем подарки. Николаю Петровичу – бюст А.П. Чехова; Афанасию и Мише – альбомы с видами Ленинграда; Верочке, Шуре и Манечке – красивые платки. А вот что подарить Захару, никак не мог придумать.

Перед отъездом забежали на рынок купить себе что-нибудь в дорогу. Там Федя увидел скромно стоящего человека с книгами, разложенными на коробке. Человек был в очках, очень интеллигентного вида. Он явно стеснялся, что ему приходится стоять на рынке и продавать последнее, что у него осталось ценного, – книги. Но ценными они были лишь для него и для немногих понимающих людей, а не для рядовых покупателей. Он сознавал это, и потому просил за них сущий мизер, лишь бы купили.

Когда Федя подошел к нему и увидел его глаза, полные отчаяния и надежды, он вспомнил свое голодное детство, как он сам когда-то смотрел на продавцов на базаре, – вдруг кто-то что-то подаст? Сердце сжалось от этих воспоминаний. Книги были в большинстве своем технические, многие на немецком языке, в общем-то, Феде ненужные, но он уже знал, что без покупки не уйдет, и поэтому внимательно перебирал их. Выбрал для себя "Словарь иностранных слов". Продавец очень одобрил его выбор. Они разговорились. Продавца звали Илья Семенович, он был учитель. Потом Федя решил взять два тома "Энциклопедии инженера" на немецком языке для Миши. И вдруг увидел красочный альбом с картинками разных деревянных поделок, шкатулок, игрушек. Как раз чудесный подарок для Захара!

Он посмотрит, полюбуется и, наверное, что-то такое же захочет смастерить!

Продавец спросил, сам ли Федя увлекается резьбой по дереву? Федя объяснил, что это в подарок одному деревенскому умельцу, который был к нему очень добр во время его далекого беспризорного детства. И теперь после окончания института и перед началом работы он поедет навестить его семью в деревню. Его жене и дочке купил платки, а ему самому как раз будет приятно получить такую необычную, красивую книгу!

– Я вижу, вы очень благородный человек, не все так долго помнят добро. Вы знаете, мой дедушка был резчик по дереву, у меня даже сохранились его шкатулки. И еще у меня есть его набор для резки и выпиливания по дереву, шесть инструментов немецкого производства. Я не собирался его продавать, я бы хотел подарить его достойному человеку, чтобы он попал, как говорится, в хорошие руки.

– Ну, отчего же, я куплю его. Как я понимаю, вам нужны деньги.

Илья Семенович кивнул.

– Я живу здесь рядом, зайдемте, и я отдам вам эти инструменты. И вообще я все распродаю, все, что у меня есть.

Федя позвал с собой своих шестерых друзей, и все хором пошли к Илье Семеновичу. В старой захламленной квартире было много старинных штучек. Федя вспомнил свои "выступления" на базаре, когда он помогал Захару и Ефроиму распродавать товар... (Эх, Ефроим, Ефроим, как тебе живется-можется в далекой капиталистической Америке?)

И тут, на удивление приятелям, не подозревавшим о былых Фединых талантах, он с прежним куражом, воспользовавшись своими старыми любимыми приемами, уговорил всех купить несметную кучу подарков – сувениры для родителей, братьев, сестер, любимых девушек. Ребята покупали шкатулки, статуэтки, посуду, ложки-вилки, картины... Федя распродавал все сам – назначал цену, собирал деньги, сдачу не давал ("вот тебе на сдачу эта чашечка с блюдечком"). Потом вручил всю сумму опешившему от всей этой суматохи Илье Семеновичу. Ребята выходили нагруженные и довольные, что так недорого купили такие красивые вещи. Федя выходил последним.

– Я хочу сделать вам подарок, – остановил его Илья Семенович.

И знаете, что он преподнес Феде? Он достал с нижней полки книжного шкафа известную всем советским людям "Республику Шкид". Красивая книга 1935 года издания.

– Ой, это же моя самая любимая книга! У меня есть, но другое, более скромное издание. Огромнейшее вам спасибо! А вы, случайно, не знаете, где живет Григорий Белых?

– Знаю, – тихо сказал Илья Семенович.– Он жил на проспекте Красных командиров, дом 7, кв. 21...Но ходить туда не надо, он там уже не живет.

Федя замер. Он все понял, и сердце похолодело.

– Книгу никому не показывайте, – заворачивая ее в газету, посоветовал Илья Семенович. – Ее перестали издавать и теперь изымают из библиотек…

Илья Семенович был, как хороший педагог, отличным психологом, он понял потрясение, охватившее Федю. Слова утешения в такой ситуации не помогут, и, вообще, надо прощаться.

******

Белых Григорий Георгиевич, 1906 года рождения, русский, гражданин СССР, беспартийный, член Союза советских писателей. Жена – Раиса Соломоновна Грамм. Приговором Специальной коллегии при Ленинградском областном суде от 25/II/1936 определено 3 года лишения свободы в связи с обвинением по ст. 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Данных о дате, причине смерти и месте захоронения Белыха Г.Г. в деле нет, однако есть свидетельство писателя Л.Пантелеева, из которого следует, что Белых Г.Г. скончался летом 1938 года в Ленинграде в тюремной больнице им. Газа. (Был реабилитирован через 19 лет.)

******

– Еще раз вам большое спасибо, вы меня необыкновенно выручили. Эти деньги мне нужны на билет в Самарканд.

– В Самарканд?

– Да, я бы рассказал вам, но... Ладно, давайте так договоримся: если когда-нибудь окажетесь в Самарканде, спросите учителя из Ленинграда, найдите меня, и тогда мы с вами пообщаемся. Я буду очень, очень рад. От всего сердца желаю вам удачи.

В Самарканд Федя так никогда в жизни и не попал, с Ильей Семеновичем больше не встретился, но много позднее он вспомнил эту ленинградскую историю.

******

Интересно, кого больше на свете – верующих или атеистов? А кто верит в сглазы, проклятия, вещие сны? Илья Семенович (40 лет, скромный, неженатый – но это к делу не относится) был образованный, просвещенный человек, а в вещие сны верил! Всего раз пять в жизни ему снилась его покойная (пусть душа её покоится с миром) матушка и говорила о чем-нибудь важном, предупреждала, предохраняла. И все было верно, как она рассказывала. В последнем сне мама была сильно встревожена, она плакала, и Илье даже показалось, что утром он проснулся с влажными от ее слез щеками. Мама сказала, что сосед написал на него донос и его, Илюшеньку, завтра арестуют.

Единственная надежда спастись – утром собрать сумку с вещами (ни в коем случае не чемодан, чтобы соседи не догадались!) и уехать в Самарканд к Маре – его двоюродной сестре, которая замужем за узбеком.

Теперь понятно, как важна была для Ильи Семеновича эта пачка денег, которую выручил для него Федя. Какая неожиданная, счастливая случайность привела к нему Федю! А может, это совсем и не случайность? Может, это у Феди планида такая – мимоходом, невзначай делать людям добро?

Чем объяснить, что Илья Семенович решил не испытывать судьбу, а действовать самому быстро и решительно? По маминой подсказке во сне? По велению свыше? По инстинкту самосохранения? Или по собственной воле?

Он быстро собрал рюкзак и большую сумку с самыми необходимыми вещами, положил несколько дорогих сердцу фотографий и книг, в последний раз обвел взглядом теперь (увы!) бывшее свое жилище, свое родовое гнездо.

"Сумка с самыми необходимыми вещами" – эта формула засела в голове у Ильи Семеновича, склонного к философским размышлениям. Что такое “самые необходимые вещи”? Если человек имеет постоянное, а не временное жилье, то он постепенно обрастает вещами. При переселении в другую квартиру он старается взять с собой все свои такие необходимые, на его взгляд, вещи. А при переселении в другой город берет поменьше – только личные вещи, а остальное надеется приобрести на новом месте. А если человека ведут в тюрьму и разрешают взять только небольшой узелок? Или другой вариант: человек остался жив после кораблекрушения вообще без всяких вещей?..

Илья Семенович прервал поток своих мыслей на им самим заданную тему и быстро вышел. На лестнице неожиданно столкнулся нос к носу с тем самым соседом, о котором во сне предупреждала мама.

– Что это за шумная компания от вас недавно вышла? – подозрительно спросил он.

– А-а, это мои бывшие ученики, приходили навестить меня и пригласили на дачу на несколько дней, – на ходу нашелся Илья Семенович. – Но я не думаю, что останусь ночевать. Там одна молодежь, мое присутствие будет их стеснять. Так что я вернусь к вечеру. А вас, уважаемый, я попрошу проследить за почтой. Я жду очень важное письмо.

Сосед обещал “проследить за почтой”, и, будьте уверены, он собирался делать это со всем усердием.

Илья Семенович добрался до Самарканда, был тепло принят сестрой, устроился в школу учителем русского языка, женился на очаровательной женщине, у которой был маленький сын. Женщина была смесью разных народов: еврейки, узбека, казашки и цыгана. Да еще с "довеском". Кто возьмет такую? И вдруг негаданная встреча, нежданное чувство... Оно возникло между ними, как нежный цветок в степи, который, всем на удивление, вдруг расцвел под большим камнем, где нашел уютную тень и немного влажной земли… Мама больше не снилась…

Вещие сны для советской науки были запретной темой. Прошли десятилетия, прежде чем стало возможно говорить и писать об этом. Книга нейрофизиолога Натальи Петровны Бехтеревой (внучки знаменитого академика В.М. Бехтерева) "Магия мозга и лабиринты жизни" чуть ближе подводит нас к решению загадки мозга, сновидений, предвидения. Она и сама видела вещие сны. И всё же полной ясности в этих вопросах как не было, так и нет...

******

«Продажная девка империализма»! Интересно, что можно было бы обозначить так сегодня? Даже политические провалы носят менее броские имена – например, Уотергейт… Люди, что ли, стали менее изобретательны в ярлыках?

«Продажная девка империализма» – такой ярлык оправдывал, в частности, отсутствие в программах по биологии разделов по генетике.

Но – и в этом парадоксальность жизни – литература (да и история!) свидетельствуют, что «продажные девки» имели иногда очень верных рыцарей. За «продажную девку империализма» шли на костер – в его современном варианте – расстрел, лагерь, дальнее голодное выселение…

… Как богаты были бы сейчас наши нивы и пастбища, если бы не было в нашей истории такого затяжного торжества невежества и профанов, если бы биологию вдохновлял и дальше Вавилов, а не душил Лысенко! ***(Н.П. Бехтерева. Магия мозга и лабиринты жизни)***

******

Илья Семенович остался жить в Самарканде. Когда в 56-м наступила благословенная оттепель, Илья Семенович, уже будучи на пенсии, несколько раз ездил летом в Ленинград на "встречу с молодостью" – с редкими оставшимися учениками, сослуживцами. В одной из поездок он познакомился с Натальей Петровной Бехтеревой. Разговорились. Он рассказал ей о своих снах, она ему – о своих. Неожиданно, как это часто бывает, нашли и общего знакомого – учителя Аркадия Исаевича Кельнера (низкий поклон и светлая ему память!), директора детского дома, в котором в те далекие предвоенные годы жила "дочь врага народа" Наташа Бехтерева. Аркадий Исаевич Кельнер ушел на фронт в начале войны и вскоре погиб.

Глава пятнадцатая

В селе тоже, как и в городе, велась борьба с инакомыслием и за всеобщее равенство. Борьба шла волнами. Очередная волна накрыла Захара и его семью.

******

Будь осторожен! Не попади под чужое колесо фортуны. ***(Станислав Ежи Лец)***

******

Жил он не то чтобы лучше других, но дом его был немного красивее, немного ухоженнее – Захар сам выпиливал узорные наличники на окна, деревянный резной подзор под крышей. Работали они с Манечкой на колхозном поле старательно, не ленились. Захар совсем не пил. Работал по дереву только по указанию председателя колхоза, "на себя" работать, как раньше, не решался, да и сил после работы в колхозе оставалось немного. Шура болела, у нее сильно отекали ноги.

Но кому-то все же показалось, что Захар живет непозволительно роскошно (при всеобщем-то равенстве!). А может, “органам” надо было выполнить назначенный сверху план по арестам – ведь на Севере нужны были новые люди взамен неестественно быстрой "естественной убыли" поголовья рабов. Кто знает, почему и какие рычаги были приведены в действие, но приехала "черная" телега, и Захару, Шуре и Маняше было велено выходить с вещами.

Захар был совершенно растерян, не понимал, что происходит. А Шура сразу усекла весь ужас положения. Рыдая, она трясущимися руками собирала вещи, и тут спохватилась, что нужно попытаться спасти хотя бы Маняшу. Шура, бросив узлы, выбежала на крыльцо и стала голосить на все село, что Маняша им не родная дочь, а батрачка, что она батрачка из пролетариев, что все село может это подтвердить, поэтому ее не надо арестовывать. Она взывала к чувствам Васи-Василька – забери ее, забери ее сейчас, ты же ухаживал за ней, она не кулацкая дочка. Шура рыдала, умоляла всех, но... "народ безмолвствовал" – люди молчали от страха перед этой непонятной и злой властью. И Василек опустил голову. Уполномоченный хмуро и непреклонно молчал. И все застыли. Двигалась только одна бледная Маняша. Она вынесла один за другим три узла и погрузила их в телегу.

– Я на самом деле не их дочка. Они взяли меня, сироту бездомную, приютили, пригрели добром и лаской, были мне настоящими родителями, любили, как родную. Так что же, я теперь должна забыть всё? Вот мама Шура еле ходит, сама даже не обуется... Я их не брошу.

Женщины плакали, у мужчин желваки перекатывались на скулах. Маняша последний раз зашла в избу, но не в горницу, а в Захарову мастерскую. Она знала, где Захар держит серную кислоту. Через минуту она вышла оттуда с флаконом и кисточкой в руках. Обмакнув кисточку в кислоту, она мазнула себя по лицу от уха до подбородка, потом по верхней части груди от ключицы до ключицы и по тыльным сторонам ладоней. Стоявшие поблизости односельчане, ахнув от ужаса, слышали сдавленные стоны Маняши. Тетка Мария стояла к телеге ближе всех, она услышала, как Маняша, заикаясь и кусая от боли губы, объяснила Шуре, совершенно обезумевшей от горя и отчаяния за дочь:

– Теперь никто приставать не будет, всем говорить буду, что это болезнь заразная.

Телега тронулась. Тетка Мария шла рядом с ней, крестила уезжавших и молилась за них. Маняша сказала ей сквозь слезы и всхлипывания одними губами :

– Передайте Феде, чтобы сюда не приезжал.

Мария кивнула – мол, поняла, все сделаю. Обещать-то обещала, а как выполнить? Адреса его она не знает, да если бы и знала, как можно про такое написать?

******

И вот Захар, Шура и Манечка едут в телеге под конвоем в город... Дорога для Захара привычная. Много лет, да, считай, всю жизнь, ездил он в базарные дни этой дорогой на своей любимой, доброй лошадке то с Ефроимом, то с Манечкой, то с Федей, а то и со случайными попутчиками. Его умная лошадка... Когда она стала совсем старой, Захар заботливо ухаживал за ней. Соседи советовали сдать ее на живодерню, пока сама не сдохла, – можно будет хоть немного денег выручить. «Лошадь, конечно, старая, но на колбасу сгодится», – говорили люди. Захар кивал головой, соглашался, но все откладывал. Когда он подходил кормить и смотрел в ее большие, грустные глаза, то почему-то вспоминал Ефроима. То ли глаза были такие же карие и печальные, то ли они напоминали ему поездки с Ефроимом, так кардинально изменившими его жизнь... Ну, не мог он отвести ее на живодерню, не мог и все! Умерла лошадь своей смертью. Захар был рядом, гладил ее и что-то говорил ей… И вдруг ему показалось, что она улыбнулась, а потом закрыла глаза.

Впереди на телеге сидели возница и Уполномоченный, в середине – Захарово семейство, а сзади – два солдата. Лошади тяжело было везти такой груз, да еще возница погонял, вовсю охаживал вожжами.

– Пожалел бы скотинушку, ты чего ее дерешь? Она и сама знает, что везти надо, – не стерпел Захар.

Уполномоченный, которого разморило от езды теплым осенним днем, лениво цыкнул на Захара, чтоб помалкивал. Но возница все-таки стал подстегивать лошадь пореже и послабее.

Въехали в город, проехали мимо базарной площади, мимо не действующей более, заколоченной церкви и остановились около бывшего купеческого дома, занятого ныне организацией, снискавшей мрачную славу среди населения всей округи. Уполномоченный побежал внутрь, повелев всем оставаться на местах, и очень быстро выскочил обратно, размахивая бумажкой.

– Гони на станцию! Скорее, скорей давай, как бы не опоздать на поезд.

Приехали вовремя. Захар, не обращая внимания на конвой, подошел к лошади и стал гладить ее по морде и шее, а она посмотрела на него грустно и благодарно, кивнула два раза головой, а потом низко пригнула шею, как бы поклонилась. Кто-то может сказать, что лошадь просто мотает головой, но Захар был уверен – бессловесное животное, а чувство благодарности порой имеет более глубокое, чем человек.

– Куда нас повезут? – шепотом спросила Шура конвоира, который был постарше и показался ей спокойнее и миролюбивее других.

– Я думаю, на поселение в Сибирь. Если в тюрьму, так вперед допросили бы.

Выгрузили узлы. Тут и товарный поезд показался.

На перрон вышел очень важного вида человек в военный форме. Презрительно-высокомерно посмотрел на вновь прибывших, взял сопроводительную бумажку и властным жестом указал на предпоследний вагон.

Узлы закинули в теплушку, Захар и его семья влезли в вагон, и поезд тронулся.

Товарные поезда, везущие бессловесный, запуганный, морально раздавленный человеческий груз... Несправедливо мало написано об этих совсем не теплых “теплушках”, об этих переполненных людским горем товарных вагонах для перевозки скота.

В каждый такой вагон специально подсаживали по нескольку уголовников. Они тиранили и изощренно унижали остальных своих невольных попутчиков. Любимым развлечением уголовников было «проигрывать» кого-нибудь в карты. Это значит, что перед игрой в карты каждый играющий уголовник выбирает свою жертву, а потом проигравший должен ее убить. А в поездах – выкинуть из поезда, что почти одно и то же.

******

Рассказывают типичную историю тех лет. Три бандита, уже отсидевшие срок, едут на поезде в Москву. Начали играть в карты на убийство знаменитых людей. Один из них назвал своей жертвой Марка Бернеса – всем народом горячо любимого актера и певца. Он объяснил свой выбор тем, что Бернес, сыгравший бандита в фильме о строительстве Беломорканала, в конце фильма перешел из бандитов в передовые строители – такой предатель! И этот уголовник проиграл! Он должен был убить Бернеса. Но один из случайных свидетелей «уговора» рассказал о нем московской милиции. Всем известно, как серьезны карточные долги, особенно, в уголовном мире. Марка Бернеса ответственно и долго охраняли.

******

– Здравствуйте, люди добрые, – поклонилась всем Шура. – Мир вам да любовь!

Войдя в вагон, она внимательно оглядела будущих попутчиков, пытаясь определить, что за общество, в которое они попали. Захар с Маняшей тоже поклонились и вместе с Шурой сели на свободное место.

– Ха-ха! Любовь! Она нам желает любовь! – заржали четверо с картами в руках. – Это что, твоя дочка обожженная подарит нам любовь?

Шура промолчала и знаком велела Захару молчать.

Люди самых разных возрастов, сидевшие большой группой в другом углу, – сразу видно, что едут они все вместе, – доброжелательно закивали головами:

– И вам доброго дня и благословения Божьего.

Эти люди были, как потом выяснилось, “пятидесятники”. Везли их от западной границы до самого Владивостока.

******

Пятидесятники *– одна из ветвей христианства. Большую роль в распространении пятидесятничества сыграл выдающийся проповедник Иван Воронаев, американец русского происхождения, прибывший в 1921 г. из США в Одессу. Вероучение их быстро распространилось в новой среде. К 1928 г. в СССР было 200 тысяч пятидесятников. Они исповедуют те же ценности, что и другие христианские религии, – главную добродетель видят в честной трудовой и семейной жизни... Пятидесятники не пьют, не курят, во всем помогают друг другу, не сквернословят, вступают в интимные отношения только после венчания.. Они составляют разительный контраст с пьющей, злой, грубой, не признающей ничего святого массой и являются для остальных бельмом на глазу.*

Название «пятидесятники» они получили в связи с их особым отношением к событию, происшедшему, согласно библейской истории, на пятидесятый день после Воскресения Христа: в этот день на апостолов снизошел Святой Дух, и они заговорили на дотоле неведомых им языках. Это было понято как знак, что они должны проповедовать христианство другим народам.

Историческая справка: *В начале 1929 года был разослан совершенно секретный циркуляр “О мерах по усилению антирелигиозной работы”, который борьбу с религией приравнивал к классово-политической борьбе. Многих верующих и служителей культа любых конфессий арестовывали, и они бесследно исчезали. 15 мая 1932 года Декретом правительства за подписью И. Сталина была объявлена «безбожная пятилетка», поставившая цель: к 1 мая 1937 «имя Бога должно быть забыто на территории страны». С апреля 1938 года религиозные вопросы находились исключительно в компетенции НКВД.*

******

В этих условиях религиозные общины перешли на нелегальное положение и стали собираться тайно. Но, как обычно, все тайное рано или поздно становится явным. Через недолгое время “надлежащим органам” стало известно об общине пятидесятников в украинском селе. Понятное дело, согнали их всех вместе, посадили в товарный поезд и повезли. Куда повезли – никто не знал, не было заведено объявлять ссыльным, куда их переселяют, где им назначено жить, да и вообще, что с ними будет.

Вот так большая группа пятидесятников оказалась в вагоне поезда, шедшего на Восток. Держались они дружно, сплоченно, каждый день молились, читали отрывки из священных книг. Остановка на станции и

новые люди, появившиеся в вагоне, на короткое время отвлекли их от богословских занятий. Но, когда все успокоились, чтение очередной священной книги продолжилось.

–…Наступил пятидесятый день после Воскресения Христова, – читал аккуратный седой старик. – У евреев великий праздник Пятидесятницы… Все апостолы вместе с Божией Матерью, учениками Христовыми и прочими верующими находились в одной горнице в Иерусалиме. Вдруг сделался шум с неба, как бы от сильного ветра. И явились огненные языки, и остановились по одному на каждом из них. Все исполнились Духа Святого и стали славить Бога на разных языках, которых прежде не знали…

Рядом с пятидесятниками сидели старый еврей и прижавшийся к нему мальчик лет 10 – видимо, внук. Еще обращал на себя внимание человек в очках, интеллигентного вида, "городской", как подумала Шура, который что-то писал в блокноте. Когда вошли новенькие, “интеллигент” перестал писать, с минуту внимательно смотрел на них и опять опустил голову к своему блокноту. Много и другого народу было в вагоне.

Постепенно Шура со всеми перезнакомилась, для каждого нашла доброе слово. Как рассказывала потом Маняша, им повезло. (Это же надо быть такой терпеливой, так надеяться на лучшее, так верить в помощь Божью!.. Не знаю даже, как определить ту комбинацию черт характера, которая помогает выжить в столь нечеловеческих условиях и даже разглядеть в них везение! Воистину, надежда – самое необходимое из всего, что есть у людей и что у них остается, когда больше нет ничего.) Повезло им, конечно, в том, что попали в вагон с пятидесятниками. Люди они степенные, спокойные, не сквернословят, не пьянствуют, драк не затевают, ни к кому не пристают. Хорошо было и то, что в Захаровом узле из-за нехватки времени на проверку уцелели завернутые в одеяло рубанок, топорик и маленькая пила – а то как же плотнику без инструмента?! В своем узле Шура везла, среди прочих вещей, мешочки с травами и мази ее собственного приготовления – из церковного елея, пчелиных сот и лекарственных трав. Как она утверждала, это были средства от всех болезней. Вот с помощью этих мазей Шура и установила в вагоне, можно сказать, новые взаимоотношения между людьми.

Дело было так. Один из уголовников все время кряхтел, стонал, постоянно двигал ногами и вообще вел себя очень беспокойно. Одна ступня его была замотана грязной портянкой, а сапог он держал под мышкой. При этом он страшно сквернословил, отчего другие люди в вагоне опускали глаза. Особенно возмущались пятидесятники, но тихо, между собой – осадить уголовника никто не решался.

Через некоторое время он развернул портянку, надеясь, видимо, что от этого ему станет легче. Дружки склонились над его ногой.

– Плохи твои дела, вся ступня уже красная и в пальце гноя много. На станции попросись к доктору.

– А что он сделает? – со страхом спросил больной. Как и многие бандиты, он был трусоват.

– Может, вылечит, – попытался приободрить один из дружков.

– А может, отрежет, – без всякого сострадания добавил другой.

– Ах, ты сволочь! – рассвирепел больной. И понеслась отборная брань.

Но тут раздался негромкий, спокойный голос Шуры, который почему-то все услышали:

– Что маешься, болезный? Иди сюда, посмотрю. Захар, подай мне тот холщовый мешочек.

Уголовник послушно подошел и сел перед Шурой – деваться все равно некуда.

– А поможешь, тетка?

– Обещать не буду, но постараюсь.

– Так ты уж постарайся!

– А ну как не выйдет? Ты мне голову не снесешь, как тот бусурманский хан-султан?

– Какой такой хан-султан?

Разговоры в вагоне стихли – предвиделась какая-то байка, и все хотели ее услышать. Людям нужно было хоть как-нибудь отвлечься от мыслей о неизвестном, но неизбежно страшном будущем.

– Ну, слушай. В далекой-далекой стране, за морями, за долами жил один султан, у которого было много жен, – начала Шура.

Тут все загалдели – кто-то громко восхищался и вслух завидовал счастливому султану, а кого-то возмущал этот обычай нехристей. Захар молча усмехнулся – он знал Шурины притчи и знал, как действуют они на слушающих. Уголовник рявкнул, чтоб замолчали и не мешали слушать.

– Так вот, – продолжала Шура. – А самая младшая, самая красивая, самая любимая жена хана не могла родить. И повелел султан привезти к нему самого знаменитого, самого ученого доктора, который умней всех докторов на свете. (У султанов ведь все должно быть только “самое-самое”!) Поехали послы к самому великому доктору, много дорогих подарков ему надарили, да низко поклонились: "Многоуважаемый самый великий доктор, поедемте с нами в наше ханство, полечите любимую молодую жену нашего султана. А за это султан наградит вас еще больше, и после привезем мы вас обратно". Конечно, доктор поехал – и

подарки богатые, да и посмотреть заморское ханство интересно. Но послы-то сказали правду, да не всю. А всю правду ему сам султан при встрече раскроет.

Приехали к тому хану-султану. Приняли доктора, если сказать по-нашему, по-царски – кормили всякими заморскими блюдами, индюшки у них заместо курей, редкостные звери – заместо индюшек, да и прочих разных невиданных яств неисчислимое количество.

– Старая, не трави душу! Не говори про еду! – раздались голоса вечно голодных уголовников. Голодными были все, но остальные вежливо молчали.

– Ну, простите, больше не буду. Вот пируют они день, пируют второй, а о деле – ни слова. Такой у них в ханстве обычай. Только на третий день султан ему и говорит:

– Вылечишь мою жену, родит она мне сына – проси, что хочешь, а не вылечишь – голову с плеч долой.

– Вот она, вся правда-то ханская! – заключила Шура.

Если бы не грохот и лязг поезда, в вагоне было бы очень тихо – никто не разговаривал, даже сам больной уголовник умолк, не стонал. И очкарик, перестав писать в своем толстом блокноте, смотрел на Шуру, поблескивая стеклами, – всем хотелось поскорей узнать, как доктор выкрутится из этого положения.

– Ну, ну, не томи, рассказывай дальше.

– Так вот, говорю, я-то постараюсь тебе помочь, а ну как не получится – ты на меня и осерчаешь?

– Слово даю, падлой буду, – если не получится, ничего тебе не сделаю. – Подумал немного и добавил: – и семье твоей ничего не сделаю. На станции попрошусь в больницу, что будет – пусть будет. Но ты уж постарайся... пожалуйста, – добавил он непривычное, редкое для его лексикона слово.

Историю про хана пришлось прервать – наступал ответственный момент – вскрытия гнойного нарыва. Захар выпросил кружку воды (воды было мало – только для питья), но Шура умудрилась этим количеством помыть с мылом бандитский нож, хорошенько вымыть больной палец страдальца и даже два соседних.

– Чтобы какая зараза не попала, - объяснила она уголовнику. – А сейчас я сначала гной выдавлю, потом пойдет гной с кровью, а потом чистая кровь. Больно будет, но ты терпи, хочешь кричать – кричи, но не матюгайся, а то лечение не поможет. Ну, с Богом! Начнем!

Проделав эту болезненную операцию, Шура намазала рану своим волшебным бальзамом и перевязала чистой тряпочкой.

В вагоне молча ждали окончания процедуры. Люди, уже порядком натерпевшиеся за время пути от попутчиков-уголовников еще до появления в вагоне Захарова семейства, не слишком одобряли действия Шуры по спасению одного из этих дрянных нелюдей. Однако открыто выражать свое недовольство Шуриной сердобольностью они не решались. К тому же всем не терпелось услышать, чем же завершилась история с ханом и доктором. Наконец, Шура устроилась поудобнее на своих узлах и продолжила.

– Так вот, пригорюнился доктор, но делать нечего.

– Ну, ведите меня к супружнице вашей.

– Да ты что, бесстыдник заморский, – отвечают ему ханские придворные, – у нас так не положено – не может чужой мужчина на султанскую жену глядеть!

Видит доктор, что положение его усложняется. Надежды остаться живым поубавилось.

– Ну, ладно, хоть поговорить с ней дозвольте.

Отвели его евнухи под белы ручки в комнату, а там – занавеска, за ней – султанская жена сидит. (Тут по вагону шепоток прошел – это те, кто знал, что такое евнух, объясняли тем, кто не знал).

Вот, значит, говорит с ней доктор через занавеску, вопросы разные задает – хочет узнать, может, где что болит? Ничего нигде не болит. Может, грусть-тоска съедает? Никак нет, веселая, бодрая султанша-то, хихикает себе за занавеской. Никогда никакими болезнями не страдала. Может, аппетит пропал?.. Ну, нет никакой зацепочки. Задумался доктор – что делать?

– Ну, ладно, доктор, если вопросов у тебя больше нет, так я пойду, ужинать сильно желаю, – сказала султанская жена и пошла из комнаты. И слышит доктор топот, будто солдат в сапогах при полной выкладке идет: бух, бух, бух!

Тут доктор кое-что смекнул и интересуется у евнухов, мол, хорошо ли ваша султанша кушает? И рассказывают ему, что она не просто ест, а лопает за троих, и размеров она необъятных, материала уходит на ее платья метров по 20. Что есть, то есть – любит наш султан пышных да дородных красавиц!

Опять приглашает султан доктора на обед – кушанья, какие подавали, пересказывать не буду, чтобы, значит, не дразнить вас. А после обеда и спрашивает:

– Ну, какое ваше решение будет, уважаемый ученый доктор?

– Дела неважные, – говорит доктор. – Через 40 дней должна ваша супруга помереть. Маленькая надежда есть, но для этого надо молиться и поститься. В день ей дозволяется съесть только три огурца, а воды пить немерено.

Как услышал это султан, до того осерчал, что хотел сразу доктору голову отрубить. Но советник его отговорил:

– Рубить голову еще и после успеем, подождем, ваше султанское величество, 40 дней – срок, пожалуй, недолгий, а вдруг да и поможет? Опять же огурцы, о которых доктор говорил, надобно привезти, потому как у нас они не растут, плод заморский.

Целых 40 дней султанша постилась, грызла огурцы, молилась, а с ней и все ханство молилось.

– Молитва, она завсегда помогает, – раздался убежденный голос из угла, где сидели пятидесятники.

Прошло 40 дней, прошел еще день, и еще один, и еще... Жива султанская жена, боится счастью своему поверить. Опять султан призывает доктора:

– Объясни, что все сие означает?

– А вы, великий хан, ведите свою супружницу в опочивальню, – говорит ему на это доктор, – а тогда и поглядим, что будет. Потом уж я вам все скажу.

С той ночи султанша понесла.

Наградил хан доктора бесценными подарками да озолотил, да уж как просил остаться! Ну, доктор, понятное дело, ни в какую не соглашался – страху-то ведь натерпелся! Напоследок все и разъяснил султану:

– Жена ваша, превеликий хан, была слишком толстая. От этого у ней, значит, все внутренности жиром заплыли и не могли обязанности свои исполнять. Если бы я сказал вам, что ей просто похудеть надо, вы бы мне не поверили и, глядишь, голову приказали бы отрубить. Пришлось напугать вас обоих и 40 дней ей почти что голодать, зато и похудела. Вы уж, пожалуйста, меру знайте – как обед наступает, не обжорствуйте. А теперь всем низкий поклон и наилучшие пожелания.

С тем и умчался побыстрей к себе на родину, к своему любезному семейству.

История всем понравилась. Долго еще ее обсуждали, пока не сморил сон.

А бедная Маняша?... Все это время она молча сидела возле Шуры, и непонятно было, слышит ли ее занятные рассказы. От боли и всего пережитого в этот злосчастный день она не в силах была участвовать в окружавшей ее жизни. Конечно, Шура уже несколько раз смазывала ей раны своими чудодейственными мазями и бальзамами, но такие страшные ожоги, какие причинила себе Манечка, быстро не заживают.

Так прошел первый день в вагоне для перевозки скота в поезде, везущем людей на Восток

Глава шестнадцатая

Всю ночь уголовник с перевязанной ногой храпел в полный голос – высыпался после нескольких бессонных ночей, которые он провел в обнимку с больной ногой. На следующий день после молитвы, скудного завтрака и снова молитвы Шура позвала его:

– Ты чего в углу отсиживаешься? Иди сюда, перевязку будем делать.

– Так ведь уж не болит, – взмолился уголовник.– Может, не надо трогать, а?

– А ты слушайся, Шура-то знает, что надо, а что не надо, – негромко сказал Захар.

– Иди, иди, – мягко поддержала его Шура. Она понимала, что бороться со злобной силой можно только лаской да хитростью. – Надо менять перевязку каждый день, пока полностью не заживет, а то опять все сызнова начнется. Как зовут-то тебя, как звать-величать?

– Виктором.

– Красивое имя, знать, родители образованные были.

– Да, мамка грамотная.

– Жива?– Шура тщательно промывала рану розовой водой (разведенной марганцовкой), одновременно отвлекая пациента.

– Да.

– Вот горе-то для мамаши, все глаза, небось, выплакала весточки ждать. А папаша?

– А чтоб его... – тут вновь понеслась отборная брань под возмущенный ропот народа и одобрительное хихиканье дружков.

– Чего так?

– Так я его даже и не знаю, никогда в глаза не видел. Сказал мамаше, что убил бы его своими руками, кабы встретил. Так она теперь даже имя его назвать боится. Сволочь эдакий – мамку обманул да бросил. Всю жизнь ей изломал, и я – безотцовщина. Как видел, что другие пацаны с отцами на рыбалку идут или на демонстрации на плечах сидят, так мне выть хотелось.

– И ты бы ему отомстить хотел смертоубийством?

– Да, – с вызовом, подняв голову, ответил парень.

– А вот как иначе можно отомстить, не знаешь? Так я тебе историю расскажу.

– Давай, давай, тетя Шура, ты завлекательные байки слагаешь. Начинай: “За горами, за долами…”.

Вагон затих в предвкушении.

– Да нет, я тебе самую что ни на есть жизненную историю скажу. Начало похоже на твою историю, а конец совсем другой. Жила-была девица молодая, красивая, да неопытная.

– А в каких краях эта твоя история приключилась? – раздался голос самого любопытного.

– В заграничных краях, – не растерялась Шура, – вроде как в Неметчине, в немецкой стороне. Проезжал как-то мимо ихнего городка знатный вельможа. И приглянулась ему наша девица. Стал он ей песни обманные петь, мол, возьму тебя в свои хоромы в столицу, будешь в красивых нарядах ходить на балы королевские, будет у тебя жизнь распрекрасная. Ну, пожил пару дней, уехал домой, а про нее и забыл.

Пятидесятники сокрушенно и укоризненно качали головами – вот он, грех сожительства без Божеского благословения, без венчания! "Интеллигент" снова поднял голову от своего блокнота, посверкивая очками. И только старый еврей слушал со спокойным вниманием – он так долго жил на свете, что его трудно было чем-то удивить.

– Ну, значит, родился в срок мальчонка, хорошенький такой, славненький. Подружки ей разные советы дают. Подкинь-ка, говорят, его в церковный приют... Или отдай, мол, добрым людям бездетным… А некоторые высказывали и такое: поезжай в столицу и стребуй с того вельможи содержания на ребенка.

Разные советы, а она ни в какую: я родила – я и выращу. Тяжело ей было, слов нет. Многие от нее отвернулись. Несправедливо это. Ведь ежели бы она плохого поведения была – другое дело, осуждайте, отворачивайтесь. А тут нет ее вины, пожалеть бы надо. Да люди-то ведь злые... Нахлебалась горя, бедная, батрачила, в услуженье жила, по богатым людям ходила хаты убирать, а дитё все время при ней. Она с ним разговаривает, песни петь учит, потом стихи, потом буквы. А в школу пошел, так там он первый ученик. Одеженка худая, башмаки каши просят, мальчишки задевают, насмехаются, а как учитель чего спросит, так лучше его никто и не знает. Учится день и ночь.

– Ну, вот, перевязка закончена, еще два раза только потребуется, а не неделю, как я раньше думала.

Шура собрала мусор, протерла руки, убрала свою бесценную мазь в холщовый мешочек. Вагон терпеливо ждал продолжения.

– Школу окончил лучше всех. Директор школы по всем богачам ихнего городка прошелся, низко поклонился – подайте, мол, нашему самому толковому, но очень бедному ученику, кто сколько может. Хотим его в столицу в университет послать учиться, чтоб он наш город прославил. Ну, денег собрали, отправили, а он и там учится лучше всех. Все книги перечитал, все науки изучил и стал большим ученым. И дознался он у мамаши своей, кто такой его отец.

Тут Шура, как завзятый рассказчик, делает большую паузу, чтоб еще больше взыграл интерес у народа. А слушатели ее и так в напряжении – понимают, что должна дойти очередь до известного вельможи, папаши молодого ученого.

– И вот сделал этот ученый открытие – весь мир удивился. Объявили его самым знаменитым ученым и дали самую главную премию. Вот, значит, ихний король принимает его, награждает, поздравляет, гостей знатных назвали, пир горой идет. Подходит к тому знаменитому ученому этот вельможа, тоже поздравляет и приглашает в свой дом, мол, хочу тоже в вашу честь пир устроить и со своей дочкой-красавицей вас познакомить. А ученый наш руку назад за спину отвел, ему не подает и говорит: “Извините, очень занят”. Тут вельможа этот так и остался стоять с открытым ртом и протянутой рукой, аж покраснел от конфуза.

А после понабежали разные газетчики да фотографы. Снимают его на фотки, вопросы разные спрашивают: "Кто папаша, кто мамаша, как жили, как дошли до жизни такой ученой?" Ну, он, конечно, отвечает: “Мать меня одна растила, отец бросил нас, не интересовался, как мы живем, как его родной сынок горе ложками хлебает, как частенько с мамашей голодными спать ложатся”.

В вагоне раздались вздохи и даже всхлипывания. Жалостливый все-таки наш народ…

– А теперь, – говорит он им, – я дом куплю, матушку в столицу перевезу, двух прислужниц найму, чтобы за ней ухаживали, как знатная вельможная дама жить будет. Заслужила она это. Да еще не старая она и очень красивая, может, счастье свое найдет.

– А вы все-таки скажите, кто ваш отец будет?

– Нет, не скажу, не хочу, чтоб его имя в народе помнили как отца ученого.

Шура замолчала. Народ терпеливо ждал.

– Тетя Шура, ну, дальше, дальше рассказывай, – не стерпев, прозвучал женский голосок.

– А чего рассказывать-то? Все и так ясно. Вельможа этот догадался, а сказать ничего не может, потому как себя только позорить – ученый руки ему не подает, знаться с ним не хочет! А ученому тому и не до него вовсе, он своей наукой занимается.

– Хочу спросить, а мамаша замуж вышла?

Последний вопрос почему-то всех рассмешил.

– А тебе как хочется, чтобы вышла?

– Ага.

– Ну, ладно. Посватался к ней... – Шура подбирала достойную кандидатуру. – Посватался к ней придворный доктор. И жили они долго и счастливо.

– Простите, пожалуйста, а можно задать вам вопрос, уважаемая Шура? – раздался тихий голос старого еврея. – Какое отношение имеет этот рассказ к гражданину Виктору?

Возникло неловкое молчание.

– Подождите, не спешите. Иди-ка, Витюша, сюда, садись. Представь себе, что ты знаешь, кто твой батя, ну, положим, какой-то Иван Иваныч. И вот ты, к примеру, пишешь ему письмо. Вот что бы ты ему написал? Ну, представь себе, давай.

– А что писать-то? Я не знаю…

– Давай думать. Значит, так. Ну, как обыкновенно начинают в письмах писать? *«Уважаемый товарищ Иван Иваныч. Пишет вам ваш сын, а вы про меня ничего не знаете. Насчет "уважаемого", так тут, извиняюсь, ошибочка вышла, потому как никакой вы не уважаемый, а совсем напротив того. Никакого уважения моего к вам нету. И про "товарища" – тоже никак не может быть.»*

– Гусь свинье не товарищ, – вставил Виктор, довольный, что хоть что-то добавил от себя.

– Тамбовский волк тебе товарищ, – помог дружок-уголовник.

Но Шура не останавливалась. *«В молодые ваши годы вы сделали подлый поступок»* Сколько тебе лет, Витек?

– 22.

– Так. *«23 года назад вы сделали подлый поступок – вы обманули честную, неопытную девушку, обещали жениться и бросили ее. В результате этого обмана я появился на свет»,* – продолжала Шура.

– И зачем я на свет появился, и зачем меня мать родила-а-а?.. – жалобно прозвучал тихий женский голосок. Кто-то, видимо, любил петь. Шура взяла это на заметку.

– *«Мать меня одна растила, нахлебалась горя, бедная, батрачила, в услуженье жила, по богатым людям ходила полы мыть. А ты, отец, бросил нас, знать не знал, как мы живем, как частенько голодными спать ложились, как твоя родная кровинушка горе ложками хлебает».* Шура сознательно вовсю эксплуатировала рассказанную только что душещипательную, жалостливую историю про ученого, опробованную на этой аудитории.

– *«И вот, не имел я отцовской любви. Не было мне мужского совета, и пошел я по кривой дорожке»* А дальше-то ты должен сам написать об своей жизни во всех подробностях. И закончить надо так, чтобы мужики своих детей не бросали, а дети не были безотцовщиной и добивались хорошей жизни. А потом это письмо напечатают в газете "Правда", и станешь ты известным писателем. И мы все будем гордиться, что с тобой в одной теплушке ехали, и потом всю жизнь об этом вспоминать...– фантазировала Шура, а с ней и весь вагон размечтался.

Что-то шевельнулось в душе Виктора.

– Попробую, пожалуй, может, что и выйдет.

Чувства Виктора начали раздваиваться. Вроде ему по привычке и со своими дружками хотелось остаться, но в то же время он понимал, что быть вместе с Шурой очень важно. Неожиданно для него самого в глубине его забитого дурной жизнью сознания что-то сдвинулось с места и, против обыкновения, вместо грубых, примитивных представлений и инстинктов (которые даже нельзя с полным правом назвать мыслями) впервые как-то неясно забрезжила надежда приблизиться к другой жизни.

– Где бумагу-то взять?

И тут его взгляд остановился на блокноте очкастого “интеллигента”. Тот весь напрягся и побледнел. Ясно было, что блокнот он отдаст только вместе с жизнью. Захар понял намерения Виктора.

– Эй, голуба, не спеши, – остановил его Захар.

Шура, как всегда, разрядила обстановку своим миролюбивым тоном:

– Во-первых, попроси культурно, пока только один листочек, и начни. Посмотрим, что получится. Да смотри, мелко пиши, бумагу экономь.

Она уже стала, говоря современным нам языком, "неформальным лидером" вагона. До нее в вагоне не было лидера – все были разобщены, все были сами по себе. Виктор не стал им, потому что его боялись и ненавидели; не стал им и неглупый, по-видимому, “интеллигент”, потому что он сторонился необразованной публики, толпы; старейший из пятидесятников тоже не стал лидером, хотя за ним была большая группа, почти полвагона. А природный ум Шуры, ее умение найти подход к каждому, доброжелательный интерес к людям, находчивость и дипломатичность, а также, что очень важно, особый дар примирять враждующих и улаживать конфликты снискали ей всеобщее уважение. Она старалась не раздражать бандитов, находила нужный тон в разговоре с ними, а о Викторе и говорить нечего – для него она была просто “доброй мамой”. “Интеллигент”, не дожидаясь, пока по совету Шуры его культурно попросят, быстро вырвал один чистый лист из блокнота и передал его "будущему писателю".

Ах, Шура, Шура, что ты наделала! Ведь своими мечтаниями, нарисовав Виктору столь заманчивую картину его дальнейшей жизни, ты обрекла парня на муки творчества и страдание! Он перестал играть с подельниками в карты, метался по вагону, бормоча что-то себе под нос, пытался что-то писать, приладив листок то у себя на коленях, то на полу. Он хотел выразить на бумаге все, что накопилось в душе. Да, душа была, прямо скажем, не кристальной чистоты, темная душа, даже очень темная. Но ведь убийств он никогда не совершал! Грабил – да, и ножом размахивал – что было, то было, но не убивал же! А вот сейчас появилась надежда, что, если он напишет письмо в "Правду", жизнь его изменится. Он не знал, как изменится, но очень этого хотел. Однако, вся беда в том, что нет никакой возможности начать это писание. Кажется, чего проще – коли ты знаешь, о чем хочешь сказать и грамоте обучен, то говори сам себе и записывай. Но каждый, кто пробовал писать, знает, что самое трудное – начать, самое трудное – прикоснуться пером к чистому листу бумаги… Муки творчества... Несчастен, кто знаком с ними… Счастлив, кто испытал их.. .

******

В это время Федя ехал в поезде из Ленинграда в Москву и через два дня уже был дома. Теплая встреча, объятия, поздравления, разговоры допоздна, долгое отсыпание. Через неделю Федя отправился в Антоновку к Захару с подарками, предвкушая, как они будут слушать его байки, как будет тепло и весело. Миша, по обыкновению, тоже передал гостинец тетке Марии – мастерица-вышивальщица будет рада набору цветных шелковых ниток.

Мария за прошедшие годы сильно постарела и уже не могла работать в колхозе. Каждое утро она молилась за всех – и за ушедших в иной мир, и за живых добрых ее друзей, нуждавшихся в защите и охране. Теперь к этому длинному списку, вслед за Савелием и Мишей, прибавились Захар с Шурой, Манечка и Федя. После молитвы она выходила со своим рукодельем на край села, откуда была видна дорога из города, на которой должен был появиться Федя. Наконец, она увидела его, бросилась навстречу и повела к себе в избу задами и огородами, чтобы никто их не видел.

Федя не помнил, как он расстался с теткой Марией, как добрался до дому... И только дома обнаружилось, что все подарки для семьи Захара, купленные Федей в Ленинграде с такой любовью, как и подарок Миши тетке Марии, остались лежать в Федином чемоданчике, с которым он вернулся домой… Глубочайшее страдание, пронзившее Федю от услышанного, не оставило места для милых пустяков.

Федя с Мишей были на грани депрессии. Николай Петрович понял, что их надо загрузить работой. Он велел Феде приступить к работе раньше срока, удлинил ему дежурство, а на ночь давал снотворное. Просил Афанасия, чтобы тот проследил за Мишей на работе.

А сам дрожал от страха, потому что месяц назад поздним вечером нашел подсунутый под дверь конверт. Это было письмо от дочери, привезенное кем-то из ее надежных друзей. В письме она просила прощения за возможные проблемы в будущем из-за мужа-дипломата, которого отзывают в Москву, но они решили стать невозвращенцами, потому что хорошо понимали, что их ждет.

Письмо он, конечно, сжег, но пепел “стучал в его сердце”. Да, наверно, это звучит высокопарно, но что поделаешь, от этого пепла болело сердце. Только работа и выручала...

Глава семнадцатая

Дни шли за днями, будто кто-то плел цепочку времени – колечко цеплялось за колечко... Для кого-то, где-то там, может быть, сплеталось изящное украшение, для кого-то – тяжелая цепь на шее, тянущая человека книзу, а для кого-то и вовсе – кандалы на ногах.

Так и мчался этот поезд, увозя людей с их цепями все дальше и дальше на Восток. На каждой станции почти из каждого вагона выносили умерших или тяжело больных. Больными считались только те, у кого высокая температура. Остальные жалобы и болезни, какими бы тяжелыми они ни были, в расчет не принимались. На одной станции вынесли пылавшего в жару злого бандита, который предрекал Виктору ампутацию.

Все боялись холеры. Пронесло, слава Тебе, Господи!

Каждый вечер весь вагон просил Шуру рассказывать какие-нибудь байки. Она и рассказывала, как детям сказки на ночь. Историй она знала превеликое множество.
И сказочных, и реальных, и придуманных ею самой. А чаще это была смесь из всего понемножку. Она не сердилась, когда ее перебивали, наоборот, давала всем высказаться, выразить свое отношение к рассказанному.

******

Когда Шура была маленькой и ходила в церковно-приходскую школу, два года подряд у них преподавал учитель из города Тимофей Николаевич. Это был худощавый молодой человек, глаза навыкате, зубы кривые, уши торчком, лицо в прыщах. Одним словом, наружности страшненькой, а сердца добрейшего, полного любви ко всему живому на свете. Дети, собаки, кошки и даже козы и коровы любили его безмерно.

******

Нужно, чтоб кто-то кого-то любил.
Это наивно, и это не ново.
Не исчезай, петушиное слово!
Нужно, чтоб кто-то кого-то любил.

Нужно, чтоб кто-то кого-то любил:
Толстых, худых, одиноких, недужных,
Робких, больных – обязательно нужно,
Нужно, чтоб кто-то кого-то любил.

(Григорий Поженян)

******

В селе шутили, что даже зимой в лесу волки его не съедят – либо потому, что страшный, либо потому, что полюбят. Дети слышали, как бабы сокрушались, мол, никакая девка не пойдет за него, и от этого жалели и любили его еще больше. Он рассказывал детям всевозможные истории, пересказывал знаменитые классические произведения, читал мифы Древней Греции, рассказывал об Олимпийских богах, которые, как ни странно, вели себя совсем как люди – ревновали, любили, обижались и мстили. Окончив очередное повествование, он мягко втягивал ребят в обсуждение услышанного и в заключение ненавязчиво выводил мораль. Он воспитывал в детях святые качества – доброту, любовь ко всему живому, честность, желание помогать тем, кому нужна поддержка, и, что не менее важно, прививал им любовь к чтению. Его стараниями в селе была открыта библиотека с довольно приличным количеством книг.

Через два года Тимофей Николаевич на лето уехал в город и не вернулся. Никто не знал, что с ним случилось. В селе болтали разное: кто говорил, что умер он от чахотки, кто уверял, что застрелился от несчастной любви, а кто и вовсе не сомневался, что услали его в Сибирь. Да много чего еще рассказывали и предполагали. Но в память о нем остались у людей любовь к книгам и библиотека в селе. Долгими зимними вечерами при свете керосиновой лампы, а потом и "лампочки Ильича" Шура читала вслух книги и журналы, обсуждала с Захаром прочитанное, если он был трезв. Ну, а потом, когда появилась Маняша и научилась читать, она тоже была приобщена к читающему братству.

******

В поезде Шура продолжала занимать народ байками, чтоб не раскисали от вынужденного безделья и своих невеселых дум. В данный момент она повествовала о том, как Геракл чистил Авгиевы конюшни. Легенды о древнегреческих богах и героях она помнила еще со времен своего учителя Тимофея Николаевича.

Сначала всех возмутило такое несметное количество неубранного навоза.

– Вот грязнули, засранцы! – таков был общий вердикт.

– Тот навоз – да нам бы на поля! – сокрушались хозяйственные мужики.

– Я бы клич кликнул по окрестным деревням: "Приходи, сельский люд, забирай даром навоз", – нашелся один сообразительный мужик. – И все бы разобрали.

– Так я ж говорю, что страна эта сказочная, – терпеливо напомнила Шура, – никто там не пашет, не сеет, не жнет, все само родится. Потому и навоз им вовсе без надобности.

Тут народ призадумался. Неужели не найдется умник, чтоб подсказать Гераклу, как к делу подступиться?

– Одному ему и не справиться, тут подмога нужна, – сделал свое заключение Виктор. Шурины рассказы он очень любил – они как бы разрешали повременить с письмом в “Правду”. Вроде бы не от лени и бестолковости не приступает он к своему “жизнеописанию”, а потому, что полезные истории слушает для умственного развития.

– Конечно, подмога требуется. Но наперед надо все путем обмозговать. Коли лопатой махать, так и за год не управишься. А, с другой стороны, ежели весь навоз из конюшен выгресть, то куда его девать? Что же, будет около конюшен гора навоза смердеть?

– Да, это только наш человек напортачит сгоряча, а потом увидит, что совсем не то получилось, чего он хотел, – с грустью произнес очень пожилой дядька из сгрудившихся вокруг Шуры ссыльных. – Тогда только и начинает думать, как бы надо на самом деле работу эту делать.

– Верно говоришь, – ответила ему Шура, довольная такой реакцией. – Вот на заметку и бери, что прежде, чем сделать или сказать какую вещь, семь раз подумай. Да-а, так вот. Геракл-то этот ох и умный же был! Ходил он, ходил вокруг конюшен, все смотрел да соображал чего-то. А конюшни длинные-предлинные, да с двух сторон открытые, без ворот, значит.

Эта информация тоже подверглась обсуждению – в той сказочной стране, оказывается, нет зимы и нет воров. Конечно, зачем тогда ворота? Ну и ну!

– Вот видит Геракл – с одной стороны конюшен, недалеко от выхода из них, море-океан есть, и овраг к этому морю-океану идет почти что от самых конюшен. А по другую сторону, как раз супротив входа в конюшни эти, речка небольшая течет, небольшая, да шустрая, быстрая речка. И вот чего удумал Геракл. Догадался он прорыть канаву от конюшен до оврага, что ведет прямехонько к морю-океану. А после пошел к бобрам просить, чтоб подсобили ему в одном деле. Ну, бобры, конечно, согласились – почему же не помочь доброму человеку, ежели он просит. Соорудили они ему запруду на речке, как он сказал, по всем своим бобровым правилам сделали, как говорится, на совесть. Вот, как все было готово, тогда и пустил Геракл воду из запруды прямо в конюшни. Вода весь навоз и вынесла прямо в море-океан.

Пришел этот Авгий, ихний царь-государь, со своей свитой работу принимать. Все чисто – ни сориночки и вокруг никаких навозных куч не видать. А бобры попрятались. Свою помощь не выставляют – ежели ты помог кому, так сиди и помалкивай, не хвастай, в другой раз и тебе помогут.

– Как это тебе удалось? – спрашивает у него царь-государь. – Никак волшебство тебе помогло?

– Можно и так сказать, – отвечает с усмешкой Геракл. А сам думает: "Смекалка – она и есть волшебство".

По началу Авгий обещал Гераклу за работу десятую часть своих стад, а как тот очистил конюшни, то Авгий передумал и ничего не заплатил. Вот ведь как... верь после этого царям-государям…

Шура весьма вольно обращалась и с мифологическими героями, и с классическими образами. В ее пересказе все они были свойские, знакомые, почти что соседи. Легенда о Нарциссе, который так любил свое отражение, что не мог оторваться от созерцания его в озере, из-за этого не ел, не пил, отощал, ослабел, свалился в воду и утонул, не вызвала особого интереса. А вот истории про Гулливера у лилипутов и великанов даже шли на бис.

Иногда Шура просила дать ей отдохнуть и тогда передавала бразды правления развлекательным процессом в руки певуньи. Молодая женщина, обладавшая дивным голосом, знала несметное количество всяких песен – и народных, и эстрадных, классических арий и романсов. Возможно, она была артисткой, кто знает. В вагоне было неписаное правило – никто никого не спрашивал о личном, кто что хочет о себе рассказать, то и рассказывает сам, без чьих-либо вопросов.

Народные и популярные песни, которые она пела, подхватывали все. Тогда ощущалось какое-то единение таких разных и одинаково несчастных людей. Когда же звучали особенно трогательные романсы, вагон замирал – это были минуты настоящего наслаждения, мгновения истинного счастья.

Становилось всё холоднее, и расстояния между станциями – все длиннее.

– Да, велика страна наша, – сказал кто-то с гордостью, а, может, с сожалением...

– Я вам новую песню спою, – сказала тогда певунья своим мелодичным голосом. – Ее только-только написали. С месяц назад я ее в Москве услышала. Помните, когда от последней станции отъезжали, по репродуктору ее опять передавали?

И она запела эту новую, прекрасную песню: ***…”****Широка страна моя родная, / Много в ней лесов, полей и рек! / Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек…”*

Да уж, что и говорить, слова красивые! А как же, конечно, “вольно дышат” люди в этом вагоне для перевозки скота! Особенно там дальше выразительно и красиво – про то, что “человек проходит как хозяин”, что “старикам везде у нас почет”… И жить, сами видите, “привольно и широко…” Они слушали эту новую, прекрасную песню, понурив головы.

******

Хотя связи между вагонами не было, но каким-то непонятным образом слухи курсировали по всему поезду. Рассказывали, например, как в одном вагоне бандит так свирепствовал, что молодой парень, обезумев от невозможности более терпеть издевательства, решил убить его, пусть даже ценой собственной жизни. Он сел на край вагона у открытой двери и попросил этого бандита столкнуть его с поезда, потому как жить надоело, а покончить с собой, мол, вера не позволяет. Бандит отнесся совершенно равнодушно к такой просьбе, без тени сомнения или сожаления спокойно подошел к парню, чтобы спихнуть его с поезда, и, когда он приготовился уже, было, пнуть его и поднял для этого ногу, парень схватил его за ногу, и они вместе покатились под откос.

В другом вагоне бандит ночью полез к 15-летней девочке. Поднялся шум. Ее мать и остальные бабы в неистовстве набросились на него и били с таким остервенением, что другие уголовники побоялись вступиться – ярость женщин была столь велика, что им тоже досталось бы с лихвой. Утром оказалось, что бандит мертв. Когда на ближайшей станции это обнаружилось, весь вагон вывели на платформу для выяснения обстоятельств. Из зарешеченных окон остальных вагонов смотрели, что там происходит, и рассказывали тем, кому за спинами глядевших не было видно.

Люди на платформе не испугались грозного командира – им уже нечего было терять, и они отчаянно орали, выкрикивая все, что накопилось за эти невыносимые дни пути. Мол, везете нас, как скотину, никаких условий – ни еды, ни воды вдоволь, никакой защиты от бандитов… и так далее.

– Молчать, – угрожающе рявкнул комендант поезда.

И во внезапной тишине, еще звенящей от этого злого окрика, неожиданно прозвучал оскорбительно ехидный женский голос, произнесший с едва сдерживаемым бешенством и от этого казавшийся тихим:

– А чтобы ты, начальник, сделал, если бы твою дочь насиловали?

Ожесточение разъяренной женщины тяжело повисло в воздухе, заполнив собой все пространство, в котором находились люди на платформе, комендант, ссыльные в поезде.

У коменданта поезда, по-видимому, действительно была дочь, потому что он вдруг побледнел, а потом тихо отдал какую-то команду конвоирам.

Потянулись томительные секунды ожидания приговора, мучительная, съедающая душу неизвестность – жить или умереть тебе назначат? Все – и на платформе, и в вагонах – напряженно следили за каждым движением конвоиров, чтобы угадать участь этих отчаявшихся людей. Казалось, солдаты двигаются еле-еле. Наконец, стоявших на платформе загнали обратно в вагон, комендант с конвоирами перешли к следующему. В вагонах облегченно вздохнули. Пронесло…

Бандиты после тех двух случаев несколько поутихли.

Глава восемнадцатая

Вскоре пошли слухи, что уже составлены списки, кого где будут ссаживать и кому в каком месте назначено жить или… выживать.

– Теперь расскажу вам последнюю байку, – сказала Шура. – Слушайте внимательно и мотайте на ус.

Жили на земле в одном месте добрые люди. С одной стороны от этого места были красивые горы, и с них стекали реки холодные и чистые, что твой хрусталь. С другой стороны, супротив гор, было теплое море, где они ловили рыбу. Направо был густой лес, который давал много грибов и ягод им на пропитание. Ну, а налево – поле-полюшко, житница-кормилица. Славно они жили, дружно, никого не обижали, деток лелеяли, о стариках заботились, а чтобы ограбить или убить кого – не дай Бог, ни-ни! О таком даже и не слышали! Так ведь, ясное дело, ежели кто хорошо живет, то злым людям завидно делается. Напали на них слева, со стороны полюшка, враги лютые, злодеи бессердечные. Начали убивать и грабить. Ну, люди, что жили там, добрые-то добрые, но на защиту дома-отечества встали все до одного, а деток, стариков да женщин в лесу попрятали. И пошли они на бой кровавый. Защитили землю свою, но много их в той битве полегло. Да и злодеев побито немало. Попали все убиенные – и злодеи лютые, и защитники своей земли – на тот свет, предстали пред очами Превеликого Владыки Небесного. Повелел Господь архангелам отвести всех первонаперво в залу для проверки. Тут старшой архангел ему с поклоном и говорит:

– Всемилостивый и Всемогущий, как же всем одинаковое испытание назначаешь, ведь люди они вовсе разные?

А Всевышний ему отвечает:

– Мою заповедь «Не убий!» все нарушили.

Архангел еще ниже поклонился:

– Прости, Всеблагий Отец, но разреши, пожалуйста, такие наши сомнения: ведь одни убивали как злодеи, а другие – защитники, так что убивец убивцу – рознь.

– Это я потом буду разбираться с кажным по отдельности, а пока веди всех, куда сказано.

Разделили архангелы убиенных на две группы: злодеев в одну сторону, защитников – в другую. Каждому привязали к правой руке длинную палку – метра 1,5-2 будет, а на конце этой палки приделан маленький ковшик.

В вагоне стало тихо как никогда – каждая фраза была удивительнее предыдущей. Слушали, затаив дыха-ние, боялись пропустить хоть слово. А Шура обвела всех внимательным взглядом, серьезно так посмотрела в их лица и продолжала:

– Вот развели их по разным залам. Обе залы высокие, красивые, все в дорогом убранстве, посреди кажной – огромадный стол и кресла вокруг его дубовые, резные. На столах в обеих залах стоит по большущему медному тазу, а в тазах этих борщ – ароматный, густой, мясо да сало в нем кусочками, свекла да капусточка, морковочка да картошечка. Уж не обижайтесь, что про еду сказываю, потому как в ней весь смысл и есть.

Для тех, кто ехал все эти нескончаемые дни в холоде и голоде, слушать о борще было пыткой, народ дружно сглатывал слюну. Голодным, измученным, разлученным с родными и близкими людям борщ напоминал о прошлой, счастливой, как теперь оказалось, жизни, о матери или бабушке у плиты, о тепле родного дома…

А Шура между тем продолжала рассказывать свою удивительную притчу.

– Рассадили их архангелы и говорят: "Кушайте, господа, у вас завтра важный день будет – кажный пред Всевышним станет. Так что кушайте, сил набирайтесь, потому как неизвестно, что с вами завтра будет, какое назначение получите".

Так они в разных залах и сидят. Кушать-то очень хотят, а как достать? Ковшик же на палке, а палка длинная, в рот не попадает.

Заходит старшой архангел к злодеям через час. Все злющие сидят, голодные, ругаются, друг друга палками-ложками по голове бьют, один борщ зачерпывает, другой его толкнет – борщ разливается, кто-то хочет его языком со стола слизнуть, на него кричат, мол, это я зачерпнул, не трожь. Свара и драка… Покачал архангел головой укоризненно и вывел их из едальни голодными.

Потом заходит в другую залу. Видит, все чисто, весь борщ съеден, все сытые сидят, друг с дружкой беседуют, родных вспоминают, парней утешают, которые молодыми с жизнью расстались. Улыбнулся архангел: "Хорошие вы люди, думаю, что и назначение вам будет хорошее".

Шура замолчала. Все ждут, а она молчит. Наконец, народ не выдержал, со всех сторон понеслось:

– Шур, ну, говори же! Скажи, в чем секрет!

– А вы сами-то как думаете, как бы вы на том месте ели, ежели видит око, да зуб неймёт? Не знаете? Эх, вы! Не похожи вы на тех людей, не берете в ум позаботиться друг о дружке! А все ведь так просто! Сначала набирает один человек борща ковшичком, протягивает его на палке через стол тому, кто супротив него сидит, кормит его, а потом наоборот, тот его кормит, потом другая пара так же друг дружке помогает. Никто поперек старших не лезет, уважение им оказывают. Так один за другим все и съели, потому как в первую очередь не об себе заботились. Все, сказ окончен, спать буду.

Застыдились люди самих себя: почему не догадались о таком простом способе? Почувствовали, что Шура ими недовольна. Она ведь не пожалела своей чудодейственной мази для незнакомого человека, да еще не самого лучшего. Она-то уж наверняка была из той, второй залы, где люди помогали друг дружке. А я из какой? Задумались… Не хотелось вслух обсуждать услышанное – каждый молча мерил себя этой притчей.

******

Дети со всего вагона, постепенно освоившись, собирались кучками, болтали, во что-то играли, хоть и не было у них игрушек, развлекались, как могли в этих условиях, созданных специально против человека.

Старый еврей слабел на глазах. Может, потому, что отдавал большую часть своей еды внуку, может, какая болезнь была у него внутри, а может, просто был очень стар.

Однажды, когда внук его в сторонке играл с ребятами, старик попросил подойти к нему Шуру, "интеллигента" и старшого из пятидесятников.

– Я скоро умру. Что тогда будет с моим Арончиком? – он поднял на них глаза, полные слез.

– Не говори так, не хорони себя раньше времени, все в руках Божьих, – пытался успокоить его пятидесятник. "Интеллигент" молчал. Все посмотрели на Шуру.

– Говорят, нас скоро ссаживать начнут, – Шура помолчала. – Если тебя с внуком вместе с нами ссадят, так, слово тебе даю, буду о нем заботиться, как о родном сыночке, как о Манечке-сиротке.

– А что, дочка не твоя?!

– Нет, бездетные мы. А Маняша уж 13 лет с нами, родная до сердцу, ближе и не бывает. Вот и в Сибирь за нами пошла, говорит, вас не брошу.

– Если мы с вами вместе попадем, знайте, буду ему хорошим отцом на всю жизнь. Всегда хотел иметь сына, – грустно сказал "интеллигент".

– У меня 10 детей, младший – как твой Арончик, 11-й год пошел, 8 внуков … пока. Где столько детей, еще один не в тягость, а доброе дело сделать, так это Богу угодно. Ты и сам знаешь, еврей для нас – святой человек. Если он со мной будет, тебе не о чем беспокоиться. И в еврейской своей вере он и останется.

За время пути пятидесятники ввиду близости своего вероучения к иудаизму сдружились со старым евреем и взяли его с внуком под свое покровительство. Несчастные, обездоленные, лишенные прав люди с истинным благородством заботились о других.

– Спасибо вам, добрые люди, я на том свете сильно за вас молиться буду, – сквозь слезы благодарил их старик. – Еще вопрос: а если я раньше умру, чем вам назначат выходить? Меня вынесут, Арончик при мне один останется, а вы все уедете. Что тогда будет?

– Никому мы его не отдадим, с собой заберем, – твердо сказала Шура. – Ты тогда сам скажи, с кем хочешь, чтобы он остался. – И, видя нерешительность старика, добавила: – Не бойся обидеть нас, говори.

– Я не сомневаюсь, что вы, Шура и Захар, будете ему хорошими родителями, а вы, уважаемый, будете ему хорошим отцом, но с пятидесятниками у него и духовное руководство будет.

Старик умер перед рассветом. Горе Арончика, его слезы, рыданья – разве это надо описывать?

Пятидесятники, Захарово семейство, “интеллигент” и другие люди, какие были ближе к старому еврею, окружили Арончика тесным кольцом и утешали от всего сердца. Пятидесятники сказали мальчику, что дедушка завещал им заботиться о нем, и теперь все они – его семья. С покойного сняли талес, часы, вынули из карманов, что там было, сложили вместе со старым молитвенником старика и отдали узелок Арону.

Мертвого положили в углу вагона. Все живые отодвинулись от него подальше, насколько возможно было при той тесноте. Уголовники хотели выбросить тело – мол, неизвестно, когда станция, что же нам, с мертвецом ехать? Были в вагоне и такие, кто молчаливо с ними согласился. Но Шура громко и решительно сказала, что так делать ни по Божеским, ни по человеческим законам не положено. Однако один из уголовников все же встал и направился к трупу, чтобы решить эту проблему самостоятельно. Тогда Захар спокойно, медленно и даже как бы нехотя вытащил из своего узла топорик и, не говоря ни слова, сел около трупа. Так и сидели молча до утра под всхлипывания Арона.

Маняша подсела к Арончику и стала что-то шепотом говорить ему. Постепенно всхлипывания стали стихать. Маняша рассказывала ему, что тоже осталась сиротой, что было ей тогда всего 7 лет. О том, как побиралась на базаре, спала в темном, грязном подвале, а злые мальчишки обижали ее. А потом один добрый мальчик привел ее к Захару и они с Шурой взяли ее в свой дом, растили как дочку.

– Тебе тоже будет хорошо у этих людей. Дедушка на том свете будет молиться за тебя и радоваться, что ты у добрых людей. А ты будешь молиться за него здесь.

******

Властелин, преисполненный милосердия, обитающий в высях небесных! Дай обрести покой, уготованный под крылами Шхины на ступенях святых и чистых, сияющих блеском небосвода, душе покойного, который канул в вечность... Да обретет он покой в саду Эдема, да укроет его Властелин милосердия под сенью крыл своих навеки и приобщит к сонму вечноживых душу его...

(Еврейская поминальная молитва)

******

Вскоре показалась станция.

– Слушайте все! – сказала Шура громко, на весь вагон. Все затихли – ее уже привыкли слушаться. – Сейчас на станции старика покойного вынесут, царствие ему небесное! Ежели спросят про внука, чтоб все молчали! Пацана они забирают, – Шура кивнула в сторону пятидесятников. – Святые люди, воздастся им сторицей за благое дело. А если спросят про мальца, вы все стойте на одном – мол, не было у него внука, и точка. С самого начала не было, поняли? А если кто слово подлое скажет, тому не знать добра на белом свете – прокляну навеки и его, и все его потомство до седьмого колена!

Поезд приближался к станции. На всякий случай люди прощались друг с другом – вдруг сейчас расстанемся навсегда? Остановка. Их вагон предпоследний. Тревожное ожидание.

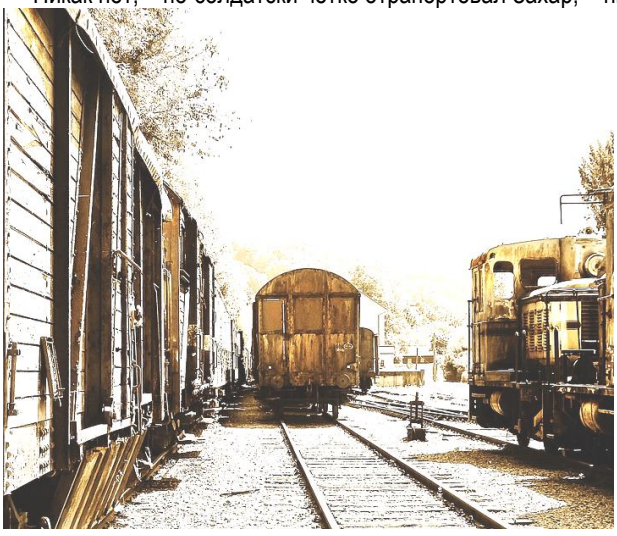
Выгрузили сначала труп, потом назвали 10 фамилий и среди них Захара с семьей. И Кагановичей – Хаима и Арона.

На долгое прощание не было времени, но Шура успела шепнуть Арончику, что обещает ухаживать за могилкой деда. Потом помахала всем рукой и сказала: "Не забывайте историю, которую я вам рассказала!"

На перроне строгий начальник пересчитывал людей несколько раз – конечно, у него не сходилось, да и не должно было сойтись, раз Арончик остался в поезде.

– Вроде кого-то не хватает. Со стариком еще числится то ли сын, то ли внук.

– Никак нет, – по-солдатски четко отрапортовал Захар, – ни сына, ни внука такого не имеется.



Разреши объяснить, начальник. – Получив одобрительный кивок, Захар продолжал. – У еврейцев у этих имен несколько бывает. У нас, например, имя и фамилия, а у них может и три даже имени быть. Вот покойного звали Хаим Мойша Арон, а по фамилии Каганович. Поэтому могла и путаница получиться.

– А ты откуда такие подробности знаешь?

– Так в селе у нас много народу этой веры жило.

– Ладно, нет у меня времени разбираться, и так опаздываем.

Вскоре поезд тронулся. Оставшиеся на перроне еще долго видели, как через решетку окна предпоследнего вагона им махали руками и платочками.

Старый Каганович, по-видимому, на совесть выполнял свое обещание горячо и искренне молиться там, далеко и высоко, в параллельном мире, в другом измерении, за добрых людей, оставшихся на земле. “Интеллигент”, хоть его и определили на поселение в местность с очень тяжелыми условиями, но именно там, несмотря на все тяготы, когда, казалось бы, вовсе не до нежных чувств, встретил женщину, которую полюбил на всю жизнь. В войну пошел добровольцем в штрафбат, через некоторое время его взяли в штаб переводчиком. После войны поселились они с женой в Казани и родился у них сын, как он и мечтал.

Пятидесятники тоже жили нелегко, но дружно, часто вспоминали Шурины байки, особенно, последнюю притчу. Мы еще встретимся и с ними, и с Арончиком.

И Захарово семейство старик Каганович тоже не забывал в своих молитвах.

******

Под камнем сим нашёл покой сын Герша-Ици.
Он с черепками на глазах тут погребён
Как истинный еврей. Из призрачных сторон,
Которых нет, он в этот мир решил явиться,
Чтоб ветер продавать на рынке. До крупицы
Торговцу-другу свой товар отвесил он
И, лишь чуть потемнел субботний небосклон,
Усталый, двинулся домой, чтоб возвратиться
К огню свечей до первых звёзд. Его теперь
Зелёный мох и этот камень на могиле
От будничных забот навеки отделили
И радости суббот, как запертая дверь.
А свежий ветер – нераспроданный товар
По завещанию остался детям в дар.

(Мани-Лейб. Перевод Исроэла Некрасова)

******

Глава девятнадцатая

Однажды поздним августовским вечером к Николаю Петровичу постучали. Он был дома один. Федя был в больнице. Ноги сразу стали ватными, он поплелся открывать. Но, к его радости, на пороге стоял Леонид Семенович с чемоданчиком и каким-то пакетом.

– Голубчик, как хорошо, что это вы! То есть хорошо, что вы пришли. Давно я вас не видел! Заходите, заходите, – с облегчением хлопотал Николай Петрович, снимая с гостя пальто. – Если не в картишки, то хоть чайку попьем.

"Как он постарел! – опечалился Николай Петрович. – Хотя, наверное, то же самое он думает обо мне".

– Николай Петрович, не хотел подставлять вас под удар, поэтому не приходил раньше. Знакомство со мной сейчас не стоит афишировать. Такие времена... Но на улице никого не было, никто не видел, как я к вам постучал. Я… зашел попрощаться. Не мог уехать, не простившись с вами.

– Куда, если не секрет?

– На Север.

– ?...

– Вы, по-видимому, имеете в виду, что туда сами не едут, туда отправляют за казенный счет? – невесело усмехнулся Леонид Семенович. – Поэтому и еду, чтобы без конвоя. И стал негромко рассказывать. – Дочка с мужем в Питере. Связи с ними нет. После смерти жены от дочки нет никаких вестей. Думаю, это ее идейный супруг не позволяет. А сына недавно забрали. Жене его сказали: “Разведись и откажись от него!” Но она –

такая преданная девочка! – не отказалась, бегала по всем инстанциям, пыталась что-то кому-то доказать… Ну, так и ее тоже забрали. Не знаю, сумею ли помочь им, но сидеть, сложа руки, не могу. Прошлую ночь дома не ночевал – чувствую, что и за мной вот-вот придут. А сейчас от вас – сразу в Москву, и прямо с поезда – на поезд, в Томск. А там видно будет. Вот принес вам подарок на память.

Он стал разворачивать пакет и вдруг тихонько засмеялся. Смех получился невеселый и вообще совсем некстати в данных обстоятельствах.

– Забавная ситуация! – Леонид Семенович, наконец, развернул пакет. – Старый еврей дарит старому атеисту старую икону...

Николай Петрович тоже оценил комизм положения и улыбнулся.

– Откуда она у вас?

– Это случилось ранней весной 1921 года, – не спеша начал Леонид Семенович. – Помню, еще снег лежал. Я был у знакомого на окраине города. Молодые свирепствующие борцы с религией ходили по домам, срывали со стен иконы, ломали их и бросали в телегу. Бабы вопили, как по покойникам, крик стоял страшный. Мой знакомый не дал мне уйти в тот момент, просил переждать – боялся, как бы со мной чего не случилось. К нему в дом бандиты не зашли – в тот раз борьба велась только с православием. Кампания была такая...

Когда телега с обломками уехала, я вышел от приятеля и быстро-быстро пошел домой. И вдруг в грязи что-то заблестело. А уж разве еврей, даже спешащий домой, пропустит что-то блестящее? – подшутил над собой Леонид Семенович. – Поднимаю и вижу – заляпанная грязью икона, вот эта самая, целая, не разбитая. Наверно, бросили ее мимо телеги в грязь и не заметили. Я ее снегом немного обтер, и тут проступило на ней изображение Христа потрясающей красоты. Я не великий знаток искусства, то есть я оцениваю по простому принципу "нравится – не нравится". Но тут я почувствовал, что это – настоящее искусство. Я смотрел на нее не как на религиозную святыню, а как на высокохудожественный портрет человека необыкновенной красоты и духовности, причем человека, знакомого мне. Понимаете, у моего умершего дальнего родственника остался сын Хаим, очень красивый молодой человек с типично еврейской внешностью – нежный овал лица, большие, печальные черные глаза чуть навыкате, тонкий, немного длинноватый нос… Правда, бороды, к его великому огорчению, у Хаима почти не было – как говорится, "три с половиной случайных волоска". Но, невзирая на это, в общем, он был очень красив такой, знаете ли, библейской, одухотворенной красотой. И изображение на иконе – его точный портрет. Сходство прямо-таки фотографическое. После смерти отца Хаим стал сионистом и уехал в Палестину.

Я стоял растерянный, смотрел на эту икону и не знал, что делать. У меня было сложное чувство – во-первых, это был, ну, чистый портрет Хаима, во-вторых, как-никак – святыня, хоть и чужая. И потом, безусловно, замечательное произведение искусства. Да, в конце концов, просто ценная вещь, возможно, даже антикварная... Выбросить – на такое рука у нормального человека не поднимется, но и отдать никому не могу, а домой принести тоже нельзя. Вы же помните мою жену Шейну? (Пусть душа ее покоится с миром!) Она была очень тихая женщина. Никогда не спорила, не перечила мне, но я был уверен, что христианскую икону в доме она не потерпит. Как быть? Хорошо, что у меня в кармане была газета. Я завернул в нее икону и пошел домой.

Около дома у меня есть... то есть был... сарайчик для дров, туда я и спрятал эту икону. Порой вспоминал о ней, но никак не мог придумать, кому ее отдать. Вот кому я бы отдал ее с превеликим удовольствием – это Моисею. Но он уже более 20 лет благоденствует в Америке. – В этом месте Леонид Семенович грустно улыбнулся. – Об этом русском мужике по имени Моисей – особая история. Если успею, я вам ее расскажу.

И вдруг меня осенило! Владимиру Галактионовичу Короленко – вот кому надо подарить эту икону! Может, он меня и не помнит совсем, может, тоже неверующий, но он что-то придумает – ну, скажем, в другую рамку вставит и в музей отдаст. Одним словом, если честно, решил переложить ответственность за эту икону на чужие плечи. Да и повидаться еще раз с великим писателем хотелось. Но знаете, как это бывает, – все собирался, откладывал, дела всякие, заботы домашние... Ничего нельзя откладывать на потом… Вот и не успел – Владимир Галактионович как раз в тот год на Рождество переселился в мир иной... в рай, конечно. Я слышал, – Леонид Семенович перешел на шепот, – что нынешняя власть не очень его жаловала.

Николай Петрович разогрел картошечку с грибами и чесноком, достал кое-что выпить по рюмочке. И было им так хорошо вместе и тепло на душе! Ведь очень редко можно говорить все, что хочешь, чем душа переполнена! И ждет твоя запертая душа часа и места, когда позволено будет ей излить это, не контролируя ни слова свои, ни даже мысли! Уже много лет судьба не баловала Леонида Семеновича никакой, даже самой малой радостью, самой малой надеждой. А здесь, в этом доме в сердце оживало светлое ощущение, что есть еще на свете хорошие люди, и не хочется уходить от них. Да ведь и хозяину не хочется отпускать дорогого гостя...

******

Мы любим дом, где любят нас.
Пускай он сыр, пускай он душен,
Но лишь бы теплое радушье
Цвело в окне хозяйских глаз.
И по любой мудреной карте
Мы этот странный дом найдем –
Где длинный чай,
Где робкий фартук,
Где равно - в декабре и в марте –
Встречают солнечным лицом!

(Иосиф Уткин)

******

– У меня еще есть два часа – мой поезд уходит в Москву ночью.

– Вы один едете?

– Нет, мой Ваня со мной. Его, вообще-то, Аполлинарием зовут, но я его Ваней называю. Мой единственный друг и помощник в настоящий момент. О нем своя история, но начинать надо с Моисея.

– Давайте я вам еще картошечки подложу, – сказал Николай Петрович, усмехнулся про себя, вспомнив слова "текущий момент", добавил другу закуски и приготовился слушать.

– Было это примерно в 1909 или 1910 году. Выхожу я с фабрики в пятницу пораньше, мы с женой были приглашены на шабес к свекру и свекрови нашей старшей дочери. И тут подходит ко мне мужик, грязный, заросший, но не сгорбленный – я сразу обратил внимание на его осанку. Стал передо мной и говорит:

– Барин, помоги.

Я вытаскиваю кошелек, а он головой мотает:

– Я не денег, барин, прошу. Возьми меня на работу, не пожалеешь – я все могу.

Да так это убедительно у него прозвучало!

– Ладно, – отвечаю, – заходи. Вот двор фабричный – это твое хозяйство будет.

Двор фабричный большой был, но не очень удобный, угловатый какой-то. В него должны были телеги заезжать – туда-сюда сырье-товар возить. Его обязанности будут ворота запирать-отпирать, двор в чистоте содержать, ну и так, кое-что по дворовому хозяйству… Да и мне своего грузчика не мешало иметь. Одним словом, показал ему его каморку, по-быстрому объяснил, что требуется.

– В понедельник тебя наш счетовод Иван Иванович запишет, будешь жалованье получать, а пока вот тебе 3 рубля – постригись, в баньку сходи, только не пей.

– А я, барин, совсем не пью.

– Я, конечно, не очень поверил. Предупредил Ивана Ивановича о нем и ушел. Счетовод мой тоже личность интересная. – Леонид Семенович неспешно перебирал вспоминания о былых годах. – Исключительной честности, порядочности был человек, делу своему преданный. Я на него во всем мог положиться. Один только минус был – любил себя высоким начальством представлять, с работниками разговаривал высокомерно. Меня, бывало, укорял, что я со всеми держу себя по-простому, любезно даже разговариваю.

Я ему однажды говорю:

– Иван Иванович, вот вы что-то прикажете работнику, и я то же самое скажу. Только "пожалуйста, любезный" при этом добавлю. Он все выполнит, но ему приятней будет моя просьба, он с душой дело сделает. Вы себя на его место поставьте – если вы рабочий, и на вас кричать некий счетовод будет? А, каково?

И что, вы думаете, он мне ответил?

– Я на его месте никогда не буду. Я тоже в бедной семье рос, но решил для себя, что непременно выучусь и добьюсь достойного положения. Не гулял, не пил, учился ночами, зубами науку грыз, как говорится. Вот теперь я – начальник, а они – быдло. Ничего не делают для того, чтобы хоть детей своих из дерьма вытащить, не понимают значения учебы, образования. Вы уж, Лейб Соломонович, извините, но я говорил и буду говорить с ними как начальник, иначе с ними нельзя – доброты не понимают, на голову сядут.

Ну, ладно, пришел я через день на фабрику и ахнул. Двор будто больше стал – ни одного бревнышка, ни одной щепочки, все лишнее в сарае аккуратно сложено. Встречает меня красавец, былинный богатырь – голова его и борода подстрижены ровненько, аккуратно. Седина – соль с перцем.

Потом я понял, что такого работника поискать – на всем свете не найдешь. Первым делом он подсказал, что, если сделать еще одни ворота, на другой стороне двора, телегам будет удобней въезжать через новые ворота, а выезжать – через старые.

– Сам ворота сделаю, ты, Соломоныч (он меня Соломонычем звал к неудовольствию Ивана Ивановича), только петли большие купи по 4 штуки на кажную сторону. А еще ты бы на краску расщедрился, так я тут все и покрашу.

Потом он сделал лавочки для работниц, чтобы им было где в перерыв посидеть. Посадил цветочки вдоль забора. Вечерами он в своей каморке книжки читал – в библиотеке брал.

Звали его Моисей. Рассказывал, что дед был старообрядец. Объяснял он мне разницу в верованиях, но я в это дело, сами понимаете, не очень вникал – кто там какими перстами крестится, кто соблюдает Иерусалимский устав, а кто – нет… Были у него иконы, молился он очень серьезно и трепетно.

По пятницам Иван Иванович выдавал зарплату работникам, а Моисей не приходил в его контору. Через несколько недель я узнал об этом.

– Ты чего в контору за деньгами не идешь?

– Ты меня на работу брал, ты и плати.

Видно, счетовод сказал ему что-то свысока, так он, гордый, и не хотел к нему идти. Мне было с ним весьма интересно беседовать, вот я и приносил Моисею деньги в каморку, вроде захожу к нему какое-то задание дать. Ну, заодно посидим, поговорим. А Ивану Ивановичу не говорил, чтобы не злился.

Как-то разговор зашел о русской поговорке "От сумы и от тюрьмы не зарекайся".

– "От сумы" – это понятно, – говорю ему.– Человек может в одночасье всего лишиться – стихия какая, воры, пожар, землетрясение, предательство, да мало ли что – всё в руках Всевышнего. И остается ему, бедолаге, только с сумой идти, побираться. А "от тюрьмы не зарекайся" – это неправильно. Вот возьми Ивана Ивановича – честнейший человек, из бедной семьи, учился, добился положения. Хоть ты его не очень жалуешь, но, будем справедливы, он с детства знал, что чужого не возьмет, закона не нарушит, в тюрьму не попадет.

– А ты, Соломоныч, подумай вот про что. Это же русская пословица, а на Руси мало что от человека зависит, все – от начальства. Раньше помещик над крепостными полную власть имел, изгалялся, как хотел, и никакой справедливости. Теперь вроде крепостных нет, а жажда власти у любого начальства огроменная. Любой урядник или там городовой в каком городе, коли захочет, простого человека арестует, посадит ни за что. И правды не добьешься. Вот книжки разные читаю, хочу знать, в других краях люди так же живут?

******

Позднее, когда Леонид Семенович уже ушел, Николай Петрович долго не мог уснуть, размышлял о судьбе друга и вообще о жизни. И неожиданно для себя зацепился за мысль о том, что многие пословицы и поговорки у разных народов выражают одну и ту же идею. Его эрудиция позволяла сравнивать поговорки разных народов. Например, вспомнил Николай Петрович, “Других не суди, на себя погляди!” соответствует английской поговорке "Прежде, чем указать на мой грязный палец, вымой свою руку". Мы говорим: “Баба с возу – кобыле легче”, а у них вовсе близнец нашей, но звучит элегантней: “Когда леди покидает кабриолет, лошадь испытывает некоторое облегчение“. Или вот монголы говорят: “Чем быть недовольным тем, что дали, лучше крепче это держи!” Ну чем не наша: "Дареному коню в зубы не смотрят"? А еще: по-нашему – “Рыба с головы воняет”, а на Кавказе – “Ореховое дерево с корней гниет”. Большая разница?

И ведь, действительно, такой тоскливой, с безысходной уверенностью во вселенской несправедливости поговорки нет ни у каких других народов – только русские говорят: "От сумы и от тюрьмы не зарекайся".

******

– Лет этому Моисею было 40-45, – продолжал Леонид Семенович. – Мужик видный, да вот, поди ж ты, один. С его приходом все одинокие бабенки на фабрике всполошились, стали прихорашиваться. Стараются лишний раз ему на глаза попасться, а то и прямо к нему бегут: “Моисей Аполлинариевич, я вам пирожков напекла, угощайтесь, не побрезгуйте”. А он ни на кого не смотрит.

Как-то я его спрашиваю:

– Ты чего не женишься? Человек не должен быть один. Вон баб сколько, выбирай.

– Сейчас не время, через три с половиной года.

– Что так?

– Расскажу как-нибудь.

Глава двадцатая

Первый рассказ Леонида Семеновича

Ехал я однажды в Астрахань, оттуда по Волге хлопок должен был везти. Поначалу всегда сам ездил и кого-нибудь из работников с собой брал, все-таки деньги вез немалые. А в этот раз его взял – спокойный, толковый и непьющий. С тех пор только с ним и ездил. Вот он мне все и поведал. История его по силе эмоций и трагизму ситуаций достойна пера большого писателя.

Была у него семья, дети, хороший дом, достаток. Словом, крепкое хозяйство. Еще на попечении Моисея после смерти сестры остался племянник Аполлинарий. Крупный, сильный подросток, добрый, безотказный, всеобщий любимец. Но был он не то что бы дурачок, а, как бы сказать, не очень умный, что ли… да нет, не то. Никак не могли научить его читать, буквы в слова складывать. Есть, говорят, такая болезнь...

Моисей считал, чтобы создать справное хозяйство на селе, необходимы два условия – мужик должен быть работящий и непьющий.

Но был у него в те времена один серьезный недостаток – слишком любил он женский пол. В селе каждый на виду, особенно не развернешься – все всё обо всех знают. Сам Моисей ни к кому не приставал, но если к нему какая сама напрашивалась, не отвергал. А был он, говорю, очень привлекательный, завидный мужик, любой бабе желанный.

Вот соседка и запала на него, невзирая на то, что у Моисея двое детей, жена беременная, да и свой мужик под боком – злой и ревнивый. По ночам на сеновале свидания назначала, ну, а он, понимаете, не отказывался. Вот сосед-то, муж той бабы, прознал об этом и задумал убить его. Однажды он сказал жене, что едет в город по делам на два дня, сам же поздно вечером вернулся, в окошко свое заглянул, и представилось ему, что жена в кровати спит. Она-то на сеновале с Моисеем была, а на кровати, видимо, скомканное одеяло лежало так, что мужу при лунном свете показалось, будто там жена его.

Раз жена дома, значит, решил он, Моисей тоже у себя дома. Ну, сосед и поджог дом Моисея с угла. После этого ревнивец пошел в свой сарайчик, вытащил бутыль самогона, напился и там же заснул. Огонь не разгорался сильно, так как ветра не было, да и ливни прошли недавно, оттого и сырости много было. Тлело долго. Заполнил дым весь дом, в котором спали жена и дети Моисея. Аполлинарий в эту ночь дома не ночевал, с пацанами на рыбалке был. Когда в селе, наконец, заметили пожар, поднялся крик, суета. Огонь быстро потушили. Моисей тоже примчался с сеновала, вытащил жену и детей, но опоздал – угорели они во сне до смерти. Убивался он страшно, хотел руки на себя наложить.

Кто-то из сельчан решил, что это сам Моисей надумал таким образом избавиться от семьи. Этому навету верилось с трудом, но на всякий случай до прихода урядника его связали. От сильного душевного потрясения он онемел. Урядник задавал какие-то вопросы, пытался с ним говорить, что-то выяснять. Весь народ стоял в растерянности, люди не могли поверить, что это сделал Моисей. Но, с другой стороны, он же молчит, ничего не говорит в свое оправдание. Ему ведь каторга грозит! Вот вам и ситуация: человек в одночасье потерял все, впереди только сума и тюрьма. Значит, права народная мудрость…

Хорошо, сосед-ревнивец, проспавшись, вышел из своего сарайчика, подошел к толпе, увидел связанного Моисея и три трупа у полуобгоревшей избы, да как закричит, завоет… Тут и повинился он перед народом. Урядник его спрашивает: "Ну, предположим, ты на Моисея злобу имел и полагал, что он в это время в избе. Но ты же понимал, что там еще дети малые и жена Моисеева на сносях?" А он говорит: "А я о них не думал". Вот вам и весь сказ. Если злоба ум застит, то и думать не дает о том, что грех большой на душу ляжет.

Как же дальше жить?.. Подался Моисей на Север. Оставил Аполлинария на попечении добрых людей, обещал, что обязательно потом заберет его, и ушел.

Там, на Севере, в лесу, сказали, монах-отшельник живет, на все вопросы отвечает, наперед видит, как у кого жизнь сложится. Раз в неделю принимает тех, кто к нему приходит со своей нуждой-горем, а в остальные дни молится за все человечество.

Долго шел к нему Моисей. По пути не побирался, подрабатывал. В село какое приходит, выбирает самую бедную хату, предлагает починить, что надо, помочь по хозяйству. Только за харчи и работал. Добрался до монаха. Ему тоже избушку починил, скамейку для посетителей рядом соорудил, на ней и спал несколько дней. Молчал все дни, пока монах грехи людские отмаливал.

Монах научил его молиться: «Сядь безмолвно и уединенно, преклони голову, закрой глаза, потише дыши, воображением смотри внутрь сердца. При дышании говори: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Старайся отгонять помыслы, имей спокойное терпение и чаще повторяй сие занятие».

И показал ему монах редкую, старинную книгу «Откровенный рассказ странника духовному своему отцу», изданную еще в 1881 году в Казани. Из книги той он тихим голосом такие слова зачитал: *«Вот теперь так и хожу, да беспрестанно творю Иисусову молитву, которая мне драгоценнее и слаще всего на свете. Иду иногда верст по семидесяти и боле в день и не чувствую, что иду, а чувствую только, что творю молитву. Когда сильный холод прохватит меня, я начну напряженнее говорить молитву, и скоро весь согреюсь. Если голод начнет меня одолевать, я стану чаще призывать*

имя Иисуса Христа и забуду, что хотелось есть. Когда сделаюсь болен, начнется ломота в спине и ногах, стану внимать молитве и боли не слышу. Кто когда оскорбит меня, я только вспомню, как насладительна Иисусова молитва; тут же оскорбление и сердитость пройдет и все забуду…».

Просился Моисей остаться с монахом, но тот не дозволил. Сказал ему так:

– Твоего прямого греха в их смерти нет. Молись за них, они тебя на том свете простят. Пять лет до женщин не дотрагивайся, плоть свою усмиряй. Иди, куда глаза глядят. Найдешь работу справную, осядешь, встретишь вдовушку добрую с ребятишками малыми, будешь им хорошим отцом, а потом уплывешь с ними на корабле.

Вот так и случилось, что попал Моисей ко мне. Оттого он на баб-то и не смотрел. Работник, говорю, был отменный. Начал он в цех захаживать – может, чем помочь надо. Ко всему приглядывался, кое-какие усовершенствования начал предлагать. Вот, например, станки все одной высоты, а женщины-работницы роста разного. Которой надо вверх тянуться, у той руки быстро устают. Он каждой работнице сколотил скамеечку под ее рост. Теперь все они стояли, над станком возвышаясь, и руки не отекали. Такой смышленый! Потом начал станки осваивать. И в них тоже разбираться стал. А станки у меня были самые лучшие, из Германии выписывал, инженер немецкий их налаживал… В то время дело мое уже шло весьма и весьма успешно…

Леонид Семенович надолго замолчал. Николай Петрович не мешал приятелю, он понимал, что Леонид Семенович сейчас не здесь, а в далеком прошлом. Мысли его, Леонида Семеновича, зацепились за выписанные из Германии станки, вспомнилось самое начало…

– Сейчас расскажу вам, как я свое дело начал и кто мне мудрыми советами помог, вразумил, как надо дела вести.

Глава двадцать первая

Второй рассказ Леонида Семеновича

В 1892 году мне 25 лет, у меня уже двое детишек. Наодалживал денег у всех родственников и купил маленькую ткацкую фабрику. Станки старые, работниц 20 человек. К концу месяца голова пухнет, как рассчитаться и с ними, и с поставщиками, с родственниками расплатиться и в свой дом копейку принести.

В первые годы советской власти в Киеве ходила такая поговорка: "Сахар – Бродского, чай – Высоцкого, Россия – Троцкого". Так вот, я был знаком с одним из этой троицы – с уважаемым Вульфом Янкелевичем Высоцким. Был он лет на 40 старше меня.

Миллионщик, купец первой гильдии. Вы просто далеки от этого и не знаете, что высшее купеческое звание непросто было получить – капитал такого купца должен был составлять не менее 50 000 рублей – огромную по тем временам сумму.

Ему было присвоено звание потомственного Почетного гражданина Москвы и титул Поставщика Двора Его Императорского Величества. Понимаете, сколь значителен он был? Одним словом, человек недосягаемых для меня, мальчишки, высоты и калибра.

Был я как-то в Москве, не успел закончить все дела и вернуться засветло. Наступил вечер пятницы – шабес. Отправился в синагогу. Все молятся, но какое-то шевеление в синагоге происходит, какой-то шепоток кроме молитвы чувствую, ползет. Когда молитва закончилась, молодой человек, сидевший рядом, глазами показал на пожилого господина, который говорил с почтительно склонившимся перед ним ребе. Я еще подумал, что негоже ребе так кланятся прихожанину на виду у всех, даже если он богат и дает большие пожертвования. "Это сам Вульф Янкелевич Высоцкий ", – прошептал сосед. Тут я стал пробираться к нему поближе.

Вульф Янкелевич (Калонимус Вольф) Высоцкий

Вы даже представить себе не можете, какая это была голова! Он молодым парнишкой начал работать на чаеразвесочной фабрике Петра Боткина. Хозяева были так довольны его хваткой, деловым чутьем, честностью, что уже через два года предложили ему хорошую должность и высокое жалованье. Подумать только, в те годы – 30 тысяч рублей! Но надо было работать в субботу, и он, конечно же, отказался. – В голосе Леонида Семеновича явно прозвучала нотка гордости за поступок Вульфа Янкелевича.

Потом, в 1849 году, он открыл свое дело – знаменитую впоследствии торговую чайную фирму “В.Высоцкий и Ко”. Преуспел, возвысился до высшего купеческого звания. Капитал его компании перевалил за миллион.

После субботней молитвы народ не расходился, все хотели поговорить с Вульфом Янкелевичем, а больше послушать о его путешествии в Святую землю, которое он совершил несколько лет назад как представитель переселенчес-кого движения «Ховевей Цион». И хоть Вульф Янкелевич рассказывал о своем путешествии в Палестину уже

неоднократно, было много новых людей, и он безотказно повторял все подробно. О своих впечатлениях от еврейских поселений на Святой земле Вульф Янкелевич позже написал в ежегодном литературном еврейском альманахе «Хаашив».

Я проталкивался все ближе и ближе к нему и так поедал его глазами, что он, конечно, меня заметил.

– Что надо этому "*бухеру*" (молодому человеку)? – спросил он с улыбкой.

– Помощи.

– Что ж, сегодня – шабес, приходите ко мне завтра. Знаете адрес? На перекрестке улиц Нижняя Красносельская и Ольховская.

– Нет-нет, я не так выразился… Мне нужна не материальная помощь, мне нужен ваш совет. У меня ткацкая фабрика. Будьте так добры, посоветуйте, как правильно вести дело, как развернуться. Может, есть какие-то деловые секреты, общие для всех?

Вульф Янкелевич внимательно посмотрел на меня. Все притихли. Это бывает очень редко – когда собирается много евреев, добиться тишины почти невозможно. Все ждали...

– Хорошо, слушайте все, у кого есть свой хоть какой-нибудь, хоть маленький "*гешефт*".

– Жалко, что записывать нельзя, – прошептал кто-то.

– Наоборот, очень хорошо, что записывать нельзя, – у старика оказался отличный слух. – Если мой совет придется вам по душе, вы запомните его.

Итак, после месяца работы вы получили некоторый "навар". Сначала расплатитесь с работниками. Никогда не пытайтесь обмануть их или недоплатить – они так же будут относиться и к вам, и к работе, как вы – к ним. Второе – отдайте долги. Не старайтесь отдать все сразу, но не задерживайте, как договорились – так и отдавайте. Держите слово! Возьмите из дохода необходимую сумму для себя и своей семьи, скромную сумму. Никаких излишеств, содержанок, гулянок. Ну, и все, что у вас останется в конце, – это ваш чистый доход. Десять процентов из него надо отдать на благотворительность.

******

Сам Вульф Янкелевич очень много отдавал на благотворительность – поддерживал еврейских писателей, финансировал ежемесячный журнал на иврите «Ха-Шилоах», жертвовал огромные суммы «Обществу для распространения просвещения между евреями России», был почетным членом Комитета помощи еврейским земледельцам и ремесленникам, большие деньги давал и многим российским учебным заведениям. Только его вмешательство спасло сотни мальчиков-кантонистов от насильственного крещения. Он оказывал им материальную поддержку, организовывал обучение Торе, финансировал проведение еврейских праздников… В. Я. Высоцкий перечислял громадные средства на развитие диаспоры в Палестине и на Технион в Хайфе, ну и так далее, и так далее... (***Аркадий Блюмин***)

******

– Оставшийся доход нельзя прятать в сундучок на “черный день”, а надо расширять дело по нескольким направлениям. Вот я вам сейчас расскажу обо всех направлениях, а вы сами решайте, в каком порядке вы будете по ним работать, но заниматься надо каждым из них.

Обратите особое внимание на качество. Сами знаете, какого качества у меня чай. Так и вы должны завоевать рынок высоким качеством своей продукции. Все должны знать, что льняное полотно… Как вас зовут? Лейб Клигер? Так все должны знать, что льняное полотно Лейба Клигера – самое лучшее. Все мамы должны покупать на приданое дочкам постельное белье только фирмы "Лейб Клигер"! Все портные должны шить пальто и шинели только из сукна фирмы "Лейб Клигер" и так далее. А добиться этого можно, если у вас, молодой человек, будут самые лучшие, современные станки, желательно из Германии, и самая лучшая пряжа из самого лучшего хлопка, шерсти, льна и так далее. Это понятно?

Идем дальше. Расширяться надо вправо и влево. Что это значит? Старайтесь освободиться от оптовых посредников и розничных торговцев. С одной стороны вашего дела – поставщики пряжи, с другой – покупатели: магазины, швейные фабрики, портные. Надо все прибрать к рукам, чтобы не делиться с ними. Купите сами прядильню, сами закупайте хлопок, шерсть – делайте свою пряжу. И вот вы уже сами себе поставщик.

Теперь, как расширяться в другую сторону. Купите для начала с десяток швейных машинок, посадите швей, пусть шьют простыни и наволочки из вашего полотна. Это же просто – два шва, и простыня готова. Откройте свои магазины, а в дальнейшем и швейные фабрики.

Следующий момент. Сильно дорожает продукция от дорожных расходов. Откройте еще одну фабрику, потом другую и так далее в разных городах. У меня чаеразвесочные фабрики в Москве, Петербурге, Одессе, Челябинске, Симферополе. Начинал я тоже с одной, а сейчас у меня на всех предприятиях работает более 20 тысяч человек. А для вас выгоднее всего будут волжские города – сырье и товар дешевле везти по реке.

Но и это еще не все. Огромное значение имеет ваше отношение к работникам. Их, как я уже сказал, не только нельзя обманывать и обсчитывать, но о них надо заботиться, как о родных детях. На разных моих

фабриках – разные условия. Но почти на всех есть бани и больницы для работников. Понимаете, мне нужны чистые и здоровые люди, чтобы чай не испортить. При московской фабрике есть еще и общежитие – там много одиноких. На большинстве фабрик есть ссудо-сберегательные кассы. Мне они ничего не стоят, а для рабочих – большое удобство. Представляете теперь, как они ценят свое рабочее место, как старательно и ответственно работают, как меня уважают? Не боятся, как некоторых самодуров-хозяев, а именно уважают. Все эти расходы вернуться вам сторицей, хоть это сразу не видно.

И напоследок я скажу вам одну вещь только для евреев, – тут в синагоге стало так тихо, как никогда не было. – Всем известно, что наша история – это история гонений. Рим, Испания… Сами знаете, повторять не буду. Да зачем заглядывать далеко в глубь веков – все мы помним погромы и здесь, и в Польше после убийства Александра **II** (народовольцы убили, а евреи, обычное дело, были виноваты)…

******

После убийства народовольцами Александра II на фоне нестабильной политической ситуации в Польше и России разразились еврейские погромы. 13 декабря 1881 года начался погром в Варшаве, явно инспириро-ванный властями. В погромах, как всегда, участвовали, в основном, низы общества, в то время как представители польской интеллигенции резко их осуждали, а ксендзы ходили по улицам и уговаривали погромщиков разойтись. Только на третий день погромы были остановлены.

Граф Д.Толстой, назначенный в мае 1882 года министром внутренних дел, был решительно против погромов и в правительственном циркуляре от 9 июня 1882 года предписывал прекращение антиеврейских беспорядков возложить на губернаторов, и что они же в дальнейшем будут ответственны за подобные действия. Количество погромов сократилось.

(Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900-1917. М., 2008)

******

– При таких обстоятельствах в одночасье можно всего лишиться, – продолжал Вульф Янкелевич. – Тогда хватайте детей и бегите как можно скорее, не думая о своем доме, о своей фабрике, о своем богатстве… Так вот, молодой человек, желаю вам развернуться как следует, а потом открыть свои фабрики и в Австрии, и в Англии, и даже в Америке. Будет куда бежать, если, не дай Бог, придется...

– Я запомнил все слово в слово и выполнял все его наставления наравне с заповедями Моисеевыми. Четыре фабрики открыл. И поставки, и потребители – все в моих руках было. Детский сад открыл для работниц. Больницы отдельной, правда, не было, но договорился с доктором Левиным – он принимал моих работниц бесплатно, а потом мне счет выставлял.

Друзья помянули доктора Левина, помолчали...

– Да-а, вот такая встреча была у меня в молодости с великим человеком. Я потом на каждую Пасху ему рулон ткани посылал с поздравлением и благодарностью. В 1904 году Вульф Янкелевич умер.

******

По завещанию В.Я. Высоцкого вся его паевая доля в чайной компании – более миллиона рублей(!) – была передана на благотворительные нужды, на создание учебных заведений для беднейшего еврейского населения России. Часть этих денег пошла Техниону в Хайфе.

После его смерти фирму возглавил Давид Вульфович Высоцкий – достойный сын своего отца. Он открыл, как завещал отец, филиалы в Нью-Йорке, а в 1907 – отделение в Лондоне. В 1913 году у него в общей сложности было 88 филиалов в разных городах России, Лондоне и Нью-Йорке. Все крупные банки Европы считали за честь предоставить компании Высоцкого кредитные линии. ***(Аркадий Блюмин)***

******

– Вот что значит Имя! – продолжал Леонид Семенович. – Я с сыном его, с Давидом Вульфовичем тоже был знаком, заходил к нему, когда приезжал в Москву. Правление его компании находилось в Лубянско-Ильинских торговых помещениях.

Николай Петрович помнил это место в Москве. В центре Ильинской площади стояла часовня, построенная в 1887 году по проекту архитектора Шервуда – памятник московским гренадерам, павшим на Балканах при взятии в 1877 году турецкой крепости Плевна. Площадь окружали: с запада – Ильинские ворота; с востока – Маросейка и Лубянский проезд; с севера – Лубянско-Ильинские торговые помещения, о которых говорил Леонид Семенович; с юга – Ильинский или Лубянский сквер.

– Во время войны Давид Вульфович создал лазарет при московской чаеразвесочной фабрике для раненых воинов и полностью оборудовал за свой счет. Я тогда часто бывал в Москве – поставлял портянки на военные склады.

Ну, а после революции...после революции предприятие Высоцких было национализировано. Но!.. Вы думаете, Давид Вульфович пострадал? Отнюдь! Он успел перевести все свои активы сначала в Польшу, а потом – в Лондон. Так что сохранил и капитал, и заграничные филиалы. Тут Леонид Семенович понизил

голос. – Я слышал, что он хочет фирму перевести либо в Америку, либо в... Палестину, поскольку в Европе сейчас очень неспокойно.

******

В 1936 году один из потомков клана Высоцких – Шимон Зайдлер создал чаеразвесочное предприятие в Палестине, имевшей статус Британской подмандатной территории. Фирма Высоцкого так же "Поставщик Двора", но уже Ее Величества Королевы Великобритании. "Wissotzky Tea" – израильская компания оказалась на двенадцать лет старше самого государства Израиль, основанного в 1948 году.

(Аркадий Блюмин)

******

Леонид Семенович опустил голову и тяжело задумался. Он тоже успел открыть три филиала в Европе и один в Америке, перевел основной капитал за границу, а сам, поди ж ты, с младшими детьми застрял.

Глава двадцать вторая

Повисло невеселое молчание… Николай Петрович отлично понимал состояние друга и, чтобы отвлечь от тяжелых мыслей, вернул его к более приятным воспоминаниям:

– Голубчик, Леонид Семенович, а что дальше с Моисеем было?

– Да, так вот о Моисее. Он у меня на фабрике до управляющего дорос, во все вник, во всем разобрался, грамотный, честный. Иной раз я отправлял его одного с большими деньгами – так доверял. Приглядел он себе на фабрике вдовушку с двумя детишками, скромную такую. Вроде невидная, серенькая, а как он за ней стал ухаживать, так похорошела она невероятно. Вот что любовь делает! Все на фабрике за их романом следили. Все ждут и не поймут, чего же он тянет, не женится? Я-то знал, что срок пятилетний, который монах ему назначил, еще не вышел. Захожу раз в его каморку, вижу, он какую-то книгу читает, а лицо отворачивает, чтобы я его слез не видел. Книга эта была "Слепой музыкант" В.Г. Короленко. Там как раз о том, как слепой подросток Петр тайком от матери вместе с нищими слепцами и Федором Кандыбой идет в Почаев.

– Я видел, – говорит Моисей, – таких слепцов и убогих, когда к Старцу шел...

Ну, я ему рассказал, что лично знаком с многоуважаемым Владимиром Галактионовичем. Моисей был потрясен. Через некоторое время чувствую, ходит Моисей возле меня кругами, поговорить хочет.

Тут небольшая предыстория нужна. Я тоже, как вы понимаете, все книги Короленко имел, а одну частенько перечитывал – "Без языка". В 1893 году Короленко был на Чикагской Всемирной выставке корреспондентом "Нижегородского листка". После Чикаго он в Нью-Йорке побывал, встретился со знакомыми русскими эмигрантами. Помню, как он описывал свои впечатления об Америке. Мы тогда "Нижегородский листок" до дыр зачитывали. А потом, через пару лет, вышла его книга "Без языка".

"Эта книга не об Америке, а о том, как Америка представляется на первый взгляд простому человеку из России", – так он писал. Мы читали и перечитывали ее, каждую строчку обсуждали, каждую мысль. Ведь для нас уже тогда вопрос стоял: ехать или не ехать? Свобода выбора – это ведь и огромная ответственность не только за себя, но и за свою семью, за своих детей. Дал нам Господь свободу воли, а как пользоваться ею не научил... Страшно самому решать... На кого опереться, с кем посоветоваться?..

Ну вот, прочитал Моисей все книги В.Г. Короленко, дошел и до повести "Без языка".

Понимаете, голубчик, у каждого человека и каждого народа можно найти разные плюсы и недостатки. Если я расскажу в своей среде еврейский анекдот, все посмеются, а если расскажет такой же анекдот человек другой нации, то мы воспримем это несколько настороженно – а не антисемит ли рассказчик?

Но вот уважаемый Владимир Галактионович сумел так честно, так справедливо описать и неграмотного украинского крестьянина Матвея, и еврея Борка, и его детей, и простых американцев, и бывшую русскую барыню, с которыми сталкиваются герои. Ему веришь полностью, веришь каждому слову. Сердце сжимается от горя и сострадания к русской девушке Анне, у которой на корабле умер отец, и она прибыла в "землю обетованную"– Америку – уже сиротой.

А момент, когда в одной постели спят Анна и еврейка Роза!.. Обе они из города Дубно. Там они не знали друг друга. В разговоре выяснилось, что мать Розы умерла при погроме – сердце было слабое. Анна, конечно же, не рассказала, что ее родной брат участвовал в погромах. Теперь они спят рядом...

А чего стоит то, как изображена обида Матвея, что дети Борка перестали соблюдать обычаи и веру отцов! Вы только подумайте – Матвею, украинскому мужику, обидно за еврея! Поехать, обрести свободу и при этом потерять детей... Мы вчитывались в каждую строчку. Да я все это до сих пор наизусть помню... Особенно столь пронзительные воспоминания Матвея о том, как на родине евреи встречали субботу.

******

…Вот засветилась огнями синагога, зажглись желтые свечи в окнах лачуг, евреи степенно идут по домам, смолкает на улицах говор и топот шагов, в каждое окно можно видеть, как хозяин дома благословляет стол, окруженный семьей. В это время двери всюду открыты, чтобы Авраам, Иаков и

другие патриархи могли ходить невидимо от одной лачуги к другой и заходить в дома. Знакомые евреи говорили Матвею, что в это время ангелы ходят вместе с Авраамом, а черти, как вороны, носятся над крышами, не смея приблизиться к порогу!

Разумеется, в своем месте Матвей смеялся над этими пустяками; очень нужно Аврааму, которого чтут также и христиане, ***заходить в грязные лачуги некрещеных жидов!*** *Но теперь ему стало очень обидно за Борка и за то, что даже евреи, такой крепкий в своей вере народ, забыли здесь свой обычай...*

(В.Г. Короленко)

******

– Понимаете, кто бы другой написал "заходить в грязные лачуги некрещеных жидов"! Но мы понимали, что для героя повести, Матвея, эта фраза была естественна, и в сердце у него не было ненависти...

Николай Петрович тоже, конечно, читал всего Короленко. Повесть "Без языка" не так задела его душу, как "В дурном обществе". Это понятно – тогда его волновали больше взаимоотношения и взаимопонимание отца и сына. И только теперь, когда Леонид Семенович вспоминал вслух особо важные для него отрывки из повести "Без языка", Николай Петрович видел все сквозь призму чужого восприятия. В этой повести тоже говорится о проблеме поколений, но под другим углом зрения. “Поехать, обрести свободу и потерять детей...”

******

... Джон, Джон! А поди сюда на минуту! – крикнул он (Борк – А.Н.) *сыну.*

Смех и разговоры в соседней комнате стихли, и молодой Джон вышел, играя своей цепочкой.

– Послушай, Джон, – сказал ему Борк. – Вот господин Лозинский осуждает вас, зачем вы не исполняете веру отцов.

Джон, которому, видно, не очень любопытно было разговаривать об этом, поиграл цепочкой и сказал:

– А разве господин тоже еврей?

Матвей выпрямился. У себя он бы, может быть, проучил этого молокососа за такое обидное слово, но теперь он только ответил:

– Я христианин, и деды, и отцы были христиане – греко-униаты...

– Ол райт! – сказал молодой Джон. – А как вы мне скажете: можно ли спастись еврею?

Матвей подумал и сказал, немного смутившись:

– По совести тебе, молодой человек, скажу: не думаю...

– Уэлл! Так зачем вы хотите, чтобы я держался такой веры, в которой моя душа должна пропасть?...

И видя, что Матвей долго не соберется ответить, он повернулся и опять ушел к сестре.

– А ну! Что вы скажете? – спросил Борк, глядя на лозищанина острым взглядом. – Вот как они тут умеют рассуждать! Поверите вы мне, на каждое ваше слово он вам сейчас вот так ответит, что у вас язык присохнет. ***По-нашему, лучшая вера та, в которой человек родился, – вера отцов и дедов.*** *Так мы думаем, глупые старики.*

– Разумеется, – ответил Матвей, обрадовавшись. ***(В.Г. Короленко)***

******

– Теперь вы понимаете, какие бурные споры были у нас – ехать или нет. Молодые были "за", а старики сомневались... Что ждет нас там? Одни пишут, что там благополучие буквально на земле валяется – нагнись и собирай. А другие мучаются и страдают... И были такие, которые возвращались, не смогли прижиться. И об этом тоже пишет Короленко.

******

– Здесь есть то, чего я искал… А если я все-таки еду обратно, – продолжал Нилов, – то... видите ли... Здесь есть многое, чего я искал, но... этого не увезешь с собою... Я уже раз уезжал и вернулся... Не знаю, поймете ли вы меня теперь. Может, когда-нибудь поймете. На родине мне хочется того, что есть здесь... Свободы своей, понимаете? Не чужой... А здесь... Здесь мне хочется родины... ***(В.Г. Короленко)***

******

– Да, а что касается Моисея, так вот, от этой повести он ужасно возбудился.

– Понимаешь, Соломоныч, Старец сказал, что я на большом корабле в новую жизнь поплыву. Я сначала про Волгу думал, все приглядывался, когда с тобой в тамошние города плыли, а теперь понял – он Америку имел в виду. Ты ж туда одного из своих братьев на разведку отправил. Слышь, пошли меня, а?

Я крепко задумался. Вообще-то предложение было дельное и ко времени. Я тогда собирался послать еще двух своих старших дочерей с семьями. Зятья ведь тоже у меня в деле были. Моисею я мог довериться во всем. Будет он справным управляющим, да еще моими ушами и глазами и в делах компании, и в семейных делах. Всю правду будет мне писать. Конечно, не хотелось терять такого работника, но я решился и не жалею.

Привез он Аполлинария себе на замену. Наказал ему меня слушаться, во всем советоваться – как бы дурные люди не обманули, да в нехорошее дело не втянули, – за двором смотреть, всю тяжелую работу исполнять добросовестно.

– Я, – говорит, – там, в далекой стороне, твоей семье надежной опорой буду, а ты за моим племяшем присмотри. А когда сам двинешься, – а я так думаю, что ты все-таки рано или поздно соберешься вслед за всей семьей, – так ты моего Аполлинария не оставь, привези его ко мне в Америку. Я бабушке своей покойной обещал, что его не брошу. И так душа болит, что мало внимания уделял ему из-за своих проблем.

Я, конечно, ему обещал. Вот только имя его племяннику изменил – Ванюшей назвал. Теперь мы с ним одни остались. Читать он так и не научился, но во всем мне помогает, держится за меня, как за защиту в жизни. И я за него держусь. Да и полюбил его за душевную доброту. Ну, а с ним и новая забота – что будет с парнем, когда меня не станет?..

Николай Петрович не знал, как приободрить друга. Наступило грустное молчание....

******

В молчанье доброта важней всего:
и боль стихает, и опять надеюсь... ***(Зиновий Коровин)***

******

Леонид Семенович посмотрел на "ходики" на стене, сверил со своей "луковицей":

– Пора.

– Голубчик, может, вы мне черкнете из Томска пару словечек, как вы там?

– Ладно, – неожиданно быстро согласился Леонид Семенович. – Только я не письмо, а открытку пришлю, чтобы все, – тут он многозначительно поднял палец, – могли прочитать. Обратный адрес писать не буду, да и фамилию каким-нибудь псевдонимом заменю. Вы поймете, – закончил Леонид Семенович и встал.

– Подождите, – засуетился Николай Петрович, – вот я вам настойку боярышника дам. Бутылочка небольшая, а для сердца настойка эта очень эффективная. Дней 20 попьете по 20 капель 3 раза в день до еды, а через полгода еще курс для профилактики.

– Спасибо. Прощайте...

Обнялись… Николай Петрович как-то весь сгорбился и поник. Он молчал. Ему так не хотелось произносить это роковое слово!

– Прощайте, – еле слышно, наконец, произнес он.

Леонид Семенович все понял. Он погладил напоследок старого друга по плечу и ушел.

Николай Петрович неожиданно для самого себя перекрестил его удаляющуюся спину. Глаза его наполни-лись слезами. Обычно мужчины стесняются своих слез. Правда, к старости некоторые становятся сентимен-тальнее и жалостливее, но слезы Николая Петровича были другой природы – он страдал от обиды и стыда за всю страшную несправедливость и непонятную жестокость вокруг.

Через три месяца пришла открытка из Томска.

"Здравствуйте, многоуважаемый Николай Петрович! С большим приветом к вам Крымов. Сообщаю, что мы с племянником живы-здоровы,чего и вам желаем. Надеюсь,что у вас тоже все благополучно.Томск город красивый, много старинных каменных и деревянных зданий. Низкий поклон. Л. С. Крымов."

Николай Петрович улыбнулся наивной хитрости друга, сохранившего свои инициалы – Л.С.К. Открытка была датирована 16 ноября 1937 года... Николай Петрович не знал, что в этот день в Томске был расстрелян его хороший приятель Густав Густавович Шпет

******

В 1898 Густав Шпет учился в Киевском университете св. Владимира на физико-математическом факультете. За участие в революционном студенческом движении он был исключён из университета и выслан из Киева. В 1901 году, вернувшись после высылки, он снова поступил в университет, теперь на историко-филологический факультет, который закончил в 1905. Его конкурсное сочинение было удостоено золотой медали.

В 1907 Густав Шпет переехал в Москву, где читал лекции в Московском университете, Шанявского, Высших женских курсах, педагогическом институте. Позже он стажировался в Гёттингенском университете. Защитил диссертацию «История как проблема логики". Он, переводчик философской и художественной литературы, знал 17 языков, а по некоторым сведениям – даже 19.

С 1921 – действительный член Российской Академии Художественных Наук, с 1924 года – ее вице-президент. В 1935 г. был арестован и сослан в Енисейск, а затем – в Томск. 27 октября 1937 г. он снова арестован по обвинению в принадлежности к "офицерской кадетско-монархической повстанческой организации" и расстрелян 16 ноября 1937 года. (Реабилитирован в 1956 году)

******

А через год пришла открытка из Владивостока.

"*Здравствуйте, многоуважаемый Николай Петрович! С большим приветом к вам Крымов. Сообщаю, что мы с племянником живы-здоровы,чего и вам желаем. Родственник мой, к великой скорби моей, погиб. Посему мы переехали, и я очень надеюсь встретить Ваниного дядю. Настойка ваша отменная. Благодарю вас за все, за доброту вашу бесконечную. Крепкого вам здоровья и благополучия. Л.С. Крымов."*

Николай Петрович все понял: "Родственник мой, к великой скорби моей, погиб" означало, что сын погиб, а Леонид Семенович переехал во Владивосток в надежде добраться до "Ваниного дяди" – т.е. до Моисея и до своих старших детей в Америке.

Какой он все-таки энергичный, деятельный, хваткий! А ведь не молод, лет 70 ему, должно быть... Конечно, денег он сберег себе, как говорится, "на черный день", не пустой поехал в Сибирь. А деньги, как считалось издревле, дают защиту. Но там же, в старинных книгах, сказано, что мудрость ценнее денег, потому что она оберегает жизнь тех, кто ею владеет. Николай Петрович искренне желал Леониду Семеновичу, чтобы все у него исполнилось удачно в таком нелегком деле, которое он задумал, и еще раз пожалел, что не может молиться...

Глава двадцать третья

Говорят, Господь дает людям столько испытаний, сколько они могут выдержать, и ни грамма больше. Спасибо Тебе, Господи, за то, что при этом не забываешь дать людям силы соразмерно тем трудностям, которыми Ты так щедро одариваешь некоторых...

Захар, Шура и Манечка, высаженные на маленьком сибирском полустанке, жили с остальными ссыльными в бараках. Огромное терпение, способность стойко переносить все мыслимые и немыслимые тяготы, немного везения и, наверное, молитвы покойного старика Кагановича помогли Захарову семейству выжить. Ссыльные мужчины работали на лесоповале. Там же работали и те бывшие заключенные, которым после окончания сроков не разрешали уехать из поселка. Шура, понятное дело, лечила всех. Маняша, надежно охраняемая своей легендой о заразном кожном заболевании, жила без приставаний. В бараках собралось одиннадцать детей разного возраста, и Маняша начала учить их всему, что помнила сама – математике, литературе и прочим школьным премудростям.

Начальник поселения не был "зверем", на многое смотрел сквозь пальцы. Однако, он очень удивился этой самодеятельности и не знал, как реагировать.

Шура почтительно подсказала:

– Гражданин начальник, вот ежели приедет комиссия, спросит: "Что это ваши дети не обученные? Ведь у нас обязательное образование!" А ты скажешь: "Вот, можете проверить, все знают – и читают, и считают". Ты только учебников хоть несколько стребуй, а?

Среди ссыльных был высокий молчаливый молодой человек, выразительно и грустно смотревший на Маняшу, когда встречал ее. Шура сразу его заприметила, да и Маняша вспыхивала румянцем всякий раз, как видела его, чаще мазала свои шрамы Шуриными мазями, закрывала платочком обожженные места – ну, словом, дело ясное. Шура ждала удобного момента, чтобы познакомиться с парнем, узнать поближе.

Если очень ждешь, то и случай представится. Так и произошло. Анатолий – так звали парня – привел к Шуре в барак своего друга, поранившего ногу. Сам сидел скромно в уголке и неотрывно смотрел на Маняшу, которая "ассистировала" Шуре. Когда процедура была закончена и нога перевязана, Шура велела Маняше сходить в соседний барак – она, якобы, вспомнила, что какой-то пацанчик не пришел сегодня на занятия, надо бы его проведать.

– А ты, Толик, проводи Манечку, а потом возвращайся за товарищем своим.

Анатолий очень внимательно, даже как-то напряженно смотрел в лицо Шуре, потом радостно закивал головой:

– Конечно, конечно, провожу с удовольствием.

Пока шли, Маняша пыталась завязать разговор, но Анатолий молчал. А молчал он по очень простой причине: он был глухой, поэтому внимательно (как показалось Шуре, напряженно) смотрел в лицо собеседнику – читал по губам. Маняша же закрывала платком рот и обожженную половину лица, как раз обращенную к Анатолию. Вот он и не знал, что она говорит с ним, оттого и не отвечал на скромные попытки Манечки поговорить. Пришла она обратно через час расстроенная и печальная. Ей казалось, что нравится парню, а он ни словечка не промолвил за всю дорогу. А Шура тем временем дипломатично выспросила у друга Анатолия все самое главное о нем и встретила опечаленную дочку с улыбкой:

– Глупенькая ты моя, он-то ведь глухой, тебя не слышал, вот и молчал. А как он смотрел на тебя, тут и поросенку ясно, что влюблен. Парень хороший, питерский, студент был, со второго курса забрали... Я с ним еще поговорю, порасспрошу побольше. Вижу я, что он – добрый и заботливый. Глухой – так это не большая беда, это семье не помеха, с этим можно жить-поживать. Надо бы пихтового масла заготовить, может, сумею парню помочь, – последние слова Шура проговорила тихо, как бы сама с собой.

Маняша представляла себе, как Толик будет приходить к ним, как она будет лечить его, по указанию Шуры, конечно. Потом, в один прекрасный день весной – это обязательно должно быть весной! – он вдруг воскликнет: "Я слышу, я слышу!" А потом обнимет ее и поцелует...

Но назавтра Анатолий, придя к Шуре, молча протянул ей записку.

Вчера вечером весь его барак пытался объяснить Толику, что у Маняши какая-то кожная болезнь, заразная, поэтому за ней ухаживать не надо.

– Понимаешь, она за-раз-на-я, – старательно выговаривая каждый слог, повторяли ребята.

Он никак не мог их понять, и тогда ему написали это слово на бумажке. Всю ночь Толик не спал, переживал, а потом взял себя в руки и начал размышлять. “Если она заразная, то почему Шура с Захаром не больны? Почему весь их барак не подцепил болячку? Почему детишки не заразились? Не надо никого слушать, а надо все самому выяснить”.

На белый бал берез не соберу.
Холодный хор хвои хранит молчанье.
Кукушки крик, как камешек отчаянья,
все катится и катится в бору.
…И все-таки я жду из тишины
(как тот актер, который знает цену
чужим словам, что он несет на сцену)
каких-то слов, которым нет цены.
Ведь у надежд всегда счастливый цвет,
надежный и таинственный немного,
особенно, когда глядишь с порога,
особенно, когда надежды нет.

(Булат Окуджава)

И вот он стоит перед Шурой на пороге, белее снега, и протягивает ей бумажку с этим страшным словом.

Боже милостивый! Как же хорошо, что никого не послушал, пришел сам все выяснить! После всех подробностей Манечкиного жизнеописания, которые ему медленно и спокойно поведала Шура, он перевел повлажневшие глаза на Маняшу.

– Бедная, сколько же тебе пришлось пережить!

А потом просто обнял. Все было совсем не так, как она себе представляла… Да, не весна, да, в бараке… И что с того? Ведь какой замечательной, какой сладостной может оказаться жизнь!

******

Жили в Ленинграде три товарища – Володя, Толик и Дмитрий. Дружили с первого класса. Володя жил с мамой, отец их оставил. Анатолий жил с мамой, отец его умер. Дмитрий жил с мамой и младшим братом, об отце никто никогда не упоминал. Все трое жили бедно, все трое учились в школе хорошо. Володя был талантлив, и все ему давалось легко. Толику требовалось немного больше усилий, и он добивался таких же успехов трудом. Дмитрию надо было объяснять все долго и терпеливо, порой, не один раз, но он очень старался не отставать, друзья ему охотно помогали, и поэтому он тоже учился хорошо, без троек.

Был у них в школе любимый учитель. Жил он одиноко, семьи у него не было, так что все тепло и заботу он отдавал своим дорогим ученикам. Особенно близок он стал нашей троице. Может, потому, что каждому из них так не хватало отца. Друзья окончили школу, поступили в институт, изредка навещали своего наставника, рассказывали, что у них нового, какие проблемы.

А дальше в жизни наших ребят наступил поворотный момент, надолго определивший их судьбы. Тот самый, который, как мы знаем, может радикально изменить жизнь человека. И тогда каждый из них выбрал себе свою дорогу. Но выбор дорог был невообразимо узок. "Шаг вправо, шаг влево..."

Анатолий помнил этот день в мельчайших подробностях. Они сидели в скверике. Слегка пригревало робкое весеннее солнышко, такое долгожданное после зимней серости. Бабушка на скамейке напротив читала внучке детскую книжку. Читала громко, с выражением. На округлившиеся глазки и мордашку девочки, вытянувшуюся от переживаний за героев сказки, невозможно было смотреть без улыбки. Ребята с удовольствием наблюдали за ребенком и ее нехитрыми эмоциями. Это была сказка "Тараканище" всеми любимого Корнея Ивановича Чуковского.

И вдруг Володька сказал... Ну, зачем он это сказал! Почему нельзя переиграть один день жизни по-другому, как в кино – прокрутить пленку назад и вырезать этот зловредный кусок! Почему **ДО** этих несчастных слов он, Толик, не хлопнул Володьку по плечу и не потащил друзей, например, в библиотеку – лишь бы прочь от этой скамейки!

А Володька задумчиво сказал:

– И куда только цензура смотрит, почему эту сказку не запрещают? Там такие прозрачные намеки!

И все! Больше он не сказал ничего! Но… *«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется…»*

А бабушка в это время все читала и читала:

Вот и стал таракан победителем,
И лесов и полей повелителем.
Покорилися звери усатому
(Чтоб ему провалиться, проклятому!).

А он между ними похаживает,
Золоченое брюхо поглаживает:
"Принесите-ка мне, звери, ваших детушек,
Я сегодня их за ужином скушаю!"

******

Через 20 лет, 9 марта 1956 года, вскоре после "Секретного доклада" Хрущева на XX съезде КПСС, К.И.Чуковский сделал в своем дневнике следующую запись: *«Когда я сказал Казакевичу, что я, несмотря ни на что, очень любил Сталина, но писал о нем меньше, чем другие, Казакевич сказал:" А "Тараканище"?! Оно целиком посвящено Сталину.»*

Напрасно я говорил, что писал "Тараканище" в 1921-м году, что оно отпочковалось у меня от "Крокодила", – Казакевич блестяще иллюстрировал свою мысль цитатами из "Тараканища».

Странно слышать утверждение, что Корней Иванович любил Сталина...

Муж дочери Лидии, выдающийся физик Матвей Бронштейн, был арестован в1937 г. как враг народа. Приговор: «10 лет без права переписки». Семья не знала, что Матвей уже расстрелян. Корней Иванович писал письма с просьбой помиловать уже расстрелянного зятя, за него же просили друзья – Маршак, Ландау, Мандельштам, Иоффе. В ответ получили записку:«возместить Л.К.Чуковской стоимость бинокля, изъятого при обыске»…

Некоторые моралисты осуждают К.И. Чуковского за то что он не помог своему племяннику, опальному в то время выдающемуся математику Владимиру Абрамовичу Рохлину. Чем и как он мог помочь?..

Владимир Абрамович Рохлин (1919–1984) – знаменитый советский математик. Родители его были расстреляны в разное время – в 1923 и 1940 гг. С началом войны Рохлин ушел добровольцем на фронт, попал в плен к немцам, бежал из плена и продолжал воевать в Красной Армии. Затем был арестован и попал в проверочный лагерь, откуда смог выйти на свободу благодаря заступничеству своих учителей Колмогорова и Понтрягина, у которых он учился в МГУ до войны.

Математические работы Рохлина относятся к области сложнейших разделов математики, в каждый из которых Рохлин внес много новых идей, открытий и разработок.

Сейчас его сын Владимир Рохлин – профессор Йельского университета.

******

Ночью Анатолия арестовали. Следователь интересовался, какие антисоветские речи вел его друг Владимир в скверике. Анатолий изворачивался, как мог. Строил из себя дурачка, переспрашивал и упорно стоял на своем – говорили о занятиях, о девочках,… а подробностей не помню.

******

Прошел январь за окнами тюрьмы,
и я услышал пенье заключенных,
звучащее в кирпичном сонме камер:
"Один из наших братьев на свободе".
Еще ты слышишь пенье заключенных
и топот надзирателей безгласных,
еще ты сам поешь, поешь безмолвно:
"Прощай, январь".
Лицом поворотясь к окну,
еще ты пьешь глотками теплый воздух,
а я опять задумчиво бреду
с допроса на допрос по коридору
в ту дальнюю страну, где больше нет
*ни января, ни февраля, ни марта.**(Иосиф Бродский)***

Он понимал, что Вовка, которого, вероятней всего, тоже уже арестовали, не знает, кто из двух друзей предал его. Обжигала горькая мысль, что друг может подумать на него. Сейчас ведь такие времена…

Потом стали бить… Каждый раз на очередном допросе с истязаниями он сразу, после первого же удара, падал на пол, изображая потерю сознания. Это не помогало – били и лежачего. Но он так ничего и не подтвердил, ничего не подписал.

Однажды его вызвали на очную ставку. В кабинете следователя сидел избитый Володя с кровоподтеками и разбитыми в кровь губами. У Толика перехватило дыхание, но, как ни больно ему было видеть это, изобразил неожиданную радость:

– Ну вот, гражданин следователь, наконец-то вы поверите, что мы говорили только о девочках! Ну, и о зачетах, конечно, они ведь уже на носу. Вот и Вова тоже скажет. “Слава Богу, – Толик облегченно перевел дух, – теперь Володя будет точно знать, что я не предатель”. Володя понял, что его друг пытается таким наивным способом выкрутиться сам и выгородить его. Улыбнуться не позволяли разбитые губы.

– А гражданин Владимир утверждает, что вы говорили о детской книжке "Тараканище" и делали разные антисоветские намеки.

– Не было такого.

– Гражданин Владимир, подтвердите ваши показания.

– Я повторяю, я сказал только одну фразу: "Куда только цензура смотрит, почему эту сказку не запрещают?" Больше об этом никто ничего не говорил.

Эх, Володька, Володька! Ну кому здесь нужна твоя честность! Зачем признаешься! Впрочем, какая разница? Признаешься или нет – все равно осудят. Злость на этого сволочного следователя, выплеснувшись фонтаном ярости, затопила благоразумие:

– Человек под побоями и не в такой малости признается, – глядя прямо в глаза следователю, сказал Толик.

Следователь, вскочив, в бешенстве стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнул графин с водой. Володя пытался вмешаться:

– Послушайте, при чем тут Анатолий? Я сказал – я и отвечаю. Он мог не слышать, я сказал очень тихо, отвернувшись в сторону.

Но Анатолия уже понесло, никакие соображения осторожности не могли остановить его.

– Это вы, гражданин начальник, сказали про разные намеки, вы сказали! Я-то понял – в сказке намек на Гитлера усатого, а вы кого имели в виду, а? Кого имели в виду? Нашего вели...

Чудовищный удар отбросил его к стене. Ударившись головой, он потерял сознание. Очнулся через пять дней в тюремной больнице. Врач считал, что Анатолий не выживет. Выжил. Молодость победила. Но от сильного удара головой о стену он оглох.

Вот и вся история.

******

«В своей второй детской сказке "Тараканище"(впервые опубликована в 1923 году) Чуковский нарисовал аллегорическую картину политической ситуации, когда нация поставлена под сапог диктатуры ничтожной политической партии, одновременно боящейся и испытывающей отвращение к большинству своих граждан. Среди нескольких прозвищ Сталина прозвище "таракан" стало постоянным – благодаря этой детской сказке. И, хотя Сталин только набирал силу в то время, когда Чуковский сочинял свою сказку, у нее была особая мишень – не столько конкретный политический лидер, сколько авторитарная система правления, которую позднее станут обозначать словом "сталинизм"...(Три десятилетия спустя в постановке "Тараканища" в Ленинградском ТЮЗе заглавный персонаж выглядел неприкрытой карикатурой на Сталина.)... Нет сомнения и в том, что этот образ отразился в знаменитой сатире Мандельштама: "Тараканьи смеются усищи"...» ***(Л.В. Лосев. Эзопов язык в современной русской литературе)***

******

Глухота не мешала молодым жить в любви и согласии. А Шура все-таки не теряла надежды излечить зятя. Заказала ребятам словить медведя и барсука, нутряной жир которых очень целебен, выискивала по весне и к концу лета какие-то травки и коренья... Может, время делало свое благое дело, не напрасно было и Шурино лечение, или молодость победила, а может, любовь в очередной раз совершила чудо, но слух, хоть и очень медленно возвращался к Анатолию.

******

В декабре 1938 Ольгу Берггольц по ложному обвинению заключили в тюрьму, но в июне 1939 выпустили на свободу. Беременная, она полгода провела в тюрьме, где после пыток родила мертвого ребенка. В декабре 1939 года она писала в своем тщательно скрываемом дневнике: "Ощущение тюрьмы сейчас, после пяти месяцев воли, возникает во мне острее, чем в первое время после освобождения. Не только реально чувствую, обоняю этот тяжелый запах коридора из тюрьмы в Большой Дом, запах рыбы, сырости, лука, стук шагов по лестнице, но и то смешанное состояние... обреченности, безвыходности, с которыми шла на допросы... Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули ее обратно и говорят: "живи".

******

Подбирают фомки и отмычки,
Чтоб живую душу отмыкать.
Страшно мне и больно с непривычки,
Не простить обиды, не понять.
Разве же я прятала, таила
Что-нибудь от мира и людей?
С тайным горем к людям выходила,
С самой тайной радостью своей.
Но правдивым – больше всех не верят.
Вот и я теперь уже не та.
Что ж, взломайте... За последней дверью
Горстка пепла, дым и пустота.

(Ольга Берггольц)

******

27 декабря 1938 года в лагере под Владивостоком умер Осип Эмильевич Мандельштам.

Глава двадцать четвертая (Документальная. 1939)

1939 год – это "Клондайк" для историков – столько событий, явных и тайных! До сих пор есть темы для научных споров, новых исследований и диссертаций. Историки – специалисты по XX веку и военные историки – дотошно и с пристрастием изучают в архивах рассекреченные документы, ломают копья в поисках истинных причин и последствий исторических явлений того тяжелого, недоброй памяти года...

28 марта. В Мадрид вошли войска генерала Ф.Франко. Испанская республика пала. В Испании установилась диктатура Франко, просуществовавшая до ноября 1975 г

11 мая условно считается началом полномасштабной тайной, необъявленной войны между СССР и Японией у реки Халхин-Гол на территории Монголии, недалеко от границы с Маньчжурией. Конфликт тлел, начиная с 1932 года, после оккупации Маньчжурии японскими войсками. Об этой войне тогда в СССР не писала ни одна газета. За два дня боев советский истребительный полк потерял 15 самолётов, в то время как японская сторона потеряла лишь одну машину (о чем советские газеты, разумеется, не писали даже тогда, когда стали говорить об этой войне). Советскому командованию пришлось срочно принять меры.

29 мая. Из Москвы в район боевых действий вылетела группа летчиков-асов во главе с заместителем начальника ВВС РККА Яковом Смушкевичем. Многие из них были Героями Советского Союза, имевшими боевой опыт в небе Испании.

26 июня. Первое *официальное заявление советского правительства по поводу событий на Халхин-Голе. Новости с берегов Халхин-Гола стали появляться на страницах советских газет. Командующему авиацией 1-й армейской группы Я. В. Смушкевичу и командующему Дальневосточной армией Г. М. Штерну за бои на Халхин-Голе присвоены звание Героя Советского Союза и медаль "Золотая Звезда".*

23 августа. Риббентроп – министр иностранных дел Германии – за сутки согласовал со Сталиным и Молотовым Договор о ненападении между СССР и Германией, который они немедленно и заключили. Нацистская Германия и Советский Союз предоставили друг другу гарантии невмешательства на случай войны с третьими странами.

******

Полыхает кремлёвское золото.
Дует с Волги степной суховей.
Вячеслав наш Михайлович Молотов
Принимает берлинских друзей.
Карта мира верстается наново,
Челядь пышный готовит банкет.
Риббентроп преподносит Улановой
Хризантем необъятный букет.
И не знает закройщик из Люблина,
Что сукна не кроить ему впредь,
Что семья его будет загублена,
Что в печи ему завтра гореть.
И не знают студенты из Таллинна
И литовский седой садовод,
Что сгниют они волею Сталина
Посреди туруханских болот.
Пакт подписан о ненападении –
Можно вина в бокалы разлить.
Вся Европа сегодня поделена –
Завтра Азию будем делить!
Смотрят гости на Кобу с опаскою.
За стеною ликует народ.
Вождь великий сухое шампанское
За немецкого фюрера пьет.

(***Александр Городницкий)***

******

По секретному Дополнению к Протоколу Договора между СССР и Германией Финляндия была отнесена к сфере интересов СССР. После этого советское правительство подняло вопрос о переносе границы от Ленинграда, "поскольку Финляндия сама будет не в состоянии обеспечить безопасность города в случае появления в ее границах армии враждебного СССР государства". И.Сталин сказал: "Мы ничего не можем поделать с географией, так же, как и вы… Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него подальше границу".

1 сентября (спустя неделю!) Германия начала Вторую мировую войну нападением на Польшу. В тот же день в Советском Союзе введена всеобщая воинская повинность. При этом призывной возраст снижен с 21 года до 19 лет, а для некоторых видов войск – до 18 лет. В короткое время численный состав армии достиг 5 миллионов человек, что составило около 3 % населения.

Население в тревоге – всеобщая воинская повинность – это же мобилизация... Это что ж, война скоро?..

5 сентября. США и Япония объявили о своем нейтралитете в европейской войне.

15 сентября. Подписано соглашение между Советским Союзом, Монголией и Японией о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол. (Всего за время конфликта СССР потерял 207 самолётов, Япония – 162.)

16 сентября. Послу Польши в СССР заявлено, что, поскольку польское государство перестало существовать, Советский Союз берет под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

17 сентября. Молотов посылает послу Германии в СССР Шуленбургу поздравление по поводу «блестящего успеха германского вермахта» при захвате Польши. В этот день в 6 часов утра советские войска двумя войсковыми группами перешли государственную границу с Польшей. Вечером того же дня польское правительство и верховное командование польской армии бежали в Румынию.

*28 сентября. Немцы заняли Варшаву. В тот же день в Москве подписан советско-германский Договор о дружбе и границе между СССР и Германией, установивший **de jure** линию разграничения между немецкими и советскими войсками по территории бывшей Польши. А шестью днями раньше это случилось **de facto** – войска вермахта отошли за реку Западный Буг, передав несколько занятых ими ранее районов подразделениям РККА.*

В частности, советским стал Брест, где под руководством комбрига Семена Кривошеина и генерала Гейнца Гудериана состоялся совместный парад советских войск и дивизий вермахта. Да, Гейнц Гудериан, тот самый гитлеровский генерал танковых войск, который в 1932 году окончил танковую школу в Казани (Его хорошо учили советские военные специалисты, а он был старательным учеником…). Тот самый, чьи дивизии через 2 года после этого парада будут ожесточенно сражаться с частями Красной Армии на Западном и Юго-Западном фронтах.

Население огромной страны старалось прочесть между строк в центральных газетах ответ на пугающий всех вопрос: будет ли война?

10 сентября. Берия доложил на закрытом заседании партактива столицы, что в Москве наблюдается повышенный спрос на продовольственные и хозяйственные товары. Отпуск сахара за 9 сентября составил 1620 т вместо обычных 380 т. В несколько десятков раз возросла продажа соли, спичек, мыла. У продовольственных магазинов очереди до 500 человек. Народ спешно снимает вклады в сберкассах Москвы: 6 сентября – 692 тыс. руб., 7 сентября – 852 тыс., 8 сентября –5 млн., 9 сентября – 18 млн. руб.

9 сентября было сдано в сберкассы облигаций "золотого займа" на сумму 4 млн.руб. В сберкассах из желающих сдать облигации создались очереди до 100 – 150 человек.

28 ноября. Денонсирован Договор СССР с Финляндией о ненападении, подписанный в 1932 году.

30 ноября. Советским войскам дан приказ перейти финскую границу. Начальником ВВС РККА был Я.В.Смушкевич, 8-й армией в советско-финской войне командовал Г.М.Штерн. (В июне 1941 года оба военачальника арестованы и через несколько месяцев расстреляны. Реабилитированы в 1954 году.) Война не была легкой. Советский Союз победил маленькую, плохо вооруженную финскую армию, потеряв "на той войне незнаменитой" в три раза больше людей, чем Финляндия. Но если Финляндия знает своих погибших всех до единого поименно, то о количестве погибших красноармейцев споры идут до сих пор. (Причём, во все новых и новых подсчетах, производившихся с 1990 по 1995гг., четко прослеживается нарастающее число советских потерь.)

******

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.
Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.

Среди большой войны жестокой,
С чего – ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незнаменитой,
Забытый, маленький, лежу.

(А. Твардовский)

******

14 декабря. Лига Наций исключила из своей организации СССР за развязывание войны с Финляндией. Кроме того, США наложили эмбарго на поставку в СССР авиационных технологий и частей к самолетам. Это негативно сказалось на развитии советской авиационной промышленности, традиционно использовавшей американские моторы.

Глава двадцать пятая

Жил в Берлине в красивом доме в престижном районе известный и уважаемый врач.

Все его предки были врачами. Его учителем был великий Рудольф Вирхов, который взял его на знаменитый XI Медицинский конгресс в Рим в 1894 году. На этом конгрессе он познакомился с русским врачом Давидом Эммануиловичем Левиным, который попросил порекомендовать ему толковую медсестру. Вот так и приехала Эльза в Н-ск.

Доктор**а** изредка переписывались.

С тех пор немецкий доктор бывал на всех следующих конгрессах. В 1897 году на конгрессе в Москве, к его удивлению, доктора Левина не было.

1 января 1900 года у доктора в Берлине родился сын, которому тоже была уготована карьера врача, от которой он решительно отказался, намерен был идти своей дорогой, а не по стопам отца. Он стал военным. Какая горькая ирония: отец – представитель самой гуманной профессии на свете, а сын – самой жестокой... Кроме этого отец переживал, что сын еще не женат. Дождется ли он внуков?

Закончился тяжелый 1939 год... 1 января 1940 года Германия встретила с воодушевлением. Под руководством великого фюрера Германия станет владычицей мира. Во всяком случае, в Европе-то уж точно все будут трепетать перед ней. В этот день приехал с фронта сын старого доктора и в кругу родных и друзей отмечал свое 40-летие. Офицера фашистской армии вызвали в Главную ставку. Он проявил себя отличным командиром, получил повышение и ждал нового назначения.

Как-то на улице он увидел молодую женщину, и сердце его дрогнуло – он узнал в ней ту, которую когда-то любил! Она была не одна. Рядом с ней шел подросток лет 13-14, высокий, красивый, точная копия его самого. Сомнений не было – это его сын. Но жестокий разум победил чувства – он не решился подойти, признаться, повиниться… возможно, помириться?.. Хотя очень хотел. Ведь кто знает, может, у нее в роду не все чистые арийцы? Тогда эта связь повредит его карьере... Хорошо, что она никогда ни на что не претендовала, не искала встреч. Гордая… Он шел домой подавленный. И каждый раз, вспоминая эту встречу, чувствовал себя подлецом.

1940 год

27 января. Расстрелян писатель Исаак Бабель.

2 февраля. Расстрелян театральный режиссёр Всеволод Мейерхольд.

13 марта финская кампания была закончена. Для Советской России наступила короткая передышка… До зловещей даты – 22 июня 1941-го – оставалось немногим более года…

14 октября. Б. Муссолини сделал заявление, в котором, среди прочего, говорилось: "...существует политическая необходимость оккупировать Грецию..." (убийственная формулировка – "необходимость оккупировать"!), и ровно через две недели итальянские части под командованием генерала Висконти Праска пересекли греческую границу. (Англия – союзница Греции – не сразу бросилась на подмогу)

12-13 ноября. Наркома иностранных дел СССР В.Молотова вызвали в Германию, где А.Гитлер и И.Риббентроп выразили свое крайнее недовольство захватом Советским Союзом Северной Буковины, поскольку это является нарушением советско-германских ***устных*** *договоренностей.*

21 ноября. Итальянцы изгнаны с территории Греции. Греческая армия вступила в оккупированную итальянцами еще в 1939 году Албанию, где была поддержана местными партизанами.

28 ноября. Таиланд, потребовав от вишистского режима Франции возврата отнятых ею в конце XIX века территорий Лаоса и Камбоджи, начал боевые действия против расположенных там французских колониальных частей.

1941 год. *Англия, пережидая зиму, не торопилась прийти на помощь своему союзнику Греции. Но все-таки ей пришлось послать туда войска. 4 марта британские солдаты выгрузились в греческом порту Пирей. Фашистская Германия не долго тянула с ответом и 6 апреля вступила в войну на Балканах на стороне Италии. Началась балканская кампания вермахта. И уже 24 апреля Греческое правительство подписало в Салониках протокол о капитуляции перед Германией и Италией. Война стоила Италии 38 тыс. убитых, 50 тыс. раненых и 12 тыс. обмороженных. Потери Греции в войне с Италией и Германией (окт.1940 - апр.1941) составили 20 тыс. убитых солдат и офицеров и 225 тыс. пленных.*

Глава двадцать шестая

А что же наши молодые друзья – Миша и Федя? Возраст-то уж приближался к 30-ти, и их холостяцкое существование очень беспокоило старших. После того, как Верочка вышла замуж и переехала к Афанасию, она поселила Мишу в их с Сеней комнатку, пока тот не окончит учебу и не начнет работать. Тогда он получит собственное жилье. Сеня, как и хотел, стал кинооператором и работал теперь в Москве.

В этой комнате Мише было спокойно, никто не мешал заниматься, да и квартира была под присмотром (а то ведь нахальные соседи могли занять пустующую “жилплощадь”). В ней он и прожил все студенческие годы. Потом, окончив институт и получив должность инженера на родном заводе, встал в очередь на квартиру. Верочка уговаривала его: "Женись поскорее, получишь двухкомнатную". Тем более, что невест было ну очень много.

Миша – инженер, высокий, красивый, умный, образованный, русые волосы, карие глаза. Спокойный, вежливый, непьющий – ну как в такого не влюбиться!

Федя – роста невысокого, волосы каштановые, глаза зеленые, смешливые. Душа любой компании, заводила, вокруг него всегда смех и шутки, девочки заглядываются. Но он все разговоры на матримониальные темы пресекал: "Не надо ко мне приставать. Вот Мишка старше меня, он должен первый, а я – после." Отговари-ваясь занятостью, они редко ходили на вечеринки. После них было муторно в желудке и гадко на душе. Там надо было пить, поддерживая тосты за нашего всеобщего дорогого, мудрого, любимого отца, вдохновителя и кем еще он там был. Девушки пили наравне с ребятами, а потом в танце так прижимались, что смущали скромного Мишу, а Феде, хоть это и не особенно его шокировало, было некомфортно, оттого что почти все девушки выше его. Девушка, которую Федя полюбит, представлялась ему невысокой, скромной, не глупой и очень красивой.

А что искал Миша? Тоже, конечно, любовь… Но любовь очень верного, преданного ему человека. С ударением на слове “верного”. Любовь предполагает доверие. Если он полюбит кого-то, должен будет рассказать ей все, считал Миша, – что он сын попа, что отец был арестован, сослан и сейчас неизвестно где. А девушка подумает-подумает, да и откажется – мол, прости, но ведь пойдут дети, и будут они "внуками врага народа". Потом её подруги спросят, чего это у вас все разладилось, и она им все расскажет... Так Миша прокручивал в уме различные сценарии и... оставался один.

******

Ошибочно представлять себе время давней инквизиции лишь как сплошное аутодафе – были и веселые кабачки, где праздновали дни рождения, свадьбы, где просто пропивали заработанные или полученные за донос деньги. Ошибочно представлять себе 30-е годы нашей страны как годы с комендантским часом. Зимой и летом на залитом огнями Невском гуляла нарядная публика, из окон весной гремела разудалая музыка – «Эх, Андрюша!..» Петр Первый смотрел с киноафиш улыбкой актера Н.К.Симонова; в который раз выигрывал Ледовое побоище Александр Невский – и говорил с экрана то, что нам хотелось слышать. Мы все пели мажорные песни о мудром, родном и любимом вожде и о стране, где дышится вольнее, чем где-либо на планете… Страшно и странно вспоминать, что мы, обездоленные дети расстрелянных и угнанных в лагеря родителей, часто чувствовали себя счастливыми и вместе со всей “необъятной родиной своей” кричали “спасибо, родной…” – убийце!

Мы были невольными участниками пира во время чумы! ***(Н.П. Бехтерева)***

******

Самая большая страна мира продолжала с еще б**о**льшим вниманием изучать официальные сообщения и передовицы центральных газет, так же, как и раньше, пытаясь найти между строк ответ на мучивший всех вопрос: будет ли война?

Скрытая мобилизация тревожила народ все больше и больше – в армию берут уже с 18 лет, значит, готовятся. Но, с другой стороны, с кем воевать? Японцы, обжегшись у Халхин-Гола, в апреле 1941 года, подписали с СССР пакт о нейтралитете сроком на 5 лет. С Германией?... Да ведь с ней Советский Союз заключил Договор о дружбе и границе в 1939 году. Так будет война или нет? Что думает “великий вождь”?

5 мая 1941 года в Кремле состоялся прием в честь выпускников военных академий. На следующий день советский народ прочел официальное сообщение о выступлении вождя на этом приеме. Сообщение было кратким: *«Товарищ Сталин в своем выступлении отметил глубокие изменения, происшедшие за последние годы в Красной Армии, и подчеркнул, что на основе современной войны* (имеется в виду финская – А.Н.) *Красная Армия перестроилась и серьезно перевооружилась. Товарищ Сталин приветствовал командиров, окончивших военные академии, и пожелал им успеха в работе. Речь товарища Сталина продолжалась 40 минут и была выслушана с исключительным вниманием...»*

Именно тогда Сталин впервые назвал артиллерию “богом войны”... Так о чем же говорил “великий вождь” 40 минут на этом приеме? О том, что Красная Армия усвоила уроки Халхин-Гола и финской войны, перестроилась, перевооружилась и подготовилась? Какие стратегические задачи ставил перед ней “великий кормчий”?

Долгое время историки полагали, что документальные свидетельства этого приема в Кремле и речь Сталина не сохранились – ведь каждый участник запомнил только то, что поразило лично его. Ученые по крупицам собирали воспоминания присутствовавших, чтобы получить более полную картину того приема.

******

Прием проходил в обстановке повышенных мер безопасности. Списки участников мероприятия (свыше полутора тысяч человек) были составлены и утверждены задолго до 5 мая. Приглашенных на заседание и банкет офицеров рассаживали за столы по двадцать человек. За каждым столом был старший, отвечавший за порядок, и представитель службы безопасности в штатском.

Тайну выступления Сталина на этом приеме руководство СССР хранило на уровне режима секретности пресловутого «Постскриптума» – секретного Протокола-приложения к пакту Риббентропа – Молотова, подписанного 23 августа 1939 года.

Надо отметить еще одну очень характерную особенность выступления Сталина – оно было очень мощным в психологическом плане. Говорил он негромко, спокойно, без всякого готового текста – в руках только небольшой листок, в который он время от времени заглядывал. Но, как вспоминали потом сами участники приема, он действовал на аудиторию каким-то особым, магическим образом. Даже маршал Г.Жуков, в характере которого слились прагматизм, железная воля, властность и стремление к достижению цели (иногда – любой ценой), и тот нередко подпадал под влияние этого сталинского «демонизма».
В своих «Воспоминаниях и размышлениях» он приводит, в частности, такую цитату из речи вождя: «Германская армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической, завоевательной войны. Эти лозунги опасные...»

И вот тут участники приема услышали то, что хранило в строжайшем секрете руководство СССР. Цитируем генерала Н.Лащенко, которому слова Сталина врезались в память на всю жизнь: «У нас с Германией не сложились дружественные отношения, – сказал вождь. – Война с Германией неизбежна, и (повернувшись к Молотову) если товарищ Молотов и аппарат Наркоминдела сумеют оттянуть начало войны, то это наше счастье. А вы поезжайте и принимайте меры на местах по поднятию боеготовности войск...»

Потом, когда Н.Лащенко уже в своей части в Запорожье, отвечая на вопросы сослуживцев о содержании речи вождя, упомянул о Германии, война с которой, по выражению Сталина, «неизбежна», то получил серьезную «выволочку» от представителей Политуправления и Особого отдела за разглашение «важных государственных секретов». Хорошо, что не попал в ГУЛАГ…

И хотя Сталину были известны все детали «Плана Барбаросса», он упорно считал это дезинформацией, подкинутой английской разведкой.

(Из исторических исследований журналиста ветерана войны Станислава Королева)

******

Все знали, чувствовали, что будет большая война. По радио часто звучала песня: “Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов.”

А великий вождь хотел войны и в то же время боялся ее: “…*если товарищ Молотов и аппарат Наркоминдела сумеют оттянуть начало войны, то это наше счастье*”. Или ждал, пока у фашистов иссякнут силы на западе? Люди строили догадки о планах "отца" и... готовились. Вся страна готовилась... Ждали, но надеялись – может, пронесет? Ждали и надеялись, надеялись и ждали... Дождались...

Наступил этот страшный день 22 июня.

В первый день войны было уничтожено 1200 советских самолетов, а по немецким данным – 1800 (фокусы статистики!). Причем, большинство из них – на земле. Через 2 дня, 24 июня, сдали Каунас.

Еще через 4 дня, 28 июня, сдали Минск, 1 июля – Ригу. За первые шесть месяцев войны в плен попало 3 миллиона 355 тысяч советских военнослужащих.

******

А за все 4 года войны ... "Если верить немецким документам, в 1941-1945 годах на Восточном фронте было взято в плен 5 миллионов 754 тысячи советских военнослужащих. Российский Генеральный штаб считает, что в плену оказалось 4 миллиона 559 тысяч наших солдат и офицеров."

***(Александр Петрушин. Окружение. Исторический очерк. 2006)**.*

8 июля. ...Вся Москва, по-моему, помимо работы занята тем, что вывозит детей. Пожалуй, это самое убедительное доказательство будущей победы – гениальные муравьи всегда первым долгом уносят личинки. Закрасили голубым звезды Кремля, из Василия Блаженного в подвалы уносят иконы…

(Из дневника писателя Вс. Иванова)

******

Афанасий с семьей вместе с заводом был эвакуирован за Урал. Перед их отъездом сбежал на фронт старший сын Ванечка, приписав себе лишний год. У Верочки разрывалось сердце: сын не знает их адреса, как получить от него хоть весточку?

******

...ибо разлука подобна смерти, единственное, хоть и существенное между ними различие – это надежда. (***Жозе Сарамаго. Евангелие от Иисуса)***

******

Да и как Николай Петрович тут без нее справится?.. Но Николай Петрович бодрился и утешал всех:

– Я тут буду за диспетчера. Вы все мне пиш**и**те, я буду вас всех связывать. За меня не беспокойтесь, думаю, до нас фашисты не дойдут. (О великая, неистребимая надежда!)

Миша сам пошел на призывной пункт. Он мог получить бронь, так как был нужен заводу, эвакуированному на Урал. Но он помнил рассказы отца о братьях матушки Лидии, которые считали святой обязанностью защищать Родину (“Какой бы она ни была”, – думал Миша), коли она в опасности, и отдали за нее жизнь

Его как толкового инженера сначала с небольшой группой специалистов направили на два месяца на танкостроительный завод разобраться в технике, а потом – на фронт, там нужно готовить к бою и ремонтировать танки. После этих двух месяцев перед отправкой на фронт он вырвался на один день в Антоновку.

Кто бы мог узнать в этом бравом офицере застенчивого Мишеньку, поповского сыночка? Да и самого отца Савелия многие ли теперь помнили? А тетка Мария узнала, запричитала. Пошли на кладбище. Поклонились. Помолились…

Потом Мария взяла себя в руки, стала деловой и серьезной. Она спустилась с Мишей в подпол и показала, где зарыт сундучок с иконами и крестом отца Савелия. Потом повела его к председателю колхоза, представила Мишу как племянника и написала "бумагу" о том, что завещает свой дом Михаилу Семенову. Мария рано овдовела, дети умерли от холеры во время Первой мировой. Она была совсем одна. После того, как умерла ее подруга Лидия, она отдала свое сердце, всю нерастраченную любовь маленькому Мишеньке. Сколько лет она мечтала его увидеть! И вот, наконец, он здесь, перед ней… А на дворе война, и ему надо идти воевать...

******

В мае 1941 года у Феди появилась девушка, очень веселая, шустрая хохотушка, с хитрыми глазками, маленького роста, как раз под стать Феде. Она вцепилась в Федю намертво. Когда она говорила что-то, смотрела только на Федю, на его реакцию. И если было видно, что он не согласен или не одобряет сказанного ею, она тут же говорила обратное, говорила, будто пошутила или ее не так поняли и т.п. Одним словом, изо всех сил старалась понравиться Феде. Заискивала перед Николаем Петровичем, но он разглядел ее неискренность. Пыталась подружиться с Мишей, но тоже безрезультатно. Мягкого и очень деликатного Мишу коробили ее бестактность и грубость.

За день до отправки Феди на фронт она прибежала к нему и потащила к подруге:

– Скорее, пожалуйста, пойдем скорее, подруга просила, чтобы я была свидетельницей у нее на свадьбе.

После регистрации, когда поздравляли молодых, она сказала Феде:

–Видишь, какой он (имелся в виду жених подруги) хороший, сам предложил ей, мол, идем распишемся. Если вдруг со мной что-то случится, ты хоть будешь пенсию мою офицерскую получать. Может, и мы распишемся, а, Феденька? Если вдруг тебя убьют, то я хоть не останусь без ничего.

И Федя расписался... Сам не понимая, как это произошло, но домой он вернулся женатым. Николай Петрович и Миша были потрясены:

– Как, она прямо так и сказала: “Если вдруг тебя убьют...”?

Потом они стали утешать Федю:

– Да ладно, наплюй, забудь о ней. Самое главное, береги себя, чтобы ей никакая пенсия не досталась, а после войны будет видно.

На фронте Федя был хирургом полевого госпиталя, через год стал начальником санитарного поезда. Всю войну провел среди крови, ран и смертей, но сердце его не огрубело. По всем законам самозащиты организм должен был, оберегая себя, давно перестать ежечасно сопереживать всем страждущим. Но Федино сердце сострадало и болело...

Миша и Ванечка воевали на фронте. Сеня, брат Веры Васильевны, добился своей цели – стал хорошим кинооператором. Всю войну прошел без отдыха, с фронта – в киностудию и обратно на фронт. Вся страна, затаив дыхание, смотрела его короткие документальные репортажи, не зная его лица. Ну так он за славой и не гнался. Он делал свое дело, которое любил и считал одним из самых важных – оставить потомкам правдивую историю, реальные свидетельства очевидцев.

Глава двадцать седьмая

8 сентября 1941 солдаты группы «Север» захватили Шлиссельбург (Петрокрепость) и неожиданно быстро оказались в пригороде города. Немецкие мотоциклисты даже остановили трамвай на его южной окраине (маршрут № 28 Стремянная ул. – Стрельна). Началась длившаяся почти 900 дней блокада Ленинграда. На севере финские войска остановились по приказу Карла Густава Эмиля Маннергейма (маршала, а затем и президента Финляндии) на рубеже границы 1939 года, то есть той границы, которая существо-вала между СССР и Финляндией накануне советско-финской войны 1939–1940 годов. В своих мемуарах Маннергейм пишет, что он согласился занять должность Верховного главнокомандующего войсками Финляндии только при условии, что ***не будет вести наступление на Ленинград****. Маннергейм не хотел "чужой земли ни пяди"...*

******

Мы помним, что в Ленинграде жили сосед Ильи Семеновича и Дмитрий – друг Володи и Анатолия.

Оба доносчики... "Не судите, да не судимы будете".. Доносчики бывают разные. Те, кто пришел в органы по зову своей подлой – иначе не скажешь – души, и те, кого заставили обстоятельства. У Димы был младший брат, который стал воришкой. Этим фактом иезуиты из органов умело воспользовались, чтобы "прижать" Диму, пообещав "вытащить" брата. А иначе, предупредили они, брата засадят надолго. Дима подписал какие-то бумаги. Брата освободили. Он думал, что про него забудут, но не тут -то было, его начали вызывать и требовать доносы. Скрепя сердце, он назвал одного из институтских педагогов. Потом садисты поймали его на крючок, сказав, что им известно, какие антисоветские речи говорит один из его друзей, а известно потому, что один из двух тоже служит у них в "конторе".

Вот так случилось его предательство самых близких людей. Через некоторое время брата поймали с бандой грабителей, и Дима уже не сумел его выручить. Не мог простить себе того, что сделал, не мог видеть враз поседевших матерей своих друзей.

******

Небеса краснеют, и своды мира, хмурясь, смотрят вниз,
Как в судный день, чуть вспомнят ваш поступок. ***(Шекспир. Гамлет)***

******

Хотел увидеть любимого учителя. Крутился около знакомого дома, специально и утром, и вечером, но так и не встретил. Может, и на учителя кто-то "настучал"? Может, и у учителя был такой же "друг"? Зайти к нему, как они часто заходили втроем, Дима тоже не решился. Что он ему скажет, почему пришел один? Как расскажет о своем предательстве? Как покаяться? Вот раньше люди ходили к священнику исповедоваться, чтобы Бог их простил. А как можно просить прощение, как искупить свой грех, если друзей не вернуть?

Дима спился, бросил институт. Угрызения совести превратили его жизнь в кошмар, несравненно худший, чем жизнь глухого лесоруба Анатолия. Он остался в блокадном Ленинграде – уступил во время эвакуации место в грузовике какой-то женщине. Депрессия и голод исполнили приговор, который он сам себе назначил.

В осажденном городе только в декабре 1941 умерли 52881 человек. Дима – один из них.

Другой доносчик – бывший сосед Ильи Семеновича. О, он был человеком азартным и увлеченным своей "патриотической" миссией – очистить родную страну от скверны – от инакомыслия! Если помните, в фильме "Семнадцать мгновений весны" был персонаж (его талантливо играл Лев Константинович Дуров), который "творчески" подходил к своему провокаторскому призванию, входил в доверие к людям и предавал их (за что и был убит Штирлицем-Тихоновым). Увы, этот персонаж не выдуманный, таких людей немало в странах, где есть соответствующая почва, спрос на этот вид "деятельности" и поощрение... Возможно, все гораздо проще и еще омерзительнее: движущие силы доносчиков – зависть и подлость.

******

Длинная очередь к тюремному окошечку на Шпалерной была обычным явлением в годы сталинского террора в Ленинграде. Но была тогда и другая, может быть, не менее длинная очередь в приемную НКВД: там стояли те, кто хотел свести счеты с недругом, во что бы то ни стало упрятать за

решетку неугодного. В том и состояла безнравственность сталинщины, что она использовала в своих целях самое низменное, самое гнусное в человеке. ***(Е. Лунин. Как погиб Григорий Белых)***

******

Все соседи большого старинного дома скоро догадались, кто у них во дворе "стукач". Разговаривали с ним только по необходимости, хотя некоторые юлили и подлизывались. У его жены не было подруг, а с маленькой дочкой не играли дети. И совсем не потому, что кто-то им не велел. Просто дети очень тонко чувствуют и понимают настроение своих родителей. А "стукач" гордо ходил по двору, чувствуя себя королем, который мог решить судьбу каждого – кого казнить, кого помиловать.

Дочка его пошла в школу, в первый класс. Чудесная девочка, любознательная, хорошо училась. Если были вопросы, а у пытливых ребятишек всегда много вопросов, она обращалась к соседу Илье Семеновичу. Заходить к нему в комнату отец не разрешал, вот она и сторожила момент на общей кухне, когда Илья Семенович будет готовить свою незамысловатую трапезу. На все свои вопросы она всегда получала понятные, подробные разъяснения. Иногда он давал ей читать и дарил детские книжки, которых у него было немного. То есть книг у него было много, но детских среди них мало. А однажды на день ее рождения Илья Семенович подарил ей замечательную книгу русских народных сказок, новую, красивую, богато иллюстрированную. Девочка была счастлива.

Отец ее давно хотел "накапать" на Илью Семеновича – уж слишком он интеллигентный, не нашей рабоче-крестьянской закваски, а чужой, буржуазной. Но доченька души не чает в нем, учителе чертовом. Она его, кажется, больше отца любит. Ревность победила, и на стол соответствующему чиновнику легла соответствующая бумажка. Мы уже знаем, что Илья Семенович улизнул. А сосед остался.

Через месяц, когда стало ясно, что Илья Семенович не вернется, и в квартиру вселялся новый жилец, сосед забрал из его комнаты все вещи, которые ему приглянулись. Ничего особенно ценного там не было, но два шкафа с книгами он перетащил – дочке пригодятся. Дочка очень скучала, берегла книги, его книги: вдруг вернется..

И вот война, и вот фашисты рядом.

Жена умоляла его уехать из города, уже приготовила чемодан с самым необходимым. Но муж твердо стоял на своем – как начальство прикажет, так и будет. В самом начале сентября он примчался к своему "куратору". Из Ленинграда эвакуировали архивы, партийное начальство срочно вывозило свои семьи. Он спросил “уважаемого начальника", как тот считает, не принесет ли он больше пользы, если останется в городе, – ведь надо следить за настроением людей. "Конечно, конечно, ты молодец", – торопливо сказал начальник и быстро выпроводил из кабинета глупого, назойливого и при том амбициозного агента. Сейчас совсем не до него. Честно говоря, начальник думал, что тот будет просить эвакуировать жену и дочку.

Жизнь блокадного Ленинграда описана стократно. Напомню только, что общее число жертв среди гражданского населения города за все время войны превысило 1,2 миллиона человек. Миллион двести тысяч историй, миллион двести тысяч трагедий...

******

Историки со мной не согласятся, но, думаю, Гитлер умышленно не отдавал приказа о решающем штурме Ленинграда. Осенью 41-го овладеть городом с наскока не получилось, и немцы решили взять его, уморив голодом жителей и защитников. На проспекте Стачек вражеские позиции отделяли от наших несколько десятков домов, но фашисты не атаковали, не шли вперед, ожидая, пока все вымрут, сожрут друг друга, как каннибалы. Гитлер оказался таким же психом и изувером, как и Сталин.

(Из воспоминаний Ю. П. Любимова)

******

Есть целый ряд исследований, где обсуждается вопрос Ленинградской блокады. По мнению очень серьезных историков: Сталин расправлялся с Ленинградом. Он ненавидел имперскую столицу, Зиновьева и ленинградских коммунистов, потому что репрессии все-таки не всех уничтожили, и жители северной столицы оставались не совками, а людьми.

Город был с южного направления зажат немецкими войсками, с северного – финскими. Ленинград мог снабжаться не только по воздуху. Можно было заходить через Балтику, потому что Ленинградский порт, в принципе, не был блокирован. Да и главное, что из Ленинграда к Ладоге вела достаточно широкая полоса, которая была под контролем Красной армии, как и 70 километров ладожского берега.

Есть еще один вопрос, который до конца не исследован, потому что ***еще не открыты архивы****. Ленинград блокировался финскими войсками, а у Сталина и Маннергейма была переписка во время войны. И предполагается, что если бы Сталин отдал финнам территории, которые были в 1939 году бессмысленно захвачены, а потом потеряны, то финны просто вышли бы из войны, и никакой блокады*

вообще бы не было. То есть это очень мутная история с блокадой, которая спустя 70 лет остается закрытой (как и архивы – А.Н.)

(По материалам информационного проекта "info INGRIA" о жизни Петербурга и области без цензуры)

******

Историки считают, что финны, заняв северный берег Ладожского озера и не пустив туда немцев, разрушили немецкие планы по полной блокаде Ленинграда. По Ладожскому озеру проходила "Дорога жизни", по которой доставлялось продовольствие и вывозились люди из блокированного города.

Маннергейм приказал своим войскам **не атаковать этот единственный** канал связи Ленинграда с Большой землей. Кроме того, финны отказались перерезать Мурманскую железную дорогу, по которой всю войну шли поставки оружия и снаряжения от западных союзников для СССР.

******

Сосед, стоя в очередях, зорко следил и прислушивался ко всем разговорам – исполнял свой "долг". Иногда очередь хмуро молчала, но однажды он услышал, как люди роптали – мол, мы гибнем, никому мы не нужны, все партийные начальники, небось, не голодают, в тепле сидят, и так далее. Сосед начал угрожать карами, обзывать антисоветчиками и стращать особенно активных ораторов. Так его из очереди вытолкнули, хорошо еще не побили.

Жена соседа как-то вышла из дому и не вернулась. Он искал ее повсюду, но бесполезно. По городу ползли слухи о каннибализме…

"Буржуйку" топил книгами Ильи Семеновича. Но ту, самую красивую, подаренную им книгу сказок, дочка не дала сжечь, хоть и большая уже, 13-й год пошел. Держала при себе под одеялом. Девочка все время лежала в постели, только чуть-чуть оживлялась, когда по радио вела передачи Ольга Берггольц.

******

В годы блокады (1941-1943) Ольга Берггольц находилась в осажденном фашистами Ленинграде. Ее с тяжело больным мужем должны были эвакуировать из Ленинграда, но Николай Степанович Молчанов умер, и Ольга Федоровна осталась в городе. Она начала работать на Ленинградском радио и стала поэтом, олицетворяющим стойкость Ленинграда. Работала все дни блокады, почти ежедневно ведя радиопередачи, позднее вошедшие в ее книгу "Говорит Ленинград". Ольга Берггольц была награждена орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

******

Дочка таяла, как свечка, уже даже не хотела кушать. Он плакал, умолял ее поесть. Крошил в миску пайковый хлеб, наливал туда немного кипятка и иногда добавлял чудом добытый кусочек сахара. Все равно не ела.

– Я видела маму во сне. Она такая красивая, на полянке стояла, а вокруг зайчики, белочки, как на этой книжке, на обложке. Там было так тепло, что мама была в сарафане, и она позвала меня, потому что там мне будет хорошо…

******

Луг моей памяти, ты не смеешь обуглиться,
Ты не смей забывать этот страшный дом,
Петроградскую сторону, Пионерскую улицу,
Где сестра моя умирает в сорок втором.

Память моя, ты слышишь ее хрипящий выдох?
Не плачь о чьих-то погибших надеждах блестящих,
Плачь о незамеченных и ничем не знаменитых, –
Ведь их убивают значительно больше и чаще...

(Абрам Плавник)

******

Еще в Ленинграде оставалась дочь Лейба Соломоновича Клигера, которая давно потеряла связь с отцом. Последнее время она стала часто видеть его во сне. Он каждый раз хотел сказать ей что-то важное, но не успевал – или что-то мешало, или она просыпалась...

******

Сразу после Второй мировой войны был открыт музей блокады Ленинграда, но через некоторое время его закрыли, а коллекции были уничтожены по приказу советского правительства! (Можно понять, чей это был приказ...) Дневники ленинградцев, фотографии, письма и, главное, свидетельские показания – все горело в большом костре во дворе музея... (Можно посмотреть фильм "Voices" на эту тему, который был показан на фестивале документальных фильмов в Нью-Йорке в 2015 г)

Глава двадцать восьмая

Афанасий, Вера Васильевна, их дети – дочь и сын – работали на военном заводе на Урале. Наконец-то они дождались письма с фронта от сына Ванечки, которое им переслал Николай Петрович. Он, как обещал, связал всех со всеми. Но больше писем от него не было...

В город Н-ск вошли немцы. Николай Петрович едва держался на ногах от усталости – сутки назад стало известно, что город сдадут. За эти сутки он, забыв о себе, о еде и отдыхе, “выбивал” машины для раненых,

грузил их, давал последние указания медсестрам и нянечкам, которых отправлял вместе с ранеными, чтобы уберечь и их от фашистов.

Все равно в больнице остались четверо очень тяжелых нетранспортабельных больных, старая нянечка Пелагея, сам Николай Петрович, его верный друг, слуга, помощник, тёзка, одним словом, его Санчо Панса – дядя Коля, и в полном составе запертая шестая палата. Он не мог их всех бросить, не мог эвакуироваться с нашими войсками, хотя такая возможность была.

Фашисты шли по главной улице города – молодые, здоровые, усталые, но довольные, с любопытством разглядывая всё и всех. Их интенданты быстро, четко, организованно подбирали здания для комендатуры, солдат, командного состава, для складов. И, естественно, одной из главных забот была больница, где надо было разместить своих раненых.

Командир и еще несколько военных чином помладше с адъютантами подошли к зданию больницы. Главный офицер был высокий, стройный, светловолосый и, если не видеть в нем ненавистного врага, то можно было бы назвать его красивым. Николай Петрович стоял на пороге измученный, седой, всклокоченный, в грязном халате с гордо поднятой бородкой-клинышком. Он был на верхней ступеньке входа в больницу, и это давало ему возможность смотреть на врагов сверху вниз. Сзади вплотную стояли дядя Коля и нянечка Пелагея. В этот страшный час они старались всеми силами поддерживать его морально.

Офицер, стоящий перед ним, был сыном того самого старого немецкого доктора, с которым когда-то на XI медицинском конгрессе познакомился и переписывался доктор Левин и который рекомендовал ему медсестру Эльзу. Но Николай Петрович не мог этого знать.

Старший офицер невольно улыбнулся – вспомнил своего отца. Младшие офицеры и адъютанты из его окружения не поняли этой улыбки, но молчали, соблюдая субордина-цию. Ждали, что скажет, а он продолжал улыбаться. “Ну, точно, как и мой отец – тот так же поднимал бородку, когда сердился, желая выглядеть выше и суровее."

Николай Петрович начал первым. На чистом немецком языке ясно и четко сказал:

– Я понимаю, что господин офицер собирается занять помещение больницы. На моем попечении остались четверо больных.

Дядя Коля не понимал, о чем говорит доктор, но расправил плечи и гордо поглядывал на внимательно слушающих немцев, мол, знай наших. А Пелагея незаметно положила свою ладонь Николаю Петровичу на спину, в знак поддержки.

– Я надеюсь, – продолжал Николай Петрович, – что господин офицер будет соблю-дать все международные соглашения...

Офицер перебил его:

– Я осмотрю помещение. Начнем с третьего этажа. Пойдете со мной. Когда спустимся на первый, чтобы ваших раненых здесь духу не было.

Легко взбежал по ступенькам, сразу оказавшись на голову выше Николая Петровича, и быстрыми шагами пошел к лестнице. Что делать? Решение пришло мгновенно. Николай Петрович перевел своим помощникам слова офицера и велел перетащить раненых на кроватях через двор в его домик. Надо было использовать малейший шанс. Николай Петрович слышал, как один из сопровождающих удивленно спросил, почему он оставляет врагов в живых?

– Думай, Ганс, думай. Раз они остались в больнице, значит, очень тяжелые, нетранспортабельные. Они все равно умрут, а этот доктор мне еще пригодится.

Коля с Пелагеей побежали выполнять задание, а Николай Петрович поплелся к лестнице. Офицер заглядывал в каждую комнату: "Так, хорошо, эта комната маленькая – будет на одну или две койки. А эта хоть и очень светлая, но операционная на третьем этаже? Нет, это нерационально. Операционная и самые тяжелые раненые будут на первом, а кто полегче, те – повыше.”

Один из младших офицеров сделал ему комплимент:

– Вы рассуждаете, господин офицер, как доктор.

– Дело в том, что мой отец врач, дед, прадед – все были врачами, все друзья родителей тоже врачи. Когда мне было 14 лет, отец взял меня в больницу, я присутствовал при операции. Больному ампутировали ногу. Вечером я долго спорил с отцом. Я говорил: “Нельзя ампутировать конечности, надо дать человеку умереть, калеки не должны быть обузой обществу”. А отец взывал к состраданию, благородству и всякой прочей ерунде, мол, он давал клятву Гиппократа и должен спасать людей.

Все это офицер рассказывал своему почтительному окружению. Но Николая Петровича не оставляло ощущение, что офицер рассказывает это ему, дразня и вызывая на спор. Он молча сжимал кулаки.

– А вообще, – продолжал офицер, – у меня замечательный отец, наивный идеалист, доверчивый интеллектуал. Хотя мы все время спорим с ним, я его очень люблю.

В это время они подошли к палате N 6.

– Почему здесь номер шесть? У соседних палат другая нумерация.

Он дернул ручку двери. Заперто. Николай Петрович попытался объяснить, почему такой номер, кто там находится. Но офицер не желал слушать:

– Открыть немедленно! – голос был совершенно другим, как будто минуту назад не он добродушно рассказывал о своем замечательном отце. – Открыть немедленно, я сказал!

Николай Петрович протянул ключи. Офицер с Николаем Петровичем вошли в палату. Никифор лежал на кровати, а Степан стоял, завернувшись в одеяло, у окна, пытаясь разглядеть, что там происходит: почему дядя Коля с Пелагеей тащат одну за другой кровати с больными, укрытыми одеялами?

Никифор сел, внимательно глядя на вошедших, он так надеялся, что войдет их любимчик Федя. Офицер и Степан, не мигая смотрели в глаза друг другу. Степан делает шаг, другой, выходит на середину комнаты. Одеяло на нем, как тога, через плечо. Он театральным жестом поднимает правую руку и начинает речь на незнакомом языке. Говорит красиво, эмоционально, речь звучит страстно и обличительно. Осуждающе и презрительно глядит он на офицера, и постепенно глаза его наливаются кровью – так сильно он возбужден!

– Так, хватит, мне надоел этот концерт, – спокойно произносит офицер и в упор стреляет Степе в сердце.

Николай Петрович остолбенел – все было, как в театре, как будто понарошку. "Когда он успел вытащить пистолет из кобуры? “ – подумал Николай Петрович, и сам удивился, какая глупая мысль лезет в голову в такой момент.

Никифор бросился к другу, закрывая рукой рану, пытаясь остановить кровь.

– Степушка, миленький, не умирай, пожалуйста, что я Феде скажу, не уберег...

А потом он поднял лицо к офицеру, протянул к нему окровавленную руку:

– Будь ты проклят на веки веков, и ты, и потомство твое, злодей треклятый!

Офицер побледнел – он вспомнил мальчика, которого видел на улице вместе со своей любимой девушкой, стоящих у какой-то витрины, своего сына. А этот мерзкий грязный русский псих проклинает его и сына, его потомство. Прозвучал второй выстрел, и все стихло. Немец вывел бледного Николая Петровича

– Убрать и все вычистить, – бросил он через плечо своему адъютанту, а потом обратился к Николаю Петровичу. – Я вижу, вы шокированы. Но объясните мне, зачем обществу нужны ненормальные люди.

******

Начиная с 1939 года в Германии начали применять эвтаназию для умерщвления душевнобольных, тяжелобольных и детей-калек. Командир зондеркоманды обер-штурмфюрер СС Арно Безсков приказывал уничтожать душевнобольных в больницах и приютах, а также находившихся без присмотра и задерживаемых полицией. Даже в родной Германии, не говоря уже о временно оккупированных странах. Так в Ленинградской области, недалеко от г. Гатчина (Красногвардейск) в психиатрической больнице им. Кащенко 20 ноября 1941 г. было уничтожено около 900 находившихся там больных.

В Латвии 29 янв. 1942 г. было умерщвлено 362 неизлечимых душевнобольных, 28 мая 1942 г. были убиты еще 243 душевнобольных и 15 марта 1943 г. – оставшиеся 98 человек, о смерти которых аккуратные немцы послали сообщение в бюро гражданских записей Риги.

В середине октября 1942 г. командиром зондеркоманды оберштурмфюрером К.Тримборном и врачом Г.Герцем в детском санатории г. Ейска были уничтожены 210 детей с физическими и психическими недугами.

******

– Если вы не будете мямлить о гуманизме и благородстве, а четко и логично обоснуете вашу позицию, я признаю свою неправоту. Надеюсь, что больше никаких сюрпризов меня здесь не ожидает? Вы можете на сегодня быть свободны. Жду вас с вашими подчиненными завтра в 8 утра.

– Зачем?

– Как это зачем? Работать, уважаемый доктор, работать. Вы же тоже давали клятву Гиппократа и, кажется, что-то говорили о международных соглашениях по отношению к больным и раненым. Вы хотите, чтобы ваши раненые выздоровели? Я хочу того же для моих раненых. И вообще, труд не только облагораживает, он еще дает средства к существованию. Одним словом, это не обсуждается.

Сразу постаревший Николай Петрович еле доплелся до дому, где его с нетерпением ждали Пелагея, дядя Коля и четверо раненых.

– Убили Степушку и Никифора...

Пелагея запричитала.

– А с нами что будет?

– Велено завтра на работу выходить, нам втроем. А иначе всех расстреляют...

Раненые молчали, они понимали, в чьих руках их жизни.

– А после войны скажут, что я пособник врага…

Но выхода не было. Следующим утром Николай Петрович пришел в свою, ставшую странно чужой, больницу. Он увидел порядок, чистоту, организованность. Казалось, каждый, выполнял свою работу сам по себе, без приказов, как винтик единого механизма, которым управляло невидимое начальство. Немецкий врач познакомился с Николаем Петровичем, говорил с ним уважительно и пригласил на обход. Делать нечего, пришлось подчиниться.

Постепенно, день за днем, из палаты в палату, от раненого к раненому, профессионализм врача превозмог другие эмоции, и перед ним были уже просто больные. Он стал высказывать свое мнение, давал советы и объяснения, которые немецкий врач принимал с признательностью. Говорили они по-немецки, раненые всё понимали и тоже прониклись к нему уважением. Николай Петрович терзался. Что делать? Как жить дальше?

******

Последнее время ему почему-то часто вспоминался доктор Левин. Как-то на их воскресных картежных посиделках зашел разговор о коварных, умных, злодейски изощренных тиранах, об индивидуальной и групповой ответственности людей, и Давид Эммануилович рассказал один трагический сюжет из многовековой кровавой истории еврейского народа. Тексты священных книг, которые учил в молодости, он цитировал наизусть, почти дословно:

<<*Проглотили нас нечестивые, как глотают лепешку, не дав ей допечься.*

Изучая Писание у сведущих в нем и кропотливо вникая во все детали, как-то ознакомился властитель Адриан с положением: "Кто украдет человека и продаст его в рабство, должен быть предан смерти". И созрел у него замысел коварный. В безмерной своей надменности он повелел наполнить чертог свой сандалиями (намек на то, что Йосеф был продан за пару башмаков) и призвал десять великих еврейских мудрецов, знатоков и толкователей закона. И сказал им: "Изъясните правдиво закон этот, не извращая истины. Какому наказанию подлежит человек, который похитил кого-либо из братьев своих, сынов Исраэля, и продал его в рабство?" И, когда те ответи-ли, что похититель подлежит смерти, он сказал: "Каковы тогда предки ваши, что продали брата своего в рабство за пару башмаков! Примите же вы на себя ныне небесную кару. Если бы предки ваши были живы, я бы осудил их, теперь же вы должны понести наказание за предков ваших!"

И повелел нечестивый предать их жестокой казни. Двоих из них – великих во Исраэле – вывели первыми: раби Ишмаэля, первосвященника, и раби Шимъона бен Гамлиэля, князя во Исраэле. Последний стал просить, чтоб его обезглавили первым, говоря: "Убей меня прежде, чтоб не видеть мне смерти служителя Всевышнего!" Тогда повелел он, змей ядовитый, бросить жребий. Жребий пал на раби Шимъона. Кровь его была пролита без промедления, как кровь тельца. Как только была отсечена его голова, раби Ишмаэль вскричал голосом печальным, как звуки шофара: "Возможно ли?! Язык, столь ревностный в поучении, изрекавший прекраснейшие из слов Торы, ныне лижет земной прах!"

И горько рыдал он, содрогаясь от ужаса. Проходившая мимо дочь нечестивца застыла на месте, красота раби Ишмаэля пленила сердце ее, и она попросила отца сохранить ему жизнь. Нечестивец глумливо отказался выполнить просьбу ее>>.

На этом месте Давид Эммануилович надолго задумался. Николаю Петровичу даже показалось, что он забыл текст – ну, пусть хоть своими словами расскажет.

Наконец, Давид Эммануилович собрался и продолжил:

– Знаете, что потрясло меня больше всего, когда я в ешиве изучал этот отрывок? Дочь Адриана, зная, что на площади происходит казнь, не содрогнулась, не спряталась во дворце, а пришла полюбопытствовать. Ладно. Понравился ей красивый раби Ишмаэль. Тоже понятно. Попросила отца сохранить ему жизнь. И что же она делает после того, как отец "глумливо отказался выполнить просьбу ее"? Она не ушла в слезах в свои покои, она... попросила тогда уничтожить его красоту, содрать кожу с лица его.

И отец немедля и, надо думать, радостно согласился... Потом подробно описывается, как поступили с остальными праведниками и мудрецами, с кого заживо содрали кожу, кого сожгли и так далее…

Страшно иметь коварного врага, но еще страшней – умного и образованного врага-садиста...

Глава двадцать девятая

Что делать? Как жить дальше? После войны Николая Петровича, конечно, обвинят в пособничестве фашистам, могут расстрелять. Но не это доставляло ему нравственные страдания. Невыносимо было другое. Его честное имя будет запятнано, а будущее Федюши – навсегда загублено.

Несколько раз в неделю немецкий Офицер устраивал ему моральную пытку – этот изувер приходил в больницу, вызывал Николая Петровича в ординаторскую, ставил на стол бутылку рома или коньяка и начинал, как он это называл, диспут, но на самом деле это был монолог о превосходстве над всем миром

немецкой нации и фашистской идеологии. Отговариваясь тем, что хирург не имеет право пить, чтобы руки не дрожали, Николай Петрович не пил, молчал. Про себя он называл Офицера “властитель Адриан”, о котором рассказывал Давид Эммануилович Левин. Офицер выпивал всю бутылку сам и, наговорившись вдоволь, уходил, шатаясь, или его уволакивал адъютант. Своим молчанием Николай Петрович пытался выразить презрение к врагу, протест, свое несогласие с дикими, человеко-ненавистническими фашистскими идеями.

******

В период оккупации Франции писатель Жан Марсель Брюллер (псевдоним «Веркор» – по названию предгорья Альп, где действовало Сопротивление) со своим другом Пьером де Лескюр создали в Париже подпольное «Полночное издательство». Они опубликовали 27 книг: несколько повестей и рассказов самого Веркора, «Военный летчик» Антуана де Сент-Экзюпери, произведения Франсуа Мориака, Луи Арагона, Эльзы Триоле, Поля Элюара и другие. Сюжет одной из повестей Веркора «Молчание моря» крайне прост. Немецкий офицер, бывший композитор, очень образованный, обаятельный, поселяется в частном доме в оккупированной зоне Франции. Каждый вечер он рассуждает о Моцарте и правах человека, об историческом пути Германии и Франции, обращается по-французски к хозяевам дома – старику и его племяннице, которые ему не отвечают. Это молчание – демонстрация сопротивления оккупанту. И хотя немецкий офицер даже в какой-то мере вызывает симпатию, хозяева дома упорно молчат. Читатель почти физически ощущает тягостное напряжение этих вечеров. Перед отправкой на восточный фронт офицер приходит попрощаться.

******

– На перекрестке тебе говорят: "Идите этой дорогой". – Он покачал головой. – А ты видишь, что эта дорога ведет не к светлым вершинам, а вниз, в душную тьму мрачного леса!.. Боже! Укажи мне, где мой долг!.. Я использовал свое право... Я попросил разрешения присоединиться к боевой дивизии. Мне оказали, наконец, эту милость. Завтра я могу двинуться в путь.

Мне почудилось, что на губах его мелькнула неуловимая усмешка, когда он уточнил:

– В ад.

Его рука указала на восток – в сторону огромных полей, где будущий хлеб взойдет на трупах.

Я подумал: "Итак, он подчинился. Вот единственное что они умеют делать. Они все подчиняются. Даже он". ***(Веркор. Молчание моря)***

******

Критик Ив Бегбедер высказался по поводу исключительной своевременности «Молчания моря»: «Нужно было создать если не боевую литературу – она придет несколько позже, – то хотя бы литературу, утверждавшую наше достоинство».

******

Молчание старика и его племянницы выглядит благородно, мужественно, патриотично, но это в художественной литературе. А в жизни все не так просто и жутко... и молчать не всегда получается. Офицер не воспринимал молчание Николая Петровича как протест, он разглагольствовал и с удовольствием слушал сам себя.

– Интеллигенция призывает людей к непонятным ценностям. Объясните, почему быть гуманным, духовным, добрым хорошо, а бездуховным, злым – плохо? Зачем надо возвышаться над животными инстинктами? Человек – часть природы, а в ней выживает сильнейший. В результате естественного отбора должен остаться умный, сильный, деловой, способный, красивый человек. Вот пытались в древнем Риме, в Спарте, провести подобную селекцию, сбрасывая со скалы слабых, больных, хилых младенцев. Так создавалось здоровое и прекрасное общество. Рабы трудились в поте лица, а патриции наслаждались жизнью. Какие дворцы, какое искусство они нам оставили! Не дали довести эксперимент до конца. Но теперь мы, немцы, будем править другими народами. И во всем мире будет порядок, а не бедлам, как сейчас. Все будут работать на нас, все!

Николай Петрович молчал.

Пелагея работала в прачечной. Дядя Коля убирал палаты и мусор во дворе. Вечерами Николай Петрович лечил своих раненых. Поскольку с лекарствами было туго, пользовались народными средствами, заготовленными запасливой Пелагеей, понемногу подворовывали немецкие лекарства в больнице. Его больные медленно шли на поправку. За скудным ужином Пелагея рассказывала обо всем, происходящем в городе.

– Объявление повесили – всем евреям с вещами собраться, всех вывозить будут. Что-то чует мое сердце – не к добру это.

На следующий день Николай Петрович решил спросить Офицера:

– Куда будут увозить евреев?

– Ха, заговорил-таки! А почему вас это интересует? Вы что, их очень любите?

– Любовь или нелюбовь относятся к каждому конкретному человеку. Ко всей нации эти понятия неприменимы.

– Ну уж тут, дорогой доктор, я с вами не соглашусь. Их никогда и нигде не любили.

– В цивилизованном обществе этого быть не должно, – твердо сказал Николай Петрович.

Но это не произвело на Офицера никакого впечатления. Он смотрел на собеседника, иронически улыбаясь.

– Отчего же?

– Евреи, живущие в любой стране, работают на благо этой страны. Например, сколько великих евреев двигали вперед науку, культуру, медицину в Германии! И весь мир знает, что это достижения Германии. Зигмунд Фрейд – отец психоанализа.

В 1908 году Нобелевскую премию по медицине разделили немецкий еврей Пауль Эрлих с нашим Ильей Мечниковым, который, кстати, был полукровка – мама еврейка. *(Не оцененный в России, он переехал в Париж, где стал заместителем директора в созданном Луи Пастером институте).* Пауль Эрлих разработал методику лечения сифилиса, далеко продвинулся в изучении иммунитета, различных раковых опухолей, в том числе саркомы, карциномы... Я считал бы для себя большой честью работать в его лаборатории под его руководством, несмотря ни на какие ваши предрассудки. 81 Академия мира признала его заслуги, избрала своим почетным членом. Во Франкфурте улица, на которой находился его институт, названа его именем – Эрлихштрассе. А вы, вероятно, переименовали ее в честь какого-нибудь своего политического деятеля ? – Николай Петрович постарался вложить как можно больше сарказма в эти слова. – Чем он облагодетельствал человечество, прославил Германию, кто будет знать этого деятеля через сто лет? А имя Пауля Эрлиха будет навсегда связано с немецкой медициной. Повторяю, **с немецкой**!

(Пауль Эрлих родился в 1854 году в Стрехлине (*Strehlen), Верхней Силезии, которая тогда принадлежала Германии. Учился в Бреслау, Страсбурге, работал в Берлине и Франкфурте. Николай Петрович не мог знать,что после Второй мировой войны Стрехлин станет польским городом и будет переименован в Эрлихштадт в честь великого человека, в нем рожденного. Польша тоже захочет кусочек его славы.)*

Биохимик Отто Варбург – немецкий еврей – был удостоен Нобелевской премии в области физиологии и медицины в 1931 году. Я могу назвать немало талантливых и даже гениальных людей, которые составили национальную гордость Германии. Вот из-за антисемитской политики царского правительства Россия потеряла выдающегося ученого – Бернарда Каца. Семья его уехала из России в Лейпциг, где он родился, учился и где исследования Бернарда Каца в области нейрофизиологи прогремели на весь научный мир как достижение **немецкого** ученого. А сейчас он публикует свои работы в Лондоне и Сиднее. Так что не знаю, где он живет сейчас, но точно – не в Германии. Вам не обидно? *(Бернард Кац стал в 1970 году лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине, совместно с Джулиусом Аксельродом и Ульфом фон Ойлером*).

Вот в Америке Григорий Пинкус создал контрацептивы, и Америка гордится своим гражданином, невзирая на его происхождение и вероисповедание, а ведь он тоже еврей. Эти люди преданны стране, которая считает их своими гражданами. Они называют ее Родиной, так как у них нет своей… Они честнее и порядочнее многих…

Дух Давида Эммануиловича Левина, который, без сомнения, витал в этот момент в комнате, благодарно поклонился.

Николай Петрович замолчал, гордо вскинув голову и поблескивая старомодным пенсне, с которым никогда не расставался, не изменяя им в пользу современных очков. Он считал, что в этом споре, если и не полностью уложил врага на лопатки, то, во всяком случае, нанес ему решительный апперкот. Но, очевидно, Офицер так не считал. Он сидел, развалившись, потягивая алкоголь и, улыбаясь, смотрел на Николая Петровича. Его насмешливая улыбка смущала и сбивала доктора.

А Офицеру высказывания русского старика напоминали интеллигентные речи отца. "По-видимому, все их поколение такое, взращенное на романтических идеалах старой Европы. Умеют только красиво говорить".

– Ладно, я вас выслушал, теперь буду говорить я, – жестко произнес Офицер. – Представьте себе, что я получил в наследство большой доходный дом, со множеством жильцов, которые более или менее исправно платят ренту. Дом очень старый, и я как хозяин намерен его перестроить, модернизировать, построить лифт, провести электричество и так далее. А некоторые жильцы мне не нравятся. Я велю им выехать. Это мое право. Понимаете, м-о-е п-р-а-в-о! Мне не нравится форма их носа, запахи из их кухни. Какая разница, почему – не желаю больше сдавать им квартиры. Все! Дом будет перестроен, и им места не будет. И тут начинаются излияния их любви ко мне и моему дому. "В этих стенах мы родили своих детей, а в этих комнатах умерли наши предки". Какое мне дело?!

Помню, пришел к моему отцу его давний знакомый, тоже доктор. Пришел с супругой продавать свою практику. Вы бы слышали, как он объяснялся в любви к МОЕЙ Германии! Ах-ах, какая была патриотическая тирада о своей святой любви! Супруга его была немного поумнее, хотела уехать, а он – ни в какую.

Ну, положим, некоторые уехали, а что делать с оставшимися? Что обычно делают в таких случаях? Вызывают полицию и выбрасывают упрямцев на улицу. Вы скажете, что это негуманно. Так почему же другие, "гуманные" страны не хотят приютить этих людей – умных, талантливых, преданных? Ваш Сталин тоже с ними не церемонится. Их вклад в науку, технику, искусство? Полно вам. Если их не будет, вырастут наши собственные таланты. Пустоты не будет. Не беспокойтесь, не пропадем.

А вот насчет их окончательного уничтожения... Тут я лично не вполне согласен с политикой нашего правительства, потому, что я – прагматик. Великой стране требуются рабы, и неважно, какой они национальности. Нужны сильные и здоровые рабы. Больные не нужны никому. Вот здравая была проведена акция в Дрогобыче: евреев-инвалидов собрали в еврейском доме престарелых якобы для устройства на работу, и всех их расстреляли, а здоровых евреев заставили работать.

У Николая Петровича мурашки ползли по спине и седые волосы на руках шевелились. Как можно ТАК спокойно говорить об этом!? А ведь он не просто говорит, он ТАК думает, он убежден в своей правоте, и ничто и никто не переубедит его. Неужели все немцы стали такими? Что же это будет?! Что будет?!

Офицер допил свою бутылку, позвал адъютанта. Его порядком развезло, но он с усилием поднял руку и помахал Николаю Петровичу:

– Мы не закончили спор. До завтра, уважаемый Николаос. А знаете, что означает ваше имя?

Николай Петрович знал, что Николаос происходит от древнегреческого имени –"победитель людей".

Через несколько дней Офицер пришел уже весьма поддатый и опять вызвал Николая Петровича.

– Пожалуйста, оставьте меня в покое. У меня нет сил, я стар, мне надо выспаться. Неужели вам больше не с кем общаться? Поговорите с вашими коллегами, в конце концов.

– Так они же быдло, абсолютно неинтеллигентные люди, кроме баб и выпивки их ничто не интересует. После окончания школы, уверен, они не прочли ни одной книги. С ними не о чем говорить.

Николай Петрович подумал: "И вот из них вырастут ваши собственные таланты? Откуда им взяться при такой деградации?"

– Вы – другое дело, – продолжал садист. – Вот, например, вам могу сказать, что я написал письмо фюреру. Я военный специалист высокого класса, я не хвастаюсь – это на самом деле так. Я вижу бездарность наших генералов. Они думают только о том, как бы их не обошли другие генералы, как бы предстать перед фюрером в наиболее выгодном свете, не о реальной и долгосрочной победе, а только о сиюминутных красивых донесениях. Не все они берегут солдат. Не знаю, чем кончится моя затея. После этого письма меня могут вызвать в Берлин в ставку и там или расстрелять за "предательство", или прислушаться к моим предложениям и наградить. Да, я еще хотел сказать вам, Николос, относительно нашего предыдущего разговора вот что.

Слабое дуновение надежды коснулось души Николая Петровича, но увы...

– Абсолютно все, что я сказал вам о рабах великой Германии и о будущем устройстве мира, сбудется, вот увидите. Мое глубокое убеждение – так должно быть и так будет! Между прочим, это понимает и ваше правительство – недаром оно содержит в ваших лагерях огромное количество заключеных. Всем империям это необходимо. Так что уничтожение потенциальной рабочей силы – это большой и неоправданный расход человеческого материала. Их убивают тысячами. Я воюю, мои солдаты проливают кровь, мы занимаем города, а после нас приходят сытые, откормленные бюргеры, собирают евреев и расстреливают их. Посчитайте, сколько боеприпасов израсходовано, сколько солдат оторвали от их прямой работы, сколько рабочих потеряно. А ведь по всей Европе на нас работают заводы, фабрики – нужно много, много рабочих!

Он неожиданно стукнул кулаком по столу и вышел, пошатываясь. Адъютант бросился следом.

Вечером Пелагея рассказывала новости. И откуда только она их узнает? Ведь весь день в больнице за стиркой простыней, халатов и прочего.

– Свезли всех евреев в лес, там между Луговым и Антоновкой есть большой овраг. Раздели всех до исподнего, поставили, значит, у края оврага – на расстрел. А одна жидовочка молодая, говорят, красивая, как артистка, волосы распустила, черные локоны по пояс. Вот она на немецком и говорит лейтенанту ихнему:"Подойди ко мне, красавчик бравый, я тебе один секрет скажу, так до смерти помнить будешь".

Ну, а ему чего беспокоиться – позади него солдат штук двадцать, все с автоматами. Вот и подошел, улыбаючись. А она его за шею хвать и вместе с ним в овраг сиганула. Несколько солдат с автоматами к краю подбежали, а стрелять опасаются – как бы в своего офицера не попасть. Тут молодые парни к солдатам бросились, стали их в овраг сталкивать. А там месиво, на вчерашних мертвых драка идет. В это время евреи давай разбегаться, тогда оставшиеся солдаты их начали расстреливать – ведь приказ надо выполнять. Вот и

получилось, что там под трупами ихний лейтенантишко лежит – может, убитый, а может, раненый. Ефрейтор говорит, мол, полезайте, вытаскивайте. А они ему: "Тебе надо, ты и вытаскивай." Боятся, значит... Вот сейчас фрицы в клубе поминки справляют.

Что было на самом деле – кто теперь расскажет?..

******

И казнили детей у могил…В этот час
Спали люди спокойно на свете.
Ты под солнцем избрал средь народов – лишь нас.
Ты нас трудной любовью отметил.
Ты, Господь, из мильонов детей нас избрал.
Пред Тобою погибли мы, Боже,
Нашу кровь Ты в большие кувшины собрал –
Потому что ведь некому больше.
Запах крови вдыхая, как запах вина,
Всю до капли собрав ее, Боже,
Ты с убийц наших, Господи, взыщешь сполна.
С большинства молчаливого – тоже.

(***Натан Альтерман. Перевод Д.Маркиш)***

******

Глава тридцатая

Прошло недели две относительного спокойствия для Николая Петровича, и Офицер снова вызвал его в ординаторскую.

– Уважаемый Николос, можете меня поздравить! Я встретил замечательную женщину. Она красива, умна, образованна.

– А что, если у нее бабушка или мама еврейка? – Николай Петрович, который дал себе слово молчать, опять не выдержал – не отказал себе в удовольствии "наступить фашисту на мозоль".

– Не подковыривайте. Я все проверил, у нее один дедушка – немец, а на остальные три четверти она русская. Ваши доблестные органы посадили ее родителей, так что, как вы думаете, испытывает она чувство любви и патриотизма к Родине? Она интеллигентнейшая женщина, знает несколько языков, работала в библиотеке за мизерную зарплату. Должность библиотекаря ей не доверяли, только помощника библиотекаря. Я чувствую, что я ей тоже понравился. Еще бы, встретила на своем пути достойного человека! – он явно любовался собой. – Из кого ей, бедной, было выбирать? Из нищих чахоточных читателей? А партийные боссы – тупые и библиотеки не посещают. (Впрочем, как и наши – такие же тупые и тоже в библиотеки не ходят, – подумал Офицер. Уж сам-то с собой он мог быть честным. – Но наши боссы – это наши боссы. Свое дерьмо, как говорится, не воняет.)

– Ей около тридцати, – продолжал он после паузы, – она еще родит мне детей. Я увезу ее в Берлин. Мой папа будет счастлив.

Николай Петрович молчал.

– Ха, я знаю, о чем вы думаете. “Продажная, предательница Родины, закрутила роман с врагом.” Ну, давайте рассуждать. Кажется, вы забываете уроки истории. У нас были очень углубленные занятия для высшего офицерского состава, и я кое-что знаю из истории России – и прошлой, и современной.

Николай Петрович внутренне сжался. Какую еще каверзу готовит этот садист Адриан?

– Кстати, сколько рабов погибло, когда ваш великий Петр Первый строил Санкт-Петербург? Кто считал? Ну, ладно, это далекое прошлое. Мы же сегодня говорим о любви!

Вспомните войну 1812 года. Да-а, интересная была война с точки зрения военной науки. Вообще-то фран-цузы – не вояки. Как этому маленькому корсиканцу удалось их уговорить воевать – не понимаю. У русских была слишком интеллигентная армия, аристократическая. Это было похоже на фехтование – удар с одной стороны, удар с другой, удар, еще удар... Сначала сдали свою столицу – Москву. Потом французам стало очень холодно и голодно, да и надоело воевать, и ваши погнали врага до самого Парижа. Ладно, не будем анализировать эту военную компанию – мы ведь сегодня говорим о любви! Итак, русские завоеватели вошли в Париж. Обратите внимание – завоеватели, оккупанты, враги. И вот, некоторое время спустя, фран-цуженка Полина Гёбль, дочь наполеоновского офицера(!), награждённого орденом Почётного легиона(!), полюбила врага ее Родины(!) – Ивана Анненкова. Родила ему незаконного ребенка, потом последовала за ним в ссылку в Сибирь, венчалась с ним в Чите. Это история известная, и все, конечно, восхищаются, потому что это – Большая Любовь! А о том, что это любовь к врагу ее Отечества, который недавно топтал родную землю, предпочитают умалчивать.

******

Из обращения Полины Гёбль к Императору*: “Ваше Величество,* п*озвольте броситься к ногам Вашего Величества и попросить как милости позволения разделить ссылку с незаконным супругом. Религия, Ваша воля, Государь, и закон учат нас, как исправлять свои ошибки. От всего моего сердца я приношу себя в жертву человеку, без которого я более не могу долго жить… Согласитесь, Государь, открыть состраданию Вашу большую душу, великодушно позволяя мне разделить с ним ссылку.*

*Я **отказываюсь от моей национальной принадлежности и готова подчиниться Вашим законам**. У подножия Вашего трона я на коленях умоляю Вас даровать мне эту милость. Я надеюсь на неё.*

Остаюсь, Государь, покорной и преданной подданной Вашего Величества. Полина Гёбль"

******

– Так чем моя женщина хуже, а? Ага! У вас нет никаких доводов? Тогда прошу даже мысленно не обзывать мою женщину нехорошими эпитетами, – Офицер говорил с насмешливым превосходством и от этого было еще обиднее. – А поскольку у меня нет контроля над вашими мыслями, я только прошу, а не приказываю. Сегодня я ухожу раньше – у меня романтическое свидание. А вы подумайте, и если появятся какие-нибудь контраргументы, охотно их выслушаю.

Офицер открыл дверь, наклонив голову пропустил Николая Петровича вперед – ему нравилось играть в галантность, – махнул рукой адъютанту, и они ушли.

Два шага отделяли ординаторскую от выхода во внутренний двор больницы. Николай Петрович резко открыл дверь и быстро вышел на крыльцо. Необходимо было выдохнуть всю мерзость, которая скопилась в душе от общения с фашистом. Было уже совсем темно, и Николай Петрович чуть было не налетел на Колю, который, закутавшись в тулуп, по обыкновению, ждал его, сидя на ступеньках. Чуть поодаль стояла Пелагея и с кем-то тихо разговаривала. Увидев Николая Петровича, все трое, как показалось ему, напряженно дернулись, а незнакомец – молоденький парнишка – быстро схватил из рук Пелагеи большой пакет и беззвучно растворился в темноте.

– Что тут происходит?

Молчание.

– Почему вы молчите?

И вдруг страшная догадка обожгла Николая Петровича: ведь это молчание было сродни его молчанию, молчанию протеста, сопротивления! Он вообще-то чувствовал, что последнее время вечера их стали мрачнее, но объяснял это усталостью, безнадежностью, страхом, тоской ожидания. Так вот в чем дело, оказывается! Его подозревают в дружбе с этим Офицером! Ну да, кто же знает, о чем они по-немецки болтают…

– Как, как вы могли **это** подумать?! Вы – самые близкие мне люди, вы знаете меня всю жизнь! Вы считаете, что мне доставляет удовольствие слушать этого фашиста? Я вынужден... Вы не знаете... (Нет, – подумал он, – это бесполезно, бессмысленно объяснять, они не поверят, не поймут.)

И вдруг, неожиданно для самого себя, у него вырвалось:

– Я... я у него сведения, военные планы выпытываю, когда он пьян.

Как они обрадовались, как бросились обнимать смущенного Николая Петровича! Пелагея прижимала его, маленького и сильно исхудавшего за эти месяцы, к своей огромной груди, а Коля забегал то справа, то слева, пытаясь оторвать Пелагею и тоже прильнуть к самому близкому на свете человеку:

– Господи, какой камень с души снял.

Парнишка, исчезнувший в ночи, был внук Пелагеи. Он приходил за бинтами, ватой, йодом для партизан. Николай Петрович обещал собирать для партизан кое-какие медикаменты.

Вечером Пелагея, как повелось, рассказывала городские новости и слухи. Потом они все посмотрели на Николая Петровича, и ему стало ясно, что он тоже должен что-то рассказать, надо оправдать свою легенду.

– Говорят, евреев больше убивать не будут, а будут отправлять в рабство.

– Как это – в рабство?

– Обыкновенно, как. В школе же вы учили, что в древнем Риме были рабы...

– Господи, спаси и помилуй, что же это на свете делается...

– А еще что?

– На севере бои идут, к приему новых раненых готовятся (эту новость он услышал от санитаров в больнице). А мне разведать надо, направят ли им с юга помощь. Но я не могу все рассказывать.

Эта фраза была встречена с пониманием, и все отправились спать. Коля и Пелагея в наилучшем за последние пару месяцев настроении, а Николай Петрович всю ночь лежал с открытыми глазами, мучился.

******

Прошло несколько месяцев. В воздухе пахло весной и новостями. Все напряженно чего-то ждали. Офицер теребил Николая Петровича намного реже, даже не каждую неделю. В своих диспутах рассуждал о судьбах Германии, России, Европы, но пил не меньше. Видимо, чувствовал какой-то изъян в своих убеждениях и заливал сомнения алкоголем.

В этот вечер он пришел уже заметно выпивший и с полной бутылкой коньяка.

– Никакого ответа на свое донесение я из Берлина не получил. Видно, эти подхалимы не передали фюреру мое письмо. Болваны, они не знают, как воевать, они сидят вдали от фронта, смотрят на карты и передвигают оловянных солдатиков. Я, я научу их воевать! Завтрашняя битва войдет в военные учебники!

– А что, завтра будет битва? – как можно равнодушнее спросил Николай Петрович. Ему казалось, фашист слышит стук его сердца, так сильно оно билось.

– Наша разведка донесла – русские готовятся к наступлению завтра или послезавтра. А я уже готов. Вот только беспокоюсь за мою невесту. Хотел отправить ее в Берлин к отцу, но она отказалась, не хочет меня оставить, как она сказала, "ни в радости, ни в горе".

Офицер налил себе еще стакан коньяка и выпил залпом. Николай Петрович не мог придумать, как повернуть разговор в сторону завтрашней битвы. Неожиданно пьяный немец сам вернулся к этой теме.

– Мне очень помогло удачное расположение вашего города, и особенно старой крепости на холме, – пьяно разоткровенничался офицер. – Стены толстенные, никакая артиллерия не пробьет. Я там такой арсенал собрал – на год сражений хватит. Все дороги заминировал. На скорости ваша армия не пройдет, застрянет. А сверху, с крепости, все они, как на ладони. Будем тренироваться в снайперском искусстве, – и он сардонически заржал.

******

Его рука указала на восток - в сторону огромных полей, где будущий хлеб взойдет на трупах.

(Веркор. Молчание моря)

******

– Я даже могу бегло прикинуть, сколько ваших бойцов погибнет.

Он вылил остатки коньяка в стакан и поднял глаза кверху, как бы производя в уме смертельные подсчеты. Потом закачался, голова его упала на стол, и он начал икать. Зрелище отвратительное. Дикая ненависть – чувство, абсолютно незнакомое добрейшему Николаю Петровичу, – темной волной захлестнула его. В этот момент взгляд его упал на полку в шкафу с сильнодействующими лекарствами. Настойка белладонны. Из нее придворные лекари и алхимики делали яды, в минимальных дозах – приворотное зелье, а мазь из нее использовали во время судов над ведьмами. При втирании ее в тело действующие вещества попадали в кровь, что вызывало галлюцинации, и жертвы под пыткой говорили все, что от них требовали…

Николай Петрович вспомнил доктора Левина, да так явственно, будто он стоит сейчас перед ним, видимый и слышимый только ему, Николаю Петровичу. (Прямо тень отца Гамлета!) Даже интонация, тембр голоса, его легкая картавость были Давида Эммануиловича.

– Вот пример, – говорил доктор Левин, – белладонна, принятая вовнутрь более определенной дозы, становится смертельным ядом. При не столь высокой дозе белладонна производит все признаки скарлатины. Однако, это только симптомы. В минимальных дозах, как открыл Самуэль Ганеман, излечивает ее.
А еще Гиппократ говорил: “Давайте яд, как лекарство против натуральной болезни, но только в приеме меньшем того, который производит припадки подобной же болезни у здорового человека ”.

– Насколько меньше? А-а-а, – хитро улыбаясь, говорил Давид Эммануилович, – это уже дело опыта…

– Давайте яд! Давайте яд! – стучало в висках. – Насколько меньше? Насколько больше? Николай Петрович медленно, будто все это делает не он, а кто-то другой, открыл ключиком запертый еще аккуратной Верочкой ящичек с сильнодействующими препаратами, взял флакон с настойкой белладонны, открыл его и вылил весь пузырек в стакан фашиста. Через несколько минут Офицер с трудом поднял голову и уставил на Николая Петровича мутные глаза.

– Так о чем мы – ик – с вами – ик – спорили? Опять – ик – молчите? Я напился, как русская свинья. Все, я ухожу. Где мой Ганс?

Но тут увидел свой стакан, наполненный на три четверти, и немецкая бережливость не позволила ему оставить "добро". Он залпом выпил и захрипел, схватившись за горло.

******

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.
… Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...
Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю – и нет справедливости
Справедливее пули моей!

(Михаил Светлов)

******

Так же замедленно, как доставал яд, еле переставляя ноги, Николай Петрович вышел из ординаторской. Адъютант Ганс спал, скрючившись в кресле. В душе и голове Николая Петровича было непривычно, совершенно пусто. Он направился к ожидавшему его Коле, но, пройдя несколько шагов, стал медленно оседать на землю.

– Что с тобой, Петрович?

Боль, начавшись под левой лопаткой, медленно растекалась по спине, груди и левой руке. Николай Петрович как врач понимал, что это конец. Еще он знал, что сила воли у человека беспредельна, и он приказал себе жить до тех пор, пока не скажет Коле все.

– Слушай меня внимательно. Завтра наши будут наступать… Фашисты очень много боеприпасов свезли в старую крепость... И все дороги заминировали... Сходу наши не прорвутся, много бойцов поляжет. Надо сначала крепость с самолетов бомбить... Дальше. Я этого гада убил. Всем расскажи, чтобы мое имя не запятнали, чтобы Федя не сомневался...

– Да ты что, Петрович, как убил?

– Отравил. Не отвлекайся, слушай... Иди и Пелагее все расскажи... Она пусть внуку передаст... Пусть к нашим пробираются... Ты тоже пробирайся.... Чтобы эту важную информацию наши до наступления узнали.

– Да ты сам передай нашим, у тебя же связь есть.

Николай Петрович еще не разучился краснеть от лжи, и этот прилив крови к лицу дал ему еще несколько минут жизни.

– Нет связи, пропал связник... Прошу тебя, иди... это приказ.

Коля рванул к дому Николая Петровича, к Пелагее... И тогда старенький доктор медленно закрыл глаза. Он почувствовал себя легким, совсем невесомым, как в детстве, когда летаешь во сне. Он взлетел над ступеньками, на которых лежало его тело – пустая оболочка души, видел, как из его дома выбежали Пелагея и Коля и помчались в разные стороны. Вскоре Коля пропал из виду, а Пелагея, рыдая, бежала к этой бездыханной оболочке. Николай Петрович даже захотел ей крикнуть, чтобы не неслась, сломя голову – еще упадет ненароком. Но оказалось, что кричать он уже не может, что все уже позади...

Впереди был длинный, темный туннель и яркий, манящий свет в конце его. Последняя земная мысль мелькнула в голове Николая Петровича, нет, не в голове, а в душе или в иных, неведомых глубинах подсознания, где она только и может возникнуть: "Интересно, а души мерзавцев тоже летят по этому же туннелю?" И снова удивился – как глупо думать об этом сейчас.

******

Господи, настанет ли день, когда Ты явишься нам, чтобы признать Свои ошибки перед детьми Своими? Господи, зачем понадобился Тебе человек, на что сдался Тебе сын человеческий? Ведь жизнь его подобна краткому дуновению, дни человека, рожденного женщиной, мимолетней тени, скоротечны и обильны лишь скорбями. Как цветок, вырастает он, и так же срезается серпом жнеца, и исчезает он без следа, как тень.

Затем, после того, как признано было полное ничтожество человека пред Богом, хор загремел громче и ликующе, чтобы напомнить Ему о нежданном величии человека: Вспомни, насколько Ты умалил его пред ангелами, но увенчал его славой. Ибо верно было сказано, что всему свое время и время всякой вещи под небом. ***(Жозе Сарамаго. Евангелие от Иисуса)***

******

Глава тридцать первая

Советская танковая бригада, смяв колючую проволоку и смотровые вышки, остановилась на лагерном плацу и окружила лагерь. Это был один из лагерей, которые фашисты не успели эвакуировать. На какое-то мгновение наступила странная, страшная тишина. Люди в бараках не верили своему освобождению, а танкисты не решались сразу выглянуть из башен. Первыми открылись "русские" бараки. За ними и другие. Из последних сил заключенные бежали к красным звездам на зеленых танках!

******

В конце 1944 года и начале 1945 года, газовые камеры и крематории работали в авральном режиме. Было сожжено рекордное количество евреев. К этому времени в Освенциме погибло от 1,2 млн до 4 млн человек, в основном, евреев (такой разброс объясняется тем, что у лагеря было несколько филиалов).

Красная Армия стремительно приближалась. Поняв, что они не успеют выполнить план уничтожения, фашисты оставили самых слабых, больных и истощенных узников, а остальных (58 000-60 000) в морозный снежный день 18 января 1945 года увели без еды и воды на запад в глубь германской территории. По мере отступления Гиммлер приказывал проводить подобные эвакуации других концлагерей (их стали называть "маршами смерти") и уничтожать газовые камеры и крематории в оставляемых лагерях. Но под мощным напором воюющих армий фашисты не всегда успевали уничтожить свидетельства жутких преступлений.

27 января 1945 года Красная Армия под командованием маршала Конева освободила страшный концлагерь Аушвиц (Освенцим). В Освенцим вошли солдаты генерал-майора В. Петренко, командира одной из дивизий 60-й армии. В лагере оказалось только 2189 человек, среди которых 200 детей в возрасте от 6 до 14 лет. Пятидесяти двум из них не было и восьми лет. Их оставили в живых для медицинских экспериментов – вместо мышей и кроликов. Немецким убийцам в белых халатах нужно было ставить опыты на близнецах, которые были особым материалом для исследований доктора Менгеле и доктора Шмидта. Детей, не попа-

давших в эту категорию, просто убивали. Близнецов отличали друг от друга по номерам, вытатуированным на их маленьких ручках. Отступая, немцы уничтожили большую часть лагерных складов, но в уцелевших помещениях советские солдаты нашли личные вещи жертв и среди прочего сотни тысяч мужских костюмов, более 800 000 комплектов женской верхней одежды и свыше 6000 кг человеческих волос.

Первоначально медицинскую помощь бывшим узникам оказывали медики дивизий 106-го и 28-го стрелковых корпусов, инфекционного госпиталя 60-й армии No 2197 (начальник – майор Вейтков).

Позднее на территории лагеря работал советский терапевтический госпиталь No 2692 (начальник госпиталя –майор Маргарита Александровна Жилинская была переведена в Освенцим из Ленинграда потому, что имела опыт по лечению переживших блокаду) и медики Польского Красного Креста.

Уже с начала февраля в лагерях работали эксперты Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний. Это их результаты были представлены на Нюрнбергском процессе.

(По материалам работы С.И. Горбуновой, ученого секретаря Центрального музея ВОВ "Освобождение концлагеря Аушвиц")

******

На плац выбежали все заключенные. У многих на глазах слезы радости, слезы пережитого горя, слезы признательности… Каждый старался обнять, прижаться или хотя бы дотронуться до советского солдата. Каждый хотел высказать свою благодарность, а слов не хватало, но и без них все всё понимали. После всех рукопожатий, объятий и поцелуев, американский барак протолкнул скромного невысокого солдата вперед, и все что-то говорили ему, видимо, предполагалось, что он должен знать русский язык:

– *Thank you very much! Dziękuję bardzo!* – с чувством сказал солдат высокому симпатичному советскому офицеру, примерно одних с ним лет, с очень доброй, радостной улыбкой.

Миша Семенов, это был именно он, на секунду запнулся. Английский язык он не знал, но хорошо знал немецкий. Во-первых, у него были способности к языкам. А во-вторых, запомнившиеся с детства обрывки еврейского языка, помогли ему в вузе ухватить особенности построения фразы на немецком, обороты, артикли, которые с трудом усваивали другие ученики. Ему хотелось сказать что-то теплое, неформальное.

– *Seien Sie gesund* (будьте здоровы), – неожиданно вырвалось у него. Эти слова почти одинаково звучат по-еврейски и по-немецки. Он даже сам четко не осознал, на каком языке он хотел сказать.

– *Ду бист аид* (Ты еврей) ? – округлились глаза у американского солдата.

– Нет… Я просто… немного помню, – ответил Миша по-русски, но тот его понял.

Полтора дня стояла рядом с концлагерем Мишина танковая часть. Они проводили техосмотр, ремонтировали танки. Они видели, как прибыли "особисты", переводчики, врачи и военные корреспонденты. Составляли списки бывших узников, отделяли советских граждан, записывали свидетельства очевидцев, оказывали необходимую медицинскую помощь.

Весна. Днем свободного времени у Миши не было, но вечером, перед сном, хотелось просто поглядеть, как в детстве, в это бездонное небо, отвлечься от военных будней, восстановить душевное равновесие. Он уже давно, много лет не молился, отвык. Но это молчаливое общение с небом в какой-то мере заменяло молитву – именно сейчас, посреди войны, когда неожиданно выдалось несколько спокойных часов.

******

От глобуса ложится на пол тень.
Простор в окне и тих, и лучезарен...
Ещё один ниспослан жизни день.
Ещё один блаженства час подарен.

И тела остов будто невесом –
И взвешен, и влеком, подобно плоту;
И строй души вступает в унисон
С возвышенной, присущей небу, нотой...

(Ростислав Дижур)

******

Неожиданно рядом присел тот самый невысокий солдат, который выступил от имени американского барака. Они говорили на смеси польского, еврейского и немецкого. Американца звали Сол. [Это был Соломон Тобисельский из большой семьи польских евреев, история которых описана отдельно в третьей книге.]

Он рассказывал о своей жене, дочке, показывал свои рисунки. Миша спросил, не знает ли Сол семью Ефроима, которая уехала из Антоновки, их села, около 20 лет назад. Живут, кажется, в Нью-Йорке. Ефроим кузнец, жена Сара печет хлеб, у них семь дочерей.

– Как его фамилия?

– ...

Оказалось, Миша не помнит его фамилии. Ефроим да Ефроим, а жена Сара. Две младшие дочки учились с Мишей в одной школе, но в разных классах – одна на год старше, другая – на год младше. А фамилии их он забыл…

– Не переживай, я постараюсь найти. А ты, если вдруг встретишь поляков, спроси, не знают ли они братьев Тобисельских. Я тебе напишу мой адрес, а ты дай свой.

Соломон стоит второй справа.

Миша вытащил блокнот. Пока Сол аккуратным, четким почерком писал свой адрес, у Миши скребли на сердце кошки. Переписка с иностранцем, мягко говоря, не поощрялась, даже несмотря на то, что американцы – наши союзники. Могут быть проблемы... Как неприятно и обидно, что этот простой американский солдатик свободно, ничего не опасаясь, дает мне свой адрес, а я должен чего-то бояться...

Миша написал: "Город Н-ск. Главпочтамт. До востребования", сказав, что адрес должен поменяться. И подарил свой блокнот, осчастливив этим нового американского друга.

– Уже с марта было ясно, что дела немцев плохи, – тихо рассказывал Сол, – но каждый день приходили полные эшелоны смертников, даже увеличили количество надзирателей и расстрельных бригад. Мы все удивлялись – снять людей с фронтов и направить в лагеря, чтобы поскорее убить как можно больше людей, в основном, евреев?... Странная логика...

******

Для Гитлера и его окружения уничтожение евреев было столь важной задачей, что во имя ее выполнения приносили в жертву даже военные интересы страны. В "особых отрядах" участвовали тысячи солдат, которые могли бы воевать. Для депортации использовали транспорт, которого так не хватало на фронте. Еще чувствительнее была нехватка квалифицированных рабочих и специалистов в военной промышленности. Германии к 1944 году требовалось дополнительно более четырех миллионов человек. А в это время тысячи евреев – военных инженеров, техников и рабочих направляли в газовые камеры. Уничтожение еврейского народа было для фюрера важнее победы! ***(Евгений Беркович. Тест на цивилизованность)***

******

– Примерно месяц назад мы увидели первый воздушный бой, – продолжал Сол. – Как мы радовались, что в том бою ваши самолеты победили! Потом летали и другие самолеты. Тогда мы думали, что русские летчики скоро разбомбят подъездные пути к лагерю, и хоть несколько дней перестанут прибывать поезда. Конечно, фашисты постарались бы быстро восстановить железную дорогу, но через несколько дней еще пара самолетов опять смогли бы разрушить дороги... Ведь наши армии были уже так близко! Командование такого приказа не отдавало: видимо, в тот момент стратегам важнее было скорее продвигаться вперед. А жаль – до вашего прибытия здесь погибло столько людей!

Миша последнее время думал о том же и был полностью согласен с американцем. И снова с горечью подумал о той свободе, с которой так естественно и без всякой боязни американский солдат критикует собственное руководство, да к тому же в беседе с русским капитаном! От этой доверительной беседы осталось странное чувство, будто они были знакомы много лет и связаны узами крепкой дружбы или даже родства...

******

Рудольф Хёсс – показания на Нюрнбергском процессе*: "В июне 1941 года я получил приказ установить в Аушвице [Освенциме] оборудование для истребления евреев. Когда я оборудовал здание для истреблений, то приспособил* (какой сообразительный! –А.Н.) *его для использования газа «Циклон Б» (синильная кислота). Другим усовершенствованием, сделанным нами* (наверное, и премию за это получили – А.Н.)*, было строительство газовых камер с единовременной пропускной способностью в 2 000 человек, в то время как в десяти газовых камерах Треблинки можно было истреблять за один раз только по 200 человек в каждой."*

(Ф. Кол. (F. Kaul) Нацистские убийства, Т.4. Берлин.1973)

Глава тридцать вторая

В Берлине доживал свои дни старый доктор. Похоронку на сына и последнее письмо от него он получил одновременно. Сын писал о городе Н-ске, о русском докторе, который так напоминает отца, о светлом будущем великой Германии, писал о своих планах на жизнь после окончания войны, писал, что встретил прекрасную женщину, об их обоюдном решении иметь не менее трех детей, так что ты, отец, еще наиграешься с внуками, только береги себя...

У доктора был друг, единственный оставшийся старый, интеллигентный, верный друг, с которым можно было говорить откровенно обо всем и от всей души проклинать ненавистного фюрера, ввергшего их родину в пучину страшной катастрофы. Больше ни с кем нельзя делиться, можно сильно пострадать за "пропаганду в пользу врага".

******

В 1943 году по приговору фашистского суда в берлинской тюрьме была обезглавлена 43-летняя немка портниха Элфрида Шольц. Ее казнили "за возмутительно фанатичную пропаганду в пользу врага". Одна из клиенток донесла: Элфрида говорила, что немецкие солдаты – пушечное мясо, Германия обречена на поражение, и что она охотно влепила бы Гитлеру пулю в лоб. На суде и перед казнью Элфрида держалась мужественно. Власти прислали ее сестре счет – за содержание Элфриды в тюрьме, суд и казнь, не забыли даже стоимость марки на письме со счетом – всего 495 марок 80 пфеннигов.

Вынося приговор, председатель суда бросил осужденной:

– Ваш брат, к сожалению, скрылся. Зато вам от нас не уйти.

Старшим и единственным братом погибшей был писатель Эрих-Мария Ремарк. В это время он был в Америке. (Ремарк – французская фамилия. Французом был прадед Эриха, кузнец, родившийся в Пруссии, недалеко от границы с Францией, и женившийся на немке. Как тяжело жить полукровке, когда воюют две половинки души!) ***(Марианна Шатерникова. Последняя любовь Э.М.Ремарка)***

******

Ходить в гости стало все тягостнее – непривычно, собираясь в гости, нести свой паёк, неловко сидеть за пустым столом, опять и опять с болью говорить о несчастной Германии. Физически трудно и безрадостно брести теперь по страшным, ставшими чужими улицам, а прожитые годы и потеря сына придав-ливали доктора к земле. Но и оставаться одному дома тоже невыносимо.

В его последнюю встречу с другом они пили эрзац-кофе и долго молчали.

И вдруг доктор заметил проходившего по коридору мальчика-подростка лет 12-13, который, встретившись с ним глазами, как-то испуганно дернулся и скрылся. Друг постарался отвлечь доктора:

– Не обращай внимания, это племянник моей кухарки.

Доктор все понял. Во-первых, у друга уже давным-давно не было кухарки, а во-вторых, внешность “племянника” была явно семитская. И доктору стало ясно, что его друг все эти годы прятал у себя дома еврейского мальчика.

– Знаешь, о чем я думаю? – сказал он после долгого молчания. – Помнишь, в 1933 году, сразу после прихода этого психопата к власти, немецким врачам-евреям запретили заниматься медицинской практикой? Тогда уволили многих врачей из университетских клиник и больниц. Потом Гитлер всех еврейских врачей лишил лицензии. Тогда нам было стыдно смотреть коллегам-евреям в лицо. Хотя были и такие, кто злорадствовал...

******

К 1933 году на территории рейха находилось примерно 9000 врачей-евреев. Как только Гитлер пришел к власти, жить евреям в Германии стало невыносимо. Еще до наступления 1938 года многие еврейские врачи покинули Германию или покончили жизнь самоубийством.

А в 1938 году вышло «Четвертое постановление к имперскому гражданскому законодательству», согласно которому всех оставшихся еврейских врачей (3152 человека) лишили лицензии...

Лишь 709 врачей-евреев получили разрешение лечить только свои собственные семьи и других евреев.

(Сборник документов «Судьбы еврейских и “враждебных государству” врачей после 1933 года в Мюнхене». Рената Йекле.)

******

– Тогда пришли ко мне мои давние знакомые, врачи, – продолжал доктор. – Они рассказали, что их внуков избили в школе только за то, что они евреи, и теперь они не выпускают ребят из дому. Их лицензии аннулировали, у них не было будущего, как жить дальше? Они продали мне свою практику, привезли свою картотеку. Ушли, и я потерял с ними связь. Теперь я чувствую горькие угрызения совести. Где они? Сумели ли убежать или спрятаться? Может, если бы я тогда позаботился о них или их внуках, Господь уберег бы моего сына... Скоро кончится война, все страны станут залечивать раны, оплакивать убитых и проклинать немцев.

Понимаешь, для простых людей **все** немцы будут убийцы, садисты, нелюди. А если кто-то из немцев спасет хоть одного еврея, то потом, когда-нибудь можно будет сказать, что **не все** немцы изверги, не все!

А я мог спрятать не только одного, я бы мог спрятать их всех четверых, но я просто не догадался.

******

У врача Магдалены Шварц, сначала лишенной лицензии, осталось право лечить только евреев. Потом и этого фашистам стало мало – ей предстояла депортация.В пригороде Мюнхена – Швабинге (совсем недалеко от зловеще известного лагеря Дахау) была больни-ца, знаменитая Швабингская больница. В ней врачи-коллеги прятали от депортации доктора Магдалену Шварц. Она выжила. И не уехала, осталась работать врачом в Мюнхене, ***на Родине****...*

Юлиус Шпаниер пережил концлагерь Терезиенштадт, после 1945 года стал руководителем ассоциации врачей Мюнхена (ÄKBV) и до 1955 года занимал должность главврача больницы для новорожденных.

(По данным архива музея Холокоста. 2008)

******

– Самое лучшее, что мне удалось сделать, – продолжил старый доктор после грустной паузы, – сумел спрятать много хороших книг, когда горели сочинения Цвейга, Томаса Манна, Фейхтвангера, Ремарка, Гейне и других. Но это такая мелочь, по сравнению с жизнью.

******

Шолом Аш был самым известным еврейским писателем и драматургом в Германии. Стефан Цвейг называл его гением. Особенно хорошо известна его трилогия: "Санкт Петербург", "Варшава", "Москва".

"…После прочтения первой части трилогии – "Санкт Петербург" – мне очень захотелось разыскать остальные две части. Одну удалось найти в Трире, другую – в Дюссельдорфе. Каково *же было мое удивление, когда я увидел, что одну из книг – "Москва", последний раз брали 14 марта 1933 года. Я представил себе человека, который* ***в то страшное время*** *пришёл в библиотеку и взял книгу писателя-еврея. Затем он возвратил эту книгу, и её не сожгли, как сжигали все другие книги. Она сохранилась до наших дней. И это совершил, вероятно, какой-то неизвестный работник библиотеки Дюссельдорфа. "* ***(С.И. Шульга)***

******

После войны, как потом оказалось, в Берлине осталось 59 евреев, которых спрятали друзья-немцы. 59 счастливчиков сумели пережить все эти долгие годы войны и ужасов, укрытые благородством, порядочностью и бесстрашием друзей. В основном, это были дети, подростки и совсем мало взрослых.

Фамилия мальчика, которого друг доктора прятал у себя все долгие годы войны была Блюменфельд. Ему было 13 лет, когда война окончилась. Конечно, он-то никогда не скажет, что **все** немцы убийцы и изверги. После войны он не уехал из Германии. Стал профессором микробиологии Берлинского университета. Он продолжал считать ее Родиной.

******

11 апреля 1945 года американские войска освободили концлагерь Бухенвальд. Это произошло через несколько дней после того, как нацисты начали эвакуировать лагерь. Хотя эвакуировать уже было некуда. Нацисты изо всех сил, фанатично выполняли задачу. (В этой связи можно, по аналогии, вспомнить первые дни войны в СССР – когда враг наступал, НКВДэшники вывозили из тюрем – "врагов народа", а не эвакуировали мирных граждан, чтобы, не дай Бог, заключенных не освободили фашисты.)

29 апреля 1945 года американские войска освободили Дахау. К тому времени в этом лагере находилось около 30 000 истощенных узников. Американское армейское руководство потребовало, чтобы немецкие граждане посетили лагерь и своими глазами увидели совершенные нацистами зверства. Им также было велено убирать и хоронить трупы….Чтобы видели, чтобы знали... ***(Энциклопедия Холокоста)***

******

Войска союзных армий стремительно сближались друг с другом – это было своего рода соревнование, от выигрыша в котором зависело, как будет перекроена Европа после войны. А люди... что ж, люди – это статистика... Советское командование приказало взять Берлин к 1 мая **во что бы то ни стало**. Во имя исполнения этого приказа **триста тысяч** солдат и офицеров Красной Армии были убиты и ранены.

Глава тридцать третья

У погибшего в далеком городе Н-ске Офицера остался в Берлине сын от любимой женщины, с которой он расстался еще до рождения ребенка. Сын вырос настоящим нацистским фанатиком, громче и яростнее всех кричал на собраниях гитлерюгенда. Мать рассказала ему об отце и обещала после войны познакомить их. Парень хотел быть достойным нацистом, чтобы отец мог гордиться им, стал хорошим снайпером.

И вот, 1 мая 1945 года. Ненавистный враг идет по улицам его родного Берлина. Парень сидит на втором этаже полуразрушенного здания. Облокотившись на подоконник, он устраивается поудобнее, чтобы точнее прицеливаться. Позиция отличная – дом угловой, просматриваются две улицы, одна из них ведет прямо к центру, и русские наверняка пойдут по ней. Он вспоминает уроки военного инструктора. Особенно ему понравился, и оттого запомнился, разбор короткой русско-финской войны. Несколько финских снайперов порой расстраивали планы русского командования очень простым приемом. Меткими выстрелами убивали командиров и выводили из строя полевые кухни. Русские солдаты, не зная, что делать, отступали. Но часто им не давали отступать свои же особые заградотряды. Одним словом, несколько хороших снайперов в теплых, легких куртках, на лыжах, быстрые и мобильные, доставляли много хлопот русской армии. Ребята его группы ехидно смеялись над русскими "вояками". Сейчас он обязательно первыми же выстрелами выведет из строя командиров, а потом еще столько русских, на скольких хватит патронов.

Наконец, показались советские солдаты. Они шли врассыпную, внимательно оглядывая все вокруг – развалины, окна верхних этажей. Среди них был Ваня, первенец Афанасия и Верочки, повзрослевший, возмужавший, но все еще с тем же юношеским румянцем на дружелюбном лице и добродушной улыбкой.

Фашистский снайпер, его сверстник, на втором этаже внимательно выбирал жертву.

Из подъезда дома напротив две старые женщины завороженно смотрели на вражеских солдат. В их глазах страх смешивался с надеждой. Ванечка увидел этих старых, плохо одетых, испуганных женщин. Глаза их встретились. Ванечка улыбнулся им – мол, война кончилась, расслабьтесь. В этот момент одна из них вдруг бросилась к нему.

– Наши, наши, русские, дорогие, – кричала она.

Маленькая, сухонькая старушка обняла большого, красивого Ванечку (она едва доставала ему до груди) и разрыдалась. Русские солдаты не понимали, что происходит.

– Бабушка, вы что, русская?

– Да, да, я из Н-ска.

У Ванечки удивленно округлились глаза. Он хотел сказать, что он тоже из Н-ска, это же надо, какое совпадение... Но не успел...

Фашистский снайпер видел, как старая немецкая фрау обнимает русского солдата.

– Ах ты, старая б..., – грязно выругался он и двумя меткими выстрелами сразил обоих.

Ванечка вместе со старушкой медленно сползли вниз и, так же в обнимку, остались лежать на земле. Этой старушкой была Эмма – дочь доктора Левина из Н-ска. [История которой описана во второй книге]

…Тонкие нити, каким-то случайным образом связывающие людей... Кто разберется в их хитросплетении? Николай Петрович был дружен с уважаемым Давидом Эммануиловичем Левиным (пусть благословенна будет их память) и хорошо помнил его дочку Эмму – сначала маленькой девочкой, а потом элегантной молодой дамой, приезжавшей навестить отца. А еще Николай Петрович любил Ванечку – сына Веры Васильевны и Афанасия... Кто мог предположить, что именно так сложатся их судьбы? Кто вообще мог предвидеть, что их жизненные пути пересекутся? Кто мог догадаться, размотав весь клубок земных связей, что так оборвутся их дороги? Что погибнут они в один миг, крепко обнявшись, от пули снайпера – сына немецкого офицера, отравленного тем же Николаем Петровичем?..

Несколько секунд стояла мертвая тишина, а потом раздался рев. Наши солдаты, рыча и изрыгая проклятья, бросились в дом, где засел снайпер. Ванечка, их самый любимый, самый верный, самый смелый, самый молодой, самый, самый... погиб! Сегодня, когда кончилась война!... Когда мы уже в Берлине!...

Снайпера буквально растерзали на части, искололи штыками, истоптали сапогами. Горю отряда не было границ. Они растерянно смотрели на рыдающую немку, пытающуюся объяснить:

– Sie *war aus Russland. Sie verbarg sich von den Nazis hier*. (Она была из России. Она здесь пряталась от нацистов.)

******

И останется холмик строгий -
Нашей яростной грусти редут,
Мы - солдаты, пехотные Боги,
Нас в подножье Победы кладут. ***(Станислав Соколов)***

Глава тридцать четвертая

25 апреля 1945 года Миша был ранен. Рана была неглубокая, но обширная. Взрывная волна сбила с ног, протащила грудью по мелким камням, щебню, песку, разодрав на груди гимнастерку и кожу, сорвав мамин железный крестик.

В госпитале старому хирургу ассистировала очень серьезная, строгая старшая медсестра. Хирург озабоченно качал головой – кости не задеты, рана неглубокая, но очень уж загрязненная. Миша слышал, как доктор тихо сказал:

– Леночка, голубушка, обработай его по методу Щеглова.

Сестрица наложила на обширную поверхность раны большую салфетку, обильно смоченную каким-то раствором.

– Ее зовут Лена, – зачем-то отметил про себя Миша. – А почему, интересно, доктор сказал тихо, вроде как по секрету?

Но он так смертельно устал, что даже думать было тяжело. Спать, спать... Только бы дали выспаться...

Проснулся Миша оттого, что нежные женские руки очень осторожно сняли старую, высохшую салфетку и положили свежую. Мокрая салфетка приятно холодила рану. Леночка ласково улыбалась ему.

– Ну, ты спать горазд, – раздалось с соседней койки. – Часов 16, наверное, просопел. Леночка раза три к тебе подходила, перевязку меняла, а ты все дрыхнешь. Так и победу проспишь.

Миша повернул голову. На соседней кровати сидел молодой парень с седыми висками и загипсованной рукой. Леночка закончила свою работу.

– Вы лежите, я вам сейчас ужин принесу.

Миша смотрел ей вслед и улыбался. Он так хорошо выспался, так непривычно чувствовать себя отдохнувшим! Но сосед по палате истолковал его улыбку несколько иначе.

– Ты на Ленку не заглядывайся. Я тут давно лежу, всех знаю. Она строгая, к ней не подкатишься. Всех отшивает, даже улыбается редко.

Познакомились. У Игоря был сложный перелом, даже был риск ампутации руки, но, слава Богу, сейчас идет на поправку. Доктор сказал, что может остаться ограниченность движений, надо будет долго разрабатывать руку разными упражнениями. Но и за это спасибо.

Леночка принесла ужин, посидела в ногах у Миши, пока он ел. Разговорились. Обычно молчаливый, Миша почему-то стал пересказывать ей Федины истории и байки, которые так веселили довоенных девчат, и сам удивлялся своей болтливости. А потом признался, что это все придумывал его друг Федя, военный врач, который тоже сейчас на фронте. С этого дня Леночка забегала в их палату подозрительно часто, при любой возможности. Игорь сначала подшучивал над ними, а потом стал деликатно выходить из палаты. Он раньше всех понял, что все это очень серьезно, понял даже раньше Миши.

Чем ближе был праздник 1 мая, тем больше поступало раненых и больше работы прибавлялось в операционной – как водится, к празднику надо было взять очередной рубеж «любой ценой». Леночка была самая старшая среди сестричек и по должности, да и по годам. Ей было около 30-ти. Молоденькие медсестры флиртовали (и не только) с легко-ранеными бойцами, часто просили Леночку подменить их в ночную смену. Безотказная, она сильно уставала. Иногда главврач замечал эти подмены, вызывал девчат на ковер, грозил суровой расправой. Он шумел: "Я вам устрою Варфоломеевскую ночь". Девчата не знали, что это за ночь такая, а спросить у него стеснялись.

Этих разносов хватало на некоторое время, а потом все сначала. Главврач был добрым и душевным человеком, его суровость улетучивалась, когда девчата приходили поплакаться ему в жилетку, что, мол, судьба их решается вот прямо сейчас, именно на этом свидании, а молодость проходит, и так далее...

Каждый раз, когда Леночка заходила в палату, по телу Миши разливалась теплая волна нежности. Ему было очень приятно видеть ее улыбку, и он начинал что-нибудь рассказывать, лишь бы удержать ее подольше.

Прошла неделя. Главврач, осмотрев Мишину рану, остался доволен – рана очищалась, становилась розовой, температуры не было, можно отправлять в тыл. У Миши дрогнуло сердце. Как же это – он уедет, а Леночка останется?

Утром Леночка принесла завтрак. Во время завтрака Миша, понизив голос, спросил:

– Леночка, что это за метод Щеглова, о котором говорил ваш главный?

– Только вы никому не говорите. Это народный способ обеззараживания ран – солевым раствором раны обрабатывать. Называется: гипертонический раствор обыкновенной поваренной соли. Некоторые врачи могут обвинить его в том, что он пользуется не научными методами. А ведь у нас очень высокий процент излеченных. Инфекция прходит, температура падает. Пожалуйста, никому не говорите, я даже не думала, что вы слышали.

Конечно, Миша обещал никому не рассказывать. Но в очередной раз стало горько от несправедливости.

Как можно, чтобы хороший доктор скрывал ценный опыт, чтобы опасался неучей и доносчиков?

Леночка, облокотившись на спинку кровати, смотрела на него, устало улыбаясь. Закончив кушать, Миша повернулся к Леночке и увидел, что она спит. Он подложил ей под плечо подушку, и она, свернувшись калачиком, оказалась крепко спящей поперек кровати. Миша с Игорем, охраняя сон девушки, тихонько вышли.

– Ну, друг, и попал ты в ситуацию, – не сумел удержаться от подковырки Игорь. – Сам посуди, в твоей постели спит девушка, так теперь ты, как порядочный мужик, обязан на ней жениться.

– Так... я... не возражаю, – растерянно и тоже как бы в шутку произнес Миша. При этом в его сознании будущее начинало принимать какие-то, не очень определенные, очертания.

В это время мимо проходил главврач:

– Вы не видели Леночку?

– Видели, товарищ майор. Бедная девушка прямо с ног валится. Пожалели б вы ее, – Игорь чуть приоткрыл дверь палаты, показал спящую Леночку.

Главврач тихо вошел в палату, Миша за ним, Игорь следом, закрывая за собой дверь.

– Не будите ее, пожалуйста, пусть отдохнет. Она же с ночной смены, и вчера весь день на ногах, – тихо попросил Миша.

– А я и не собираюсь, – так же тихо сказал главврач и очень внимательно посмотрел на Мишу.

Он подошел к спящей девушке, снял с нее тапочки, потом, просунув одну руку под спину, другую – под коленки, ловко развернул Леночку вдоль кровати, прикрыл одеялом и дал знак выйти. Миша почувствовал укол ревности – почему доктор так смело трогает Лену? Умом он понимал, что доктор старенький, и что он все-таки доктор, и что трогал он ее весьма профессионально, без каких-то эмоций, но все-таки, все-таки...

В коридоре главврач пригласил Мишу к себе в кабинет.

– Я хочу поговорить с вами, капитан. Как мужчина с мужчиной. Леночка начала работать со мной 7 лет назад, еще до войны… Она мне, как дочка… Понимаете, Лена очень ранимая и порядочная девушка. С ней нельзя, как с другими, просто так. Конечно, вы можете сказать, что это не мое дело, но хочу все же спросить, какие у вас намерения относительно Елены?.

– Я... Она мне очень нравится...

– Нет, такой ответ мне не подходит. Она многим нравится. Объяснить вам, молодой человек, как отличить настоящую любовь от просто "нравится "? Когда хочется быть рядом – это "нравится ", но может и "разонравиться". А когда не представляешь себе жизни без нее, когда **не можешь не** быть рядом... это совсем другое дело, это означает настоящее чувство. Поняли разницу? **Просто хочется** быть рядом или когда **не можешь** быть без нее.

Мише казалось, что доктор говорит не ему, а какому-то оппоненту из своего далекого прошлого.

– Завтра я отправляю вас в тыловой госпиталь. Можете идти, – сурово закончил главврач.

Миша вернулся к себе. Игорь ушел в другую палату играть в шашки. Леночка сладко спала. Миша сел на стул у окна и задумался. Он вспоминал свой разговор с отцом, когда ему было лет 12-13. На кладбище у могилы матушки Лидии Савелий рассказывал сыну, как он с ней познакомился на Сергиево-Елизаветинском кладбище для героев русско-японской войны. Как ему понравилась эта девушка. И что он сразу даже не понял, что это его Судьба. Не проявил решительности, постеснялся, одним словом, попрощались и расстались. Как он страдал всю неделю, пока Афанасий не дал ему записку с адресом Лидии. Афанасий видел, что приглянулась другу эта девушка, поэтому и спросил у ее брата имя сестры и название их села. Как отец был благодарен ему за это! Потом они поехали, посватали, скромно обвенчались. Лидочка, как она потом призналась, тоже сразу влюбилась в Савелия. Миша помнил, как внимательно он слушал отца, как глубоко чувствовал тогда эту трогательную любовь отца и матери, как было сладко-больно...

Сомнений не было, сейчас это – его Судьба. Правильно сказал доктор:"когда **не можешь не** быть рядом"... Миша снова и снова думал о своем детстве, смерти матушки, аресте отца... Да, рассказать об этом он сможет только ей, Леночке.

******

Как мало тех, с кем можно помолчать,
Кто понимает с полуслова, с полувзгляда,
Кому не жалко год за годом отдавать,
И за кого ты сможешь, как награду,
Любую боль, любую казнь принять... ***(Фрида Барак)***

******

Наконец, Леночка сладко потянулась, открыла глаза, огляделась и, увидев Мишу, вскочила, покраснев:

– Ой, это я у вас спала. Как неловко...

– Ничего, ничего. Зато славно выспались. Я хотел вам что-то сказать, – Миша решил все сказать сейчас и

сразу, пока его не оставила решимость. – Леночка, выходите за меня замуж. А можно, мы будем на ты?

Он сел рядом и взял ее за руку. Рука была безвольная. Леночка низко опустила голову, чтобы скрыть полные слез глаза.

– В чем дело? Ты не хочешь? То есть, вы против?

– Я хочу, но я не могу...

Леночка вскочила, чтобы убежать из палаты, но Миша обнял ее. И ей невозможно было и так не хотелось вырываться из его объятий!...

– Я не отпущу тебя, пока ты мне все не расскажешь. Кто или что мешает тебе? Лишь бы ты сама хотела.

– Ты капитан, – медленно сказала Леночка, – у тебя вся жизнь впереди... Карьера... А я могу тебе все испортить...

– ???

– Мои родители арестованы. Ты не думай, на самом деле они очень честные, это был наговор, ошибка...

Миша горько рассмеялся. И хотя это был отнюдь не веселый смех, но все-таки смех. Глаза у Леночки немедленно стали сухими и сердитыми, она сразу перешла опять на "вы":

– Почему вы смеетесь? Я говорю правду. Мои родители благородные и порядочные люди.

Она пыталась вырваться из Мишиных объятий.

– Я смеюсь совсем не потому. Милая моя, хорошая, у меня самого то же самое и даже хуже...

Праздник Первого мая! Падение Берлина! Победа! Конец войне, такой изнурительной, кровопролитной, долгой! Ранение незначительное! Встреча с Леночкой! Это и есть Счастье!

Как иногда Судьба щедра на подарки!

******

Ученый мир не первый год гадает:
Стал уровень тепла такой высокий..
Так жарко было в том победном мае,
Что сняли мы впервые гимнастерки.

Не газы выхлопные виноваты,
Что льды растают раньше или позже,
Планета накалилась в сорок пятом,
И с той войны остыть она не может.

(Марк Мордухович)

******

Глава тридцать пятая

В середине первого послевоенного лета Миша с молодой женой Леночкой вышли на вокзальный перрон города Н-ска. Они шли по знакомым Мише улицам. Город был в руинах. Дом, где он жил до войны, и дом Афанасия были полностью разрушены.

******

Мы позабыли, что устали...
Чернели номера у зданий,
Но самых зданий больше нет:
Пещеры да стальной скелет.
……
Вот тут был дом. Он должен быть!
Такой же в точности – иначе
Я существую, но не значу,
Ведь "быть" еще не то, что "жить".
Когда хоронишь друга - это
Ты сам частицею со света
Уходишь. Что же значит "я"
Без теплых связей бытия?

(Илья Сельвинский)

******

В этом доме остались самые дорогие ему, памятные вещи в узелке, собранном отцом. Он помнит его содержимое, будто это было вчера: валенки, тулупчик, свитер, маленький молитвенник, две смены белья, кусок мыла, баночка засахаренного меда и кулек с сухарями. Белье износилось, мыло, мед и сухари были использованы. А валенки, тулупчик, свитер позже носил Федя, а когда и он подрос, Миша завернул все это вместе с молитвенником и спрятал у Афанасия. Крестик на шее и этот драгоценный узелок – последние вещи, которые хранили тепло рук родителей, – все, все пропало... И сделанный Ефроимом подарок из толстой проволоки – фигурка мальчика с книжкой в руках, и шуточная свадебная “ода” в честь бракосочетания Верочки и Афанасия, так любовно написанная Николаем Петровичем каллиграфическим (совсем не “докторским") почерком и вставленная в рамку – все пропало...

Ноги сами вели к больнице. А что, если и она... К счастью, больница была цела – сильно облупившаяся, постаревшая, и окна все, видно, вставлены совсем недавно. Мише показалось, что она уменьшилась в размерах. Раньше здание было такое солидное, фундаментальное, выделяющееся на фоне маленьких домишек. А сейчас... Может, Миша повзрослел, а может, это после тех красивых европейских дворцов, которые довелось увидеть...

Миша сел на каменные ступеньки главного входа передохнуть. И не то чтобы два чемодана (весь их багаж) утомили, – нет, надо было унять душевное волнение. Леночка, чувствуя его состояние, тихонько присе-

ла рядом. По этим ступенькам 22 года назад дядя Афанасий на руках внес его в больницу к Николаю Петровичу (якобы найденного на улице без сознания). А потом бессчетное число раз он взбегал по ним, пересекал небольшой холл, выбегал через заднее крыльцо в больничный сад или в беседку, или в дом к Николаю Петровичу и Феде.

Наконец, он решительно встал и в два шага одолел эти несколько ступенек. Дверь неожиданно открылась, и перед ним оказался дядя Коля со своей неизменной метлой. Он редко днем выходил на парадное крыльцо – внутренний двор был его хозяйством, а тут вот вышел и столкнулся с Мишей.

– Дядя Коля, миленький, дорогой, – распахнул свои объятья Миша.

Коля, бросившийся, было, к нему, отступил – его смутил офицерский мундир, капитанские погоны, ордена на груди.

– Да что ты, дядя Коля, это же я, – Миша крепко прижал старика к груди, трижды по традиции поцеловал его в небритые щеки. – Голубчик мой, как я рад тебя видеть!

Дядя Коля плакал, не скрывая слез. Да что уж тут скрывать... такая встреча. Мишенька, дорогой... теперь вот еще Федюшу дождаться...

– Родной ты мой, я же ничего не знаю, – Миша гладил старика по костлявой спине. – За все четыре года всего одно письмо от Николая Петровича, несколько писем от Верочки Васильевны и несколько от Федьки. Он сейчас в Москве, скоро здесь будет.

******

Мишу направили восстанавливать свой же родной завод в должности главного инженера. Прошло несколько месяцев прежде, чем Миша смог выбраться в Антоновку навестить могилы матушки и тетки Марии. Он слышал, что село полностью разрушено, но то, что он увидел... Редкие избы на окраине села, ближе к кладбищу, остались целы. Сожженные дома смотрелись кроваво-черными ранами на теле земли. Люди копошились возле землянок, наспех вырытых рядом со своими пепелищами. И старенькая церковь, и домик при ней тоже разрушены. Только кладбище не пострадало, поскольку оно в стороне от дороги. Бомбардировщики не тратили снаряды на мертвых.

Тетки Марии уже два года как не было среди живых, а дом ее полностью сравнен с землей, по нему после пожара даже несколько раз проехали танки, проутюжили... Заявлять свои права на пепелище не имело смысла. А ведь там в погребе остались две старинные иконы отца и серебряный крест...

******

У Феди была возможность остаться работать в Военно-Медицинской Академии, но он по своей воле (дарованной каждому человеку Свыше) попросился в родной Н-ск. Он поставил перед собой две первоочередные задачи – во-первых, добиться восстановления доброго имени Николая Петровича (программа минимум) и, во-вторых, присвоения больнице его имени (программа максимум).

Верный дядя Коля действовал в этом же направлении со дня освобождения города. Простой, малограмотный мужик, он обладал природной смекалкой, хваткой и настойчивостью, а двигателем всего этого служили жажда справедливости, его бесконечная преданность и любовь к Николаю Петровичу. Он обивал пороги государственных и партийных учреждений, в которые его, кстати сказать, дальше этих порогов и не пускали. Однако он сумел разыскать и встретиться с тем самым командиром партизанского отряда, который тогда вовремя получил от Николая Петровича через внука Пелагеи необходимую информацию о намерениях немцев. Взял свидетельские показания у двух выживших раненых, которых доктор спас во время оккупации. Он так уверенно объяснял всем – и высокопоставленным чиновникам, и простым горожанам, – что Николая Петровича оставили в городе специально добывать сведения у немцев и передавать нашим, так как он знал немецкий язык, что ни у кого не оставалось в этом сомнений. Но одно дело соглашаться, а другое – взять на себя ответственность и поставить свою подпись... А вдруг... Кто его знает, что может случиться... И дело с мертвой точки не двигалось.

******

Миша с Леной получили пока одну комнату в коммунальной квартире, и были поставлены в очередь на расширение. Федя, вернее, уже Федор Николаевич взял Леночку к себе в больницу старшей операционной медсестрой. Жизнь постепенно налаживалась.

Соседей у Миши с Леной было двое: тетя Даша – Дарья Семеновна – одинокая старушка, которая потеряла на фронте мужа и обоих сыновей, и Броня – детский врач, молодая одинокая женщина на шестом месяце беременности. Она училась в мединституте вместе с любимым человеком, окончили как раз к началу войны, вместе пошли на фронт уже дипломированными специалистами, даже не успев пожениться. Их направили в разные войсковые части, и только в конце войны, в начале 1945 года они встретились и смогли соединиться. Когда стало ясно, что Бронечка в положении, ее демобилизовали. Она работала в городской поликлинике. А Борис до победы не дожил...

Соседи подружились, трогательно заботились друг о друге. У Миши был ненормированный рабочий день – он пропадал на заводе. Федя тоже не следил за графиком рабочих часов, так же, как когда-то Николай Петрович, забегал в больницу и в поздние часы, чтобы лишний раз проверить состояние тяжелого больного, благо жил в старом домике Николая Петровича рядом с больничным садом. Бережно хранил все его книги и медицинский архив.

Если удавалось выкроить свободное время, проводили его вместе. Получали письма от Афанасия и Верочки, радовались успехам её брата – кинооператора Мосфильма. Они знали, что в 1944 году Сеня был тяжело ранен. Слава Богу, ногу удалось спасти. Остался хромым, но все-таки в поверженном Берлине снимал свою самую ценную кинохронику.

Так шли дни за днями. Разные события, маленькие и большие, грустные и радостные, разной степени важности наполняли плавное течение времени, становились памятными отметинами.

Глава тридцать шестая

Как-то в конце 1945 года вечером к Феде постучались. Люди страшились поздних стуков в дверь. Но было еще совсем не поздно, да и звук был весьма деликатный. Федя открыл дверь и увидел симпатичную дамочку в роскошной каракулевой шубке и представительного мужчину с рыбьими глазами. Федя внимательно посмотрел в эти холодные, ничего не выражающие глаза, типичные для представителей "особого отдела", с которыми довелось познакомиться на фронте. Они были вездесущи, любили командовать, но сами редко попадали к Феде на операционный стол.

– Федя, – томно проворковала дамочка, – ты не узнаешь меня?

Это была Федина законная жена, с которой он расписался перед отправкой на фронт. Как раз недавно дядя Коля вспоминал о ней и рассказал, что после Фединого отъезда она пришла к Николаю Петровичу с небольшим чемоданом и заявила, что, так как является законной женой Федора, будет здесь жить и дожидаться его возвращения. И тут Николай Петрович на удивление быстро смекнул, как ее отвадить. “Этот дом, – говорит, – принадлежит больнице, и жить здесь имеют право только работники больницы. Так что, моя дорогая, завтра выйдешь на работу. Ничего делать не можешь? Так в нянечки пойдешь, горшки выносить – тут большого образования не надо ". Вот она через два дня со своим чемоданчиком и смылась.

– Вот уж мы с Петровичем смеялись! А еще знаешь, Федюша, что он мне потом сказал? Я, говорит, раньше никогда бы так хитро не сообразил, это я от Феди поднабрался, как из разных ситуаций выкручиваться.

Нежданные гости прошли в гостиную, Федя предложил им сесть и приготовился слушать.

– Мы принесли вам бумаги, вы должны подписать согласие на развод, – сухо начал "особист" (как его про себя назвал Федя).

Федя молчал. С одной стороны, он был рад освободиться от этой не очень приятной дамочки, которая давным-давно, почти пять лет назад, исхитрилась стать его фиктивной, однако, законной женой. Но, с другой стороны, он не любил "особистов" и не любил, когда с ним разговаривают таким тоном: "Вы **должны**…"

Надо отдать дамочке должное, она была хитра. Сразу поняв, что от Феди таким тоном ничего не добьешься, она дала знак своему кавалеру молчать и взяла инициативу разговора в свои руки. Она заворковала, защебетала, вспоминая довоенных друзей, спросила о Мише. Рассказала, что после Фединой отправки на фронт Николай Петрович был очень добр к ней, как она расстроилась, узнав о его смерти. Федя только внутренне ухмылялся на ее излияния. Наконец, она иссякла, и оба вопросительно посмотрели на Федю.

– Я не буду мешать вашему счастью и не возражаю подписать все бумаги. Но вы тоже **должны** мне помочь. Вы, понимаю, человек влиятельный (пришлось тонко польстить) и сможете разобраться в этом деле.

Он принес все документы, касающиеся Николая Петровича, и рассказал историю его жизни и деятельности в период оккупации. Влиятельный человек обещал помочь, чему Федя не особенно поверил, но все равно можно считать, что встреча закончилась к обоюдному удовольствию. Федя был свободен!

Возможно, что “влиятельный человек” немного помог, а, может, просто совпадение, но вскоре Федя получил разрешение и на свои деньги поставил скромный памятник на могиле Николая Петровича в середине больничного двора. При открытии памятника состоялся митинг, было сказано много теплых слов...

Программа минимум была выполнена.

******

Однажды, довольно поздно вечером, снова в Фединой домике раздался стук в дверь. Ох, уж эти поздние стуки! Но звук был тихий, как бы вопросительный. Федя открыл дверь и увидел Владимира Игнатьевича – директора главпочтамта.

Гость присел на краешек стула, огляделся.

– Как время бежит! Я здесь у Николая Петровича последний раз был лет 10 назад, а до этого чаще бывал. Все помню, будто вчера. В 1922 году мой сын, еще совсем мальчишка, на завод поступил, и на него тяжелен-

ная деталь упала, ноги раздробила. А там Афанасий Филиппович работал. Он схватил моего сына на руки, в машину директорскую и в больницу к Николаю Петровичу. Все думали, ампутация будет, а Николай Петрович говорит: "Мы еще поборемся!" Три операции сделал, и ноги спас! Я ему по гроб жизни обязан. Мы с супругой по три раза в день в больницу бегали. Она сестрице Верочке все помогать бросалась, молилась за всех – очень набожная была...

А потом, года через два или три, приехал к нам в город цирк шапито. Всем ребятишкам радость, и мой парень, хоть лет ему 19-20 было, все равно цирк, как маленький, любил. Там мы вот встретились с Николаем Петровичем. Он был с вами (может, помните?) и с дружком вашим Мишей. Мы тогда в антракте поговорили по душам. Когда в больницу приходил, то все по делу, по болезням, на проверки, на рентген, а тут о детях поговорили. Он мне рассказал, что вас усыновил, что счастлив иметь такого сынишку. И на товарища вашего Мишу тоже нарадоваться не мог. "Владимир Игнатьевич, – говорит, – времена сейчас действительно смутные, тяжелые. Все с горечью говорят, куда мы катимся, что с Россией будет, общество деградирует, нравы падают... Все это так. Но я смотрю на этих ребят, какие они чистые, искренние, справедливые, и думаю, что если есть у нас такая молодежь, как ваш сынок, как эти мальчики, – Россия не пропадет".

Мне очень эти слова душу грели, помогали веру в людей не терять. Вот я сейчас к вам пришел – весь, как на ладони. Может, мне потом не поздоровится, но я в память о Николае Петровиче один раз закон нарушу... Михаил Савельевич Семенов, друг ваш, на заводе сейчас главным инженером работает. И мой сын там же работает, много хорошего о нем рассказывает.

Федино беспокойство нарастало. Зачем пришел директор главпочтамта? Чтобы расхваливать Мишу?

– Все знают, что он всю войну прошел, – тем временем продолжал гость, – награды имеет. Так вот, открываю я мешок с почтой, а в мешке что-то блестит. Я и выудил оттуда открытку иностранную, новогоднюю, всю в блестках. В комнате никого не было, – рассказывал Владимир Игнатьевич, понизив голос, – вот я и спрятал эту открытку. Из Америки она. Михаилу Савельевичу адресована. Я должен всю иностранную почту в спец. книге регистрировать. Понимаете, если кто узнает, мне очень плохо будет. Передайте, чтобы больше не писали, а то в следующий раз я не смогу спрятать, придется зарегистрировать…

Федя позвонил на завод и попросил Мишу зайти к нему после работы. Встревоженный Миша примчался тут же. Это была новогодняя поздравительная открытка от Сола Тобисела из Нью-Йорка. Почерк был четкий, каллиграфический. Перевели со словарем: "*Я и моя супруга поздравляем тебя с Christmas и с Новым годом. Наилучшие пожелания тебе и твоим близким. Мы всегда будем помнить тебя и молиться за твое благополучие. Сол и Регина.*" Было непонятное слово " Christmas", но в остальном вполне безобидная открытка. Миша сидел, обхватив голову руками.

– Я должен написать ему ответ. Просто поздравить с Новым годом. Ведь это будет очень некрасиво, если я не отвечу.

– Даже думать об этом не смей. У тебя такое положение, семья... Рисковать всем ? Считай, что ты не получил эту открытку. Иди домой и забудь.

На следующий день Миша опять пришел к Феде:

– Я все-таки решил ответить. Я ничего не должен бояться, я ничего не делаю плохого. Мы встретились на войне, это были наши союзники.

– Кого ты убеждаешь? Меня? Я верю, я знаю, что это так, а **они** думают иначе... И вообще, разговор не имеет смысла – я уничтожил вчера открытку, и адреса нет.

– Как ты смел решать за меня?! Какое право ты имел уничтожить мое письмо?! – Миша резко встал и вышел, хлопнув дверью.

Через неделю Федя, дав Мише немного поостыть, пришел к другу. Воскресенье, обеденное время. Сели за стол. Миша молчал. Федя, как обычно, шутил, рассказывал анекдоты, но почему-то не было весело. Да еще в это же время пришло, как обухом по голове, горестное известие: брат Веры Васильевны кинооператор Сеня был осужден. (В 1956 – посмертно реабилитирован...)

Неделя пролетала за неделей, месяц за месяцем. Обстановка в стране становилась похожей на предвоенную – опять стали по ночам пропадать люди, и много было среди них Мишиных однополчан, много офицеров младшего состава. В лучшем случае их переводили в далекие военные округа, в Сибирь, на Дальний Восток.

Великий вождь хорошо усвоил уроки истории. Нельзя советским людям видеть, как хорошо живут в Европе – им захочется того же. Вот ведь как было в 1812 году? Увидели солдаты и офицеры русской армии Париж, а спустя несколько лет стали собираться дворяне-офицеры в различные тайные общества и организовали антиправительственное восстание 14 декабря 1825 года.

Офицеры более грамотны и активны. Вот их-то и побаивался “отец народов”.

Миша мрачнел все больше и больше. Наконец, Федя вызвал его на откровенный разговор:

– Ты еще сердишься на меня?

– Нет.

– А почему такой печальный? Пойми, я не мог иначе. Я за тебя беспокоюсь. А как бы ты поступил на моем месте?..

Миша грустно молчал.

Глава тридцать седьмая

В положенный срок, осенью, Броня родила девочку, назвала Розочкой. Через три месяца Броне надо было выходить на работу, а ребенка – в ясли. Лена и баба Даша с самого рождения Розочки всеми силами помогали Броне. Если Лена шла на работу во вторую смену, то с утра она смотрела за ребенком, потом сдавала "вахту" бабе Даше, а к вечеру уже и Броня приходила с работы. Так крутились года два – до детского садика. Розочка росла тихой, спокойной, смышленой девочкой, общей любимицей, “солнышко нашей коммуналки”.

Прошло еще два года. Уже несколько раз подходила очередь Миши на отдельную квартиру, но он отказывался то в пользу инвалида войны, то в пользу молодой семьи. Им и в своей коммуналке неплохо. Лена с Броней – подруги, водой не разольешь. Вот и поделилась Лена с подружкой своим беспокойством насчет того, что никак не наступает желанная беременность. Броня давно хотела поговорить с ней об этом, но как-то не решалась, врожденная деликатность не позволяла. Но раз уж сама Леночка заговорила на эту тему...

Отвела она Леночку к знакомой доктору-гинекологу. Та не нашла никаких отклонений от нормы. Тогда повез Федя друзей в Москву на консультацию к знаменитому специалисту. И великое это светило подтвердило, что оба супруга совершенно здоровы и посему лечить их незачем.

– Видите ли, молодые люди, мозг человека – это главный командный пульт управления, так сказать, по-военному – штаб армии. Что мозг прикажет, то тело исполняет. У вас в мозгу, в подсознании произошло, как бы это точнее объяснить, заклинивание. Каким-то образом туда вкралась мысль, – говорил он, обращаясь уже только к Леночке, – что вы не сможете забеременеть. И только эта мысль – причина вашей проблемы. Выкинуть ее из головы, из подсознания, чрезвычайно трудно. Это может сделать гипнотизер, но я лично боюсь к ним обращаться. Никогда не знаешь, что из этого может получиться. Но есть метод, который помогает в 70-80% случаев, хотя точной статистики тут нет. Мне лично он нравится.

Леночка с Мишей замерли, не спуская глаз с доктора, превратились в слух.

– Взять чужого ребенка на воспитание. Во-первых, вы сделаете доброе дело. Но вот еще какой интересный фактор срабатывает... Особенно, если вы берете совсем маленького. Вы возитесь с ним, опекаете, вскакиваете по ночам, у вас мысли заняты только им, вы устаете безбожно от забот и недосыпания – и вот тогда у вас в мозгу, в подсознании ваше заклинивание разблокируется. Понимаете, штаб армии недоглядел, все силы были брошены на передний фронт, а откуда-то сбоку, с фланга, пролезли неожиданные гости. Вот и получается, что часто бездетные семьи, которые берут ребенка на воспитание, через год-два обзаводятся своим. Как я уже сказал, этот метод не стопроцентный, но хороший и благородный. А если вдруг не повезло, тогда приемный ребенок становится по настоящему родным и близким. Вот так, друзья. Вам решать.

Домой ехали молча. Наконец, Федя не выдержал:

– Ну, что скажете?

– Я лично не против. Но решать должна Лена – как она скажет, так и будет.

– Вот какие вы, мужики, скорые. Видите только то, что у вас впереди, а что вокруг, да какие проблемы возникнут, об этом не думаете. Взять ребенка несложно, но тогда надо уезжать в другой город, как можно дальше, и здесь не появляться лет 15 – ведь тут все будут знать, что у Семеновых ребенок приемный. Как он в школу пойдет, ему обязательно “доброжелатели” расскажут.

– Когда меня Николай Петрович усыновил, счастливей человека не было, – тихо сказал Федя.

– Ну, конечно, сравнил... Тебе 11 лет было, почти взрослый человек, все понимал. А маленького ребенка надо воспитывать в строгости, ни в коем случае не бить или в угол ставить, но так воспитывать, чтобы приучить к порядку, ответственности, чтобы различал, что хорошо, а что плохо. А приемный ребенок – как узнает что мы не родные – что он подумает? Начнет обиды вспоминать. Какая для него душевная травма будет!

Я помню, со мной был случай, когда я в школе училась в 4 или 5 классе. Учительница попросила, чтобы я подтянула по математике одну ученицу. Мы после школы пошли к ней домой и занимались до вечера. Родителей я, конечно, не предупредила, телефонов ни у нас, ни у одноклассницы не было. Прихожу домой, родители сидят белее мела, валерьянка на столе. Вы только представьте, как они переживали! Отец замахнулся на меня, мама его руку удержала, отвела в спальню, еле успокоила. А я, понимаете ли, эдакая гордая, обиделась, что он на меня замахнулся, значит, хотел ударить. Ах, как это можно!... Меня!... Ударить!... Наверное, не любит... наверное, я им не родная (хотя сомнений ну никаких не могло быть, так я была похожа на маму –

просто одно лицо). Такие мысли в голову лезли... Вот, думала, я умру, так они жалеть будут, плакать, раскаиваться... Потом мы, конечно, помирились, это я раскаивалась, когда опять обрела способность здраво рассуждать. Как они, бедные, волновались! До сих пор не могу себе простить, что о них не подумала, когда у подружки сидела.

А поставь на мое место приемного ребенка, которому "доброжелатели" донесли нашу тайну – такую рану не залечить... Мужчины молчали...

С любой проблемой, как и с горем, надо переспать. Проблема будет ворочаться в голове, как человек при бессоннице – то туда, то сюда, никак не найдет удобной позы. Так и Проблема ищет уютную ямочку, чтобы забраться в нее без помех, чтобы ничто не беспокоило, чтобы не мешали.

А потом как-нибудь ночью может прийти решение, или рано утром проснется человек, и первая мысль будет – вот оно, решение, верное и единственное! А если нет решения, значит, еще время не пришло, потерпи немного, еще не отлежалась Проблема, не созрела...

Лена думала. Миша не мешал ей, ничего не спрашивал, понимал – нужно время.

Через несколько дней Лена пришла с работы, открыла дверь квартиры – перед ней стояли встревоженные Дарья Семеновна и Розочка

– Тетя Леночка, иди скорее. Мама заболела. Скорее полечи ее, пожалуйста.

У Брони была температура и сильный кашель, подозрение на воспаление легких. Лена взяла командование в свои руки:

– Тетя Даша, готовь водку, вазелин – банки будем ставить. Розочка, забирай ночную пижаму, игрушки и марш к нам в комнату, будешь у нас на диванчике спать. Чтобы больше никто к больной в комнату не заходил, пока я не разрешу! Комната маленькая, Броня сильно кашляет, еще не хватает, чтобы вы все заболели.

Ее командный тон немного успокоил саму больную и население квартиры. В ход пошли все методы – и народные, и самые передовые. Купили на рынке и смешали мед, нутряное свиное сало, алоэ, желтки яиц, и Леночка заставила Броню есть эту смесь с горячим молоком. Сначала Броня не хотела. Но Лена поняла, в чем дело, и нашла нужные доводы:

– Ты не хочешь это есть, потому что евреям нельзя есть свинину? Так я тебе скажу, моя милая, что все Божьи запреты по повелению самого Всевышнего отступают, если на кону здоровье или жизнь человека. Поверь мне, твоя бабушка сказала бы тебе то же самое.

С помощью Фединых связей в Москве достали дефицитный пенициллин.

******

Александр Флеминг первым получил из плесени антибиотик. В 1941 году профессор Говард Флори в Оксфорде сумел получить первую порцию лекарства.

Зинаида Виссарионовна Ермольева, видоизменяя предложенные иностранными авторами методы, получила свой активный пенициллин, который показал прекрасные результаты. Только за первые два месяца применения в госпиталях Москвы из 1 420 раненых и больных поправились 1 227 человек.

В январе 1944 года в Москву в составе иностранной делегации приехал профессор Флори и в знак восхищения русской коллегой называл ее «мадам Пенициллин».

******

Десять дней Лена делала уколы Броне утром и вечером. Рано утром Лена вставала, кипятила шприцы, готовила завтрак, кормила Розочку, делала Броне укол ровно в 8 часов. Девочка заглядывала в комнату к маме, когда туда заходила Лена, махала ей ручкой и просила: “Тетя Леночка, пожалуйста, делай укол не больно.”

Потом, оставив на тумбочке Броне еду и лекарства, она отводила Розочку в садик, а сама – на работу. В перерыв заскакивала на рынок и опять в садик – как она там? Благо, все было рядом. После работы, забрав девочку, бежала домой. Дома полно дел. Готовила обед уже на всех – одной семьей ведь стали. Тут Миша приходил с работы, его накормить надо. Миша тоже любил Розочку. Когда у него случалась свободная минутка, она забиралась к нему на колени, и он с удовольствием читал ей детские книжки. И за Леной она ходила хвостиком.

В 8 часов вечера укол Броне, послушать ее легкие, потом перед сном искупать Розочку. Ах, какое наслаждение купать ребенка, особенно, такого сладкого, такого ласкового... И, завернув в большое полотенце, отнести к себе в комнату, уложить спать. Потом стирка. А за ночь еще пару раз вскакивала проверить, как Розочка спит, укрыть ее потеплее или посадить на горшочек. Уставала безумно.

Баба Даша тоже вносила свою посильную лепту в эти заботы. Когда Лена приходила домой, вся вчерашняя стирка была тщательно отглажена, посуда перемыта, полы протерты, мусор вынесен. И еще просила:

– Ты, Леночка, что надо еще, поручи мне, я все потихоньку днем сделаю.

Проблема беременности отступила – понятное дело, не до нее сейчас. Но как-то ночью она, Проблема то есть, зашевелилась и хитро так подсказала: "А вот было бы хорошо удочерить Розочку. Броня еще молодая,

пусть обустраивает свою жизнь, выйдет замуж, а девочку мы бы забрали". Мысль эта нет-нет да и всплывает вновь, будоражит воображение, поощряя несбыточные надежды. Можно было бы попробовать с Броней поговорить... А может, сначала с Мишей? Нет, с ним пока не надо.

Лена видела, как изнывает Розочка от невозможности быть с мамой, как пытается лишний раз заглянуть в свою комнату, после каждого укола спрашивает, когда уже можно будет вернуться к маме. И Броня тоскует, но держится. Как можно даже подумать о том, чтобы отобрать ребенка у матери!

Наконец, Броня уверенно пошла на поправку. А Лена так ни с кем и не поделилась своей крамольной мыслью, понимая, что все это бесполезно, что можно навсегда потерять близкую и верную подругу. И все вернулось в свою обычную, рутинную колею.

Жизнь продолжалась. Каждое утро баба Даша, как обычно, раньше всех выходила на кухню, ставила чайник, потом провожала всех по очереди на работу, запирала за каждым дверь. Прошло недели 3-4 после выздоровления Брони, и наблюдательная баба Даша решила поговорить с Леной с глазу на глаз.

В ближайший погожий весенний день такой случай как раз и представился. Первым ушел на работу Михаил Савельевич, потом Броня с Розочкой. Баба Даша заботливо укутала Броню связанным ею новым шарфом из собачьей шерсти (на базаре шерсть купила, там бабы сказали, что от всех болезней). Вскоре должна была уйти и Леночка, но тут баба Даша ее укараулила.

– Леночка, ты чего в ванной комнате так долго делаешь?

– Да ничего, Дарья Семеновна.

– Ты, голуба, не юли. Очень бледненькая ты последнее время, да и завтракать перестала. Раньше ты перед работой всегда плотно кушала: кашу какую, да еще пару бутербродов, чаю сладкого два стакана. Говорила, что, бывает, на работе не получается полдничать, так при плотном завтраке до вечера протянуть можно. А теперь как же? И вечером, я смотрю, ты особливо не кушаешь. Признавайся, новость какую таишь?

Лена опустила голову, покраснела:

– Я, Дарья Семеновна, боюсь сказать, а вдруг ошибка.

– Не ошибка, не ошибка, милая моя, радость-то какая! – Баба Даша торжественно трижды перекрестила Леночку. – Я же сразу углядела. А Михаил Савельич знает?

– Нет еще.

– Ну как же можно?! Мужу надо первому сообщать. Вот сегодня и отпразднуем. А ты слушай меня внимательно: никаких тяжестей не поднимать! Ни на работе, ни дома. Стирать надумаешь, я тебе помогать буду, воду ковшиком будем в ведро наливать и ковшиком выливать. К ведру полному не смей даже притрагиваться.

Вот так и получилось, как сказал доктор: "Вы устаете безбожно от забот и недосыпания – и тогда у вас в мозгу, в подсознании ваше заклинивание разблокируется...”

******

В это же время, когда был зачат ребенок Миши и Лены, в 1948 г. в своём доме в Кламаре под Парижем от разрыва сердца умер Николай Александрович Бердяев (Не будем намекать на реинкарнацию, мы ничего об этом наверняка не знаем, просто совпадение во времени разных событий). За две недели до смерти он завершил книгу «Царство Духа и Царство Кесаря», и уже созрел план новой книги... Но не успел.

******

«Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей Родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые. Я мог наблюдать необычайную превратность человеческих судеб. Я видел трансформации, приспособления и измены людей, и это, может быть, было самое тяжелое в жизни. Из испытаний, которые мне пришлось пережить, я вынес веру, что меня хранила Высшая Сила и не допускала погибнуть. Эпохи, столь наполненные событиями и изменениями, принято считать интересными и значительными, но эти же эпохи – несчастные и страдальческие как для отдельных людей, так и для целых поколений. История не щадит человеческой личности и даже не замечает ее. Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию ее победителями, я пережил изгнание, и изгнанничество мое не кончено. Я мучительно переживал страшную войну против России. И я еще не знаю, чем окончатся мировые потрясения. Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на Север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей Родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании»

(Н. А. Бердяев)

******

В начале 1949 года родился долгожданный сынок – Савелий Михайлович Семенов.

Глава тридцать восьмая

В начале войны Анатолий ушел добровольцем на фронт… в штрафбат. Шура, Захар и Манечка продолжали жить в Сибири. Шура сильно болела, мучилась долго. Молилась. Говорить было трудно, задыхалась...

И однажды, уже совсем плохо ей было, сказала напоследок:

– Ну вот, большую битву наши выиграли... Победа будет... Но трудная, жертвенная... У тебя, Маняшенька, все будет хорошо, жаль только внучку не увижу...

Хоронили ее всем поселком. Каждый хотел сказать теплое слово о ее доброте и мудрости... Через несколько недель до них дошли новости о Сталинграде. Стали понятны слова Шуры перед смертью о большой битве. А через год Маняша похоронила и Захара. Перед смертью он рассказал ей о Ефроиме – бывшем односельчанине, благоденствующем в далекой, заокеанской Америке со своей семьей; об арестованном отце Савелии и его сыне Мише, спасенном и спрятанном где-то в городе. Где? Об этом знает только Федя, лучший друг Миши.

Из всех героев его рассказа, который ей казался сюжетом удивительного романа, она знала только Федю со времен своего беспризорного детства, но обо всех слушала внимательно и с большим интересом.

И вот война кончилась. Анатолию и другим немногим выжившим штрафникам судимость сняли и было разрешено селиться в любом городе. Многие выбрали центральные города. Однополчане думали, что Анатолий поедет в свой родной Ленинград. Но Анатолий рассудил иначе.

******

Я видел вселенское зло.
Я всякого видел немало.
И гнуло меня, и ломало,
и всё-таки мне повезло.
Мне дружбу дарили друзья,
и женщины нежно любили.
Меня на войне не убили,
мне даже и тут повезло.
Ещё повезло мне, что вот
я дожил до вашей эпохи,
где вовсе дела мои плохи
и зыбок мой завтрашний день.
…Я дожил, мне так повезло,
я видел и знаю наверно –
история движется верно,
лишь мерки её не про нас.
И всё ж до последнего дня
во мне это чувство пребудет –
я был там, я знаю, что будет
когда-нибудь после меня.

(Юрий Левитанский)

******

Он видел, что делается в стране, видел, что "тайная полиция" все еще жива и никуда не делась, видел – аресты не прекратились, предвидел, что они будут продолжаться. Поэтому, чем дальше от столицы, тем лучше. Да и Маняшу легче будет вытащить из тайги. И они с товарищем поехали в Челябинск на Кировский танко-строительный завод. Хоть что-то родное, питерское... Товарищ так и сказал: "Едем в Челябинск к Зальцману на Питерский завод".

******

Исаак Зальцман – заместитель Народного комиссара танковой промышленности СССР – руководил Кировским заводом при прорыве вражеских войск к окраинам Ленинграда в начале блокады. Провел эвакуацию Кировского завода в Челябинск и в кратчайшие сроки развернул производство танков на неприспособленных для этого площадях, при дефиците работников, специалистов, оборудования и сырья. Не снижая темпов выпуска танков КВ, Зальцман организовал производство танков Т-34 и за 33 дня перестроил завод на выпуск новой модели танков. В мирное время такая задача решалась не менее чем за год.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1941 года за выдающиеся заслуги в обеспечении Красной Армии танковой техникой в трудных условиях военного времени Исааку Моисеевичу Зальцману присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали «Серп и молот».

Это благодаря Зальцману на историческом военном параде 7 ноября 1941 года весь мир увидел на Красной площади в Москве танки. Нет запчастей, нет стартеров – успеть к 7 ноября было невозможно. Зальцман сообразил: "Будут танки на параде! Я погружу их на железнодорожные платформы, а мои механики установят стартеры прямо на ходу, уже по дороге в Москву. Успеем". На открытых платформах, мерзнущими руками механики доводили танки до готовности. Танки, сойдя с платформ, уже своим ходом двинулись на Красную площадь. А дальше – на передовую.

(По материалам исследований Е. Францевой и В. Сергийчука)

******

В Челябинске Анатолий получил комнату-клетушечку в семейном общежитии и зажил со своей дорогой Манечкой в любви и согласии. Да вот беда – детей нет. Но грела надежда – ведь Шура же сказала перед смертью: “Жаль только внучку не увижу...” Манечка устроилась работать в ясли, и сердце трепетало, когда она прижимала ребеночка к груди...

******

Дети, дети, вы моя отрада,
Вы моё земное волшебство.
Сколько сил и нервов с вами надо!
А без вас не надо ничего. ***(Тамара Шашева)***

******

1949 год. Прошло четыре года после войны. Маняша часто лежала ночью без сна, размышляла. Она не жаловалась на судьбу, не гневила Бога. Хотя жизнь была нелегкая, но судьба всегда посылала ей опекунов. Маму она почти не помнит, было что-то очень теплое и мягкое. Потом Федя командовал: "Не скули, спи, вот тебе кусок хлеба". Потом Федя передал ее Захару, и жизнь стала такой прекрасной! Она ни о чем не беспокоилась, Шура всем руководила. Даже жизнь на поселении в тяжелейших условиях была определена – она безропотно подчинялась обстоятельствам – во всем слушалась Шуру. Маняша никогда не стремилась главенствовать, легко и просто становилась ведомой. Вот и в семье у них главой был Анатолий.

Помня, что Шура перед смертью сказала о внучке, она была твердо уверена, что у нее родится дочка. Но время шло, а все никак...

– Конечно, – убеждал Анатолий, – Шура сказала, кто родится, но не запретила идти к врачу.

Наконец, Анатолий решительно взял жену за руку и отвел в женскую консультацию. И сказал, что после осмотра он войдет в кабинет и сам поговорит с врачом.

Вердикт был прост и ясен. Очень сильное воспаление женских органов. Естественно, немудрено было в тех условиях не застудиться... Но приговор не окончательный. Помочь могут лечебные грязи. Есть места народные, люди приезжают на берега соленых озер (например, озеро Джарылгач, что в Крыму, около села Межводное), обмазываются илом, глиной, грязью со дна озера и сидят на солнце. А есть официальные курорты: в Одессе, в Саках (в Крыму), в Старой Руссе (в Новгородской обл.), на Сергиевских Минеральных Водах (около Самары), в Липецке, на Кавказских Минеральных Водах, Нафталанские грязи в Азербайджане...

Врач – пожилая, спокойная женщина с внимательными глазами рассказывала о каждом курорте медленно и обстоятельно.

– Если сумеете достать в месткоме путевку, то это самый лучший вариант. Я вижу, она у вас, как дитя, под крылышком. Но если будет санаторная путевка, смело отпускайте ее одну. Там и проживание, и лечение, и питание. А вы рядом быть не сможете. Ну уж если не достанете и надумаете ехать "диким" образом, тогда возьмите отпуск летом и поезжайте вдвоем. Но учтите, надо будет и жилье у какой-нибудь бабки снять, и продукты с готовкой на вас, и грязью мазаться, на солнце полежать, потом в озере эту грязь смыть, и главное, снова не застудить. Вот такой расклад.

Анатолий был на хорошем счету у руководства завода. Несколько рацпредложений, за которые он получал небольшие, правда, премии, зато уважение – фото на доске почета. Очередь на квартиру приближалась.

– Я достану путевку, завтра в местком пойду, а если не дадут, до самого Зальцмана дойду, – твердо сказал Анатолий.

Но в душе у него такой уверенности не было – как он будет требовать? Его ведь в ответ могут довоенной биографией попрекнуть...

******

Исаак Моисеевич Зальцман. Много разных разговоров, сплетен и слухов ходило вокруг директора. Анатолий пришел на завод после войны, а рабочие, которые работали с директором всю войну, рассказывали, как он заботился о рабочих в те тяжелые времена. На заводе в войну Зальцман организовал двухразовое бесплатное питание, рабочих поощряли товарами первой необходимости, продуктами, а передовые коллективы – еще и куревом. По возможности, и жильем. Однажды увидел парня, у которого ботинки были перевязаны проволокой, чтобы не отвалились подметки. Обеспечил парня обувью. Как-то девушки пожаловались, что в общежитии чай и суп варят в банках из-под американских консервов. В этот же день у девчат была посуда.

Называли его "Исаак грозный". Когда он ругался, рабочие шептались: "Исаак чудит". Боялись его. Бог и царь Танкограда. Много позднее бывший парторг и секретарь Тракторозаводского райкома Е.Мамонтов писал о Зальцмане: "Характер у него был вспыльчивый, но ругался он по делу. И если ругань не относилась лично к тебе, можно было заслушаться, как классно он это делал!". Вообще-то тогда людям были привычны грубость и ругань – время суровое, военное, надо во чтобы то ни стало выполнять важнейшие для страны задания даже на пределе человеческих возможностей, тут не до вежливости, без грозных нагоняев не обойтись.

******

Говорят, Зальцман как-то сказал Молотову: "Мы дадим танки, только вы не вмешивайтесь!" Профессор Коган пишет: "Эту фразу ему, конечно, после войны припомнили, но до этого Зальцман делал то, что хотел, т.е. то, что было нужно."

Были и другие танковые заводы (Генерал-майор Хаим Рубинчик, директор завода "Красное Сормово" на Волге, выпустил до конца войны 10000 танков Т-34.) Но именно Зальцмана американский посол в Москве в годы войны назвал «танковым королем России».

******

После войны все почувствовали, как устали от напряженности военного времени, хотелось нормальных человеческих слов и отношений. Особенно возмущались начальники отделов, бригадиры, которых он, как обычно, ругал при всех. Теперь, считали начальствующие партийные и профсоюзные боссы, он не так незаменим, не так непотопляем. Начались подковёрные интриги, о которых не все знали. Председатель профкома завода В.Богданов, с одобрения представителей цехкомов из числа его сторонников, поехал в Москву доложить в ВЦСПС об "издевательском отношении Зальцмана к работникам завода". Но в столице его рассказ не произвел впечатления. Как можно самому Зальцману замечания делать!? Да он же под таким высоким покровительством! Во время войны у него был прямой телефон к Сталину. Говорят даже, что он два или три раза им-таки воспользовался.

Незадолго до этого завод был переориентирован на выпуск тракторов и получил задание – довести выпуск тракторов до 65-75 штук в сутки. А по проекту мощность завода лишь к концу пятилетки (к 1951 году!) должна была составить всего 50 машин в сутки. Сложнейшее задание для директора.

Анатолий пошел в местком, объяснил обстановку.

– Вот Сергиевские Минеральные Воды сравнительно не так далеко, около Самары, туда бы, а?

– Ты понимаешь, что просишь? У нас очередь на три года вперед.

– Мы не можем ждать три года. Доктор сказала, что после тридцати все сложнее и сложнее.

– Что же можем сделать, ты же не один на заводе, а жена твоя даже не работает на заводе.

– Так она же за заводскими ребятишками смотрит.

– Ничего не могу сделать, будете ждать. Разговор окончен.

Но если человек что-то очень хочет, если он стремится добиться этого всеми силами, то судьба дает ему шанс, и тут главное – не упустить его.

А Анатолий не из тех, кто постесняется схватить этот шанс двумя руками.

Шанс явился лично в виде самого директора Исаака Зальцмана, который любил поговорить и даже похвалить простых рабочих на их рабочем месте, на виду у всех – психологическое поощрение (при этом можно снизить материальное вознаграждение). Кивнул как знакомому Анатолию, которого он хвалил в прошлое свое посещение цеха. Цех перевыполнил план. И доля благодарности досталась даже бригадиру: "Толковые у тебя ребята работают, ты их не обижаешь?" (Риторический вопрос)

– Исаак Моисеевич, разрешите обратиться.

– Ну, давай.

– Я тут прикинул, можем сократить время сборки моторов, можем больше выдавать за день.

– А ну-ка, ну-ка, давай присядем тут в уголке, а вы, ребята, работайте, не отвлекайтесь.

Выпуск б**о**льшего количества моторов – так актуально сейчас, так важно для завода и лично для директора!

– Вот смотрите, в цеху стоят станки в три ряда и три конвейера. По ним идут крупные детали, а мелкие детали подносят разнорабочие. Привозят их на тележках со склада, который находится в другом помещении за углом. Тащат и в дождь, и в снег, огибая весь цех по улице. Если вовремя не подвезли, мы стоим, бригадир кричит, бежит на склад. Суматоха. Теперь смотрите. Можно прорубить дверь в том конце цеха, который ближе к складу, и проложить три узких конвейерных ленты поперек и повыше существующих, чтобы не мешали друг другу. Тогда достаточно будет всего одного подсобника, чтобы выкладывать на эти ленты мелкие детали, а мы будем брать с конвейерной ленты, сколько нам надо. Примерно, думаю, процентов на 20 должен повыситься выход продукции.

– Ты просто молодец! – Исаак Моисеевич быстро записывал что-то в записную книжку, подсчитывал. – Ты, кажется, в очереди на квартиру стоишь? Вне очереди получишь.

– Мне не квартира нужна. – Анатолий все объяснил директору, да с такой страстью, болью и надеждой, что отказать было невозможно. Назавтра в месткоме сказали, что удалось достать одну путевку на сентябрь в далекий город Баку, в Бальнеофизиотерапевтический институт им. Кирова. Так далеко! Одной! Анатолий и Манечка растерялись – что делать, соглашаться? Пошли к доктору за советом. Доктор успокоила, что поехать в далекий Баку не так уж страшно, там тоже живут советские люди, а в это лечебное учреждение приезжают со всей страны.

Доброжелательная доктор, которая прониклась симпатией к этой милой супружеской паре, рассказала им о своем знакомстве с одним бакинцем. В ее бытность в Норильске (было бы бестактностью в те годы спрашивать, кто как попал на север) она познакомилась с интересным человеком Али Мамедалиевичем из Баку. Тоже доктор. Вдовец.

– Он много, с любовью рассказывал о своем родном городе. Там осталась его единственная дочка на попечении старой верной няньки. Связи с ними не было... Некоторое время спустя он женился на молодой русской девушке. А потом я переехала в Челябинск, – задумчиво продолжала доктор, – но с тех пор мечтаю побывать в Баку... Кто знает, может еще удастся.

[История жизни Али Мамедалиевича из Баку составит сюжет другого романа.]

По ее совету Маня взяла маленький чемоданчик, минимум вещей: одно платье, одну юбку, три кофточки, домашний халат, две ночные рубашки, три смены нижнего белья и теплые трико. Билеты, документы, путевку и деньги она зашила сами понимаете, куда. Но доктор подсказала, как пришить внутренний карман к юбке, чтобы было надежно и в то же время удобно достать при надобности. И еще она сказала, что там на улице обязательно надо покрывать голову платком. В Азербайджане считается, что приличная женщина не ходит с непокрытой головой. Анатолий велел взять еще две запасные косыночки – вдруг одна потеряется.

Напоследок доктор посоветовала взять билеты в купейный вагон – хоть и дороже, но ехать комфортнее.

– Не волнуйся, Манечка, если в купе попадутся одни мужики, попросишь проводницу, и она пересадит тебя в другое купе. Следи, чтобы чемодан не украли. Если что надо спросить, оглядись, выбери женщину постарше и спрашивай, ты девушка разумная, сама все как надо сообразишь. Главное, ничего не бойся.

13 августа 1949 года – в тот самый день, когда Маняша получила путевку и начала готовиться к поездке, в Москве в кабинете Г.М.Маленкова были арестованы бывший секретарь ЦК ВКП(б) генерал-лейтенант А.А.Кузнецов, бывший председатель Совета министров РСФСР М. И. Родионов, бывший партийный руководитель Ленинграда П. С. Попков и другие фигуранты “Ленинградского дела”.

******

«Ленинградское дело» *– серия судебных процессов в конце 1940-х – начале 1950-х годов против партийных и государственных руководителей РСФСР. Жертвами репрессий стали все руководители Ленинградских областных, городских и районных организаций ВКП(б), а также почти все советские государственные деятели – ленинградцы, которые после Великой Отечественной войны были выдвинуты на руководящую работу в Москву и в другие областные партийные организации.*

******

Через две недели Маняша выехала в Баку. Вовремя успели они получить путевку: уже в сентябре 1949 г. Исаак Зальцман был исключён из ВКП(б) “за связи с арестованными по “Ленинградскому делу”, и в ходе борьбы с космополитами уволен с работы. Да и возня против него на заводе, видимо, тоже сыграла в этом не последнюю роль.

******

Ему была предложена альтернатива: дать компромат на Кузнецова в связи с “Ленинградским делом” и получить кресло министра или... Он выбрал "или"…

Рассказывают, что, узнав об отказе Зальцмана, Сталин удивленно спросил:

– А кем он начинал?

– Мастером на заводе, – проинформировали его Берия и Шкирятов.

– Так пусть начнет сначала, – последовало указание, спасшее жизнь Зальцману, уже приговоренному Берией к расстрелу.

И после Танкограда Исаак Моисеевич, исключенный из партии, но с наградами, которые ему оставили (Сталин помнил его военные заслуги), поехал рядовым мастером на маленький заводик в город Муром на Оке. Один и, пока не расстреляли Берию, без семьи...

После он стал мастером на заводе в Орле. Потом, в 1955 году, восстановленный в партии, вернулся в Ленинград и работал на должностях весьма далеких от его наркомовской деятельности.

На празднование 50-летия ЧТЗ в 1983 году его не пригласили (!) Он умер в 1988 году, так и не побывав больше в Танкограде. Говорят, ждал официального приглашения…

(По материалам исследований Е. Францевой и В.Сергийчука)

Мариэтта Шагинян сказала о нем: «Зальцман – бархатный орешек с металлом внутри». Самая верная характеристика!

******

1 октября 1950 года в 2.00, ***спустя час*** *после оглашения приговора, А.А.Кузнецов, М.И.Родионов, П.С.Попков, Н.А.Вознесенский, Я.Ф.Капустин, П.Г.Лазутин были расстреляны. Прах их тайно захоронили на Левашовской пустоши под Ленинградом.*

Из докладной записки министра внутренних дел Круглова и его заместителя Серова: "Всего было осуждено 214 человек, из них 69 человек основных обвиняемых и 145 человек из числа близких и дальних родственников. 23 человека приговорены военной коллегией к высшей мере наказания, 2 человека умерли в тюрьме до суда."

******

Глава тридцать девятая

Трое суток ехала Маняша до Москвы с приятными попутчицами, с горячим чаем, благожелательной проводницей. Часами молча смотрела в окно, вспоминала, как они ехали в теплушках в Сибирь с Шурой и Захаром, вспомнила и пятидесятников, которые взяли к себе осиротевшего Арончика, и певунью, услаждавшую несчастный вагон чудными романсами. Да, действительно, "широка страна моя родная".

Из Москвы дала мужу телеграмму: "Доехала Москву тчк Целую тчк Маня". Нашла справочное бюро, узнала, когда и откуда отправляется Бакинский поезд. Дождалась его, села в вагон, очень гордая своей самостоятельностью. В этом поезде было не так чисто, более шумно и чай стоил почему-то немного дороже. Не так чтобы дорого, но Маняша удивилась – страна-то одна, и цены должны быть одинаковые.

Становилось все теплее и теплее, пейзаж за окном – все суше и суше, пока не превратился в выжженную солнцем пустыню с редкими колючками.

******

Лязг дверей, сквозняки, коридорный кадрёж напоследок.
У кого-то давно исчерпались смешки и беседы.
С голых полок сквозь мутные стекла глядим без отрыва
на пустынный пейзаж, что никто не признает красивым.
……
Вот и вышек стада потянулись к столице поближе.
Каждый мысленно «там», в предсказуемой жизненной нише.
Сабунчинский вокзал – это цель, он достоин восторга,
потому что печаль постоянна в сей жизни недолгой. ***(Лиана Алавердова)***

******

Баку. 28 августа – воскресенье. Маня вышла на перрон. Время после 6-ти пополудни. Липкая жара. Даже воздух казался тяжелым. На вокзале нашла почтовое отделение, “отбила” телеграмму: "Доехала благополучно тчк Целую тчк Маня". Сняла плащ, надела косыночку и вышла на привокзальную площадь. Гам, шум, звон трамвая, крики зазывал и нестерпимо палящее солнце. У Маняши закружилась голова. Она постояла в тени, вспомнила слова доктора "ничего не бойся", взяла себя в руки (а другого выхода все равно не было) и начала выискивать в толпе, к кому же обратиться. Подошла к пожилой русской женщине в белой косыночке, показала заранее приготовленную записку с адресом института. Женщина задумалась.

– Кировский институт... Так, дай сообразить...

– Скажите, пожалуйста, а пешком можно дойти?

– Можно, вон туда пройти немного и там будет пешеходный мост через железнодорожные пути. Только по такой жаре, да еще с чемоданом – себя пожалей, моя милая, лучше на трамвае.

Женщина показала дорогу к трамваю и напоследок посоветовала:

– До остановки иди по тенечку, по дороге водичку попей, там на некоторых углах газированная вода продается. А деньги-то у тебя есть?

– Есть, есть, спасибо вам большое.

Манечке стало не так страшно. Вот какая хорошая женщина попалась, доброжелательная, сказала ей "моя милая" и про деньги спросила.

В конце концов она вошла в затемненный прохладный холл. После яркой, облитой солнцем улицы Манечка ничего не видела в этом полумраке и плюхнулась в ближайшее кресло.

Так начался незабываемый период ее жизни. Всего 4 недели, 28 дней, или, если считать официально (день приезда и день отъезда – за один день), всего 27 дней, но каких необычных дней! До конца жизни она вспоминала свое пребывание в Баку, рассказывала всем бессчетное число раз.

В палате, куда ее поместили, уже находились две женщины.

– Фаина, – представилась одна из них. Она очень понравилась Мане. Симпатия была взаимной.

Другая женщина в этой палате лежала, отвернувшись к стенке, видно, чем-то расстроенная. Вечером за ужином Фаина рассказала своей новой подруге, в чем дело.

Мехрибан – так звали эту женщину, жила в селе с мужем и имела трех дочек. "Вот счастливая", – подумала Манечка. (Они с Фаиной обе мечтали о девочках.) Но муж Мехрибан хотел мальчика. Жизнь у

Мехрибан была тяжелая – свекровь ела ее поедом, золовки издевались, и все вместе настраивали мужа против нее.

– Он меня по любви взял, – рассказала до этого Мехрибан Фаине, – долго моих родителей просил. Если бы мы отдельно жили, никаких скандалов не было бы. А теперь муж сказал: "Если сына не родишь, возьму вторую жену".

– ???

– А чего ты удивляешься? Раньше азербайджанский мужчина мог взять двух или даже трех жен, если был в состоянии их содержать. – объяснила Фаина. – А богатые мужчины раньше имели и четырех жен. Сейчас за этим следят очень строго. Здесь, в Баку, такое случается редко, а в селениях...

Одна женщина в их селе не могла родить, а после лечения в этом институте родила сына. Вот Мехрибан и сказала мужу, чтобы тоже отвез ее на лечение в тот же институт – мол, там могут все (!), и тогда она родит долгожданного сына. Заплатили деньги сельскому врачу за направление, купили путевку, и теперь она лежит здесь, совершенно здоровая, и врач Офелия Ашотовна не знает, что с ней делать. Мехрибан смотрит на нее умоляюще, похоже, что она сама поверила в сочиненную ею сказку о том, что здесь, в институте, все могут. Во всяком случае, она отдохнет немного от свекрови, а если еще родится дочка, тогда только и останется – облить себя керосином и поджечь.

Манечка слушала все это с содроганием, иногда ей казалось, что все это неправда, что это ужасные придумки, но по горестным, сострадательным лицам Фаины и некоторых нянечек, которые были в курсе дела, понимала, что таки-да, на самом деле может покончить с собой. (В Азербайджане самоубийцы использовали такой жуткий, мучительный способ ухода из жизни. По-видимому, под влиянием языческого, домусульманского зороастризма.)

Маняша и Фаина почти не расставались, вместе на процедуры, вместе в столовую, и говорили, говорили... Они подружились, может, потому, что обе пережили много горя в своих недолгих жизнях, обе были добры, приветливы и благодарны за все, что дает им судьба, и обе так мечтали о ребенке!

******

Как бы хотелось мне сына иметь!
Был бы кудрявый он, умный малыш.
За руку шел бы тихонько со мной
На сад поглядеть.
Мальчик мой.
Звала б его Ури, Ури родной.
Звук этот ясен, и чист, и высок -
Луч золотой,

Мой смуглый сынок,
Ури ты мой.
Еще буду роптать,
как роптала Рахель, наша мать.
Еще буду молиться,
как Хана молилась в Шило.
Еще буду я ждать
Его.

(Рахель Блувштейн. Перевод М. Ялан-Штекелис)

******

А может, просто то душевное притяжение, которое не нуждается в причинах и объяснениях...

Они рассказывали о своих близких, о своей жизни. Маня рассказала о себе, о своем детстве, о Захаре, Шуре и Феде, о жизни в деревне, но потом опустила несколько недель своей жизни – насильственную высылку и "путешествие" в теплушке. В ее рассказе это звучало как "мы переехали в Сибирь". А дальше продолжалась правдивая история.

Фаина Тобисельская тоже описывала Манечке, что ей и ее семье выпало на долю в те страшные годы. И убийство отца на их глазах, и бегство от фашистов... и все остальное...

Маня слушала, раскрыв рот, сопереживая до слез, – сколько им, бедным, пришлось пережить! А события их бакинской жизни приводили ее в изумление. Особенно поражало знание Фаней "иностранных" языков – она так смело болтала на азербайджанском! Маня смотрела на нее с восхищением.

Фаина рассказала о том, как в ее старшую сестру Эдиту влюбился симпатичный азербайджанский парень Теймур, о его дедушке Эльмане, о русской жене дедушки – учительнице Татьяне Матвеевне, как сватали Эдиту. А какие удивительные у них традиции! *[История Фаины, её мужа Юзефа Тобисельского и ближайшего окружения описаны в третьей книге]*

А еще Фаина рассказала, как мама сначала переживала, но парень оказался очень хороший, живут дружно. Дедушка Эльман во всем помогал им во время войны и сейчас помогает. А два пацана – просто чудо – Сулейман и Ибрагим. Скоро будут делать обрезание. Что это такое? Пришлось объяснить... У Мани округлились глаза от удивления.

Между тем, в физиотерапевтическом Институте жизнь шла своим чередом. После осмотров и анализов началось интенсивное лечение – грязи, ванны и т.д. Каждый вечер после процедур и обеда пациенты сидели на воздухе, наслаждаясь тишиной и покоем. Кто-то читал, кто-то писал письма, кто-то играл в карты. Увидев

вязание в руках одной из нянечек, Маняша попросила, мол, давно не вязала, руки соскучились. Не прошло и часа, как жилетка была готова. Все пришли в восторг и забросали Манечку заказами. Приносили нитки и назавтра получали готовое изделие. Почти каждый вечер приходил навестить Фаину ее муж Юзеф, они сидели в сторонке и нежно ворковали к умилению всех пациентов. Юзя познакомился с Маней, Мехрибан, Офелией Ашотовной.

Офелия Ашотовна – доктор, сверстница наших героинь, молодая, очень милая женщина, заходила в их палату поздно вечером поболтать, когда случалось работать в вечернюю смену. Ей нравились эти молодые женщины, такие похожие и в то же время такие непохожие. Говорили на самые разные темы. Заговорили как-то об именах.

– Манечка, а как твое полное имя? Мария?

– Не знаю, у меня даже свидетельства о рождении не было. Всю жизнь Маня, да Маняша.

– Мария – красивое имя. А вот Мехрибан значит – ласковая. Очень соответствует.

– А что значит по-еврейски Фаня?

– Мама говорит, что Фаня с древнееврейского переводится как "умница", – скромно потупилась владелица такого достойного имени. Все дружно рассмеялись, вот уж родители подобрали имя – в точку попали.

– А я все собираюсь имя поменять, – призналась Офелия Ашотовна, – никак не выберу, да и времени нет, все откладываю.

– Что так?

– Вся семья моей мамы жила в Баку. Приехал как-то мой будущий папа в Баку, влюбился и увез маму к себе в Ереван. И я там родилась. А в Ереване модно называть детей необычными именами – иностранными или литературных героев. У нас в классе было две Офелии, по одной Дездемоне, Эсмеральде, Элеоноре, и даже Гамлет. Я считаю, что это неправильно. Во-первых, имя должно соответствовать национальности. Есть красивые армянские имена: Ануш, Шаганэ, Тигран, Левон... Но если не хотите называть народными старомодными именами, то назовите просто Анна, Ирина, Лев, Юрий... Кроме того, имя несет какую-то духовность, даже какую-то судьбу – Дездемона была задушена, Офелия – утонула. Кому нужны такие имена?.. Потом я переехала обратно в Баку, к бабушке. Сынок у меня – Карен – красивое, армянское имя, означает "луч света".

Женщины были с ней полностью согласны и задумались над именами. Обе думали только о женских именах. Маня была уверена, что родится девочка – Шура так сказала. И Фаня всей душой хотела девочку – дочка маме сердцем ближе.

Всю ночь обе ворочались – не надо бы имя придумывать заранее ребенку, которого еще и в плане нет, что б не сглазить. Но мысль, единожды засевшую в голове, не выкинешь – она там застревает прочно...

Как получилось, что в одной палате оказались именно эти три такие разные женщины? Случай каждый день сталкивает разных людей – иногда эти столкновения становятся судьбоносными, иногда остаются просто приятными (или наоборот) воспоминаниями...

…Есть такая “теория шести рукопожатий”. Согласно этой теории, каждый человек связан с любым другим человеком на земле через цепочку всего из шести (в крайнем случае, семи) контактов (автор теории называет эти контакты “рукопожатиями”). На первый взгляд, в это трудно поверить. Ну как, например, могут быть связаны подружки Маня и Фаина с автором приведенного ранее стихотворения Рахели Блувштейн (еврейской поэтессы, родившейся в Саратове в 1890 г. и умершей в Тель-Авиве в 1931г.)?

А вот есть она, эта связь! Вспомним тот далекий 1905 год, когда Леонид Семенович, он же Лейб Соломонович Клигер, нанял лучшего адвоката для всех арестованных по делу об отрядах еврейской самообороны, организованных для сопротивления погромам, и поехал с ним в Полтаву к самому писателю Владимиру Галактионовичу Короленко советоваться, как правильно вести линию защиты.

Их ввели в гостиную и попросили подождать – у господина Короленко посетитель. Не успели они расположиться в креслах, как сам писатель вышел из кабинета:

– Простите великодушно, господа, дайте мне пять минут, я сейчас закончу беседу с юной дамой и сразу же приму вас.

Ну, конечно, о чем может быть разговор – писатель беседует с юной дамой, как не понять? Через пару минут дверь кабинета приоткрылась. И господа услышали конец разговора:

– Итак, милая Рахель, еще раз напоминаю: обратите особое внимание на окончания, а третье стихотворение надо будет полностью переработать. Приходите недельки через две.

Дверь открылась полностью, и Владимир Галактионович пропустил вперед "юную даму". Леонид Семенович с адвокатом увидели худенькую девочку-подростка лет 14, прижимающую к груди тетрадь (ясное дело, со стихами). Смущенно опустив глаза, она едва слышно поздоровалась с господами и выскочила за дверь.

– Заходите, господа. Это была юная поэтесса Рахель Блувштейн – талантливая девочка. Приносит мне свои стихи. Пишет на русском, идиш и иврите, прекрасно знает французский. Из очень интеллигентной семьи,

ее маман состоит в переписке со Львом Николаевичем (имелся ввиду Толстой). Предвижу у нее большое будущее. Ну, ладно, перейдем к нашим делам...

Рахель прожила бурную жизнь, полную приключений и перемещений по свету, умерла, когда ей было едва за 40, без семьи и детей. В киббуце Дгания среди детей, с которыми она занималась, был и малыш Моше Даян.

Вот такая цепочка от Мани и Фаины –к Рахели Блувштейн и Моше Даяну!

Маня –Федя – Николай Петрович – Л. С. Клигер – В.Г.Короленко – Рахель Блувштейн – Моше Даян.

А разве могла Манечка догадаться о цепочке, соединяющей ее, например, с поэтессой Анной Ахматовой? А она, эта связь, еще короче.

Маня знала Федю, Федя – Николая Петровича, который, в свою очередь, был знаком с Густавом Шпетом. Мы уже упоминали Густава Густавовича Шпета – историка, философа, преподавателя, переводчика, которого расстреляли 16 ноября 1937 года в Томске. Густав Шпет после окончания университета два года работал учителем в частных гимназиях, где среди учениц выпускного 7 класса была Анна Горенко, в будущем – Ахматова.

Как все мы связаны друг с другом!...

И совсем неведомо было ни Фаине, ни Маняше, как близко они связаны друг с другом невидимыми нитями через Федю и Мишу. Фамилия Юзефа (мужа Фаины) была Тобисельский. Он растерял всех родных во время этой безумной войны... Если бы только он мог знать, что его родного племянника Соломона Тобисельского спас русский офицер Михаил Семенов, связанный через Федю с Манечкой, хотя и не знакомый ей. *[Подробности этой истории описаны в третьей книге]*

Таким непостижимым образом соединены, вероятно, все люди на земле – хитросплетением взаимоотношений, невидимыми нитями связующими разных людей... Кто может распутать этот клубок?

******

… в человеческом существовании незаметные совпадения, давно наметившиеся сцепления обстоятельств, тонкие нити, соединяющие те или другие случайности, вырастают в накрепко спаянную логическую цепь, влекущую за собой попавшие в ее орбиту человеческие жизни. Мы, не зная достаточно глубоко причинную связь, не понимая истинных мотивов, называем это судьбой.

Если проследить всю цепь, а затем распутать начальные ее нити, можно прийти к некоему отправному моменту, послужившему как бы спусковым крючком или замыкающей кнопкой. Отсюда начинается долгий ряд событий, неизбежно долженствующих сблизить совершенно чужих людей, живущих в разных местах нашей планеты, и заставить их действовать совместно, враждуя или дружа, любя или ненавидя, в общих исканиях одной и той же цели. ***(Ефремов. Лезвие бритвы)***

Глава сороковая

Прошла первая неделя. Наступило воскресенье – день отдыха от всяких процедур. Фаня собралась было пойти домой, повидаться с мамой и сестрами, но Юзя не разрешил:

– Дома ты обязательно найдешь себе какие-нибудь дела – уборка, постирушка или что-нибудь еще в этом роде... Маму я к тебе завтра вечером приведу, повидаешься. А сегодня давай погуляем, но не просто так, а покажем Мане и Мехрибан город.

Мехрибан отказалась – муж обещал дочек привезти, уж очень соскучилась, так хочется их увидеть! А Манечка с радостью согласилась. Одна она просто не рискнула бы выйти погулять, а посмотреть этот южный, такой необычный, удивительный город просто мечтала!

В каждом мегаполисе (а то и просто крупном городе) для туристов существуют сейчас обзорные экскурсии. Автобус или трамвайчик едет по определенному маршруту, туристы могут выйти и войти на любой остановке (по-английски это называется "hop on – hop off", то есть "заскочил – выскочил"). Должна заявить вам совершенно ответственно – этот метод придумали Юзя с Фаней, чтобы показать Манечке город Баку.

Придумав этот простой и, самое главное, дешевый способ, они сели в трамвай, посадили Манечку к окну и рассказывали ей о старинных зданиях, мимо которых они проезжали, показали Девичью башню, крепостные стены...

Сделали круг, вышли на бульваре. И Маня впервые увидела море! Какой же это был замечательный день!

Прошла еще неделя.

Манечка так хотела еще раз прогуляться по городу и бульвару! Попросить же стеснялась. Но Юзя, молодец, все понял. В воскресенье они сначала повели Манечку на базар. О, этот южный рынок, буйство его красок, пряные незнакомые пряные ароматы! Конечно, Маняшу потрясло обилие фруктов: виноград, инжир, гранаты, дыни. А количество всевозможной зелени!.. Ну, укроп и петрушку кладут понемногу в еду для аромата – это понятно. А вот это что за травы в толстых пучках, такие красивые и разноцветные? Интересно, чем они ценны? Может, вкус или запах у них необыкновенный? Наверно, их как-то используют в больших количествах – хозяйки вон сколько пучков берут каждой травы! (Фаина при этом приложила палец к губам: "Не называй зелень травою – бакинцы обидятся: траву козы кушают, а у нас зелень!" Вот ведь какие нюансы надо знать!) Покупают даже виноградные листья! Она помнила, как в голодные времена собирали крапиву, лебеду и другие сорняки и варили из них зеленые щи, но то было в голодные годы...

И тут на помощь пришла Фаина – рассказала ей, какие блюда готовят из этой зелени.

– Кутабы с зеленью, долма – это голубцы из виноградных листьев, танов, или довга, – это суп из кислого молока, риса и зелени, кю-кю или чю-чю, что одно и то же...

– Как, как? Кю-кю? – Маняша смеялась так заразительно, что Фаина тоже начала хохотать. Юзя, посмеиваясь, повел их в отдел солений, там можно было все пробовать.

И вот перед ними стоят в ряд русские женщины в белых платочках. Платья строгого покроя, черные плюшевые кацавейки и белые, накрахмаленные фартучки с вышивкой по краю. Звали они к своему товару негромко, обращались вежливо. Все это – и скромная, аккуратная одежда, и негромкий, доброжелательный тон выделяли их из шумной, горластой армии других продавцов.

– Это молокане, – объяснила Фаня, увидев, что эти особые продавщицы привлекли внимание Маняши .

– А что это – молокане?

– Да я точно сама не знаю... Они русские, но их называют молокане. Наверное, секта какая-то. Как вернемся в палату, спросим у Офелии Ашотовны – она все знает.

Женщины-молоканки так ласково предлагали: "Попробуйте, барышня, капусточки квашеной, яблочек моченых". Долго еще Манечка оглядывалась на них, пока Фаня вела ее в ряд орехов и специй.

******

Молокане – разновидность духовного христианства, а также особая этнографическая группа русских. Молокане веруют в Христа, но отвергают все внешние обряды и церковные таинства, не признают видимых икон, не признают святых, не имеют церковной иерархии, клира, не употребляют в пищу свинину, спиртное, не курят, не делают изображения креста и не поклоняются ему. В Российской империи были отнесены к «особенно вредным ересям», подвергались преследованиям.

Первое в Каспийской области поселение всех сосланных по суду раскольников – старообрядцев, духоборцев, молокан, скопцов, иудействующих, т.е. субботников, было создано в Карабахской провинции, в урочище Кызыл-Кишлак в 1830 году.

******

А потом наши молодые люди еще гуляли по бульвару, подошли к самой Девичьей башне, но углубиться в старый город, обнесенный крепостной стеной, не решились – там, среди этих узких улочек, легко и заблудиться...

******

Лабиринты улиц и лавчонок,
Рокот говора, молитва нараспев,
Черные глаза у собачонок,
Черные глаза старух и дев.

(Станислав Соколов)

******

По дороге Юзя с Фаней сводили Маню к знакомому шапочнику и, к ее огромному удовольствию, помогли купить хорошую меховую шапку для Анатолия – чудесный и, главное, очень нужный подарок.

Вечером Офелия Ашотовна долго рассказывала им о Баку. Даже Фаня многое услышала впервые. Они узнали от нее и легенду о Девичьей башне, и о молоканах, и даже рецепт кю-кю, название которого так развеселило Манечку.

******

[Кю-кю – азербайджанское национальное блюдо. Говоря попросту – омлет из зелени. Понадобится по 1 пучку разной зелени: кинзы, укропа, петрушки, щавеля, шпината, тархуна(эстрагона), зеленого лука, зелени молодого чеснока, 5-6 яиц, топленое масло.

Всю зелень промыть, подсушить, мелко нашинковать, посолить, поперчить и смешать со взбитыми яйцами. Вылить смесь в разогретую с топленым маслом глубокую чугунную сковороду (или металлическую кастрюлю с толстым дном). Огонь должен быть ниже среднего. Закрыть крышкой и поджарить. Затем разделить омлет на 4-6 частей и аккуратно перевернуть каждый кусок. Поджарить с обратной

стороны. Подают такой омлет со слегка подсоленным "мацони" (простоквашей), в который предварительно выдавливают чеснок. Особенно вкусно есть это блюдо с чёрным хлебом.]

******

В один из вечеров Маня обратила внимание на кулон на груди у Фаины.

– Я никогда ничего подобного не видела. Это что-то означает?

Кулон имел форму стилизованной ладони, причем, ладонь эта изображена таким образом, что нельзя было определить, правая это рука или левая – самым длинным был средний палец, по бокам – два пальца поменьше, и совершенно симметрично по отношению к ним расположены немного отогнутые пальцы еще поменьше, будто оба – большие пальцы. А посередине какой-то знак, напоминающий русскую букву "П".

– Этот кулон мне подарила Зильфа-ханум на счастье. Называется Хамса. У нас в Польше таких не было, а здесь горские евреи носят. Она сказала, что это "рука Мирьям" – по имени сестры Моисея и Аарона, и эта ладонь охраняет от дурного глаза, укрепляет организм, легче проходит беременность. Значок – это еврейская буква "хай" и одновременно счастливое число 18 – означает "жизнь".

– Это не "рука Мирьям", а "рука Фатимы", – тихо, но очень убеждено сказала обычно молчаливая Мехрибан и извлекла на свет висевший у нее на груди почти такой же кулон. На нём вместо буквы "П" был изображен глаз. – Фатима была дочерью пророка Мухаммеда. Она была святая – могла вызывать дождь. Однажды она готовила обед и мешала еду на огне. В это время вошел ее муж Али и привел в дом новую, молодую жену. Фатиме стало очень обидно, слезы застлали ей глаза, ложка упала в казан, а она, не замечая этого, продолжала мешать еду голой рукой и не чувствовала боли.

Душевная боль была сильнее. Поэтому эта ладошка – символ терпения.

– А что было потом, – не выдержала Маня.

– Некоторые утверждают, что Али, пораженный её переживаниями, отказался от второй жены и остался верен Фатиме до конца своих дней. Но я вообще-то сомневаюсь...

******

Хамса – оберег, защита от сглаза и порчи, сигнал, означающий "стоп, не подходи!". От ладони исходит сильный поток энергии. Ведь недаром экстрасенсы именно ладонью чувствуют ауру другого человека.

Археологические данные свидетельствуют о том, что хамса использовалась ещё до возникновения монотеистических религий. Универсальный знак защиты, образ открытой ладони был виден ещё в жестах Будды (Дхармачакра-мудра – жест защиты) и месопотамских артефактах. Это рука Венеры, Марии. На Кипре считали ее рукой Афродиты, финикийцы – рукой богини Танит, покровительницы Карфагена. И даже американские индейцы (что весьма удивительно) делали себе тату с изображением раскрытой ладони с глазом. "Знак открытых глаз" способствовал развитию интуиции, ясновидения.

(В Испании Епископальный комитет в 1526 году, издал указ, запрещающий Хамсу – Руку Фатимы, а также все амулеты в виде открытой руки.)

******

Женщины не стали спорить, хотя каждая осталась при своем мнении. Какая разница, чья это рука Мирьям, Фатимы, Венеры, Марии, Афродиты или еще кого, лишь бы помогла...

Прошла третья неделя лечения. Юзя с Фаней и в это воскресенье не оставили Манечку скучать в палате, взяли ее с собой на празднование в честь обрезания племянников.

Глава сорок первая

Дедушка Эльман провел, как положено, обрезание сразу обоим правнукам, а через неделю, по традиции, устроил пышное торжество во дворе Клары. В честь новообрезанных пацанов зарезали барана, разделали его на части и передали в руки хозяек. По двору носилась малышня. Никто не обращал на них внимания, никто не делал им замечаний, не призывал утихомириться. Вместе с ними гонялись Сулейманчик и Ибрагимка, вокруг бедер которых была намотана красная тряпица – признак присоединения к своему народу (к какому своему? к папиному народу? к маминому?).

Посреди двора установили большую военную палатку, в ней стояли два длинных стола со скамейками. Двери каждой квартиры распахнуты настежь, все соседи участвуют в подготовке к празднику. Около дверей

Клары и Зильфы стояли столы для стряпух и табуретки с керогазами и керосинками. Три знатные поварихи колдовали над блюдами, соседки активно помогали.

Наконец, горячие блюда были готовы. От их аромата кружились головы у людей даже в соседних дворах. Заиграла музыка, и начали собираться гости. И вот в этот шумный двор с орущими мальчишками, громкой музыкой, с приветственными возгласами гостей, командирскими окриками главной поварихи, вошли наши друзья. Маняша схватила Фаину за руку, как ребенок, который боится потеряться. Фаина познакомила ее с мамой, с Зильфой, с сестрами Эдитой и Басенькой, о которых столько ей рассказывала. Басенька ждала второго ребенка, поэтому, по причине некоторой слабости, сидела в сторонке.

Немного оглядевшись, Фаина предложила свою помощь главной поварихе, а так как Маняша была неотлучно при ней, то обеих поставили резать овощи.

В углу двора, около двери соседки Елизаветы Евсеевны, поставили маленький столик и несколько табуреток, на которых стояли тазы с огурцами, помидорами, зеленью и миска с сыром. Фаня с Маней резали, раскладывали по тарелочкам и передавали мальчикам и девочкам постарше, а те относили эти тарелочки в палатку. Иногда кто-нибудь из оголтело носящейся малышни подбегал к Фане:

– *Pendir var?* (Сыр есть?)

Получал кусочек сыра и уносился снова.

Елизавета Евсеевна сидела в дверях и вязала крючком из катушечных ниток ажурную салфетку. Манечка восхитилась узором и качеством вязания, завязался разговор. Фаня, видя, что Маняша немного освоилась, оставила ее беседовать с Елизаветой Евсеевной, а сама побежала к Басеньке.

Беседуя между делом с Елизаветой Евсеевной, Маняша продолжала красиво выкладывать веером ломтики огурцов, нарезанные полукругом помидоры и сверху водружать треугольники брынзы. "Официанты" одобрительно показывали большой палец.

– А что, они не говорят по-русски? – спросила она у Елизаветы Евсеевны.

– И понимают, и говорят. Просто предпочитают говорить по-азербайджански, а по-русски, даже если не совсем грамотно и с акцентом, то все равно во много раз лучше, чем я по-азербайджански, – улыбнулась Елизавета Евсеевна.

Среди оравы пацанов, которые поначалу казались Манечке все на одно лицо, она уже научилась выделять Сулеймана и Ибрагима не только по красным набедренным повязкам, но и потому, что их белая кожа и веснушки необычным образом сочетались с черными волосами и глазами. Кроме них, Маня обратила внимание на двух неразлучных братцев – в том, что они братья, не было сомнений, так они были похожи. Старшему лет 6, младшему – года 4. Старший командовал, но очень заботливо опекал братишку. Они пробегали мимо, поглядывая на незнакомую тётю.

– Пиндыр хочешь? – спросила она старшего.

– Да.

Маняша положила кусочек брынзы на ломтик огурца и протянула ему. Он взял, отдал братишке и протянул руку за второй порцией. Получил ее и собрался было бежать дальше, но его остановила Елизавета Евсеевна:

– Ниязи, а что надо сказать тёте?

– *Sağ ol* (спасибо), – сказал старший, а младший благодарственно кивнул головой.

– Молодец, хороший мальчик.

Прибежала девочка и сказала, что больше резать овощи не надо, пока достаточно, и Маняша села передохнуть. Из кривого огурца она стала вырезать звездочку и заметила, что младший из братьев стоит перед ней и внимательно наблюдает. Она улыбнулась, получила улыбку в ответ, и оба были довольны. А когда она разъединила две половинки огурца, то получились два цветка-звездочки, которые Манечка протянула малышу. Он громко засмеялся. Смех был немного прерывистый, какой-то чуть-чуть странный, неестественный. Может, кто другой и не заметил бы ничего, но Маняша, много лет работающая в детском саду, чутко улавливала особенности детей, по каждому поводу советовалась с их детсадовским педиатром. Она ничего не успела проанализировать, как появился старший брат Ниязи. Глаза его были круглыми от изумления, он смотрел на младшего брата так, будто увидел что-то поразительное, удивительное.

– *Ana, ana, mənə bura gəlib* (мама, иди сюда, ко мне), – его неожиданный истошный крик перекрыл гудящий улеем шум двора. У Маняши тревожно забилось сердце. Что она такого сделала? Что не так? Где Фаина-спасительница? Как назло, и Елизаветы Евсеевны не было рядом – она за минуту до этого вошла в свою квартиру за новой катушкой ниток и, значит, ничего не видела. Маняша поглубже между тарелками задвинула нож, которым резала огурец и который все еще был в руках, побледнела и с ужасом смотрела на бегущую к ним женщину – понятное дело, мать.

– *Nazim, əziz* (Назим, дорогой)...

Женщина стала на колени перед ребенком, обнимала его, осыпала поцелуями и одновременно что-то возбужденно говорила. Подошли еще какие-то женщины окружили ребенка, крайне оживленно, громко восклицали, цокая языками. Малыш показал огурец, показал на Маняшу и сказал, чуть заикаясь:

– *S-sağ ol*.

Все опять загалдели, но не сердито, а даже радостно, и это немного успокаивало. Наконец, пробираясь сквозь толпу, показалась Фаина:

– Что случилось?

– Слава Богу, ты рядом. Я не знаю, что случилось. Я только дала этому ребенку огурец.

– *Nə oldu?* (Что случилось?), – Фаина присела перед малышом на корточки и жестом попросила тишины у галдящих женщин. – Назимка, дорогой, скажи, тебе дали огурец?

– Д-да.

– А кто тебе дал огурец?

Назим показал пальцем на Маняшу.

– Нет, ты не показывай, ты скажи: "тетя дала огурец".

– Тет-тя дала.

– Ура!!!

Тут поднялся совсем невообразимый шум и гам и Назимку торжественно повели в палатку к взрослым.

– Бога ради, Фанечка, объясни, в чем дело?

– Этот Назимка был немой, не разговаривал. Умница, ласковый, добрый, все понимает, слух прекрасный – если, например, сидит в комнате, а ворота только скрипнут, уже бежит отца встречать, – а не говорит! Ходили к врачу, он сказал, что все в порядке, все органы носоглотки здоровые. Мать его по разным гадалкам водила – никто не мог помочь. Если гадалки одинаково советуют, надо слушаться, а если все разное говорят, ничего не надо делать. Одна сказала, что его следует сильно напугать, но мать не захотела. А другая сказала, что он обязательно заговорит, когда сам захочет. Странное объяснение, но вот все ждали.

В это время подошла мама Теймура – Нигяр и пригласила Фаню с Маняшей к столу. Маняша застеснялась было, но мама была непреклонна.

– Вы наш гость, вы подруга Фаиночки, тети наших мальчиков. Вы сделали такое доброе дело, – Нигяр жестом остановила пытавшуюся возразить Манечку. – Не знаю, как и почему это произошло, но под вашим влиянием Назим заговорил. Вы принесли радость в этот двор! Ну, и овощи так красиво украсили к столу! Вы нам и в этом очень помогли.

Женщины в палатке сидели отдельно от мужчин. Маняша вопросительно посмотрела на подругу.

– Ну и что в этом такого? – За 10 лет, проведенных в Баку, Фаня привыкла к такому разделению. – Ты пойми, женщины хотят поговорить о своем, о женском, посекретничать от мужчин, даже посплетничать между собой. Чувствуешь себя свободнее, вроде как без надзора. А мужикам интересно поговорить о работе, о футболе, да мало ли о чем...

Маняша задумалась. Сначала этот обычай показался ей странным, а теперь, после Фаниного объяснения, она сочла его достаточно логичным. Но, с другой стороны, у них в семейном общежитии, когда собираются отмечать разные праздники, все сидят вместе, тесно, всегда весело и разговоры общие. А посекретничать нам, бабам, можно и на кухне. Так чей же обычай лучше?

Манечку посадили между Фаиной и ее мамой Кларой, которые не давали ей скучать. За ней ухаживали, подносили разные вкусности, особенно старалась угодить мама Назимки. Больше всего Маняше понравился суп с большой тефтелей. Это она про себя так его назвала. Хорошо, что вслух не произнесла. Так и обидеть можно повариху. Это же не простой суп – это Кюфта-бозбаш!

[Для приготовления Кюфта-бозбаша нужно 4 (четыре!) кастрюли. В одной кастрюле варят бараньи косточки, снимая пенки, – бульон должен быть наипрозрачнейший. За 10-15 минут до готовности добавляют мелко нарезанное курдючное сало, соль, перец и настой шафрана. В другой кастрюле в слегка подсоленной воде варят до готовности замоченный с ночи горох нут, в третьей – тоже в подсоленной воде – очищенные большие картофелины, разрезанные пополам. Из рубленого бараньего мяса, в которое добавлены лук, мята, другая зелень и немного риса, мокрыми руками скатывают шарики размером с кулак и варят в подсоленной воде на маленьком-маленьком огне в четвертой кастрюле. Причем, в процессе скатывания в самую середину каждого шарика вкладывают сухую кислую алычу или аль-бухару (очень кислую сливу), которая при варке распаривается и придает особую, неповторимую кислинку.

Затем в глубокую пиалу из разных кастрюль осторожно кладут готовые ингредиенты кюфта-бозбаша – мясной шарик, полкартофелины, две столовые ложки гороха, заливают прозрачным бульоном, посыпают зеленью и сумахом и с поклоном подают гостю.

Не столь искушенная в восточной кулинарии хозяйка может спросить, почему все это нельзя сварить в одной кастрюле? Если вы сварите все вместе, бульон будет непрозрачным, и у вас получится простой суп с тефтелями.]

Маняша с учительницей Татьяной Матвеевной – женой дедушки Эльмана – обсуждали "чудо", происшедшее с Назимом.

– Когда он громко засмеялся, то услышал звук собственного голоса, который никогда раньше не слышал. Ведь мы слышим себя, свой голос изнутри – так говорила наш детсадовский врач, и я это хорошо запомнила. И звук своего голоса дал толчок то ли психике, то ли физиологии – неважно, который и разблокировал его немоту. А то, что он немного заикается, видимо, со временем пройдет. Сейчас он, когда произносит слова, как бы пробует их вибрацию. Ему надо петь, тогда заикание пройдет быстрее. Так наш детсадовский врач объясняла родителям, если их дети заикались.

– Какая вы умница, Манечка, – похвалила мама Теймура, – я бы с удовольствием взяла вас учительницей начальных классов. Если надумаете, переезжайте с мужем к нам в Баку, мы будем рады.

Пришла пора прощаться. Все хотели сказать Мане на дорогу доброе слово. Даже с мужской половины подошли дедушка Эльман, Теймур и отец Назима. Ребятишки скромно стояли поодаль, смотрели, как взрослые прощаются с русской ханум, которая сделала чудо.

Мама Назима со слезами на глазах благодарила Маняшу, которая безуспешно пыталась объяснить, что она ничего особенного не сделала. Только посоветовала напоследок:

– Малышу надо петь, петь что угодно, например, "В лесу родилась елочка". Это разовьет его речь, и он начнет лучше говорить.

Татьяна Матвеевна, воистину настоящая учительница, решила сразу же закрепить теорию практикой. Она спросила детей, кто какие песенки знает? Сулейман выступил вперед:

– Я, я знаю новую песню! Мы в школе учили, очень хорошая песня.

Он был немного раздосадован, что героями торжества были не только они с братом, но и маленький Назимка тоже чуточку стал героем. Теперь Сулейман брал реванш.

Татьяна Матвеевна знала, какую песенку разучивал Сулейманчик неделю назад, и хорошо поставленным, учительским голосом объявила:

– Встаньте, детки, в ряд. Сейчас мы споем песню для наших гостей. Минутку внимания, – сказала она громко, чтобы слышали все, – сейчас наши виновники торжества Сулейман и Ибрагим споют для вас песню "Джиб джиб джуджялярим", слова Т. Муталлибова, музыка Г. Гусейнли. Дети, все, пожалуйста, подпевайте.

Cip -cip cücələrim	*Цып-цып, мои цыплятки,*
Cip-cip, cip-cip cücələrim	*Цып-цып-цып, мои касатки,*
Mənim qəşəng cücələrim	*Вы – пушистые комочки,*
Tükü ipək cücələrim	*Мои будущие квочки.*

(Хотите послушать эту детскую песенку? Посмотрите 6-ой выпуск мультфильма "Ну, погоди!")

Сама же Татьяна Матвеевна поставила Назимку на стул позади всех детей и шепотом пела вместе с ним “джиб джиб джуджялярим”. Рядом стоял верный Ниязи. Он все понял и будет каждый день петь с братом.

Наконец, затянувшееся прощание подошло к концу. Вдруг Фаина вернулась во двор:

– Они в суматохе забудут налить Елизавете Евсеевне пиалу с кюфтой, я должна напомнить, или лучше я сама прослежу.

******

Елизавета Евсеевна была родом из Самары. В Баку они с мужем-инженером жили в большом старинном доме в центре города, квартира была коммунальная, они имели в ней одну комнату. Детей у них не было. Соседу, видимо, приглянулась комната Елизаветы, и он написал донос. (Как легко, оказывается, в то время решалась жилищная проблема!) В их комнате была давно заколоченная дверь на, так называемую, "черную лестницу". Муж, предвидя тяжелые времена, разблокировал ее, смазал петли и приготовил чемодан с ценными вещами. Когда за ним пришли ночью, он выпустил Лизоньку с чемоданом на "черную лестницу", закрыл за ней дверь, и только потом впустил ночных непрошеных "гостей". Когда его спросили "Где жена?", он спокойно сказал, что она уехала в Самару.

Елизавета просидела на чемодане до утра, а потом пошла к подруге. К кому же еще? Единственная верная подруга детства жила в каморке во дворе Зильфы-ханум. Обе все годы мечтали вернуться в Самару. Вспоминали родные улицы, гимназию, друзей и знакомых. Ностальгия... И вот теперь подруга твердо решила вернуться в родной город.

– К кому ты поедешь? Там не осталось никого из знакомых, – увещевала ее Лиза. Но той, как говорится, вожжа куда-то попала.

– Все равно поеду, как-нибудь устроюсь, а потом и тебя вызову.

И уехала. А Елизавета Евсеевна осталась жить в ее комнатушке. В ЖЭКе даже не заметили этой подмены, не поняли, что одна пожилая русская дама сменила другую, точно такую же. Кто их разберет?

Муж героем не был, сразу, не дожидаясь пыток, согласился на роль японского шпиона, но, считая, что каждое зло должно быть наказано, доложил, что его завербовал сосед. Елизавета Евсеевна о Самаре уже не мечтала, ждала мужа. Она не знала, что и мужа, и соседа обоих расстреляли... Вязала на продажу салфетки, модные в те годы вышивки, шила детские чепчики и распашонки.. Соседи помогали эти изделия продавать, менять на продукты. Во дворе ее очень жалели: одинокая женщина, без детей, совсем-совсем одна на белом свете... Любили за доброту. Но и посмеивались над ней, за глаза звали "княгиней". Разговаривала она так:

– Милая моя, я Вам бесконечно благодарна за то, что Вы вчера продали мое художественное изделие. Не будете ли Вы так любезны, когда пойдете на базар, купить мне две картофелины, одну луковицу и один помидор, если это, конечно, Вас не затруднит. Буду Вам необычайно признательна.

Была она маленькая, худенькая и ела, как птичка. Поэтому и от голода во время войны страдала меньше других. Ну, а теперь жить стало полегче. Если во дворе какое-нибудь празднество, то ее не забывают, занесут пиалу супа, она перельет в свою кастрюльку – вот и обед на три дня. А сегодня такая суматоха, что про нее могут просто забыть, поэтому Фаина вернулась.

– Какая же Фаина внимательная, обо всех позаботится! – в очередной раз восхитилась подругой Маняша.

– Да, она у меня такая, – согласился Юзя, и столько любви было в его голосе!

“Совсем плохо было бы на свете без добрых людей”, – подумала Манечка.

Юзя проводил их в Институт, и началась последняя неделя лечения, пролетевшая неожиданно быстро.

На прощание подруги обменялись подарками. Маняша подарила подружкам те новые запасные косыночки, которые лежали в чемоданчике на всякий случай. От Фаины подруги получили сшитые Кларой ситцевые фартуки, такие симпатичные, с карманчиками и оборочками, даже на кухне жалко носить, только перед гостями и красоваться. А Мехрибан подарила на память Маняше и Фаине "чорабки" и с гордостью объявила, что это связали ее дочки. ("Чорабки" – высокие полосатые носки для дома – вяжут из остатков разноцветных ковровых ниток очень плотной вязкой. Они настолько толстые, что заменяют домашние тапочки. Замечательный подарок – ноги будут в тепле.)

В пятницу вечером Юзя забрал Фаню домой. Ведь в субботу, 24 сентября наступал еврейский Новый 5710 год. Семьи Клары и Зильфы-ханум встречали его вместе. По обычаю просили прощения друг у друга и у Всевышнего, просили хорошей записи в Книге Жизни.

Фаня с Юзей обещали Маняше проводить ее в воскресенье. В субботу Маняша и Мехрибан принимали последние процедуры. После обеда приехал муж за Мехрибан. Офелия Ашотовна пригласила его к себе в кабинет.

– Ты счастливый человек, у тебя такие красивые дочки! Я видела девочек, когда в прошлое воскресенье ты привозил их. Такие культурные, красивые, воспитанные, в Мехрибан пошли.

– Да, в школе хорошо учатся, дома все помогают, очень скромные, а средняя, такая боевая, смелая, защищает сестер и даже Мехрибан.

– От кого защищает? – хитро прищурилась Офелия Ашотовна.

– Да так, – смутившись, сказал муж Мехрибан и опустил глаза.

– Ну, ладно, а ты их любишь?

– Конечно, такие девочки! Сердце отдам, – не понял, в какую ловушку его заманила доктор.

– Вот они вырастут, замуж выйдут. Скажи, ты что сделаешь, если им в доме мужа плохо будет, обижать там будут?

– Убью! – праведным гневом зажглись глаза мужа и сжались кулаки.

– На, возьми нож, убей себя, – Офелия Ашотовна взяла лежавший на столе декоративный кинжальчик для разрезания конвертов, – зарежь себя, ну!

– ???

– Не понял? Твоя жена красивая, скромная, услужливая, твоих родных уважает, а они ее? Ты не знаешь, что дома происходит или только делаешь вид? Ты ее не защищаешь, она переживает, страдает. Кого надо убить? А теперь ты мне скажи, как может родиться мальчик, если женщина плачет?

Муж потрясенно молчал.

– Если у женщины на сердце радость, – рождаются мальчики, если горе или печаль, – жди девочек, – напирала Офелия Ашотовна. – Ты понял? Теперь все от тебя зависит. Ты защитник – позаботься о жене, и тогда родится у тебя сын. (Ну и хитрое условие …) Вот, получи выписку из истории болезни Мехрибан, отдашь ее лечащему врачу, который дал направление. Можешь идти.

Потом Мехрибан вошла в кабинет Офелии Ашотовны с небольшим пакетом-благодарностью (такова традиция). Там она узнала, о чем доктор говорила с ее мужем. Ушла Мехрибан необычайно довольная, с надеждой на лучшее!

Вечером, накануне отъезда домой Маняша собирала свой маленький чемоданчик. Какие чудесные и совсем недорогие подарки везет она своим сотрудницам-подружкам! Это Фаина надоумила ее купить кружевные салфетки у Елизаветы Евсеевны. И шапка для Анатолия – просто прелесть! Она легла поздно, но не спалось – вспоминала все моменты недолгого, но такого насыщенного месяца, таких удивительных жителей южного города, замечательных новых друзей.

В воскресенье Юзя с Фаиной, как обещали, пришли за Манечкой, принесли ей в дорогу помидоры и лаваш с пиндыром. А мама Назимки передала несколько больших гранатов. Привезли ее на вокзал на том же трамвае, на котором она ехала 4 недели назад. Прощание было трогательным.

Маня так породнилась душой с Фаней – навсегда! на всю жизнь! Глубоко в сердце поселилось обоюдное доверие, взаимопонимание, ощущение надежности. Желание и возможность открыть свою душу без страха – это и есть настоящая дружба.

Женщины договорились писать друг другу. А если вдруг случится долгожданная радостная весть, то впрямую о ней не писать (не сглазить бы!), а только в конце письма поставить маленький крестик.

Обратная дорога была знакома и, казалось, пролетела быстрее. Манечка сидела у окошка, подперев щеку кулачком, на лице ее то и дело появлялась улыбка при воспоминаниях о том или ином эпизоде. С какими чудесными людьми свела ее судьба! Мама Теймура очень милая, приглашала учительницей работать. Конечно, она бы с огромным удовольствием работала в школе, но переехать в Баку?.. Нет, она никогда не войдет в эту жизнь. Уж очень все чужое, не русское...

******

Эти сказки высечены в камне,
Как глаза-миндалины, вразлет,
Как молитвы перелив гортанный,
Как души восточной пряный мед.

Мы – чужие, как язык – и вера,
Красный флаг – Коран и Магомет.
В Рай чужой, сквозь радужные двери
Не войдет гяур, хоть и поэт.

(Станислав Соколов)

******

Не родное... Душе не близкое... А вот Фаина и вся их семья привыкли, прижились в новых условиях... С другой стороны, они спасали свои жизни, тут куда хочешь убежишь… А теперь где им искать другое место, которое стало бы им родным?.. Вот у детей Эдиты и Баси, которые родились уже в Баку, Родина уже есть.

Родина... Родной язык... Суровая моя Родина, но все равно – моя!...

Глава сорок вторая

Радостная встреча с мужем. Рассказы, рассказы до бесконечности. Завязалась активная переписка.

Через два месяца Манечка получила письмо с маленьким крестиком в конце, и сама, радостная, отправила такой же знак-пароль. Лечение помогло! И в самой середине XX-го века – в 1950 году, в середине года – 1 июля под одними и теми же звездами родились две девочки Поленька в Челябинске и Гела в Баку.

******

Для людей, рожденных под знаком Рака, характерно стремление к внутреннему совершенству, к самоанализу. Они легко ранимы. Раки – это очень женственный знак, восприимчивый, самый семейный знак, они привязаны к дому, к близким, к прошлому, базируются на традициях, уважают историю своей семьи, культуры, этноса, народа, хотя не чужды новизне и любят путешествия. В подробностях помнят свое прошлое, детство. У них прекрасная интуиция. На них бесполезно оказывать давление, потому что они этого не терпят, тут же уходят в глубину.

******

Две девочки, родившиеся под покровительством одних и тех же звезд, получили похожие черты характера. Да ведь не в них одних дело-то. Судьбы не могут быть одинаковые, ведь судьбу формируют не только наследственность и звезды. А обстановка в родном доме, в школе, в стране, государственная пропаганда, условия жизни, обеспеченность семьи, убеждения, характер, выбор профессии, любимого человека и еще многое другое?.. Вот и получается – нескольких человек Всевышний одарил в начале их жизни одинаковыми задатками. А приходят они к финалу с разной судьбой.

******

Судьба растёт, как дикий виноград,
Как дерево – без чертежа и плана. ***(Евгений Блажеевский)***

******

Письма летели из Челябинска в Баку и обратно.

Фаина поддерживала отношения с Офелией Ашотовной. От нее она узнала, что Мехрибан родила мальчика, и написала об этом Маняше. Радость-то какая! Подруги порадовались за Мехрибан, теперь-то ей живется несравненно легче.

Мамы двух малышек пишут друг другу подробнейшие письма, делятся проблемами и советами, радостно сообщают о каждом "агу", потом о каждом слове, о том, как они ползают, ходят, разговаривают, как привыкают к детскому садику, как ведут себя в коллективе. Уже становятся видны их характеры. И надо же, звезды не врут, то есть, простите, не ошибаются: "На них бесполезно оказывать давление – они этого не терпят!"

Маняша пишет, что Поленька разрешает все споры в детском саду, такая маленькая, а уже видно, что растет смелая и справедливая (ох, как бы это ей в жизни не навредило!?)

Все правильно, люди, рожденные под покровительством славянского Бога Велеса, очень трепетно относятся к дому, любят детей. Велес следит за исполнением законов и договоров, **он отец и рассудитель истины**. Их призвание – поддерживать в мире все проверенное временем, следить за тем, чтобы не прервалась традиция.

Гелочка тоже растет смелой и справедливой. Что же говорит о характере Гелы ее еврейский гороскоп? Коротко и ясно: рожденные в месяце Тамуз мыслят, говорят и действуют Богобоязненно, избегая слов и поступков, противных велениям совести.

Из Челябинска в Баку летели не только письма, но и сухие грибы, по которым там скучала подруга, кедровые орешки и детские вещи – Маняша вязала с любовью и фантазией. В ответ мчались посылки с гранатами и другими дарами юга. И неизменные приветы от всех соседей по двору, помнивших тот знаменательный день. Кроме того, с помощью мамы Фаина комбинировала из всяческих лоскутков детские юбочки, шапочки, бантики и щедро делилась ими с подругой.

В письмах мамы подробно рассказывали об успехах дочерей. С 2-х лет девочки уже учили детские стишки, с 4-х – буквы. С 5 лет Гелу начали учить читать и писать. Полина не отставала. Пошли в школу с 6 лет. Обе смелые, активные. Так бежали год за годом... *[Подробнее о Геле можно прочитать в третьей книге.]*

Глава сорок третья

******

В школе учили биологию по Лысенко. В газетах читали о процессах над "врагами народа". Но газеты писали не обо всех, многие гибли безвестно. Сейчас, когда реабилитировали лидеров всех этих выдуманных блоков, так хочется, чтобы хоть кто-то сказал: "Да, вы, лидеры, не были иностранными шпионами, вы не рыли тоннель от Бомбея до Лондона (фильм "Покаяние“ Тенгиза Абуладзе), да, вы не были виновны в расстрелах, да, ваше оправдание – залог глубины погребения репрессий. Но почему же вы не увидели рядом с собой величайшего злодея, далеко позади оставившего все, что знал мир? Да, вы не виновны во всей зловещей галиматье, для которой так подошла фигура Вышинского. Но как же вы отдали наших отцов и матерей на смерть от пуль, голода и лагерей? Зачем погиб мой дед В.М. Бехтерев? Почему расстреляли в 49 лет моего талантливого и доброго отца? Как вы могли позволить себе не видеть, кто рядом с вами, и особенно тогда, когда пули начали буквально косить всю самую яркую часть интеллигенции, когда голод по приказу задушил бессчетное количество влюбленных в землю крестьян?..." ***(Н. П. Бехтерева)***

******

О событиях недоброй памяти 1953 года и позоре судебной системы страны, о, так называемом, "деле врачей", написано так много, что нечего добавить. Но поскольку некоторые из наших героев – врачи, то это "дело века" коснулось и их.

В городе было три больницы и шесть поликлиник. В больнице у главврача Федора Николаевича работали две полукровки и доктор Гуревич, который прошел всю войну, имел фронтовые награды. Перед ответственным партсобранием Федор Николаевич вызвал парторга, и они еще раз проверили списки выступающих и примерный текст каждого. Смысл всех выступлений, по подсказке Феди, был таков: «В нашей лучшей и старейшей больнице области мы все годы были настолько бдительны, проверяли каждого работника, что никакой враг не мог проникнуть ни в малейшую щель».

Собрание прошло, как по маслу. Всех врагов Родины и мирового интернационализма дружно заклеймили позором (правда, случился небольшой конфуз – старая Пелагея, читая по бумажке, от волнения перепутала «интернационализм» с «империализмом», но никто даже не улыбнулся), потом осудили убийц в белых халатах, призвали к еще большей бдительности и преданности... и так далее.

Бледный доктор Гуревич заверил коллектив в своей преданности стране, народу, партии и лично…
Сказал, прижимая руки к груди, что оправдает доверие и никогда, никогда не подведет, не предаст, не изменит… Будет и впредь лечить больных со всей ответственностью, а если возникнет хоть какое-то сомнение в плане назначения лекарств или процедур, то посоветуется с более опытными врачами (хотя все знали, что он и Федор Николаевич – два самых знающих и опытных специалиста в городе).

Федор Николаевич в своем выступлении тоже заклеймил позором кого надо и, в свою очередь, тоже настойчиво напомнил об интернационализме: «Нельзя по нескольким подлецам судить обо всем народе. Вот встретится нам на нашем жизненном пути скрытый враг, например... туркмен, так разве мы можем сказать, что все туркмены мерзавцы?» (Он очень хотел сказать вместо «туркмен» – «грузин»...) Еще раз веско сказал о бдительности, но и о том, что нельзя забывать о нашей главной задаче – успешно лечить советских людей.

В других учреждениях с врачами-евреями расправились более сурово.

******

Надо сказать, что были в стране честные и порядочные люди, наверное, не всех пересажали, а может, вдруг надоело бояться...

С февраля 1953, с началом зимнего семестра в институтах Ленинграда, в рамках курсов истории партии, пошли лекции о «народе-вредителе», «народе-изменнике», «народе-убийце», т.е. обо мне и таких, как я. Лекции были у всех знакомых и грозно приближались к ЛКИ (Ленинградский Корабелостроительный Институт). Мы с Женей Гарбером решили, хоть и понимали возможные последствия, встать в такой момент и уйти с лекции. Однако доцент Семёнов, насколько мне известно, чуть ли не единственный в городе, после осуждения врачей-вредителей дал достойную высокую оценку достижений евреев как народа во всех областях жизни страны. Отметил он и то, что осуждение народа, даже за преступления отдельных его представителей, противоречит идеологии коммунистической партии – марксизму-ленинизму.

Мы сидели бледные, противный пот заливал глаза, но выходить и протестовать от нас не требовалось. За нас это сделал доцент Семёнов. ***(Мирон Я. Амусья)***

******

Через несколько дней доктор Гуревич, видимо, от пережитого стресса и унижения, переселился в иной мир, где, по рассказам «знающих людей», не было ни горя, ни ненависти, а только благодать и умиротворение. Его вдова, сильная и гордая женщина, решила назло властям похоронить его по еврейскому обряду. Она не знала всех традиций, поэтому исполнила его по своему разумению. Тело доктора Гуревича лежало на полу без гроба, полностью завернутое в белую простыню. Над ним, раскачиваясь, читал *кадиш* (поминальную молитву) старый еврей. В этой же комнате на низеньком столике лежали подушечки с орденами и медалями, заслуженно полученными на фронте. У изголовья горела свеча и висела большая фотография в рамке (успел-таки фотограф за ночь за хорошее вознаграждение увеличить маленькое любительское армейское фото), на которой доктор Гуревич стоял рядом с маршалом Тимошенко. Радостью и гордостью светилось лицо доктора – видно, фотография была сделана в конце войны. Этот портрет и горящая свеча похожи были на икону и лампаду…

Народу, конечно, было мало, считаные единицы. Около дома крутился какой-то серый человек невыразительной наружности. Вдова смело (она уже ничего не боялась) подошла к нему:

– Молодой человек, я мадам Гуревич. Думаю, вы были знакомы с доктором, может, он вас лечил, заходите, пожалуйста.

– Нет, нет, я тут просто мимо проходил.

– Нет, заходите, – настаивала женщина, – сейчас будет скрипач играть.

– Какой скрипач? Как зовут? Когда он пришел? – выдал себя серый человек.

Вдова тянула его за рукав. Человек вошел и стал оглядывать присутствующих цепким, колючим взглядом. Вдова поставила пластинку на радиолу. Понеслись чистые и жалобные звуки рыдающей скрипки. Серый человек понял, что его надули, вскочил.

– Да что уж там, что вам на холоде мерзнуть, сидите здесь и всех увидите, кто еще придет, – с таким яростным, нескрываемым презрением и ехидством сказала мадам Гуревич, что мужчина немедленно выскочил из дома и скрылся за углом.

Федор Николаевич пришел выразить вдове соболезнование, не побоялся.

– Простите нас всех, простите, что не уберегли...

– Спасибо вам за все... Муж рассказывал мне, какой вы порядочный человек. Мало таких сейчас...

– Извините, а почему лицо закрыто? Я хотел бы проститься...

– Унас так положено – мы не смотрим на мертвых, но если вы хотите, можете откинуть простыню.

– Что ж, это разумно, будем помнить его таким, как на этом портрете. Берегите эту фотографию. Я думаю, когда-нибудь смогу повесить ее на Доске Почета в больнице или даже в городском музее. Когда-нибудь…

Домой он шел в крайне подавленном состоянии. Что творится в мире, в стране, в городе, в его больнице... Что он мог бы сказать Николаю Петровичу, как отчитаться за нынешнее состояние его детища?... Что он, лично он, Федя, может сделать?

******

Мы все – лауреаты премий,
Врученных в честь него,
Спокойно шедшие сквозь время,
Которое мертво.
Мы все его однополчане,
Молчавшие, когда
Росла из нашего молчанья
Народная беда.
Таившиеся друг от друг,
Не спавшие ночей,
Когда из нашего же круга
Он делал палачей...
…Пускай нас переметит правнук
Презреньем навсегда,
Всех одинаково как равных –
Мы не таим стыда.
Да, очевидность этих истин
Воистину проста!
Но нам не мертвый ненавистен,
А наша слепота.

(П. Г. Антокольский 1956 г. Впервые опубликовано в 1997г)

******

На кладбище вдова, стоя на коленях у засыпанной уже могилы мужа и подняв руки кверху, так яростно проклинала...**КОГО-ТО**, что небо смутилось и быстро покрылось тучами.

Во всех церквах, синагогах, мечетях была обязательна молитва за здоровье тирана. А в душах множества людей горело неистовое желание его смерти. Классическая молитва – это канал связи с высшими сферами, слова которой – просто «код доступа». Как мы набираем номер телефона и потом говорим с абонентом. Так и каноническая молитва достигает ушей Всевышнего. А что, у него есть уши? (Ой, Боже! Прости меня, я совсем уж, кажется, договорилась до какой-то крамолы!)

А если человек не знает точно слова канонической молитвы и молится своими словами? Вот интересный вопрос: что эффективнее, что сильнее – мысль, искренне и эмоционально выраженная своими словами, или каноническая молитва, формально, заученной скороговоркой возносимая к небесам? Может, есть какая-то закономерность или формула этой пропорции? Например, 10 просьб, сказанных своими словами, но от души, равны одной классической молитве…

******

Соседка Миши и Леночки по коммуналке Броня работала участковым педиатром в одной из поликлиник города. В конце января она пришла домой белее снега. Ее вызвал главврач и сказал: "Пиши скорее заявление по собственному желанию, пересидишь дома, а там видно будет – через несколько дней партийное собрание, наш парторг уже от нетерпения копытами бьет. Ты этого не выдержишь, впрочем, я тоже."

Главврач любил Броню, но никогда ни словом, ни жестом не проявил своих чувств. Ох, если бы он был моложе лет на 20, тогда его не остановили бы ни жена, ни дети, ни даже партбилет в кармане... Она понимала своим женским чутьем, что нравится доктору, но не могла знать глубину его чувства.

Броня не помнила как дошла домой. Что делать, как она будет жить, что будет с дочкой?..

******

Вам не кажется, что 20 лет назад где-то что-то похожее уже было? *В 1933 году на территории рейха находилось примерно 9000 врачей-евреев. Еще до наступления 1938 года многие еврейские врачи покинули Германию или покончили жизнь самоубийством. Осталось 3152... Их лицензии аннулировали... Только 709 врачей-евреев получили разрешение лечить свои собственные семьи и других евреев…*

******

Броня сидела на кровати и с ужасом думала о своем будущем – ходили смутные слухи о выселении всех евреев в Сибирь. (Опыт выселений и переселений у властей был накоплен богатый...) Потом вскочила и помчалась в школу за Розочкой. Она попросила классную отпустить Розочку, так как они уезжают.

– Ну куда, куда **ВЫ** можете уехать? – скривив губы, язвительно сказала учительница.

Только два месяца назад Броня приходила к ней домой по вызову лечить ее дочку. Тогда учительница была так любезна, предложила чаю (хорошо, что отказалась), похвалила Розочку...

Как быстро меняется отношение человека по указке высшей власти!

– В Ташкент, – ответила Броня первое, что пришло в голову, – там у меня родня. Давно зовут. Прощайте... Да, вот еще что хотела вам сказать. Найдите хорошего врача, русского врача, и покажите вашу девочку. Мне кажется, у нее начинается сколиоз. Дай Бог, чтобы я ошиблась, но если небольшое искривление уже есть, надо захватить его как можно раньше – возможно, понадобятся специальные упражнения и корсет.

– Спасибо за совет, – выдавила из себя растерявшаяся и встревоженная мать.

– Мам, а мы что, едем в Ташкент? – спросила Розочка по дороге.

– Еще не знаю.

Девочка хотела спросить, почему мама не на работе, почему забрала ее из школы, почему сказала, что едем, если это еще не определено?... Еще многие вопросы были готовы сорваться с языка сообразительной Розочки, но, заразившись маминой тревогой, она молча ускорила шаг.

Дома Броня бросилась на кровать в слезах. В висках стучал один только вопрос: "За что?" Бедная Розочка не знала, что делать. Она гладила маму по спине, пытаясь успокоить, но та только еще больше сотрясалась в рыданиях. «За что? За что?»

Миша и Лена утешали Броню, как могли, но все понимали, что это просто слова, которые ничего не изменят и ничем не помогут

******

Да разве могут дети юга,
Где розы плещут в декабре,
Где не разыщешь слова «вьюга»
Ни в памяти, ни в словаре,
…Да разве им хоть так, хоть вкратце,
Хоть на минуту, хоть во сне,
Хоть ненароком догадаться,
Что значит думать о весне,
Что значит в мартовские стужи,
Когда отчаянье берет,
Все ждать и ждать, как неуклюже
Зашевелится грузный лед.
А мы такие зимы знали,
Вжились в такие холода,
Что даже не было печали,
Но только гордость и беда.
И в крепкой, ледяной обиде,
Сухой пургой ослеплены,
Мы видели, уже не видя,
Глаза зеленые весны.

(Илья Эренбург)

******

Каждый вечер, уложив детей спать, Броня с Мишей и Леночкой опять и опять говорили на кухне. Баба Даша в этих разговорах не участвовала. Ходила суровая, все крестилась и бормотала что-то себе под нос. Однажды, улучив момент, когда Миша был на кухне один, она решилась на серьезный разговор.

– Михайло Савельич, хочу тебя спросить, ты что о Броне-то нашей думаешь? Сидите вечерами вместе, чаи распиваете, а вдруг она тоже отравительница, неспроста, наверно, ее с работы поперли.

– Как вы можете так говорить, Дарья Семеновна! Как вам не совестно! Вы Броню больше нас знаете, столько лет вместе живете! Сколько раз ночью вы звали ее на помощь, сколько раз она вам то массаж, то банки поставит, то компресс, то накапает валерьянку! Что же вы не боялись, что она вместо валерьянки вам змеиного яду нальет? Три с половиной года на фронте раненых лечила, награды имеет, а их на фронте просто так не давали. Как Савушка мой заболеет, кто первый на помощь приходит?

– Так ведь все бабы вокруг говорят, и в газетах пишут, – растерянно пыталась оправдаться старушка.

– А вы, уважаемая Дарья Семеновна, своей головой думайте. Если кто-то там в Москве оказался плохим врачом, так теперь всех евреев поголовно дегтем мазать?

– Так я что, я ничего, я Бронечку очень даже уважаю. Я же просто спросила вас, как вы человек грамотный, знающий, чтобы все мне, глупой, разъяснили, – смущенно лепетала баба Дарья.

Пошла в свою комнату и легла, отвернувшись к стенке. В голове – полный сумбур, в душе – смущение, а в добром сердце – раскаянье. И от этого оно, сердце, так страдало, что тяжело колотилось толчками, сбивчиво и неритмично.

Вечером на кухню к ним пришла Розочка, которая давно уже должна была спать.

– У нас слышно, как там, за стенкой, баба Даша стонет.

Соседи бросились в комнату Дарьи Семеновны. Старушка тихо стонала, держась за сердце.

– Дарья Семеновна, миленькая, что же вы меня не позвали? Погодите секундочку, я вам капельки накапаю. – Броня начала капать, и вдруг страшная мысль пронзила ее – может, Дарья ей не доверяет?

Дрожащими руками она сунула пузырек Лене и выбежала из комнаты. Миша, стоявший в дверях и наблюдавший все происходившее, встретился с бабой Дашей глазами.

– Леночка, дай мне пузырек и выйди, я сам дам лекарство.

Лена удивленно подняла брови, но спорить не стала.

– Дарья Семеновна, ты меня прости, пожалуйста, я сегодня утром так сурово с тобой разговаривал. Понимаешь, много несправедливости вокруг, иногда, бывает, и неправый суд творится. На работе тоже из-за этого много проблем, вот я и разнервничался. Прости, а? Лекарство это, хочешь, я сам первый выпью, а потом тебе еще накапаю.

– Нет, что ты, голубчик, это я, старая дура, воду намутила. Дай стаканчик. Ты прав, и прости меня, если я какую глупость сказала. Хочу перед смертью у всех прощенья попросить. Бронечку позови, я перед ней повинюсь.

– Да что ты, баба Дарья, вдруг о смерти заговорила, ты еще должна нашего Савушку в школу провожать и мне новый шарф обещала связать.

Дарья слабо улыбнулась и выпила лекарство.

– Да нет, пора мне. Мужа своего во сне видела, звал он меня. Значит, пора.

Миша позвал Броню и пошел к себе. Они с Дарьей говорили тихо. Броня вышла заплаканная.

А потом Лена поставила кресло около кровати старушки и сказала, что посидит у нее ночью. После лекарства Дарья Семеновна стала дышать ровно и, видимо, заснула. Лена взяла ее за руку, чтобы почувствовать, если баба Даша проснется, но и сама задремала. Очнулась оттого, что рука была холодная...

Вот так "дело врачей" п***о***ходя, мимоходом унесло еще одну жизнь – необразованной, замороченной лживой пропагандой, старушки Дарьи Семеновны. Пусть земля ей будет пухом…

Глава сорок четвертая

Уложив Розочку спать и дождавшись, чтобы девочка закрыла глазки, Броня обычно выходила на кухню. Тогда Розочка спрыгивала с кровати и бежала к двери подслушивать – она хотела знать, что происходит.

– Может, на самом деле поехать в Ташкент? – говорила, тяжко вздыхая, Броня. – Ведь там тоже люди живут, авось, кто-нибудь нам с Розочкой поможет устроиться. Я же никакой работы не боюсь. Руки-ноги есть – как-нибудь прокормимся.

– Никогда, ни за что не отпустим тебя с Розочкой. Если такая смелая, езжай сначала одна, устроишься, тогда ребенка заберешь. Пока она у нас поживет. Ты же знаешь, как Савушка ее любит. И она его тоже.

– Заберут ее у вас, в детский дом отправят.

– А мы ее удочерим, скажем, девочку на улице нашли. Это только пока, на время, потом ты ее заберешь.

Если, бывало, Савелий раскапризничается, тут уж всегда призывалась на помощь Розочка, которую он слушался беспрекословно. Взрослые с умилением смотрели, как в ней, такой маленькой девочке, просыпается материнский инстинкт, как она мягко и заботливо говорит с ребенком, и в то же время, подражая взрослым, старается быть строгой. И на этот раз Розочка взяла его за ручку, повела в туалет, переодела и уложила в кроватку. Потом она вышла на кухню и объявила:

– Савелий заболел.

– Почему ты так решила?

– Он опять простудился, у него горло красное. Что, я не понимаю, что ли? Я тоже доктором буду.

Лена побежала к сынишке. За ней Миша. Броня напряглась, встала:

– Пойду Розочку спать уложу.

Через несколько минут Лена позвала подругу:

– Броня, голубушка, зайди к нам, надо посоветоваться.

– Нет, я не могу... мне нельзя... ты сама медик... я тебе не нужна... ты сама все знаешь...

Розочка не могла понять, почему мама отказывается лечить Савушку?

– Броня, ты знаешь, как мы к тебе относимся. Ты же детский врач, ты всегда лечила Савушку. Мы ТЕБЕ доверяем, и только ТЕБЕ, – Леночка сказала это так убежденно, что Броня уже не могла отказаться.

Высокая температура, яркокрасное, воспаленное горло. Броня обратила внимание Лены на покрасневшую сухую кожу и малиновый язык с увеличенными сосочками. Сомнений не было – это было начало скарлатины. Через несколько часов, в соответствии с этим горьким диагнозом, на коже выступила сыпь, на нёбных миндалинах образовались гнойные налеты, а на фоне красных щёк выделялся бледный носогубный треугольник.

– Обильное питье – оно ускоряет выведение из организма токсинов и не будет обезвоживания, особенно, если вдруг пропоносит, – объяснила Броня. – Есть ему надо овощные и фруктовые пюре. Кожу Савушке не мочите, будет шелушиться – не страшно. Самое плохое – это осложнения, которые скарлатина, бывает, дает на нервную систему, сердце, кровеносные сосуды. Поэтому строжайший постельный режим!

Всю ночь не отходили от постели больного ребенка Лена и Броня. На следующий день пришел Федя, предложил взять Савелия в больницу, но женщины отказались. Федя тоже остался у постели метавшегося в жару ребенка. Прошло полвека с тех пор, когда доктор Левин лечил от скарлатины внука губернатора, и всего 28 лет с тех пор, как Николай Петрович подробно рассказывал обо всем Федюшке. Всего 28 лет, но каких!

Миша нервно ходил по кухне, думал, что в такой ситуации мужчины обычно курят – говорят, помогает. В память об отце, яром противнике всяких дурных привычек, он ни разу даже на фронте не закурил. Сейчас его мысли постоянно возвращались к отцу. Он пытался вспомнить молитву за здравие. И тут дверь Брониной комнаты тихонько открылась, и на пороге показалась Розочка в длинной ночной рубашке.

– Дядя Миша, я к тебе хочу, – девочка доверчиво обняла Мишу за шею и тихо спросила на ухо:

– Скажи, а нас с мамой арестуют и в тюрьму посадят?

– Что ты, моя милая, хорошая, почему ты так решила?

– Я все слышала, я же не маленькая.

– Не волнуйся, моя девочка, я никому не дам вас в обиду.

И хотя уверенности на самом деле было мало, но он почувствовал вдруг в душе какое-то облегчение, как будто тучи рассеялись. Разум еще сомневался, но душа говорила, что все будет хорошо.

******

Царь Ирод... лежа на носилках, окруженный лекарями и стражей, кочует по дворцу из одного его конца в другой в поисках новых и новых изменников, ибо давно уже везде и всюду чудится ему измена, и воздетый перст его вдруг укажет очередную жертву, и ею может стать главный евнух, приобретший слишком большое влияние, либо дерзостный фарисей, порицающий того, кто нарушает заповеди Завета, тогда как должен бы подавать остальным пример ревностного и неукоснительного исполнения их, – нет нужды даже произносить имя его: все и так знают, о ком идет речь, – могут пасть жертвой царевых подозрений родные его сыновья Александр и Аристобул, которые были схвачены и тотчас приговорены к смерти особым судом, состоявшим из знатнейших князей и спешно собранным для того, чтобы вынести именно смертный приговор, и никакой иной, да и мог ли поступить иначе бедный царь, если в горячечном забытьи представлялось ему, как приступают к нему царевичи с обнаженными мечами, а в самом тяжком из кошмарных сновидений видел он, как видят себя в зеркале, собственную отрубленную голову. Но грозный властелин упредил злоумышленников, избежал смерти и теперь может спокойно созерцать трупы тех, кто еще минуту назад были его сыновьями, престолонаследниками, а теперь по обвинению в заговоре осуждены на смерть и по приговору суда удавлены. Он умрет, он должен умереть, и сердце у него защемило, но потом подумал, что по естественному порядку вещей первым должен будет умереть он сам, и что смерть, изъяв его из числа живущих на свете, заменив присутствие его в этом мире отсутствием, даст ему – как бы выразиться поточнее? – нечто вроде – уж простите за такую несообразность – ограниченного во времени бессмертия, и длится оно до тех пор, пока людей, которых уж нет с нами, помнят и любят. (***Жозе Сарамаго. Евангелие от Иисуса)***

******

В эту же ночь, 5 марта 1953 года количество эмоциональных просьб, выраженных простыми словами и обращенных к Всевышнему, превысило всё мыслимое и немыслимое количество, которое по закону, установленному самим Высшим Разумом, перешло в качество. «Код доступа» сработал, и Всевышний, наконец, сжалился над детьми своими неразумными и, брезгливо морщась, забрал-таки к себе Злодея.

******

О, не твои ли трубы рыдали
Четыре ночи, четыре дня
С пятого марта в Колонном зале
Над прахом, при жизни кромсавшим меня… ***(Ольга Берггольц)***

******

Под утро температура у Савушки начала понемногу спадать, кожа – бледнеть, но стала шелушиться. За всю ночь Лена не сказала ни слова. Броня с Федей тихо переговаривались. Раньше, во время своих посещений, Федя видел её, лишь изредка мелькавшую в коридоре. («Раз у соседей гость, то нечего лишний раз на кухню выходить», – считала деликатная женщина) А сейчас, в это ночное дежурство, он обратил внимание сначала на ее профессионализм (она была, как говорится, детский врач от Бога), что для Феди, врача высочайшей квалификации, имело большое значение. Затем он отметил, что она невысокого роста, молодая и очень симпатичная. Полумрак комнаты, добрые флюиды, исходившие от Феди, понемногу растопили Бронину скованность. Она стала рассказывать ему о своей работе на фронте в военно-полевом госпитале, о погибшем муже... Сострадание и жалость к этой замечательной, милой женщине довершили процесс и сотворили то необыкновенное, необъяснимое, иррациональное чувство, которое... Короче говоря, Федя влюбился...

Влюбился, как пацан, первый раз в жизни! Ведь давно не молод – по паспорту-то ему все 41, хотя на самом деле – 39 (это он тогда, в детстве, себе два года присочинил, чтобы в техникум взяли). Разница, положим, небольшая, и есть еще порох в пороховницах... И язык неплохо подвешен, и обаяние, несомненно, сохранилось... Не такой уж красавец, но и не урод, вот только волосы, правда, поредели... Ну так что ж... Он зачастил к Мише с Леной в гости, и ни для кого уже не было секретом, ради кого он приходит.

А дело врачей закрыли...

******

Дорогой профессор Вовси, за тебя я рад,
Потому что, значит, вовсе ты не виноват.
Зря сидел ты, зря томился в камере сырой,
Подорвать ты не стремился наш советский строй.

Дорогой профессор Коган, знаменитый врач,
Ты оправдан, ты растроган, но теперь не плачь.
…Слух давно прошел в народе - это все мура.
Пребывайте на свободе, наши доктора!

(Владимир Лифшиц. Апр. 1953. Самиздат)

******

1 мая после демонстрации Федя пригласил всю компанию к себе. Савушка, ошалевший от свежего воздуха и солнца, с закутанным горлом бегал по саду. Миша с Леной сидели в беседке, навевавшей Мише столько воспоминаний... Какая здесь была замечательная свадьба Афанасия и Верочки...

А Федя тем временем приступил к самым важным переговорам в своей жизни. Если вы думаете, что он сделал Броне традиционное предложение руки и сердца, вы, конечно, ошиблись. Он применил обходной маневр. По законам военной науки, надо наступать на самое слабое звено (в данном случае – самое мягкое).

Федя посадил Розочку себе на колени.

– Тебе нравится здесь, этот дом, сад?

– Да, очень нравится.

– Послушай, моя дорогая, ты уже взрослая девочка, и я хочу поговорить с тобой очень серьезно.

– Да, дядя Федя, – Розочка была польщена.

– Я очень люблю твою маму и тебя и хочу, чтобы вы переехали ко мне жить. Нам будет хорошо втроем!

– Значит, вы хотите пожениться на моей маме? – деловито уточнила Розочка.

– Да, очень хочу, очень!

– Тогда вы станете моим папой, и я должна буду называть вас папой? – Розочка вникала в детали.

Федя хотел посмотреть на Броню, увидеть ее реакцию, но боялся повернуть голову и продолжал разговор с девочкой.

– Ты же знаешь, что твой папа погиб на войне. Он был герой, и очень хороший человек. Ты можешь гордиться им. А я буду тебе самым верным и надежным другом, как папа. Называть меня можешь, как тебе нравится. Вот я тебе расскажу о себе. Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я потерял своих родителей. На вокзале. Мы потерялись, и так и не смогли найти друг друга. Я стал беспризорником, голодал, ночевал в грязном подвале...

На очаровательной Розочкиной мордашке отразилось искреннее сострадание.

– Но в один прекрасный день жизнь моя изменилась, – продолжал Федя. – Я тогда познакомился с замечательными людьми: Мишей, Ефроимом, Захаром, Афанасием Филипповичем, Верой Васильевной и доктором Николаем Петровичем, главврачом нашей больницы. Потом Николай Петрович усыновил меня и стал моим папой. Я звал его "папа Коля".

– Я согласна, – сказала Розочка и в знак дружбы обняла его.

– А что скажет мама?

Мама растерянно молчала. Сообразительный Федя отправил Розочку проследить, как бы Савелий не упал, не вспотел и не простудился, и остался с Броней наедине.

А Броня ведь тоже полюбила Федю. Ее, конечно, смущала мысль, не является ли это новое чувство предательством по отношению к покойному мужу. Но прошло уже 9 лет, все эти годы не было даже мысли о другом мужчине. Ей так хотелось, прижаться к этому чудесному, доброму человеку, так хотелось получить от суровой судьбы свой маленький кусочек счастья! Броня была сдержанной женщиной и могла управлять своими чувствами, могла зажать их в кулак. Она, безработная еврейка, считала, что может принести Феде много проблем и несчастий.

– Бронечка, милая, я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что твоя покойная бабушка не простила бы тебе мужа-гоя (не еврея).

Броня невольно улыбнулась. Этого и добивался Федя. С ним было легко разговаривать на все темы, и даже на такую щепетильную, как эта.

– Я не знаю, кто по национальности были мои родители, будем считать, что моя бабушка тоже была еврейка, если так тебе будет спокойнее. Для меня нет национальностей – так учил меня папа Коля. Он рассказывал мне о Короленко, об Исааке Левитане, друге А.П. Чехова... Слушай, мне надоела эта тема. Лучше я покажу тебе рисунок Левитана, тот, что он подарил Николаю Петровичу в молодости.

Он потащил ее в дом. Лена и Миша терпеливо ждали. Наконец, к ним подошли сияющий Федя и смущенная Броня.

– Поздравьте нас, мы решили пожениться.

– Я еще не согласилась...

– Согласилась, согласилась, – закричала Розочка и захлопала в ладошки. Она так давно мечтала иметь папу, а этот веселый Федя (как она его про себя называла) очень подходил на эту «должность».

******

Без фатальных коллизий и горьких обид
Разыграем по новой старинную пьесу.
И, как бы невзначай приоткроем завесу
В мастерскую, где Бог наши судьбы творит. ***(Елена Литинская)***

******

29 января 1954 года, в день рождения А.П.Чехова, Броня родила мальчика, назвали Колей. Счастливей Феди, наверное, не было отца.

Глава сорок пятая

Фаина в своих письмах описывала Мане, как Гелочка учится в школе, какая она активная. В одном из писем был подробный отчет, как Гела организовала с детишками театр во дворе. Ставили они "Сказку о мертвой царевне". Гела играла, конечно, главную роль – принцессы.

А Полинка, как оказалось, не менее талантлива, чем Гела. В школах Челябинска на утренниках, посвященных А.С.Пушкину, прошли конкурсы чтецов. Дети читали стихи поэта, в основном, отрывки из сказок. Наконец, дошла очередь до Полины. Она вышла на сцену и... увидела сотни глаз, смотревших на нее. У Поленьки от страха задрожали коленки, сами собой зажмурились глаза, перехватило дыхание, но она справилась и громко объявила: "Я прочитаю стихотворение Лермонтова <На смерть поэта >". Читала с выражением, громко, звонко – на весь зал! (Микрофонов, конечно, в школе не было.)

Погиб поэт!– невольник чести –
Пал,оклеветанный молвой…
.....
Его убийца хладнокровно
Навел удар...спасенья нет:
Пустое сердце бьётся ровно,
В руке не дрогнул пистолет…

В этом месте Поленька вытянула руку, якобы державшую пистолет. Зал замер. Стихотворение длинное, но она ни разу не запнулась, не сбилась.

И он убит, и взят могилой…

Голос ее задрожал, в нем слышалось искреннее горе. И после того, как она дошла до конца,

И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Поленька разревелась и убежала за кулисы. Аплодисменты, крики "Молодец!" Ее вывели на сцену заплаканную и счастливую. Получила грамоту. Теперь занимается в школьном драматическом кружке. Читает стихи на всех школьных вечерах.

******

Фаня старательно вырезала из местных газет стихи любимого бакинского поэта Абрама Плавника и посылала вместе с письмами Маняше. А та аккуратно сохраняла эти вырезки, некоторые стихи Поленька декламировала на вечерах в школе. Стихи пользовались успехом, но классная морщилась при упоминании автора и, наконец, прямым текстом заявила Мане, чтобы она выбирала дочке других поэтов.

Манечке стало так больно, как будто классная при ней плюнула в лицо и поэту, и Фаине. Стало стыдно. Бедные люди... За что их так...

Вот ведь какие разные – она, Маняша, и Фаиночка, – а душами стали близкими... Душа... Видимо, у душ не бывает национальности...

******

Но, как сквозь терний колючий,
сквозь ложь, клевету, обиды
к тебе – по любой дороге,
везде – у чужих, и в дому,
в вагоне, где о тебе же
навзрыд поют инвалиды,
в труде, в обычной заботе
к сиянию твоему.

И только с чистейшим сердцем,
и только склонив колено
тебе присягаю, как знамени,
целуя его края,–
Трагедия всех трагедий –
душа моего поколенья,
единственная,прекрасная,
большая душа моя.

(Ольга Берггольц)

******

Глава сорок шестая

Миша с Леной жили в своей бывшей коммунальной квартире, которая теперь, после смерти бабы Дарьи и переезда Брони к Феде, принадлежала им целиком. В теплый сезон они проводили все воскресные дни у Феди в саду, а холодные осень и зиму Федя с семьей – у Леночки с Мишей.

Они внимательно следили за тем, что происходит в стране. 14 февраля 1956 года. Знаменательное событие! Открытие XX съезда КПСС, на котором был утвержден 6-й пятилетний план, и на закрытом заседании съезда выступил Н.С.Хрущев с докладом "О культе личности и его последствиях". Доклад был секретным, его зачитывали на закрытых партсобраниях. Но, в конце концов, должен же весь народ знать правду, а не только лучшие из лучших – его передовой отряд. Народ правду все равно узнал. Через полтора месяца, 28

марта, в "Правде" появилась первая критика Сталина – статья "Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма".

Броня обратила внимание, что в докладе не были упомянуты убийство Соломона Михоэлса, расстрел руководителей Еврейского антифашистского комитета, гнусная компания борьбы с “безродными космополитами" и многие другие преступления.

Советский Союз победил фашистскую Германию, но идеологии фашизма и коммунизма так и не стали врагами. Одинаковое отношение к диктату над своим народом, жесточайшее пресечение малейшего намека на инакомыслие, а также открытый, махровый, государственный антисемитизм, абсолютно необъяснимый и нелогичный. Никита Сергеевич был совершенно искренним в своем антисемитизме и даже не считал нужным скрывать его в разговоре с иностранными товарищами.

******

В августе 1956 года, в Москве, выступая перед канадской делегацией, Н.Хрущев говорил: "Когда из Крыма выселили татар, некоторые евреи начали развивать идею о переселении туда евреев, чтобы создать в Крыму еврейское государство. Это был бы американский плацдарм на юге страны. Я был против этой идеи и полностью соглашался в этом вопросе со Сталиным".

В том же 1956 году Н.Хрущев заявил делегации Итальянской компартии: "Польские коммунисты хотели избрать первым секретарем ЦК Замбровского, хорошего и способного товарища. Но он еврей, в интересах Польши надо избрать поляка, иначе на основные руководящие посты будут назначены евреи".

******

Страна бурлила. 5 марта 1956 года в годовщину смерти И. В. Сталина студенты и рабочие собрались на улицах и площадях Тбилиси с лозунгом "Не допустим критики Сталина". Сначала митинги были мирными, через несколько дней прозвучали призывы к выходу «советской Грузии из СССР» (такой крамолы власть не стерпела), и тогда 9 марта в город были введены войска. В ночь на 10 марта по толпе был открыт огонь. С помощью бронетранспортеров и танков демонстранты были разогнаны. Были убитые, раненые, арестованные и осужденные... Что ж, у "отца народов" были хорошие ученики...

Были и положительные сдвиги. 28 апреля 1956 года указом Президиума Верховного Совета СССР с депортированных народов был снят режим спецпоселения. Летом 1956 года отменена плата за обучение в вузах страны.

Не все могли принять огромные разоблачения, осознать и осмыслить всю правду. После войны многие простые немцы, обманутые члены фашистской партии, не выдержав комплекса вины, кончали жизнь самоубийством. Среди членов коммунистической партии таких совестливых было на несколько порядков меньше… 13 Мая 1956 года секретарь Союза писателей А. Фадеев покончил жизнь самоубийством.

Комиссия под руководством Николая Шверника начала разбирать архивы. Член комиссии, бывшая узница ГУЛАГа Ольга Шатуновская на этой работе перенесла три инфаркта, но за излишнее старание ее уволили... Испугались... Комиссия Н. Шверника отчиталась, что в период с 1935 по 1941 годы в СССР было репрессировано (по подсчетам Ольги Шатуновской) 19 840 000 человек, из них расстреляно более 7 000 000... А после Хрущева б**о**льшую часть материалов уничтожили.

После 1956 года Миша начал искать отца. Он ездил в Москву, добился доступа к архивам. Но никаких следов дела отца Мише найти не удалось… Во время работы с архивами ему попалось дело майора Стомахина (на ту же букву С), которого арестовали в 1950 году, в самый разгар "борьбы с космополитами", за то, что он, якобы являлся агентом "немецкой и американской разведок". Стомахин получил в трибунале десятилетний срок по 58-й статье. Потрясенный Миша рассказал Феде, что он знал об этом удивительном человеке.

******

А. Стомахин до войны закончил Киевский политехнический институт, работал конструктором. В 1940 году был призван в армию и начинал войну простым десантником, за героизм получил первое командирское звание. В первый год войны за выполнение диверсионных заданий в немецком тылу он был дважды награжден орденом Боевого Красного Знамени. Являлся вторым в ВДВ по количеству выполненных парашютных прыжков. Стомахин некоторое время преподавал в диверсионной школе, но вскоре вернулся в бригаду ВДВ.

В 1942 году Стомахин сконструировал сигнальный аппарат САС-2, который представлял собой небольшой аэростат, поднимаемый в воздух на тонком тросе с сигнальной системой для сбора групп десантников, выброшенных ночью в тылу противника.

*Из парашютной ткани Стомахин сшил знамя большого размера, покрасил в красный цвет, и привез к маршалу Толбухину вместе с аэростатом. Предложил поднять это знамя над Берлином**. Маршал испугался, побоялся взять ответственность без согласования свыше**, но идея была очень соблазнительной."Ну, ладно, пусть поднимет… Над Веной!" Обещал, что для этой операции Стомахину будет*

выделен танк и отделение автоматчиков. Вена была еще в руках фашистов. Наши войска готовились к штурму, стояли на окраине города.

Вечером, 11 апреля 1945 г., Стомахин стоял в условленном месте на окраине Вены и ждал обещанного танка. Но вскоре выяснилось, что танка нет, вместо него приехала полуторка и всего два автоматчика. Ночью, с погашенными фарами, пробрались почти в самый центр города. Надули газом аэростат, прикрепили к нему знамя, и утром 12 апреля над Веной реял красный советский флаг на высоте, примерно, 800 метров. Какой триумф! Немцы стреляли по нему из пулеметов и зенитных пушек, но сбить не смогли... Маленький аэростат был почти не виден, тонкий стальной трос не был виден совсем, лишь огромное красное полотнище реяло над Веной. Увидев красное знамя над Веной, наши бойцы бросились на штурм.

(По материалам А. В. Винера)

******

– Ты только представь себе, – делился Миша с другом, – наша армия – на подходе к городу. Темной ночью, ориентируясь по карте, въезжает в центр города, полном фашистами, грузовичок с оборудованием. Заезжают в какой-то тупичок или двор, надувают газом этот аэростат, со скрипом крутится лебедка. Какой огромный риск, какая смелость! Да за такое дело ему "Героя" положено дать.

Хотя Миша не был ни в чем не виноват, он чувствовал и стыд, и угрызения совести за маршала Толбухина (почему Толбухин не обратился к Мише, уж он бы сумел выделить танк для такой благородной цели), за руководство армией (почему не наградили Стомахина?), за журналистов (почему не описали его изобретательность и смелость?), за правительство и всю страну (как герой-патриот мог быть агентом " американской и немецкой разведок"?), за наш “самый справедливый” суд в мире, "наградивший” Героя 10 годами строгого режима…

Прошло столько лет, кажется, признаны все ошибки, осуждены все злодеи, исправлены все беззакония, реабилитированы все честные люди, а о подвиге майора Стомахина писать все еще нельзя – уж очень неблагозвучны у него имя и отчество – Арон Эммануилович...

(Вышел он на свободу только через семь лет, и еще долго боролся за возвращение своего доброго имени.)

Глава сорок седьмая (Документальная. 1956-1963)

В мире было неспокойно...

*В конце мая 1956 года США впервые взорвали **водородную бомбу** над атоллом Бикини. А летом того же года президент США Дуайт Эйзенхауэр одобрил проведение разведывательных полетов самолетовУ-2 над территорией Советского Союза. И они продолжались до 1 мая 1960 года, когда самолет-шпион был сбит советской ракетой под Свердловском.*

5 ноября 1956 года. Польское правительство объявило о смещении с командных постов Польской армии 32 советских офицеров во главе с маршалом Рокоссовским. Этот факт много лет будут скрывать от советских людей. Точно так же, как и летние трудовые бунты в Познани.

18 ноября 1956 года. На приеме американских дипломатов Н.С. Хрущев заявил им: "Мы вас закопаем". Эта фраза еще много лет будоражила американцев, на ней строилось отношение к Советскому Союзу, ее вспоминали американские руководители, когда надо было увеличить военный бюджет...

23 октября – 9 ноября 1956. Венгрия. Лозунги на стенах: "Русские – домой!", "Смерть госбезопасности!" В Будапеште на площади Луизы Блахи валялась огромная каменная голова Сталина от разрушенной статуи. Венгрия хотела жить самостоятельно. Не дали. Под командованием маршала Г. К. Жукова началась советская операция “Вихрь”. К 8 ноября, после ожесточённых боёв, были уничтожены последние очаги сопротивления восставших. По некоторым данным, ценой 25 тысяч венгров и 7 тысяч советских воинов. Официальные данные говорили о двух тысячах убитых и раненых советских бойцов.

******

Миша почернел от горя – один из его однополчан, друг, оставшийся после войны в действующей армии, с которым он переписывался все годы, погиб в Будапеште.

******

Как это больно –
быть убитым,
не чувствовать восторг и боль,
и даже на ноге мозоль
не ощущать на щебне битом.
Как страшно
больше не дышать,
не быть голодным или сытым
и через реберное сито
не слышать, как болит душа,
всех потерять на целом свете,
оставшись в чьей-нибудь судьбе...
И если вспомнят о тебе,
как это больно –
не ответить.

(Ефим Медведовский)

******

Уму непостижимо... Больше 10 лет прошло после великой войны – и наши войска –“освободители” стреляют в простых граждан. А эти простые граждане стреляют в войска ... интервентов. Да, да, Советская Армия вошла на территорию суверенного государства... Как это назвать?

21 ноября 1956 года. Генеральная Ассамблея ООН осудила действия Советского Союза в Венгрии.

(А толку-то?..) Венгры в массовом порядке эмигрировали – страну покинуло почти – 200 000 человек, для которых в Австрии были созданы лагеря беженцев.

22 ноября 1956 года. Арестован Имре Надь – премьер-министр Венгрии. Он был коммунистом, 15 лет жил и работал в Москве, в Венгрию вернулся в 1944 с Красной армией. Но когда 4 ноября 1956 советские войска расправлялись с венграми, Имре Надь обратился к Западу с безнадежным призывом о помощи. После разгрома повстанцев укрылся в югославском посольстве. Его предательски отправили в Румынию, пообещав сохранить жизнь, а оттуда вернули в Венгрию. Вопреки протестам во всем мире, Н.С.Хрущев настоял на смертном приговоре, и Имре Надь был казнен.

22 ноября 1956 года. В Мельбурне открылись XVI Олимпийские Игры.

Египет и Ливан отказались прислать свои команды в знак протеста против действий Франции, Великобритании и Израиля в Египте. Китай отказался участвовать в олимпиаде в знак протеста против приглашения команды Формозы (современный Тайвань). Испания, Швейцария и Голландия отказались участвовать в Олимпиаде в Мельбурне в знак протеста против ввода советских войск в Венгрию.

Главным героем игр стал выдающийся советский бегун Владимир Куц.

20 Декабря 1956 года. Писатель Евгений Шварц записал в дневнике: “Вчера я был на выставке Пикассо и позавидовал свободе. Внутренней. Он делает то, что хочет... Выставка вызвала необыкновенный шум в городе. У картин едва не дерутся.”

******

Период правления Хрущёва называют «оттепелью». Да, были выпущены на свободу многие политические заключённые. Достижения в космосе и активное жилищное строительство. Жители подвалов получили новые квартиры.

Но... усиление антирелигиозной кампании и широкое применение карательной психиатрии. Восстание в городе Краснодаре 15-16 января 1961 года, расстрел рабочих в Новочеркасске и т.д и т.д.

Непродуманные аграрные реформы вели к упадку сельского хозяйства, нехватке продовольствия. Хрущёв также провёл массовое сокращение армии, и бывшие офицеры оказались без работы.

“Холодная” война с США, разрыв с режимами Мао Цзэдуна в Китае и Энвера Ходжи в Албании. (Однако, в то же время, Китаю было оказано содействие в разработке ядерного оружия)

Страна замерла. Интеллигенция вздрогнула. Вчитываясь в топорные, навязшие в зубах клише советских лозунгов, люди пыталась понять, что их ждет – заканчивается “оттепель” или опять наступят "такие зимы…"

******

И не по старой ли привычке
невежды стали наготове -
навешать всяческие лычки
на свежее и молодое?

У славы путь неодинаков.
Пока на радость сытым стаям
подонки травят Пастернаков,-
не умер Сталин.

(Б.А.Чичибабин)

******

Партийное руководство было напугано тем, что "дурной " пример Венгрии заразителен. В 1957 году были осуждены «за контрреволюционные преступления» 2948 человек (что в 4 раза больше, чем в 1956 году). Студенты за какие-либо критические высказывания по этой теме исключались из институтов.

И, как всегда бывает в переломные моменты истории (а в несчастной России они – эти переломные моменты – растягивались на десятилетия), тяжелее всех приходилось евреям.

******

Если к Богу допустят еврея,
то он скажет, вошедши с приветом:
– Да, я жил в интересное время,
но совсем не просил я об этом. ***(Игорь Губерман)***

******

В 1957 году в Риге арестовали фотографа Иосифа Шнайдера: он организовал кружок по изучению иврита. Его осудили на 4 года (понятное дело: учить можно любой иностранный язык, кроме одного...)

В марте 1958 года Н.Хрущев принимал журналиста из французской газеты "Фигаро" Сержа Груссара. Зашла речь о Биробиджане. Признав этот опыт неудачным, Хрущев обвинил евреев: "Они интеллигенты, все и всегда стремятся в университеты".

1958 год. Борису Пастернаку присуждена Нобелевская премия за роман "Доктор Живаго", опубликованный в Италии. Он исключен из Союза писателей, его принудили отказаться от Нобелевской премии.

Неугодную интеллигенцию травили морально и сажали в психушки...

4 октября 1959 года подожжена синагога в подмосковной Малаховке. Было много нападений на синагоги и общинные центры: в Москве, Ленинграде, Волгограде, Тюмени, Иркутске, Пензе, Нижнем-Новгороде и т.д. Оскверняются еврейские кладбища в Ленинграде, Казани, Калуге, Пятигорске, Петрозаводске, Кирове, Астрахани, Воронеже, Тамбове, Таганроге, Махачкале, Биробиджане и т.д.

Руководство страны переводило "стрелки", указывающие на причины экономических проблем, на людей определенной национальности, даже невзирая на их предыдущие заслуги – беззастенчиво, громогласно, не стыдясь всего мира. Так, для примера и в назидание другим, областной суд приговорил мастера производственного обучения одного из днепропетровских интернатов, Героя Советского Союза (!) Гитмана Льва Абрамовича к 10 годам (!) лишения свободы за якобы имевшую место недостачу в сумме 1091 рубль в ценах до 1961 года. Потом на суде эта сумма была уточнена и составила 86 рублей 70 копеек (8 рублей 67 копеек по курсу рубля после 1961 года). Что мог "украсть" герой-фронтовик Лев Абрамович на уроке труда?..

******

1959 год. Виктор Некрасов, в ответ на попытки властей застроить территорию Бабьего Яра в Киеве, выступил с призывом не допустить издевательства над памятью погибших и построить достойный мемориал.

1 января 1961 была проведена 10-кратная деноминация с введением «нового» рубля, приравненного к десяти «старым».

Февраль 1961 года. Арестован роман (!) Василия Гроссмана "Жизнь и судьба". У автора были изъяты машинописные экземпляры, рукопись, все черновики и эскизы, имеющие отношение к книге. Отобрали даже копировальную бумагу и машинописную ленту.

В том же 1961 году киевская команда "Динамо" сумела победить московское "Торпедо" и впервые стать чемпионом страны. Капитану и лучшему бомбардиру киевской команды Виктору Израилевичу Каневскому, единственному из всего состава не присвоили звание заслуженного мастера спорта. (Отчество, было вызывающе-неудобоваримым)

Август 1961 года. Евгений Евтушенко написал стихотворение "Бабий Яр", которое 19 сентября было опубликовано в "Литературной газете". Гонениям подверглись и автор, и редактор Косолапов. Руководителей газеты обвинили в сионизме, для Евтушенко началась полоса запретов. На протяжении 20 лет после этой публикации ***ему не разрешали*** *приезжать в Киев. Д.Шостакович на слова этого и других стихотворений Евтушенко написал Тринадцатую симфонию "Бабий Яр". 18 декабря 1962 года эта симфония Шостаковича была исполнена в Москве и тут же снята с репертуара.*

По подсчетам киевского писателя, в прошлом корреспондента "Комсомольской правды" Михаила Канюка, за период с июля 1961 – по январь 1963 года состоялся 51 процесс по экономическим преступлениям. На них было вынесено 104 смертных приговора, из них 60 евреям.

15-16 января 1961 года. Восстание в городе Краснодаре.

30-31 мая 1962 года "по просьбе всех трудящихся" были повышены розничные цены на мясо и мясные продукты в среднем на 30 % и на масло — на 25 %.

1-2 июня 1962 года. Забастовки рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода. Войска стреляли в рабочих. Были убитые и раненые. Выступление было подавлено. "Зачинщики" получили длительные сроки лишения свободы. (После крушения коммунистической системы все осужденные были оправданы.)

В 1963 году Управление пропаганды при ЦК КПСС запретило публиковать русский перевод книги польского коммуниста Б.Марка о Варшавском гетто под предлогом борьбы с сионистской пропагандой. (Ох, как было неприятно читать о героях – евреях!) Из просвещенного запада раздавались слабые редкие голоса в защиту евреев. Да кто у нас будет слушать (как всегда) этих интеллигентов?

2 февраля 1963 года знаменитый философ, Нобелевский лауреат Бертран Рассел писал Хрущеву: "Я глубоко обеспокоен смертными казнями, которым подвергаются евреи в Советском Союзе, и тем официальным поощрением антисемитизма, который, по-видимому, имеет место".

1963 год. Начало Советско-китайского раскола: представитель коммунистической партии Китая 20 января на VI съезде социалистической партии Восточной Германии в Берлине призвал прекратить критику Албании. Н. С. Хрущёв предложил прекратить полемику между партиями до созыва совещания коммунистических и рабочих партий. Но раскол усиливался...

В Каире, в лаборатории ядерной физики атомного центра Египта, продолжали работать советские физики.

Глава сорок восьмая

Международное положение и новостные события четверка друзей – героев нашего романа – обсуждала выборочно. О позорном всплеске антисемитизма в стране не говорили, им было стыдно перед Броней.

Как-то Лена услышала разговор в троллейбусе о том, что в плохом экономическом положении страны виноваты евреи. Обычно она никогда не вступала в разговор, но тут не выдержала:

– Почему вы так думаете?

– Да вот в газетах пишут.

– Ну и что? Вот писали о врачах – отравителях, оказалось, неправда. Вы спрашиваете национальность врача, прежде чем зайти в кабинет лечиться?

– Вот наш врач – еврей, старенький такой. Я ему очень доверяю, – неожиданно вступила в разговор женщина средних лет.

Почувствовав неодобрение публики, заводилы замолчали.

Лене было очень противно, как будто в грязи измазалась.

В больнице у Феди работали две полукровки еще со времен "дела врачей" и двое новых врачей “неудобной” национальности. За таким главврачом, как Федор Николаевич, они были, как за каменной стеной. Помня обещание, данное вдове Гуревича, он повесил большой стенд с фотографиями всех врачей, прошедших войну, и на самом почетном месте была фотография маршала Тимошенко с доктором Гуревичем. На недовольные поморщивания всяких партайгеноссе он неизменно отвечал: "Вы хотите хорошего врача или хорошее личное дело?", а иногда и более резко: "Разве у нас в Советской стране не все нации равны?” или “Где же социалистический интернационализм?" Но было горько и стыдно...

******

Маняша с Анатолием из года в год откладывали поездку по родным местам и вот, наконец, собрались. Маршрут разработали такой: Челябинск, Н-ск, Антоновка, Москва, Ленинград, и домой в Челябинск. Из Н-ска поехали на автобусе в Антоновку. Анатолий остался с вещами на автовокзале, а Маняша с Полечкой пошли по селу. Новая, отстроенная после войны Антоновка была назнакомо чужой. Тети Марии не было, никого из встречавшихся прохожих она не узнавала. Маняша с дочкой пошли на кладбище. Убрала могилу незнакомой ей матушки Лидии, помня, что Федя всегда приходил сюда. Где ты, Федя, дорогой друг, весельчак, добрый, милый Федя?

Полинке наскучило сидеть рядом с мамой, начала бродить среди могил, читая надписи. И надо же случиться такому счастливому совпадению – в это время на кладбище появился Миша с сыном.

******

Что может быть логичнее безумной, красивой, абсолютно неправдоподобной случайности?

(Сергей Довлатов)

******

Миша примерно раз в полгода приезжал в село, видел, как трудно и медленно возрождается жизнь, с какой натугой, но все-таки село было восстановлено. Когда Савушка подрос, брал его с собой. Около кладбища их частенько встречал Вася-Василек. Без ноги, на костылях, вечно пьяный он выпрашивал на чекушку.

Вот и в этот раз, в теплый летний день Миша медленно шел с сыном к кладбищу, как вдруг издали увидел какую-то женщину, сидящую у могилы его матушки в скорбной позе. Невольно замедлил шаг – кто бы это мог быть? Подошел.

– Простите, а вы кто?

– А вы кто?

– Я – Миша, это могила моей мамы.

«Миша, Миша» – это имя выплыло из глубин памяти! Папа Захар рассказывал о нем – сын попа и самый близкий друг Феди!

– А я – Маня, Маняша. Я... я хотела спросить Вас про Федю, – почти прошептала она, боясь услышать страшный ответ.

– Ну да, Манечка, я знаю о Вас по Фединым рассказам. Федя жив, здоров, у него семья, дети...

Савелий, не желая мешать папе разговаривать с незнакомой женщиной, отошел в сторонку. Полинка подошла к нему, заговорила.

Выходя с кладбища, увидели спешащего к ним вдрызг пьяного Васю-Василька, который с привычным уже нытьем стал выпрашивать у Миши на чекушку за упокой души. Было жалко и противно одновременно... Манечка узнала его и отвернулась.

По дороге на автовокзал Полечка с Савушкой шли впереди и о чем-то весело болтали.

– Сына просто не узнать, – тихо сказал Миша, кивнув в сторону оживленно жестикулирующего сына. – Он такой тихий, стеснительный, с малознакомыми людьми совсем не может общаться, а тут как разговорился.

– Да это моя Полюшка, – засмеялась Маня. – Она кого хочешь растормошит, огонь-девка. Никого и ничего не боится, всеми в классе командует.

На автовокзале Миша познакомился с Анатолием. Сразу нашли общий язык. Это и понятно – у двух мужчин, прошедших войну от звонка до звонка (от Москвы до Берлина), есть о чем поговорить даже через 18 лет после ее окончания.

Миша привез новых друзей домой. После некоторой суматохи знакомства Леночка уже по-свойски уволокла Маняшу на кухню хлопотать перед застольем. Миша позвонил Феде:

– Слушай, Федька, немедленно собирайся и дуй к нам со всем семейством. Очень важная встреча. Форма одежды – парадная. Если Броня по вашей воскресной традиции напекла свои фирменные пирожки, можете взять их с собой, если нет, то не задерживайтесь. Слышишь, я прошу вас – немедленно! – И быстро положил трубку, чтобы Федя не успел задать вопросы.

Савелий с гордостью показывал Поленьке у себя в комнате весьма внушительную коллекцию географических карт, которые он собирал уже три года. Женщины накрывали на стол, возбужденно щебетали о чем-то в предвкушении встречи. Анатолий нервно курил в открытое окно. У него явно испортилось настроение, он весь подобрался и внутренне напрягся. Миша внимательно наблюдал за ним, пытаясь понять причину такой перемены в настроении своего нового знакомого.

Наконец, раздался долгожданный звонок. Первой в комнату вошла Броня с кастрюлей пирожков, за ней – Розочка с Колей, которые сразу же направились к Савелию в комнату. И вот вошел Федя. Как всегда, со своими шутками, с удивлением увидел празднично накрытый стол... И тут из кухни вышла Маняша. Она оказалась на полголовы выше Феди, но какое это имело значение... Около 30 лет прошло, больше полжизни... И какой жизни!..

******

"Как раз на жизнь свобода опоздала!" ***(Эльдар Рязанов)***

******

Воспоминания следовали за воспоминаниями, рассказы за рассказами. Миша заметил, что скованность Анатолия постепенно сходит на нет, он оживился и даже стал неспешно рассказывать о себе, о друзьях, об их жизни в Ленинграде. Когда он упомянул учителя, Федя встрепенулся:

– Как его звали?

– Илья Семенович.

– Он живет в Самарканде, – с нарочитым спокойствием сказал Федя, накалывая очередной грибочек и наслаждаясь произведенным эффектом.

– Откуда ты знаешь? – чуть не подскочил Анатолий.

– А я все знаю, – пошутил Федя, – ладно, сейчас расскажу. Колька, бегом ко мне. – Он пошептал что-то на ухо сыну.

– А можно я не один пойду?

– Ладно.

Детвора быстро собралась и вылетела из квартиры.

– Я послал его домой, чтоб он кое-что принес, а потом я все объясню, – пояснил Федя свои «секретные» переговоры с сыном..

Коля принес красочную книгу и коробку с инструментами для резьбы по дереву. Это были те сувениры, купленные на базаре в Ленинграде у Ильи Семеновича и предназначавшиеся Захару. Теперь их получали его наследники. Сначала Федя рассказал историю своего знакомства с Ильей Семеновичем, показал инструменты, а когда открыл книгу, то неожиданно вскрикнул и даже вскочил в возбуждении.

– Мишка, ты помнишь ту открытку из Америки? Я же ее не уничтожил, а спрятал в книгу, но забыл в какую. Иногда вспоминал, что надо бы поискать, но как-то все было недосуг. И вот же она, вот она!

Все выслушали историю этой красочной, слегка поблекшей открытки и с интересом рассматривали её.

– Попробую написать, может он еще живет по этому адресу, – сказал Миша со смешанным чувством угрызений совести за давнее свое малодушие и радости обретения вновь адреса того молодого американского солдатика Сола-Соломона из освобожденного его взводом концлагеря.

Но тут же возникли и сомнения.

– Ведь около 20 лет прошло... Кто знает, может, мое письмо сейчас ему очень навредит? Писали же, что у них в 50-х годах тоже были комиссии разные – "охота на ведьм"... Вот и прижмут его за переписку с коммунистом. Помните, писали, что певца Поля Робсона преследовали, когда ему присудили Сталинскую премию «За укрепление мира между народами»?

******

Маккартизм – американское политическое течение получило свое название от фамилии сенатора Джозефа Маккарти, который в 1950-1954-х гг. возглавлял кампанию по борьбе с «внедрением коммунистов» в государственные органы. Своего рода «охота на ведьм».

Летом 1950 года был опубликован доклад о коммунистической «фильтрации» на радио и телевидении с указанием 151 имени деятелей искусств, к которым были предъявлены требования либо уйти с работы, либо признаться в прокоммунистической деятельности.

Маккартисты стали крушить профсоюзы, увольняли гос. служащих, боролись с либеральной интеллигенцией, проводили «чистки» в госдепартаментах и армии, в Верховном суде и Мнистерстве юстиции, других организациях, в органах массовой информации, в университетах (где увольняли профессоров и сжигали книги!). Только за первые месяцы из государственного аппарата было уволено 800 человек, еще 600 ушли в отставку сами. Многие знаменитые, прогрессивные и либеральные деятели были уволены, осуждены или занесены в «черные списки».

******

– Сол, возможно, не такой знаменитый, но у него семья, дети, неизвестно, как на них отразится. Не знаю, как быть… А так хотелось бы ему написать! Помню, как сейчас, его глаза, добрые и печальные...

Все замолчали. Сколько лет прошло, а война все не отпускала никого, возвращаясь в воспоминаниях, разговорах, в книгах, фильмах и... снах...

******

Апрель... Теряет ширь молох-война
с "арийцами". В далёком сорок пятом
Столица Зла уже окружена
в последней битве с ворогом заклятым.
……

В апреле отключаюсь я. Жена
меня корит, что медлю я с ответом.
Уж сколько лет, как кончилась Война,
но каждый год мне чудится, что в этом...

(Зиновий Коровин)

******

Засиделись заполночь. Наконец, Анатолий встал.

– Я скажу тост. Федор Николаевич, это будет тост за тебя. Я хочу выпить с тобой на брудершафт. С тех пор, как я познакомился с тетей Шурой, Захаром и Маняшей, я без конца слышал твое имя. Едва ли не каждый день они вспоминали тебя, твои шуточки, частушки, словечки. А когда я понял по некоторым косвенным фразам, что тебя прочили в женихи Маняше, я стал страшно ревновать. Никогда ни к кому из окружавших ее мужчин не ревновал, а только к тебе, к твоему имени, даже, скорее, к частым воспоминаниям о тебе. Сколько раз она объясняла мне, что это была детская, братская дружба, я все равно в душе ревновал. А сейчас я увидел, что ты правильный мужик, стоящий, надежный, и семья у тебя прекрасная. За тебя!

******

Ей, не имевшей брата, братом стать
Он смог по праву дружбы детской.

(Д. Г. Байрон. Перевод М. Зенкевича)

******

– А ведь чисто теоретически Маня и Федя могут быть братом и сестрой – тихо сказала молчавшая весь вечер Броня. – Ведь они не знают, кто их отцы, – с улыбкой закончила она.

С тех пор Федя называл Маняшу сестричкой...

Миша уговорил Анатолия переехать с семьей в Н-ск – хорошие механики ему на заводе очень нужны.

Глава сорок девятая

В 1956 и в 1959 годах Илья Семенович приезжал из Самарканда в Питер – поклониться своему дорогому и любимому городу. С огромным удовольствием он встречался с редкими оставшимися в живых друзьями. Один из знакомых с горечью рассказал об уничтожении музея блокады: “Сам видел, как горели документы во дворе музея...“

А с Н. П. Бехтеревой – нейрофизиологом, автором книги "Магия мозга и лабиринты жизни", внучкой знаменитого академика В.М. Бехтерева – он познакомился во время своего первого посещения Ленинграда. Они говорили о вещих снах... Хотя она и была выдающимся нейрофизиологом и сама видела вещие сны, но тайный смысл их не ясен до сих пор.

Весной 1963 года он приехал, как оказалось, в последний раз. Зашел в свой двор, за деревянным столом сидели старички, забивали "козла". Илья Семенович издали поклонился им и стал оглядывать двор, смотрел на окна второго этажа, окна своей бывшей квартиры, вспоминал последний день в своей квартире, Федю...

Один из играющих вдруг оставил на столе свои игральные кости и подошел к Илье Семеновичу – это был его сосед.

– Это ты?!

– Да, я.

– Ах, ты сволочь! живой! – Сосед схватил Илью Семеновича за лацканы пальто. – Удрал, зараза!. Удрал и живой, а мои погибли... Доченька моя от голода умерла...

Он тряс Илью Семеновича и изрыгал проклятия. Илья Семенович стоял спокойно, смотрел грустно и с укоризной. Соседу же казалось, что взгляд полон иронии и презрения, и это распаляло еще больше. Наконец, Илья Семенович резко скинул с себя руки соседа.

– Что же ты не вывез их? Утебя же были возможности. Попросил бы в своей конторе, куда ты доносы носил. Что же они своих агентов на произвол судьбы бросали? Дрянь ты смердящая...

И ушел.

******

Как жутко в нашей стороне...
Здесь только ябеде привольно.
Здесь даже воля всей стране
Даётся по команде: «Вольно!» ***(Илья Сельвинский.1957)***

******

Анатолий принял приглашение Миши переехать в Н-ск, но решил сначала с Маняшей и Поленькой продолжить запланированный отпуск, показать им столицу и, наконец, осуществить такую долгожданную встречу с любимым Ленинградом. Гуляя по родному городу, он не мог не зайти во двор Ильи Семеновича, особенно после разговора о нем с Федей. Анатолий показал семье окна второго этажа, где жил учитель. Вдруг из-за стола выскочил один из игроков – худой, злой человек – и подбежал к Анатолию.

– Что надо? – Грубо спросил он.

– Простите, если вы жили в этом доме до войны, возможно, вы помните, здесь жил учитель Илья Семенович, – Анатолий старался быть любезным, несмотря на резкий тон собеседника.

– Никого здесь нет. Он давно уехал. Идите отсюда, – сосед, а это был именно он, кипел от злости.

Анатолий не мог понять причину столь явной грубости. Даже перед семьей стыдно – что они подумают о жителях его родного города, о котором он всегда рассказывал с теплотой.

Дикая обида кипела в сердце соседа. Всего несколько месяцев назад он видел Илью Семеновича – эдакий благородный господин, в шляпе. А на себя в зеркало противно смотреть. А сейчас какое-то чужое семейство о нем спрашивает. Тоже из себя такие благородные. Мужик средних лет, баба и девочка-подросток – лет примерно, как его доченьке... было... Все счастливые, довольные жизнью.

Придя домой, сосед лег в кровать, отвернувшись к стене. Ненависть заливала душу, желчью бурлила в кровеносных сосудах, разъедала их и достигла сердца. Этой же ночью сердце не выдержало и никого не было рядом, кто бы мог вызвать скорую...

******

Анатолий с семьей отгуляли отпуск, как было запланировано, вернулись в Челябинск, рассчитались и переехали в Н-ск, к неописуемой радости Поленьки и Савелия.

Через несколько месяцев после обустройства на новом месте Анатолий написал посьмо в Самаркандскую горсправку с просьбой найти Илью Семеновича. На удивление быстро получил заветный адрес. Этот адрес дрожал в руках, как живой, это был привет из далекой довоенной молодости, из прошлой жизни.

Три дня он писал письмо учителю, рвал и снова писал, ему хотелось описать все-все очень подробно. Илья Семенович лежал в больнице, когда жена принесла письмо. Она долго колебалась, отдать ли незнакомое письмо умирающему мужу. Взяла грех, вскрыла письмо, прочла его сначала сама, решила, что показать письмо можно, мужу будет приятно получить весточку из его ленинградского прошлого, из 36 года. Несмотря на тяжелые годы, его ученик выжил, живет хорошо. Она заклеила письмо и принесла в больницу. Илья Семенович улыбался, воспоминания грели душу...

Ответ на свое письмо Анатолий получил уже от вдовы Ильи Семеновича.

Все эти годы, которые потом назовут "застойными", для наших героев были очень счастливыми. Во-первых, они были молоды, во-вторых, это все-таки было замечательное время советского ренессанса после страшного средневековья XX-го века, в-третьих, у этих трех пар было почти все для счастья.

******

Хорошо, когда для счастья есть причина:
Будь то выигрыш ли, повышенье чина,
Отомщение, хранящееся в тайне,
Гениальный стих или свиданье,
В историческом ли подвиге участье,
Под метелями взращенные оливы...

Но
нет
ничего
счастливей
Беспричинного счастья.
(Илья Сельвинский.1965)

******

У них интересная работа, уважение в городе, дружба настоящая, дети успешные, взаимопонимание и поддержка друг друга. Выбирались в Москву на концерты, в театры или музеи, хоть и не часто, вместе ездили в отпуск.

Но не все было гладко в "датском королевстве"… Все, что творилось в стране и в мире, не могло не волновать наших героев. Казалось, что после такой страшной войны, после разоблачения злодейств, должны немедленно восторжествовать доброта и справедливость. Война коснулась почти всех европейских стран, но через 20 лет другие страны добились больших успехов, а мы восстанавливаемся так медленно...

Н. С.Хрущёв признал **продовольственный кризис в СССР** и 17 марта 1963 выступил с инициативой создания молочно-овощных хозяйств вокруг крупных городов и промышленных центров.

В ссылке, на лесоповале Анатолий подружился с простым пареньком Фадеем из-под Красноярска.
Большой, сильный, добрый, малообразованный, девственно наивный, неразговорчивый, он сблизился с ним, может быть, потому, что Анатолий из-за своей глухоты нуждался в заботе. Фадей внимательно следил, как бы друг не попал под падающее дерево, ведь он не мог слышать треск веток. Помогал Шуре в сборе необходимых трав, был искренне рад счастью Анатолия и Манечки. Его посадили, так как по религиозным причинам он отказался служить в армии, свято соблюдал заповедь "не убий". Поэтому и на фронт он не пошел. Когда расставались, дал адрес своих родителей на всякий случай – кто знает, как жизнь сложится...

Адрес у Анатолия за 4 года войны не сохранился, но название села он помнил. Вот и решил после 1956 года разыскать давнего друга. Написал письмо "на деревню дедушке", то есть: "Поселок такой-то, Красноярского края" и фамилия. И представьте себе, – письмо дошло, и Анатолий получил ответ. Не часто, но обменивались друзья теплыми письмами – подробными своими жизнеописаниями.

Анатолий приглашал Фадея приехать в гости, хоть от Красноярска до Челябинска путь неблизкий, да крошечная комната в общежитии не располагала к приему гостей, но приглашения шли от чистого сердца. Тот собирался, но каждый раз откладывал на следующий отпуск. А вот когда Анатолий с семьей переехал в Н-ск, он соблазнил друга обещанием показать столицу, и Фадей, наконец, решился.

Засиделись за разговорами и воспоминаниями за полночь. Они были откровенны друг с другом. Что творится в стране, что делается? Фадей оказался неожиданно хорошо информированным – душа болела за страну, за свой народ – искренний, не показной патриотизм...

– Хрущев раскрыл правду людям, столько людей невинных выпустили на волю. А в стране жрать нечего. В некоторых городах были голодные бунты. В Новочеркасске войска в людей стреляли, были убитые. В космос полетели. Ядерным оружием весь мир пугаем. Нам что война нужна?.. Вдруг опять стали с религией бороться. И так мало церквей и храмов осталось, так и их разрушают.

(Когда умер Сталин, в 1953 году, в Советском Союзе осталось 400 синагог, через 10 лет, к концу правления Хрущева, их осталось менее 100. Справедливости ради надо отметить, что борьба велась и с другими конфессиями.)

– Вот Никитку и сняли. А ты как думаешь, что-то изменится? Говорят они все с трибуны красиво...

На следующий день Маняша оставила им завтрак, а сама убежала на работу. За едой Фадей долго мялся, наконец, обратился к Анатолию с неожиданным вопросом:

– Ты знаешь, кто такие евреи?

– Конечно, что за странный вопрос.

– А какие они из себя?

– Я не понимаю, что ты хочешь узнать.

– Как бы тебе обьяснить. Вот во время войны фашисты их всех убивали. Без вины, просто всех хотели извести. А ведь в библии о них написано. И сейчас тоже их у нас не особливо жалуют. Вот смотри, – он достал вырезку из газеты **"Труд" за 16 января 1962 года.** "На скамье подсудимых из всей гоп-компании меламедов, рабиновичей, зисиановичей и им подобных выделяется один. У него картавая речь, крысиная физиономия, горбатый нос, один глаз косит, взгляд вороватый – это Арон, кто же еще?"

В газетах часто писали явно антисемитские мерзости (разгар дела "валютчиков" – когда искали виновников экономического спада).

******

Пока во лжи неукротимы
сидят холеные, как ханы,
антисемитские кретины
и государственные хамы,

покуда взяточник заносчив
и волокитчик беспечален,
пока добычи ждет доносчик, –
не умер Сталин.

(Б.А.Чичибабин)

******

– Вот я хотел посмотреть, как это "крысиная физиономия, горбатый нос", – смущенно закончил Фадей, – хотел бы увидеть, что это за люди такие.

– А помнишь у нас в бригаде были Семен и Борух – так они были евреи.

– Нет, не помню. Я вообще мало что помню. Только тебя, Маняшу, тетю Шуру, Захара, бараки помню, а по ночам снятся леса и как деревья падают. (Потом Федя объяснил, что это такая защитная реакция организма – стереть тяжелые воспоминания и этим спасти мозг, чтобы не сойти с ума.)

– Ладно, покажу.

Вечером все собрались у Миши с Леной познакомиться с сибирским гостем. За окном была холодная слякотная осень, а дома тепло – и телу, и душе. И на столе, было не скудно. И радиола звучала хорошими добрыми песнями. И разговорам душевным было просторно. Вдруг раздался звонок. Вошла смущенная Розочка, приехавшая из Москвы, где она училась в Мединституте. Приехала без предупреждения, сдала зачет и приехала, да не одна, а с кавалером. Дома никого не оказалось, ну где же искать родителей как не у дяди Миши.

– Познакомьтесь, мой однокурсник, Давид.

Давид был явно смущен. Он и так стеснялся ехать знакомиться с семьей Розочки, а тут такое собрание, и все разглядывают – прямо на смотрины попал. Давид был высокий, с черными курчавыми волосами, удлиненными библейскими чертами лица.

Наконец, чудесный вечер закончился. Дома Анатолий спросил у Фадея:

– Ну, как, понравились тебе мои друзья?

– Очень, – с чувством ответил Фадей.

– А кто больше всех? – последовал провокационный вопрос

– Да все понравились.

– А кто красивее всех?

– Все симпатичные, как-то ты спрашиваешь с подвохом.

– Ну, Розочка с Давидом красивее всех. Они, конечно, молодые, потому и красивые. А из нас всех вроде Броня симпатичная, а?

Фадей чувствовал, что какой-то подтекст есть у этих вопросов, но не мог ухватить. Он не связывал эти каверзные вопросы с утренним разговором.

– Так вот, дружок, я тебе скажу – Броня-то наша – еврейка, Розочка – ее дочка от первого мужа и однокурсник ее Давид – тоже евреи. Вот и решай, какие они. Спокойной ночи.

Глава пятидесятая

Почти каждое воскресенье друзья проводили вместе.

******

В тот день никто из близких не болел
и было все нормально у друзей...
И парус где-то вдалеке белел:
глазей! Ну а наскучит – не глазей.

…Трава, песок, дорога, свет и тень,
две лужицы непразднично блестят...
О том, что это был Счастливый День –
я догадался много лет спустя.

(Ирина Акс)

******

Обсуждали все накопившиеся за неделю проблемы и новости, которые правительство дозированно отмеряло народу: что-то там в ЮАР, Йемене, Китае, Вьетнаме, Египете…

***1964 год**. 23 апреля спектаклем «Добрый человек из Сезуана» в Москве открылся Театр на Таганке!*

14 июня на Гаити был организован всенародный плебисцит. На бюллетенях напечатали декрет, провозглашающий президента Франсуа Дювалье пожизненным президентом. На вопрос «Согласны ли вы?» тут же крупными буквами был напечатан ответ «Да». Тот, кто хотел сказать «нет», должен был вписать это от руки, а это означало стать жертвой преследования (все диктатуры похожи друг на друга.)

***1965 год.** 18 марта – советский космонавт Алексей Леонов совершил первый в истории выход в открытый космос .*

День Победы 9 мая объявлен нерабочим днём. И 8 марта - тоже.

В Республике Конго создана пионерская организация.

В связи с 25-летием республик Латвийская ССР и Литовская ССР награждены Орденами Ленина.

(А Эстония,видимо, в чем-то провинилась)

Нобелевскую премию по литературе получил М. А. Шолохов – "За художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время."

Премия мира – не присуждалась. США влезли во Вьетнамскую бойню.

А 5 декабря в Москве прошёл первый в СССР правозащитный митинг.

Савушка рос тихим, спокойным, блестяще учился, никаких проблем с ним не было. С появлением в его жизни Полинки он оживился, стал более активным, веселым. У обоих это была первая и, как оказалось, единственная любовь на всю жизнь. Они никогда и не говорили на эту тему. Их совместное будущее ни у кого не вызывало сомнений.

Розочка училась в Москве в Мединституте, приезжала часто с субботы на воскресенье. Потом стала приезжать все реже, стала ходить на подпольные курсы иврита и основ иудаизма. Стала соблюдать шабат. Все слушали иностранные радиоголоса, стараясь быть в курсе событий.

******

Отчет посла СССР в Израиле Д.С. Чувахина о своей беседе с послом Великобритании в Израиле Дж. Бэйтом: <<Сегодня был с протокольным визитом у английского посла Бэйта. Посол принял в своем рабочем кабинете. В разговоре был затронут вопрос об отношениях Израиля с арабскими странами в связи с последними инцидентами на израильско-сирийской границе. Бэйт заметил, что советский представитель в Совете Безопасности всегда выступает на стороне арабских стран, независимо от того, какая сторона виновата в том или ином инциденте. И на этот раз, – подчеркнул Бэйт, – представитель СССР оказался верен своей позиции и выступил резко против Израиля. Оговорившись, что он совсем не собирается выступать в роли израильского адвоката, посол сказал, что пограничный инцидент от 13 ноября, которым занимался Совет Безопасности в последнее время, был спровоцирован сирийцами и что израильская сторона, будучи в стратегическом отношении на данном участке границы в весьма выгодном положении, вряд ли могла начать стрельбу по сирийцам. Однако советский представитель пренебрег этим фактом и выступил в поддержку сирийской стороны. Посол СССР в Израиле Д. Чувахин. 18/XII/1964>>

Сборник документов: Ближневосточный конфликт. 1947-1967. Док.№ 202.)

******

Чехословакия. 5 января 1968 года. Реформатор Александр Дубчек был избран первым секретарем Коммунистической партии Чехословакии. Он попытался предоставить дополнительные права гражданам, частичную децентрализацию экономики и некоторые демократические свободы, свободу слова и свободу передвижения. 21 августа СССР и остальные члены Варшавского договора (кроме Румынии) вторглись в страну для подавления реформ.

******

Снова, снова – громом среди праздности,
Комом в горле, пулею в стволе:
– Граждане, Отечество в опасности!
Граждане, Отечество в опасности!
Наши танки на чужой земле! ***(Александр Галич)***

******

Манечка знала, что Фаина с семьей перехала в Польшу. Переписка напрямую прекратилась. Но изредка она писала в Баку тете Кларе, которая пересылала ее письма Фаине и получала в ответ такие же редкие послания. А в конце 1969 года Клара Моисеевна вместе с поздравлением к Новому году прислала фотографию Фаины, Юзефа и Гелы. Красивая цветная фотография. А Гела какая взрослая! Все тщательно разглядывали каждую деталь, туфельки, сумочку, фасон платьев, каждую складочку на одежде. Дольше всех ее рассматривала Роза, попросила взять фотографию в Москву показать друзьям. Маня удивилась, кому интересно смотреть на незнакомых людей? Через некоторое время Роза отдала фотографию и заявила, что фотография сделана не в Польше а в Израиле…

У Брони ныло сердце, оно что-то предчувствовало. Наступил 1970 год.

******

Пусть начнется наш год, как положено, с детской улыбки,
С мандаринов, подарков под елкой – и добрых сердец...
И усталым смычкам пусть приснятся любимые скрипки –
И у каждой истории будет счастливый конец. ***(Анна Полетаева)***

******

Глава пятьдесят первая (Документальная.1966-1973)

Период правления Брежнева – период традиционной коррупции и сонного застоя. Так считается... А на самом деле под плотной крышкой парового котла страна бурлила.

Кто помнит о значимых событиях конца 60-х – начала 70-х? О них не писали газеты, не сообщало радио, не показывал ни один канал государственного телевидения (никаких других просто не существовало).

Люди были раздражены до предела бесчестностью бюрократии, повсеместной коррупцией. Нехватка и дороговизна насущных продуктов питания и товаров первой необходимости, непрекращающееся ползучее

повышение цен, несправедливые законы и суды для простых людей и совсем другие для представителей власти. Недовольство, которое нельзя высказать, в народе принято заливать алкоголем, а на почве этого увеличивается количество бытовых преступлений и проявлений антисемитизма.

******

В 1966 году физик-теоретик Евгений Львович Фейнберг избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, но только в 1997 году, через 31 год(!), его позволили избрать действительным членом Академии. Еще у одного академика – Израиля Моисеевича Гельфанда – такой же разрыв. А уж про не столь известных ученых, которым несть числа, и говорить не приходится.

В 1967 году Александр Аскольдов на базе рассказа В.Гроссмана "В городе Бердичеве" (1934 год) снял фильм "Комиссар", который на 20 лет отправили на полку. За эту картину режиссера два раза(?!) исключали из партии – в 1967 и 1988 годах, уволили со студии "за профессиональную непригодность" и, наконец, по требованию секретаря Московского горкома партии Гришина выселили из Москвы за тунеядство. Герасимов проигнорировал пришедший из ЦК КПСС приказ смыть все негативы «антисоветского» фильма. После смерти Герасимова в его сейфе был найден единственный уцелевший негатив фильма, хранившийся там все эти годы. Через 20 с лишним лет фильм «Комиссар», с триумфом прошедший по зкранам страны, стал потрясением для большинства ее граждан.

******

Искусство, культура и даже история, т.е.прошлое страны, подлежали строгой цензуре. И никаких евреев!

В эти годы антисемитизм государственный переплюнул антисемитизм бытовой. На работу не брали, в вузы старались не принимать – негласно существовала 5%-ная норма приема евреев в университеты и престижные вузы. Это подталкивало людей к выезду. Из-за того, что многие уезжали, оставшихся тем более не брали на работу – «все равно скоро уедете.»

Во многих городах страны на кухнях, за закрытыми дверями и окнами, начинали работать кружки по изучению иврита, Торы и еврейской истории. Шепотом бурно обсуждали вопрос эмиграции. С одной стороны, – это наша Родина, здесь могилы наших предков, здесь наш язык и наша (да, наша!) русская культура. С другой, – пятая графа, как клеймо на нас и наших детях, унижения при поступлении в вуз, на работу, запрет на свои язык и культуру. Многие склонялись: "Ехать надо".

17 февраля 1967 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был установлен порядок выхода из гражданства СССР лиц, переселяющихся из СССР в Израиль. <<Установить, что лица, переселяющиеся в соответствии с выраженным ими желанием из СССР в Израиль на постоянное жительство, считаются выбывшими из советского гражданства с момента их выезда из СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.Подгорный

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М.Георгадзе>>

******

Потом наступило лето 1967 года. 5 июня. «*Весь арабский мир уже праздновал скорое уничтожение Израиля, а западный мир готовился его оплакивать, впрочем, не помогая. Когда в самый канун войны Моше Снэ (Депутат кнессета, член партии МАПА́М – Объединённая рабочая партия) пришел к советскому послу в Тель-Авиве Дмитрию Чувахину с последней попыткой уговорить приструнить арабов, тот только посмеялся: «Ну, сколько ваш Израиль продержится? Пять часов? Два дня? Или целых три?»*
Тогда война продлилась шесть дней, ее и назовут Шестидневной.» ***(Авигдор Либерман)***

******

Шестидневная война, начатая Египтом, Сирией и Иорданией против Израиля, закончилась победой Израиля. И Москва тут же разорвала дипломатические отношения с Израилем. Выезд евреев на постоянное жительство в Израиль был приостановлен.

В начале 1968 года в Брюссель прибыла делегация "еврейской общественности СССР" во главе с генерал-полковником танковых войск Д.Драгунским. «Делегаты» громко заявили: "Советские евреи ни в какой защите не нуждаются!" Им никто не поверил.

******

1968. Только за публикацию материалов о минской подпольщице Маше Брускиной были уволены с работы журналисты Ада Дихтярь и Владимир Фрейдин. (Почему? Просто идентификация героини подполья как еврейки оказалась противоречащей идеологической позиции власти)

******

Особо острая напряженность в обществе росла на периферии, где экономическое положение было катастрофическим. Эти требования, смешиваясь с ростом национального самосознания и требованием уважения к своему народу, языку и культуре, представляли весьма взрывоопасную смесь. Это был период, когда тот

самый пар готов был вдребезги разнести котел, а тупое милицейское начальство старалось еще сильнее закрутить гайки.

******

17 мая 1967 года, город Фрунзе. До 700 жителей напали на райотдел милиции, в котором милиционеры забили до смерти задержанного солдата.

13 июня 1967 года. Более тысячи человек участвовали в столкновении жителей города Чимкента с милицией из-за убийства сотрудниками милиции шофёра местного автопарка. Милиционеры применили огнестрельное оружие.

3 июля 1967 года. В городе Степанакерт толпа (более двух тысяч человек), недовольная мягким приговором суда убийцам мальчика, напала на конвой и отбила троих убийц. Их прямо на улице убили и сожгли. Милиция применила оружие.

13 июля 1968 года. Около 4 тысяч жителей города Нальчик собрались на городском рынке. По слухам, в пункте милиции избивали задержанного подростка. Образовавшаяся толпа ворвалась в помещение милиции и убила участкового милиционера.

4 апреля 1969 года. В Ташкенте начались националистические выступления узбекской молодёжи.

******

Бежать из страны, "где так вольно дышит человек", хотели многие, но не всем удавалось. Ведь официально не выпускали! А дальше жить без будущего люди (не только евреи), особенно, молодые, не хотели.
Бежали на лодках по Финскому заливу, через границу на участках с не столь бдительными пограничниками, просили политического убежища, если удавалось выехать за границу в командировку...

Появились смельчаки, решившие любыми путями прорваться за «железный занавес». Началась серия, так называемых, «самолетных дел».

******

5 июня 1970 года. «Ленинградское самолётное дело» – провалилась попытка 12 смельчаков (евреев и неевреев) вырваться из СССР на 12-местном самолете и улететь на нем в Швецию, а оттуда – в Израиль.

В тот же день начались аресты деятелей еврейского движения в Ленинграде, Риге, Кишиневе, Москве, Киеве, Тбилиси, Вильнюсе и Минске. Всего в июне 1970 года было арестовано около 700 человек.

15 октября 1970 года. Отец и сын Бразинскасы угнали Ан-24 с 46 пассажирами на борту, следовавший из Батуми в Сухуми. ***Это был первый на территории СССР удавшийся захват самолёта.*** *Во время угона трагически погибла бортпроводница Надежда Курченко, пытавшаяся помешать угонщикам.*

******

Интересен малоизвестный факт из биографии Иосифа Бродского. Во время поездки в Самарканд в конце 1960 года он и его друг, бывший лётчик Олег Шахматов, рассматривали план захвата самолёта, чтобы улететь за границу, но не решились. Позднее Шахматов был арестован за незаконное хранение оружия.

В январе 1964 года «Вечерний Ленинград» опубликовал письма читателей с требованиями наказать «тунеядца Бродского». (Интересно было бы взглянуть на эти письма). 13 января 1964 года Бродского арестовали по обвинению в тунеядстве и приговорили к пяти годам принудительного труда в отдалённой местности.

Все свидетели обвинения начинали свои показания со слов: «Я с Бродским лично не знаком…», перекликаясь с формулировкой времён травли Пастернака: «Я роман Пастернака не читал, но осуждаю!..».

«Такого поэта в СССР не существует» – заявило в 1968 году советское посольство в Лондоне в ответ на посланное Бродскому приглашение принять участие в международном поэтическом фестивале.

******

21 марта 1971 года в приемную прокуратуры СССР явилась группа евреев из 39 человек – жителей Москвы, Харькова и Новосибирска, – которые настойчиво требовали разрешения на выезд в Израиль.

В ноябре 1971 года большая группа отказников, их было около 20 человек – научные работники, врачи, писатели, художники, преподаватели – пришла на Центральный телеграф Москвы и объявила голодовку. Через три дня их арестовали и посадили на 15 суток.

2 ноября 1973 года. Попытка захвата самолёта Як-40, выполнявшего рейс Москва-Брянск, четырьмя вооружёнными подростками, ранившими двух человек. Подростки обезврежены милицией во время штурма в аэропорту Внуково, один из них убит, один застрелился.

Никита Фёдорович Карацупа – знаменитый Герой Советского Союза, полковник пограничной службы был знаменит на всю страну. За 20 лет службы на границе Карацупа задержал 338 нарушителей границы и уничтожил 129 диверсантов, не сложивших оружие. Но в статьях, прославляющих героя, не уточнялось в какую сторону бежали нарушители. К чести самого Карацупы в личных разговорах он этого не скрывал. По утверждению Никиты Богословского, в ходе его личной встречи с Карацупой последний говорил об этом откровенно.

Под давлением мировых экономических рычагов и движения международной общественности против нарушения прав человека в СССР, тяжелый "железный занавес", казавшийся несокрушимым, приподнимался с отчаянным скрежетом. Пришлось снова разрешить выезд евреям. 10 июня 1968 года принято Постановление: "О квоте выезда в Израиль в 1969 году и в последующие годы" – до 1500 в год. Эти 1500 разрешений выдавали, в основном, пожилым евреям без высшего и специального образования (чтобы задержать "утечку мозгов") и еврейским религиозным активистам (чтобы устранить их "вредное влияние" на остальных).

***[Для сравнения**: Великобритания, под протекторатом которой находилась в свое время Палестина, установила квоту на иммиграцию в нее евреев – "не более **1500 ежемесячно**". И сама же эту квоту не выполняла...]*

Есть такой уже давно навязший в зубах постулат: «История развивается по спирали. Первый раз она появляется в виде трагедии, второй раз – в виде фарса.» Эта фраза, конечно, красивая, к тому же подтвержденная жизнью множество раз, но... Но как быть тогда (и все мы были тому свидетелями), когда каждый новый виток спирали этой безжалостной дамы – Клио (богини Истории) – становится отнюдь не фарсом, а все более и более страшной трагедией? Например, обе мировые войны. И обе начинала Германия. Разве Вторая мировая – "фарс"? Что на это скажут историки?

Из страны выселяли неугодных граждан. Когда-то это уже было...

******

…Осенью 1922 года из страны без всяких судов и следствий был выслан на пароходе 161 человек, элита тогдашней интеллигенции: ректоры Московского и Петербургского университетов, крупнейшие ученые, журналисты, писатели, философы – Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский, Ф. Степун, Н. Булгаков, П.Сорокин… С каждого брали подписку, что он никогда не вернется – при возвращении смельчакам грозил расстрел на месте. ***(Виталий Коротич)***

******

Через 50 лет «верные ленинцы» сделали то же самое. Конечно, надо бы остановить «утечку мозгов». Это с одной стороны. А с другой – следовало жесткой рукой очистить страну от вредных элементов, каковыми, безусловно, являются зараженные свободомыслием деятели всех областей культуры, науки и «слишком умные» евреи. Их выпроваживали из страны без виз, без их просьб и, иногда, против их воли.

Бдительный вождь и его подручные, как и в 20-е годы, продолжали считать культуру рассадником инакомыслия. 1 декабря 1962 года Н. Хрущев ("корифей" среди ценителей искусства) разогнал выставку современных художников в Манеже, использовав при этом нецензурные выражения.

Прошло 12 лет. И что же? 15 сентября 1974 московские художники-авангардисты организовали выставку картин на открытом воздухе на окраине столицы в Беляево, при пересечении Профсоюзной улицы и улицы Островитянова. Выставка была снесена бульдозерами!

Перечисление имен только прославленных во всем мире деятелей науки и культуры – ученых, поэтов, писателей, честных журналистов, изобретателей, философов, режиссеров, художников, скульпторов, композиторов, артистов, музыкантов, певцов, балерин, танцовщиков, балетмейстеров, посаженных в психушки, отравленных психотропными препаратами, высланных из страны или «выдавленных» из нее, заняло бы многие страницы. К великому сожалению истинных патриотов России всех ее национальностей, это созвездие великих составило славу **не СССР, а многих других стран.** Своя страна из матери стала им злой мачехой и отвергла своих выдающихся детей.

3 декабря 1972 года в СССР был принят закон: "О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение". Суммы налога на интеллектуальную элиту были огромными: выпускник МГУ, например, – 12 200 рублей (при средней месячной зарплате по стране 130-150 рублей), кандидаты наук – 15 400 рублей, доктора наук – 17 200 рублей, выпускники других университетов должны были выплатить 6000 рублей. Что ж, государство нашло, как затруднить «утечку мозгов» и одновременно поиметь свой маленький (вернее, немаленький) *гешефт* – 4,5 миллиона рублей в 1972 году. Это решение советских властей вызвало волну протестов на западе. 21 лауреат Нобелевской премии выступил с публичным заявлением, обвинив советское руководство в «массовых нарушениях прав человека». Вскоре денежный сбор был отменён, однако, его заменили дополнительными ограничениями.

11 сентября 1973 года. Неизвестный смертник включил взрывное устройство у мавзолея Ленина на Красной площади. Это была 8-я попытка взорвать мавзолей – попытка мстить мертвому вождю. Сам *смертник и вместе с ним одна супружеская пара погибли, несколько человек, в том числе дети, были ранены. Тело В.И.Ленина не пострадало, поскольку к тому времени саркофаг уже был закрыт пуленепробиваемым стеклом*.

А средства массовой информации, как всегда, выдавали только рапорты о процветании в стране сельского хозяйства, промышленности, культуры и о всеобщем благоденствии.

Глава пятьдесят вторая

1972 год. Как обычно, в воскресный день дружно, тепло и уютно в домике у Феди. Три подружки – Маняша, Броня и Лена – на кухне. У мужчин свои глобальные мировые проблемы, свои разговоры. Савелий с Поленькой воркуют в уголке – скоро свадьба. Коля в своей комнате, не поднимая головы, готовится к экзаменам. Ждали Розочку с Давидом. Вот и они! Но какие-то другие, молчаливые. Мамино чуткое сердце ощутило тревогу...

После обеда Роза ушла в спальню. За ней – Броня. Их долго не было. Все понимали, что маме с дочкой надо поговорить, поэтому сделали вид, что ничего не заметили. Но Полинка, как всегда, сказала прямо, что думала:

– Может, они уже, наконец, объявят свою важную новость?! Сколько можно женихаться!

Ох, Поленька, Поленька...

Через некоторое время Розочка и Броня, обе бледные, вышли из спальни. Розочка, державшаяся неестественно прямо, остановилась у двери.

– Я хочу сказать вам всем... Мне очень трудно говорить... Я хочу сказать, мы с Давидом решили уехать...

Голос ее прерывался от сдерживаемого волнения. В комнате стало тихо. Все были ошеломлены. Федя, Миша, Поленька и Савелий смотрели на Розочку. Анатолий на мгновение взглянул в угол комнаты на бледного Давида и тут же отвел глаза. Маня с Леной опустили головы, не смея открыто посмотреть на Броню, но краем глаза видели, что с ней происходит. В этот момент они, по-женски чуткие, думали о ней – “Бедная, бедная Бронечка, каково ей, должно быть, сейчас!”

И только Коля в своей комнате ничего слышал.

– Это решение стоило мне многих душевных сил и здоровья, – продолжала тем временем Роза. – Родина для меня – не пустой звук. Родина для меня – это вы все, здесь присутствующие, вы все – моя семья. Я вас так люблю!... Говорят, что мы должны быть благодарны стране за все, что она нам дала. Но я благодарна только вам, вы – самые лучшие люди на свете! Ты, папа Федя, помнишь, что тебе не разрешили поехать в Болгарию в отпуск? Почему? Свободные люди ездят по всему миру, учатся в университетах любых стран, но не мы... Ты идеалист, витающий в облаках, ты целиком и полностью погружен в работу. А ты знаешь, почему Колька приходил из школы в 7-ом классе с синяками и ссадинами? Спроси его. Я стала выпытывать у него. Подробностей не добилась, но догадка оказалась верной – неудобная графа в анкете. Он не хотел никому ничего рассказывать, чтобы не волновать тебя.

В это время Коля вышел из своей комнаты. Он привык к веселому шуму за стеной, а тут вдруг шум смолк, все молчат, только тихий голос сестры. И еще он услышал свое имя... Он стоял в дверях, ничего не понимая... Коле потребовалось несколько минут, чтобы вникнуть, о чем говорит сестра. Он стоял в потрясении. И хотя он уже давно интуитивно чувствовал настроение сестры и Давида и предполагал такой поворот событий, все равно известие это ошеломило...

– Как-то ты пошел навестить вдову доктора Гуревича и взял меня с собой, – говорила в это время Розочка папе Феде. – На обратном пути коротко рассказал о нем, о его жизни и смерти. Сказал грустно: "Такое время было..." Ты считаешь, что время теперь другое?

– Дядя Миша, – Розочка повернулась к нему, – помнишь тот день, когда Савелий скарлатиной заболел? Мне было 8 лет, я пришла к тебе на кухню и спросила на ухо: "Скажи, а нас с мамой арестуют и в тюрьму посадят?" Ты меня тогда успокаивал.

Я – никогда – не – смогу – простить – так – называемой – родине – этого – моего – детского – унизительного – страха... У меня сейчас сердце рвется на части, но я... но мы все равно решили уехать. Там мне можно будет называться своим настоящим именем – Рахель, там моя настоящая Родина.

Розочка обессиленно замолчала. То, что она сказала, потребовало от нее огромного эмоционального и нервного напряжения. В горле, в глубине, возник ком, который никак не удавалось проглотить.

В комнате повисла давящая тишина. Никто не решался произнести какие-то слова, которые будут ненужными сейчас и не выразят их состояние.

– Дядя Миша, скажи – ты считаешь меня предательницей? – спросила Розочка, глядя на Мишу полными слез глазами.

Миша медленно встал. (Все смотрели на него – он был самым рассудительным, неформальным лидером в этом маленьком коллективе.) Он вспомнил Арона Эммануиловича Стомахина и другие несправедливости, за которые ему, русскому, было стыдно.

Он протянул руки подошедшей к нему Розочке. По-отечески обнял за плечи.

– Нет, дорогая моя. Я уважаю твой выбор, хотя мне очень грустно. Где бы ты ни жила, мы будем любить тебя всегда.

Маняша с Леной, не сговариваясь, встали и дали своим сигнал собираться. Надо уйти. Как быть свидетелем эмоций семьи в такую минуту? Что бы они ни решили, все равно будут резать по живому.

Броня сидела бледная, безмолвная.

– Идемте спать. Утро вечера мудренее, – Федя увел ее, когда гости ушли, понимая, что в эту ночь никто из них не заснет.

Утром за завтраком Броня сказала:

– Давайте документы, я их подпишу.

Давид, все это время молчавший, наконец, открыл рот:

– Бронислава Абрамовна, я хочу, чтобы вы знали: я очень люблю Розочку, я все для нее сделаю, я ее буду беречь!

– А что говорит твоя мама?

– Она едет с нами, и она тоже очень полюбила Розочку.

Давид уехал с подписанными бумагами. Коля, просидевший в своей комнате над учебниками всю ночь, спал, держа в руках будильник. Федя сказал, что вернется, сразу после утреннего обхода. Ушел печальный и встревоженный. Мама с дочкой остались одни. Неожиданно Броня улыбнулась и обняла дочку. И хотя улыбка была печальной, она накрыла Розочку волной теплоты.

– Я не надеялась, что ты так быстро согласишься.

– Просто я знаю, что все будет хорошо.

******

Ты станешь свободен, как эти орлы.
И, жить начиная сначала,
Увидишь с крутой и высокой скалы,
Что в прошлом потеряно мало! ***(Г. Гейне. Перевод С. Маршака)***

******

– ???

– Я расскажу тебе. Четыре года назад... 68-ой год был очень тяжелым для меня. Вы приезжаете взбудораженные: "Наши в Чехословакии!", "Позор!"... Как я переживала, что ты ввяжешься в какую-нибудь историю!

А тут Колька приходит из школы в синяках и ссадинах. В чем дело не рассказывает. Федя спокоен, мол, ничего страшного, мальчишка дерется, на то он и мальчишка. А я чувствую, что дело серьезнее, чем он думает. И в те же дни я нащупала у себя в груди уплотнение. Ну, сама понимаешь, сразу плохие мысли. Ни с кем поделиться не могу и не хочу. По секрету пошла к онкологу, он договорился показать меня еще какому-то специалисту. Всю ночь не спала. Слезы сами собой лились и не потому, что умереть страшно, но как вас оставить? Колька только в седьмом классе, самый сложный возраст... Ты далеко, за тебя страшно... А тут еще и мои проблемы! Так хотелось молиться! Помню, бабушка шептала: "Борух ата адонай, мелех элохейну...", а как дальше и что это значит – не знаю. Молилась своими словами, как сердце подсказывало. Родителей и бабушку просила быть на небесах заступниками нам.

В ту ночь я долго не могла уснуть, только под утро забылась коротким сном, а проснулась – как заново родилась! Полное спокойствие и уверенность, что ничего страшного у меня нет! И даже отменила встречу с врачом. Сама себе диагноз поставила – мастопатия. А лечится она разными народными средствами: свежим лопухом, капустными листьями, ржаными лепешками...

Дело не в лечении, а в моих ощущениях, в психологическом состоянии, во взявшемся откуда-то чувстве, что все отлично, что мне все по силам, что я могу решить все свои проблемы. И тут же пошла в школу. Такая удача – Колин класс историчка увела в музей, и он не знал, что я пришла поговорить с его классной

– В чем дело, – спрашиваю, – почему Николай приходит домой избитый?

– Понимаете, – отвечает, – учится он отлично, в классе его уважают, никаких споров с одноклассниками. Но... После школы он стал задирать ученика 9 класса. Конечно, между нами, этот ученик – не самый положительный товарищ в школе, даже, можно сказать, хулиганистый парень. Но вот почему умный, справедливый Николай с ним дерется, из-за чего у них конфликт – не могу дознаться. Да у них и компании-то разные...

Я попросила вызвать этого парня – хочу наедине поговорить. Заходит парень. Худой, обыкновенный, но настороженный, смотрит подозрительно, какой-то весь ощетинившийся.

– Давайте познакомимся, молодой человек. Вас зовут… ?

– Андрей, – чуть с задержкой, без тени смущения, ответил, будто думал: отвечать или нет?

– Очень приятно. А я мама Николая – Бронислава Абрамовна.

По чуть-чуть насмешливо прищурившимся глазам подростка я поняла, что подозрения насчет национальной подоплеки драк близки к правде.

– Вас что-то смущает?

– Нет.

– Вы, наверное, знаете, что Колин папа – Федор Николаевич – главврач Первой городской больницы? Я работаю детским участковым врачом. Вот и познакомились. Мой участок в Октябрьском районе, от улицы Свердлова до реки. Вы, случайно, не там живете?

– Нет.

– Я хочу поговорить с вами о моем сыне. Почему вы деретесь с ним? Молчите? Вот и он молчит.

Взгляд Андрея неожиданно изменился, и он внимательно посмотрел на меня.

"Ага, значит Колян не жаловался", – читалось в его взгляде.

– Так как вы оба молчите, и я не могу выяснить, в чем причина драк, я задам вам один-единственный вопрос. Только ответьте мне честно: Коля виноват в сути спора? Проще говоря, он вас чем-то обидел?

– Нет, – хмуро ответил Андрей.

– Ну, ладно, извините, что отвлекла вас от уроков. До свиданья. Постарайтесь нам, врачам, не попадаться, то есть будьте здоровы.

– Я постаралась закончить разговор примирительной улыбкой, – продолжала Броня рассказывать. – В дверях Андрей оглянулся. “Драк больше не будет”, – сказал он, не поднимая глаз… Вот такая история.

– Ах, мамочка, какая же ты у меня хитрая умница! Рассказывай, что было потом.

– Потом было лето, каникулы. Ты у нас в больнице подрабатывала, у меня на глазах была. В новом учебном году драк у Коли не было. Потом вы с Давидом приехали. Я увидела, как он тебя любит, и немного успокоилась – значит, ты не одна в Москве, он о тебе заботится. А вскоре грудь у меня перестала болеть. Возможно, капустные листья помогли... Я понимаю ваши чувства и желание свободы, просто очень страшно за вас... В эту ночь я тоже долго не могла уснуть, но не молилась... Не молилась, не плакала, – продолжала Броня, – только жизнь свою всю вспоминала. И репрессированных родителей, которых почти не помню, и бабушку, с которой жила. Она перед самой войной умерла... Спала я или только дремала – сама не знаю, а утром проснулась с таким же ощущением, что все будет хорошо, как в тот день, о котором я тебе рассказала.

******

В щели мерцал мутный свет, сероватый, как вода на водопое. Время, терпеливо и кротко дожидавшееся, когда у ночи иссякнут силы, теперь готовило поле к приходу утра, как вчера, как всегда…

Из уважения к истине скажем, что мысли Марии не были так отчетливы и ясны, ибо мысли больше всего напоминают спутаный клубок ниток с торчащими во все стороны концами покорно податливыми или, наоборот, натянутыми так туго, что, дернув за них, можешь пресечь дыханье, а то и вовсе ненароком удавиться, но чтобы узнать и измерить всю длину этой втрое скрученной и перепутанной нити, надо размотать и растянуть клубок, а это при всем желании самому, без посторонней помощи, сделать нельзя – кто-то в один прекрасный день должен явиться и сказать, где следует перерезать пуповину, и связать мысль с тем, что породило ее. ***(Жозе Сарамаго. Евангелие от Иисуса)***

******

Как все-таки одинаково думают очень любящие люди! Не зная Меира Тобисельского, (история которого описана в третьей книге) она в унисон с ним сказала:

– Если я буду знать, что вы живы, здоровы, счастливы, но живете Бог знает где – хоть в Израиле, хоть на краю света, и даже зная, что никогда вас больше не увижу, я буду благодарить Б-га за те короткие весточки, которые стану получать от вас.

Через несколько недель после описываемых событий в больницу к Федору Николаевичу пришла вдова доктора Гуревича попрощаться. Единственные родные – внучатые племянники уезжают в Израиль и забирают ее с собой.

1972 год приближался к своему завершению. Давид с Розочкой зарегистрировали свои отношения только для ОВИРа, для получения совместных выездных документов, а настоящее бракосочетание по еврейским обычаям, с хупой, было запланировано провести в самом Иерусалиме. На общесемейном совете решено было, что провожать их поедут Броня и Анатолий. Федя и Миша были весьма заметными фигурами в городе.

Броня просто взяла отпуск и уехала в Москву к дочке. Познакомилась с мамой Давида, помогала собираться. Потом на помощь к ним приехал Анатолий – незаметный, беспартийный, надежный и верный Анатолий.

И все вместе поехали в Чоп. В вагоне они ехали вместе с большой семьей горских евреев из Баку. Пожилая женщина – Зильфа-ханум, два ее сына, две невестки и шестеро внуков. Младшая невестка – Бася – подружилась с Розочкой, хотя по возрасту годилась ей чуть не в матери. А младший сын Зильфы с редким еврейским именем Хаскел, шустрый и предприимчивый, нашел в Чопе носильщиков, которые за определенное вознаграждение пронесли все их вещи, минуя проверки, прямо к вагону. По рассказам друзей и знакомых, они знали, каким изощренным унижениям подвергают "предателей Родины" таможенники своими откровенным вымогательством. Не то, чтобы у наших героев было что-то недозволенное, упаси Боже, а только жела-

ние сберечь нервы. Но уж при личном досмотре таможня делала все, чтобы у отъезжающих впоследствии не возникло и капли ностальгии.

******

Ах, если бы... Какое удивительное, в сущности, выражение... Оно дает толчок и простор для фантазии. Ах, если бы... Анатолий сказал в вагоне:

– А моя жена Маняша была в Баку и подружилась там с Фаиной Тобисельской...

Или Басенька упомянула бы в разговоре свою девичью фамилию... Тогда бы они поняли, кто есть кто и какие нити их связывают.

Ах, если бы... хоть после возвращения из Чопа Броня, рассказывая, с кем они ехали в одном вагоне, упомянула имена Баси, Хаскела, Зильфы-ханум, то Манечка сразу догадалась бы, о ком идет речь (и это подтвердило бы ее догадку, что Фаина с семьей живут в Израиле)... Ах, если бы... Ах, если бы... Но этого не случилось, как бы мне, автору, ни хотелось.

После проводов Анатолий и Броня вернулись домой притихшие, и друзья не стали терзать их расспросами. Все ждали писем.

******

И тем, кто останется там, то есть здесь,
Мы будем писать обо всем, что ни есть,
Мы будем писать им – пусть кажется сном –
Квадратные письма квадратным письмом.
Из сердца мы будем писать на восток,
Направо направив на почте листок,
А в сердце мы станем на запад писать,
Налево склонив путевую тетрадь.
…А год подбирается тихо к концу,
Когтями морщинок прибавив лицу,
Мы станем чуть старше, не станем старей.
Поедем, поедем, поедем скорей!

(Аля Кулешова)

******

Глава пятьдесят третья

После отъезда Розочки семья ходила грустная. Броня еще держалась, а Федя как-то сильно постарел. Да и на работе проблемы, лезут наверх не специалисты, а карьеристы.

Как-то, оставшись с сыном наедине, он затронул эту щепетильную тему: как живется ему – полукровке. Коля имел характер веселый, жизнерадостный, с ним было легко, у него было много друзей.

– Так я никогда на этом не зацикливался, – сын удивленно развел руками, – живу, как живется. По справедливости. Если кто плохое про евреев что скажет, так я не спущу, бывало, и по морде дам. А если о русских начнет кто выступать, тоже не промолчу.

******

Во мне бурлит смешение кровей,
Признаюсь по отцу я чисто русский.
По матери, простите, я–еврей,
А быть жидом в стране родимой грустно.
Разорван в клочья бедный организм,
В какой борьбе живет моя природа.
Во мне слились в обьятьях сионизм
Навек с Союзом русского народа.

(Эльдар Рязанов)

******

– О, это уже становится интересным, неужели на русских кто-то наезжает?

– Да всякое бывало. Говорят, что русские еще при царизме колонизировали Среднюю Азию и Закавказье. Мол, тюрьма народов. Я говорю, что Россия принесла этим народам цивилизацию. Знаем, какая цивилизация, пьянство сплошное, вот народы Севера вырождаются, генофонд нации исчезает, ну и так далее. Да, ладно, папа, не бери в голову, мы же с тобой знаем, что хороших людей много, а все остальное не имеет значения.

В Коле каким-то счастливым образом сочетались веселье с рассудительностью, жизнерадостность и ответственное отношение ко всему, легкость в общении и строгий выбор близких друзей.

******

«Я еврей, но не вижу в этом причины ни для гордыни, ни для стыда и отстаиваю свое происхождение лишь в одном случае: перед лицом антисемита». ***(Марк Блок, французский историк)***

******

Поленька вышла замуж за Савелия, примерно в то же время и Гела справила свадьбу. Судьбы в чем-то похожи, а жизни текли по-разному.

Поля научилась у мамы красиво вязать, художественным вкусом не была обделена. А папа по наследству передал ей технический склад ума. После окончания вуза дядя Миша устроил ее в СКБ (специальное конструкторское бюро) приборостроения. Там она занималась дизайном, чтобы приборы были не только функциональны, но удобны в работе и красивы, эстетически привлекательны. Работа ей очень нравилась.

Савушка окончил педагогический институт, стал самым известным и уважаемым учителем в городе. Федор Николаевич подарил ему редкое издание "Республики Шкид".

Савелий Михайлович Семенов! У него в классе не было троечников! На его уроках было весело и интересно. Главное – заложить интерес к учению как можно раньше.

Что интересного можно рассказать о числах? О самых простых цифрах. Цифры: два-дцать, три-дцать, пять-десят и т.д. содержат в себе разное количество десятков – 2,3,5. Раньше была цифра "четыре десяте", а потом ее сменило слово "с**о**рок". Почему? Оказывается, слово происходит от понятия «связка меховых шкурок» (соболей, куниц и пр.). Связка из 40 собольих шкур представляла собой единицу меры при торговле, так как именно столько требовалось для шитья одной шубы. Шкурки заворачивали в ткань, которая называлась "с**о**рок" (от этого произошло и слово "сорочка")

На уроках математики и физики он, бывало, читал отрывки из "Автобиографии" Бранислава Нушича:

<<Глава "Математика".

– Что будет со скобками, если перед ними поставить плюс? – спрашивает учитель. Ученик сразу же вспоминает стихи: «Если перед скобкой поставить крест, то он эту скобку немедленно съест» – и поступает соответствующим образом.

Глава "Физика". Теорема Пифагора в стихах гласила:

Квадрат гипотенузы – запомни навсегда – вполне квадратам равен двух катетов. Да, да!>>

А разве не интересно, что на данный момент существует более 300 доказательств этой теоремы. Когда из его класса раздавался громкий хохот, вся школа в этот момент завидовала сидящим на его уроке ученикам.

Спросите у любого взрослого человека закон Архимеда. Не все вспомнят. А любой (я утверждаю, любой!) человек, учившийся в школе N8 с 1972 по 1989 годы в Н-ске, разбуди его ночью и спроси закон Архимеда, сначала вспомнит*: Тело, всунутое в воду, / Выпирает на свободу*

С силой выпертой воды / Телом, впертого туды.

А потом перейдет к классическому определению: на тело, погружённое в жидкость (или газ), действует выталкивающая сила, равная весу вытесненной этим телом жидкости (газа).

Или: *Знает даже каждый школьник, / Что такое треугольник./ Но совсем не каждый знает / Замечательный закон: / Сторона его любая, / Даже самая большая, / Меньше суммы двух сторон.*

Савелий Михайлович понимал, что не все родители могли нанять репетиторов, а это очень плохо и не справедливо, когда у учеников нет равных возможностей. Он организовал при Доме учителя так называемые "Школу юных математиков" и "Школу юных физиков". Каждое воскресенье с 10 до12 дня приходили на занятия все, кто хотел, кому интересно. Там с ребятами занимались, кроме Савелия Михайловича, хорошие педагоги на общественных началах. Он составлял расписание так, чтобы каждый педагог-энтузиаст был занят только раз в 1,5-2 месяца, объяснял какую-либо сложную, интересную тему, не входящую в школьную программу. Все ученики боготворили Савелия Михайловича.

******

13 ноября 1975 года в Ленинграде умерла Ольга Берггольц.

После войны на гранитной стеле Пискаревского кладбища, где покоятся 470 000 ленинградцев, умерших во время Ленинградской блокады и в боях при защите города, были высечены её слова:

<<Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции.
Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем,
Так их много под вечной охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто.>>

Перед смертью она просила похоронить ее на Пискаревском мемориальном кладбище рядом с теми... Но власти города не захотели выполнить последнюю волю поэта.

Почему правительственная бюрократическая номенклатура так **ненавидит** творческую интеллигенцию даже после смерти?.. За что?..

Она была похоронена на Литераторских мостках Волковского кладбища. (Памятник на могиле поэтессы появился только в 2005 году!) После смерти Ольги Берггольц её дневники, которые при её жизни не были

опубликованы, и весь её архив был конфискован властями и помещен в спецхран. (Только некоторые фрагменты дневников и некоторые стихотворения появились в 1980 году в израильском журнале «Время и мы».)

Почему правительственная бюрократическая номенклатура так **боится** творческую интеллигенцию даже после смерти?.. За что?..

Памятник знаменитой ленинградской поэтессе, пережившей Блокаду, установили к 105-летию со дня ее рождения. Местом для монумента выбрали Палевский сад, неподалеку от Невской заставы, где прошли детство и юность будущей поэтессы.

Скульптура Ольги Берггольц выполнена четко и лаконично. Она как будто всматривается вдаль, а за ее спиной — непокоренный Ленинград в виде разрушенной стены дома. На монументе также высечены строки из стихотворений, посвященных защитникам города.

Памятник Ольге Берггольц

******

А в нас самих, труслив и хищен,
не дух ли сталинский таится,
когда мы истины не ищем,
а только нового боимся?

Я на неправду чертом ринусь,
не уступлю в бою со старым,
но как тут быть, когда внутри нас
не умер Сталин?

(Б.А.Чичибабин. 1959)

******

Полина с Савелием жили дружно, любо-дорого смотреть. Она "уверенно вела семейную лодку по волнам жизни". Очень редко бывало, что он поднимал голову от книг или ученических тетрадок, внимательно смотрел на Поленьку и ласково говорил ей, что он бы решил данную проблему не так, а иначе. И не было случая, чтобы она спорила с ним или настаивала на своем, признавая его ум и лидерство.

Здоровья Савелий был не слишком крепкого, что еще с молодости очень тревожило родителей. Лена думала, что это осложнение после скарлатины, которой Савушка переболел в детстве, а Миша, с грустью вспоминая матушку Лидию, считал, что это генетика. Характер и душа, так же, как имя, у него были от дедушки – отца Савелия, а здоровье – от так рано ушедшей бабушки.

В 1977 году у Полины и Савелия родился сын – Славик.

Надеюсь, уважаемый читатель сможет вспомнить первую главу романа, речь в которой шла о Славе, ученике 10-го класса, ставшем впоследствии известным психологом. В третьей главе я решила рассказать о его предках и... влезла в такие дебри, что только-только сейчас подошла к моменту рождения моего главного героя Славы – **Вячеслава Савельевича Семенова**…

******

Имя Вячеслав – "наиславнейший" – очень звучное, оно зовет к лидерству. Вячеслав обладает обостренным чувством справедливости.

******

Наконец в счастливой семье появился ребенок, окруженный заботой любящих родителей, двух бабушек и двух дедушек, которые вкладывали в него и много душевного тепла, и нравственных начал, и мастеровых навыков, и прочих мудростей. А еще у дедушек и бабушек были друзья – Федор Николаевич и тетя Броня и их сын дядя Коля, которые баловали Славочку. А еще была какая-то незнакомая далекая тетя Роза-Рахель, которая изредка присылала из-за границы подарки – то игрушки, то туфельки...

Для бабушек и дедушек большая радость – внучок Славочка подрастает. Крепкий, боевой. А как он любит слушать их рассказы о детстве и молодости, о жизни в Сибири, о войне. С интересом разглядывает бережно хранимую, чуть потускневшую американскую открытку от Сола Тобисела, с которым дедушка Миша познакомился, освобождая концлагерь от фашистов. (Надо сказать, что в конце 80-х Миша написал письмо Солу, но оно вернулось – адресат выбыл...) В шкатулке, которую ему сделал дедушка Толик, среди прочих сокровищ самое главное место занимала эта открытка. На ней были изображены дом и сад, покрытые снегом, который сверкал и искрился, замерзшая речка и ребятишки на коньках. Слава нежно гладил "снег" на крыше домика. И

думал, что когда-нибудь, через много-много лет, он будет сидеть рядом со своим сыном или даже внуком и рассказывать ему историю своей семьи и показывать эту открытку.

Глава пятьдесят четвертая

В 1985 году Федора Николаевича выпроводили на пенсию. С почетом. Он готовил на смену своего заместителя – молодого талантливого врача. Но назначили другого. Федор Николаевич расстроился куда больше чем его протеже. Тот сказал, что не любит административную работу, что лечить людей – его призвание, что он вполне доволен своим положением.

******

Как только открылась возможность, Коля полетел в гости к сестре. Будучи к этому времени уже неплохим врачом, после посещения больницы в Израиле, где работали Роза с Давидом, он увлекся медтехникой. Там такое оборудование, такая аппаратура, такие методы диагностики, не говоря уже о лечении и хирургии! И Коля в 30 лет снова стал студентом – решил переквалифицироваться. Медицинское приборостроение будет теперь делом его жизни.

Через полгода и Федя с Броней полетели в Израиль на целых два месяца! Вернулся Федя в потрясении. (его потрясение было б**о**льшим, чем у Манечки от Баку) Какая страна! Какие больницы! Рассказам несть числа.

А какие внуки! Сколько радости они приносят! Самостоятельные, умные, решительные, ничего и никого не боятся. Родители постарались сохранить в семье русский язык, и дети – Рон, Шон и Лэя легко общались с бабушкой и дедушкой, на каникулах водили их по городу. Как-то сидели они за столом; из настежь открытого окна слышны крики играющих детей (Федю поражало, что все в Израиле говорят очень громко и жестикулируют, со стороны кажется, что ругаются или спорят, а потом дружески похлопают друг друга по плечу и мирно расходятся).

Вдруг Давид прислушался, сделал знак всем замолчать, потом рассмеялся и, высунувшись в окно, позвал Рона. Оказывается, он услышал, как Рон хвастался друзьям:

– Ко мне дедушка из России приехал. Он во время войны всех фашистов убил. А вообще он доктор – самый лучший. Если президент России больной, всегда дедушку вызывают – только он может вылечить.

Когда Рон вошел, все постарались выглядеть серьезно, но стереть улыбки с лиц не очень удавалось.

– Ты что так хвастаешься перед соседями?

– А что, вот мой *хавер* (друг) хвастается, что его дед самый великий архитектор, что он в Москве Кремль построил, а мой что, хуже что ли? – и убежал довольный.

Видя, как тоскует Федя по работе, Розочка брала его с собой на дежурства (с разрешения администрации, конечно). Он был в госпитале волонтером. Посещал русскоговорящих пациентов, в основном тяжелых и пожилых, говорил с ними, выслушивал жалобы, семейные проблемы, у многих была ностальгия по молодости, по работе, по друзьям. После этих доверительных разговоров больным становилось легче. А Федя приглядывался к работе госпиталя и тосковал, что не может сделать у себя то же самое, забывая, что он уже не главврач.

Кроме того, они и попутешествовали немало. Несколько раз были Иерусалиме. В Храме Гроба Господня потрясло обилие христианских конфессий и их разобщенность.

******

Иерусалимский Храм Воскресения Христова, более известный как Храм Гроба Господня, стоит на том месте, где, согласно Священному Писанию, был распят, погребён, а затем воскрес Иисус Христос. В храме ежегодно совершается церемония схождения Благодатного огня. Основные права владения и пользования святынями Храма принадлежат Иерусалимскому патриархату.

Современный Храм Гроба Господня – архитектурный комплекс, включающий Голгофу с местом Распятия, ротонду (сооружение с куполом, под которым непосредственно расположена Кувуклия), Кафоликон (соборный Храм Иерусалимской Церкви), подземный Храм Обретения Животворящего Креста, Храм Святой Равноапостольной Елены, Алтарь гвоздей и несколько приделов. На территории Храма Гроба Господня расположено несколько монастырей, ряд вспомогательных помещений, галерей и т. п.

******

Католики, протестанты, православные, греки, армяне, грузины, болгары, сирийские христиане, эфиопские христиане, копты, церковь францисканцев, могила св. Иосифа Аримафейского, Храм св. Равноапостольной Елены... От объяснений экскурсовода кружилась голова. У каждой конфессии свое место и часы для молитв. Литургию в Храме в 1 час ночи служат православные, армяне – в 4 часа утра, католики – с 6 часов утра до 9.

Чтобы никто не претендовал на главенство в Храме, ключи от храма Гроба Господня с 1109 г. (по некоторым данным - с 1192 г.) хранятся в почтенной мусульманской семье Джудех (Адиб Джудех, распоряжающийся ключами сейчас, называет Храм Гроба Господня символом сосуществования ислама и христианства), а право отпирать и запирать двери храма этими ключами принадлежит другой мусульманской семье, Нуссейбэх. Эти права и сами ключи на протяжении веков передаются по наследству от отца к сыну.

Федя сфотографировал нынешнего "ключника" Храма – Ваджи Нуссейбэх.

Нередко случаются конфликты между конфессиями, вплоть до драк.

В 1977 году греческий дьякон поставил аналой (подставка для икон и книг) за черту, которая отделяла армянскую часть храма от греческой. Началась схватка. Время от времени религиозные разногласия перерастают в рукопашные бои. На протяжении долгого времени продолжается конфликт между эфиопскими и коптскими священниками, который делает невозможным укрепление крыши.

В 2002 году, спасаясь от жары, коптский монах передвинул свой стул в тень, что было расценено эфиопскими христианами как посягательство на их территорию. В последовавшей стычке пострадали одиннадцать монахов – семеро эфиопских и четверо коптских.

******

Если бы в одно прекрасное утро мы обнаружили, что отныне все люди – одной нации, одной веры и одной расы, то еще до обеда мы бы изобрели новые предубеждения. ***(Джордж Эйкен)***

******

И еще потрясла Федю Кейсария с древним амфитеатром. Это город был построен Иродом Великим как римская столица провинции и как крупный морской порт того времени. Город питали водой два акведука. Во время Иудейской войны еврейское население города было практически полностью вырезано. По Иосифу Флавию при этом погибло около 20 тысяч евреев. Отсюда вышел легион, разрушивший Иерусалим.

Здесь же был казнен знаменитый рабби Акива – с него живьем содрали кожу. Рабби Акива был казнен в числе знаменитых 10 мучеников. (Когда-то доктор Левин рассказывал Николаю Петровичу их трагическую историю. А теперь Федя – наследник Николая Петровича – находится в тех местах, где это произошло...)

******

Важность Кейсарии с христианской точки зрения основывается на рассказе, приведенном в Деяниях Апостолов, в главе десятой о сотнике Корнелии и апостоле Петре – именно здесь были отменены правила, предписывающие христианам следовать всем еврейским традициям и здесь же новую религию принял первый нееврей. В местной тюрьме сидел апостол Павел. Кейсария стала центром христианской культуры. В ней находилась обширная библиотека, вторая после Александрийской. Персы, а потом арабы, уничтожили эту культуру. Цитадель Кейсарии стояла на мысу. Остались видны следы рва, защищавшего цитадель. Этот ров спас защитников города в 1220 году, когда эмир Дамаска аль Муаззам взял город. Жители бежали в цитадель, и их спасли оттуда генуэзские корабли, эвакуировавшие их в Акко.

Окончательно разрушил город в марте 1265 года султан Байбарс после длительной осады. И снова жители бежали в Акко морским путем.

******

Вот окончились два месяца, и наши путешественники, нагруженные впечатлениями и подарками, летят домой. В самолете разговорились с сидящим рядом российским гражданином, который тоже летел домой, полный восторгов.

– Жаль, что командировка была такая короткая. Хотели нас только на 3 дня послать, хорошо еще выпросили неделю, – собеседник оказался разговорчивым, с хорошим чувством юмора и быстро нашел с Федей общий язык. – До чего же страна удивительная. Посудите сами, я был на конференции по эвкалиптам, – и начал рассказывать увлеченно, взахлеб.

– "Эвкалипты в парках, чуть качаясь, стройными шеренгами стоят", – напел Федя популярную когда-то песню.

******

Родина эвкалиптов – Австралия. Их листья повернуты ребром к солнцу и опущены вниз, чтобы ценная влага не испарялась, а стекала с них на жаждущую почву. Удивительно красивые цветы привлекают пчел,

которые дают превосходный мед. Пушистый медвежонок – коала живет в кроне эвкалиптов, питается исключительно его листьями и получает при таком однообразном меню все необходимые питательные вещества. В 1880 году император Абиссинии (Эфиопии) Менелик II решил найти деревья, которые не боялись бы жары и давали бы много тени. Ими стали эвкалипты, украсившую новую столицу, которая получила имя Аддис-Абеба, что означает "Новый цветок". С тех пор эвкалипты покоряют земной шар.

В 1910 году д-р Эдмундо Наварро де Андраде ввез эвкалипты в Бразилию. Эвкалипты помогли восстановить исчезающие леса и поднять экономику, а д-р Наварро был удостоен особой медали. Сейчас в Бразилии растет более двух миллиардов эвкалиптов.

Итальянцы использовали влаголюбивые эвкалипты для осушения Понтийских болот.

Сейчас более 50 стран культивируют эвкалипт. Сок из коры и древесины – кино (ударение на первом слоге) – красное тягучее вещество, используется для остановки кровотечения. А о ценном масле из листьев эвкалипта написаны тома. В естественных условиях масло испаряется с поверхности листа и наполняет воздух микрокапельками, которые придают эвкалиптовому лесу голубой оттенок. Горы, оружающие Сидней с запада, так и называются – Голубые горы.

******

– Представляете, как дышится в этих лесах... Древесина у эвкалиптов замечательная, – увлеченно продолжал ученый, – плотная, твердая, гладкая, смолистая и тяжелая (тяжелее воды), гниению почти не поддается. Из нее делают обшивку для кораблей, опоры для мостов, рукоятки столярных инструментов, употребляется в строительстве, для заготовки столбов, шпал, шашек для торцовых мостовых, в подводных сооружениях. Из коры получают отличную бумагу, картон. Можете себе представить, как сильно бумажная и деревообрабатывающая промышленности завязаны на эвкалиптах. И вдруг на эти чудесные деревья напала какая-то мошкара, которая стала поедать листья, кору, короче, губить деревья. Не буду утомлять вас ее латинским сложным именем, поверьте мне, что мошка наивреднейшая. И во всех странах одновременно заболели эвкалипты, кроме Австралии.

Как вы думаете, что делает руководство (и что интересно, во всех странах одинаково)? Вызывает, скажем, министр, и очень строго (в некоторых странах даже стучит кулаком по столу) указывает ученым самым срочным образом решить проблему. А что можно сделать? Самое стандартное решение, которое сразу приходит в голову: нужны какие-то химикаты, которые погубят вредную мошку.

Легко сказать. Сначала надо создать это средство, протестировать, потом построить на химических заводах мощности для производства, произвести тонны и тонны его, затем нужны самолеты для распыления. И что мы будем иметь в итоге? Вместе в вредной мошкой погибнут и полезные насекомые, муравьи, из этих лесов улетят птицы. Одним словом, в угоду целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности пострадает экология. А что придумали эти умные евреи? Несколько ученых полетели в Австралию посмотреть, почему же их эвкалипты стоят себе целенькие и здоровенькие.

– Что же они увидели?

– Голубчик, видите, питание разносят, сейчас подкрепимся, и я вам расскажу.

– Ну, нет, так не пойдет. Сначала заинтриговали, так уж будьте добры продолжайте, я вам за это свой обед отдам, – пошутил Федя.

Оба рассмеялись, и собеседник продолжил:

– Эти умные еврейские ученые разглядели живущих на австралийских эвкалиптах хороших насекомых, которые поедают плохих. Вроде знакомых нам божьих коровок, которые чрезвычайно прожорливые и могут съесть за сутки до сотни мелких насекомых – тлей, паутинных клещей, червецов, белокрылок, причем они охотятся не только на взрослых особей, но также поедают их личинки и яйца. У всех народов эти жучки считались символом добра, благополучия, доверчивости. *(Интересно, что в 55 мировых языках существуют названия этих насекомых, так или иначе связанные с понятием Бога! Этих насекомых называют «божьими овечками», «божьими коровками», «божьим скотом» и т.д.)*

Все, проблема решена. Собрали они хороших жучков в пробирочку, насобирали их яичек, поблагодарили австралийцев и уехали домой, в свой родной Израиль. Хорошие насекомые теперь размножаются за здорово живешь – так много у них корма. Эвкалипты выздоравливают. Не надо создавать вредный химикат, не надо строить на заводах мощности для производства, не надо производить тонны и тонны его, не нужны самолеты для распыления. Не погибнут хорошие насекомые, не пострадает экология. И главное, все это умно, здорово и дешево.

Как обидно, что сами до этого не додумались. С другой стороны, если бы я и додумался, кто бы меня в Австралию отпустил? Вот и сейчас летели – из пяти человек – двое специалисты, трое – администраторы.

Теперь ученые Израиля делятся опытом со всеми странами, всем на конференции раздали образцы, яички, инструкции. Ну до чего же они умные.

– Да, согласен полностью. Вот у меня жена еврейка, – согласился Федя, показывая на Броню. Обычно молчаливая Броня вдруг начала смеяться.

– Ох, Федюшка, насмешил. Ты сейчас сказал точно так же, с такой же горделивой интонацией, как Рончик сказал о тебе: "Мой дедушка – самый лучший доктор!"

Федя рассказал о том, что ему больше всего понравилось в израильских больницах. Расстались новые знакомые весьма довольные друг другом.

[*Много лет спустя Коля рассказал мне о новом израильском методе борьбы с фруктовыми мухами. Основным методом борьбы с ними во всех сельскохозяйственных регионах мира до сих пор было опрыскивание деревьев химикатами. Некая израильская фирма разработала способ разводить фруктовых мух мужского пола и стерилизовать их путём облучения. Потом эти мухи благополучно выпускаются на волю и у них нет потомства. Теперь эта фирма продает миллионы бесплодных мух многим странам.*

На стерилизованных мухах можно заработать!..]

******

Через несколько лет все наши друзья один за другим, вслед за Федей, вышли на пенсию. Больше всех от безделья тосковал Миша. Часто навещал свой завод, но уже не был там своим. Миша и Анатолий находили себе работу – сделали ремонт в своих квартирах и Федин домик подлатали, насколько могли.

Глава пятьдесят пятая

Летом 1988 года Маня получила письмо из Баку от Эдиты. Это было последнее прощальное письмо. Она описала жизнь Фаины с Юзефом, Гелы с мужем и тремя детьми, Баси с Хасиком и их детей и внуков в Израиле. Вложила несколько фотографий. Написала, что в Баку творятся жуткие события. И они уезжают из Баку навсегда...

<<*Жить стало совсем невозможно. Подрастают внуки. Не сегодня-завтра их призовут в армию и пошлют воевать в Афганистан, неизвестно с кем и неизвестно ради чего... Мы решили уехать. В Баку творятся ужасные вещи. Националисты проверяют население на чистоту крови. По улице хожу с шестиконечной звездочкой на виду, показать,что я не армянка, и с паспортом в кармане для более строгой проверки...*

Когда мы бежали из Польши, спасая свои жизни, и попали в Баку, Бася с Фаиной приспособились быстрее, чем я и мама. Много лет должно было пройти, родились и выросли дети на земле, ставшей родной. Теперь здесь могила мамы, а мы опять должны бежать, искать новую родину...

На всякий случай посылаю адрес Фаины. Напиши ей, если захочешь. Но кто знает, как повернется жизнь? Может, опять будет преследоваться связь с заграницей?..

Фанечка всегда с необыкновенной теплотой вспоминает тебя. Не только Фанечка, но мы все тебя искренне полюбили и желаем, чтобы Господь всегда смотрел на тебя с доброй улыбкой.>>

1988 год. Из Советского Союза уезжали не только евреи. Уезжали обманутые лживыми обещаниями родной земли, текущей молоком и медом (это, правда, из другой оперы, но очень похоже), армяне-репатрианты. Уезжали пятидесятники, благодаря помощи Толстовского Фонда. И многие другие.

Вспомним Арончика Кагановича, который ехал с Маняшей в одном вагоне в далеком 1936 году, осиротел и был принят в добрую семью пятидесятников. Сейчас он глава большой семьи – Арон Полищук. Более полувека прошло, и теперь он уезжал в неизвестную Америку. Ехал он со своим названным братом, оба с многочисленными домочадцами, занимали почти весь вагон. Всю дорогу старшие Полищуки стояли у окна и вспоминали этот путь на восток более полувековой давности. Теперь они едут на запад, надеясь на помощь Божью и свои трудовые руки.

Конечно же, вспоминали Шуру и ее байки. И даже бандит Виктор не казался таким отвратительным, как тогда... Воспоминания о дедушке разбередили душу. Бедный, бедный дедушка, как, наверное, ему было страшно умирать, оставлять маленького внука таким беспомощным в этой жуткой действительности.

– А как ты думаешь, если сойти на этой станции, смог бы я разыскать могилу деда? Тетя Шура обещала смотреть за ней...

– Даже не думай. Я никуда не отпущу тебя.

Маленькая внучка не понимала, почему ее любимый дедушка плачет. Она обнимала и вытирала его слезы. (Маленькую внучку звали Эстер – мы еще с ней встретимся) Арон открыл старый молитвенник, нашел поминальную молитву…

******

Слава хорошо помнил рассказы дедушки Миши о его отце Савелии. Помнил его очень светлое христианское рассуждение:

– Люди бывают неразумны и эгоистичны – все равно прощайте их.

– Если вы проявили доброту, а люди обвинили вас в тайных побуждениях – все равно проявляйте доброту.
– Если вы честны и откровенны, то люди могут вас обманывать – все равно будьте честны и откровенны.
– То, что вы строили годами, может быть разрушено в одночасье – все равно продолжайте строить.
– Добро, которое вы сотворили сегодня, люди позабудут завтра – все равно творите добро.
– Делитесь с людьми всем, что у вас есть, и им этого никогда не будет достаточно – все равно делитесь с ними.
– Неважно, кто и что говорит о вас – принимайте все с улыбкой и продолжайте делать свое дело.

Оказалось, что это был последний доверительный разговор с дедушкой Мишей...

Когда жизнь переваливает через вершину, человек невольно задумывается о ее конце. Да и окружающая жизнь не дает забыть. Уходят в страну воспоминаний друзья, родные, сослуживцы, сверстники... Все мы смертны... Но люди по-разному думают о ее приближении. Кто-то не верит ни в черта, ни в дьявола. Бывает, что плохие люди с червячком в душе боятся смерти, от этого часто становятся еще злее, иногда заливают свой страх алкоголем. Добрые настроены более философски. Легче всего истинно верующим людям. Они верят, что их души возвращаются ко Всевышнему.

******

Ты же сильный, уверенный,
Как же смог ты в пути,
Улыбнувшись растерянно,
Вдруг на землю сползти.
Не помогут привычные
И слова, и слеза...
"Один случай из тысячи" –
Врач, бледнея, сказал.

Мы делами замотаны,
Но на помощь спеша,
Рвутся жизни аортами,
И сгорает душа.
Твое имя мне высечь бы
По планете вокруг:
Один случай из тысячи –
Если есть такой друг!

(Марк Мордухович)

******

В начале 1989 года умер Миша. Как Федя убивался, как себя корил, что не уберег...

А в конце этого же несчастного года ушел из жизни его сын Савелий Михайлович. Такой великий педагог, такой добрый и честный человек, которого любили абсолютно все, ушел из жизни так рано… Едва перевалив через свое сорокалетие… Его оплакивал весь город. Невозможно описать состояния Лены, потерявшей и мужа, и сына... Она таяла, как свечка, таяла ровно год...

Глава пятьдесят шестая (Документальная.1989-1992)

Лавина прокатились по компартиям соцлагеря. Румыния запретила деятельность компартии – первая из стран Варшавского договора. За ней Болгария. В Югославии также была отменена монополия коммунистов на власть. Объединение Германии. СССР выводит все войска из Чехословакии и Венгрии.

Компартия Эстонии объявила о выходе из КПСС. Советские власти направили в Вильнюс танки, прекратили поставки в Литву газа, нефти и угля, началась экономическая блокада республики. Не помогло. Литва провозгласила суверенитет. Процесс распада СССР уже не остановить.

Верховный Совет Грузинской ССР принял декларацию о независимости. За ними провозгласили суверенитет Латвия, Эстония, Узбекская ССР, Молдавская ССР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Туркменская ССР, Армянская ССР, Киргизская ССР, Казахская ССР, принята Декларация о суверенитете Татарстана. Южная Осетия объявила о своем отделении от Грузинской ССР.

ЦК КПСС проголосовал за отмену 6-й статьи Конституции СССР «о руководящей роли КПСС» – отменена однопартийная система в СССР.

Ветер перемен летел над страной.

Экономика в плачевном состоянии, а руководители заняты переименованиями. Город Калинин стал снова Тверью, Орджоникидзе – Владикавказом, городу Горький возвращено историческое название Нижний Новгород, Куйбышеву – Самара, Свердловску – Екатеринбург, Загорску – Сергиев Посад.

В московском метро «Площадь Свердлова» стала "Театральная", «Дзержинская» –"Лубянка", «Кировская» – "Чистые пруды" и так далее.

Принят не совсем понятный Закон о собственности. Председатель Совета министров СССР Николай Рыжков предложил план поэтапного перехода «к регулируемой рыночной экономике». Началась паника на потребительском рынке. В Москве открылась первая в СССР товарная биржа. Была опубликована программа перехода к рыночной экономике за 500 дней, которая так и не была реализована.

Что-то страшное творилось в мире. Кто вскрыл ящик Пандоры?

Погромы армян в Баку и других городах Азербайджана. Карабахский конфликт: в Нагорный Карабах для прекращения межэтнических столкновений введены советские войска.

Армянская ССР объявила войну Азербайджанской ССР. В Баку введены советские войска, объявлено чрезвычайное положение: 130 погибших, около 700 раненых.

Столкновения в Ереване между ополченцами и частями Советской Армии. Есть погибшие. Массовые беспорядки на национальной почве начались в Намангане Узбекской ССР. Ошская резня в Киргизии.

Руководство СССР признало ответственность НКВД СССР за расстрел польских офицеров в Катыни (но только 26 ноября 2010 года Госдума России приняла заявление «О Катынской трагедии и её жертвах», в котором официально признала, что массовый расстрел польских граждан в Катыни является преступлением сталинского режима)

Президент Михаил Горбачёв издал указ о реабилитации жертв сталинских репрессий, указ о возвращении гражданства высланным из страны диссидентам (А.Солженицыну, В.Войновичу М.Ростроповичу, Г.Вишневской и др).

Началось вещание радиостанции «Эхо Москвы». Какой прогресс!

Помните, в школе проходили про базис и надстройку? Над этой надстройкой туман немного рассеивался, а базис трещал по всем швам. Народу жрать нечего…

7 ноября 1990 года – последняя демонстрация и парад военной техники на Красной площади в честь годовщины Октября. Во время демонстрации произошло покушение на М. С. Горбачева.

1991 год – завершение Холодной войны, год распада Советского Союза, распад Югославии и военные действия между её бывшими республиками.

Война в Персидском заливе. Кого волновала эта война и возникшая экологическая катастрофа, когда Ирак слил нефть в Персидский залив?.. Кого это в России интересовало? Ближе к телу была «Павловская реформа» (постановление «О прекращении приёма к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и о порядке их обмена и ограничении выдачи наличных денег со вкладов граждан») Правительство, опасаясь голодных бунтов, шахтёрских забастовок, обнародовало указ о совместном патрулировании в крупных городах МВД и армии.

Главная проблема советской экономики – хронический товарный дефицит. Почти во всех регионах страны введены карточки на продукты питания.

11 июня 1991 США выделили СССР новый кредит в размере $1,5 млрд на продовольствие (!).

Зафиксирован демографический кризис – превышение смертности над рождаемостью.

Расторгнут Варшавский договор.

Сербские войска взяли хорватский город Вуковар, состоялись массовые казни хорватов.

В ноябре армянские военные сбили азербайджанский вертолёт Ми-8, на борту которого находилось 19 человек из миротворческой миссии, в неё входили официальные представители из России, Казахстана и Азербайджана.

Принят закон о СМИ (запрет цензуры) и некоторое время спустя даже ликвидирован последний цензурный орган «Агентство по защите государственных секретов в средствах массовой информации»!

Верховный Совет СССР принял Закон “Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий”. В СССР начата официальная регистрация безработных, открылись биржи труда.

12 июня 1991 года Борис Ельцин избран Президентом РСФСР.

Августовский путч в СССР – Попытка отстранения от власти Михаила Горбачёва во время его отдыха в Крыму, но заговорщики были взяты под арест, а Горбачёв вернулся в Москву.

Последний чрезвычайный съезд ВЛКСМ, распустивший организацию.

Последнее заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Переход к рыночной экономике. В России и во многих республиках СНГ отменён централизованный контроль над ценами. Цены подскочили немыслимо, Госбанк выпустил в обращение купюры 200, 500 и 1000 рублей.

1992 год. Продолжались реформы – «шоковая терапия» Егора Гайдара, указ № 65 «О свободе торговли».

Национальные конфликты продолжались, где-то лилась кровь: Грузино-абхазский конфликт, Осетино-ингушский конфликт, Азербайджанско-армянский... Хорошо, что Чехия и Словакия разошлись мирно – "Бархатный развод".

Глава пятьдесят седьмая

СКБ, в котором работала Полина, распалось из-за отсутствия финансирования. Наиболее предприимчивые товарищи пооткрывали какие-то частные предприятия. Полина перешла работать на фабрику, которая еще слегка дышала, зарплату платили нерегулярно.

И в это тяжелое время почти одновременно оставили сей бренный мир Манечка и Анатолий.

Федя постарел еще больше, сморщился, как бы усох, в глазах его поселилась какая-то собачья тоска. Он уже не шутил, стал молчалив.

******

За годом год и день за днем,
Без Бога в сердце или с Богом,
Мы все безропотно идем
По предназначенным дорогам.
И тихо, исподволь, не вдруг –
За этим уследить не в силах –
Всё уже делается круг
Единомышленников милых.
Одни – числа им нынче нет –
Живут вполне благополучно
Порывы юношеских лет
Давно расторговав поштучно.
Другие, потерпев урон
Из-за незнанья здешних правил,
Шагнули в лодку – и Харон
Их через реку переправил.
И невдали от той реки
Я тоже начал понемногу
Жечь письма, рвать черновики,
Сбираться в дальнюю дорогу.

(Владимир Лифшиц)

******

Федя стал перебирать книги Николая Петровича, кое-что отдал в библиотеку, кое-что отправил в музей Чехова, а что-то в городской музей. Часть книг досталась сыну, и Славика не обделил.

Очень трогательно заботился о так рано овдовевшей Поленьке и Славе. Ведь у него и Брони больше никого рядом не осталось. И у них тоже. Сын Коля разрывался между Россией и Израилем. Особенно после 20 мая 1991года. Верховный Совет СССР принял Закон «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР», разрешавший свободный выезд граждан СССР за границу (правда, закон вступил в силу с января 1993 года, но тем не менее, стало легче...) А незадолго до этого были восстановлены дипломатические отношения между Израилем и СССР (прерванные в 1967 году после Шестидневной войны). Коля еще 2 раза летал в Израиль и в конце концов решил остаться там навсегда.

******

Дорога в Израиль идёт через поиски Б-га,
По братским могилам погибших в неравном бою.
На свете одна существует такая дорога,
И всё-таки каждый туда выбирает свою. ***(Александр Городницкий)***

******

Федя, Броня, Полина и Славик поддерживали друг друга. За домиком, в глубине сада посадили картошку, и еще выручали посылки от Розочки.

******

Еще в 1984 году израильское правительство провело секретную операцию "Моисей", в результате которой около 8 000 евреев были вывезены самолетами из Эфиопии. Через семь лет в 1991 году последовала такая же секретная операция под названием "Соломон". В результате еще 14 500 эфиопских евреев перебрались в Израиль. Боинг-747 с максимальной вместимостью – 580 пассажиров – принял на борт 1 122 человека. Эфиопы были настолько худы, что по двое вмещались в одно кресло. Операция длилась 36 часов. Почти никто из них не умел читать даже на родном амхарском. Больные, изможденные, напуганные – все нуждались в медицинской помощи.

******

Розочка писала, что работы очень много Можете только представить себе, как они заняты. Хорошо, что дети уже подросли и достаточно самостоятельные...

Поля с сыном жили по-прежнему в той, когда-то 3-х комнатной коммунальной квартире, которую после войны – 50 лет назад – получил Михаил Савельевич как главный инженер. Потом эта коммунальная квартира в старом доме, но в центре города, полностью стала принадлежать Михаилу и Лене. Родился Савелий, потом он вырос, женился, привел в дом Поленьку, там же родился Славик. И вот теперь этот дом по плану генеральной перестройки города шел на слом. Поля получила две комнаты в микрорайоне. Федя помог организовать переезд. Все приглядывался к новостройкам. Тоже ожидал переселения – ведь его домик-развалюха совсем обветшал – в горисполкоме обещали его тоже переселить. Дети и внуки звали его в Израиль, но он не хотел переезжать насовсем, рвать связи с Родиной, с Россией, с Н-ском. И еще не мог оставить Поленьку и Славу, чувствовал себя ответственным за них перед памятью Миши и Анатолия.

– Федор Николаевич, дорогой, да не переживайте вы за нас, поезжайте к своим на пару месяцев, перезимуйте, там же так тепло. Будем звонить друг другу. А там видно будет... Уговорили...

******

Самая тяжелая глава.

Михаил Савельевич	1910 – 1989
Савелий Михайлович	1949 – 1989
Елена Владимировна	1914 – 1990
Маняша Захаровна	1916 – 1991
Анатолий Матвеевич	1915 – 1991
Федор Николаевич	1912 – 1993
(похоронен в Израиле)	

Так и будет. Вымокнет сирень,
смолкнут скрипки, выгорят обои,
и поманит пением сирен
этот мир, покончивший с тобою.

…Не затем ли в небо нас вели
медленные скрипки на концерте,
чтобы притяжение земли
нам понять, как притяженье смерти…

(Андрей Ширяев)

******

Глава пятьдесят восьмая

1993 год. Слава живет с мамой в районе новостроек. Позади остался 9-й класс в новой школе и прекрасно проведенное лето в лагере, где Слава с удовольствием работал помощником вожатого младшей группы. Начался новый учебный год, чуть-чуть не попал в плохую компанию, от которой его уберегла встреча на Пустыре со странной Девочкой, подружился с новым одноклассником Фимой...

Что так сильно изменило жизнь Славы? Предсказания необычной Девочки? А может, просто пришло время. Повзрослел, одумался. Возможно, пример и влияние Фимы, который усиленно занимался, готовясь к поступлению в вуз. Или мамины грустные глаза, тот смущенный неуклюжий поцелуй между виском и ухом, и желание чем-то порадовать ее... Одним словом, Слава сделал свой выбор и круто изменил свою жизнь.

Всю неделю после события на Пустыре Слава был очень занят уроками. Не было времени спокойно поразмыслить в одиночестве. Наконец, в ближайший субботний вечер, когда мама пошла почаевничать к подружке, Слава, наконец, попытался спокойно разобраться во всем. Он восстанавливал в памяти всё подробно, обдумывал каждое слово, жест, движение. Прокручивал все в памяти, как кинопленку.

В эпизоде с машиной нет ничего сверхъестественного. Машины по Пустырю не часто, но проезжали. Глупый и, возможно, пьяный шофер случайно оказался в этом месте и в это время. Хорошо, что успел вовремя затормозить. Вероятно, он, увидев, как упал Сергей, и не зная, насколько серьезно задел его, моментально протрезвел и испугался не только содеянного, но и возмездия пацанов, которые могли и стекла разбить, и его самого отдубасить. Вот он, как можно скорее, и убрался восвояси. То, что это произошло почти сразу после слов Девочки, сказанных Сергею, могло быть простым совпадением, случайностью.

Очень несложно догадаться и о причине "свечения" над головой Девочки. Там, на Пустыре, казались стран-ными ее действия – как она выбирала, где должен стать Слава, где, в конце концов, встала сама. Теперь он вспомнил, что вдалеке позади нее тускло светил фонарь. Она выбрала такое положение, что свет фонаря за ее спиной, освещая ее голову сзади, создавал подобие "свечения".

Властные жесты, перестановка ребят, их покорная послушность – это похоже на гипноз. Хотя само слово гипноз, знакомое слуху, ничего, в сущности, не объясняет. Совершенно непонятно и даже с научной точки зрения необъяснимо, как нематериальный взгляд глаза в глаза и мысль одного человека заставляет другого как-то действовать. Спросить бы Фиму...

А вот от ее угадывания мальчишечьих секретов (угадывать – от слова гадать) веяло чем-то совсем непонятным. Чтение мыслей?..

Слава так и не рассказал другу об этой встрече...

В классе Слава предложил Фиме пересесть к нему в первую колонку, ближе к окну. А сам сел у прохода, таким образом, он заслонил собою подпольно читающего друга. Слава на уроках не читал, потому что не получал удовольствия от такого чтения. Любил дома, сидя с ногами на диване, полностью отдаться на волю автора, войти в произведение, как в гости к другу или в незнакомый лес – в зависимости от сюжета. Но главное, чтобы никто не мешал.

Мальчики усиленно занимались каждый день, чаще всего у Фимы. Успехи окрыляли, и от этого Славе хотелось добиться еще большего. Во время коротких перерывов Слава заставлял Фиму поднимать гантели или отжиматься. Тот ворчал, но слушался.

Первый урок каждой пятницы был отдан так называемому классному часу. Сима Петровна выносила на обсуждение какой-нибудь кинофильм или морально-этическую проблему. Класс любил это время, кто-то активно дискутировал, кто-то не участвовал в разговоре, а переписывал у соседа домашнее задание. И хотя Сима Петровна все прекрасно видела, замечаний не делала, а пыталась вовлечь в диспут неактивных. Несколько последних недель были отданы одной важной теме – будущая профессия.

– Те из вас, кто определился, кем быть, расскажите, пожалуйста, о вашей будущей профессии. Почему и как вы ее выбрали, кто повлиял на ваш выбор? Приятная или романтическая часть профессии всегда на виду, но есть и тяжелая и неприятная. Что вы знаете о них, готовы ли?

– А кто еще не решил?

– Вообще-то, ребята, уже пора... но, если кто-то еще не выбрал, тогда им будет такое задание. Возьмите как образец 2-3 профессии, любых, как говорится, с потолка, опишите их интересную сторону, и наоборот. Вот, скажем, профессия бухгалтера или, например, педагога. Что в ней хорошего, кроме длинных летних каникул? А?

– А ты уже решил, кем будешь? – Сима Петровна оторвала Олега от списывания.

– Конечно.

– Ну поделись с нами, пожалуйста.

Олег помолчал, как бы раздумывая, делиться ли своей мечтой с классом.

– А вы смеяться не будете?

– Да что ты, голубчик, как можно смеяться над мечтами и планами человека, – заверила Сима Петровна, строго посмотрев при этом на класс, который прекрасно понял этот взгляд. Все заинтересованно смотрели на Олега.

– Я поеду в Москву в цирковое училище. Туда не легко поступить, я сейчас тренируюсь. А если не попаду и меня возьмут в армию, то я там буду участвовать в самодеятельности, постараюсь попасть в ансамбль Советской Армии, а после армии есть льготы для поступления в училище. Не смейтесь, я обязательно буду работать в цирке.

– Замечательно, что ты имеешь цель и стремишься к ней. Теперь расскажи, пожалуйста, о плюсах и минусах этой профессии.

– Из всех цирковых специализаций мне нравится больше работа фокусника. Приятно видеть изумление в глазах зрителей, особенно детей – они верят в чудо. А минусы... Постоянные переезды. Сначала это интересно, видишь много разных городов. В старости это, конечно, утомляет, но до старости еще далеко...

– А ты, Олежек, молодец. А как твоя семья относится к этому решению?

– Мама поддерживает, отец рукой на меня махнул – поступай, как знаешь. Дед ворчит, мол ты что, будешь народ обманывать?

Все заулыбались.

– А ты, Фима, вероятно будешь заниматься наукой?

– Да, физикой. Интересные разделы: строение материи, различные виды энергии, в том числе биополе, гравитационное, ну и все такое...

Фима, как всегда, был лаконичен.

Затем Сима Петровна вопросительно посмотрела на Юру.

– Ты учишься отлично, золотая медаль, нет сомнений, поможет тебе поступить в любой вуз.

– Хочу в МГИМО, но там конкурс преогромный.

Все знали, что в этот институт кроме обычного конкурса, был негласный конкурс анкет и уровня партийно-иерархической позиции родителей. Отец Юры занимал какую-то должность в горкоме партии, но, видимо, не столь высокую, чтобы конкурировать с московской правительственной элитой. Юра был очень амбициозен, учился на отлично и при этом занимался с тремя репетиторами.

– А если не поступишь? – спросил Игорь. Тот самый Игорь, который был в "партии" Юры, полностью его поддерживал и даже подхалимничал. Но последнее время чувствовалось между ними какое-то охлаждение.

У Юры благополучная обеспеченная семья, положение отца, красив, всегда с иголочки одет, умен, его ждет прекрасное будущее. А у него, у Игоря, все-все наоборот. Он повзрослел, стал более трезво оценивать себя. Этот комплекс неполноценности разъедал душу. Наблюдательный Слава заметил это сразу и даже понял, чем подпитывается этот комплекс, впрочем догадаться было нетрудно – завистью. Черной, страшной, ядовитой завистью. И то, что Игорь возненавидел Фиму со дня его первого появления в классе, замечали многие. За его ум, таланты, знания, уверенность, благородное спокойствие. А сейчас постепенно он стал ненавидеть и Юру.

Слава вспомнил, как они с мамой слушали песни Владимира Высоцкого и дружно смеялись. Но одна песня произвела на маму странное, с точки зрения Славы, впечатление, – мама затихла, как-то потускнела, погрустнела и укоризненно качала головой. Только позднее Слава понял, в чем дело, – песня была о зависти, о самом отвратительном чувстве. (Дедушка Толя считал зависть и пьянство самыми гнусными пороками, и дедушка Миша с ним соглашался...)

Там у соседей мясо в щах –
На всю деревню хруст в хрящах,
И дочь – невеста, вся в прыщах,–
Дозрела, значит.
Смотрины, стало быть, у них –
На сто рублей гостей одних,
И даже тощенький жених
Поет и скачет.
……
Сосед маленочка прислал –
Он от щедрот меня позвал,–
Ну, я, понятно, отказал,
А он – сначала.
Должно, литровую огрел –
Ну и, конечно, подобрел...
И я пошел – попил, поел,–
Не полегчало.
И посредине этого разгула
Я прошептал на ухо жениху –
И жениха, как будто ветром сдуло,-
Невеста, вон, рыдает наверху.
Сосед орет, что он – народ,
Что основной закон блюдет:
Что - кто не ест, тот и не пьет,–
И выпил, кстати.
Все сразу повскакали с мест,
Но тут малец с поправкой влез:
"Кто не работает – не ест,–
Ты спутал, батя!"
А я сидел с засаленною трешкой,
Чтоб завтра гнать похмелие мое,
В обнимочку с обшарпанной гармошкой –
Меня и пригласили за нее.
……..
Потом у них была уха
И заливные потроха,
Потом поймали жениха
И долго били,
Потом пошли плясать в избе,
Потом дрались не по злобе –
И все хорошее в себе
Доистребили.
А я стонал в углу болотной выпью,
Набычась, а потом и подбочась, –
И думал я: а с кем я завтра выпью
Из тех, с которыми я пью сейчас.

(Владимир. Высоцкий)

– А если не поступишь? – спросил Игорь.

– Тогда подам документы в МГУ на экономический.

– Экономический?

– Да, там есть отделение "экономика международных отношений".

– Все тебя на заграницу тянет, – съехидничал, не сдержавшись, "друг" Игорь.

– Да, а что такого? Нашу страну должны представлять за границей достойные люди. Я два иностранных языка знаю, а ты на родном по три ошибки в одном слове делаешь.

Не успела Сима Петровна разрядить тяжелое напряжение в классе после этой перепалки, как, к счастью, раздался звонок. На этом дружба Юры и Игоря закончилась.

Глава пятьдесят девятая

Первая четверть приближалась к концу. В микрорайоне строители сдали еще один дом, он заселялся, а это означало, что в классе появятся новенькие. Действительно, через несколько дней Сима Петровна ввела в класс высокую статную девочку с толстой светлой косой – Римму Васильеву и чернявого паренька среднего роста с такими же черными, как его волосы, глазами – Амбарцума Бабаляна.

– Прошу любить и жаловать, – традиционное представление новеньких.

– Как, как его зовут? – раздался театральный шепот.

– Амбарцум.

– Это ж надо, такое длинное имя, 8 букв. А как тебя мама в детстве называла? – нет нужды объяснять, что это спрашивал Игорь.

– Амбарцумчик.

– Еще лучше –11 букв. А мы тебя будем называть Амба.

И тут новенький произнес фразу на армянском языке, интонация была спокойная, достойная, без заискивания, но и без надменности. Во всём предложении было понятно только одно слово – Амбарцум. Но все почему-то уловили смысл: как меня назвали родители, так все и называйте.

– *Инч хосума?* (Что говоришь?) – раздался вопрос с камчатки. Как по взмаху дирижерской палочки все скрипачи наклоняют головы к скрипкам, так же одновременно весь класс повернулся к Славе. О-о! Новая развлекалочка. Амбарцум радостно хлопал длинными ресницами.

– Слава, ты знаешь армянский язык? – спросила Сима Петровна, одновременно подведя Амбарцума к первой парте и указав ему место рядом с Леночкой.

– Я много чего еще знаю.

На перемене Амбарцум бросился к Славе.

– Армянский как знаешь?

– Раньше немного знал, а сейчас уже почти ничего не помню. Когда был маленький, у нас во дворе жила армянская семья, я с пацанами бегал и кое-чего нахватался. Потом они в Кисловодск переехали. *Вонцес?* (Как живешь?)

Следующим уроком была история. Но Слава не слышал, что происходило вокруг, он был далеко в прошлом. Вспомнил, как его научили фразе "*Эс кес сирумэм*". Слава пришел домой и всем объявил. А дедушка Миша спросил:

– Ты знаешь, что это значит?

– Нет.

– А как же ты говоришь, не понимая, может это плохое выражение.

Слава просто опешил от этой мысли. Как узнать?

– Очень просто, – усмехается дед, – попроси его, пусть он эту фразу скажет своей маме.

Слава помчался, как угорелый, к ним домой и стал подталкивать пацана:

– Скажи своей маме "*Эс кес сирумэм*".

Тот радостно заявляет:

– *Мама-джан, эс кес сирумэм*.

Мама его растаяла от умиления:

– Гурген-джан, дорогой мой, сладкий мой мальчик, я тебя тоже очень люблю, – а потом посмотрела на двух переглядывающихся пацанов, – ты что-то хотел попросить у меня?

Тут выступил Слава:

– Тетя Ася, я хотел знать, что значит "*эс кес сирумэм*?

– Это значит "я тебя люблю".

Память, память... Это нечто такое, что принадлежит только тебе одному, что нельзя отдать, подарить, передать по наследству. А рассказ – это бледная ксерокопия яркого куска жизни, твоей жизни.

******

Ломали старый деревянный дом.
Уехали жильцы со всем добром –
С диванами, кастрюлями, цветами,
Косыми зеркалами и котами.
…Остались в доме сны, воспоминанья,
Забытые надежды и желанья.
Сруб разобрали, бревна увезли.
Но ни на шаг от милой им земли
Не отходили призраки былого,
И про рябину песню пели снова,
На свадьбах пили белое вино,
Ходили на работу и в кино,
Гробы на полотенцах выносили,
И друг у друга денег в долг просили,
И спали парами в пуховиках,
И первенцев держали на руках,
Пока железная десна машины
Не выгрызла их шелудивой глины,
Пока над ними кран, как буква «Г»,
Не повернулся на одной ноге.

(Арсений Тарковский)

******

Вот их старый дом уже сломали и никто никогда не узнает, не почувствует, не увидит, сколько ни рассказывай, как хорошо и дружно жила их семья, какие были веселые воскресенья и праздники, как всех веселил дядя Федя. Комок в горле...

В начале ноября поздно вечером, возвращаясь от Фимы, Слава встретил на улице Юрку-толстяка, которого не видел со дня своего последнего вечера на Пустыре. Опустим начало их разговора, банальные "как дела", "как жизнь", перейдем к тем двум моментам, которые зацепили внимание Славы. Юрка сказал, что его разыскивает Сергей, мол у него есть очень важный вопрос к Славе. Странно...

Потом Слава спросил, как дела у Юрки со здоровьем, как его печень, был ли он у врача.

– Откуда ты знаешь? Кто тебе сказал?

– Так помнишь, девочка такая необыкновенная шла с сестричкой через пустырь, она еще всем ребятам говорила про их жизнь, а потом машина проехала и Сергея толкнула, чуть не задавила, помнишь?

Юрка как-то неожиданно дернулся:

– Да что вы все чокнулись что ли, – сердито сказал он, резко повернулся и ушел, не попрощавшись. Странно... Очень странно...

Слава опять, в который раз, думал о словах Девочки, смотрел на луну, а луна смотрела на него...

******

Гуляет ветер,
Зол, колюч,
Сметает,
Землю всю объемля.
И луный глаз
Сквозь веки туч
Глядит задумчиво на землю...

(Михаил Сопин)

******

Все перемены Амбарцум проводил вместе с Фимой и Славой. Ребята подружились. Изредка они втроем ехали в центр города в центральную библиотеку, или на выставку, или еще по каким делам. Им тоже пришел-

ся по душе добродушный улыбчивый новичок, но занимались Фима и Слава только вдвоем – так им было привычнее.

Сима Петровна продолжала развивать тему будущей профессии. Она дала домашнее задание: описать своих родителей, их работу, увлечения, интересы. Причем, если кто-то из учеников не хочет, чтобы сочинение было зачитано ни на уроке, ни на собрании, может написать в конце "совершенно секретно".

– Какого размера должно быть сочинение, – этот прагматичный вопрос задал, конечно, Фима.

– Это не формальное сочинение, размеры не определены.

Это его вполне устроило, он не собирался тратить свое драгоценное время на разные глупости. Назавтра он первым сдал свое самое короткое сочинение: "Моя мама преподает статистику в статистическом техникуме. Она хороший специалист, ее любят и уважают студенты. Любит классическую музыку и чтение".

Закончилась четверть. Первое в учебном году родительское собрание.

Первым зашел папа Светы.

– Уважаемая Сима Петровна, я специально пришел пораньше, чтобы поговорить с вами наедине, приватно. Светка моя, ученица слабая, я это знаю. Не лезет учеба ей в голову, что тут поделаешь. Девочка она не плохая, не гулящая, не дай Бог, как некоторые. Ну наряды любит, так кто их сейчас не любит. И вот понравилась она одному парню, я с вами как с сестрой делюсь. Посватался. Он, правда, на семь лет старше, но из хорошей семьи, спокойный, достойный. Мы подумали и дали согласие. Понимаете, ей этот аттестат не нужен. Сразу после окочания школы свадьбу и справим. Пусть уж кое-как на жалких троечках с двумя минусами из школы выкатится. Так я попросить вас хочу, не теребите вы Светку мою с вопросами о будущей професии, не будет она никем. Замужняя дама – вот ее профессия. Ох, и в кого она такая? Мы с женой вроде не тупицы...

На собрание не остался, забрал ведомость и ушел.

Потом открылась дверь и женщина, глядя в бумажку, спросила:

– Это 10-а класс?

– Да, Бабалян, заходите, пожалуйста.

– Вай, Сима (еще один взгляд в бумажку) Петровна, как знаешь, я Бабалян?

– Вы очень похожи. Вот садитесь сюда на первую парту, здесь ваш сын сидит. Замечаний никаких к Амбарцуму нет. Мальчик хороший, воспитанный, сообразительный, учится хорошо, почти по всем предметам твердые четверки, пятерки редкие, зато тройки еще реже. Все предметы, я чувствую, можно еще повыше подтянуть, но только одна серьезная проблема – русский.

– Знаю, знаю, уважаемая Сима Петровна, что делать. Мой муж Амбарцуму говорит: дома по-армянски не говори, только русский говори.

– Нет, дорогая, это не выход. Пусть он дома читает по-русски вслух. Возьмет в библиотеке какие-нибудь рассказы и читает громко, не торопясь, с выражением. А вы слушайте и похваливайте его. И еще я попрошу Леночку, которая с ним за одной партой сидит, чтобы позанималась с ним.

Сима Петровна обычно рассаживала родителей на те же места, где сидели ученики. Ей было так удобней, да и родители могли познакомиться друг с другом.

Полина познакомилась с Соней, и обе остались очень довольны.

После стандартного отчета по итогам первой четверти, Сима Петровна перешла к главной теме: будущее наших детей.

– Если дети делятся с вами, вы знаете, о чем мы говорим по пятницам. Больше половины выпусников не определились в своем выборе будущей профессии. Это плохо. Они, с одной стороны, взрослые люди, развитые физически, но с другой стороны, очень инфантильные, надеются на родителей, не столь самостоятельные, как нам бы хотелось. Вот в наше время мальчишки хотели быть летчиками – романтично, красиво, девочки восхищаются. А трудности – надо долго учиться (физика, математика, астрономия, навигация), физическая подготовка, оторванность от семьи, опасность и риск, в конце концов. Но об этом они не думали. У меня к вам большая просьба. Тем из вас, кто захочет и сможет прийти к нам на классный час и рассказать о своей профессии, я буду очень благодарна. Просто расскажите, не надо уговаривать или, наоборот, отговаривать. Можете рассказать о каких-то интересных случаях. Ваши рассказы дадут нам дополнительный материал для обсуждений. А выводы пусть ребята делают сами.

Мама Ларисы подняла руку как школьница:

– Я могу прийти только в первую пятницу декабря. Другие пятницы будут заняты. Я врач-педиатр.

– Знаю, знаю, Лариса рассказывала нам, что тоже хочет быть доктором, как мама. Чудная девочка и очень серьезная, ответственная, сказала что будет нейрохирургом. Все просто ахнули.

Мама Леночки – библиотекарь, мама Фимы и еще некоторые родители вызвались выступить. Полина промолчала – она не знала, что рассказать о работе конструктора-инженера-дизайнера.

– А теперь я прочитаю вам несколько сочинений, – продолжила Сима Петровна.

"Мои родители оба геологи.Они романтики и любят свою профессию. Я не вижу их по полгода. Когда тепло – они в пути,а когда холодно – в лабораториях обрабатывают полученные результаты. Прошлым летом они взяли меня на месяц в экспедицию поварихой. Приятные моменты – песни у костра, интересные, увлеченные люди. Я знала, что это только один короткий месяц, но долго я бы не выдержала – жара и холод, комары и другие насекомые, разные ползучие гады, отсутствие книг, кино, театров.Мне кажется, больше трудностей, чем радостей.

Я живу с моей любимой бабушкой Марией – мы с ней тёзки. Она работает нянечкой в детском доме, там, где живут брошенные новорожденные детки. Просто не понимаю, как родители могут отказаться от собственного ребенка... Моя бабушка очень добрая и заботливо ухаживает за малышами. Когда они подрастают, узнают ее и радуются. Бабушка ругает некоторых молодых нянечек, которые невнимательны к деткам. Приходит домой очень усталая, а на пенсию никак не выйдет – не может оставить малышей. Моя бабушка – самая лучшая."

Бабушка совсем смутилась и вытирала слезы кончиком платка.

– Вы, Сима Петровна, правильно говорите, детки современные, с одной стороны, взрослые люди, физически уже готовы сами родителями стать, но, с другой стороны, глупые, несерьезные. Вот сколько девчушек рожают и оставляют малышей. Часто детки слабые, больные, в пьянстве зачатые. Я вот что думаю, надо ребят и девчат 9-10 классов приводить к нам в детский дом, чтобы они как шефы были. Поиграли бы с детишками, приласкали, покормили – глядишь и призадумались бы...

Тут бабушка совсем смутилась и замолчала.

******

Девочке в сером халате,
Аньке из детского дома,
В женской четвертой палате
Каждая малость знакома -
Кружка и запах лекарства,
Няньки дежурной указки
И тридевятое царство –
Пятна и трещины в краске.
Будто синица из клетки,
Глянет из-под одеяла:
Не просыпались соседки,
Утро еще не настало?
Востренький нос, восковые
Пальцы, льняная косица.
Мимо проходят живые.
– Что тебе, Анька?
– Не спится.
Ангел больничный за шторой
Светит одеждой туманной.
– Я за больной.
– За которой?
– Я за детдомовской Анной.

(Арсений Тарковский)

******

Собрание вышло долгим, тема была важная, вышли все вместе, и говорили, говорили...

Глава шестидесятая

Началась вторая четверть. Каждую пятницу класс продолжал обсуждать профессиональное будущее. Сима Петровна все ждала, когда Слава сам скажет, но он не проявлял инициативы. Пришлось его поднять уже ставшим привычным вопросом.

– Я буду писателем-фантастом.

Даже Фима удивленно оторвался от книжки.

– Очень интересно, – Сима Петровна вышла из-за кафедры, – расскажи, пожалуйста, какие проблемы тебя волнуют. Многие фантастические идеи, описанные писателями в прошлом, сейчас стали реальностью.

– Ну вот, например, путешествия к другим мирам, к другим звездам описывали многие фантасты. Известно также, что путешественники вернутся в другое общество, которое будет на земле через сотни лет. Это большая социально-психологическая проблема. Можно людьми не рисковать, а создать биороботов, заложить в них определенные программы и послать в космос. Вот какая проблема меня интересует. Все предусмотреть невозможно, и в программах должна быть заложена возможность самостоятельного решения (т.е. искусственный интеллект). Например, известная философская задача о "буридановом осле". Настоящий осел сначала съест одну кучку сена, а потом другую и не умрет от голода. А робот не сможет выбрать, если не заложен соответствующий алгоритм.

Биороботы должны уметь определить неисправность, починить ее, вести звездолет, приземлиться, ремонтировать или клонировать самих себя, контактировать с другими существами, возможно, встретившимися на других планетах, иметь какие-то моральные правила, справедливые заповеди. Но, если разрешить им иметь полную свободу действий, то это может обернуться против нас самих. Биороботы могут вернуться на землю через несколько земных столетий; среди них, возможно, после сбоя или мутации появится какой-нибудь маразматик, изощренный садист, условно говоря, Гитлер, и они принесут с собой новое смертельное оружие

– физическое, биологическое или что-то вроде гипноза и сделают из людей зомби. Так как же,создавать биороботов или нет, какие программы можно в них закладывать?.. Дать им искусственный интеллект и свободу выбора или держать их в строгих рамках законов, алгоритмов и правил-заповедей?

И еще интересная космогоническая теория возникновения жизни на земле. Теория о том, что наши предки прилетели на Землю из космоса и "застряли" здесь. Фантаст Кир Булычев очень интересно описал, как звездолет пришельцев потерпел аварию и им пришлось приспосабливаться к жизни на Земле. Или еще пример, как из Великобритании в Австралию когда-то ссылали преступников, так, возможно, на Землю ссылали в качестве наказания гуманоидов из какой-то галактики, а потом связь была почему-то прервана...

******

Это просто осколок остывшего некогда солнца,
на который налипло немного космической пыли...
Мы к нему беззащитно телами несильными жмёмся,
и не помним - зачем и за что нас сюда поселили.
Здесь давно появились шоссе, небоскрёбы, газоны,
космодромы, полярные станции...гелиостаты.
Но Земля до сих пор больше любит горбатых бизонов,
отвечая за тварь, приручённую ею когда-то.
Мы так долго боролись, мы крылья из воска лепили,
возводили притоны для тьмы и соборы для света.
И питая надежду огнём бесконечных усилий,
рвали бешено путы чужой, нелюбимой планеты.

Но устав от бесплодных исканий единственной двери,
постепенно мутируя, ближе к земле припадая,
бесконечное множество вер понапрасну примерив,
мы планету изгнания домом уже называем... ***(Татьяна Архангельская)***

******

Фима все ждал, когда Слава заговорит с ним на тему профессии, но не выдержал, и через несколько дней сам спросил о планах на будущее:

– Ты в самом деле хочешь быть писателем-фантастом?

– Да нет, просто так сказал, на ходу выдумал. Я еще не решил. Хотя фантастика ставит весьма интересные вопросы. Как-то мне попалась биография Валерия Брюсова, он был человеком очень разностороннего образования. В одном из его стихотворений (к сожалению, не помню наизусть) описывается некая фантастическая идея тех лет – аналогия нашей солнечной системы и атома, состоящего из ядра и вращающихся электронов. Он в эту гипотезу, по-видимому, не верил – в стихотворении явно чувствовалась ирония...

******

Быть может, эти электроны –
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!
Еще, быть может, каждый атом –
Вселенная, где сто планет;
Там – все, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.
Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я.

(В. Брюсов. 1922 г)

******

Тема будущей профессии очень занимала его мысли последнее время – он постоянно вспоминал слова Девочки о будущем, о луне, о счастье – в голове был сумбур.

– Скажи, ты знаешь, что такое "голубая луна"?

– Да.

– Во даешь, да ты все на свете знаешь!

Фима рассмеялся:

– Представь себе, что о голубой луне я знаю совершенно случайно, от деда. Еврейский календарь – лунный. Сейчас лунным календарем пользуются (параллельно с солнечным) в Китае, Корее, Монголии, Тибете и некоторых других азиатских странах. Дед мне рассказывал конкретно о еврейском календаре. В нем 12 меся-

цев по 29 дней (по лунному циклу). Через каждые два-три года добавляется високосный месяц. В еврейском календаре этот месяц прибавляется весной. Поэтому в нем иногда бывает два весенних месяца "адар-1" и "адар-2". В тот високосный год, когда бывает два адара, почему-то очень долгая весна, то ли календарь влияет на погоду, то ли наоборот – погода на календарь. А почему ты об этом спросил?

– Да ладно, как-нибудь расскажу.

И, чтобы увести разговор в сторону, спросил:

– А ты знаешь еврейский язык?

– На слух помню, как бабушка с дедушкой говорили, но устный идиш уходит, если им не пользоваться, забывается, тает, как мороженое. Алфавит знаю. Если сложу, как первоклассник, по буквам слово, то его еще понять надо. Одним словом, изучение идиша и иврита займет некоторое время, которого у меня сейчас нет. Но когда-нибудь обязательно им займусь. Языки вообще надо изучать, чем больше, тем лучше. Очень мозги развиваются. Вот ты меня мучаешь этими гантелями, а знаешь, я уже привык, даже, когда тебя нет рядом, занимаюсь. Так вот, как гантели развивают мышцы, так языки и любая умственная детельность –мозги.

– Есть такой "эффект сотой обезьяны", – Фима, как это часто бывало, следуя за собственными ассоциациями перескакивал с одной темы на другую, и только потом проявлялась их связь. – На одном японском острове обитала колония диких обезьян, которых ученые кормили бататами, разбрасывая их по песку. Однажды одна обезьяна вымыла батат. Чистый батат ей понравился больше, другие обезьяны посмотрели на это новшество, "собезьянничали" и тоже помыли бататы перед едой. И в один момент, когда число обезьян, мывших бататы, достигло определённого количества, все(!) обезьяны на всех(!) других островах стали мыть бататы. А ведь у них не было никакой связи. И произошло это со всеми(!) обезьянами Японии, даже в зоопарках, возможно что и во всём мире, но этого никто не проверял. Этот эффект назвали эффектом сотой обезьяны, но число 100 чисто условное, на самом деле это какое-то критическое количество, которое непонятным образом переходит в качество. (Весь последующий разговор Слава запомнил почти дословно, годы спустя жизнь возвращала его к тем же размышлениям)

– Допустим, – продолжал Фима, – есть какое-то информационное поле, как банк данных, в котором накапливаются все знания этих обезьян. Этот банк расширяется и по достижении определенного обьема становится доступным всем обезьянам. Версий много, а доказательств нет. Передаются не только знания-информация, но и навыки. Вот есть такой дрессировщик Куклачев, который работает с кошками, так он заметил, что в первые годы его работы требовалось несколько месяцев упорной тренировки, чтобы научить кошку какому-то трюку; через его цирк прошло множество кошек, а теперь нужно намного меньше времени для их обучения, как будто у новых кошек уже заложены какие-то навыки.

Кажется, у Марка Твена есть рассказ, как он долго и мучительно, с синяками и ушибами, со специальным учителем-тренером учился кататься на велосипеде. А сколько времени нужно сейчас любому человеку чтобы научиться кататься на велике? один час?

Когда-то чемпион мира по плаванью Вейсмюллер (сыгравший Тарзана) проплывал 100 метров за 1минуту 22секунды. А сейчас это время – второй юношеский разряд по плаванию.

Слава вспомнил, как его папа говорил, что нынешних детишек надо учить читать с четырёх лет, а алгебре с 1-го или со 2-го класса. Они более развитые и абстракции типа А+В воспринимают быстрее и легче.

******

Когда подходит время для открытия того или другого закона, бывает, что он открывается несколькими учеными одновременно в разных странах. Два физика одновременно открыли ультрафиолетовые лучи, два химика в один и тот же год открыли кислород и т.д. Эти законы носят двойные имена (закон Био-Савара, закон Джоуля-Ленца, закон Бойля-Мариотта и т.д.). Мендель открыл законы генетики слишком рано. Человечество еще не было готово к ним. Через 35 лет эти законы открыли заново три ботаника (из Голландии, Германии, Австрии), а английский генетик и французский зоолог доказали применимость законов Менделя к животным.

******

– Радио, телефон были изобретены почти одновременно в разных странах – идеи витали в воздухе. Почему? – рассуждал Фима, – Возможно, что сто человек (это цифра условная – критическое количество людей) одновременно ищут ответ на какой-то вопрос или задумываются о какой-то проблеме и тогда к одному или нескольким людям (самым упорным) приходит ответ. Из этого же информационного банка данных... Видимо эти банки разные, в зависимости от вида, у обезьян один банк, у кошек – другой, у людей – свой.

Вот, дарю тебе идею для твоих фантастических рассказов: отрицательные роботы хотят залезть в информационное поле человечества и навредить, а положительные герои их, конечно, побеждают.

Как сказала Сима Петровна "Многие фантастические идеи, описанные писателями в прошлом, сейчас стали реальностью", вот и Фима попал в точку. Лет через десять появились хакеры, но не роботы, а люди залезают в чужие информационные поля и пакостят там…

Слава задумался – может быть, Девочка черпала информацию из Банка данных?

– По еврейской традиции, – снова заговорил Фима, – ребенка начинают учить читать, писать и считать с 3-5 лет. Очень правильно. А после того, как евреи рассеялись по всем странам, пришлось учить чужие языки и, желательно, не один. Так вот, возвращаясь к изучению иностранных языков. Например, евреи в Испании знали иврит, ладино, испанский, каталонский, хорошо знали грамоту и счет, поэтому многие сборщики налогов были евреями. А кто любит сборщиков налогов?.. Но это совсем другая тема… Я только хотел сказать, что надо учить иностранные языки. (Следовало ли из всего вышесказанного, что умственные способности евреев зависели всего лишь от знания иностранных языков?.. А, может быть, они накапливали знания в своей национальной базе данных, из которой можно было черпать и черпать?..)

– Как было эффектно, когда ты что-то у Амбарцума по-армянски спросил, у всех просто челюсти отвалились, – улыбаясь, вспомнил Фима.

– А меня еще дедушка немецкому учил, он хорошо знал немецкий, – похвалился Слава.

– Как здорово. Смотри, не забывай. Постарайся сохранить, что помнишь

Глава шестьдесят первая

Ребята занимались чаще у Фимы – у него было больше технической литературы. Зато у Славы, чем он очень гордился, была великолепная библиотека художественной литературы: оба дедушки собирали, потом родители и еще дядя Федя одарил бесценными сокровищами.

Квартиры были похожи, но у Славы балкон был открытый, а у Фимы – застекленный, вроде еще комнатка. Последнее время стали заниматься у Славы, так как у Фимы в квартире появился мужчина. Он был неказистый, в толстых круглых очках, но из-под них сверкали острые и умные глаза. Фима представил друга, собрал нужные книги, и они пошли к Славе, который уходил неохотно – ему почему-то был интересен этот человек.

Он ни о чем не спрашивал, ждал пока друг сам расскажет. Так и случилось.

– Марк Семенович приехал из Москвы. Он учился с мамой и папой в иституте, они дружили. Он был диссидентом, его выселяли из Москвы, власти его не жаловали. Слава Богу, не сталинское время, но крови ему попортили немало. Теперь он пишет под разными псевдонимами серьезные статьи, гонорары идут, а жить негде. Вот он и напросился перезимовать, а летом какие-то планы вроде намечаются. Спит у нас в спальнике на балконе. Уже холодно, зима скоро, мама купила раскладушку, чтобы он в гостиной спал – стесняется, отказывается. Я думаю, что тут еще один важный фактор существует. По некоторым разговорам и их воспоминаниям я понял, что в институте он был в маму влюблен. Возможно, теперь имеет какие-то намерения.

– А ты как этому относишься?

– К чему?

– Ну, как сказать… к возможности иметь отчима.

– Нормально отношусь. Понимаешь, жизнь есть жизнь, она для живых. Моя мама очень непрактичная, неприспособленная к жизни, она только свою науку знает, а в жизни она, как ребенок, ей опека нужна. Я уеду в Москву учиться, как она одна останется? Я буду волноваться за нее. Может, это звучит несколько эгоистично, но мне будет легче. И ей будет лучше. Он мужик неплохой, поэтому я "за".

Фима был грустен. Слава понял, что это его "за" идет от ума, а не от сердца.

– А у тебя отчима не предвидится?

– Пока нет.

После того неловкого поцелуя в висок, который растопил лед и сблизил Славу с мамой, они перед сном делились друг с другом событиями дня.

Мама перешла работать в частную фирму, куда ее пригласил бывший сотрудник СКБ. Жить стало легче. Она рассказывала о новых людях, о новых проектах. Слава – о событиях в школе.

Когда мама со Славой перехали в новый дом, в соседнем подъезде оказалась мамина одноклассница Валентина. После школы жизнь их развела, а теперь, встретившись, подружились заново. С первым мужем она развелась, второго похоронила, детей у нее не было, и теперь обладательница собственного изолированного жилья самым тщательным образом выбирала претендента на свою руку, сердце и квартиру. Она приглашала очередного кавалера домой. Чай, кофе, вино, тортик, музыка, интеллигентная беседа – такова была программа вечера. А чтобы кавалер не поимел каких-нибудь непристойных мыслей – она же выбирала мужа, а не мужчину на час, – ему было объявлено, что она будет с подругой, очень приличной интеллигентной дамой. Претенденту не оставалось ничего другого, как привести с собою друга. Полина отказывалась, но Валентина просила очень настойчиво.

Посидев и пообщавшись с более или менее интересными собеседниками, Полина собиралась домой. Очередной друг очередного кавалера вызывался ее проводить.

Они выходили из одного подъезда, подходили к соседнему.

– Вот я и пришла. Спасибо, что проводили. Уже поздно, сын, наверное, уже спит. Да и мне пора, завтра рано на работу, – сразу расставляла она все точки над "i".

Так было уже несколько раз, о чем Полина, смеясь, рассказывала сыну. Но после разговора с Фимой Слава решился спросить у мамы:

– А что, кавалер был совсем никудышный? Не понравился?

Мама внимательно посмотрела на сына.

– Ты хочешь спросить собираюсь ли я замуж? Я тебе отвечу. Понимаешь, мне очень трудно будет сблизиться с любым мужчиной. Я же невольно сравниваю его с Савелием, и никого даже близко поставить нельзя. Как увидела его на кладбище, куда он пришел с папой, с твоим дедушкой Мишей, когда мне было 12 лет, так сердце заколотилось, и я поняла, что это моя судьба. Где найдется еще такой умный, добрый, тактичный? Таких больше не делают... А может есть такие, но мне они не попадаются. Я однолюб. Или однолюбка, как правильно сказать? Ты начал этот разговор из-за Фимы?

– ?

– Я видела, как его мама выходила из подъезда с каким-то мужичком. Неплохой... Пусть у них все удачно сложится.

– А как ты узнала, что он неплохой?

– Улыбка добрая. А уж как он смотрел на нее, как смотрел... Ты заметил, как она похорошела последнее время. Женщина расцветает под такими взглядами и вниманием... Ладно, сыночек, идем спать. Если у меня что-то изменится, ты узнаешь об этом первый.

Славе стало немного обидно, что на его маму никто так не смотрит, и, одновременно, он восхищался, какая же она наблюдательная и верная – однолюбка.

Наступила снежно-дождливая слякотная зима. Людей на улицах стало меньше, все старались поскорее забежать в помещение. Сима Петровна объявила, что сегодня придет мама Ларисы, пожалуйста, ведите себя культурно, в конце можете задавать вопросы. В класс вошла женщина миниатюрного сложения, и все заметили, как Лариса похожа на нее.

Сима Петровна представила Раису Маратовну, уступила свою кафедру, а сама села за последнюю парту

–Здравствуйте, дорогие ребята. Меня попросили рассказать вам о профессии врача. Мне кажется, что все плюсы и минусы, все достоинства и трудности этого дела известны и понятны. На одной чаше весов – благородная миссия лечить людей, счастье видеть выздоравливающие благодарные глаза, на другой – грязь, боль, кровь, страдания и, будем говорить откровенно (вы все уже взрослые люди), экскременты, моча, рвотина... И еще надо быть готовым к тому, что придется резать живых лягушек, мышей, вытаскивать их внутренности, даже тем студентам, которые не планируют быть хирургами. Тот человек, который выбирает для себя этот путь, сам трезво оценивает его тяжесть, поэтому я не буду вам рассказывать о работе врача, а просто расскажу вам интересную историю о том, как я поступала в мединститут.

То, что я буду врачом, у меня не было сомнений никогда. С детских лет, сколько себя помню, играла только в доктора, делала куклам и мишкам уколы и перевязки. Училась хорошо, усиленно занималась, особенно в 10 классе. Несколько знакомых девочек уже учились в мединституте, и я с восторгом слушала их рассказы. о педагогах. Среди них особенной грозой был Владимир Борисович. Одновременно он был главным хирургом нашей городской больницы. Огромного роста, красивый, статный. Прозвище его было "Шаляпин", за бас.
Боялись его студенты страшно, хотя признавали, что он не вредный, а справедливый. И вот как-то подруга рассказывает об их посещении морга... Тут у меня холод по всему телу, и дрожь, и паника страшная. Я боялась мертвецов до ужаса, до потери сознания. Села я и как следует подумала. Если эту проблему не решу, не быть мне доктором. Что делать? Решила я пойти сама в морг и проверить свою силу воли. А надо вам сказать, что я была очень маленькая. Думаю, вы заметили, что я роста невысокого, а тогда, в 17 лет, мне больше 14-ти никто не давал.

Морг был в подвальном помещении нашей городской больницы. Здание старинное, длинное трехэтажное. Вход в морг с торца. Подхожу. Сторож сидит в тулупе на каких-то ящиках, беседует с сидящей рядом теткой, пиво пьют. Я прошу разрешения в морг спуститься.

– А ты чо, на опознание пришла?

– Н-нет.

Объясняю, что хочу морг посмотреть прежде, чем в мединститут поступать, не будет ли мне страшно.

Тетка эта говорит:

– Да пусть идет, тебе что, жалко.

Пустил. Только я попросила, чтобы дверь за мной не закрывал, чтобы я чувствовала за спиной путь к отступлению. Захожу. Подвал длинный-предлинный, морг занимает впереди небольшую часть, а там дальше какие-то подсобные помещения. Полутемно, только одна тусклая лампочка под потолком. Железные столы в два ряда по обе стороны прохода, на нескольких из них лежат покрытые простынями тела ногами в проход. Смотреть на них боюсь, так слегка боковым зрением вижу синие ступни и бирочки на них. А задача-минимум у меня была пройти мимо всех столов и посмотреть на трупы, а задача-максимум – откинуть простыню или дотронуться до тела. Вся трясусь, но иду до конца ряда. И вдруг!..

Рассказывала Раиса Маратовна эмоционально, в классе стало тихо.

–...И вдруг вижу, что у одного трупа пальцы на одной ноге пошевелились и цвет ног у него не такой синеватый, как у других, а немного такой восковой. И тут в конце этого длинного коридора открылась дверь, появилась какая-то белая фигура, двигающаяся в моем направлении. А оттого, что дверь открылась, потянул сквознячок, все бирочки на ногах и концы простыней заколыхались и, самое страшное, от того же сквозняка входная дверь за мной с грохотом захлопнулась. Представляете, все это вместе: шевеление пальцев одного трупа, качание бирочек на остальных, белая плывущая фигура и захлопнутая за мной дверь. И тут я, конечно, грохнулась в обморок.

Очнулась на улице. Вынес меня сам(!) Владимир Борисович. Это его в белом халате я испугалась, приняв за привидение. Сторож стоит перед ним по стойке "смирно" докладывает обстановку. Подружки его с пивными кружками и след простыл.

– Ты кто? – спрашивает Владимир Борисович.

– Я Рая.

– Зачем в морг пошла?

Объяснила.

– Ну и как?

– Там у вас один живой.

– Что???

– Там у вас один живой, – упорно повторяю.

– Ты хочешь сказать, что я не могу отличить живого человека от мертвого?

– Нет, я этого не хочу сказать. Может, он сначала умер, а потом ожил.

Чувствую, что чушь несу, но остановиться не могу. Я вообще никогда за себя ничего попросить не могла, а за других не стеснялась. Класс у нас очень дружный был, даже сейчас, много лет прошло, мы все связь поддерживаем и собираемся хоть раз в несколько лет. Если надо было за кого-нибудь попросить, меня всегда вперед выпихивали. Представляете, весь класс стеной стоит, я самая маленькая впереди перед директором канючу: "Ну, пожалуста, не оставляйте Васю на второй год, мы его подтянем, мы с ним позанимаемся, мы его на поруки берем." Меня даже учительница по литературе назвала "народный заступник Григорий Добросклонов". А ну-ка скажите откуда этот герой? Правильно. Некрасов. "Кому на Руси..."

Так, я отвлеклась, возвращаемся к моей истории.

Голос у Владимира Борисовича не сердитый был: "Ты хочешь сказать, что я не могу отличить живого человека от мертвого?" Скорее ироничный. Он так внимательно на меня посмотрел и говорит:

– Пойдем, покажешь мне, кто там живой. Не боишься?

– С вами не боюсь. А можно я за ваш халат держаться буду?

Пошли. Я за карман его халата держусь, иду более уверенно, ноги почти не дрожат. Подошли к последнему столу. Он простынку откинул и из кармана маленькое зеркальце вынул. Я еще подумала, такой немолодой, а зеркальце, как модница, с собой носит. Он приложил зеркало к носу "трупа" и смотрит – запотело оно или нет? Это в старые времена так проверяли.

Но ему уже и без этого зеркальца стало ясно – жив человек. Как он закричал, позвал сторожа, медсестер, все прибежали с каталкой, перенесли тело, он командует сколько кубиков того, другого, капельницу и так далее. Я стою в сторонке. Про меня забыл. Все ушли, я осталась одна и почти без страха пошла к выходу, по дороге всех уже смелее разглядывала.

Вышла. Сторожу говорю:

– Вы меня, дяденька, извините, вам наверное из-за меня досталось.

– Да чего уж там. Борисыч наш на самом деле душа человек. Только для вида строгий. А как же иначе – начальник должен быть строгим, только тогда порядок будет. А без твердой руки только анархия и бедлам.
А ты, девка, молодец. Сколько тебе годков-то?

– 17.

– Ой, да неужто?

Понимаете, что это "ой" означало? Попрощались.

А за углом стоит тетка – сторожа подружка или собутыльница, не знаю как правильно сказать. Спрашивает, чем там эта суматоха закончилась. Я ей рассказала.

– Ну ты, девка, молодец. Быть тебе доктором.

А я думаю про себя: "Я теперь и без тебя знаю, что доктором буду." Только решила буду детским врачом, детки они такие сладкие...

Это не конец истории. Не надоело еще меня слушать? Ну, ладно, продолжаю. Окончила я школу хорошо, подала документы. Настал день экзамена. А чтобы я выглядела немного постарше, мои подружки сделали мне высокую прическу, накрасили глаза, тушь, губная помада, макияж, одним словом, туфли на каблуках, платье понарядней. Утром от волнения не позавтракала, так мама мне пирожок в сумку пихнула. Фамилия моя девичья Якушина на букву Я, в конце алфавита. Сижу, жду когда меня вызовут. Пирожок вместе с помадой съела, да еще по подбородку размазала, жирным пальцем глаз почесала, всю тушь смазала, платье помялось, макушку почесала – вся прическа растрепалась. Представляете, какое чучело в конце концов вошло в экзаменационный зал. Сидят за столом две женщины и Владимир Борисович. Очки его на столе лежат, он рукой глаза прикрывает, устал целый день экзамены принимать.

– Как зовут абитуриенку?

По документам я была Равил**я**. В нашей семье все русские, только дедушка – мамин папа, был татарин, и он назвал меня в честь своей мамы. Но все всегда звали меня Раей.

Преподаватель заглянула в бумажку:

– Равил**я** Якушина.

И потом ко мне:

– Берите билет, готовьтесь.

Я билет взяла и говорю, что тему знаю, буду отвечать сразу. И сразу все как по писаному – хороший билет попался.

Вижу Владимир Борисович рукой так по столу шарит, очки ищет, одел их, на меня уставился. А я уже рассказала в каком размазаном виде я была. Но он вроде узнал. Опять спрашивает экзаменаторшу:

– Как ее зовут? Имя?

– Равил**я**, Равил**я** Якушина, – говорит она, ничего не понимая, – отвечает на отлично.

Тут он совсем меня признал, по голосу или просто пригляделся, улыбается:

– Ты кто?

– Я Рая.

– Еще в морг пойдешь? Не боишься?

– С вами не боюсь. А можно я за ваш халат держаться буду?

Экзаменаторши переглядываются, ничего понять не могут. Оказывается, он специально сидел на приемных экзаменах, искал меня среди всех Раис.

– Я уже грешным делом, подумал, что ты испугалась поступать. Высматриваю всех Раис, и все не те, а ты, оказывается, самая последняя и то не Раиса, а Равиля.

– А можно спросить, что с этим человеком было.

Владимир Борисович рассказал мне и экзаменаторшам, что произошло.

– Этот человек попал под очень высокое напряжение, какие-то немыслимые вольты-амперы, которые должны были его полностью испепелить. В том, что он умер, не было никаких сомнений. Его семья уехала на несколько дней на дачу и не знала об этом несчастье. Он лежал в морге и вдруг ожил. А эта милая девушка обнаружила, что он живой. Вот так, чудеса случаются... Он ослеп, но приобрел какую-то сверхчувствительность (то ли телепатия, то ли ясновидение). Его сейчас изучают другие специалисты.

А тебе, дорогая Рая-Равиля, почет, что человека спасла, но поблажек тебе в учебе не будет.

– Я согласна...

******

...Начало нового XX века. В Берлине Мессинг впервые открыл в себе телепатический дар. Он неплохо знал немецкий, так похожий на идиш, однако работы найти не мог. Ночевал, где придётся. Его иногда подкармливали на рынке, но голодные обмороки случались всё чаще. Один из них закончился в морге, куда его отправил врач, констатировавший в больнице факт смерти. Тело было холодным, дыхание отсутствовало, пульс не прощупывался. Если бы не студент-медик, случайно обнаруживший у него редкие удары сердца, его похоронили бы заживо. На самом же деле это проявился ещё один дар Мессинга – способность погружаться в каталепсию, когда признаки жизни могут почти полностью отсутствовать. Так он очутился в клинике известного европейского невропатолога, профессора Абеля, который начал исследовать его уникальные возможности. ***(В. Кючарьянц)***

******

– Училась я очень усердно. Потом вышла замуж за однокурсника. Сюда мы с мужем получили направление после вуза 20 лет назад. Вот и все.

Рассказ всем очень понравился. Сима Петровна поблагодарила Раису Маратовну и вышла ее проводить. Все негромко переговаривались, обсуждая услышанное. Игорь не мог не съехидничать:

– Помнишь, Олежка, по истории проходили татаро-монгольское иго. Вот это и был Ларискин дед, и теперь она, оказывается, у нас татарочка.

Чушь полная. Можно было бы не обратить внимания на этого зловредного Игоря. Но Ларисе стало обидно до слез, особенно после такого воодушевления и гордости за маму, как будто вылили на нее ушат холодной воды.

– Ты... ты просто дурак.

И в слезах выбежала из класса.

– В фашистской Германии очень тщательно проверяли чистоту крови, – раздался спокойный голос Фимы в наступившей тишине.

– Ты хочешь сказать, что я фашист, – вскипел Игорь, бледный от злости.

– Я сказал только то, что хотел сказать. Ты сам сделал вывод. Между прочим, отец Циолковского был польский дворянин, его мать – татарка. Мать Жуковского была турчанкой, Герцена – немкой, Некрасова – полькой, Мечникова – еврейкой, Григоровича – француженкой, а Даль – вообще был датчанин. Но все они составляют гордость России.

******

Василий Жуковский был незаконнорожденным ребенком. Он родился в 1783 году, а родителями его были пленная турчанка Сальха и немолодой помещик Афанасий Бунин, у которого та служила. Согласно семейным преданиями, она была подарена Бунину одним из его крепостных, участвовавшим в русско-турецкой войне, по другим данным – была взята в плен майором Муфелем и отдана им на воспитание тому же Бунину. Служила нянькой при младших детях Бунина, а затем – экономкой в семье.

******

В это время в притихший класс вошли расстроенная Лариса и Сима Петровна, которая пыталась понять, что случилось в ее отсутствие. Видно было, что Лариса не наябедничала.

Уже упоминалось, что Фима со Славой сидели на последней парте в левом ряду, если смотреть на доску, а Амбарцум – на первой парте правого ряда. Часто в течение урока он поглядывал на друзей. Сима Петровна знала, что ребята подружились. Но сейчас она обратила внимание, что Слава и Амбарцум переглядываются часто и как-то встревоженно. Что бы означали эти "переглядки"? На самом деле в середине среднего ряда сидел Игорь, и ребята смотрели на него с противоположных концов класса. Они чувствовали, что Игорь такое не спустит, возможна драка. Он давно ненавидел Фиму, которого оберегали дружба со Славой и уважение одноклассников.

Последним уроком была история. Игоря на месте не было. Он сбежал, видно, что-то задумал. На предыду-щей двухчасовке была контрольная, после которой все были усталые, отвечать, конечно, не хотелось, и уче-ники начали заводить Валентину Яковлевну (которая, надо сказать, легко заводилась) вопросами по новейшей истории, по самой что ни на есть наиновейшей: причины грузино-абхазского конфликта, переросшего в войну (кто прав?), осетино-ингушский конфликт и война в Боснии (тот же вопрос), нужно ли было восстанавливать Коммунистическую партию Российской Федерации?

За несколько минут до конца урока Слава собрал свои вещи и стал подталкивать Фиму:

– Надо пораньше выйти.

– Почему?

– Так надо.

Фима внимательно посмотрел на друга, но ничего не сказал. Понял ли он, что Слава хотел выйти из школы вместе с толпой?

Но урок, как назло, не заканчивался. Бедная Валентина Яковлевна выкручивалась, как могла. Уже прозвучал звонок, и топот ног в коридоре звучал призывным гулом свободы. Юра продолжал спорить, оттачивая на растерявшейся училке свое ораторское искусство. Все с интересом слушали. В конце Валентина Яковлевна сказала фразу, которая всех просто добила, и после которой ее даже стало жалко. Она сказала:

– Завтра в РОНО я проконсультируюсь, как надо оценивать эти спорные события...

Или у нее не было своего мнения, или она не решалась его высказывать (она была немолода и самоцензура была глубоко в ней заложена самим ее предметом –историей).

Ребята выскочили из школы, класс как-то быстро рассосался, и, повернув за угол, они увидели Игоря, который, ухмыляясь, поджидал их с двумя парнями весьма крепкого и грозного вида. Сомнений не было – будет драка.

– Слушай внимательно, спрячь очки, повесь рюкзак на грудь, спиной прислонись к стене, закрывай голову руками, а ногами изо всех сил бей по его ногам, понял? Лучше всего под коленку, или ниже, или куда получится, но со всех сил, – тихо инструктировал Слава.

Фима вспомнил прочитанный недавно роман М. Ларни "Четвертый позвонок", герой которого "хиропрактор" Джерри Финн при помощи маленького игрушечного молоточка, наносил резкие удары по обеим коленям нападавшего по рефлекторным точкам – колени противников подкашивались, они падали и не могли подняться некоторое время. Роман был очень смешной, а нынешняя ситуация не располагала даже к вялой улыбке.

Парни с Игорем приближались.

– Если сумеешь, беги.

– Я тебя не оставлю.

– Да оставь ты эту партизанщину, мне без тебя будет легче выкрутиться.

Парни в развалочку подошли ближе. Один из них сплюнул окурок.

– Это что же получается, Игорешка, этот плюгавенький очкарик тебя оскорбляет?

Они уже подошли почти вплотную.

Амбарцум задержался в школе неспроста, он решил посмотреть, как будут развиваться события, и тогда сможет помочь друзьям более эффективно или позвать кого-нибудь на помощь. Выглянув из-за угла и увидев всю картину, он понял, что его не столь сильные кулаки не смогут изменить соотношение сил, и бросился обратно в школу. Фима заметил, как появилась из-за угла яркая вязаная шапочка Амбарцума и как исчезла и понял, что Амбарцум побежал за помощью, хотя где ее, эту помощь найдешь, ведь в школе уже никого нет. Амбарцум тем временем с размаху влетел в учительскую:

– Сима Петровна, скорее идемте, там будет сильная драка. Скорее, скорее, – он буквально тащил ее за рукав.

Слава оглядывался, ища глазами хоть какой-нибудь кирпич или палку. Ах, вот бы сюда сейчас эту волшебную Девочку.

И вдруг... Неожиданные события бывают со знаком плюс или минус... Писатели любят неожиданные *вдруг*. А мы? И часто ли они случаются в жизни? Случай, по определению Пушкина, "изобретательный слепец".

Из-за угла показался... Нет, не Девочка, не показалась, а показался… Сергей. Слава вспомнил, как Юрка-толстяк сказал, что Сергей разыскивает его зачем-то.

Тот, как всегда, был со свитой – с двумя парнями. Все оказались знакомы друг с другом. Начались рукопожатия.

– Славка, как я рад тебя видеть! Я искал тебя, всех пацанов спрашивал, куда ты пропал. Разговор есть важный. Вот решил тебя около школы встретить.

В глазах сопровождающих авторитет Славы возрос неимоверно.

– Так, так, подожди-ка, – прервал Сергей сам себя, – что здесь происходит? Я так понимаю, что драка намечалась? – Внимательно посмотрел на каждого из присутствующих. – Кто кого собирался отлупцевать?

Растерянные парни, которых привел Игорь, пытались оправдаться, мол не знали, кто, за что, зачем и почему.

– Так, я все понял, этот очкарик – твой дружбан, а этот (кивок в сторону Игоря) захотел кого-то из вас отлупить. Чего же ты сам не побил, а пацанов позвал, – теперь он обращался непосредственно к Игорю, – самому слаб**о**? Ох, обмельчал народ, обмельчал, даже подраться по-честному не умеют.

Сима Петровна подбежала к углу здания, но Амбарцум жестом придержал ее, сам первым выглянул и с удивлением обнаружил, что расстановка сил кардинально изменилась – людей стало больше, но позы их были отнюдь не агрессивны, а очень даже дружественны.

– Драка отменяется, – объявил он учительнице.

– Идем скорее, а то очень холодно. Расскажи, пожалуйста, что происходит и поподробнее, – потребовала Сима Петровна.

И Амбарцум ей все рассказал. Нет, он совсем не был ябедой или доносчиком, просто это событие так его задело, что ему надо было выплеснуть свои эмоции.

В школе он зашел в мужской туалет, из мутного окна которого была видна (но не слышна) вся сцена, как на ладони. Сима Петровна стояла в коридоре около открытой двери мужского туалета, Амбарцум докладывал:

– Слава разговаривает с кем-то. Фима стоит в сторонке и ждет его. Четыре парня окружили Игоря, курят.

– Подождите нас, нам потолковать надо, – сказал им Сергей, отводя Славу в сторону, и обращаясь к Фиме, – а ты, иди, иди, никто тебя не тронет.

– Я все-таки Славу подожду.

Сергей хмыкнул, хотя он не привык, чтобы ему возражали, но оценил верность дружбы.

– Ты помнишь, Слав, – осторожно начал Сергей, – тот вечер, когда меня машина толкнула? Помнишь, что тогда было?

– Конечно, помню Девочку странную с сестричкой, как она всем какие-то чудн***ы***е вещи говорила.

– Ой, Славка, как же ты меня обрадовал. Ты себе не можешь представить, что было на пустыре после этого дня. Спрашиваю у пацанов, как эта девчонка все про вас знала, а они зенки вылупят "какая девчонка?"

Со всеми вместе говорил, с каждым по отдельности – не помнят, и все тут. Мы, говорят, тебя уважаем и, если ты очень хочешь, мы скажем, что была девчонка, и две было или даже три их было, но если хочешь знать правду, то мы тебе уже сказали.

– Все, думаю, копец мне. Если и Славка не подтвердит, значит я с ума схожу. Так ты объясни мне, что это было?

– Я думаю, что телепатия и гипноз. После сеанса гипнотезер может сделать так, что все забудут, что с ними было.

– А я и ты ведь не забыли?

– Это значит, или она сама не захотела у нас память стирать, или мы не поддаемся гипнозу.

– Ух, ты! Вот это да! А как это она делала? А этому можно научиться?

– А мы сейчас Фиму спросим, – он подозвал друга и спросил, что тот знает о гипнозе и можно ли этому научиться.

– У человека должны быть хоть какие-то минимальные способности, тогда хороший педагог, или тренер, или учитель их может развить. Например, если у человека есть музыкальный талант, и он будет учиться и тренироваться, из него получится хороший музыкант. А если человек совсем без музыкального слуха, чему его можно научить? Так и телепатические способности. Вот описывают интересный случай – однажды Вольф Мессинг, чтобы доказать свое умение, подал кассиру сберкассы пустую бумажку и внушил, что это чек на сто тысяч, получил деньги и ушел.

– Ух, ты, – восхитился Сергей.

– Но он тут же отдал эти деньги обратно, если бы не отдал, то кассира бы расстреляли, – Фима заметил восторг в загоревшихся глазах Сергея, – потому что считается, что деньги, полученные таким способом, не приносят удачу. Если человек получил деньги нечестным путем, то он может заболеть, и все деньги уйдут на лечение. Кроме этого, все эти люди, как бы сказать, под сильным наблюдением тайных служб. Если они обладают такими способностями, они могут совершить преступление или выведать военные секреты. За ними очень следят.

– Ну спасибо, теперь мне надо все обмозговать. Бывайте, – он пожал руки Славе и Фиме и отошел к ждущим его ребятам. Они курили, окружив расстроенного Игоря (все пошло не так, как он задумал), напуганного (никак не мог подумать, что Сергей в таких хороших отношениях со Славой – что теперь Сергей с ним сделает?) и озлобленного (Сергей теперь знаком и с Фимой тоже и даже пожал ему руку).

Слава с Фимой радостно побежали. Вдруг Слава обернулся на кружок ребят, в середине которого стоял понурый Игорь. Все ждали решения верховного судьи – Сергея, как он накажет обидчика его друга Славы.

– Подожди меня, – бросил он Фиме и побежал назад.

– Сергей, слышь, отпусти его. Да как бы объяснить, он по дурости все... Пусть идет себе...

– Ладно, как скажешь. Смотри, парень, ты теперь Славке по гроб жизни обязан, понял. Все, что он скажет, для тебя закон. Понял?

Игорь угрюмо кивнул. Его отпустили, и он, понурый, пошел в другую сторону.

Через несколько минут ребята услышали топот, их догонял Амбарцум.

– Ты куда за помощью бегал?

– Я Симу Петровну привел, а потом увидел, что драка отменяется, и отпустил ее.

Это звучало забавно. Он, видите ли, отпустил ее...

– Ну и шустрый ты Амбарцумчик, – Фима потрепал друга по курчавой голове.

Слава вопросительно смотрел на них, что у них за тайны?

Глава шестьдесят вторая

После этого события Слава все подробно рассказал другу и о встрече с Девочкой, и о ее предсказании. Тогда стал ясен интерес Славы к "голубой луне", и мучения в выборе профессии, и вопросы Сергея о гипнозе.

Через некоторое время Фима опять вернулся к Славиному будущему.

– Пойдем к нам, моя мама тебе поможет, я уверен, – потащил Фима друга к себе домой.

Тетя Соня сказала, что решение всех проблем надо оставить на потом и посадила всех обедать.

Разговоры за столом были очень интересные, серьёзные. Марк Семенович рассказал, как ему удалось организовать в Израиле лечение друга детства – офицера, раненого в Афганистане. Какие ужасы об этой войне

тот рассказывал!.. Хотя прошло уже несколько лет после ее окончания, но не все могут так легко её забыть, выкинуть эту боль из души и памяти. Читал стихи...

******

Ты приходи, я чаем напою
и буду слушать длинный твой рассказ,
рукою гладя голову твою,
от седины не отрывая глаз.
Расскажешь мне, как тяжело в пути,
когда так далеко родимый дом,
и сколько городов пришлось пройти,
и как тебе казалась встреча сном.
Уткнув в матрас небритое лицо,
ты звал меня, ты скажешь каждый раз,
когда теряли молодых бойцов,
на то ведь и война, а вы спецназ.

Я отогрею душу, как смогу,
стихи прочту, что мне напела ночь.
Тебе хоть этим, может, помогу,
чтоб вся твоя тоска умчалась прочь.
Мы просидим с тобою до утра,
поговорим еще о том, о сем.
Ты скажешь тихо: "Мне идти пора",
что твой отряд покинет город днем.
А на прощание моя слеза,
как орден боевой тебе на грудь.
Намокшие не отведу глаза,
они росою окропят твой путь.

(Ольга Некрасова)

******

– Друг детства теперь без пальцев левой руки и хромает. Сны видит о войне, кошмары... Но, влюбившись в одну медсестру, польскую евреечку, не хочет уезжать из Израиля. Подробно все описывает, приехать зовет.

После обеда Марк Семенович засуетился:

– Посиди, Сонечка, ты устала, я соберу посуду и подам чай.

Слава, наблюдая за ними, понял, как была права его мама. Фима расставил чашки и достал варенье из буфета.

– Мама, Слава еще не определился, кем быть, никак не может решить. У него разносторонние интересы, по всем предметам отличник, в таком случае очень трудно выбрать. Есть какие-нибудь идеи?

******

… Перестаньте винить себя, что не знаете, кем вы хотите стать. Многие из самых достойных людей, которых я знаю, в двадцать лет не имели ни малейшего представления, чем бы им заняться. Часть из них не знала и в сорок. Лично я тоже еще не решил, кем буду, когда вырасту.

Если вас сильно допекают родители, или как вы их там называете ... предки ... спасибо... предки ... скажите предкам, что Жванецкий тоже еще не решил. Вообще вы видели когда-нибудь маленьких детей и как взрослые дяди и тети их спрашивают: “Петечка, а кем ты хочешь стать, когда будешь взрослым?” Знаете почему взрослые все время спрашивают это у детей? Не знаете? Я скажу вам – взрослые просто ищут свежих идей…. ***(Михаил Жванецкий)***

******

– Я говорила с твоей мамой на родительском собрании. Она думает, что так как у тебя двое дедушек были технари, да и мама – конструктор, то генетически, возможно, тебе будет ближе инженерная деятельность. Прости, если я затрагиваю болезненную тему, кем был твой папа и говорил ли с тобой на эту тему?

– Папа говорил, что надо быть достойным собственного уважения. Папа был учителем.

– Постой, постой, как звали твоего отца?

– Савелий Михайлович.

– Ах, Боже мой, как я сразу не догадалась. Семенов, достаточно распространенная фамилия. И я не подумала, что ты сын Савелия Михайловича Семенова. Знаешь, Марк, какой это был великий педагог! Гений! Как его наша директриса старалась переманить в училище... Какое было удовольствие даже просто говорить с ним, встречаясь в РОНО и на каких-то учительских семинарах. Последние годы он вел курсы повышения квалификации, так даже учителя с большим опытом стремились попасть с нему. А его воскресные школы! – Никак не могла успокоиться тетя Соня.

Наконец, разговор вернулся в прежнее русло.

– Послушай, Славочка, меня внимательно. Отвлекись полностью от любой профессии, любой работы, от любой сферы деятельности. Вспомни, что ты делал такое за последний год, что доставляло тебе истинное удовольствие. Не думай, что если ты скажешь, что помогал какой-то бабульке сажать цветы в саду, то я посоветую тебе быть садовником. Отвлекись полностью и расскажи о том периоде твоей жизни, когда ты был счастлив и снова хочешь быть там и делать то же, что делал тогда.

Слава подумал, что ему было очень интересно полчаса назад слушать разговоры за столом. Какой Марк Семенович умный и интересный собеседник! Как он цитировал Чичибабина: “*А в нас самих, труслив и хищен,*

/ не дух ли сталинский таится, / когда мы истины не ищем, / а только нового боимся? / Я на неправду чертом ринусь, / не уступлю в бою со старым, / но как тут быть, когда внутри нас / не умер Сталин?"

Самое интересное сейчас (и всегда было) наблюдать за людьми, слушать, анализировать. Но об этом както не расскажешь. И разговоры с мамой, и счастье душевной близости с ней, и дружба с Фимой. А до этого было самое приятное лето в жизни. Было необычайно интересно общаться с малышами. Когда закладывается и что влияет на характер? Почему одни послушные, другие стремятся к лидерству любой ценой, кто-то врет для выгоды, другой врун – фантазер. Они все такие разные...

Слава рассказал о своей работе в лагере вожатым, вспомнил несколько забавных случаев.

– И после такого прекрасного опыта работы с детьми, ты не думал о профессии педагога?

– Как бы это объяснить. Работа учителя состоит из двух частей – образовательной и воспитательной. Образование, то есть сам предмет объяснять, мне кажется, скучновато – бином Ньютона и сегодня, и завтра, и еще раз, и снова, и снова. Это папа умел рассказать, вызвать интерес к предмету, боюсь, что у меня так не получится, а хуже быть не хочу.

– Ты сказал о двух частях: образовательной и воспитательной, так закончи мысль, – Фима, как всегда, был предельно логичен.

– Воспитание человека, я считаю, важнее, чем образование. Не шибко образованный добряк полезнее обществу, чем подлец, который помнит закон Бойля-Мариотта. Но в школе нет профессии воспитатель.

– Я думаю так, – медленно начала тетя Соня, – первый этап – поступаешь, а я уверена, что ты поступишь, в Педагогический институт. В нашем городе этот вуз – один из лучших в стране, не обязательно стремиться в столицу. Там, в Москве, и поступить труднее, и жить материально сложнее. Да и не только в этом дело. После поступления подойди к директрисе вашей школы и попроси место учителя на продленке. Эта работа на полставки – головная боль для администрации. Никто не хочет брать эти неудобные часы, а тебе после занятий в вузе будет в самый раз. Там широкое поле для любых экспериментов. Заведешь карточку на каждого ребенка, создашь базу данных, сможешь следить за процессами развития личности, накапливания знаний, коммуникабельности, интеллекта и т.д. Пригодится для будущей работы. Развивающие игры для гуманитарного образования, конструкторы для технического развития. Мы постараемся помочь тебе, достанем какие-нибудь программы и методические материалы из-за заграницы.

Соня вопросительно посмотрела на Марка Семеновича. Тот радостно закивал. Что не сделаешь, если Сонечка просит.

– Третий пункт, – продолжала Соня, – ты идешь на кафедру психологии к профессору Стефанскому и говоришь, что работаешь в группе продленного дня и просишь задание для разработки. Я знакома с ним – он превосходный специалист. Поработаешь под его руководством. А через год ты сам определишься, хочется тебе продолжать или поменять направление пути – там будет видно. Как тебе нравится такой план?

– Спасибо огромное, тетя Соня, все как будто встало на место, определилось.

– Ах, Сонечка, какая же ты умница, абсолютно правильный совет. А вы весьма достойный молодой человек, разрешите пожать вашу руку, – в устах Марка Семеновича это звучало старомодно, но Славе было приятно.

– Мама, а вот если бы кто-то сказал, что любит сажать цветы в саду, то что можно в таком случае порекомендовать, кроме садовника?

Соня улыбнулась:

– Хочешь поймать меня на слове? Понимаешь, у человека с высоким уровнем образования и интеллекта есть еще какие-нибудь увлечения и таланты, которые можно объединить с любовью к цветам. Если человек при этом хорошо рисует, если у него хороший художественный вкус, если он интересуется архитектурой малых форм, он может стать дизайнером холлов, зимних садов. В крайнем случае, это может остаться как хобби

Домой Слава шел в отличном настроении. Сквозь медленно и тихо падающий снег была видна луна.

Он помахал ей рукой.

******

Золотом огней горит вода.
И закат за горизонт исчез.
Скоро, скоро звездные стада
Выгонит на пастбища небес

Высший пастырь. Месяц верхогляд,
Мимолетом зацепив сосну,
Сменит свой заоблачный наряд,
Превратившись в полную луну...

(Елена Литинская)

******

Глава шестьдесят третья

Следующей на классный час пришла мама Леночки. Она была библиотекарем в центральной городской библиотеке. Леночку все любили, относились заботливо, даже бережно. Она была освобождена от занятий физкультурой из-за странных непонятных болей в области живота.

Леночка была старожил школы, училась в ней со дня её открытия, когда заселили первые дома в микрорайоне. Среднего роста, изящного пропорционального сложения, она сразу была выделена учителем физкультуры для занятий гимнастикой. Выполняя упражнение "мостик", Леночка вдруг вскрикнула, кусая до крови губы, побледнела, свернулась клубочком. Прибежала медсестра, вызвала скорую, сообщили маме на работу, и Леночку отвезли в больницу с подозрением на аппендицит. Пока приехала мама, пока делали анализы (которые не показали воспалительного процесса), боль утихла, и мама забрала Леночку домой. Такие приступы боли случались раз в 3-4 месяца, особенно, если Лена выполняла какое-то вытягивающее упражнение. Пришлось забыть не только о художественной гимнастике, но и попрощаться с уроками физкультуры вообще. Так как врачи не могли поставить диагноз, то освобождение от урока физкультуры учитель, испугавшись первого приступа, по соглашению с директрисой, взял на себя. Леночка сидела в углу зала и с завистью смотрела на бегающих и прыгающих одноклассников. А в ведомости появлялись четверки по физкультуре (чтобы не портить аттестат хорошей ученице).

В седьмом классе повели девочек в медкабинет на какую-то прививку. Укол под лопатку. Кто-то, бравируя своей смелостью, решительно подходил к доктору. Кто-то тихо скулил от страха. Леночка, видя некоторое кокетство тех и других, сама была спокойна. Но докторша не торопилась вонзить шприц под худенькую лопатку.

– Милая девочка, я хочу поговорить с твоей мамой. У тебя небольшое искревление позвоночника. Пока ты молодая, это еще можно исправить. Я дам тебе комплекс упражнений, который ты должна выполнять.

"Какие уж тут упражнения, – печально думала Леночка, – опять случится приступ."

В восьмом классе это искривление стало очевидным – одно плечо было чуть выше другого. В девятом классе она стала едва заметно прихрамывать. В десятом уже заметнее. Она сидела на первой парте в ближнем к двери ряду, чтобы меньше ходить по классу. Амбарцум, которого посадили рядом с Леночкой, стал заботливо носить ее портфель. Кто-то попытался пошутить по этому поводу. Амбарцум искренне удивился.

– Ты что, дурак? Не понимаешь, что ей надо помочь? Ну возьми и понеси ее портфель, если завидно.

******

Итак, мама Леночки Вера Игнатьевна пришла на классный час рассказать о своей любимой работе библиотекаря. Большинство учеников до переезда в микрорайон жили в центре города, приходили в Центральную библиотеку и знали её в лицо.

– Ребята... Вас, конечно, уже пора называть юноши и девушки: выпускной класс – это ваш выход во взрослую и очень ответственную жизнь. Не случайно Сима Петровна попросила нас, родителей, рассказать о своей профессии и особенностях работы в ней. Ну, вот, – она оглядела класс, – я вижу много знакомых лиц.

Вера Игнатьевна обращалась ко всему классу, стараясь не глядеть на Леночку, чтоб не смущать ее.

– Дорогие друзья, работа библиотекаря почти вся на виду, поэтому ничего нового я вам не расскажу. (И действительно рассказ получился не о профессии библиотекаря, а об истории библиотечного дела.) Библиотеки – это часть культуры общества. Вы знаете, что в стародавние времена люди писали на глиняных табличках. Эти таблички очень бережно охраняли и собирали. Ученые и сейчас расшифровывают, что написано на них. Благодаря коротким сведениям о правителях, о каких-то особенных событиях, о кометах, затмениях, землетрясениях, ученые могут датировать события. Очень интересно, что среди табличек были долговые расписки. Самым древним собранием этих глиняных черепков в мире была библиотека Ашшурбанипала – древнейшая и крупнейшая из всех известных библиотек. Ассирийский царь Ашшурбанипал в Ниневии еще в VII веке до нашей эры решил создать библиотеку, которая должна была содержать все (!) накопленные человечеством знания. Он собирал ее в течение 25 лет. Это собрание глиняных черепков самое знаменитое из всех известных библиотек. Только часть её, найденная археологами, содержит 25 000 глиняных табличек на нескольких языках.

Потом появился папирус. Примерно, пять тысячелетий до нашей эры на восточном побережье Средиземного моря существовал финикийский город Библ или Библос. Сейчас это город Джубель в Ливане. Историки расскажут вам много интересного о древних финикийцах. Жители города торговали папирусом. Продавали его во многие страны Средиземноморья, в основном, в Грецию. Финикийцы придумали вместо сложных египетских иероглифов простые привычные нам буквы: «алеф» (бык) или «альфа», «бет» (дом) – «бета» и так далее. Вот и получается, что слово «алфавит» происходит от названий финикийских букв. Греки переводили повествования иудейских пророков и записывали их на папирусе, и этот труд назывался библией. Теперь понятно, откуда произошло слово библиотека.

Вера Игнатьевна краем глаза посмотрела на Симу Петровну – может, не стоило упоминать пророков и библию? Вроде реакции не было никакой, ни осуждающей, ни одобрительной. Впрочем, слово вылетело. Вера Игнатьевна продолжала.

– На папирусе можно написать намного больше, а по весу они значительно легче. Это похоже на современное появление компьютерных дисков, которые содержат несравненно больше информации, чем книги.

Работа писаря на папирусе ценилась высоко. Богатые жители Афин начали обзаводиться частными библиотеками. (Совсем как в наше время – нам так хочется иметь любимые книги у себя дома) До нас дошли сведения о личных собраниях книг у Эврипида, Платона, Аристотеля, Демосфена. Но папирус недолговечен, портится с годами, особенно в приморском влажном климате. Затем появился пергамент – более долговечный материал, его получали из кож различных животных.

А первая публичная библиотека появилась в Древней Греции, в Афинах еще в VI веке до нашей эры. Знаменитая Александрийская библиотека – восьмое чудо света – была основана в начале III века до нашей эры во время правления царя Египта Птолемея II Филадельфа, в которой было от 400 до 700 тысяч(!) папирусных свитков. Вполне сравнимо с размерами современных библиотек. Папирусы были очень дорогими, потому приковывались к полкам цепями. Чтобы не украли.

В классе захикикали.

– В Александрийской библиотеке работали ученые (в их числе и Эвклид), преподаватели, переписчики. Все публичные библиотеки существовали под покровительством и защитой государства или властителя. Для пополнения библиотеки египетские чиновники просто конфисковывали все ввозимые в страну книги и запрещали вывозить любые папирусы.

Существует очень печальная историческая легенда. Якобы, когда халиф Омар Первый приказал сжечь на площади все книги из знаменитой Александрийской библиотеки, а в ней тогда хранилось несколько сот тысяч уникальнейших манускриптов, служители библиотеки на коленях умоляли его убить лучше их, но пощадить книги, однако халиф им ответил: «Если в них хранится то, что написано в Коране, они бесполезны, а если противоречат слову Аллаха – вредны». Хотя многие историки не согласны с такой трактовкой. Они считают, что халиф Омар захватил книги Александрийской библиотеки на правах победителя.

******

После возникновения огромного Арабского халифата, столицей был город Ясриб, где по преданию, находилась могила пророка Мухаммеда. В 762 году началось строительство новой столицы – Багдада.
В период своего расцвета город являлся и центром арабской культуры, в Багдаде имелось тридцать библиотек. Общественные библиотеки имелись во всех городах халифата. В Каирской библиотеке в сорока огромных залах хранилось 600 000 книг, среди которых было множество автографов в драгоценных переплетах.

По образцу Александрийской библиотеки в халифате было создано множество Домов Мудрости, в которых работали тысячи переписчиков и переводчиков, переводящие книги древнегреческой, римской, персидской и индийской литературы по арифметике, алгебре, астрономии, философии и другим наукам. Благодаря этим переводам до нас и дошли сочинения римских и греческих авторов из Александрийской библиотеки, в том числе и «Альмагест» Птолемея, сочинения Аристотеля, Гиппократа.

В дворцовой библиотеке халифа Рахмана аль Хакама Второго насчитывалось свыше 400 000 томов книг, а ее каталог составлял 44 тома. Все это свидетельствует о том, что книжные фонды Александрийской библиотеки не были полностью уничтожены, а их правопреемниками стали арабы. Это был длительный период эпохи арабского Ренессанса.

После смерти халифа Альмостансера (Аль-Хакима) в 976 г. расцвет сменился упадком и его знаменитую библиотеку растащили визирь халифа и солдаты за просроченное жалованье. Визирь на двадцати пяти верблюдах увез дорогих книг на сумму в сто пятьдесят тысяч динариев (фантастическая сумма эквивалентная миллиону золотых рублей). Оставшиеся книги разграбили солдаты…

Погибла и знаменитая Дамасская библиотека. В 1236 году библиотека Кордовы была сожжена по приказу кардинала Хименеса. В огне погибло 280 000 томов книг, но и после этого пожара часть библиотеки все еще продолжала существовать, и, согласно существующей легенде, ее архивами неоднократно пользовался Христофор Колумб.

******

– После того, как гигантская библиотека Кордовы, на протяжении веков создаваемая арабскими халифами, окончательно захирела, в Испании началась эпоха кровавого средневековья, господство инквизиции, подавление всякого инакомыслия. А в книжных фондах Ватиканской библиотеки (каким-то чудесным образом) появились манускрипты из Кордовы и Александрии, что привело к эпохе итальянского Ренессанса. Вывод прост. В странах, в которых ценят книги (носителей знаний, истории и культуры), всегда наступает эпоха Ренессанса.

Веру Игнатьевну слушали внимательно. Древнюю историю проходили в шестом классе, все ее благополучно забыли, а про библиотеки тогда им вообще не рассказывали, поэтому было интересно.

– Первая библиотека на Руси была создана в 1037 году по приказу Ярослава Мудрого в Софийском соборе в Киеве, – продолжала Вера Игнатьевна. – Так что, как видите, с гордостью можно отметить, что Россия не отставала от других стран.

И вот, наконец, наступила эпоха печатных книг. 27 мая 1795 г. императрица Екатерина II основала Императорскую публичную библиотеку. (Поэтому этот день считается нашим профессиональным праздником)

Трагична история польской национальной библиотеки. Братья Юзеф и Анджий Залуские собрали уникальную коллекцию книг из разных стран Европы. И в 1747 году открыли для публики. После смерти Юзефа в 1774 году библиотека перешла в собственность государства. По богатству своих фондов Библиотека Залуских могла сравниться с крупнейшими библиотеками Европы того времени. После подавления в 1794 году восстания Тадеуша Костюшко и взятия Варшавы Суворовым библиотека, в которой было 400 тысяч томов, была в качестве военного трофея перевезена в Петербург в Императорскую публичную библиотеку. Первым директором библиотеки был французский эмигрант, дипломат и историк Шуазёль-Гуфье.

В этот момент Амбарцум поднял руку:

–Кто был директором главной Российской Императорской библиотеки? Француз?

Подтекст этого вопроса поняли Слава, Фима и, конечно, Игорь, которому пришлось проглотить этот намек.

– Огюст де Шуазёль-Гуфье, – повторила Вера Игнатьевна, – он был дипломат, посол Франции в Османской империи, член Французской академии, археолог, исследователь и коллекционер греческих древностей. Во время фрнцузской революции попросил, говоря современным языком, в России политического убежища. Был назначен директором Императорской библиотеки. Через несколько лет он вернулся на родину, был восстановлен в правах и стал пэром Франции. В России остался старший сын – Октавий Шуазёль-Гуфье, а великий русский философ Н. А. Бердяев – это его правнук.

Мы отвлеклись, так вот закончу историю польской библиотеки. В 1930-х годах наша страна вернула Польше 50 тысяч томов. Во время войны фашисты их частично разграбили, частично сожгли. Из собрания Залуских сейчас в Национальной библиотеке Польши сохранено только 1800 рукописей и 30 тысяч книг.

Подумать страшно, сколько книг было сожжено за всю историю человечества...

******

В 1817 году в честь трёхсотлетия 95 тезисов Лютера на Вартбургском празднестве жгли книги...

10 мая 1933 года перед старейшей берлинской библиотекой нацисты провели показательную акцию – сожжение книг неугодных авторов. Кроме трудов Маркса и Энгельса горели Фрейд, Гейне, Барбюс, Брехт, Генрих и Томас Манны и многие другие. От Берлина не отставали другие города – книги сжигали в 70 городах Германии!

С 1947 года 10 мая отмечается в Германии как День книги. В 1995 году на берлинской площади Бебельплац рядом с бульваром Унтер ден Линден был установлен памятник сожжённым книгам. Израильский архитектор и скульптор Миха Ульман разместил в подземном зале пустые стеллажи для книг (заглянуть в этот зал можно через толстое стекло в мостовой). Опустевшие полки, хранящие невидимые призраки книг... Табличка рядом с памятником гласит: «На этой площади 10 мая 1933 г. студенты-нацисты жгли книги»; там же приведена цитата из трагедии Генриха Гейне «Альмансор» – «Это была лишь прелюдия, там, где сжигают книги, впоследствии сжигают и людей. »

******

– В настоящее время крупнейшие библиотеки – это Библиотека Британского музея, Библиотека Конгресса США, наша Библиотека имени В. И. Ленина. В ее стенах находятся документы на 247 языках мира, 40 млн. единиц хранения! Нам есть чем гордиться.

******

Библиовечное

"Даруй мне тишь твоих библиотек..." *Б.А.Ахмадулина*

Кто вскормлен тишиной библиотек,
Тот "алгеброй гармонию поверил" –
Ещё в далёкой первобытной эре
Писал в пещерных сводах человек.
И царь шумерский, Ашшурбанипал,
Собрал все знанья в глиняных табличках.

С тех пор имеет род людской привычку
Хранить веками всё, что б ни узнал.
Всегда бесплатен вход, абориген,
В Машину Времени, что звать "Библиотека".
Используй же билет-абонемент,
Чтоб сделать тур по Знаний всем парсекам.

(Анна Регулянт)

******

– Теперь, давайте поговорим о работе библиотек. Предположим, в вашей домашней библиотеке есть книг 50-70. Это ваши любимые книги, вы все их прочли, возможно, даже и не раз. Вы аккуратно разместили их на пяти полках в книжном шкафу. По какому принципу? По алфавиту? Или, например, на одной полке стоят ваши детские любимые книги, на второй – художественная литература, на третьей – учебники, техническая литература и так далее. Если друг попросит одну из них, вы с легкостью подходите к нужной полке и выдаете ему

(попросив при этом не слюнявить пальцы, переворачивая страницы, не трогать вашу любимую книгу грязными жирными руками, не проливать на нее сладкий чай и так далее).

Все заулыбались.

– Вам легко, потому что книг не так много, и вы их все помните. А если штук 500 или несколько тысяч, или, как в библиотеке, несколько десятков тысяч? Тогда нужна картотека. Берем картонку, пишем на ней имя автора, название книги и ее местоположение, например 5-3-12, что означает 5-й шкаф, 3-я полка сверху, 12-я книга слева. Одна карточка на каждую книгу. И располагаем их в алфавитном порядке по авторам, что весьма логично для поиска нужной книги. Как вы думаете, что еще желательно написать на карточке?

Желающих ответить не было, ученики любили, когда им рассказывали, а не спрашивали. Леночка знала, так как часто помогала маме в библиотеке, но в данном случае было неловко выскакивать. Она написала два слова на бумажке и тихо подсунула соседу.

– Год издания и содержание, – гордо сказал Амбарцум.

– Правильно, краткое содержание книги и год издания. Кстати, в Александрийской библиотеке был каталог всех имеющихся свитков, который регулярно обновлялся. А к каждому свитку прилагались описание произведения, сведения об авторе и комментарии (схолии).

Теперь представьте, что пришел читатель и просит книгу по названию, а автора он забыл. Как найти? Желательно иметь еще одну алфавитную картотеку по наименованиям. А если читатель просит собрать книги, например, о дельфинах. Как их найти? Раньше была надежда на широко образованного, начитанного, опытного библиотекаря. А сейчас нам будут помогать компьютеры. В библиотечных компьютерах будет содержаться информация по всем книгам. Они облегчат нам все проблемы каталогизации и поиска, и наступит райская жизнь.

Что можно добавить? Работа библиотекаря состоит не только из удовольствия читать интересные книги. Ведь есть много и бумажной работы, составлять заказы, собирать отклики и анализировать отказы на литературу, систематизировать, составлять тематические указатели, описания, списки и обзоры литературы и др. Надо иметь усидчивость и большое терпение. Но настоящим любителям книг не может быть скучно.

В библиотекари идут работать люди, которые преданно любят книги, литературу, готовые ради спасения ценных изданий рисковать жизнью. Во все времена были такие – от служителей знаменитой Александрийской библиотеки до библиотекарей третьего рейха, спасавших книги еврейских и других авторов. А минусы?.. Конечно, они есть. Сидишь целый день в помещении (но многие профессии связаны с обязанностью находиться в офисе), в хранилище дышишь книжной пылью, иногда поленишься взять тележку и тащишь тяжелые стопки книг, но все эти мелочи несравнимые с удовольствием приобщиться к мудрости людей, живших когда-то. Да, вот еще – зарплата маленькая. Остаются только энтузиасты...

Вера Игнатьевна закончила, смущенно улыбаясь (может, не стоило говорить о зарплате?..)

Леночка сказала, что еще не решила, кем будет. Она любила литературу, можно было идти по маминым стопам. Прекрасно знала математику, а физику и химию терпела по необходимости. Мама советовала поступать в статистический техникум на бухучет – спокойная сидячая работа (при ее физических проблемах).

Но в классе она всего этого не рассказала, просто сказала, что еще не знает.

Глава шестьдесят четвертая

Дошла очередь до Амбарцума. Он встал и гордо сказал:

– Лет через пять, или, пускай, десять, я буду богатым и знаменитым. Я буду как Пако Рабанн.

– Во, дает.

Сима Петровна строго посмотрела в сторону "во-дает", что означало "молчать и не комментировать".

– Я спросила тебя не каким ты будешь, а кем ты будешь. Расскажи нам, пожалуйста, подробно.

Амбарцум начал издалека, ведь Сима Петровна сказала "подробно".

– В 1965 году мой дэдушка приехал в Ереван из Алеппо.

******

На протяжении многих веков Алеппо был самым крупным городом в Великой Сирии и третьим по величине в Оттоманской империи, после Константинополя и Каира. Алеппо был интернациональным городом. Там жили мусульмане, евреи, христиане, армяне, марониты, протестанты, греки, сирийские католики.

******

– Дэдушка имел пять сынов.

– Сыновей, – тихо подсказала Лена.

– Да, дэдушка имел пять сыновей, и он, и все... сыновы...

– Сыновья.

Ну, как можно это все запомнить?.. Где логика? Правило гласит: если в конце слова стоит гласная, то, поменяв ее на "И" получаем множественное число (*булка-булки, яблоко-яблоки)*. А к согласной прибавляют "Ы"

(*стол-столы, паровоз-паровозы)*. Казалось бы *стул-стулы*, ан нет, появляется новое окончание "ья" *стул - стулья*. А слово "сын" во множественном числе приобрело суффикс "вья". Почему???

******

Во множественном числе лаз
будет лазы.
Но глаз в том же числе – глаза,
а не глазы.
Когда разобьют не один шатер –
разбиты шатры.
Но в шахте угольной – шахтеры,
а не шахтры.
А как во множественном грот?
Верно. Гроты.
А как во множественном рот?
Нет, не роты.

А дочь плюс дочь означает что?
Две дочери.
А ночь плюс ночь не означает две
ночери.
В родном языке, как ясно вам, не
полный нуль я.
Аул – аулы, баул – баулы,
но стул – стулья.
Ещё добавлю, помятый с похмелья
и спросонья,
что есть у стакана дно,
а у стаканов – донья.

(Борис Борукаев)

******

– Да, дэдушка имел пять сыновей, и он, и все сыновья шьют одежду, все портные. Очень хорошие портные. Настоящий портной, как художник, он может плохую фигуру исправить. Вот приехали, значит, в Ереван, только все не так, как он думал, получилось. В Ереване собралось столько арменинов – портных и арменинов – сапожников, что столько людей не было, кому шить надо, и работы не было. Стали люди уезжать в разные места. Два сыновья (сына – опять помогла Леночка), да, два сына уехали обратно, только, не в Алеппо, а в Париж, а два – уехали в Ленинград. Сказали, красивый город, как Вена, богатый, и будет там дело. А мой папа с дэдушкой остался. (Сима Петровна подумала о том, что во время ее молодости побоялись бы так откровенно рассказывать о родственниках в Париже...)

– Дэдушка его больше всех любил, потому что он самый талантливый из всех сын...(не дожидаясь подсказки, как правильно сказать *сыновей* или *сынов*, Амбарцум выкрутился) самый талантливый из всех. Потом мы все вместе переехали в Баку. Сначала там было хорошо, а потом стало плохо. Потом дэдушка умер, и мы сюда квартиру поменяли. Дяди зовут в Ленинград, но папа не едет. Там прописки нету, а он очень закон слушает. Дэдушка всегда говорил, ты шьешь лучше всех, но твои братья богаче, потому что ты не живой.

– Как это, "не живой"?

– Ну, значит, не может сильно бизнес делать.

– Можно сказать "не деловой или не активный". И вообще, ты о себе расскажи, – Сима Петровна пыталась повернуть разговор в сторону от весьма рискованной темы эмиграции, бакинских событий и финансов.

– Да я уже тоже хорошо шить умею, папе помогаю. А летом поехал в Ленинград, там у дяди работал. Уже все делаю и дизайн, и лекала, и женский крой, и мужской крой, и уже самую трудную пройму делаю, – гордо закончил он.

Класс молчал, переваривая услышанное.

– Вот смотрите, – Амбарцум выскочил к доске и взял мел, – есть мода и есть фигура, надо обязательно смотреть, чтобы все подходило. Одно время снова появилась удлиненная талия, как было в 20-е годы, но если ноги немного короткие, то **совсем** нельзя. Или, если у кого короткая шея, то нельзя носить "водолазку" и нельзя короткий круглый вырез у платья. Еще пример, после войны были модны "плечики", чтобы было похоже на погоны. Но если у женщины уже высокие плечи и ... большие ... большие ... (неловко было сказать "большие груди", так он сделал жест руками показывающий большой бюст, чем вызвал смешки в классе) большой верх и худые ноги, а она еще сделает "плечики", так будет некрасиво.

Он нарисовал два женских силуета, с прямыми и покатыми плечами.

– Сейчас модны более женственные линии, но некоторые... немолодые женщины все еще носят фасоны своей молодости – им кажется красивее. Вот вы, например, Сима Петровна, совсем не старая, а одеваетесь в черные или тёмные цвета, это неправильно.

Амбарцум нарисовал скромное элегантное платье с необычным воротником, из которого змейкой выползал шарфик и завязывался бантом для торжественных случаев или как галстук для официальных встреч. Девочки хором ахнули. А Амбарцум вдруг смутился и быстро сел на место. Во-первых, он не привык быть центром внимания, а во-вторых сокрушался, что сказал о Симе Петровне. Какой дурак! Он чувствовал, что она хорошо к нему относится, а вдруг сейчас она обидится?..

– Очень красиво, мы и не подозревали, какой у тебя талант, – улыбнулась одобрительно Сима Петровна.– Я думаю, что теперь от тебя девочки не отстанут, пока ты им не сочинишь фасоны платьев для выпускного вечера.

– Но все-таки расскажи нам, кто такой Пако Рабанн, с которого ты начал, – раздался тихий Фимин голос.

– Как это так, чтобы Фима чего-то не знал, – с некоторой насмешкой спросил Юра.

– Он не ученый, поэтому я его не знаю, – спокойно ответил Фима.

Амбарцум коротко сказал, что Пако Рабанн – испанский кутюрье. Он много читал о нем и был потрясён некоторыми моментами его биографии. П.Рабанн захотел заниматься любимым делом – стать дизайнером одежды и, невзирая на возраст и отсутствие больших денег, стал им. А богатство и популярность составляют только приятное приложение к радости творчества.

******

Легендарный французский модельер Пако Рабанн родился в 1934 году в Испании в семье убежденных социалистов, друживших с Долорес Ибаррури. Отца расстреляли. Долорес бежала из Испании в СССР. А семья Рабанн бежала во Францию. После оккупации Франции фашистами решили бежать дальше – в Мексику. Сели на корабль, вдруг бабушка закричала, схватила внуков, вещи и бросилась на берег, мама и все члены семьи – за ней. Пароход отплыл. Семья Рабанн еще была на пирсе, когда через 10 минут после отплытия корабль подорвала немецкая торпеда. Не всех удалось спасти...

От бабушки он получил по наследству что-то такое... неординарные способности.

<<Я, например, верю в то, что судьба постоянно оставляет нам знаки, как двигаться вперед, но только большинство людей их не видит. А когда мне было семь лет, я каждую ночь выходил из своего тела, проходил по серебряному коридору и потом уносился вверх.Там меня учили разным премудростям. Когда утром просыпался и рассказывал об этом маме, она сходила с ума, ее марксистская идеология не могла допустить ничего подобного. В школе я увлекался спиритизмом, что приносило вполне реальную пользу. Как-то перед экзаменами на аттестат зрелости я поинтересовался у "духов" темой, которая должна была выпасть мне на экзамене. Они ответили, и я их успешно сдал. Но однажды услышал голос: "Прекрати немедленно! За это ты можешь дорого заплатить". Тогда я послушался...>>

(Из интервью с Пако Рабанн)

Он выучился на архитектора, работал, проектировал дом***а***, а д***о***ма давал советы маме – портнихе. Хотел стать дизайнером и рискнул изменить свою жизнь в 32 года.

<<Когда я создавал свою коллекцию "12 неносибельных платьев", то знал, что будет скандал, и был готов к нему.Тогда был очень беден, у меня не было ни бутика, ни номера телефона,да просто не было денег. Если бы коллекция называлась иначе, журналисты стали бы вопить, что это нельзя носить. На том показе я впервые представил платья из металла и выпустил на подиум чернокожих манекенщиц, которые танцевали под музыку (до этого модные показы проходили без звукового сопровождения). От такого эпатажа половина гостей упала в обморок. Из-за чернокожих женщин был скандал, корреспондент журнала "Вог" кинулся на меня с оскорблениями, вопя, что подиум принадлежит белым женщинам. Но я заявил, что взял черных моделей, потому что мне были нужны красивые женщины>>

(Из интервью с Пако Рабанн)

******

В школе все так же новые темы сменялись опросами, которые, в свою очередь, завершались контрольными и повторениями того, что может быть на выпускных экзаменах.

– Ребята, дома повторите, освежите в памяти "Евгения Онегина", эта тема периодически повторяется.

– А чего там повторять. Татьяна влюбилась и письмо написала, – сказал Олег.

– Глупая была, поэтому и написала, – заметил Слава.

– Так, так, – встрепенулась литераторша, – почему ты так считаешь?

Преподавательница литературы обожала Пушкина, и к тому же ее вообще было легко, как и историчку, "завести", чем класс частенько пользовался.

– Глупая, потому что не разобралась в Онегине. Видела только внешнюю привлекательность, а по сути он абсолютно непорядочный человек, и Пушкин в первых же строках говорит об этом. Онегин едет к тяжело больному дяде и думает "когда же черт возьмет тебя". Мог бы и не ехать, так едет же за наследством, потому что отец его *"Давал три бала ежегодно / И промотался наконец."* Он соблазнитель и ловелас.

А факт, что он сначала так обидно описал Ольгу:

"Кругла, красна лицом она, / Как эта глупая луна / На этом глупом небосклоне. / Владимир сухо отвечал / И после во весь путь молчал."

А потом стал просто так, для фана, "клеить", то есть ухаживать за невестой друга. Это как плевок в лицо, такое публичное унижение для безобидного Ленского. А то, что он компрометирует Ольгу? Как это оценить? А потом убил Ленского, хотя мог выстрелить в воздух.

– Но она не знала в начале всех этих фактов, о которых ты говоришь. Представляете себе, в деревню приехал городской, изысканный, достаточно образованный, красивый молодой человек.

– И холостой, – добавил Олег, тоже желающий участвовать в дискуссии.

– Татьяна, воспитанная на французских романах, просто не могла в него не влюбиться. Да, Пушкин относится к нему достаточно критично, – продолжила учительница, – "*Он три часа по крайней мере пред зеркалами проводил"*... и так далее. Пушкин сам жалеет неопытную девушку:

"Татьяна, милая Татьяна! / С тобой теперь я слезы лью;

Ты в руки модного тирана / Уж отдала судьбу свою. "

Но ведь так бывает в жизни, люди иногда влюбляются в недостойных.

– Ну влюбилась, – согласился Слава, – а письмо зачем писать? Татьяна не почувствовала, что он ее не любит, никого кроме себя не любит. С одной стороны, ее не удержала гордость, а с другой – опасение, что он покажет это письмо кому-то, будет посмеиваться. Поэтому я и говорю, что глупая. Хорошо еще, что, потом она поумнела, поняла, что Онегин эгоист. Поняла, что он не способен на искреннее чувство, что на самом деле он будет за ней ухаживать, так же как за Ольгой когда-то, только для того, чтобы хвастать своими победами. И выдала ему, как полагается: *"Не потому ль, что мой позор / Теперь бы всеми был замечен,*

И мог бы в обществе принесть / Вам соблазнительную честь?"

Я считаю, что ее отповедь – самое сильное место романа.

– Вы все молодые, а уже такие прагматики. В вашем возрасте люди бывают романтиками, даже где-то идеалистами, порхают, витают в облаках, влюбляются, сочиняют стихи. А вы: " Татьяна должна была, или не должна была..." Вы как старички, проверяете "алгеброй гармонию".

Юра при этом сидел, развалясь, и с такой явной иронией смотрел на наивную училку, что ее стало немного жалко. Она, стараясь не смотреть на него, взглянула на Фиму, который понял это как приглашение к разговору.

– Все противоречие в том, что мы смотрим на роман с нашей точки зрения, не так, как его читали во времена Пушкина. Раньше не было ни телевизоров, ни кино, ни даже радио. Чтение этого романа в кругу семьи было целым событием. Читали вслух, обсуждали каждую фразу:

"Ах, – говорила Марья Петровна, – Онегин читал Адама Смита. А мой племянник такой умный, так во всем хорошо разбирается, он тоже читал Адама Смита". Чтение романа прерывалось, обсуждался племянник Марьи Петровны, другие молодые родственники присутствующих, потом переходили к экономике. Наконец, возвращались к чтению романа.

"А какая великолепная идея велеть дворовым девкам петь во время сбора ягод, чтобы они не съедали половину, – говорил Петр Иванович. Обязательно введу у себя это правило." Все соглашались.

"А вы обратили внимание, как Татьянина мамаша влюбилась в кого-то. "Игрок и гвардии сержант". Но родители ее правильно сделали: ... *не спросясь ее совета, / Девицу повезли к венцу.*

....Рвалась и плакала сначала, / С супругом чуть не развелась;

Потом хозяйством занялась, / Привыкла и довольна стала.

Привычка свыше нам дана: / Замена счастию она.

"Вот так и надо, а то больно шустрые стали", – вторила кузина.

– Я что хочу сказать, что роман замечательный, стихи льются, ирония блестками сверкает. Мы, как сквозь магический кристалл, видим жизнь того времени. А для них он был потрясающе современен, узнаваем и, главное, им не надо было разбирать характеры и не надо было писать сочинение, – с улыбкой закончил Фима.

Глава шестьдесят пятая

На очередном классном часе выступала Фимина мама – Софья Иосифовна, с рассказом о статистике.

– Слово статистика происходит от латинского status – состояние дел. Это сбор, измерение и анализ данных в числовой форме. Статистические методы описаны даже в Библии, в Ветхом Завете. Там подсчитывается число воинов в различных племенах. Начало статистики относится ко времени возникновения государства. На глиняных табличках Шумерского царства (3300 г. до н.э.) были выдавлены некоторые статистические данные, проводились переписи населения и в Древнем Китае, вёлся учёт имущества граждан в Древнем Риме.

Любой человек примерно представляет себе, что такое статистика. Проходит раз в декаду перепись населения. Надо все полученные материалы обработать: сколько в стране людей, сколько из них стариков, детей, работающих, сколько с образованием и без, сколько живет в разных регионах, городах, сколько рождается,

какого пола, сколько умирает и так далее. Все эти данные нужны государству. Это понятно. Теперь давайте разыграем такую ситуацию.

Слово "разыграем" чуть-чуть всколыхнуло скучающий класс.

– Предположим, что лет через 6-7 встретились три школьных друга. Слава, Амбарцум и Фима. Фима пусть работает в статистическом управлении. А Слава, скажем, стал доктором.

– Ой, не надо, я крови боюсь, – сказал Слава, и все засмеялись.

– Ладно, – согласилась Софья Иосифовна, – ты будешь астрономом, а врачом будет Амбарцум. Хорошо?

–Хорошо, я буду **глав**врач, – важно сказал Амбарцум, подыгрывая Софье Иосифовне.

– Итак, встретились они и разговорились...

– И выпили за встречу, – класс несколько развеселился. Сима Петровна хотела было навести порядок, но решила повременить – Софья Иосифовна сама педагог, справится.

– Ну разве только пива с воблой, – не растерялась Софья Иосифовна и продолжила. – Фима поделился с друзьями, что получил задание от своего руководителя провести сбор данных и статистический анализ количества смертей от сердечно-сосудистых заболеваний по возрасту и полу. Мы все слышали, что мужчины, увы, умирают раньше женщин, но по каким-то своим соображениям руководитель решил перепроверить эти сведения и дал задание нескольким молодым сотрудникам, в том числе и Фиме. Все они разбежались по архивам больниц и поликлинник. Расчертили, разграфили свои тетрадки и стали согласно каждой истории болезни записывать: больной такой-то, пол, год рождения, год смерти, причина. Насобирали тысячу-две-три записей и начали обрабатывать. А Фима оказался весьма дотошным. Он стал записывать не просто год смерти, а полную дату, то есть день, месяц и год. Кроме этого на первой странице истории болезни врачи часто пишут анамнез, то есть сведения о наследственности, перенесённых заболеваниях, операциях, аллергических реакциях и тому подобное. Фима включил в свои таблицы и эти данные (для дальнейших разработок)

Начал обрабатывать, строить графики и обнаружил странные закономерности. Например, в марте 1980 года умерло намного больше народу, чем в апреле того же года. Может быть, март – тяжелый месяц – переход от холодов к теплу? А в марте 1981 года скачка смертельных исходов не было. Он пришелся на июль. В 1982 году пик пришелся на апрель. Почему? В чем причина? Действительно, количество мужчин превышало количество умерших женщин, но у тех и других на годовом графике совпадали пики...

Эта проблема так занимала Фиму, что он не мог говорить ни о чем другом и, конечно, рассказал друзьям все самым подробнейшим образом.

– Да, да, – сказал Амбарцум, ко всеобщему удовольствию он вошел в роль, кивал головой и делал очень важное лицо, – я тоже заметил, то больные идут косяком, то как-то полегче. Не знаешь даже, когда работникам можно отпуск давать.

– Слава, при этом молчал и внимательно разглядывал график, – продолжала Софья Иосифовна, – он забрал их у Фимы и сказал, что подумает.

Как вы думаете, как мог астроном Слава помочь другу в такой далекой для него области знания, как медицина и статистика? Если бы Слава был биологом, химиком, архитектором, юристом, педагогом, да кем еще угодно, он при всем своем желании не смог бы помочь другу. Дело в том, что пики смертных случаев приходятся на дни солнечной активности, и Слава заметил, что даты на графиках совпадают. Сейчас это все знают, но как это обнаружили статистики в первый раз?.. Как можно было обнаружить такие разные и далекие друг от друга причинно-следственные связи?

Другой пример. Все мы знаем, что дышать выхлопными газами еще вреднее, чем дышать табачным дымом. Страдает здоровье водителей и пассажиров, особенно тех, кто долго стоит в пробках. Больше страдают дети, так как наибольшая концентрация дыма как раз на уровне дыхательных путей ребенка. (Амбарцум важно кивал, соглашаясь.) Ученые Гарвардского университета провели исследования и выяснили, что выхлопные газы сни-жают интеллект и ухудшают память у детей. Все это понятно, логично и объяснимо.

И, наконец, последний пример, на мой взгляд, очень интересный. Во многих крупных городах Америки за последние десять лет заметно снизился уровень жестоких преступлений. Тут все городское руководство радостно било себя в грудь и объявляло это своей заслугой. Тут и мэры городов постарались, и начальники полиции приписали себе такие хорошие результаты, но статистика упрямая вещь и что-то тут не сходилось.

Ну, как, Слава, сможешь ли ты вместе с Амбарцумом в этом случае помочь своему другу в решении этой сложной статистической задачи?

– Надо подумать. Может, расположение звезд изменилось? Может, астролога призвать на помощь? – С улыбкой предположил Слава.

– А что скажет статистик Фима? Есть какие-то идеи?

– Так сразу не могу придумать, но мне кажется, что ты... то есть вы неспроста рассказали историю о выхлопных газах, это какая-то подсказка, наверно.

Амбарцум развернулся и в упор сурово, не мигая, смотрел на Юрку, заранее предупреждая его насмешку ("Как это так, чтобы Фима чего-то не знал"). Слава это увидел, улыбнулся.

– Посмотрите, как логично рассудили статистики. Проследим ход их мыслей. Заметно снизился уровень жестоких преступлений за последние десять лет. Это значит, что подросло поколение молодых людей, рожденных 20-25 лет назад, у которых меньше агрессивности. Что случилось четверть века назад? А вот что. Выхлопных газов стало меньше (другие моторы, лучше фильтры, чище бензин) и, главное, в этих выхлопных газах снизилось содержание свинца. Тут и медики (Софья Иосифовна с улыбкой показала на приосанившегося Амбарцума) подтвердили, да, действительно, свинец резко повышает уровень агрессивности. Общественность во главе с медиками, вооруженная статистическими данными, надавила на производителей автомобилей и правительство. Был издан закон, предусматривающий высокий штраф за ядовитые выхлопные газы.

– А у нас как? – спросил кто-то.

Софья Иосифовна помолчала. Потом медленно начала:

– Знаете, кажется, что наша профессия самая спокойная, сиди, составляй таблицы и графики и отдыхай после работы. Но это только кажется. Если наши результаты и выводы кому-то не нравятся? Если на нас давят сверху? Как быть с совестью и чувством ответственности? Вы уже взрослые и знаете немного историю нашей страны. Когда-то эта профессия относилась к разряду опасных... "*И, вспомнят с чувством горького стыда / потомки наши, расправляясь с мерзостью, / то время очень странное, когда / простую честность называли смелостью!*" – процитировала она Евгения Евтушенко.

И тут прозвучал звонок.

******

Через день дома Софья Иосифовна вернулась к статистике, но слушателями были только Слава и Фима.

– Знаете, ребята, из-за нехватки времени у вас в классе я не упомянула о зарубежной статистике. О важном аспекте... Не хотелось бы, чтобы у вас создалось впечатление, что у нас плохо, а там все хорошо и честно. Понимаете, статистикой занимаются живые и разные люди. Одних можно напугать, заставить, других – купить. Кто заказывает и оплачивает какое-либо статистическое исследование, ожидают определенный результат, и статистики вольно или не вольно выдают нужный. Например, многие ученые выступают против того, что дети проводят долгие часы перед компютером, играя в разные "стрелялки" или игры типа "тетрис". И вот наступил заказ – реабилитировать игры на компютере.

Ученые Комплекса исследований мозга из американского города Альбукерке провели опыт на 26 девочках-подростках. Девочки играли в тетрис ежедневно по полчаса в течение трех месяцев. По окончании эксперимента ученые установили, что кора головного мозга у девочек, игравших в тетрис, толще, чем у их ровесниц, не игравших в компютерные игры. Из этого делается вывод, что игра "тетрис" очень полезная. Разве это не смешно? Во-первых, 26 девочек – это очень мало для грамотного анализа. Во-вторых, полчаса в день **любого** занятия с концентрацией внимания, принесет пользу.

А исследователи американского Рочестерского университета постановили, что игры-стрелялки стимулируют зрение и даже лечат амблиопию. У меня вопрос – сколько было исследовано детей, какого возраста, сколько времени они проводили за игрой и сколько месяцев проводилось исследование? Если они тоже играли по полчаса в день, то я смогу согласиться со стимуляцией зрения.

******

В некоторых областях Азии едят очень острую пищу, а продолжительность жизни выше, чем в других регионах. Есть ли связь между острой пищей и снижением риска смертности? Статистики, за работу.

В исследовании приняли участие люди в возрасте от 30 до 79 лет из десяти различных регионов Китая. Среди них было 199 293 мужчин и 288 082 женщин. Они регулярно заполняли анкеты о составе своего меню на протяжении 2004 – 2008 года, в последующие семь лет отслеживалось их здоровье и смертность. Из исследования были исключены участники с онкологическими заболеваниями и болезнями сердца.

Профессор прикладной статистики Кевин Мак-Конвей (Kevin McConway) из Открытого университета (Великобритания) предостерегает, что полученные на жителях Китая данные могут быть неприменимы к европейцам из-за больших различий в образе жизни, структуре питания и так далее. Во всяком случае, исследование точно не говорит о пользе распространенного английского обыкновения выпивать несколько пинт пива, закусывая острым горячим карри. Связь между острой пищей и снижением риска смертности ***не*** *была доказана. Почти полмиллиона человек, более 10 лет работы...*

Какой огромный ***бесполезный*** *труд!*

Глава шестьдесят шестая

– Спроси у тети Сони, когда в этом году будет еврейский праздник Ханука. Хочу позвонить Розочке в Израиль поздравить и заодно узнать, как они там, что-то у меня душа не спокойна.

Душа чувствовала верно. По телефону Роза сказала, что мама слаба, но голова ясная, часто спрашивает о Поле и Славочке.

Роза и тетя Броня давно приглашали Полину приехать к ним в гости в Израиль и даже хотели сами купить ей билет на самолет, но она стеснялась быть им обузой. После смерти мужа она ни разу никуда не ездила, не брала отпуск совсем или весь отпуск проводила дома. А теперь в новой частной компании были приличные заработки, и босс выдал всем премию к Новому году. Слава уговорил маму, зная как она была привязана к Розочке, поехать в Израиль повидаться с ней и тётей Броней.

Полине было 14 лет, когда они переехали в Н-ск, а Розочке – 19. Полинка безумно восхищалась ею – студентка мед института, красивая, миниатюрная, элегантная, умная. Полина была рослой девочкой. Особенно огорчало, что и нога большая, а у Розочки туфельки, как у Золушки. Не отходила от неё, когда та приезжала домой, ревниво разглядывала Давида: достоин ли он ее кумира (в конце концов, справедливо решила, что он таки-да, достоин). Как она скучала, как расспрашивала тетю Броню и дядю Федю о всех подробностях жизни Розочки, как хотела повидаться! Славе не стоило большого труда уговорить ее.

Наступили долгожданные зимние каникулы. Полина улетела в Израиль. Многие ученики разъехались. Фима с мамой и Марком Семеновичем поехали в Москву – там у них было много друзей.

Школа готовилась к традиционному вечеру. Сима Петровна привлекла Славу, Амбарцума и Олега к его подготовке. Десять дней пролетели неожиданно быстро.

Роза сумела взять всего несколько дней отпуска и возила Полину по Израилю, уговорила ее несколько раз поехать на экскурсию в группе с русским гидом. Вечера Полина предпочитала проводить со старенькой, ослабевшей Броней. Посетила могилу дяди Феди...

За несколько дней до отъезда Полина показала Розочке прощальное письмо от Эдиты из Баку, полученное Маней в 1988 году. И попросила помочь разыскать Гелу, знакомую ей только по переписке. Встреча состоялась. Прибежали к Гелочке и Бася с Хасиком посмотреть на дочку Манечки... Столько трогательных воспоминаний!.. Как жаль, что так поздно, и без Манечки, и без Фани!..

Полина привезла много "шмоток" по определению Славы, который был совершенно равнодушен к нарядам (но на выпускной вечер все-таки надо приодеться). Привезла традиционные сувениры Фиме и его маме, соседке Вале и нескольким сотрудникам.

Впечатления и восторги ее были на грани печали.

******

Поверь, Иерусалим:
Была моя бы воля,
Губами бы сняла
С твоих камней слезу.
Здесь вертикаль любви
С горизонталью боли
Образовали крест,
И я его несу.
Я знаю, хрупок мир
И вечность ненадежна,
И не точны слова,
И уязвима плоть.

Но истина одна
Светла и непреложна –
Одна у нас земля,
Один у нас Господь.
Прости, Иерусалим,
Я вряд ли вновь здесь буду.
Но будут жечь меня
На северных ветрах
Жар полдня твоего,
Твоей ночи остуда
И за твоих детей
Неистребимый страх.

(Татьяна Кузовлева)

******

После каникул Фима приехал грустный. Причину не объяснял. Славу беспокоило задумчивое и даже немного угрюмое состояние Фимы после проведенных в Москве зимних каникул, но он ни о чем не спрашивал.

Дни бежали быстро по-спринтерски, не оставляя времени на развлечения. Наступила долгожданная весна. Дни стали длиннее, светлее. Раньше Слава любил это время года. Зима заканчивалась масленницей и вкуснейшими блинами у бабушки Маняши. Которые плавно переходили в мартовские треугольные печенья с маком тети Брони. Сейчас все проще, будничнее. Хотя мама тоже печет блины.

На праздник Пурим мама позвонила Розочке в Израиль поздравить и заодно узнать, как они там. По телефону Роза, рыдая, сказала, что мама совсем плоха, лежит в больнице. Перед Пасхой Броню похоронили...

Через некоторое время Слава услышал, как Фима на вопрос завуча сказал, что будет поступать в Московский Радиотехнический институт имени академика А.Л. Минца.

– Ты же хотел в Физтех?

– Меня туда не примут. Фамилия неблагозвучная.

– Как же...

Потрясенный Слава замолчал. Дома он опять, как тогда, осенью, когда поговорили с мамой по душам, вернулся к этой нелегкой теме, так как чувствовал какой-то неосознанный комплекс вины.

– Да, Славочка, все это очень неприятно. Помню, когда Розочка пошла получать паспорт, дядя Федя предложил ей взять его русскую фамилию.

– А разве это было можно?

– Он мог бы официально усыновить, т.е. удочерить ее, чтобы дать свою фамилию. Она подумала, пришла к нему вечером и говорит (это все потом тетя Броня рассказала маме, а я слышала): "Папочка Федечка, я тебя очень люблю, ты самый лучший, ты не обидишься, если я все-таки останусь на своей фамилии?"

– И что он сказал?

– Конечно, что он уважает ее выбор. А потом, когда она поступала в Мед, сдала все экзамены хорошо, набрала проходной балл, а в списке ее не было, так он поехал к ректору и устроил там такой скандал! Сказал, мол, ее отец Штерн четыре года на фронте спасал от смерти советских солдат, и тогда его фамилия подходила, а у дочки его нет? Потребовал результаты всех экзаменов и объяснения почему ее с проходным баллом не приняли в ВУЗ. Ректор затащил его в свой кабинет, запер дверь, успокоил, и поговорили откровенно. "Что делать, говорит, если чуть ли не половина всех абитуриентов люди определенной национальности. Что делать? Другим мест не будет? И так на меня сверху давят, и все равно у меня самый высокий процент евреев. А ты чего до экзаменов не мог намекнуть, что это твоя падчерица? Иди домой, поступит она." Дядя Федя приехал такой расстроенный! "Розочка поступила, а остальные как же?"

Да, много несправедливости на свете, – завершила Полина.

Глава шестьдесят седьмая

Еще вначале учебного года, первого сентября Сима Петровна объявила классу:

– У нас в школе новая учительница биологии. Молодая и симпатичная.

Класс радостно зашумел.

– Я не окончила, прошу не перебивать. У нее сынок 3-х лет. Ее муж воевал в Афганистане, вернулся тяжело раненый, недавно умер, – голос Симы Петровны становился все строже, а в классе становилось все тише.

– Так я хочу вас предупредить – если вы будете ее доводить или подшучивать, или пренебрегать ее уроком, то я вам обещаю: кто будет в этом замечен, вылетит из школы с визгом. Несмотря на выпускной класс! Понимаете, ей нужна эта работа, она с малышом, и не может себе позволить уволиться. Прошу учесть, что я сказала и принять к сведению со всей серёзностью.

Вероника Матвеевна оказалась хорошей учительницей, не вредной, интересно вела уроки. Ее коньком была генетика, даже про длинные молекулы ДНК она рассказывала увлеченно.

Умела вовлечь класс в дискуссию. Рассказывала о связи генетики с медициной (наследственные заболевания), математикой (теория вероятности), информатикой (расшифровка генома), с философией, историей, психологией и археологией. Она рассказывала о Грегоре Менделе – чешском монахе-ученом, открывшем основные законы наследственности. Мендель некоторое время преподавал физику и естественную историю в Высшей реальной школе в Брюнне, не имея диплома. В свое время, и это особенно понравилось классу, он провалил несколько попыток сдать экзамен по биологии. В 1865 году опубликовал работу "Опыты над растительными гибридами". Все эти годы Мендель оставался монахом, а позже, став аббатом Августинского монастыря в Старе Брно, отошел от занятий наукой.

******

Сначала Мендель правильно поставил задачу: как наследуются отдельные признаки. Затем провел трудоемкий эксперимент, выбрав для него горох, так как его легко выращивать, у него имеется много сортов, потомство от скрещивания которых хорошо размножается. Он ставил опыты и на других растениях. Выделил доминантные и рецессивные признаки. Например, длинная шерсть у ангорских кроликов – рецессивный признак по отношению к короткой шерсти, а отсутствие рогов у крупного рогатого скота – доминантный признак, и т.д. У человека курчавые или волнистые волосы доминируют над прямыми. Темный цвет глаз доминирует над голубым. Выведенная Менделем пропорция 1/4 и 3/4 для признаков второго поколения работала с любым генетическим материалом.

Современники не оценили методику Менделя. Научный мир еще не был готов… Прошло 35 лет(!), и в 1900 году одновременно три ботаника (Гуго де Фриз из Голландии, Карл Корренс из Германии, Эрих Чермак из Австрии) пришли в своих исследованиях к выводам, сходными с выводами Менделя, а при подготовке результатов к публикации наткнулись на его работу. Английский генетик Уильям Бэтсон в 1898-1902 гг. вел опыты с курами. В 1902 году французский зоолог Гено скрещивал серых мышей с альбиносами. Они пришли к тем же выводам. Тогда была доказана применимость законов Менделя и к животным.

******

Вероника Матвеевна рассказывала и о гонениях на генетику, и о драматических судьбах ученых генетиков после 1948 г., порекомендовала прочесть роман В. Д. Дудинцева "Белые одежды".

Она была действительно очень симпатичная, выглядела лет на 22-23 при своих 27-ми, все мальчишки блаженно улыбались, глядя на нее. Однажды Игорь не выдержал и спросил: "А можно вас после школы проводить?" "Можно, – со своей обычной спокойной улыбкой сказала Вероника Матвеевна, – до автобуса". Все очень обрадовались, как она ловко вывернулась – дело в том, что автобус останавливался прямо у ворот школы. Прозвища у нее не было, за глаза ее ласково звали Вер**о**ничка.

В первый день последней четверти Вероника Матвеевна зашла в класс:

– Ребята, у меня к вам огромная просьба. Понимаете, я утром отвожу сына в детский сад и не успеваю на первый урок. Директор все три четверти шла мне навстречу и не ставила меня в расписание на это время. А в этой четверти у нее никак не получилось и один раз в неделю по вторникам именно в вашем классе у меня будет первый урок. Я опоздаю ровно на 5 минут. Пожалуйста, я вас очень прошу, после звонка сидите тихо и не выходите из класса, чтобы я не получала замечания. Юра, ты староста класса, ты сможешь проследить за порядком?

– Будьте спокойны, Вероника Матвеевна, будем сидеть тихо, как мышки, и повторять урок, – уверенно заверил ее Юра.

Прошло два вторника с относительной тишиной – тихий гул стоял в классе, который смолкал немедленно, как только раздавался стук каблучков Вер**о**нички.

В тот знаменательный вторник Слава вошел в школу вместе со звонком. Сколько надо времени, чтобы взбежать по лестнице на второй этаж и пробежать в конец коридора в свой класс? Вспомнив, что Вер**о**ничка сегодня сама опаздывает, он замедлил шаг. Впереди медленно шла Леночка, она тоже не спешила. К двери подошли вместе. "Привет!" "Привет!" Улыбнулись друг другу. Слава распахнул дверь и пропустил Леночку.

– Ты смотри, Слава опаздывает вместе с кривулькой, – съехидничал Юрка. Класс замер. Леночку в классе любили, жалели и никогда не акцентировали внимания на ее чуть-чуть искривленной осанке. Как-то противный Игорь в кругу мальчишек назвал ее кривулькой, на него презрительно посмотрели и прозвище не прижилось. А тут Юрка захотел адресовать что-то обидное именно Славе, но неожиданно для самого вырвалась эта грубая фраза.

Тем временем Леночка быстро прошла к своей первой парте и села опустив голову. Слава остался стоять у двери. Фима медленно встал. Амбарцум не расслышал четко, что сказал Юра, не совсем понял, что произошло, но на всякий случай тоже встал. Слава поманил Юру указательным пальцем и кивнул головой в сторону двери. Смысл жеста не оставлял сомнений – "выйдем, поговорим". Юра в развалочку вышел. Слава заговорил сразу.

– Посмотри на себя, Юра, ты такой видный парень. Все у тебя есть. Внешность, как у киноактера, фигура атлета, одет с иголочки.

В глазах Юры мелькнуло недоумение и немой вопрос – он ожидал чего угодно, но не такого разговора.

– Удача, судьба, благополучная семья, прекрасное будущее, все у тебя есть, – тем временем продолжал Слава, как бы не замечая удивления Юры, – почему же ты такой не добрый? Ляпнуть что-то, грубое сказать, ехидное, злое... Почему?

Значит так, у тебя два выхода из этой ситуации. Заходишь в класс, идешь на место как ни в чем не бывало. Но после этого каждый раз, проходя мимо ее парты в класс и из класса (это 2 раза за урок, умножить на 6 уроков =12), а если еще вызовут к доске, то еще два раза, в среднем 14-16 раз в день, умножим на 5 дней, это 80 раз в неделю(!), ты будешь сталкиваться с ней глазами и испытывать определенный дискомфорт.

Знаешь, как едешь в автобусе иной раз такой усталый, ноги гудят, тут заходит какая-то бабка и надо бы место уступить, а сил нет, но внутри, что-то крутит и свербит – совесть ворчит. Ладно, встаешь, место уступишь и вроде легче стало, хоть ногам не легче, но душе спокойней. Впрочем, может, ты меня не понимаешь, может, в автобусах не ездишь, а только в машинах.

Так вот, второй вариант – ты заходишь в класс и извиняешься перед Леной. Одна минута неприятного положения, зато в душе не свербит, если с ней глазами сталкиваешься, и к тому же все будут восхищаться твоим благородством. Решай сам!

И быстро, не давая Юрке опомниться, Слава вошел в класс, закрыл за собой дверь, оставив Юру в коридоре. В классе было тихо. Все вопросительно смотрели на Славу, который спокойно шел на свою "камчатку".

– Что ты с ним сделал? – почему-то шепотом спросила Света.

– Убил, – так же шепотом ответил Слава, – иди посмотри. Он там лежит "с свинцом в груди и жаждой мести, поникнув гордой головой".

– Да что ты, Света, не видишь, Слава же шутит, – успокил ее Фима.

В этот момент открылась дверь. Все головы синхронно повернулись туда. Юра подошел к Леночке:

– Прости, я сдуру сказал, я совсем не хотел тебя обидеть. Не сердись, пожалуйста.

– Я не сержусь, – тихо сказала Леночка.

В это время послышались каблучки Вер**о**нички. Она с размахом распахнула дверь, буквально ворвавшись в класс, и замерла на пороге.

– Что случилось?

– Ничего, а что должно было случиться?

– У вас было так тихо, что я подумала... (Она подумала, что все сбежали с урока и что она увидит сейчас пустой класс, но вовремя остановилась и не рассказала о своих опасениях.) Не знаю, что делать. Воспитательница приходит ровно в 7:30, не хочет приходить на 5 минут раньше. Я и опаздываю на свой автобус.

– А нянечка пожилая в садике есть?

– Есть.

– Так вы с ней договоритесь. Пожилые раньше встают и никогда не опаздывают. Она и на 10 минут раньше придет и примет вашего сына, особенно если вы ее отблагодарите, – Слава давал ей совет тоном, как будто был старше и по-житейски опытнее.

Больше Вер**о**ничка на урок не опаздывала.

В классе Славу зауважали еще больше. Всем было интересно, что он сказал Юре за дверью, но Слава не рассказывал. Юра – тем более.

Глава шестьдесят восьмая

Наконец, учебный год окончился! Выпускные экзамены, волнения... Ох эти жаркие денечки...

Дома тоже было немного суматошно. Мамина подруга Валентина, не найдя в Н-ске достойного кандидата, решила расширить регион поисков. Она списалась с кем-то и уезжала далеко, аж в саму Америку.

******

... Что же я – брата, сестру, и отца, и Богов своих брошу?
*Землю родную свою, унесенная п**о** морю ветром?*
Правда, сердит мой отец, и родина, правда, сурова,
*Брат – младенец, сестр**ы** совпадают с моими желанья...*
Бог величайший во мне! Я не много на родине брошу.
Больше достигну: почтут меня спасшей ахейскую юность,
Лучше узнаю я край, города, о которых доходит
Слава и в этот предел, обычай тех стран и искусства.

(Овидий. Медея. Перевод С.В Шервинского)

Сдавала квартиру, частично распродавала вещи, забот много. Полина по мере сил и возможностей помогала ей. При этом старалась оградить Славу, не мешать ему заниматься.

Последним экзаменом была история. Вызвали Леночку. Почти весь класс ждал ее в коридоре. За нее не беспокоились – историю она знала хорошо, даты запоминала прекрасно. Наконец, она вышла. От радости и избытка чувств – все уже позади – она начала танцевать. Это была смесь цыганочки с лезгинкой. Все радостно захлопали, потом остальные девочки присоединились. Пляска оказалась заразительной. Танцевали уже все, даже некоторые мальчишки танцевали танец дикарей из племени "Тумба-Юмба".

Вдруг Леночка вскрикнула и схватилась за правый бок. Она плакала и от боли, и еще от того, что испортила классу веселье.

В "Скорую" набились битком. Лариса (ближайшая подруга и будущий врач), Амбарцум, Фима и Слава, который решительно взял руководство на себя.

– Везите в первую городскую, – скомандовал он.

– Там всегда битком, могут не принять.

– Примут.

В свое время дядя Федя хвалил Виталия – молодого хирурга, которого прочил на свое место. Слава с мамой были с ним знакомы, сталкивались не раз в домике Федора Николаевича. И даже когда тот уезжал, то наказал Полине и Славе обращаться к Виталию, если будет необходимость. Оба они на здоровье не жаловались и ни разу не воспользовались своим знакомством. Теперь Слава решительно подошел к регистраторше:

– Мне надо видеть Виталия... Виталия... (Он не знал отчества, так как дядя Федя называл его то "Виталик, голубчик", то "мой молодой коллега".)

– Виталия Григорьевича?

– Да, да.

И бросился сразу в кабинет.

– Слава, я рад тебя видеть. Как мама? Все время чувствовал угрызения совести перед Федором Николаевичем... перед его памятью (поправил сам себя), что с вами не контактировал, не уделял внимания, на работе просто зашиваюсь...

– Что вы, Виталий Григорьевич, не беспокойтесь, у нас с мамой все хорошо. Я тоже был очень занят – выпускные экзамены... А зимой мама была в Израиле, была на могиле у Федора Николаевича...

Помолчали. Оба погрустнели.

– А я к Вам одноклассницу привез. У нее сильные боли...

Вскоре примчалась Леночкина мама, и ребята ушли домой.

******

Через неделю был выпускной вечер. К нему готовились заранее. Олег подготовил фокусы. Леночка должна была читать стихотворение. Она долго не могла выбрать, одноклассницы приносили ей любимые стихи, но она никак не могла сделать окончательный выбор.

Слава показал Леночке пожелтевшие листки со стихами. Рассказал, что у его бабушки Мани была подруга Фаина в городе Баку, которая присылала вместе с письмами вырезки из газет – стихи Абрама Плавника, любимого ею поэта. Бабушка бережно хранила все письма и стихи. Леночка выбрала одно.

Но до последнего момента даже Лариса не была уверена, что Леночка придет. Она появилась вовремя, бледная, но спокойная. Поблагодарила ребят за заботу, особенно Славу за знакомство с таким специалистом, сказала, что врач очень хороший и что после выпускного вечера, который она никак не хотела пропустить, она вернется к нему – он разработал какое-то решение. Все поняли, что она не хочет вдаваться в подробности.

Стихотворение Абрама Плавника **“Дневной сеанс”** она прочла красиво, с выражением.

Как бегство
В страну Недозволенности,
Чьи берега прекрасны,
Сквозь надолбы расписаний
Побег на дневные сеансы.
Перед началом картины,
Как ожиданье само,
Сбежавшие с лекций студентки
Сосут в фойе эскимо.
Их пропускает в зал
Благосклонная билетерша.
Таинственная полутьма,
Пожалуйста, длись подольше!
Восторженные девчата,
От нежности задыхаясь,
Увидели, как печально
Смотрит стареющий Штраус.
И медленно тонут студентки
В волнах старинного вальса.

О, вечер в оперных люстрах,
Пожалуйста, продолжайся.
Не торопись вернуть их
Из ночи, механик резвый.
Но гаснет экран, и полдень
Трезвый стоит у подъезда.
И надо сдавать зачеты,
И все, как обычно, в норме.
У входа стоит билетерша
В строгой своей униформе.
И все на земле обретает
Свою достоверную меру,
Хозяйки спешат с авоськами,
Гуляют пенсионеры.
И все-таки это здорово –
(Ханжи, не кляните нас)
Сквозь надолбы расписаний
Бежать на дневной сеанс.

Леночке долго хлопали – стихотворение очень понравилось, особенно отпор моралистам в конце. Фокусы Олега тоже прошли на "ура". Девочки пришли такие нарядные, что впору выставляться на международном биеннале. Некоторые воспользовались элегантными эскизами Амбарцума, но слегка сами откорректировали их в сторону увеличения декольте и уменьшения длины. Вечер прошел отлично.

После выступления Леночка скромно сидела в уголке, не танцевала. Друзья не оставляли ее без внимания.

******

Жаркое лето 1994 года. Новости страны и мира заполняли информационное пространство. Слава вспоминал, как дедушки Миша и Толик и дядя Федя обсуждали проблемы и события, международные и внутренние...

3 июля – теракт в бакинском метрополитене: в вагоне электропоезда, выехавшего со станции «28 мая», взорвалось бомба в тот момент, когда состав находился в пятистах метрах от станции «Гянджлик». В результате теракта погибли 13 человек, 58 пассажиров были ранены.

Бабушки Мани, которая единственная из всех была в Баку, уже не было на свете. И не было там никого из ее знакомых, но все равно новости оттуда волновали Полину. Какой кошмар – теракт в метро!..

25 июля – в Вашингтоне король Иордании Хусейн и премьер-министр Израиля Ицхак Рабин подписали совместную декларацию о прекращении огня. Мирное соглашение, было подписано через 3 месяца.

28 июля – четверо террористов захватили автобус Пятигорск – Ставрополь – Красногвардейск с 41 пассажиром. Двое заложников убиты, трое умерли в больнице.

Захват в аэропорту Минеральных Вод группой чеченских террористов вертолета с заложниками. В ходе проведенной операции по их освобождению пострадали 19 заложников, четверо из которых погибли. ***Все террористы захвачены живыми.***

В Пенсаколе (штат Флорид) врач и его спутник застрелены участником движения, протестующего против легализации абортов.

******

Слава поступил в Педагогический институт. Вместе с Симой Петровной пошли к директору школы поговорить о работе в группе продленного дня. Та, внимательно вникнув в проблему, приняла воистину соломоново решение. Так как продленка начиналась в 12:30, а в это время Слава еще будет в вузе, то эти часы до 3:00 были отданы Веронике Матвеевне (которая была рада дополнительной полставке). А с 3-х до 6-ти группа отдавалась Славе, в качестве эксперимента на два пробных месяца. Через два месяца педсовет будет решать успешен ли результат.

Весь остаток лета Слава провел в библиотеке. Обложившись книгами по педагогике, Слава изучал различные методики, тщательно выписывал в тетрадку.

Глава шестьдесят девятая,

которая состоит из конспектов Славы – информации, собранной им о знаменитых педагогах, их идеях и которая будет интересна только тем читателям, кого волнует воспитание детей.

Сначала Слава вспомнил все, что отец рассказывал о **Викторе Федоровиче Шаталове.** *Ученый, педагог, народный учитель СССР, преподаватель математики, директор школы. С 1987 г. заведующий лабораторией проблем интенсификации учебно-воспитательного процесса НИИ содержания и методов обучения АПН СССР в Донецке. Заслуженный учитель Украины. Издано более 30 книг, многие переведены на 17 языков. Кавалер ордена «Николая Чудотворца»* ***за приумножение добра на Земле****.*

Слава был еще маленький, когда отец ездил в Донецк на его семинары.

В.Ф. Шаталов разработал систему обучения с использованием опорных сигналов – взаимосвязанных ключевых слов, условных знаков, рисунков и формул с кратким выводом. Уроки Шаталова развивают и укрепляют память, работает совершенно необычная методика повторения (при полном отсутствии продуманной системы повторения в российских школах). Шаталов не только обучал, но и воспитывал учеников. Он считал: «Рецепт успеха ученика прост: нужно верить в ребенка и при малейшей возможности давать ему высказаться, чтобы над ним не висел страх оценки, страх отчуждения и осуждения».

******

В 1988 году ЮНЕСКО объявило четырёх лучших педагогов мира XX века. Это – **Джон Дьюи, Георг Кершенштейнер, Мария Монтессори и Антон Макаренко**. А Виктор Николаевич Сорока-Росинский, а Матвей Самойлович Погребинский и другие талантливейшие педагоги почему не вошли в их число? Возможно, их просто мало кто знал за границей. А Родина? Ценила ли их Родина?

******

Джон Дьюи *(1859-1952) – американский философ и педагог, представитель философского направления прагматизм. В 20-х годах прошлого века его пригласил нарком просвещения А. В. Луначарский, как советника по вопросам построения новой советской школы. Его принимала Н. К. Крупская, его книги издавались в СССР большими тиражами. Дьюи выступал за практическую направленность воспитания.*

Дьюи был членом Комитета в защиту рабочих-анархистов Сакко и Ванцетти, приговорённых к смертной казни. Но! Когда в 1937 г. по требованию Л. Д. Троцкого была создана комиссия по расследованию знаменитых московских процессов над «врагами народа», её возглавил 78-летний Дьюи. Комиссия нашла, что все обвинения, выдвигаемые против Троцкого и его сына Льва Седова, фальсифицированы, тем самым оправдав не только их, но косвенно и жертв других процессов.

Мама Леночки, работающая в центральной библиотеке, рассказала Славе о том, что после этого судилища книги Д. Дьюи были изъяты из библиотечных фондов. Во время Второй мировой войны Дьюи выступал против идеологии нацизма, но это не изменило отношения к нему советской власти. Теперь, в 1994 году эти книги стали опять доступны.

******

Георг Михаэль Кершенштейнер *(1854-1932) – известный немецкий педагог. Находясь под сильным влиянием идей И.Г. Песталоцци, он делал упор на профессиональные интересы ученика, то есть считал, что каждый человек должен иметь профессиональную специализацию. Использовал религиозность как средство гражданского воспитания. Большое внимание уделял и воспитанию воли: пассивная группа воли – терпение, выдержка, постоянство; активная – мужество, храбрость.*

******

Мария Монтессори *(1870 -1952) – врач, педагог, учёный, философ, первая женщина в истории Италии, окончившая курс медицины и одна из первых докторов наук. Мария Монтессори разработала свою педагогическую систему. Монтессори начинала с работы с умственно отсталыми детьми, в дальнейшем она переключилась со специальной педагогики на общую. Первая «школа Монтессори» была открыта 6 января 1907 года в Риме. Малыш по методике Монтессори сам выбирает дидактический материал и продолжительность занятий.*

Мария Монтессори была убеждена в том, что дети должны учиться, следуя собственной мотивации, свободно, без принуждения, критики и внешнего вмешательства, потому что они сами стремятся принимать участие в жизни взрослых *(вот это надо взять на заметку).* Мария Монтессори сформулировала заповеди для родителей. Они просты, как народная мудрость «хотите хороших детей – будьте хорошими родителями».

* Детей учит то, что их окружает.
* Если ребенка часто критикуют – он учится осуждать.
* Если ребенка часто хвалят – он учится оценивать.
* Если ребенку демонстрируют враждебность – он учится драться.
* Если с ребенком честны – он учится справедливости.
* Если ребенка часто высмеивают – он учится быть робким.
* Если ребенок живет с чувством безопасности – он учится верить.
* Если ребенка часто позорят – он учится чувствовать себя виноватым.
* Если ребенка часто одобряют – он учится хорошо к себе относиться.
* Если к ребенку бывают снисходительны – он учится быть терпеливым.
* Если ребенка подбадривают – он приобретает уверенность в себе.
* Если ребенок живет в атмосфере дружбы – он учится находить в этом мире любовь.
* Не говорите плохо о ребенке – ни при нем, ни без него.
* Концентрируйтесь на развитии хорошего в ребенке, так что в итоге плохому не будет оставаться места.
* Всегда прислушивайтесь и отвечайте ребенку, который обращается к вам.
*Уважайте ребенка, который сделал ошибку и сможет сейчас или чуть позже исправить ее.
* Помогайте ребенку осваивать неосвоенное ранее.
* В обращении с ребенком придерживайтесь лучших манер – предлагайте ему лучшее, что есть в вас самих.

******

После революции и гражданской войны по России скитались огромное число беспризорников. Эту проблему надо было решать, но у молодой Советской страны никак не доходили руки. Только после того, как М.Горький написал письмо В. И. Ленину о необходимости срочно заняться этим вопросом, тот поручил Ф.Э.Дзержинскому заняться беспризорниками. (И чем только председатель ВЧК–Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем ни занимался...)

В некоторых городах местные власти, что-то делали для детей, открывали школы, в которых отогревались души беспризорников с более или менее положительным результатом в зависимости от руководителей этих колоний, от их знаний, педагогических талантов, энтузиазма и любви к детям. Но это было каплей в море.

******

Антон Семёнович Макаренко *(1888-1939*) В 1921 году Макаренко создал трудовую колонию для несовершеннолетних правонарушителей в Полтаве, затем руководил колонией под Харьковом. В отношениях с воспитанниками придерживался принципа: «*Как можно больше требований к человеку и как можно больше уважения к нему*». Как можно больше уважения к человеку? К кому? К беспризорнику? К правонарушителю? В новых реалиях этот принцип был непонятен, неприемлем (не только по отношению к воспитанникам интерната, но и ко всем гражданам...) Наверное, поэтому Макаренко при жизни постоянно подвергался весьма жёсткой критике.

– Его достижениям зачастую не верили («мальчики в сладком сиропе» , «сказка, такого не бывает» **–** отзывы о книге «Флаги на башнях»).

– Чиновники от педагогики оценивали его систему как чуждую («Система Макаренко **–** система не советская»). Ему приписывали рукоприкладство.

– В мае 1928 г. в «Комсомольской правде» был напечатан доклад Н. К. Крупской на на съезде комсомола с жёсткой критикой системы Макаренко. Макаренко был уволен из Колонии им. Горького. Кто знает, как бы сложилась его судьба, если бы не поддержка М. Горького...

– Об отношении официальной педагогики к Макаренко говорит и то, что на его похоронах не было высоких педагогических чинов.

Критике подвергались и Сорока-Росинский, и Погребинский и множество других достойных педагогов. Эта травля имела печальные, а порой и трагические, последствия не только для них, но и для их последователей.

******

В.Н. Сорока-Росинский *(1882-1960). Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета в 1906 году, учился на одном курсе с А. Блоком, сочинял стихи, увлекался археологией. После окончания университета (1908) он изучал психологию, слушал лекции В.М.Бехтерева. Им были опубликованы работы, в которых ставились вопросы методологии психологической науки, о месте научной психологии в России, о национальной психологии (его любимая тема). Он занимался вопросами воспитания, психологии детского чтения и детского мировосприятия. В.Н. Сорока-Росинский провел два года в Германии, и был знаком с «трудовой школой» Г. Кешенштейнера, со «школой-лабораторией» Д.Дьюи. В 1920-25 гг. В. Н. Сорока-Росинский возглавлял «Петроградский отдел народно-индивидуального воспитания им. Ф. М. Достоевского для трудно-воспитуемых» (известный под названием «Школа-коммуна им. Ф. М. Достоевского» – ШКИД)*

Если А.С. Макаренко сделал акцент на физическом труде и коллективном воспитании, то В.Н. Сорока-Росинский – на интеллектуальном труде, культуре и творчестве. Его воспитанники вырастали из беспризорников истинными интеллигентами. Его школа была лицеем – изучение иностранных языков, умение литературно выражать свои мысли, правила этикета, танцы, дети много читали, выпускали журналы. В то же время и труд, и научные дисциплины – 10(!) уроков в день круглый год, летом 6-7. Применение игровых технологий, театрализации. Однако это не очень вписывалось в тогдашнее понимание задачи пролетаризации масс, и В.Н. Сорока-Росинский был уволен из созданного им детища.

<<Он всю свою жизнь писал статьи, книги, однако его значительные произведения так и не увидели свет. Последнее свое произведение «Школа Достоевского» он собирался опубликовать в журнале «Нева», но получил отказ. Создавалось впечатление, что то, чему он посвятил свою жизнь, никому не нужно кроме детей. Тем не менее, он не бросил писать, а приговаривал– «может это пригодится товарищам». Он с надеждой писал нам в будущее.

Великий гуманист, он не мог жить без детей. Даже когда ему пришлось уйти из школы, так как он уже не видел лиц учеников («только белые блины» – по воспоминаниям учеников), сидящих на первой парте. Он не только плохо видел, но и слышал, особенно после блокады. Тем не менее, он продолжал писать, надевая двое очков с толстенными линзами. Последние годы он обзванивал близлежащие школы и просил, чтоб ему прислали трудных, отстающих учеников. Создав клуб на дому (который он шутя называл «Академия»), он занимался с бригадами по 4-5 человек в основном мальчиков, до исправления и получения твердой тройки. Затем просил, чтобы прислали новых учеников. Всю свою жизнь он посвятил детям трудной судьбы, беспризорникам, невротикам, переросткам, детям войны и блокады, подросткам с девиантным и деликвентным поведением.

В расчете на наследственность и ориентируясь на долгую жизнь отца, он вынашивал множество планов, однако им уже не суждено было сбыться – он ушел из жизни внезапно, сбитый трамваем 1 октября 1960 года. Он жил в непростое время, как и все в городе трех революций, в голодные двадцатые, в сталинские тридцатые, военные и блокадные сороковые, послевоенные пятидесятые. Его сопровождали голод и неустроенность, одиночество среди взрослых. Но он ни одного часа не жил ради себя, не скопил никакого богатства, не имел собственного угла, всю свою любовь отдавая детям. Мечта детства стать военным так и не воплотилась в его судьбе, однако она красной нитью прошла через всю жизнь: работа в Военно-медицинской академии, в блокадном Ленинграде,в эвакуации на курсах военных летчиков, создание суворовской педагогики, даже прах его покоится на военном кладбище.

Ему выпала трудная судьба: он терял близких, учеников и друзей; его не понимали, увольняли, запрещали работать, не публиковали, не пускали обратно в любимый город; его окружали завистники и недоброжелатели. Но он … продолжал служение России и детям.>>

(Сергей Христофоров, доцент РГПУ им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург)

******

Матвей Самойлович Погребинский *(1895-1937). Не будучи педагогом, он проявил незаурядное педагогическое чутьё и выдвинул следующие правила жизни в Болшевской (подмосковье) коммуне, которая в августе 1924 года заработала под его руководством:*

**отсутствие охраны, вообще всяческого принуждения, добровольность нахождения;*

**трудовая деятельность, получение квалификации и достойной зарплаты;*

**ответственность воспитанников за свои действия не перед администрацией, а перед коллективом.*

Эти подходы дали неожиданные для многих положительные результаты. Коммуна становится настолько успешной, что ее посещают почетные гости, в том числе из-за рубежа. На основе опыта этой

коммуны был снят всемирно известный первый звуковой советский фильм «Путёвка в жизнь» (Фильм был удостоен Гран-при на I международном кинофестивале в Венеции в 1932 г.) В 1933 г. коммуне было присвоено имя Г. Ягоды. А в 1937 г. после снятия с должности и ареста Ягоды, Коммуна была разогнана (только из-за того, что она носила имя начальника ОГПУ в те годы?!), часть её членов арестована, некоторые расстреляны. Понимая, что его ожидает, М. С. Погребинский, застрелился 4 апреля 1937 г.

Книги Погребинского были изъяты из библиотек и уничтожены.

******

Вальдорфские школы существуют во многих странах Европы, в Северной Америке и других частях света. Но в России о Вальдорфской системе образования было известно очень мало, почти ничего.

Вальдорфская система образования была создана австрийским мыслителем Рудольфом Штайнером (1861-1925). Базируется на антропософии ("антропос"–"человек" и "София"–"мудрость"). Это разновидность теософии, которая ставит своей целью раскрытие способностей человека с помощью системы специальных упражнений (эвритмии, музыки).

******

Больше всего произвел впечатление на Славу один отрывок из автобиографии Беранже. Слава знал его, как говорили в школе, близко к тексту.

<<*Господин Баллю де Белленглиз, ревностный ученик Руссо и горячий сторонник революции, был избран в Законодательное собрание. А когда окончились его полномочия, он возвратился в Перонну и учредил там бесплатные начальные школы по принципу, достойному, пожалуй, серьезного изучения. Желая воспитать не столько ученого, сколько человека, г-н де Белленглиз предоставил своим питомцам самим блюсти дисциплину. Они избирали из своей среды судей, окружных членов, мэра, муниципальных чиновников и мирового судью, и те обязаны были действовать сообразно потребностям этого общества мальчуганов, из которых старшему было не более пятнадцати лет…*

…У нас был также и клуб, – его заседания привлекали толпу перонннцев всех возрастов.Тогда же я приобрел навык говорить публично; то и дело избираемый председателем нашего клуба, я обязан был выступать с приветствиями членам Конвента, проезжавшим через Перонну, и произносить речи своего сочинения во время национальных празднеств, на которых мы играли заметную роль. Да еще, при исключительных событиях, мне поручали составлять адресы Конвенту и Максимилиану Робеспьеру.

Отвлекаясь от этого самовольного вторжения мальчуганов в высокую политику и от запущенности учебных занятий, следует сказать, что разработанный им план воспитания в сущности всего более отвечал потребностям граждан в той стране, где избирательные принципы были столпом всей системы управления…

Внушать детям любовь к формам и принципам, принятым в том обществе, которое их ожидает как граждан, – значит упрочить на несколько веков установления, порожденные более или менее новыми принципами, на основе которых возникли эти формы. Это значит – развить раннюю опытность в детях, родившихся при новом политическом строе, и приучить их не только к исполнению, но и к серьезному изучению законов, которые ведь еще предстоит улучшать. А разве наши учебные заведения не заняты только тем, что выпускают ничтожное количество ученых и множество школьников? Людей – разве выходит оттуда много? А граждан – нечего и спрашивать.

Заведение г-на де Белленглиза просуществовало недолго: школу оклеветали... Беда человеку, возвышающемуся над уровнем посредственности и осужденному жить в маленьком городке – особливо если он там родился! Глупость и зависть употребят все усилия, чтобы доставить ему как можно больше врагов. У Белленглиза было их много, хотя он не подавал виду, что замечает их…

… Как он был представителен! Две маленькие собачки сопровождали его в уединенных прогулках, и он брал на руки то одну, то другую, если прогулка затягивалась. Дома, среди множества цветов, бесчисленные прелестные птицы развлекали его своим пением, не мешая ему ни работать, ни размышлять. Господин де Белленглиз, посвященный во все науки, чуткий ко всем отраслям искусства. С большим успехом играл в комедиях, а еще большим в драмах – тогда еще совсем новом жанре драматургии. Он заронил в нас мысль начать заучивать роли и охотно репетировал их с нами. Речь его отличалась изяществом и лаконичностью. Мораль его была кроткой, и она проникала прямо в сердце.

…Он умер в Амьене, еще далеко не в преклонных летах, председателем палаты по уголовным делам департамента Соммы. Эта высокая должность причиняла ему много скорби. Так, например, ему однажды очень не хотелось осудить несчастного, который отомстил поджогом за несправедливый, но учиненный на законном основании грабеж. И он в открытом заседании так энергично выразил свое неодобрение хищнику, что тот, несмотря на все свои богатства, вынужден был покинуть департамент.

Г-н де Белленглиз отвергал смертную казнь, и всякий раз, как первый консул проезжал через Амьен, он не пропускал случая указать ему на всю ее несправедливость и бесполезность.

Превосходный человек, истинный философ, судья снисходительный, богач нищелюбивый, да будет память твоя благословенна!>> ***(Пьер-Жан Беранже. Моя биография)***

******

Август 1994 года не был тихим и спокойным...

1 августа – террористический акт в Новгороде. Два взрыва возле жилого дома.

4 августа – крах финансовой пирамиды МММ.

7 августа – в Башкирии из-за прорыва Тирлянского водохранилища погибли 29 человек, 786 человек остались без крова.

10 августа – в Грозном прошёл съезд сторонников Джохара Дудаева. Призыв к объявлению «священной войны» против России.

11 августа президент России Борис Ельцин заявил, что «силовое вмешательство в Чечне недопустимо», … в этом случае «поднимется Кавказ и будет столько крови, что никто нам потом не простит».

30 августа – Террористический акт в Екатеринбурге. Взрыв во дворе жилого дома. Ранены 2 человека.

31 августа – Завершён вывод российских войск из Латвии, Эстонии и Германии

******

Глава семидесятая

Тетрадка Славы заполнялась цитатами, мыслями, идеями... В подсознании начинали шевелиться какие-то собственные теории, еще не полностью сформулированные. Естественно, он еще раз перечитал книгу "Республика ШКИД", подаренную ему дядей Федей. Хотелось вникнуть в методику В.Н. Сороки-Росинского. Затем книги А. С. Макаренко. Работали эти педагоги по-разному, хотя проблемы были одинаковые.

Из идей **В.Н. Сороки-Росинского** Слава особенно выделил проблемы молодёжной социологии разных стран в годы Первой мировой войны, взросление подростка, воспитание и самовоспитание, культура и интеллигентность, патриотизм и интернационализм.

Из идей **Г.Кершенштейнера** Славе были близки идеи профессионального воспитания, воспитание воли. Нельзя растить белоручек – родительских иждивенцев, надо приучать к труду как можно раньше. Надо будет привлечь на помощь свободных бабушек и дедушек, пусть придут и научат деток чему-то реальному. Религиозность надо заменить моралью и добротой.

Слава с интересом читал теорию **Д.Дьюи** о практической направленности воспитания и для себя решил, что прагматизм – это хорошо (а для Америки – просто превосходно), но для своих детей (они уже стали для Славы своими) надо добавить к прагматизму и романтику, и любовь, и взаимовыручку.

Если не зацикливаться на отрицании религии и не выплеснуть с водой и ребенка, то и из **Вальдорфской системы** образования можно выделить много хорошего: вязание, вышивание, музыкальное образование, театральные постановки, ритмические упражнения (они даже таблицу умножения учат под ритмически-танцевальные движения) и так далее.

Мария Монтессори несомненно выдающаяся женщина, особенно учитывая время действия – конец XIX(!) столетия. Методика Монтессори оставляла двойственное чувство. Ее идея "*дети могут сами определять свой ритм и способ учёбы*" вызывала некоторые сомнения. Дети 1907 и 1994 – это, как говорится, две большие разницы. Тогда детей обучали читать, писать и четырем действиям арифметики. А сейчас детям необходимо знать гораздо больше предметов.

******

"В целом уровень понимания математических дисциплин студентами (в Швейцарии-А. Н) *не высок. На экзаменах по математике и статистике в магистратуре пишут такое, что бакалавру-первокурснику в России станет стыдно. Причина в том, что учебную программу* ***студенты себе подбирают сами*** *и многие важные области остаются очень хаотично освоенными. Лучшие знания показывают, как правило, китайцы."* ***(Аркадий Красильщиков. Красоты Швейцарии)***

******

..."*Стремление принимать участие в жизни взрослых органически свойственно природе ребенка*" – писала Мария Монтессори. По-женски внимательная она заметила, как любят дети играть во взрослую жизнь. Любимая игра маленьких девочек – это игра в дочки-матери.

Помню, как мы играли с моей внучкой в эту игру. Она становилась очень серьезной, изображая маму, и важно говорила: "Я ухожу на работу, а ты сиди тихо, никому дверь не открывай, читай книжки, играй с куклами, не плачь, не скучай, я скоро приду". Через несколько минут она приходила "с работы" и наступал второй акт спектакля. "Здравствуй, доченька, – ласково говорила мне внучка, – расскажи, как прошел твой

день?" "Мамочка, – подыгрывала я ей, – я хорошо себя вела, читала книжку, и приготовила обед к твоему приходу." Мои ответы ненавязчиво проводили воспитательные идеи о правильных семейных отношениях...

Здесь, в Америке немало детских учреждений "PRE-K" (по-нашему, старшая группа детского сада, подготовка к школе), в которых детей обучают по системе Монтессори.

Не только Мария Монтессори заметила у детей желание играть во взрослую жизнь

******

Разумеется, больше всего нам нравилось играть в то, что мы видели вокруг. Если в город приезжал цирк, то уже на следующее утро мы все превращались в цирковых артистов, ломали стулья, обрезали бельевые веревки, выкатывали из подвалов бочки и причиняли тысячу других убытков во имя того, чтобы овладеть цирковым искусством. Если приезжал театр, страдали, разумеется, бумаги из отцовской конторы, исчезали ковры и подушки из дома, доски из сарая, мука из кухни, шерсть из подушек (для усов и бород), а, кроме того, юбки, старые пальто и многие другие предметы, которые маленькие сорванцы собирали и уносили из дома. Если в городе шел набор в армию, мы играли в новобранцев. Если в горах появлялись гайдуки, мы играли в гайдуков.

Однажды мы играли в кризис. Кризис – это явление, которое возникло в первый день существования государства и будет продолжаться, пока оно состарится, подобно тому как ребенок, родившийся с родимым пятном, не расстается с ним всю жизнь. И политические младенцы охотнее всего играют в эту игру, так почему бы и нам не играть в нее? ***(Бранислав Нушич. Автобиография)***

******

А школа господина Баллю де Белленглиза – вообще руководство к действию... Его дети играли в политику: окружных членов, мэра, мирового судью, муниципальных чиновников…

И вот эта мысль о "*стремлении принимать участие в жизни взрослых органически свойственное природе ребенка*", принадлежащая не только М. Монессори, Б. Нушичу, господину де Белленглизу и многим другим педагогам и просто наблюдательным родителям, не давала покоя. К концу августа Слава определился и сформулировал для себя, что он будет делать и как он будет работать с детишками.

Первого сентября Слава начал учебу в вузе и первый день работы в качестве педагога. Он обещал себе, поклялся памятью отца, что будет честен в жизни и работе.

******

Клянусь на знамени веселом
сражаться праведно и честно,
что будет путь мой крут и солон,
пока исчадье не исчезло,
что не сверну, и не покаюсь,
и не скажусь в бою усталым,
пока дышу я и покамест
не умер Сталин!

(Б.А.Чичибабин 1959)

******

Слава решил, что его дети будут играть в ... школу.

Он разбил ребят на группы по 5-7 человек – классы. Каждый день в "классе" менялся учитель. Его называли уважительно по имени-отчеству. Урок длился полчаса. Ученики выполняли домашнее задание, повторяли старые темы или осваивали новые, опережая программу на один-два урока, помогали друг другу, радовались успехам друзей. Раз в неделю проходил "педсовет". "Директор школы" опрашивал "преподавателей", как проходят уроки, какие проблемы возникают, какие есть предложения. Ученики 4-го класса начали вести уроки иностранного языка с малышами. Шаталов называл это "педагогическим десантом". Раз в неделю праздновали дни рождения. Очень ценились красиво нарисованные и надписанные самодельные поздравительные открытки. Ученики 3 и 4 классов писали стихи и рассказы. Выпускали рукописный журнал. Организовал хор, танцевальный и драм кружки. Каждый день кто-нибудь рассказывал содержание прочитанной книги – развивалась речь и умение выступать перед публикой. Разучивали стихи, впитывая красоту поэтического

слова и одновременно тренируя память. На обед в столовую шли под ритмические хлопки, в лад приплясывая, с песенками типа: "*Дважды два, дважды два, дважды два – четыре. Это всем известно в целом мире".*

По примеру валдорфской педагогики ученики, стоя в кругу, повторяли за учителем стихотворение, одновременно делая определенные ритмические движения ногами и перебирая бусинки на нитке. Это помогает синхронизировать тело и мозг. Через некоторое время одна из бабушек начала вести кружок вязания, которое, все по той же валдорфской теории, развивает координацию и пространственное воображение. Время было строго расписано, его катострофически не хватало. Дети не хотели расходиться.

"*Дети учатся лучше всего, когда они могут сами определять свой ритм и способ учёбы*." – нет, тут Слава не согласен с уважаемой М. Монтессори. Физический труд и научные дисциплины – 10(!) уроков в день круглый год (летом 6–7), по методике В.Н. Сорока-Росинского были гораздо ближе.

Процесс образования и воспитания должен проходить весело!

******

Мы с вами книги детские видали,
Пробитые насквозь гвоздем морали.
От этих дидактических гвоздей
Нередко сохнут книжки для детей.

Мораль нужна, но прибивать не надо
Ее гвоздем к живым деревьям сада,
К живым страницам детских повестей
Мораль нужна. Но никаких гвоздей!

(С. Я. Маршак)

******

Через два месяца испытательный срок успешно окончился. Учителя младших классов были довольны – дети, посещающие продленку, стали лучше учиться и с дисциплиной не стало проблем.

В институте тоже дела шли хорошо. Многие преподаватели помнили Савелия Михайловича – папу Славы, поэтому ударить в грязь лицом было совершенно недопустимо. Через два месяца он подошел к профессору Стефанскому на кафедру психологии, рассказал ему о своей работе, планах и желаниях. Они разработали анкеты с вопросами. Казалось, не было аспекта, который бы они не описали: сведения о семье, полная или нет, наличие братьев и сестер, старших, младших, наличие бабушек и дедушек, уровень образования родителей, профессии родителей, квартирные условия (есть ли у ребенка свой угол, комната), количество книг дома, сколько времени в день родители уделяют ребенку, как ребенок ведет себя с одноклассниками, стремится ли в лидеры, легко ли становится ведомым, подчиненным, готов ли отстаивать свое мнение, способности и таланты, успехи и стремления и так далее. На каждого ребенка Слава завел папку со всеми этими сведениями. Записывал любые, даже мелкие изменения. База данных росла и обновлялась.

******

Фима учился в Москве в Радиотехническом. Приезжал раз в месяц. Ребята радостно встречались, не могли наговориться. Амбарцум уехал в Ленинград к дядям. В вуз не поступал, боялся экзамена по русскому и литературе. Обещал приехать на каникулы в январе. Юра поступил в МГУ, Лариса – в медицинский. Леночка по совету мамы поступила в статистический техникум. Слава передавал ей приветы, когда видел ее маму в библиотеке. Олег служил в армии, об Игоре ничего не было известно.

Самый ожидаемый традиционный вечер – это самый первый, через полгода после расставания. И вот, наконец, он наступил.

******

...Утоптанная снежная дорога.
Облупленная школьная скамья.
Как поплавок, дрожит и тонет сердце.
Крошится мел. Кусая заусенцы,
Пишу по буквам: "Я уже не я"
Смешливые надежные друзья –

Отличники, спортсмены, отщепенцы
Печалятся. Бреду по этажу,
Зеницы отверзаю, обвожу
Ладонью вдруг прозревшее лицо,
И мимо стендов, вымпелов, трапеций
Я выхожу на школьное крыльцо…

(Сергей Гандлевский)

******

На каждой классной комнате висела табличка. Ребята отыскали свой "10-а, выпуск 1994 года". Девочки собрались в классе вокруг Светы, которая с гордостью показывала массивное обручальное кольцо и еще кольцо с бриллиантом и шепотом делилась рассказами о своей новой жизни. Мальчики стояли в коридоре около открытой двери класса, приветственными криками встречая каждого одноклассника. Фима был грустен. Казалось, он такой, как всегда – спокойно молчаливый. Только Слава почувствовал какие-то изменения, но сейчас не время для выяснений. Строевым шагом весь длинный коридор под дружные аплодисменты прошагал Олежек в военной форме. Услышав шум, девочки выскочили из класса, образовав толпу. Вдруг все затихли. По коридору в их сторону шла удивительная девушка, красивая прическа, элегантное платье, стройная фигура, быстрая летящая походка. Она смотрела на всех радостной, счастливой улыбкой.

– Господи, так это же Леночка, – первой опомнилась Света.

Скромная девочка, всегда с косичкой, серенькая мышка, пытавшаяся быть как можно незаметнее, сейчас полностью преобразилась. И прическа, и неяркий макияж, и элегантное удлиненное платье, но самое главное ровная стройная фигурка – произвели настоящий фурор. Девчонки окружили ее плотной толпой, обнимали, целовали. Сквозь их тесное окружение штопором ввинтился Амбарцум.

– Леночка, дорогая, можно я тебя поцелую?

И, не ожидая разрешения, чмокнул ее в покрасневшую щечку.

******

Леночка училась в статистическом техникуме у Софьи Иосифовны, которая одна знала о благополучной операции и выздоровлении и никому не рассказывала. Леночка хотела, чтобы ее появление было сюрпризом.

Полгода назад после выпускного вечера они с мамой пришли в больницу к Виталию Григорьевичу.

– Я с вами буду говорить совершенно честно. Когда я учился в мединституте, преподаватели учили нас, что врач, особенно, хирург должен всегда говорить уверенным голосом, это дает пациенту положительный настрой. Что может почувствовать больной, если врач говорит: "Я не уверен в правильности диагноза, разрежем и посмотрим"? Больной уйдет и больше к этому хирургу никогда не вернется. Его можно понять.

У моего старшего брата после каждого приема пищи были боли и рвота. Он мучился ужасно, не мог есть, похудел, превратился в щепку. Врачи ничего не могли определить. Анализы ничего плохого не показывали. Мы все переживали, мама поседела, я плакал по ночам, тогда я и решил что буду доктором... Но один врач сказал: "У меня есть какие-то соображения по поводу вашей ситуации, хотя я полностью не совсем уверен. Разрежем и посмотрим". Мой брат немедленно согласился. Оказался у него "стеноз привратника". Не буду нагружать вас медицинской терминологией, но так, кратенько расскажу. Бывает язва желудка или двенадцатиперстной кишки. Есть еще один раздел – привратник – это конечный отдел желудка, соединяющий его с кишкой. Стеноз привратника характеризуется его сужением и деформацией на фоне хронической язвы. Лечения только хирургическое – пораженная часть желудка удаляется, а здоровая сшивается с кишечником, для восстановления сообщения. Брат ожил. Конечно, следит за своим питанием, ест понемногу, но часто, не злоупотребляет тем, что недозволено. И с тех пор я решил, что никогда не буду обманывать больного. И вам говорю – мне кажется, понимаете, только кажется, что я понял причину проблемы. Разрежем и посмотрим.

Мама решила подумать еще раз, но Леночка твердо сказала:

– Я согласна. Режьте сейчас. Другого времени у меня не будет. Через полтора месяца вступительные экзамены. Буду лежать после операции и готовиться. И никто меня не будет видеть. Сейчас!

Виталий Григорьевич блестяще провел операцию. Ничего страшного у Леночки не было. После он просто и популярно объяснил маме. Представьте себе спайки, вроде два органа прилипли друг к другу. Живот прилип к брюшине. С правой стороны. Девочка растет, а эти спайки не дают ей выпрямиться, чтобы не было больно тело интуитивно склоняется вправо, образуется сколиоз. Теперь через несколько месяцев ничего ей не помешает заниматься упражнениями для исправления осанки и даже аэробикой.

Какое счастье, когда на нашем жизненном пути встречается хороший врач!

******

Наконец, появилась Сима Петровна. Полчаса общих разговоров пролетели очень быстро, и всех пригласили в актовый зал. После короткой торжественной части, состоялся концерт силами учеников. И в завершение вечера долгожданные танцы. Юра подошел пригласить Леночку, но шустрый Амбарцум вклинился между ними.

– А ну-ка отойди, она мне обещала танец.

– Когда это она тебе обещала?

– Полгода назад, на выпускном вечере, она тогда не танцевала, а сейчас будет со мной танцевать.

Леночка счастливо смеялась, глядя на эту шутливую перебранку.

– Не ссорьтесь, мальчики, я буду со всеми танцевать.

Годы спустя, возвращаясь мыслями в этот прекрасный вечер, Слава смутно припоминал, будто и Фима, и Амбарцум пытались как-то ненавязчиво дать ему возможность лишний раз потанцевать с Леночкой. Оставаясь вчетвером, друзья затевали какой-то частный разговор между собой, и Славе ничего не оставалось как беседовать с Леной, уделять ей внимание. Это было очень приятно, но Слава чувствовал себя скованно, думал, что Леночке с ним скучно. После вечера все вместе пошли ее провожать, по дороге отвалил Фима, потом Амбарцум. Слава проводил Леночку до дома, постояли у подъезда, поболтали и расстались. Никаких последствой это провожание не имело, хотя Слава вспоминал его с теплотой и грустью в сердце. Другие события отодвигали все дальше эти воспоминания, которые не стирались, а почему-то становились ярче и печальнее.

******

На следующий день после традиционного вечера Слава зашел к Фиме, принес испеченные Полиной мутаки из теста со странным названием "утопленник". С воодушевлением рассказывал о своей работе, об

учебе, о профессоре Стефанском, о своих планах. Все были к нему так же добры и внимательны, как всегда, но (он чувствовал) в воздухе витало что-то еще, что-то постороннее. После чая Фима пошел проводить друга.

– Мы уезжаем, – тихо сказал он.

У Славы перехватило дыхание. Он хотел спросить "Куда?", но понял, что это напрасный вопрос. Детали были не важны – какая разница куда – в Израиль, Америку, Австралию – разве это имеет значение? Главное, что друг уезжает **отсюда** и неважно **куда.**

******

Поцелуи, объятья.
Боли не побороть.
До свидания, братья,
Да хранит вас Господь.
До свиданья, евреи,
До свиданья, друзья.

Ах, насколько беднее
Остаюсь без вас я.
…Вроде Бабьего Яра,
Вроде Крымского рва,
Душу мне разорвало
Шереметьево-два.

(Всеволод Емелин. Исход)

******

Домой Слава пришел совершенно разбитый. Мама все поняла.

– Честно говоря, я думала, что они еще раньше уедут. Видно, она с сыном сама не рискнула, а сейчас рядом с надежным мужчиной уже не так страшно. Как правительство не понимает, кого страна теряет?.. Понимаешь, любое насилие над народом вызывает сопротивление, сплочение народа. Совсем по закону физики: Сила действия равна силе противодействия.

– Но они никогда не уравновешивают друг друга, потому что приложены к разным телам, – добавил Слава одну из классических формулировок.

– Если бы не было никакого национализма, то постепенно народы бы смешались, количество смешанных браков растет в благополучном обществе. Вот я расскажу тебе об одном грузине. Я познакомилась с ним у Валентины. Он был образованным собеседником, рассказывал много такого, чего мы не знали. По характеру он был немного хвастун, любовался собой, но его было интересно слушать. Он говорил, что он из рода Багратионов. Изучал свою генеалогию. Но речь не о нем. А о том, что я запомнила из его рассуждений.

Династия Багратионов – одна из самых древних из ныне существующих династий. Он говорил, что примерно в V-VI веке н. э в Грузии появились знатные представители рода Багратионов – потомков царя-пророка Давида. На их гербе изображен щит с разными обычными атрибутами... не помню точно... щит покрыт мантией и княжеской короной, золотой скипетр и сабля, еще что-то. А по сторонам щита поставлены два льва – символы царя Давида.

Они преподнесли правителю много ценных подарков и испросили разрешения селиться на его землях. Обещали, что их люди будут законопослушными гражданами, исправно платить налоги. Единственное, что они просили – разрешения молиться своим Богам, соблюдать свои традиции. Это было позволено, и евреи жили в древней Грузии весьма привольно и благополучно. Настолько, что начались смешанные браки. Сыновья Багратионов женились на царских дочерях.

******

В XI-XII веках Грузия под управлением Багратионов достигла наибольшего могущества и расцвета. Царь Давид IV Строитель (1089-1125) восстановил независимость Грузии, объединил все грузинские земли, перенес столицу в Тбилиси. При его внуке Георгии III (1156-1184) влияние Грузии распространилось на Северный Кавказ и Восточное Закавказье. Дочь Георгия III царица Тамара Великая (1184-ок.1210/1213) стала одной из самых могущественных правительниц всего Ближнего Востока.

******

– Понимаешь, к чему я это рассказываю? В стране не было антисемитизма и, не быстро, но за несколько столетий народ почти полностью ассимилировался. Я не знаю хорошо это или плохо – имею ввиду ассимиляцию – не все однозначно к этому относятся. Я сейчас говорю о другом, о самом факте взаимоотношений между людьми... А у нас не воспитывают народ в мире и дружбе, а наоборот, разжигают самые низменные чувства... Вот и теряет страна умы и интеллигентность...

******

Друзья договорились писать друг другу. Слава обещал навещать могилу Фиминого отца... После проводов Фимы с Софьей Иосифовной и Марком Семеновичем он чувствовал себя еще раз осиротевшим.

******

Под крики толпы угрожающей,
хрипящей и стонущей вслед,
последний еврей уезжающий
погасит на станции свет.

Потоки проклятий и ругани
худою рукою стряхнет,
и медленно профиль испуганный
за темным стеклом проплывет.

Как будто из недр человечества
глядит на минувшее он...
И катится мимо отечества
последний зеленый вагон.

Весь мир, наши судьбы тасующий,
гудит средь лесов и морей...
Еврей, о России тоскующий,
на совести горькой моей.

(Булат Окуджава. О. и Ю.Понаровским)

******

Глава семьдесят первая

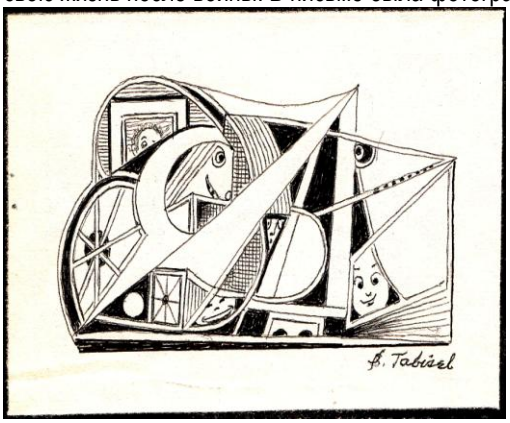
Через 3 года после того знаменательного первого традиционного вечера Леночка вышла замуж и родила сына. Узнав об этом в библиотеке от ее мамы, Веры Игнатьевны, Слава почувствовал укол в области сердца и тяжесть в душе. Он вспоминал, как она шла по длинному школьному коридору легкой летящей походкой, красивая, сияющая, вспоминал, как провожал ее после выпускного вечера, как она несколько раз искренне благодарила за хирурга Виталия Григорьевича. Но... делать нечего, надо постараться отодвинуть эти болезненные воспоминания в дальний угол памяти и не тревожить их.

Слава еще больше окунулся с головой в работу. Он задумал создать в городе большой центр для детей всех возрастов, чтобы там была и продленка, и дополнительные занятия, и игры, развлекательные и образовательные, и обучение разным специальностям, и научно-изобретательский клуб, и дискуссионный клуб, и политический, и развитие художественных талантов. Это будет настоящий Дворец Детства. Популярность этого дома будет (он твердо уверен) так заразительна для всех, что и неблагополучные дети потянутся туда сами. А в перспективе будет и ботанический сад с маленьким зоопарком, и научная лаборатория, и студия для молодых художников и скульпторов...

Амбарцум, прожив 4 года в Питере, все-таки перебрался к дядям в Париж. Не имея достаточного финансирования для проведения собственного показа моделей, он придумал что-то свое, новое. Из небольших лоскутков, остатков тканей он сшил маленькие платья, одел их на полуметровых кукол и сделал выставку в большом торговом зале. Пригласил много народа: простых портных и знаменитых кутюрье, фотографов, художников и журналистов. Успех и положительные отзывы в печати дали небольшой толчок его популярности. Он был полон надежд. Недавно женился.

Прошло 5 лет после окончания школы. Друзья переписывались, подробно описывая события, успехи, заботы, новости... Фима помогал друзьям, как мог. Посылал Амбарцуму журналы мод, чтобы тот мог черпать какие-то идеи, подсказал ему сделать большие красочные фотографии (постеры) его нарядных кукол после выставки и развесить в наиболее людных местах. На афишах ярко сверкало имя Анри Бабалян (все-таки слишком длинное и трудное для французов имя), которое постепенно становилось узнаваемым. Через некоторое время для поддержания интереса Амбарцум устроил аукцион продажи этих кукол.

А для Славы он нашел... Соломона Тобисела (!). Слава подробно описал Фиме все, что рассказывал ему дедушка Миша, сделал копию этой открытки 60-летней давности и фотографию деда в молодости. И Фима нашел адрес господина Тобисела, которому написал детальное письмо о перипетиях этой открытки, все страхи и проблемы, все переживания Михаила, его рассказы и теплые воспоминания о знакомстве с Солом. Написал о жизни Михаила, его семье, о том, что наследником его медалей, доброго имени и этой открытки стал его внук – начинающий ученый – Слава, который теперь не опасается переписываться с американцем. Сообщил адрес Славы. Соломон ответил и Фиме, и Славе. Фиму поблагодарил за связь. Славе рассказал о той встрече с Михаилом, которая тоже оставила неизгладимый след в душе на всю жизнь, коротко описал свою жизнь после войны. В письме была фотография и несколько рисунков.



У мудрых художников добрый доверчивый взгляд.
Они уже дожили до понимания детства.
Они понимают, что цель воплощается в средстве,
А жизнь – это жизнь, даже если она наугад.
Умелый художник не станет выискивать смысл.
Умелый художник не будет выдумывать драму.
Он дом наш напишет и бережно спрячет под раму.
А где-то над домом крылатый мальчишка повис.
И пусть это выдумка – мальчик, который крылат,
Кому из жильцов не приятно такое соседство?
Ну вот, мы и дожили до понимания детства.
У мудрых художников добрый доверчивый взгляд...

(Марина Генчикмахер)

******

Фима писал о своей новой родине правдиво, не приукрашивая, но и не умаляя ее достоинств.

******

На свободе жить очень трудно. Потому что свобода равно благосклонна к дурному и хорошему. Под её лучами одинаково быстро расцветают гладиолусы и марихуана. ***(Сергей Довлатов)***

******

Семья Фимы после приезда в Америку обосновалась в Филадельфии, и он сразу, чтобы не терять времени, поступил в местный университ, хотя мечтал о MIT (The Massachusetts Institute of Technology). В перерыве он приходил в кошерное кафе, садился в уголок и ел свой, принесенный из дома, завтрак (из соображений экономии). В кошерное кафе он приходил только потому, что там было чище и меньше народа, хотя шумно. Но если у Фимы перед глазами была какая-то книга, то шум ему не мешал, он умел полностью отключаться. Через некоторое время его внимание привлекла скромно сидящая в уголке девушка в длинной юбке и берете (что было для кошерного кафе совсем не удивительно) и которая тоже ела свой, принесенный из дома, завтрак. Но Фима обратил внимание совсем на другую деталь. Девушка читала сразу две книги. По очереди. Читала несколько строк одной книги, затем из другой. Фиме стало интересно. Он пошел к водяному фонтанчику, набрал себе стакан воды и на обратном пути специально прошел мимо ее стола. Успел охватить взглядом обе книги. Остановился и от удивления заговорил с незнакомой девушкой, что было ему совершенно не свойственно.

– Вы читаете по-русски?

– Да, читаю.

Перед ней были книги Марка Твена – одна на английском языке, другая – на русском. Она хотела почувствовать верность перевода, сохранен ли стиль и дух Тома Сойера.

Разговорились. Познакомились. Эстер. Приехала в 1988 году из-под Владивостока. Учится на педагога. Живет в маленькой съемной студии, в пятницу после занятий уезжает к родителям в городок Рединг (Reading). Какая милая девушка, захотелось познакомиться поближе.

Эстер Полищук – согласитесь, несколько странное сочетание, но мы не удивимся ему, если вспомним Арона Кагановича едущего в теплушке в далеком 1936 году, усыновленным семьей пятидесятников и ставшим Ароном Полищуком. Женился на своей названной сестре Олечке Полищук, родил 6 детей, обзавелся 28 внуками. И более полвека спустя его младшая внучка Эстер, не понимая, почему ее любимый дедушка плачет, обнимала и вытирала его слезы в вагоне, едущем на запад.

Свадьба состоялась в Рединге. Пятидесятники, хотя уже не столь строго соблюдали свои традиции, но свадьба была абсолютно трезвая, пили компот, пели песни, частушки, водили хороводы. Особым почетом были окружены Софья Иосифовна и Марк Семенович. Дедушка Арон был счастлив общаться с ними. Эстер пришлась по душе Софье Иосифовне. Через некоторое время они перебрались в Бостон. Фима окончил MIT, был оставлен на кафедре. Родились два сына.

Они жили в доме все вместе. Для их американских друзей и соседей было непривычно и потому удивительно видеть это такое дружное сосуществование трех поколений.

******

Слава блестяще окончил вуз. Много статей в соавторстве с профессором Стефанским были напечатаны в журнале "Вопросы психологии" еще в студенческие годы. Почти весь материал для кандидатской диссертации был готов. Успехи воодушевляли.

Постепенно, маленькими шажками мечта о Дворце Детей превращалась в реальность. Горсовет выделил ему старое деревянное двухэтажное здание бывшей музыкальной школы. Постепенно к нему тянулись энтузиасты-волонтеры. Все вместе искали спонсоров... Прошло еще несколько лет. Слава продолжал усиленно работать. Его Дворец Детей был необычайно популярен в городе.

Славу интересовало влияние на ребенка образования и морали. Как они сочетаются? Как влияют друг на друга и влияют ли вообще? Если в процессе обучения (образования) давать ребенку много исторических положительных примеров – должно ли это повлиять на его духовное совершенствование? Василий Александрович Сухомлинский считал, что детям надо давать больше фактов с тем, чтобы выводы они делали сами. Но некоторых желательно все-таки ненавязчиво подталкивать к правильным выводам. И развивать творческую фантазию ребенка, чтобы он сам тянулся к прекрасному.

******

Образование – это то, что остаётся после того, как забывается всё выученное в школе.

(А.Эйнштейн)

******

А Большой Мир жил параллельной простым людям жизнью.

2004 год.

4 февраля – Начало работы крупнейшей в мире электронной социальной сети Facebook

6 февраля – в Московском метрополитене (на перегоне между станциями Автозаводская – Павелецкая) произошёл тер. акт, в результате которого погибли 42 человека и свыше 250 получили ранения.

14 марта – Выборы Президента Российской Федерации. Победил В.Путин.

9 мая – Во время празднования 59-й годовщины Дня Победы в Грозном на стадионе, на параде, сработало взрывное устройство. В результате теракта погиб президент Чечни Ахмад Кадыров и еще 7 человек, более 50 получили ранения.

14 июня – на островах Кораллова моря провозглашено Королевство геев и лесбиянок.

******

Глава семьдесят вторая

И вот, наконец, мы вернулись к первой главе нашего повествования, к началу нашего знакомства со Славой, в момент его триумфального выступления на международном конгрессе психологов. Он постепенно остывал и явственно ощущал, что жизнь его меняется. Он казался себе похожим на ребенка, державшегося за мамину юбку, который, наконец, оторвался и пошел сам. Он вспомнил встречу с Девочкой 10 лет назад. Спасибо тебе, Девочка, за твои предсказания. Спасибо!

******

Российская делегация состояла из 6 человек. Тихий, незаметный и незаменимый Иван Иванович – “технический” руководитель. Дмитрий Олегович Стефанский – научный руководитель (Общая психология). Другой специалист – кандидат психологических наук из Казани (социальная психология, психодиагностика, психотерапия) и психолог из Бреста (психология личности, выявление творческой одаренности, психология и практика) жили в гостиннице в одном номере. Давид Васильев из Питера занимался психологией семейных отношений. Его и Славу, как самых молодых, поселили вместе, и они быстро подружились. Доклад Славы охватывал много аспектов (психология дошкольников и детей школьного возраста, возрастная и педагогическая психология, психология обучения), каждый из которых мог стать темой отдельного доклада и дальнейшей разработки.

После того как Славу включили в делегацию, его познакомили с Иваном Ивановичем. Тот попросил заполнить несколько анкет, принести паспорт, три фотографии для загранпаспорта и три экземпляра своего доклада. У Славы удивленно широко раскрылись глаза.

– Я понимаю, о чем вы, молодой человек, подумали. Вы подумали, что я КГБ-ешник, буду проверять вашу анкету под микроскопом, проверять доклад, выискивая крамолу, следить за вами в Вене? Да? Объясняю, я оформляю вам и другим членам делегации загранпаспорта, билеты, резервирую гостиницу, организую ваш быт, решаю все проблемы, чтобы вы все полностью занимались наукой и произвели наиболее благоприятное впечатление, как представители России. А если кто-нибудь, не дай Бог, заболеет? А были случаи, что наши представители напились в баре, попали в полицию, кто будет их вызволять? Следить за вами в Вене я не буду. Но если спросите сами, то смогу подсказать, как приобрести билеты в оперу, где дешевле можно что-то купить себе, родным. Одним словом, сам навязываться не буду. Захотите, сами спр**о**сите, если понадоблюсь.

"Все логично", – подумал Слава, но его не оставляло ощущение поднадзорного, хотя он не собирался буянить в баре и болеть. Что его смутило, так это три экземпляра доклада. Значит ли это, что три человека будут проверять его работу? Разве не достаточно проверки, указаний и советов Дмитрия Олеговича? А если кому-то что-то не понравится? Когда он писал доклад, то сам выбросил, как недоработанную, еще сырую, главу о воспитании межнациональной толерантности, об интернационализме (какое набившее оскомину слово!). Теперь он подумал, что эта глава, будь она написана, очень не понравилась бы анонимным проверяльщикам. После этого ему очень захотелось развить эту тему, и он пообещал себе обязательно заняться этой проблемой, самой, наверное, актуальной.

В конце своего доклада он добавил от себя то, что в документах написано не было. (Внутренне он был готов к замечанию от Ивана Ивановича) Он сказал, что задача современных психологов идти в народ, к учителям и ученикам, к молодежи и студентам с самой важной миссией – преодолеть все национальные фобии, агрессию, непримиримость. Психология всегда была наукой элитной и для элиты, но сейчас надо трезво посмотреть вокруг. Он даже процитировал Гёте на немецком: ”*Grau, teurer Freund, ist alle Theorie Und grim des Lebens goldner Baum.(Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо.)*

У него есть некоторые соображения и конкретные предложения. Было бы заманчиво следующий конгресс посвятить исключительно национальной, межэтнической проблеме.

Вы помните, как Николай Васильевич Склифосовский на медицинском конгрессе в Риме в 1894 году предложил (не посоветовавшись с высоким начальством) провести следующий конгресс в Москве.

Слава не знал этого. Он просто высказал предложение:"было бы хорошо..." Увидел внимательный взгляд Ивана Ивановича и отвернулся.

В перерыве к Славе подходили многие психологи из других стран, которых тоже заботила национальная проблема. Самая серьёзная в настоящее время. Слава вспоминал, как они с Фимой взахлеб читали Ромена Роллана. В "Жан-Кристофе" дружат Кристоф – немецкий композитор и французский поэт Оливье Жанен. Разве им мешают их национальности? В "Очарованной душе" дружат молодой буржуа француз Жермен и немецкий художник Франц. Как жить и дружить, если между их странами война? А если не война, а просто внутри государства не угасает национальная агрессивность. Тлеет религиозная непримиримость. А как жить полукровке, если две половинки души принадлежат двум воюющим народам?

Слава показал разработанные им анкеты для младших школьников, средних и старших, а также для их родителей. Надо обязательно понять, какие механизмы стоят за национальной и религиозной ненавистью. А уж поняв, можно будет работать с молодежью, и чем раньше начнем, тем эффективнее будет результат. Работа эта очень долгосрочная, результаты будут видны не скоро. Но заниматься ею надо сейчас, немедленно.

Он подготовил анкеты на немецком и английском. Кто-то внес дополнения в вопросы анкеты. Их растиражировали, каждый взял себе копию. Все обменялись бизнес-карточками. Договорились делиться результатами.

Много полезных разговоров, как всегда, было в кулуарах. Для Славы с Давидом это был первый международный семинар – они впитывали все разговоры, идеи и даже мельком брошеные фразы. А вечером в номере делились впечатлениями. Из разговоров узнали, что в августе состоится XXVIII Международный Конгресс по Психологии в Пекине (по вопросам онтопсихологии), а в следующем, 2005 году – Мировой конгресс по Психотерапии в Буэнос-Айресе (по вопросам сновидений). Но ни онтопсихология, ни изучение снов наших друзей не особенно интересовала.

******

*Онтопсихология (от др.-греч. "ontos"- бытие) – основана итальянским философом, теологом и социологом Антонио Менегетти. Онтопсихология занимается исследованием психических процессов в их первичной актуальности, включая понимание бытия. Онтопсихология утверждает определенную философию жизни, включающую не только психическое здоровье, совершенство, успешность человека, но и экзистенциальную ценность и эстетику бытия.(*Все слова понятны, но суть науки несколько в тумане-А.Н)

******

А вот куда Слава мечтал поехать – так это на Международную конференцию "Современная педагогика для общества будущего: Ответственность и образование лидера", которая состоится в 2007 году в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже. Обязательно!

Вена потрясла Славу и Давида. Они успели много посмотреть: Парламент и Ратушу, Бельведер (прототипом которого был Версаль) и летнюю резиденцию Габсбургов (величественный замок и красивый парк). Городской парк и Ботанический сад Венского университета. Памятник советским воинам, погибшим при освобождении Австрии от фашизма. Роскошный оперный театр.

Увидели и то, что не входит в стандартный тур-набор: Карл-Маркс-Хоф. Дом длиной в километр, разделённый на 1382 квартиры, построен в 1926-1930 социал-демократами для нуждающихся в жилье. В последний день опомнились и пришлось призвать на помощь Ивана Ивановича, он отвел их в какой-то огромный магазин подальше от центра, и друзья накупили подарков, насколько им позволили их скромные ресурсы. Слава купил маме красивый плащ и все остальное по мелочи.

В последний день друзья обменялись адресами. За неделю совместного проживания молодые люди подружились. Давид пригласил Славу на свою свадьбу, которая должна состояться через два месяца. Приглашение было принято, но Слава отметил, что в голосе Давида не было достаточного энтузиазма. И тогда Давид раскрыл свою душу, так давно жаждующую кому-то раскрыться.

(Я, как автор, чувствую свою вину перед читателем за постоянный отход от строгого стержня повествования. Каждый раз, когда мне надо описать новый персонаж, с которым сталкивается Слава – мой главный и любимый герой, – я испытываю определенный дискомфорт. Мне не хочется уводить читателя в сторону, но иначе не получается.)

Глава семьдесят третья

История Давида, рассказанная им самим
в Венской гостиннице в последнюю ночь перед отъездом.

Первые 10 лет моей жизни были такими счастливыми, описать невозможно. Сердце трепещет от воспоминаний. Папа Семен Давидович преподавал химию в вузе. Мама Татьяна Степановна тоже химик, была его студенткой, окончила вуз, поженились, родился я. Мама работала в химлаборатории. Отец необыкновенно талантлив во всем, он сочинял стихи, пел, остроумен, душа общества. Мама тоже очень умная, но скромная и

сдержанная. Мы с ней очень близки, с ней я всем делился, а отец... он как бы стоял на пьедестале, им можно было только восхищаться. Я никогда не видел, чтобы они ссорились или ругались. Теперь я думаю, что выяснение отношений были, но просто в мое отсутствие. Представляешь, каким ударом стал для меня их развод! Мы сели обедать. Я спросил:

– А где папа?

– Он не придет, он ушел, живет теперь в другом месте. А мы будем жить без него.

Я побледнел. Мама начала меня успокаивать.

– Ты сможешь с ним встречаться, когда захочешь. Не переживай, главное, что он жив и здоров. В жизни бывает всякое, иногда люди расходятся, но он, тем не менее, остается твоим отцом, и он любит тебя.

Но никакие слова не могли меня утешить. Я плакал по ночам, кусая подушку. Я ненавидел его как предателя и в то же время любил еще больше, чем раньше. Предатель, предатель, другого слова не было. Он предал меня и маму! Я почему-то сразу понял, что он ушел не просто **от** нас, а ушел **к** другой женщине.

...Сколько себя помню, я всегда был необыкновенно влюбчивым. Бывало, прихожу из детского сада и рассказываю маме:

– Я очень люблю Мариночку.

– Как же так, – спрашивает мама, – помнится, два месяца назад ты любил Риточку?

– Но Мариночка красивее читает стихи.

Через еще некоторое время Инночка лучше танцует и так далее, и так далее. Мама грустно улыбалась, слушая мои признания, она видела наследственные признаки любвеобильности... В 10 лет я перелюбил всех девочек своего класса и поглядывал на параллельный.

Но после такого удара я никак не мог обрести душевный покой. Предатель! Он предал маму и меня – двух самых близких, верных, любящих людей. Как можно жить после этого, есть, спать, читать, ходить в школу?.. Он несколько раз звонил и говорил с мамой, чтобы встретиться со мной, но я отказывался, я не знал о чем буду с ним говорить, я был не готов.

Наступили весенние каникулы, и я пошел к иституту, к окончанию лекций, чтобы хоть издали увидеть его. Отец вышел в окружении щебечущих студенток, что-то говорил им, они хохотали. Наконец, они распрощались, и он пошел пешком, а я за ним по другой стороне улицы. Оказывается, теперь он жил недалеко от вуза. Я увидел в какой подъезд он зашел и, обессиленный, сел на скамейку на детской площадке напротив дома. Сколько я сидел – не помню, думаю, часа два. И вдруг из подъезда выходят: мой отец, красивая, нарядно одетая женщина – его новая жена и пацан лет 13-ти. Женщина и пацан о чем-то говорят между собой, отец терпеливо ждет в стороне. О чем они говорили, я, конечно, не слышал, но по жестам понял, что паренек не хочет с ними ехать. Наконец, они пришли к какому-то соглашению, отец с новой женой подошли к стоящей рядом с подъездом машине, сели и уехали. Еще одним ударом стала машина – Жигули. Когда отец жил с нами, у него был Запорожец, а сейчас, у него новое жилье, новая жена и новая машина. Кардинальные изменения... А пацан тем временем медленно шел к пустующей детской площадке в моем направлении и сел рядом. Он сидел рядом, молчал, грустно опустив голову. А я его люто ненавидел. Не знаю за что – просто ненавидел. Кулаки сами сжимались, я хотел его избить, но трезво оценивал, что сам окажусь избитым. Ну и пусть. Может быть, удары, синяки, физическая боль и даже кровь (которую я и сейчас боюсь, а уж тем более тогда) облегчат душевную боль?

– Это мой отец, – сказал я, вонзив в него злой взгляд.

– Ну и что? – спокойно и даже равнодушно сказал он.

Я растеряно молчал. Действительно, ну и что?

– Если он твой, так забирай его. Он мне совершенно не нужен. Бывают же такие подлые люди, которые своих детей предают. (Он сказал именно то слово, которое звенело у меня в голове – предал!) Тебя бросил, твою сестру бросил...

– Какую сестру? – я был ошарашен, но бить его мне совершенно расхотелось. Он был старше, опытнее и, главное, информированнее.

– А ты что не знал? До твоей мамы у него была жена, родила девочку. Он их бросил, ушел к твоей маме. А та женщина уехала с дочкой из Питера, чтобы его больше не видеть и не дает общаться с дочкой. А до той женщины была еще одна, первая жена, но без детей. Так что твоя мама третья, а моя – четвертая.

– Откуда ты знаешь?

– Так я все слышал. Стены тонкие... Самое смешное, он говорил, что детей очень любит. Понимаешь? Детей. Детей вообще или тебя одного в частности? Мне-то что, я через 5 лет уеду от них и делайте что хотите. Мне мою маму жалко, ведь он ее тоже бросит.

Помолчали... Потом он сказал:

– Я когда вырасту, **НИКОГДА** своих детей не брошу. Что бы в моей жизни ни случилось!

– Я тоже.

– Давай поклянемся.

– Я клянусь! – Сказал я серьезно и торжественно.

– Это не так просто, сказал и все. Надо на крови поклясться.

Он отковырял от дерева кусок коры и этой грязной щепкой расцарапал себе и мне палец на левой руке, выдавил кровь и намазал ее на это же дерево.

– Торжественно клянусь, – громко начал он. Вокруг никого не было. Я повторял за ним слова клятвы.

– Торжественно клянусь, никогда, ни при каких обстоятельствах не предавать, не бросать, не оставлять своих детей, что бы ни случилось в жизни. Клянусь своей кровью на этом дереве. А если я нарушу свою клятву, пусть отсохнет моя рука.

Знаешь, это было так серьезно, я почувствовал холодок и дрожь, прошедшие по этой руке, которая должна была отсохнуть.

После этого мы еще несколько раз встречались. Время шло. Тогда казалось, что оно двигается медленно, а сейчас, оборачиваясь назад, кажется, что оно пролетело быстро.

В 10 классе я со своим преданным, верным, самым лучшим другом Сашкой (Слава с грустью вспомнил и своего самого преданного, верного, лучшего друга – Фиму) вдвоем влюбились в девочку Лиану. И имя у нее было необычное и сама она была необыкновенная. Красивая, добрая, умная... (Слава почему-то вспомнил Леночку)

Дружили мы втроем. На третьем курсе, стало невмоготу, и я поставил вопрос ребром – сделал официальное предложение от нашего имени – от меня и Сашки. Она выбрала меня, и мы расписались. Моя мама ушла жить к бабушке, полностью отдав нам квартиру. Жили скромно, моя мама и ее родители помогали, иногда и отец что-то подкидывал, я немного спекулировал книгами, Лиана имела несколько учеников. Окончили вузы, устроились на работу. Жили дружно, весело. Театры, музеи, выставки, поездки. Никогда никаких споров. Я даже удивлялся, когда люди рассказывали о семейных конфликтах. Ведь любые проблемы можно решить спокойным тоном.

Саша продолжал с нами дружить. Любовь к Лиане не прошла, но он мог владеть собой. Я не знаю, есть ли на свете еще человек такой же честности, порядочности и благородства.

Короче говоря, около 5 лет я не смотрел ни на одну другую девушку, то есть смотреть-то смотрел, но просто так, как бы любуясь со стороны. Но вдруг случилась одна измена, потом другая. Утешался тем, что Лиана никогда не узнает, что все это несерьезно. Ведь действительно любил только ее... да и сейчас ...люблю.

Появилась Наташа-практиканточка. Ох уж эти практикантки, не только Клинтон о них споткнулся...

Крутила она передо мной задом, докрутилась. Стал я с ней периодически встречаться в разных местах. И вот она уговорила меня справить Рождество 1999 года вместе за городом. Мол, Новый год ты будешь дома встречать, а Рождество со мной, все-таки конец тысячелетия, а там, за городом, такое шикарное место: там и бассейн, и сауна, и джакузи, и ресторан, и прорубь, и лес, и чего там только нет... Одним словом, уговорила. Я сказал дома, что наш отдел приглашен к каким-то клиентам на сабантуйчик, вернусь не поздно, часов в 11 вечера. А если приеду к полночи тоже не страшно, можно на дорогу сослаться. С работы отпросился в 11 утра, поехал за Наташей и попал в страшную дорожную пробку. Какая-то авария, вся дорога закрыта, ни туда, ни обратно. Стою полтора часа. А мобильный телефон забыл на работе. Наташа звонит на работу, ей говорят, что я ушел, так эта дура не придумала ничего лучше, чем позвонить домой. Лиана берет трубку:

– Я вас слушаю.

– Скажите, пожалуйста, а Давид дома?

– Нет, его нет. А в чем дело? Меня зовут Алла, я его сестра.

– Понимаете, мы договорились встретиться около метро (называет станцию) в 12 дня, а уже второй час, его еще нет.

– Не беспокойтесь, милая. Раз он обещал, то обязательно приедет, ждите.

– А если он не придет, можно я еще позвоню.

– Я сейчас должна уйти по делам. Так что дома никого не будет.

Наконец, я добрался до Наташи, объяснил про пробку на дороге, и мы поехали. Прекрасно провели время, а на обратном пути она мне говорит:

– Не гони так машину, не надо торопиться. Дома никого нет.

– Почему ты так решила?

Тут она мне весь разговор передает. Я резко торможу, ругаюсь на нее страшными словами, вытаскиваю ее за шкирку из машины, ловлю такси, пересаживаю ее и отправляю домой, а сам резко разворачиваюсь.

Как ты можешь догадаться, Лианы дома не было. Она спокойно собрала свои вещи и уехала к своей маме. Даже записки не оставила, только ключи на столе.

Как я убивался, сколько просил прощения, забрасывал ее цветами, умолял ее маму, чтобы ее уговорила. Она сказала:

– Я тебя простила. Ни зла, ни обиды нет. Я тебе очень благодарна за те несколько лет счастливой жизни. Но жить с тобой, как раньше, я не смогу.

******

Возьми стакан, швырни его об стену,
Теперь проси прощения навзрыд.
Ну что, свершилось? Стал обратно целым?
Вот так людей ломает от обид. ***(Алексей Авданин)***

******

– Просто эта влюбчивость в твоем характере. Ты не сможешь, не удержишься, сорвешься, тебя какая-нибудь сексуально озабоченная девица соблазнит. Рано или поздно это опять случится. И еще, ты же знаешь какая я брезгливая. Я не могу.

Это был конец. Я ходил весь почерневший, угрюмый. Еще в это время умерла моя бабушка. Был занят этими похоронными хлопотами, утешал маму. Одним словом, самый черный период...

Отметили по обычаю 40 дней после бабушкиной смерти. На следующий день звонок в дверь, открываю, стоит Наташа с двумя чемоданами. Все эти дни на работе она старалась на глаза не попадаться, не навязываться. А теперь решила, что уже можно. И начались мои кошмарные дни. Понимаешь, я привык к нашему (с Лианой) стилю жизни. Наши зарплаты складывались в вазочку на буфете. Она брала оттуда первым делом на оплату квартиры, коммунальных услуг и продукты. Часть денег откладывали в коробочку, лежащую на шкафу на отпуск или на более крупные покупки – зимнюю одежду, аппаратуру и т.д.

Наташа никогда в вазочку денег не клала, а только брала. У нее была страсть посильнее, чем у алкоголика, наркомана или азартность игрока. Она покупала себе одежду. День без покупок был для нее потерянным днем. Все спекулянтки в округе знали ее и приносили на работу полные кошелки товара. Девчата бегали в туалет, на примерку. Она никогда не выходила без покупки. Тратила всю свою зарплату, деньги из вазочки улетали за неделю. Я был в ужасе – квартира и коммунальные услуги не оплачены, холодильник пустой. А она подлизывается: "Давидик, дорогой, я взяла эту шубу в долг, мне надо отдать деньги через день". И я, как дурак, достаю со шкафа коробочку с нашим с Лианой денежным запасом. Посмотрел и понял, что Лиана, когда уходила, не взяла из этой коробочки ни копейки. Так стало горько. С кем я живу? Как можно их сравнивать по степени благородства, порядочности, интеллигентности и культуре, мы ведь даже в кино не ходим. Напрасно я показал ей где лежит коробочка...

Сколько я пытался с ней говорить, объяснять. Я начал прятать от нее деньги. Питался на работе. Дома были только картошка и макароны. Два шкафа были набиты шмотками. Многие были ни разу не одеты.

И в один прекрасный день (действительно прекрасный день моей свободы) она снова начала подлизываться: "Давидик, посмотри, какая прекрасная шуба к новому сезону и совсем не дорого". Я твердо сказал: "Нет! У тебя уже есть две новые шубы, третья тебе не нужна." И опять, в который раз, вспомнил, что все те пять лет, которые мы прожили с Лианой у нее была только одна шуба и совсем не такая шикарная. Ах, если бы я мог ее вернуть, я бы купил ей три, нет пять шуб... Наташа тем временем психовала, бегала по комнате, кричала, вхлипывала, ругалась, обзывалась. Самое нежное из сказанного было "жмот". Занятый своими мыслями, я совершенно не обращал на нее внимания, но вдруг сквозь ее ругань услышал сакраментальные слова. Насчет лица еврейской национальности. Понимаешь, есть политически корректные выражения – эквиваленты хамским словам. Например, ругательное "зараза" имеет перевод "инфекция". Лицо – это морда. А лицо еврейской национальности – это та же морда, но жидовская.

(Давид рассказывал все это, улыбаясь. Слава чувствовал, что с ним, как и с Фимой, легко говорить на любые темы. И еще как психолог, он понял, что Давид не зацикливается на национальном вопросе, он, как и Коля, полукровка, свободен от комплексов.)

Как я обрадовался, когда она меня обозвала! Это ж такой прекрасный повод избавиться от нее! Я медленно встал, достал чемоданы и начал аккуратно укладывать туда ее вещи. Она бросилась на защиту своих вещей, еще даже не понимая, что я буду делать. Я запер ее в туалете. Набил два чемода и большой баул ее шмотками – только теми, на которых не было бирочек. А новые неодеванные вещи оставил в шкафу. Забрал из сумочки ключи от квартиры. Вызвал такси, отнес туда вещи, вывел ее из туалета, накинул на нее новую, еще не оплаченную шубу, посадил в такси, заплатил таксисту, назвал адрес ее родителей. Она начала хныкать и просить прощения. Чтобы не растаять, я сказал строгим голосом:

– Такое оскорбление смывается только кровью, понимаешь? Если я тебя увижу еще раз, то застрелю – у меня есть пистолет, оставшийся от деда.

В ее тупых глазах (как я мог считать их красивыми?..) застыл ужас. Еле сдержался, чтобы не рассмеяться. И последней фразой я добил ее:

– Вещи, которые я оставил у себя, не принадлежат тебе, потому что куплены на мои деньги. – И махнул рукой таксисту.

Я был свободен! Наташи на работе больше не было – срок ее практики окончился. А вещи сдал в комиссионку. Почистил квартиру и вздохнул с облегчением.

Периодически мы встречались с Сашей в нашем кафе. Говорили о работе, о мировых проблемах. О Лиане не говорили. После моей желанной, с трудом приобретенной, свободы мы снова встретились в кафе. И тут Саша меня огорошил:

– Я хочу, что бы ты знал, что я встречаюсь с Лианой. Ты же знаешь, как я ее всегда любил, но никогда не встревал в вашу жизнь. Для меня всего важнее было ее счастье. Просто хочу, чтобы ты знал. Я не делаю это за твоей спиной. Надеюсь, что это не помешает нашей дружбе.

Что я мог сказать? Что я мог сделать?

Прошло еще несколько месяцев.

Все женщины у меня делятся на тех, которые годятся в любовницы (это не значит, что я влюбился или буду их соблазнять, можно просто пофлиртовать, иначе говоря – соблазнительные или, по-американски говоря, сексапильные женщины) и все остальные (знакомые, сотрудницы, деловые партнеры – с которыми даже возможно приятно общаться, но без флирта). Пришла к нам на работу новая дама, которую я сразу отнес ко второй категории. Звали Изабелла. В отличие от всех Изабелл, которых зовут Беллами, ее звали Изой. К первой категории я не мог ее отнести по многим причинам. Она на полгода старше меня, это, конечно, мелочь, но мне всегда нравились молоденькие (Лиана была одноклассница, но все остальные – на много моложе). Мне всегда нравились черноволосые смуглянки (как Лиана), а Иза – яркая белокожая блондинка, причем натуральная. К тому же она крупная дама. На каблуках почти со мной вровень. Не толстая, но крупная. Такая, знаешь, статная русская красавица. Но что-то в ней было немного прибалтийское. Никогда не любил ни толстых, ни крупных, ни высоких.

Объективно признал ее плюсы: умная, деловая, остроумная, интересная рассказчица. При этом ни похабных анекдотов, ни нецензурных слов от нее никогда не было слышно. Для меня это существенное качество – терпеть не могу похабных, курящих, пьющих женщин.

Приходит на работу, рассказывает как добиралась, с какими приключениями, весь отдел заслушался. Обсуждается какая-то проблема, она одним вопросом влезает в самую суть, в ядро идеи и сразу расставляет все точки. Решения проблем тоже часто неординарные. Кроме основной работы была частная практика – консультация в области женской сексопатологии (которая давала ей весьма существенный левый доход).

В курсе всех новинок литературы, поэзии, фильмов, театральных премьер. В перерыве рассказывает содержание какого-то нового рассказа, так никто в столовку не идет. Рассказывает и на меня поглядывает. Так глазами стреляет в мою сторону. "Нет, – думаю, – меня такими сказками не возьмешь."

Вот есть такая расхожая истина, что женщины любят ушами. (Вот мы им и вешаем лапшу на уши...) так я тебе, как психолог, скажу по секрету – мужики тоже попадают в ловушку через уши. Стреляла она в мою сторону, стреляла и вдруг перестала. Не смотрит в мою сторону и все. Внешне совершенно не заметно, ведет себя как всегда, так же общительна, но в мою сторону не смотрит, как раньше. Если я к ней обращаюсь, то спокойно отвечает. Ты чувствуешь, какой психологический ход, направленный на то чтобы я задумался, а почему она прекратила на меня смотреть. А значит – думать о ней. Теперь уже я поглядывал на нее чаще обычного. Даже хотел подойти и выяснить отношения. А что можно спросить: "Почему ты на меня перестала смотреть?" Глупо. И вдруг она объявляет, что у нее есть лишний билет в театр на какой-то знаменитый спектакль, мол, подружка не может пойти. Объявляет это в момент (это я потом проанализировал), когда в комнате были только сотрудники замужние или женатые, словом, не одинокие. Один я свободный. Конечно, пошел с ней в театр. С каким блеском она после окончания проанализировала постановку!..

После месяца встреч и прогулок, она переехала ко мне.

Я понимаю, что лучшего варианта мне не найти. Интересная, умная, не пьет, не курит, хозяйственная, не транжирит, любит меня – что еще надо? (И снова Слава отметил отсутствие энтузиазма в голосе друга)

И вдруг раздается звонок:

– Здравствуй, Давид, это я. Лиана.

– Я узнал.

Нужно ли объяснять, что я узнал ее голос с первого звука.

– Я хотела встретиться с тобой по важному делу. Когда ты сможешь подойти в ваше кафе? В ваше с Сашей, – уточнила Лиана.

– Завтра, подойду в перерыв.

– Спасибо.

Я долго держал трубку, слушая гудки.

На следующий день я был в кафе на полчаса раньше. Они вошли. Саша бережно вел ее под руку – она была в положении... Срок небольшой, почему-то отметил я про себя. Ее, всегда коротко постриженные волосы, отросли, черты лица немного изменились, как бывает у беременных. Но это была моя, моя Лиана...

– Давай сразу приступим к делу. Мне нужен развод. Я прошу, подпиши документы. Ведь у нас нет никаких претензий друг к другу, ни материальных, ни квартирных. В этом случае не надо идти в суд, процедура проходит в ЗАГСе, быстро и без проблем...

Я молчал.

– Я хочу, чтобы наш с Сашей ребенок родился в законном браке. Хотя это все условности, но все-таки... Почему ты молчишь?

Саша встал.

– Пойду, возьму что-нибудь. Что вам принести: бутерброды, мороженое?

Он решил деликатно оставить нас вдвоём. А я молчал, потому что не мог говорить. Наконец, разжал губы.

– Почему ты не родила мне ребенка?

– А ты не понимаешь? Зачем иметь ребенка? Чтобы при его помощи удерживать тебя? Ты рассказал мне о своей клятве, помнишь, даже показывал дерево и искал то место, где должно было быть пятнышко крови? Если удерживать мужа ребенком, то счастлив не будет никто, понимаешь, никто из троих. Будь свободен. От всей души желаю тебе счастья.

Я, не глядя, подписал все бумаги. Саша принес что-то поесть. Она достала из сумочки маленькую баночку с творогом и яблоко.

– Ничего не могу кушать, только творог, – сказала стеснительно, со смущением и опустила глаза.

У меня душа обливалась слезами.

Вот и вся история. Живу с Изой. Все нам завидуют. Если я посмотрю на какую-то девицу более пристально или, если Иза чувствует какую-то опасность, она приближает к себе эту девицу, становится ей близкой подругой, дает ей очень грамотные психологические советы, опекает ее, находит ей подходящего кавалера. И после этого вышеуказанная девица перестает со мной кокетничать, неудобно все-таки флиртовать с мужчиной Изы, непорядочно, ведь Иза так добра к ней... У меня нет возможности сходить "налево"… да уже и не хочется…

Перед моим отъездом на конференцию она сказала, что беременна, и, чтобы я не чувствовал себя обязанным. Но, как ты понимаешь, я помню свою клятву – мы распишемся. Я никогда не брошу моего ребенка...

И я официально приглашаю тебя на свадьбу.

После того, как Давид закончил свой грустный рассказ, друзья помолчали.

В течение всего рассказа Слава почему-то вспоминал Леночку...

Глава семьдесят четвертая

Слава с воодушевлением рассказывал о своих планах, своем Дворце Детей, немного о Фиме, и совсем скупо о себе. Чтобы развиваться дальше ему так нужны спонсоры!... Сейчас он работает над секцией, в которой будет уделяться внимание и сложным, больным и не совсем развитым детям. Вот в Израиле большое внимание уделяется специальному образованию, называется коррекционной педагогикой.

– А ты откуда про Израиль знаешь? – удивился Давид.

– Там у нас с мамой близкие друзья – тетя Роза с семьей и дядя Коля. Несколько лет назад мама гостила у них. Приехала в полном восторге. Так они знают, что я занимаюсь психологией и часто пересылают мне статьи о новостях в нашей области, полезную информацию о развитии личности, сознания, психологии, педагогики. Я им так благодарен. Там у них такой разумный подход. Понимаешь, ведь ближе всех к ребенку с особыми потребностями, кроме родителей, (которые зачастую не знают как надо с ними работать, постепенно они учатся на спецкурсах) находятся не врачи, не даже психологи, не бабушки и дедушки, а именно педагоги со спецподготовкой. Их обучают как работать с детьми с аутизмом, синдромом дефицита внимания, трудностями в учёбе и адаптации в детском саду и школе, со страхами, тревожностью и депрессиями у ребёнка. А конфликты в семье и школе, коррекция и развитие речи дошкольников и школьников и так далее и так далее. Работы непочатый край. А из Америки мне Фима посылает учебники. Очень интересно сравнивать.

Слава замолк, вспомнив о Фиме. Как хорошо, что есть такой друг, и как плохо, что он так далеко... Давид все понял. Его активная натура искала какое-то решение.

– Слушай, а ты можешь поехать к нему в гости. Именно сейчас есть шанс. Во-первых, у тебя уже есть заграничный паспорт, во-вторых, мы познакомились с американским психологом из Бостона. Помнишь, он тебе еще свою карточку дал, мистер Лебер. Так мы сейчас идем к нему в номер и попросим, чтобы он послал тебе приглашение от его кафедры на 2-3 недели. Скорей вставай, пошли.

– Неудобно как-то, уже поздно.

– Удобно, удобно, он или вещи собирает или в баре выпивает, – Давид потащил смущавшегося Славу, – другого шанса в ближайшее время не предвидится.

Мистер Лебер был в баре, изрядно принявший и очень грустный.

– Хелло, мои юные русские друзья. Выпейте со мной за помин души.

– У вас кто-то близкий ушел из жизни?

– Близкий друг моего покойного отца – бывший летчик ВВС. Вчера, 16 июля, скончался командир экипажа Чарльз Суини, – он помолчал и, поняв, что это имя ничего не говорит его юным русским друзьям, пояснил, – он был членом экипажа В-29. Хиросима... Нагасаки... Те самые, которые бомбили… До него скончался третий пилот Фред Оливи. Остались Моррис Джеппсон (ему должно быть 80-81), командир отряда Пол Тиббетс (89), пилот Чарльз Дональд Олбари (83-84) и Фредерик Эшворт – тогда он был специалист по вооружению, ныне вице-адмирал в отставке. Я знал их всех ребенком, они приходили к моему отцу...

******

Американскому историку Уильяму Крегу по немногочисленным свидетельствам удалось восстановить картину жизни Нагасаки утром 9 августа.

Собор Уракоми или Собор Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии

Кроме того, что там были сосредоточены огромные арсеналы оружия, город являлся центром паломничества японских католиков. Здесь располагался храм Пресвятой Девы – крупнейший римско-католический собор Дальнего Востока. Утром в день бомбардировки в храме на молитву в честь приближающегося праздника Успения Богородицы собралось несколько сотен японских католиков. Жизнь текла своим чередом. В 10:55 в небе над городом показались американские самолеты. Это стало последним, что увидели тысячи японцев в то утро. Бомба взорвалась над церковью, обезглавив каменных ангелов, мадонн и Христа. Его оторванная голова валялась на обожженной земле, каменные глаза печально смотрели в небо... ***(А. Гороховский. Факты)***

******

Слава с Давидом не знали, как им надо реагировать на это сообщение.

– Я знаю, о чем вы думаете, что это было слишком жестокое наказание для Японии, весь мир сейчас так думает. Эти ребята тоже всю жизнь мучились. Я не оправдываю эту акцию, я просто пытаюсь вам объяснить. Сейчас мы смотрим на все другими глазами, а тогда шла война, и о мирном населении никто не думал. Это были враги. Тогда это было отмщение за Пёрл-Харбор, в котором мы потеряли 2403 человека убитыми и свой тихоокеанский флот. Конечно, сейчас мы бы спланировали бомбежку только военных объектов, а тогда... Тогда Гарри Трумэн им сказал: "Не переживайте. Это был приказ. Я за все отвечаю."

Что я вам скажу, ребята, война – это очень грязная, подлая вещь, она поднимает из глубин человеческих душ всю самую черную злобу... Давайте жить в мире.

******

Судьбе было угодно, чтобы Чарльз Суини и его экипаж еще раз побывали в Нагасаки. Спустя месяц они привезли сюда врачей, физиков-атомщиков, доставили также партию медикаментов. Воспоминания одного из членов экипажа приводит в своей книге Уильм Крейг: «На следующее утро мы совершили прогулку по городу. Прошло чуть более месяца с того дня, как мы сбросили на город атомную бомбу, а некоторые тела все еще лежали на улицах. По обе стороны дороги виднелись многочисленные черепа.

В нишах, которые использовались жителями как укрытия, скопились кучи скелетов. Отвратительная вонь затрудняла дыхание…

Здание медицинского центра все еще стояло, но было полностью выжжено. Мы прошли через палаты. На кроватях лежали обуглившиеся скелеты вместо пациентов. Они пролежали здесь больше месяца. Безглазые черепа пялились в черный потолок. На столе одной из операционных лежали черные останки пациента, которого должны были оперировать в тот момент, когда мы сбросили бомбу. Тут же, в комнате на полу валялись почерневшие обуглившиеся тела докторов и ассистентов, замершие в позах, в которых они встретили свою смерть…

На улицах мы встречали людей с жуткими увечьями и ожогами, умирающими от страшной болезни, поселившейся у них в крови. Они безразлично, с обреченным взглядом сидели и спали под навесами прямо на улицах, дожидаясь своего конца. Они смотрели на нас и не замечали, не узнавали. И, наверное, это к лучшему, что они не узнали нас…» ***(А. Гороховский. Факты)***

******

Слава потянул Давида за рукав, но тот не собирался уходить, он твердо решил выполнить задуманное.

– Мистер Лебер, у нас к вам огромная просьба.

– Если это будет в моих силах, обещаю выполнить ее, – дипломатично пообещал Лебер.

– Мой друг, Слава Семенов, очень хочет побывать в Америке, познакомиться с вашей педагогической психологией.

– О, замечательно, мне весьма понравился доклад мистера Семенова, особенно желание поработать над национальной, расовой, межэтнической проблемой. Для нашей страны эта проблема тоже весьма актуальна. А чем я могу быть полезен, что от меня требуется?

– Совсем немного. Смогли бы Вы организовать приглашение от вашей кафедры для мистера Семенова? И пошлите это приглашение профессору И.О. Стефанскому. Слава смог бы повторить свой доклад и поработать в вашей университетской библиотеке.

– У меня в Бостоне живет друг, он преподает в Технологическом Институте, – вставил Слава.

– Как его имя? Может быть, я его знаю?

– Его зовут Ефим Голдшрайбер, работает на кафедре Физики.

– Не-е-ет, – с сожалением потянул Лебер, – я все больше с гуманитариями знаком.

– Так я буду жить у него. Мне не нужна гостиница и ...

Давид постарался как можно незаметнее пихнуть Славу в бок.

– Нужны официальное приглашение и билет на самолет, как минимум.

– Это несложно,– для не очень трезвого Лебера не ускользнуло замечание Давида. Как хороший психолог, он оценил заботу о друге, понял скромный достаток Славы. Ему импонировали эти молодые люди.

– Давайте ваши данные. Когда и на сколько вы хотите приглашение. Могу на полгода.

– Нет, нет, большое спасибо, мне бы дней на 10.

– На две недели, – опять вмешался Давид, – или даже на три.

– Первого сентября у нас начинается новый учебный год, и я должен быть дома хотя бы 25 августа.

– О'Кей, готовьте доклад и чемодан. Рад, что смогу выполнить вашу просьбу, – сказал мистер Лебер, запихивая в карман бумажку с данными Славы.

Друзья проводили пошатывающегося американца в номер, пожелали ему всех благ, легкого перелета и счастливого приземления. (После 11 сентября это стало постоянным ритуальным пожеланием.) При этом они молили Судьбу или Провидение, чтобы Лебер не потерял заветную бумажку, чтобы не забыл свое обещание после отрезвления...

Глава семьдесят пятая

17 июня – сразу две исследовательские группы независимо друг от друга впервые осуществили квантовую телепортацию атомов.

26 июля – теракт в Воронеже.

Что поразительно – тот высочайший уровень науки, достигнутый человечеством – уму непостижимо ! – "квантовая телепортация атомов" – фантасты стыдливо поскребывают в затылке. И тут же вооружённое нападение, теракт. Как это принять, осмыслить, объяснить?..

******

2 августа Слава вылетел в Нью-Йорк. В аэропорту его встречала Валентина – мамина подруга со своим американским мужем. Приятный мужчина с седым коротким ёжиком крепко по-деловому пожал Славе руку. Жили они в собственном домике на Лонг-Айленде (пригород Нью-Йорка). Валентина никак не могла наговориться, расспрашивала про маму. Больше всего скучала по русской речи. Иногда приезжала на Брайтон,

чтобы хоть с кем-то в магазине или на улице поговорить. Слава передал подарок – связанные мамой берет и длинный шарф – Валентина была в восторге. Она тыкала этим беретом чуть ли в нос своему мужу, (который умудрялся при этом сохранять невозмутимость), мол, посмотри, посмотри, какая моя подруга рукодельница! Они предложили Славе остановиться у них на несколько дней, чтобы посмотреть "столицу мира", но он торопился в Бостон, торопился увидеть Фиму, обещал задержаться на обратном пути.

Радостная встреча! Слов не хватает… Тетя Соня приготовила праздничный обед. Пацанчики по очереди залезали на стул и с выражением читали, как дама сдавала багаж и о рассеянном ленинградце. Это было так по-старомодному трогательно... Подарки от мамы – связанные ею шесть красивых полосатых жилеток для всех членов семьи – очень понравились. Слава привез фото с могилы Фиминого папы, которую он посещал раз в полгода... Привез фотографии Н-ска, школы, Симы Петровны и других учителей на последнем выпускном вечере, на котором было всего несколько человек из их класса – остальные разъехались... Тетя Соня внимательно разглядывала школьные фотографии.

– А что, Леночка не приходит на вечер?

– Нет, – тихо и грустно сказал Слава, – я слышал, что она замужем и у нее ребенок.

И снова он вспомнил тот чудесный вечер, как Леночка шла по коридору, как счастливо смеялась, когда Амбарцум не разрешал другим ребятам танцевать с ней, как провожал ее домой...

******

Выходят замуж сверстницы мои,
Спешат в последний раз к ночным подъездам.
Уходят... Их напрасно не моли,
Не приставай, пожалуйста, к невестам.
Кто мы для них? Мальчишки, сопляки,
Деньжат не накопившие пророки...
Закутавшись в цветастые платки,
Стоят девчонки наши на пороге.
Потом бредут, спокойны и чисты,
Со смутной грустью, павшей вдруг на веки.
И это значит – сожжены мосты
Меж юностью и зрелостью навеки.
…Запутавшись в заботах и долгах,
*Мы видим на**з**ло мелочным обидам,*
Что дело было вовсе не в деньгах –
А в чем-то сокровенном и сокрытом.
Нет, здесь причина не в камнях цветных,
Не в гаражах, где спят автомобили...
Мы просто не сумели стать для них
Чуть-чуть нужнее, чем всегда мы были.
Чуть-чуть нежнее...
Взглядом не мани,
Не нужно ночью на окно коситься.
Выходят замуж сверстницы мои,
Смахнув жестоко школьные косицы.

(Александр Халдеев)

******

– А я слышала, что она развелась, – сказала тетя Соня и задумчиво вышла из комнаты. Слава знал, что Леночка была дружна с Софьей Иосифовой в годы своей учебы в техникуме. "Что-то она задумала"– мелькнула у Славы мысль, но долго не задержалась, наверное от усталости.

– Дурак ты, Славка, такую девочку упустил, – Фима разглядывал виньетку, – ты ей так нравился!

– Как нравился?

–"Как нравился?" – передразнил Фима, – как обычно нравятся? Особенно после того случая, когда ты с Юркой за дверью поговорил. Кстати, что ты тогда ему сказал?

– А я думал, что она симпатизирует Амбарцумчику, так немножко, как бы по- дружески...

– Да... Лопух ты полный, весь класс знал, а ты не видел.

– Почему ты мне тогда не сказал?!

– Во дает! (Оба улыбнулись, вспомнив "Во дает" – Олега, его безобидные шутки и фокусы, которые он показывал на вечере.) Как я мог тебе сказать? Как я мог догадаться, что не знаешь, того, что всем видно?

Тут тетя Соня позвала Фиму помочь постелить гостю в кабинете. Эстер пошла укладывать детишек. И хотя безумно хотелось спать, но друзья остались сидеть на кухне за полночь.

Три недели! Целых три недели полного счастья! Как раз перед приездом Славы Фима нашел новую, давно желанную работу в Сан-Франциско. Он два раза летал туда на интервью. Переезд был запланирован на 20-22 августа.

После окончания колледжа и получения диплома педагога, Эстер не смогла начать работу в школе – родила подряд двух сыновей. Решила открыть частный детский сад и продленку (коллега Славы). Садик располагался в полуподвальном помещении собственного дома, за домом – большой зеленый двор. Детки обучались школьным предметам, музыке, пению и русскому языку, высаживали и поливали цветы в садике, ухаживали за своим мини-зоопарком, состоящим из двух щенят, двух котят, двух канареек и аквариума с рыбками. Теперь Эстер сворачивала свой бизнес. Садик закрывался, к великому огорчению родителей. Эстер давала последние рекомендации родителям, готовила прощальный вечер и выступление детей. Софья Иосифовна и Марк Семенович перебирали вещи, кое-что сдавали в Армию Спасения.

Утром друзья распланировали каждый день Славиного знакомства с Америкой. Выделили дни для общения с мистером Лебером и его коллегами. Слава прочитал две лекции. Фима с удовольствием исполнил роль переводчика и сам остался в восторге от лекции. “Какой же ты, Славка, умница.”

Первым делом Фима показал другу красавец-город Бостон. Музеи, исторические места, которыми так гордятся горожане.

– 5 марта 1770 г. британские солдаты открыли огонь по толпе протестующих. Это событие усилило ненависть колонистов к Британии. В этом году 5 марта мы были на месте "Бостонской резни". Здесь каждый год проводятся инсценировки этого исторического события. Детям было интересно.

– 16 декабря 1773г. в Бостоне произошло знаменитое "Бостонское чаепитие" – Мы проходили в школе...

– В 1872 году в Бостоне был "Великий Бостонский пожар". Интересно, что здание Олд Саут Митинг Хаус, в котором происходили события "Бостонского чаепития", горожане спасли от огня с помощью мокрых одеял и паровой пожарной машины. Представляешь, пожар на весь город, а люди тащат мокрые одеяла, чтобы спасти историческую реликвию...

– 15 января 1919 года в Бостоне произошла техногенная катастрофа. На крупном заводе внезапно разрушился огромный (двадцать семь метров в диаметре и пятнадцать в высоту) резервуар с пато-кой. Липкая волна сладкой тягучей жидкости высотой более четырех метров хлынула на городские районы. Двадцать один человек погиб и около ста пятидесяти были ранены. Было разрушено несколько домов, перевернут поезд. Пострадавшим помогали курсанты Массачусетского мореходного училища, полиция Бостона, работники Красного Креста. До сих пор жители Бостона говорят, что в жаркие летние дни город пахнет патокой.

– В 1927 году, после семилетнего судебного разбирательства, в Бостоне были казнены на электрическом стуле участники рабочего движения анархисты Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти. Через пятьдесят лет после их казни, в 1977 году, губернатор штата Массачусетс Майкл Дукакис заявил, что Сакко и Ванцетти были осуждены несправедливо, и их имена должны быть очищены от позора.

Да... Справедливость – дама неторопливая...

Потом немного проехались по округе. Беркширы – цепь очень красивых лесистых холмов, среди которых низвергается изумительный водопад Баш Биш, самый большой в штате Масссачусетс (18 метров). Побывали в Национальном парке Кейп-Код. И в Плимуте, у причала с легендарным, почти мифическим судном Mayflower II – копией того самого, первого "Мейфлауэра" с пилигримами из Англии.

– Тебе будет интересно узнать, что часть денег на эту копию собирали школьники по всей Америке – расскажешь дома о вовлечении подростков в общественную жизнь.

Затем съездили на Ниагару, ну как же быть в Америке и не увидеть Ниагарский водопад!

******

*11 августа –британская организация HFEA разрешила английским учёным **клонировать человеческие эмбрионы** для медицинских исследований. Первыми в стране начали клонирование специалисты из университета Ньюкасла.*

******

Долго дома за вечерним чаем, уложив детей спать, обсуждали эту великую судьбоносную в развитии человечества новость (которую мало кто заметил, а кто заметил – не придал значения). Куда стремится человеческий прогресс? В каком направлении? В правильном или нет? А где это правильное направление, кто укажет? Где камень на развилке: направо пойдешь – коня потеряешь, налево – себя погубишь...

Вспомните себя ребенком, если только у вас было счастливое детство (без войны, издевательств, голода) с любящими мамой и папой, с теплым общением, с путешествиями к морю и в горы, с задушевными разговорами, мудрыми наставниками. Хотели бы вы вернуться туда? Да, конечно! Но несмотря на это счастливое детство, ребенок стремится скорее вырасти. Стать взрослым, мучиться, страдать, искать, быть ответственным за детей и за весь мир. Не понимает, глупый, как тяжело быть взрослым.

И вот человечество тоже хочет взрослеть, взрослеть... приближаться ко все более высокому развитию техническому, биологическому. А к духовному?..

А ты уверен что возврат к детству человечества – это хорошо? Ты приводишь пример счастливого детства, а скажи, когда, в какие годы, в какие времена был у человечества хоть один век, нет, даже полвека спокойной жизни без войн, эпидемий, наводнений, неурожая и так далее. Когда жили люди спокойно? Разве только где-нибудь в затерянных джунглях Новой Гвинеи. Вернуться в прошлое, к детству человечества?..
К первобытному общинному существованию? Прогресс не остановить. А в чьи руки попадет этот прогресс? Создадут путем клонирования людей без мозгов и бесплатных рабов...

Помнишь, как мы зачитывались романом "Люди или животные"?

– Конечно, – обрадовался Слава, – если бы ты знал, какие интересные диспуты проходят в нашей воскресной школе. Эту книгу я ввел у нас как обязательную. Все ребята читают и пишут сочинения не на определенно заданную тему, а о том, что их зацепило в этой книге, о любом повороте сюжета, о любой мысли, о любом герое. Этот роман интересен и тем, кто любит приключенческую литературу, и детектив, и художественную литературу, и судебно-юридическую и философскую. Никого не оставляет равнодушным, заставляет размышлять, дискутировать, иметь свое мнение, отстаивать его. Знаешь, многие ребята после этой книги и наших диспутов захотели поступать на юрфак – стать судьями.

******

В двадцать девятой главе был упомянут писатель Жан Марсель Брюллер (Псевдоним «Веркор»), который в оккупированной Франции написал посвященную погибшему поэту Сен-Поль-Ру повесть «Молчание моря», повесть «Шествие со звездой» и другие произведения. После войны Брюллер стал членом Национального и Всемирного советов мира. В 1952 году Брюллер был избран на пост председателя Национального комитета писателей Франции, в этом же году вышел из печати его роман "Люди или животные". (В 1956 г., возмущенный подавлением восстания в Венгрии, он подал в отставку и объявил о своем отказе от общественной деятельности, хотя в дальнейшем все же выступал с критикой войн в Алжире и Вьетнаме.)

******

Роман "Люди или животные" начинается с убийства: главный герой, журналист Дуглас Темплмор убивает своего новорожденного сына и передает себя в руки правосудия. Сын его получен путем искусственного осеменения от самки тропи, нового вида существ, открытых на Новой Гвинее и совмещающих признаки обезьяны и человека. Положение тропи интересовало лишь одного ученого из экспедиции, который мучился тем, можно ли их крестить или нет. Светские ученые (атеисты) к этому относились с усмешкой. Но вскоре оказалось, что австралийские промышленники вздумали использовать тропи как скот – замену рабочих ткацких фабрик. Этот проект возмутил участников экспедиции, успевших полюбить тропи, и после долгих споров Темплмор решил выяснить, во-первых, возможность скрещивания тропи с человеком (это оказалось удачным), а во-вторых, заставить мировое сообщество отнести тропи к человечеству. Ему удалось зарегистрировать сына и окрестить как человека, а потом он впрыскивает стрихнин и убивает ребенка. (Как это согласуется с постулатом Достоевского о соотношении великой цели и одной слезинки ребенка?-А.Н.)

Первым делом суд должен дать определение, что такое Человек. На суд вызывают экспертов, но они с азартом защищают прямо противоположные взгляды. Описание самого суда, присяжных, экспертов и их выступлений захватывающе интересны. Признание тропи человеком, означает обвинение Темплмора в преднамеренном убийстве и … его ждет смертная казнь. А оправдание его – признание тропи животными, и они оказываются не защищенными от эксплуатации.

Присяжные признают себя некомпетентными. Обсуждение вопроса о том, что такое человек, переходит в парламент, который дает определение, связанное с религиозным чувством и наличием ритуалов. Большинство газет не согласны с решением парламента. Разумеется, как полагается порядочному французскому роману, в нём имеется и любовь.

******

13 августа вся семья смотрела по телевизору летние Олимпийские игры в Афинах, а на следующий день ребята выехали в Вашингтон на два-три дня. Во-первых, надо показать Славе всю красоту столицы, а во-вторых, на понедельник 16-го у Фимы была давно запланированная встреча с патентоведом в библиотеке Конгресса. Полтора дня Фима водил друга по главным туристичес-ким изюминкам Вашингтона.

В понедельник, в 9 часов утра они уже стояли около старинного, красивого, несколько помпезного здания Главной Американской библиотеки. Фонтан Нептуна, установленный перед центральным входом, напоминает римский фонтан де Треви.

Ребята фотографировали его и друг друга на фоне библиотеки и фонтана.

Библиотека Конгресса

Глава семьдесят шестая

И тут на страницы повествования ... вылезаю я. Да, я, Анна Немеровская, собственной персоной, вылезаю из машины, которая остановилась около фонтана.

В пригороде Вашингтона живет моя подруга и бывшая сотрудница. Изредка приезжаю к ней на конец недели. Как-то была весной посмотреть красивейшее зрелище "Цветение сакуры", то на какую-то знаменитую выставку в Смитсониевском музее. В этот раз я приехала на три с половиной дня (Специально для этой цели взяла два дня отпуска на работе).

В субботу, после обеда мы прогулялись по старомодному, очень милому в типично американском стиле городку Александрия, по набережной реки Потомак, посмотрели на старинные особняки, Александрийскую пристань, арт-галереи, антикварные магазины, дом, где родился генерал Роберт Ли, центр искусств в бывшей торпедной фабрике, на трёх этажах которого располагается выставочный зал и мастерские художников.

В воскресенье – сам Вашингтон, заполненный туристами, как всегда солидный и торжественный.

А в понедельник у меня было запланировано посещение библиотеки Конгресса.

Незадолго до этого я закончила свою пьесу "Шекспир ставит Гамлета". Зарегистрировала ее в библиотеке Конгресса через интернет, получила положенный по правилам соответствующий сертификат, и все было прекрасно. То есть не совсем прекрасно: пьесу никто не читал, никто о ней не ведал, а, так как я не обладаю пробивными способностями и не имею никаких знакомых в области тетра или кино, кому можно было бы ее показать, то пьеса должна была спокойно лежать похороненной в бездонном архиве библиотеки.

Но мысль о пьесе не давала мне покоя и, решив улучшить её (нет предела совершенству...), я внесла заметные изменения. Теперь возник вопрос, надо ли внести изменения в вариант, хранящийся в архиве или регистрировать новую версию. Вот с этим вопросом и с двумя дисками (с двумя вариантами пьесы) я решила приехать и выяснить лично.

Понедельник. Рабочий день. Подруга подвезла меня к знаменитому фонтану.

– Я подъеду за тобой сюда же в 5 часов, – сказала подруга, – если что – звони, – махнула мне рукой и укатила на работу.

Молодые люди смотрели на меня с любопытством – они слышали русскую речь.

– Простите, пожалуйста, вы говорите по-русски?

– Да. Если вас это удивляет, то приезжайте к нам на Брайтон...

– Можно вас попросить – сфотографируйте нас вместе. Вот на эту кнопочку надо нажать.

И так, слово за слово, мы разговорились и познакомились, медленно поднимаясь по широкой каменной лестнице, а потом проходя контроль при входе, как в самолете. Нетрудно догадаться о чем могут говорить соотечественники. "Откуда вы приехали?" "А вы?" "Сколько лет вы в Америке?" и так далее.

– Скажите, пожалуйста, вы надолго в библиотеку? То есть вы приехали сюда из Бруклина, значит у вас тут какое-то дело? – Фима говорил смущаясь. – Как вы думаете, когда вы освободитесь? Не удивляйтесь, пожалуйста, моему вопросу. Я объясню.

– Это не секрет, – я рассказала им о моем "деле", – собственно, мне надо задать один вопрос, получить на него квалифицированный ответ. Думаю, что получаса хватит. Если вдруг представитель библиотеки предложит мне зарегистрировать тут же новый вариант пьесы и примет у меня новый диск, то это будет еще полчаса. А в чем дело? Я чувствую, что вас что-то беспокоит. Говорите, не стесняйтесь.

– Дело в том, что у меня очень важная встреча, запланированная еще месяц назад. Я не могу ее пропустить или перенести. Не знаю, сколько она продлится, думаю, не меньше 3-4х часов, а может, и больше. Я боюсь отпускать Славу одного гулять по городу. Хоть он и хорохорится, но у меня будет душа не на месте. Не могли бы вы взять его под свою опеку до 5-ти часов, пока пока за вами не приедут?

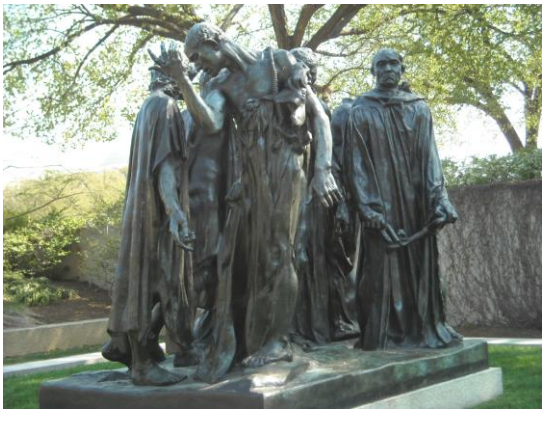
– С огромным удовольствием. Мне тоже одной было бы скучно, а так у меня будет такой очаровательный кавалер.

На всякий случай я оставила Фиме номер моего мобильного телефона.

Надо объяснить, что я дама глубоко пожилого возраста, но, в отличие от многих стариков, никогда не ругаю современную молодежь. Я ее искренне люблю и восхищаюсь. Посмотрите, какие они умные, талантливые. Да, не все, согласна. Как в обществе идет расслоение на бедных и богатых и это расслоение, к сожалению, углубляется, так и у молодежи в смысле интеллекта идет расслоение на более образованных и неучей, возникает огромная пропасть. Уровень науки поднимается на недосягаемую высоту, кто как не молодежь двигает ее. Задача общества дать молодежи хорошее образование. Всем – для равного старта, для равных возможностей.

Ну, вот выступила, как на трибуне, самой смешно, все это понимают, но, увы, пропасть углубляется...

Слава мне был очень симпатичен. После того, как я освободилась, мы пошли гулять по Молу, посетили картинную галлерею, постояли перед "Тайной Вечерей" безумного Сальвадора Дали. Посидели в садике с современными скульптурами. На противоположной стороне Мола под открытым небом есть площадка, расположенная ниже уровня дороги. Там много интересных скульптур, в числе которых "Граждане Кале" великого Родена.



История известна. В 1346 году английский король Эдуард III осадил французскую крепость Кале. Осада продолжалась почти год. Наконец, когда голод принудил горожан сдаться, Эдуард III потребовал, чтобы вышли шесть наиболее знатных граждан, нагими, с повязанными вокруг шеи верёвками и вынесли ему ключи от города. Тогда король обещал казнить только их, а жителей города пощадить.

На центральной площади собрались худые, изможденные люди и выслушали условия врага. Первым вызвался отдать свою жизнь ради спасения города один из главных богачей, Юсташ де Сен-Пьер. За ним второй, третий...

Они выполнили все условия, отдали Эдуарду ключи от города и приготовились к смерти. Но королева, будучи в это время беременной, вымолила для них прощение во имя своего будущего ребёнка.

******

Мы обходили эту группу горожан, которых Роден изобразил в рубищах, с веревками на шее, и разговор перешел на более позднее время.

Франко-прусская война (1870-1871) – между империей Наполеона III и Пруссией закончилась поражением Франции. Муниципалитет Кале решил напомнить гражданам о героической жертвенности сограждан и поднять их дух, установив монумент в честь великих земляков.

(Непонятно, как можно поднять дух народа после поражения в недавней войне путем напоминания о прошлой унизительной сдаче города... Было интересно, что думает об этом психолог. Эту тему мы долго обсуждали и пришли к заключению, что все-таки у разных народов разная ментальность.)

******

Мэр Кале организовал сбор средств на памятник и заказал Родену изобразить фигуру Юсташа де Сен-Пьера. Но Роден (за те же деньги) изобразил всех шестерых, кроме того он настаивал, чтобы фигуры находились без постамента, посередине площади, как бы приближая эти шесть фигур к идущим по своим делам горожанам. Однако по настоянию городских властей памятник был установлен на традиционном пьедестале и с оградой. Когда началась Первая мировая война, композицию спрятали, и потом, следуя желанию скульптора, поставили ее на низком постаменте на площади перед старой ратушей, где она находится и сейчас. Роден отлил еще один экземпляр памятника для себя и установил его во дворе своей парижской мастерской. Сейчас там Музей Родена.

*Еще один авторский экземпляр был заказан английским правительством. Для англичан этот памятник напоминал об **их** победе и **их** гуманности.*

******

Мы со Славой замечательно провели время. Слава с гордостью рассказывал мне о своей школе, о том как он активно сотрудничает с московской психотерапевтической Академией (что на Волоколамском шоссе), которая представляет практическую психолого-педагогическую и психотерапевтическую помощь детям дошкольного возраста и их семьям. Разрабатывает методики, развивающие интеллект. В его школе врачи, педагоги и психологи работают с детьми, начиная с дошколят до выпускного класса школы. А после окончания школы, многие ребята приходят волонтерами помогать.

Еще он рассказал о своей мечте – поехать на пару месяцев в Ауровиль, ведь там такая интересная педагогическая практика. Главная цель образовательных программ в Ауровиле – дать ребенку возможность расти и развиваться целостно, не теряя связи со своей душой. Мечта не несбыточная, а вполне реальная.

******

Индийский «город Рассвета» – Ауровиль был заложен 28 февраля 1968 года на юге Индии.

Представители 124 стран мира положили в расположенную в центре будущего города мраморную урну по горсти родной земли, символизируя единство человечества. Цель Ауровиля – создание «всемирного города, в котором люди из всех стран будут иметь возможность жить в мире и гармонии, выше всех верований, выше всякой политики и вне национальных различий». Это социальный эксперимент под эгидой ЮНЕСКО и Индийского правительства. Образование, здравоохранение, спорт, посещение концертов и многие услуги для ауровильцев бесплатны и финансируются из Центрального Фонда, формирующего базис коллективной экономики. Конечная цель – исключение денежного обращения.

Самым известным россиянином являлся Дмитрий фон Мореншильд, историк и выходец из России, корнями из обрусевших немцев. Он выделил значительные средства на строительство русского павильона в Ауровиле и поддержание первых жителей русской общины, что явилось существенной помощью, ибо материальное положение наших соотечественников там было непростым.

(По материалам Людмилы Синицыной. Современники будущего)

******

Около 5-ти часов появился Фима, через некоторое время – моя подруга. Мы примерно часок посидели в кафешке (наверное, посетители кафе удивлялись, глядя на нас, как две почтенные дамы активно беседуют с молодыми людьми), расстались весьма довольные друг другом, обменялись адресами.

19 августа уехал в Калифорнию трак с вещами Фиминой семьи, а 20-го друзья распрощались, посадили Славу в автобус на Нью-Йорк, а сами улетели на Тихоокеанское побережье, где Фиму ждала новая интересная работа.

– В прошлом, 2003 году, в Сан-Франциском университете открылся новый огромный кампус, где ведутся исследования в сфере биотехнологии и науки о сознании и поведении. Вот бы тебе там поработать...

– Нет, я никуда из России не уеду... Это моя страна, и я должен быть там, я не могу предать моих дедов и дело отца...

******

Я – соль чьих-то слез,
просиявших не в этом столетьи,
Я – радость и свет
расцветающей, созданной Б-гом Земли.
Я – черный рубец
от слепой рассекающей плети,
Я – парус когда-то кому-то
белевший вдали.

Я – песня,
которая в мире порока не спета,
Я – пыль под ногами провидца,
который воскрес.
Я – просто судьба,
нареченная словом поэта,
И создан поющей строкой
мой пожизненный крест.

(Лидия Романова)

******

Фима не настаивал, он понял друга, хотя ему было очень грустно. Перед отъездом, Софья Иосифовна попросила Славу передать сумку с детскими вещами своей знакомой в Н-ске. На сумке была прикреплена картоночка с четким адресом: “Е. Кравченко. Ул. Короленко, дом 7, кв 12”

В Нью-Йорке Слава провел у тети Валентины три дня, посмотрел "столицу Мира".

24 августа, в день, когда Слава летел домой, практически одновременно, в России произошли катастрофы двух пассажирских самолётов. На обоих теракты совершили женщины-смертницы.

Ту-154Б2 авиакомпании «Сибирь», летел из аэропорта Домодедово (Москва) в Сочи (погиб 51 человек).

Ту-134А авиакомпании «Волга-Авиаэкспресс», тоже из Домодедово в Волгоград (погибло 42 человека).

Что же это такое творится на свете?!

Глава семьдесят седьмая

Отдохнув несколько дней, Слава отправился выполнять поручение Софьи Иосифовны.

К подъезду он подошел одновременно с пацанчиком лет пяти.

– Скажите, пожалуйста, молодой человек (любимое обращение к детям), где будет квартира номер 12.?

– А кто вам нужен? – серьезно и по-деловому спросил малыш.

– Мне нужен, – Слава заглянул в картоночку прикрепленную к сумке, – Е. Кравченко, или, наверно, нужна.

– Идемте.

И с важным видом потопал по лестнице. Перед квартирой с нужным номером он объявил:

– Это мы, Кравченки.

Открыл незапертую дверь и крикнул в глубину комнаты:

– Мам, это я пришел.

– Хорошо, сынок, я сейчас выйду, – раздался голос, приглушенный шумом льющейся воды – ясное дело, мама в душе.

– Раздевайтесь.

Пацан с любопытством смотрел на Славу, к нему еще никто никогда не обращался "молодой человек".

Слава разделся, оставил сумку в прихожей и вошел в гостиную. Скромно, чисто. Один угол комнаты занимал небольшой ковер, на котором лежали игрушки, конструкторы и маленькая железная дорога.

– Ух, ты, – восхитился Слава, – я так любил железную дорогу, когда был маленьким. Помню, какой это был счастливый день, когда мои дедушки подарили мне железную дорогу. А можно мне собрать рельсы?

– Конечно, – обрадовался мальчик.

– Может быть, мы сначала познакомимся? Меня зовут Слава.

– И меня зовут Слава. – Круглые глазенки округлились еще больше.

– Вот это здорово. Слава-большой и Слава-маленький.

Лежа на ковре, они увлеклись игрой. Строили из конструктора башни вокруг "станций" железной дороги, возводили из кубиков туннели, через которые проходил поезд.

Шум воды стих. Слава подумал, что сейчас сюда войдет мама мальчика и надо бы прекратить игру или хотя бы встать с ковра, но туннель грозил обвалиться и его следовало срочно укрепить...

– Славочка, ты с кем там? – прозвучал нежный женский очень-очень знакомый голос и вместе с голосом в проеме двери появилась, запахивая халатик, с чалмой из полотенца на голове... Леночка.

– Ой! Слава!

– Лена!

Несколько секунд изумленного молчания. Леночка опомнилась первой.

– Я сейчас, одну минуточку. – Она выбежала переодеться.

– Вы знаете мою маму? – спросил проницательный Слава-маленький.

– Да, мы вместе учились в школе.

Слава вспомнил, как тетя Соня сказала как-то медленно и задумчиво: "А я слышала, что она развелась". Он знал, что Леночка была дружна с Софьей Иосифовной в годы своей учебы в техникуме, но не знал, что они переписывались. Когда тетя Соня позвала Фиму помочь постелить гостю в кабинете, Слава немного удивился, что же она без Фимы не справится? В подсознании что-то шевельнулось, но, с одной стороны, безумно хотелось спать, с другой – друзья не могли наговориться в этот первый день приезда, не было возможности проанализировать. Теперь он понял всю хитрость тети Сони, попросившей его отнести передачу неизвестной Е.Кравченко (новую фамилию Леночки он не знал). Ах, тетя Соня, тетя Соня, какая же Вы умница!

За стеной жужжал фен – Леночка сушила волосы. А Слава улетел в страну воспоминаний. Слава-маленький не понимал, почему его новый замечательный друг и тезка замолчал и не отвечает на его вопросы, он даже взял своими маленькими ручками голову Славы-большого и повернул к себе. Слава очнулся и вернулся в квартиру N12 по улице Короленко 7.

Они сидели, обедали, разговаривали, вспоминали школу... Слава рассказывал о своем посещении Америки, о Фиме и его семье, о Софье Иосифовне. О Нью-Йорке. Но при этом с их лиц не сходила блаженная улыбка. Боюсь скатиться в сусально-сентиментальный тон женского романа, но ничего не поделаешь – все было так нежно, возвышенно, трепетно, романтично.

После обеда Слава-большой сел на диван, а Слава-маленький немедленно залез к нему на колени и прижался всем телом, игнорируя призывы мамы отправляться спать.

Через некоторое время Славе показалось, что малыш задремал, и он захотел отнести его в кроватку. Ребенок еще сильнее прижался к Славе, и он почувствовал его жаркое тельце. Температура. Вспотел, бегая во дворе, простыл, а может, перевозбудился... Леночка положила ему на лоб салфетку, смоченную разведенным уксусом, потом протирала его ручки и ножки, по очереди высвобождая от одежды. Слава-маленький терпел все лишь бы оставаться на руках его нового большого друга. Он только немного морщил нос от уксусного запаха.

– Ты так вкусно пахнешь. – пошутил Слава, – тебя надо полить маслом и съесть с селедкой и картошкой.

Слава-маленький блаженно улыбался. Слава понял, как малышу не хватает папы.

– Он часто видится с отцом?

Леночка усмехнулась:

– Раз в год на день рождения... иногда.

Постепенно температура спала. Ребенок оставался на руках Славы. Время перевалило за полночь. Свет не зажигали, полная луна давала достаточно света.

******

Свет луны-ночника серебрит абажур небосвода,
звёздно-синий на купол небрежно наброшен халат,
три полоски штриха облачков не испортят погоду,
может, выглядя глупо – ловлю в темноте звездопад...
Может, щедрая ночь раздаёт счастье с лунного блюда,
а гирляндами звёзд ночь развесит попутно огни,
и сумеет помочь совершить необычное чудо:
вспыхнет радугой вход, запоздалой, но светлой любви...

(Сергей Преображенский)

******

Они сидели на диване и тихо разговаривали. Им так много нужно было рассказать друг другу...

– Скажи, а ты не хотел остаться в Америке? Ты бы там мог устроиться, и Фима бы помог.

– Нет, никогда я не уеду из России. Знаешь, я терпеть не могу громких фраз о национальной гордости, патриотизме. Просто я хочу воспитать правильных людей, образованных, не пьющих, умных и интеллигентных граждан России, чтобы можно было гордиться и ими, и страной. Я добьюсь этого, увидишь.

– А ты ходил вечером по улицам нашего города? Сколько пьяных, дебильных, уродливых лиц... Как страшно... Куда мы катимся, куда катится наша страна, наш народ?

******

Сажусь напротив спящей семьи. Между отцом и матерью кое-как примостился малыш. Но вот он поворачивается во сне, и при свете ночника я вижу его лицо. Какое лицо! От этих двоих родился на свет чудесный золотой плод. Эти бесформенные тяжелые кули породили чудо изящества и обаяния. Я смотрел на гладкий лоб, на пухлые нежные губы и думал: вот лицо музыканта, вот маленький Моцарт, он весь – обещание! Он совсем как маленький принц из сказки, ему бы расти, согретому неусыпной разумной заботой, и он бы оправдал самые смелые надежды! Когда в саду, после долгих поисков, выведут наконец новую розу, все садовники приходят в волнение. Розу отделяют от других, о ней неусыпно заботятся, холят ее и лелеют. Но люди растут без садовника. Маленький Моцарт, как и все, попадет под тот же чудовищный пресс. И станет наслаждаться гнусной музыкой низкопробных кабаков. Моцарт обречен.

Я вернулся в свой вагон. Я говорил себе: эти люди не страдают от своей судьбы. И не сострадание меня мучит. Не в том дело, чтобы проливать слезы над вечно незаживающей язвой. Те, кто ею поражен, ее не чувствуют. Язва поразила не отдельного человека, она разъедает человечество. И не верю я в жалость. ***Меня мучит забота садовника****. Меня мучит не вид нищеты, – в конце концов люди свыкаются с нищетой, как свыкаются с бездельем. На Востоке многие поколения живут в грязи и отнюдь не чувствуют себя несчастными. Того, что меня мучит, не излечить бесплатным супом для бедняков. Мучительно не уродство этой бесформенной, измятой человеческой глины. Но в каждом из этих людей, быть может, убит Моцарт.*

Один лишь Дух, коснувшись глины, творит из нее Человека. ***(Антуан де Сент-Экзюпери)***

******

– Смотри, я работаю с детьми уже 10 лет, сколько детей выросли достойными людьми – не хвастаясь скажу, много. Из них немало тоже решили быть педагогами, и они, в свою очередь, вырастят порядочных людей. Это прогрессия, если не геометрическая, но тоже неплохая... А ведь я не один такой энтузиаст. Надо работать, и мы вернем России честь и славу. Будем ездить в гости к Амбарцумчику в Париж и к Фиме в Сан-Франциско и радостно возвращаться домой, на Родину... Будет прекрасная страна...

Леночка была настроена не столь оптимистически. Она подумала: "Жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе", но решила не показывать свой пессимизм. Ведь Слава общался с нежными юными душами. А она – с миром взрослых черствых людей, понюхавших запах молодого капитализма.... Но не выдержала:

– А мы доживем?

– Обязательно! Без сомнений, вот увидишь... – И он повторил, сам того не зная, мысль Николая Петровича, которую тот высказал в далеком 1925 году Владимиру Игнатьевичу – директору главпочтамта: – **“**Времена сейчас смутные, тяжелые. Все с горечью говорят, куда мы катимся, что с Россией будет, общество деградирует, нравы падают... Все это так. Но я смотрю на этих ребят – какие они чистые, искренние, справедливые... – и думаю, что, если есть у нас такая молодежь, Россия не пропадет.**”**

Леночка поделилась, что работа бухгалтера ей неинтересна, хотя и стала привычной за столько лет. Ее приглашают в частную фирму, но она опасается каких-то левых, незаконных дел. С другой стороны, там

зарплата значительно больше. А еще знакомая ее мамы зовет на работу в библиотеку, но там маленькая зарплата. Если бы она смогла совмещать обе работы – одна для души, другая – для заработка...

Славе было очень тепло то ли от тепла, разлитого в комнате, то ли от ребенка на руках, то ли исходящего от Леночки. Это было то самое, то самое чувство, всегда сидящее в сердце.

Как интересно, мы генетически получаем от родителей черты лица, цвет глаз и волос, привычки и жесты, черты характера, а иногда детали судьбы и жизненные ситуации.

Прадед Савелий был робок, повстречав Лидию, не был достаточно активен и, только благодаря другу Афанасию, состоялся их счастливый союз.

Дед Миша понял, что может потерять Леночку, что (спасибо старому главврачу) из-за ускоренного военного темпа жизни – решать надо сейчас и немедленно...

Папа Савелий, встретил Полинку, в 15 лет. Он был очень стеснителен и робок. Если бы не постоянная близость с Поленькой – их родители дружили и жили близко – решился бы он на нежное признание? Они росли вместе, любили друг друга и ни у них, ни у окружающих не было никаких сомнений по поводу будущего. Впрочем, Полинка была смелой и все равно взяла бы инициативу в свои руки.

Слава не должен был теперь упустить свой шанс (спасибо Софье Иосифовне!).

– Так, ты немедленно увольняешься с работы. Отработаешь положенные две недели. Насчет библиотеки, договорись, что начнешь работу с 1-го октября. А в конце сентября мы летим в Ленинград – мы приглашены на свадьбу моего друга. Славочку, если хочешь, возьмем с собой или оставим у моей мамы – она будет счастлива.

– А в качестве кого я поеду с тобой на свадьбу друга? – лицо Леночки засияло ярче луны.

– Естественно, в качестве законной жены. У меня нет другого выхода: что соседи скажут? У тебя молодой мужчина провел ночь, – Слава притянул к себе Леночку и нежно поцеловал ее в лоб. Так случайно получилось, с непривычки (как тогда маму в 10 классе, неуклюже между виском и ухом)

Собственно, на этом счастливом моменте я завершаю историю.

Happy end!

==========

К такому завершению романа относятся по разному. Женщины их любят, а критики – не очень. Но тут я ничего не могу изменить, да, представьте себе счастливые истории иногда случаются...

Хотя жизнь не дает возможности расслабиться и наслаждаться нежданным счастьем.

Мое повествование закончилось в последних числах августа 2004 года. Стояли замечательные золотые дни... Слава с Леночкой поехали 31 августа перед началом учебного года погулять в Москву. В этот день в Москве женщина-смертница привела в действие самодельное взрывное устройство у станции метро «Рижская». Погибли не менее 10 человек. Слава с Леной об этом не знали и спокойно ехали домой. Полина узнала об этом по радио. Побежала встречать их на вокзал, прижимая к груди ничего не понимающего Славочку-маленького.

А 1 сентября – боевики захватили здание школы в городе Беслан (Северная Осетия)....

Что творится в Мире? Боже, где Ты?

******

И только теперь, когда седина белоснежна,
И годы, как коды, насытила генная суть,
Поймешь, что судьба, та, что Свыше дана, – неизбежна,
И если есть Милость, то есть неизбежно и Суд. ***(Вильям Баткин)***

==========

Эпилог.

Песочные часы тихо отмеряют уходящее время... Песчинки, как годы, сыпятся в прошлое.

Прошло 10 лет. На нашей планете до сих пор неспокойно.

Но мои герои умудряются в этом мире жить дружно и счастливо.

Давид с Изой открыли частную фирму "Остров Любви" – консультацию по психологии семейных отношений. К ним приходят молодые пары – почему, женившись по любви, теперь, некоторое время спустя, мы спорим и ругаемся? Приходят одинокие – отчего чуть намечается сближение, тут же следует разрыв? Как отодвинуть слишком плотно вторгающихся в наши семейные отношения родных и близких?... Давид и Иза вместе с посетителями анализируют проблему, ищут причины и, как правило, находят. Они разработали ряд методик, с помощью которых удается укрепить семью, вернуть доверие и внимательное отношение друг к другу, учат людей говорить друг с другом и слышать не только себя, умеют ненавязчиво, без нотаций показать, как важно наладить хорошие отношения с тещей/свекровью, и что извиниться за проступок или

промах – не значит унизить себя или потерпеть поражение, а лишь свидетельствует о том, что вы высоко цените ваши отношения, что они дороже ваших личных амбиций...

У них только одна дочка. Иза не хочет обременять себя еще одним ребенком, поскольку собирается развивать свою деятельность на ниве психологии семейных отношений, а Давид не настаивает. Изредка Слава с Леной бывают у них в гостях.

Фима в Америке работает в очень серьезной фирме, которая не особо афишируется правительством.
У него появились еще двое детей. Коллеги и друзья изумляются – сейчас четверо детей в семье – редкость. Американцы-прагматики вычисляют, как дорого содержать детей, сколько стоят различные кружки, частные школы, колледж... А в семье Эстер укоризненно качают головой – у пятидесятников даже 6 детей – это маленькая семья.

Коля – сын Феди, Федора Николаевича, женился в Израиле на иранской еврейке, изумительной красавице. Потрясающая пара: он – белокожий, голубоглазый блондин, она – маленькая, смуглая, темноглазая, темноволосая. У них трое детей. Он владеет фирмой медицинского оборудования.

У Славы с Леночкой родились еще и общие дети – девочка и мальчик. Поменяли свою и мамину квартиры 2+2 на 3+1. Мама теперь живет рядом и, счастливая, возится с внуками. Слава-маленький (заметно выросший и совсем уже не маленький), усыновленный Славой-старшим, во всем ему подражает. Лена думает, что он тоже выберет нелегкую стезю педагога.

Вскоре завершится строительство большого и красивого нового здания Дворца Детства. Оказывается, что идеи такого центра для детей витают в воздухе. (Помните теорию 100 обезьян и базу данных, из которой человечество черпает идеи?) Уже открыты подобные центры в Москве, Питере и других городах.
В Н-ске этот центр работает уже много лет, но для строительства нового здания в наше время нужны спонсоры. В Н-ске олигархов раз-два и обчелся. Одним из спонсоров стал Сергей – "новый русский", владелец всех киосков в Н-ске. В своё время он чуть было не влип в уголовно наказуемые действия, но счастливо избежал тюрьмы и теперь стал богатым, толстым и важным. У него родился сын, и он рассказал Славе, что жена балует ребёнка, а он пытается вырастить из него настоящего человека. Пацанчик теперь активно посещает Дворец Детства. Пожелаем всем счастья...

Книга вторая.
История дочерей доктора Левина, а также медсестры Эльзы.

И пасует благоразумие
В схватке с чувствами неразумными.
Ты надеешься на победу,
А судьба крадется по следу.
(Елена Грачёва)

Глава первая

В России, в городе Н-ске жил известный доктор Давид Эммануилович Левин. И были у него две дочери: старшая Ревекка и младшая Эстер. Родители дали им прекрасное образование. Помимо учебы в лучшей гимназии города частные педагоги дополнительно обучали их языкам: идиш, иврит, русский, немецкий, французский. Потом Германия. Высшее учебное заведение для девушек. Сначала поехала учиться, естественно, Ревекка, а три года спустя приехала сестренка Эстер, поступила учиться в тот же женский медицинский колледж.

Химию им преподавал молодой ученый, который в детстве получил традиционное религиозное воспитание, но уклонился от карьеры раввина и ушел в науку. Звали его Готлиб, что означает Любовь Бога. Несомненно, он согласен со всем, что написано в Торе, но изучать созданные Им же, Всевышним, атомы, молекулы и их взаимодействие невообразимо интереснее. Кроме своей основной работы в фармацевтической компании, он два раза в неделю преподавал химию в женском медицинском колледже. На девушек внимания не обращал, у него была "одна, но пламенная страсть" – его Наука. Но увидел Ривочку… и влюбился. Вот такая счастливая история. В положенные сроки Рива родила мальчика, потом девочку, и после Первой мировой еще сына.

А Эстер, будучи на практике в одном из госпиталей, познакомилась с молодым врачом. Это был Йохан. Он был очень эмансипированным евреем. В синагогу не ходил, переименовал Эстер в Эмму и предупредил, что своему сыну обрезание делать не будет. К счастью, родилась девочка, и вопрос об обрезании на некоторое время отпал. Эмма хотела еще детей, но Йохан (а в их семье главой был он) откладывал это мероприятие. Сначала хотел, чтобы Эмма закончила учебу, прерванную рождением и воспитанием ребенка, потом – поработала в госпитале и, набравшись опыта, состоялась как врач с именем. А затем он открыл частную клинику, в которой они оба весьма успешно работали. Дела шли в гору, и теперь Эмма не могла себе позволить оставить работу на 2-3 года.

Сестры с детства были неразлучны и даже уже обремененные семьями, домашними заботами, детьми, их проблемами, своими делами оставались близкими и очень любили друг друга. Мужья их часто спорили – у них были разные взгляды на свои еврейские корни, на будущее человечества в целом, и евреев в частности. Они во многом не соглашались друг с другом. Но, несмотря на эти разногласия, между ними установились теплые, уважительные отношения. Йохан ценил Готлиба за его глубокое знание химии и фармакологии, за заслуженное мировое (уже!) признание в научных кругах, безотказную готовность всегда прийти на помощь, подсказать, разъяснить, да и просто за его доброту. Готлиб, в свою очередь, отдавал должное острому уму Йохана, его высокой квалификации в своей области медицины, деловой хватке.

А дальше... Начало двадцатого века. Волнения в России, всеобщий спад в экономике, массовая эмиграция в Америку. Ужасная мировая война, на которой впервые применили газовую атаку.

– Какой ученый-химик, какой злодей рода человеческого создал это оружие и подарил его военным?! – возмущался химик Готлиб. – А еще считается, что “гений и злодейство несовместны”!

Надо сказать, что у сестер Левиных была сильно развита интуиция, и они привыкли доверять ей. Не то чтобы они предвидели будущее, обладали какими-то необычными способностями, но просто знали, если чего-то очень не хочется, если кто-то не нравится, значит, это плохо, этого надо избегать, от этого человека надо держаться подальше.

Как объяснила сестре Рива, первый интуитивный импульс всегда верный. Если человека поставить перед важным для него выбором и не дать времени на размышления, то первое инстинктивное решение будет правильным. Но многие люди не слушают себя, а полагаются только на разум и логику.

Муж Ривы занимался своей наукой, а во всем остальном, что этой науки не касалось, полностью доверился жене. Выражаясь высоким штилем, Рива “уверенной рукой вела свой семейный корабль по волнам жизни”,

руководствуясь и здравым смыслом, и накопленным жизненным опытом, и интуицией. Нет, не так, не в том порядке: она руководствовалась и интуицией, и накопленным жизненным опытом, и здравым смыслом.

А муж Эммы Йохан всегда сам знал, как правильно поступить для пользы дела, для пользы своей семьи, поэтому Эмму не слушал. Он не был плохим мужем или отцом, отнюдь, был очень заботливым и внимательным. И при этом очень рассудительным.

– Почему ты так считаешь? – спрашивал он Эмму, если она робко пыталась дать ему совет. – У тебя нет никакого логичного объяснения тому, что ты говоришь. На чем основано твое мнение?

Эмма перестала доверять себе, а интуиция обиделась и посещала её все реже и реже, как бы нехотя, мол, что тебе говорить, раз ты все равно поступаешь не так.

******

И вот уже двадцатый век прошел четверть своего пути.

Дочка Эммы и Йохана однажды привела стройного, красивого парня и объявила, что выходит за него замуж. Эмме и Риве он совсем не понравился. Их интуиция резко возражала против этого красавчика. Но дочка была влюблена и никого и ничего не слушала. Йохан был на ее стороне.

– Почему он вам не нравится? Вы можете объяснить? Потому что он не еврей, а немец? Так разве среди евреев нет плохих парней? Оглянитесь вокруг и вы увидите, как много среди ваших друзей-немцев порядочных и достойных людей. Парень из богатой, аристократической семьи. Он влюблен. И вообще, это такая красивая пара!

Свадьба состоялась по лютеранскому обряду. Потом родились два сына.

Муж неохотно отпускал жену к ее родителям. Он впрямую не запрещал, но был не очень доволен, если эти посещения становились, на его взгляд, слишком частыми. А уж к тете Риве ходить она и вовсе не могла. То ли мужа раздражал еврейский дух этого дома, то ли ревновал жену к кузенам – детям тети Ривы, из-за их душевной близости, то ли еще почему, но факт тот, что общаться более стало невозможно. Изредка, когда она, собираясь к родителям, могла сообщить им об этом заранее, тетя Рива сломя голову мчалась к ним, чтобы повидаться с племянницей, наговориться, потискать ее ребятишек.

Как-то Рива пришла к Эмме грустная и удрученная. Сестра пыталась развеять ее тягостное настроение, но сама тоже была в подавленном состоянии. Они сели на диван, обнялись, долго молчали, не зажигая света.

– Ты о папе думаешь?

– Да.

Потом пришел Йохан, зажег свет и увидел их заплаканные лица.

– Что случилось? Эмма, не молчи. Рива, что-то произошло у тебя?

– Наш папа умер, – тихо сказала Эмма.

– Ты получила известие? Когда?

– Нет, просто я так чувствую. Мы обе так чувствуем.

– Да… Ему уже немало лет. Сколько? 90? Но что мы можем сделать, ведь он ни за что не хотел приехать. Ну, успокойтесь, вы просто себя накручиваете, нам же ничего не известно.

Но интуиция сказала правду. Это был 1930 год. В городе Н-ске умер доктор Давид Эммануилович Левин.

Через два года интуиция вновь вопила и стучала в сердце Эммы чуть ли не отбойным молотком.

Пришла дочка, привела детей:

– Мамочка, мы с друзьями мужа едем за город на два дня. Пусть мальчики у тебя побудут, я няньку отпустила.

Эмма побледнела:

– Доченька, может, ты не поедешь?

– Ты не можешь остаться с ними? Ничего, не волнуйся, я найду няньку.

– Что ты, дорогая, нам так приятно поиграть с ребятами, – вмешался Йохан. – Будь спокойна, им у нас будет хорошо.

Всю ночь Эмма не спала. Под утро раздался телефонный звонок. Она толкнула мужа:

– Подними трубку, я не могу.

Йохан поднял трубку и даже при неясном свете серого окна Эмма увидела, как он побледнел. Их единственная дочь погибла в автомобильной катастрофе, зять в больнице.

Так мальчики остались у Эммы и Йохана. Они росли в любви и заботе. Мало того, что дедушка с бабушкой души в них не чаяли, еще семья тети Ривы стала им самой родной, у них появилось сразу пятеро братьев и сестер – внуков тети Ривы. В их семье отмечали все еврейские праздники. Готлиб восседал во главе стола, объяснял значение каждого из них, его историю, смысл, легенды и притчи, с ним связанные. Всегда было шумно и весело, внуки Эммы любили бывать в их доме.

Глава вторая

1933 недобрый год. Что говорят астрологи? Почему в этом году был взведен курок мировой катастрофы?.. Почему в этом году произошло зачатие мирового зла?

В конце января 1933 года Адольф Гитлер стал рейхсканцлером Германии. События развивались с невероятной быстротой. Уже через месяц – поджог рейхстага *(По нацистской версии – советским агентом, голландским коммунистом Маринусом ван дер Люббе)*, через три месяца создано гестапо.

10 мая 1933 года студенты Германии под руководством нацистов сожгли более 20 тысяч книг еврейских и других авторов мировой литературы. Понимаете? Студенты! Будущие ученые, интеллигенты! Жгли книги!

Едва придя к власти, фашисты начали проводить свою антисемитскую политику. Сначала потихоньку, понемногу, но часто травили евреев в печати, на рабочих местах, в научных кругах, в среде интеллигенции... Несчастные, униженные, всего и всех боящиеся теперь евреи молча сносили издевательства и притеснения. Мир тоже молчал. Впрочем, удивляться нечему – мировое сообщество всегда, во все времена по каким-то непонятным законам защищает одни народы и по столь же необъяснимым соображениям полностью игнорирует несчастья других. Так было, так есть и, наверное, так будет... Например, убийство в настоящее время мирных жителей Дарфура в Судане – кого это волнует? А на самом деле это страшная беда, геноцид целого народа. Но где оно, мировое сообщество, где его хваленая гуманность, где справедливый гнев демократических правительств?..

******

Справка по новейшей истории. *Конфликт между африканским оседлым населением и арабоязычными кочевниками Дарфура имеет давние исторические корни, однако, нынешняя вспышка насилия началась в феврале 2003 г., когда против правительства Судана выступили два отряда ополченцев: Движение освобождения Судана (SLM) и Движение справедливости и равенства (JEM), состоящие из представителей ряда оседлых африканских этнических народностей…*

В ответ правительство Судана задействовало экстремистскую группировку "Джанджавид", бойцы которой проводят карательные рейды ***против оседлого африканского мирного населения****. Войска "Джанджавид" поддерживает регулярная суданская армия: известно, например, о многочисленных бомбардировках населенных пунктов оседлых африканцев самолетами и вертолетами ВВС Судана.*

*Ситуация осложняется тем, что в Дарфуре обнаружены богатые залежи нефти, и, по-видимому, конечной целью правительства Судана является полное изгнание с нефтеносных территорий оседлого населения и даже его уничтожение. Суданские власти изгоняют людей из деревень, уничтожают посевы, запасы продуктов, скот, отравляют источники воды. Беженцев (****более двух миллионов человек****) сгоняют в специальные лагеря и держат там почти без воды и пищи, тем самым обрекая их на медленную смерть. Тех, кто пытается выйти за границы лагеря в поисках еды или воды, уничтожают. Правительство Судана всячески препятствует поставкам из-за рубежа гуманитарной помощи для беженцев.*

Несмотря на многочисленные доклады международных наблюдателей о критической ситуации в Дарфуре, ***международное вмешательство маловероятно****. Попытки применить санкции против Судана наталкиваются на противодействие постоянных членов Совета Безопасности ООН, имеющих свои интересы в этом регионе. Так, Китай является самым крупным покупателем суданской нефти, а Россия поставляет в Судан оружие.* ***(Из книги К. Вртанесяна и А. Палаяна "Акты геноцида в истории человечества")***

P.S. Двенадцать из пятнадцати перечисленных в данной книге актов геноцида были осуществлены в XX веке, однако, лишь немногие знают о них. Забвение неизбежно ведет к повторению подобных преступлений в настоящем и будущем.

******

Я отвлеклась... Возвращаемся в год 1933-й.

Дармштадт был первым городом Германии, в котором в начале 1933 года власти потребовали закрыть еврейские магазины. Первое время нацисты распорядились закрывать магазины лишь на один день – для сохранения спокойствия и проверки реакции населения. Реакция оказалась "правильной" – жители города активно поддержали нацистов, а Дармштадт стал одним из основных оплотов гитлеровского режима. Позже, в этом же году, расистское правительство организовало общенациональный однодневный бойкот всех еврейских магазинов, предприятий и фирм.

14 июля 1933 года. Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (русское сокращение НСДАП происходит от немецкого Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei – NSDAP) объявлена единственной партией Германии. Оппозиции нет и быть не может. Наступили тяжелые времена. Назревали вечные еврейские вопросы: ехать или не ехать, а если ехать, то куда?

Семья старшей дочери Давида Эммануиловича – Рива, Готлиб, трое детей, пятеро внуков – собиралась переехать во Францию. А Йохан – муж младшей сестры Эммы не хотел никуда из Германии уезжать и удерживал всю свою маленькую семью (он с Эммой и двое внуков). Их зять уже начал избегать свою еврейскую родню. Было видно, что и дети его особенно не волнуют и против их отъезда он бы не возражал.. Но Йохан категорически не представлял себе жизни в эмиграции.

******

Соплеменники, кто помудрее,
Удивляются шумно: "Куда вы?
Процветали извечно евреи
Под защитой разумной державы.

Ах, старинная кельнская площадь!
Ах, саксонские светлые рощи!
Без земли мы не можем немецкой,
Нам в иных государствах – не место!"

(Александр Городницкий)

******

Эмма и Йохан имели очень известную, даже, можно сказать, элитную частную клинику, считались врачами самой высокой квалификации в области гинекологии. Их пациентками были жены, сестры, матери и любовницы всех партийных вождей и членов правительства. Поэтому Йохан думал, что им-то точно ничего не грозит, – доктора ведь нужны всем и всегда. И вообще, он, да и Эмма тоже, уже давно считали себя немцами. Но в последние годы им все чаще и чаще напоминали, кто они есть на самом деле.

******

Господа, вы напрасно пытаетесь называть себя "евреями Германии" или "немецкими евреями" – это всё "от лукавого". Вы – просто евреи, без всяких прилагательных и дополнений. Об этом ясно в своё время сказали два очень разных человека – Эйнштейн и ...Гитлер.

Эйнштейн откровенно насмехался над попытками евреев позиционировать себя как полноценных германских граждан "Моисеевой веры": "У меня нет германского гражданства (он в это время жил в Швейцарии), и я не являюсь практикующим иудеем, но я – еврей, и этим всё сказано!"

Гитлер же не смеялся, а чётко и недвусмысленно формулировал: "Еврей – он всегда еврей, где бы ни жил, на каком бы языке ни говорил, какому бы богу ни молился – он остаётся самим собой – евреем, и только евреем!" ***(Д. Голубев, Д. Маргулис)***

******

Всем известен зловещий смысл этих слов, если их произносит именно Гитлер. Даже Генрих Гейне, который в 28 лет крестился (перед получением диплома доктора он вынужден был креститься, так как дипломы иудеям не выдавали) и прожил большую часть жизни как христианин, который почитаем во всем мире как великий **немецкий** поэт, все равно остался для Гитлера изгоем, был охаян и запрещен.

Ассоциации с нашим временем постоянно пытаются влезть в ткань моего повествования... В настоящее время живущие в Германии евреи (что же, это их выбор) объединились в Ассоциацию евреев Германии (в этом нет ничего плохого), которая участвует в различных международных проектах, в том числе в тех, что направлены… против Израиля! Да-да, – именно евреи, именно в Германии, именно против еврейского государства! Ну, что называется, приплыли! И ведь не в фигуральном, а в самом что ни на есть буквальном смысле слова ПРИПЛЫЛИ – ПРОРЫВАТЬ БЛОКАДУ ГАЗЫ! Ну, что же, значит, пора напомнить им кое-что.

******

Господа, если вы «прорвётесь» в Газу, то, как только смолкнут публичные словоизвержения по поводу вашего «гуманитарного» антиизраильского подвига, и вы смешаетесь с жителями осчастливленной вами Газы, вы моментально превратитесь в обычных и всеми презираемых «зимми» (как веками в мусульманском мире называли христиан и иудеев). И будет хорошо, если вам удастся живыми и невредимыми добраться до «своего»(!) Берлина. Какую, с позволения сказать, славу вы обретёте, став единственным еврейским «подразделением» целой флотилии турецких, ливанских, иранских кораблей, стремящихся … нанести своей провокацией ещё один удар по Израилю, представить его злодеем и варваром, придвинуть хоть на шаг его, а вместе с ним и всё мировое еврейство, к гибели?

Вы что, не помните, чем кончали все "евреи в ливреях" во все времена, при всех правителях? «Евсеков» (еврейских коммунистических активистов), преследовавших в 20-е годы еврейскую культуру, традиции, язык, религию, еврейство как таковое, в 30-е годы Сталин перестрелял всех поголовно; Еврейский антифашистский комитет, верой и правдой служивший Советскому Союзу, Красной Армии в годы войны, расстрелян практически полностью в 1952 году.

…Антисионистский (а по существу – антисемитский) комитет, созданный в СССР в послесталинское время для дискредитации Израиля и отвращения советских евреев от переселения на свою историческую родину, позорно и бездарно закончил своё убогое существование. Неужели вы думаете, что добьётесь лучшей участи, оказавшись в одном ряду с ХАМАСом, Хизбаллой, Ахмадинеджадом и Эрдоганом?!

(Д. Голубев, Д. Маргулис)

Глава третья

Еще раз вернемся в 1933 год, такой насыщенный событиями. В это тяжелое время, как мы помним, медсестра доктора Левина немка Эльза после его смерти приехала из далекого города Н-ска на свою историческую родину. Ее тепло приняли дочки доктора. Они помнили, как их отец ценил Эльзу, знали, что она ухаживала за ним, особенно, в последние годы его жизни. Но у них были свои нелегкие проблемы. Сразу поняв это, Эльза просила только помочь, если можно, с устройством на работу. А как? В стране безработица, кому нужна, пусть и высококлассная, но немолодая и не очень-то красивая медсестра?

Эльза жила у Эммы, чувствуя себя обузой. Однажды она встретила на улице своего старого школьного учителя математики. Это же надо! Столько лет прошло, а она узнала его! Эта встреча вскоре круто изменила ее жизнь. Совсем старенький, опираясь на палку, он медленно шел, в руке – сумка с продуктами. Эльза бросилась к нему, и – удивительно! – он тоже ее узнал. Пригласил к себе. Учитель – старый и больной – жил одиноко в скромной двухкомнатной квартире, неубранной, неухоженной.

Они сидели долго, пили чай, рассказывали друг другу историю своей жизни. Учитель поведал, как его уволили из школы за то, что он высказывал свое несогласие с политикой фюрера. Хорошо, что в министерстве служил его бывший ученик, который убедил Учителя в целях его же собственной безопасности побыстрее самому уйти на пенсию, не выступать и залечь на дно.

А Эльза рассказала ему о своей жизни в далекой и странной России, о замечательном добром докторе Давиде Эммануиловиче, о хорошем отношении к ней Николая Петровича, Леонида Семеновича и Верочки. О злых и часто пьяных соседях.

******

Сухой закон, установленный царским правительством с началом мировой войны, после октябрьского переворота продержался недолго. С 1 января 1924 года производство алкоголя окончательно стало легальным. Сталин формулировал: «Мы остановились на водке, ибо считали и продолжаем считать, что, если ради победы пролетариата и крестьянства нам предстоит чуточку выпачкаться в грязи, мы пойдем на это». Выпачкались. К 1936-му году производство спирта по сравнению с 1919-м годом увеличилось в 250 раз. Водка стала одной из важнейших составляющих советской жизни. Фраза «Без поллитры не разберешься» полноценно вошла в российский быт. ***(В. Коротич)***

******

Удивительная страна – такие разные люди в ней, просто поразительно! Ничего не поймешь... Впрочем, сейчас и здесь, в своей родной фатерланд, тоже многое стало непонятным. Эльза просила учителя рекомендовать ее, если он знает какую-нибудь семью, в которой она могла бы работать сиделкой, нянькой, прислугой – кем угодно, лишь бы работать. Она согласна работать только за кров и еду...

– В семье Эммы дела идут все хуже и хуже, – рассказывала Эльза. – Пациенты не приходят, не хотят лечиться у евреев – опасно это по нынешним временам. А недавно их молодая хорошенькая медсестра тоже ушла. Причем, ушла некрасиво, с криком, что не желает работать у евреев, что все они хотят погубить великую Германию. Теперь Эмма с мужем уже не могут содержать такой большой дом и клинику, поэтому собираются продать свою медицинскую практику и переехать в маленькую квартиру в каком-нибудь менее престижном районе… Мне просто совесть не позволяет быть у них нахлебницей, – закончила Эльза.

– Я бы с огромным удовольствием взял тебя к себе экономкой, ведь я, увы, не молодею, но у меня нет достаточного дохода для достойной платы за твой труд, – он увидел умоляющие глаза Эльзы.

– Хотя... Подожди, дай сообразить. Выслушай меня внимательно и пойми правильно, – сказал он после некоторого раздумья. – Если ты наведешь порядок в этой комнате, то вполне можешь располагаться на этом диване. Дальше. Пенсия у меня небольшая, но при правильном и экономном ведении хозяйства – а я уверен, ты это умеешь – нам вполне хватит. Но что ты будешь делать, когда меня не станет?

Эльза прижала руки к груди, боясь шевельнуться, у нее пересохло в горле, она не могла говорить, да и не знала, как выразить словами свою признательность. Но Учитель и не ждал ответа, он продолжал:

– Чтобы обеспечить твое будущее и таким образом отплатить тебе за твою заботу обо мне, мы пойдем завтра в мэрию и зарегистрируем наш брак. Фиктивный брак, – поспешно уточнил он, увидев испуганные глаза старой девы. – И тогда после меня ты будешь получать мою пенсию, будешь вспоминать меня за рюмочкой вина, – постарался закончить он на шутливой ноте.

– Я согласна, – прошептала счастливая Эльза.

Эмма подарила Эльзе кое-что из одежды и разной утвари, необходимой в быту. Они продолжали поддерживать очень дружеские отношения. Судьба на склоне лет опять, наконец, благоволила к Эльзе. Она жила рядом с добрым, интеллигентным, уважительным человеком, ходила в магазины по утрам, как настоящая фрау, изобретала из скудных продуктов вкусные блюда, гуляла с ним в парке.

Глава четвертая

Не нужно было обладать большой интуицией, нужно было уезжать. После года сомнений и споров Рива сначала отправила во Францию мужа с дочкой, зятем и тремя внуками. Готлиб думал обосноваться в Париже, там у него были некоторые научные связи, или в Лионе, где у фармацевтической компании “Bayer” был филиал. Но Рива твердо сказала: "На самый юг, подальше от границы с Германией, поближе к морю". Они поселились в Тулузе. Правда, это не портовый город, но и Средиземное море, и Атлантический океан вполне в пределах досягаемости, да и испанская граница недалеко. Жизнь показала, что она была права, что ее интуитивный выбор, как всегда, был верным.

Через несколько месяцев туда же, к отцу в Тулузу, уехал старший сын с женой, двумя детьми и родителями жены. Еще почти целый год Рива уговаривала Йохана, молила, убеждала. Но Йохан упрямо стоял на своем – французский он знает плохо, много хуже Эммы, а быть на вторых ролях он, видите ли, не привык. И вообще, иллюзия, что хорошие врачи востребованы при любой власти, полностью овладела им и стала тем якорем, за который он держался. Оказалось, это не якорь, а поплавок. Йохан понял это слишком поздно. Рива уехала с младшим сыном в самом конце 1935 года. Прощание было душераздирающим, даже при воспоминании о нем болело сердце. Душа чувствовала, что это навсегда, а разум не хотел верить...

Тулуза. Франция

В Тулузе семья Ривы очень удачно сняла скромное меблированное жилье. Передняя комната, выходящая на людную улицу, стала маленькой аптекой. Управлял ею Готлиб. В двух внутренних комнатах жили Рива с Готлибом и младшим сыном.
В последней комнате, за заколоченной дверью, был вход в смежную квартиру, имевшую выход на другую улицу. В этой квартире жил старший сын Ривы с семьей. На всякий случай дверь привели в порядок и завесили ковром.

Совсем неподалеку жила дочь с семьей. В своей квартире большую, светлую комнату она превратила в учебный зал и открыла частную школу для девочек – преподавала им музыку, пение, танцы, хорошие манеры.

По приезде Рива стала наводить порядок в квартире и обнаружила в нижнем ящике письменного стола небольшую пачку бумаги – 10-15 очень старых, пожелтевших листов. Готлиб хотел выбросить, но Рива неожиданно сказала:

– Оставь, может пригодиться.

– Ривочка, кому может пригодиться? Бумага такая старая, сухая, ломкая.

– Ну, не знаю. Если хочешь, выброси.

Но раз Ривочка сказала, Готлиб, конечно, бумагу не выбросил.

Глава пятая

Прошел год… Связи уже не было, сестры ничего не знали друг о друге. Прошел еще один год.

В Берлине тем временем Йохан и Эмма пошли по знакомым врачам, предлагая им свой бизнес. Один врач вообще даже не пригласил их войти в дом. Другой долго извинялся, объясняя, что боится за свою семью, – ведь если узнают, что он общается и помогает еврею, у него и всей его семьи будут неприятности. А следующий, к кому они обратились, стал, оказывается, ярым патриотом из числа новообращенных членов фашистской партии. Он просто и откровенно по-хамски объяснил, что покупать практику у евреев нет смысла: “Все равно вы уедете, и все ваши пациенты придут ко мне, настоящему арийцу”.

Последний визит, уже без всякой надежды, Йохан и Эмма сделали к своему давнему знакомому врачу, с которым не виделись довольно долгое время просто потому, что жили в разных концах города. Этот врач был знаком с ее папой – доктором Давидом Эммануиловичем Левиным – по XI Медицинскому конгрессу... еще до революции. Переписывался с папой и когда-то даже рекомендовал ему медсестру Эльзу.

Это была династия врачей, и единственный сын доктора тоже должен был принять эстафету профессии. Но парень заупрямился, сказал, что ничего никому не должен, что проживет свою жизнь так, как сам решит, а не так, как хочет папа. И неожиданно для всех пошел в военное училище.

Эмма с мужем знали, что сын их старого доброго приятеля уже занимает высокий пост в военной иерархии новой армии, и именно поэтому так долго не решались обратиться к нему со своей проблемой. Но выхода не было, все другие пути были испробованы и результата не дали.

Доктор принял их хорошо, совсем как в прежние, добрые времена, с бутылочкой рейнского вина, с неторопливым разговором. Старый доктор переживал, что сын его до сих пор не женат, и внуков он никак не дождется... Наконец, дошли до главной темы визита, и доктор сказал, что купит у них практику, постарается дать максимальную цену при нынешней инфляции.

Во время этого разговора Эмма с тревогой прислушивалась к звукам, доносившимся из другой комнаты, – там кто-то ходил и тихо шуршал газетой. Но доктор, заметив ее настороженность, махнул рукой, призывая не обращать внимания.

– Так когда и куда вы уезжает?

Эмма опустила глаза, полные слез:

– Он никуда не хочет ехать, а я так боюсь за внуков! Их уже били в школе, и мы их никуда не пускаем.

– Какой ужас! Какой кошмар!

– Мне некуда ехать, поймите меня! – горячо говорил Йохан. – Германия – моя родина. Это Эмма родилась в России, а я – здесь и не мыслю себя вне Германии. Я говорю по-немецки, думаю по-немецки, самое большое наслаждение для меня – читать немецкую литературу, поэзию... Гете, Гейне – услада для души.

Эмма пыталась знаками остановить мужа – не получилось. ("Боже мой, что он говорит! Ведь Гейне уже запрещен! Гейне – еврей".)

******

Кафе. Две-три чашки. Зевают лакеи.
Скрипка закончила попурри.
Тогда в коричневейшей ливрее
Швейцар замурлыкал свое у двери.
И кто-то насмешливо фыркнул: "Гений",
И тут певун заорал из дверей:

– Кто сказал "Гейне"?
Никаких Гейне. Гейне – еврей!
Молчанье. И вновь, стоеросов, как пихта,
Бубнит он у вешалки номерной:
"Es ist eine alte Geschichte
Doch bleibt sie immer neu."

(Илья Сельвинский. *Цитата из Г. Гейне:*
"Есть одна старая история, которая остается вечно новой")

******

Она дернула Йохана за рукав, но он и этого не заметил. Его искренняя любовь к Германии переполняла и вдохновляла его.

– В отпуск я брал внуков и ездил с ними по Германии, показывал им красивейшие места, горы, долины, чистенькие, ухоженные городки... Это все мое, родное. Поехать во Францию? Так там немцев не любят.

Он даже не заметил, что причислил себя к немцам, а хозяин дома и Эмма заметили. Но они не осудили Йохана за его слова: Эмма не восприняла это как предательство своего еврейского происхождения; старого доктора не покоробило от них, потому что ему и в голову не пришла мысль, что Йохан"примазывается" к его родине. Им было ясно, что это крик его еврейской души по зову его немецкого сердца.

– Язык французский знаю плохо, что мне там делать? – продолжал Йохан. – Может быть, все-таки пройдет время, мы переждем, разум победит и кончится это сумасшествие.

– Я очень хочу надеяться, что так и будет. Тогда я отдам вам обратно вашу практику.

– Какое счастье, что в Германии еще остались такие благородные люди, как вы, доктор! – тихо произнесла Эмма. – Значит, для Германии не все потеряно. Храни вас Бог!

Эмма с мужем получили чек от доктора и распрощались, полные благодарности и надежды. Эмма пошла домой, где они оставили запертых внуков, а Йохан – в банк за деньгами. Но там его приняли грубо и денег не выдали. Побежал обратно к доктору. В подъезде он столкнулся с красивым, стройным офицером лет 35-37,

очень похожим на старого доктора. Йохан побледнел, но сын доктора (а это был именно он) наклонил голову, приветствуя гостя отца, и вежливо придержал дверь, пропуская его.

Доктор позвонил в банк, накричал на управляющего, – какое право он имеет не доверять его чеку, это его личное дело, кому выписывать чек, хоть эфиопскому принцу! Пригрозил, что перейдет в другой банк, и потребовал, чтобы клерк немедленно принес ему деньги на дом. Пока ждали, Йохан, сжимаясь и холодея от страха, шепотом спросил у старого доктора, показывая на дверь в соседнюю комнату, был ли там его сын во время их визита? Если он все слышал, то что теперь будет?

– Не волнуйтесь, дорогой коллега, не волнуйтесь. Мой сын – очень порядочный человек, он не доносчик, у него твердые понятия чести, и он не воюет с мирными гражданами. И к тому же он никогда не навредит мне. Одним словом, что бы ни случилось, знайте, что ни я, ни мой сын никогда на вас не донесем. Знаете, мне кажется, он жалеет о своем упрямстве в молодости, из-за которого не пошел в медицину...

Какой путь приводит человека к счастью? Следовать своей судьбе или действовать по своей воле?.. Ответа на этот мучивший его последнее время вопрос у доктора не было.

*****

Сын старого доктора родился 1 января 1900 года. Он решительно отказался от уготованной ему карьеры врача и стал военным. В этот же день и год в городе Дармштадте, тоже в семье врача, родился другой мальчик. Ему тоже предстояло стать врачом, но он по своей воле (или по воле судьбы?), этой возможностью не воспользовался. Мы встретимся с ним немного позже.

И в далекой стране Восходящего Солнца, опять-таки в семье врача, 1 января 1900 года родился мальчик, который так же, как и два предыдущих, став взрослым, пойдет своей дорогой, а не по стопам отца. Его выбор дороги стал судьбоносным...

Но только профессии отцов и семейные традиции и было общими у всех троих. У них, родившихся одновременно, под одними и теми же созвездиями, в одних и тех же социальных условиях, сформировались совершенно разнонаправленные мозги! Вот загадка для астрологов! Они воспользовались дарованной им Всевышним свободой воли, правом самому выбирать свою судьбу, которая, как известно, состоит из поступков…

Конечно, в этот знаменательный день на грани веков родилось еще много мальчиков с самыми разными судьбами, но мы встретимся только с этими тремя.

******

Исторические события:

В 1936 году между Германией и Японией был заключён Антикоминтерновский пакт.

В 1938 году в состав рейха вошли Австрия и Судеты.

9 ноября 1938 года ночью в Германии был учинен небывалый по своим масштабам еврейский погром, известный под названием «Хрустальная ночь». С этого времени начались аресты и истребление евреев.

В конце 1938 года все еврейские студенты были исключены из учебных заведений Германии.

Окончился 1938 год. Пришел зловещий для многих народов 1939-й.

К Антикоминтерновскому пакту присоединились Чехия, Венгрия и Испания.

******

Мир опять стоял на грани войны. Второй в этом злосчастном столетии. Великая, разумная, образованная, культурная, интеллигентная Европа... Все эти качества, оказывается, находятся в прямой зависимости от количества продуктов, которые можно купить. А зависть, злоба и жестокость растут в обратной пропорции к возможности иметь эти продукты. Все благородные чувства тают, когда пустеют полки магазинов, и на место этого высокого образа мыслей взбираются совсем низкие. Вот и вся математика...

******

«Erst kommt das Fressen, dann kommt die Moral» –
«Сначала хлеб, а нравственность потом». ***(Б. Брехт. Трехгрошовая опера)***
(Дословный перевод звучит грубее:«Сначала жратва, а потом мораль»)

Глава шестая

Эмма с мужем и внуками теперь жили в маленькой квартирке в бедном районе на окраине Берлина. Уехать уже было невозможно, европейские страны не выдавали виз евреям.

На новом месте, куда переехала семья Эммы, не знали, что они евреи, но могли догадаться. Эмма осветляла волосы, надевала шляпку с вуалью и вполне на улице могла сойти за немецкую фрау. Но черные кудри Йохана и большие, выразительные глаза не оставляли сомнений в его национальной принадлежности. А вообще-то, все всё обо всех знали, особенно соседи и дворники. Вселяется, например, новый жилец в дом и через пару дней спрашивает у соседей: "А где тут ближайшая синагога?" или не работает по субботам. И все ясно, вопросов больше нет. А если человек никого ни о чем не спросил, если он, к примеру, атеист и внеш-

ность у него самая что ни на есть европейская? Сможет ли он всех обмануть и “примазаться” к великой германской расе? Для такого варианта сработает другой, более надежный способ обнаружить “преступника”.

Фашистский лидер задумал свой дьявольский план истребления евреев и цыган задолго до того, как его стало возможно исполнить. Он заранее, с немецкой тщательностью, готовился к его осуществлению.

В историю отношения к национальности в Европе надо внести некоторую ясность. В Западной Европе в паспорте никогда не было и сейчас нет графы "национальность". Ну, нет такой графы, и все. (Наверное, после 4-й графы сразу идет 6-я). И ни в каких анкетах такой графы тоже нет.

Если помните, в 1897 году великий князь Сергей Александрович, генерал-губернатор Москвы, очень неохотно разрешил провести медицинский конгресс в Москве из-за того, что среди известнейших иностранных врачей с мировым именем, которым отказать в приглашении никак нельзя, было много евреев. Тогда он спросил Н.В.Склифосовского, организатора этого конгресса, сколько же приедет в Москву евреев? Николай Васильевич не мог ответить на этот вопрос (даже если бы хотел) – он этого просто не знал, потому что **нигде и никогда такого учета не велось.**

Как раз за несколько лет до войны в странах Европы проводилась перепись населения. В анкетах переписи также не было этой (позорной!) графы. Но в Германии в них были вопросы о религиозной принадлежности и еще появились косвенные вопросы, по ответам на которые выявляли “обманщиков”. Если у человека было абсолютно немецкое имя, если он сам и его родители родились в Германии, если он, заполняя анкеты, писал, что он атеист, не принадлежит ни к одной конфессии, но его дедушка Мойша рожден в Вильно, а бабушка Хая приехала из Юзовки (а об этом как раз есть вопросы в немецкой анкете), то это тоже кое на что указывает. Эти странные анкеты с аналогичными вопросами непонятным образом появились в управлениях по переписи населения многих других стран Европы. Якобы просто как образцы. А после переписи, при исследовании и доскональном анализе всего собранного материала фашисты с точностью до десятой доли процента знали, сколько людей какой национальности живет в той или иной стране, в том или другом городе. Эта информация "помогла" им впоследствии планировать количество концлагерей на оккупированных территориях и их пропускную способность.

Итак, 1939 год. В стране, давшей миру высокие духовные ценности, на улицах жгли книги и избивали евреев. Эмма, Йохан и их внуки никуда не выходили. Эльза приносила им еду.

К 21 февраля 1939 года евреи Германии должны были сдать все свои золотые и серебряные вещи.

******

(Это не новая идея – конфисковывать ценности у населения. Я имею в виду не только грабежи народа в молодом Советском государстве...) *5 апреля 1933 года Президент США Франклин Рузвельт в связи с тяжелым экономическим положением в стране издал указ: «Все граждане обязаны сдать в срок до 1 мая 1933 года включительно… все золотые монеты, золотые слитки или золотые сертификаты, которыми они владеют в настоящее время». Ну это так, к слову.*

******

Интуиция, отвернувшаяся, было, от Эммы, не выдержала и пришла к ней ночью, показав страшный сон и заставив, наконец, действовать – спасать внуков.

В эту ночь Эмме приснился сон, будто ей вырвали зуб. Лица доктора она не видела, перед ней были только его большие руки и щипцы. Больно не было, было страшно. Когда его руки со щипцами потянулись к следующим зубам, Эмма судорожно закрыла рот руками: "Нет, нет!" – в ужасе закричала она… и проснулась.

Йохан не спал. Последнее время, когда бы Эмма ни открыла глаза, она никогда не заставала его спящим. Он молча сидел в кресле. Эмма боялась за его психику. Она знала – он страшно переживает и казнит себя, что из-за его упрямства они не уехали вовремя. Он не удивился и ничего не спросил, когда она вскрикнула во сне – и так ясно, жене приснился какой-то кошмар. Так сейчас вся жизнь – сплошной кошмар.

А Эмма лежала с открытыми глазами, потрясенная своим сном. Когда-то они с папой, мамой и старшей сестрой жили в городе Н-ске. Папу и маму в городе уважали, к ним, девочкам, все хорошо относились – "докторские дочки". Так вот, ей было тогда лет 12 или 13, она слышала, как одна соседка рассказывала другой свой сон, будто ей вырвали зуб. Услышав это, вторая соседка всполошилась и сказала, что сон плохой, потому что зубы – это семья, родня, и если вырывают зуб, значит... уходит кто-то из семьи. Эмма с удивлением слушала. Она помнила этот разговор, помнила, как знающая соседка стала расспрашивать, был ли зуб брошен в мусорное ведро или доктор положил его на полочку? Хотел ли он вырвать еще другие зубы?.. Вопросы задавались еще и еще, обсуждались разные детали, которые Эмма теперь забыла.

Едва дождавшись утра, Эмма побежала к Эльзе и старому учителю, взяв с собой оставшиеся драгоценности, чтобы отдать их Эльзе и таким образом спасти от лап ненавистного фюрера. Но не это было главным, что погнало Эмму к Эльзе.

– Я знаю, вот-вот случится что-то страшное! Эльза, дорогая, одна надежда на тебя, спаси моих внуков!- Эмма упала на колени, рыдая и закрывая лицо ладонями. – Ради моего отца, который смотрит на нас с неба!

Эльза растерянно глядела на мужа – как? как им помочь? как их спасти?..

Большое счастье, когда порядочные и мудрые люди вовремя попадаются на жизненном пути! Муж Эльзы, Учитель (пусть будет благословенно его имя, которое история, к сожалению, не донесла до нас, и поэтому так и будем его называть – Учитель!) взял инициативу в свои руки.

– Так, фрау Эмма, идите домой и собирайте ваших мальчиков в дорогу. Мы сейчас же уедем с ними в деревню. Я собирался переехать туда в марте-апреле, когда потеплеет. Берлин стал ненавистен мне, да и всем приличным людям. Вообще-то, я хотел сделать Эльзе сюрприз. Ну, так уж теперь все и расскажу.

Мой дед оставил своим детям в наследство хороший, крепкий дом в деревне. Теперь, по прошествии многих лет от всей нашей большой семьи остались только я и моя кузина – и больше никого. Она смотрела за домом, в летний сезон иногда сдавала его дачникам.

Дом разделен на две половины по 4 комнаты в каждой. Мы приедем, поселимся в доме. Всем, и даже ей, скажем, что эти дети – племянники Эльзы. Кузина будет очень рада, она давно меня зовет. Я буду заниматься с мальчиками, ну, а Эльза – вы ведь знаете, что она просто души в них не чает. Уж она будет о них заботиться, как о родных. Так вот, фрау Эмма, идите домой и соберите вещи мальчиков – два рюкзачка на спину с самыми необходимыми вещами и, если надо, один маленький чемодан.

Сколько же раз в жизни приходится упоминать об этих "самых необходимых вещах"!

Узелок, сумка, рюкзак, чемодан... Сколько чемоданов нужно человеку для “самых необходимых вещей”? А сколько можно взять с собой? Вот столько и нужно.

Учитель велел подойти с мальчиками к вокзалу и стоять на противоположной стороне улицы. Эмма ушла с надеждой. Дома Йохан по-прежнему сидел, глядя в одну точку. Он безучастно отнесся к необходимости попрощаться с внуками. Это был совсем плохой признак, но у Эммы в этот момент не было времени бороться с депрессией мужа. Она отложила это до своего возвращения с вокзала.

– Я скоро приду, никуда не выходи.

Через два часа она с мальчиками стояла в указанном месте. За это время Учитель и Эльза тоже собрали свои чемоданы. Разумеется, как всегда в трудные времена, – только “самые необходимые вещи”... Эльза взяла свой много повидавший старый чемодан. Первым делом, конечно, она положила в него альбом, письма, фотографии доктора Левина. Она чувствовала, что обязана сохранить для его потомков это бесценное наследство – память о прадедушке, чтобы им было кем гордиться, когда вырастут. Когда Эмма с Йоханом переезжали в маленькую квартиру, и Эльза им помогала, она взяла архив доктора Левина к себе на время, чтобы он не пропал при переезде. Так он у нее и остался.

Учитель отправил Эльзу с ее чемоданом первой, велел взять мальчиков, купить билеты до Дармштадта и ждать его. Сам он взял два больших чемодана и большую коробку с книгами, погрузил в такси и навсегда попрощался с дорогим его сердцу жилищем, с которым было так много связано, в котором прошла столь значительная часть его жизни! А сейчас он едет со своей новой семьей в усадьбу своих предков, где их ждет любящая сестра.

Эльза подошла к Эмме, молча взяла у нее из рук маленький чемоданчик и махнула головой мальчикам, чтобы шли за ней. Она боялась разрыдаться, если скажет хоть слово. Эмма боялась того же. Она протянула Эльзе конверт и с трудом произнесла:

– Там немного денег и адрес Ривы во Франции. Постарайся потом когда-нибудь, когда кончится это сумасшествие, передать детей ей, – она и не заметила, что повторила слова Йохана, сказанные им старому доктору, который купил их практику. А кончится ли когда-нибудь “это сумасшествие”, это всемирное помешательство?..

Эмма отвернулась, показывая, что разговор окончен. От прощания с внуками, к которым так рвалась ее душа, которых она жаждала хотя бы обнять и поцеловать напоследок, ее удерживала боязнь привлечь внимание прохожих. Эльза кивнула, взяла младшего за руку, старший послушно пошел рядом.

Им было 10 и 13. Они все понимали...

Эмма осталась стоять, прислонившись к стене, – без сил, без мыслей и эмоций. Через некоторое время она увидела, как из подъехавшего к вокзалу такси вышел Учитель, как подбежал к нему носильщик, погрузил два чемодана и коробку на тележку. Учитель медленно, опираясь на палочку, пошел за ним. У Эммы перехватило дыхание: "Боже милостивый! Ведь он же совсем старенький!" Она подождала еще немного и вошла в здание вокзала с бокового входа. Там, спрятавшись за колонну, она видела, как они все вышли на перрон, вошли в вагон. Мальчики стали у окна, буквально влепив лица в стекло. Старший обнимал младшего за плечи. Поезд, медленно тронувшись, начал набирать скорость. И вдруг старший мальчик увидел Эмму, глаза их на какую-то секунду встретились, и, видимо, он вскрикнул (все было, как в немом кино!), потому что

младший удивленно посмотрел на него, наверное, спросил, в чем дело. Но окно поезда, в котором стояли мальчики, уже умчалось вдаль…

******

Повисло на подножке время
У вечности, катящей прочь,
В неведомые измеренья –
Вагон с надеждой через ночь.

…А на вокзале опустела,
Как площадь к полночи, душа,
Да криво на асфальте мелом
Жизнь расписалась и ушла...

(Михаил Безчастнов)

******

Чтобы мальчики немножко отошли от шока, в который их повергло столь внезапное расставание с бабушкой, столь стремительное изменение их жизни, Учитель начал отвлекать их, да и Эльзу тоже, от горькой действительности. Он стал рассказывать им историю своего родного края, начиная с раннего средневековья, когда Дармштадт принадлежал еще роду Катценельбогенов. Со временем этот древний род вымер, и с 1479 года город передавали от одного ландграфа другому, потом им правили великие князья Гессен, пока, наконец, город не стал полноправной частью Германии. Мальчики тогда впервые услышали о том, что Дармштадт подарил двум российским императорам жен. Так, принцесса Максимилиана Вильгельмина Мария Гессенская стала Марией Александровной, женой Александра II, а принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская стала Александрой Фёдоровной, женой Николая II. Ее сестра Елизавета Александра Луиза Алиса Гессенская стала великой княгиней Елизаветой Федоровной.

Родное село Учителя находилось в 40 минутах езды от Дармштадта, в котором он учился, а затем преподавал много лет. Потом перебрался в Берлин, а теперь вот едет обратно, в родные пенаты, уже навсегда.

На вокзале в Дармштадте Учитель не торопился взять такси. Он усадил Эльзу и мальчиков в зале ожидания, а сам пошел по вокзалу. Подходил к окошкам, обращался к проходившим вокзальным работникам.
Он явно кого-то искал. Затем на некоторое время исчез из поля зрения Эльзы, а когда, наконец, появился, подвел к Эльзе моложавого мужчину и представил его своей семье.

– Это мой бывший ученик, – сказал он Эльзе. – А это – моя супруга и ее племянники.

Обычный в такой ситуации обмен любезностями – «Приятно познакомиться... И мне очень приятно... Будьте благополучны... Всего доброго...» И так далее, в том же духе.

– Так я на днях буду в городе, – продолжил Учитель разговор, видимо, начатый ранее. – Мне надо повидаться с тобой.

– Конечно, конечно, господин Учитель, буду рад еще раз встретиться с вами. – И гордо, явно хвастаясь, добавил: – Только поторопитесь, через неделю я перееду в Берлин. Мне предложили там серьезную работу.

Бывший ученик Учителя выглядел очень молодо для своих 39 лет. Есть такой тип худощавых неженатых мужчин с широко распахнутыми глазами, которые всегда выглядят юношами. Если не рассматривать его пристально, можно не заметить тонкой сеточки морщин вокруг глаз, чуть проглядывающей седины в волосах и какого-то вовсе не свойственного молодежи полного отсутствия любопытства в глазах.

Эльза хотела спросить, какое отношение к ним имеет или будет иметь этот человек, но передумала – Учитель сам расскажет, когда сочтет нужным.

Наконец, они дома! Кузина чрезвычайно им обрадовалась. Она устала от одиночества, а тут и дорогой брат, и милая женщина с ним, и такие чудесные, воспитанные дети. Женщины, почувствовав взаимную симпатию, хлопотали по дому. Мальчики наслаждались садом после стольких месяцев сидения взаперти. Учитель приводил в порядок свой кабинет. Через день он собрался ехать в город. Эльза всполошилась – она боялась отпустить его одного и боялась оставить ребят без своего присмотра. Сестра, поняв ее беспокойство, сказала, что ей тоже надо в город – навестить приятельницу, и они уехали вдвоем с Учителем.

Глава седьмая

Человек, на встречу с которым ехал Учитель, был тот самый второй мальчик, рожденный в Дармштадте 1 января 1900 года. В школе он учился плохо, но вел себя тихо. Его уважаемые родители попросили Учителя заниматься с ним дополнительно. У мальчика не было никаких способностей, кроме таланта художествен-

ного копирования. Все его тетради пестрели картинками, исключительно тщательно и аккуратно перерисованными из учебников. Нарисовать что-то с натуры у него не получалось. Он не понимал законов трехмерного пространства – объема, перспективы, соразмерности предметов: если он рисовал сад, скамейки заползали на деревья, если хотел изобразить комнату, диван был выше стола... Он мог только перерисовывать с плоской картинки. Но это единственное он делал блистательно!

И в один, можно сказать, судьбоносный день он срисовал денежную купюру. Получилось идеально, весь класс визжал от восторга. Он рисовал и раздаривал бумажки. Однажды, бес попутал, он решил использовать свою нарисованную купюру. Это и понятно – если человек рисует фальшивые деньги, то когда-нибудь обязательно поддастся искушению воспользоваться ими. Он пошел покупать мороженое для всего класса (заметьте, не себе одному, а всему классу!). Продавщица приняла купюру, выдала мороженое, но, когда клала купюру в кассу, задела ею мокрый прилавок, и от воды вся краска размазалась – ведь он рисовал простыми чернилами. Был большой скандал, родителям едва удалось его замять. Отец, увидев в этом дурной знак возможного будущего для своего сына, так переживал, что вскоре покинул этот мир.

Некоторое время спустя предприимчивые жулики нашли его, организовали "дело", обеспечили хорошими, качественными красками. А когда "дело" провалилось, все разбежались. В тюрьму посадили только исполнителя. После тюрьмы старый друг отца устроил его уборщиком на вокзале. Прежние одноклассники теперь сторонились его, новых друзей не завел. Учитель, когда приезжал на летние каникулы, общался с ним, жалел его за одиночество и неустроенность, привозил ему какие-нибудь картинки, виды городов, копии знаменитых картин и просил перерисовать. Парень с восторгом выполнял заказ.

Сейчас, приехав в город, Учитель, как и обещал, навестил своего бывшего ученика.

– Рассказывай, как дела? Что нового?

– Меня пригласили в Берлин на очень ответственную и важную работу. И очень секретную. Я никому не рассказывал о ней. Думаю, что только Вам могу, потому что я Вас очень уважаю, и потому что Вы никогда никому не расскажете.

– Нет, нет, – поспешил остановить его Учитель, – ты ни в коем случае не должен нарушать секретность твоей ответственной будущей работы. Ведь когда ты приедешь в Берлин, тебе скажут: "Поклянись, что ты ничего никому не сказал!". И что ты будешь делать? Если поклянешься, будешь лжецом, а если скажешь, что все мне рассказал, ты лишишься этой работы, а меня, возможно, арестуют. Ты же понимаешь, какие сейчас строгости. Мне не нужно знать твоих секретов. Может быть, пройдет несколько лет, мы встретимся, и ты мне расскажешь все, что захочешь. Договорились? А сейчас мне очень нужна твоя помощь.

– Для Вас, дорогой Учитель, все, что только в моих силах.

– Ты видел племянников моей супруги? – И тут Учитель стал живописать жуткие картины несчастий, якобы, постигших этих невинных детей. И как сгорел их дом, и какой ужасный был пожар, во время которого детей выбрасывали из окна, чтобы их спасти, при этом все документы сгорели – не до них ведь было!

От его “душераздирающего” рассказа любой бы зарыдал, тем более, что у ученика, как мы поняли, было доброе сердце. Так что Учителю ничего не стоило после этого попросить его нарисовать детям метрические свидетельства взамен "сгоревших".

– Ты просто не представляешь, какая бюрократия в архиве! Они сказали, что выдадут нам дубликаты только через год, – продолжал фантазировать Учитель. – Поэтому я прошу тебя нарисовать эти документы. И, пожалуйста, чтобы ни одна живая душа об этом не узнала.

– Ну, конечно, какой разговор! Все нарисую, как надо, ни один специалист не отличит.

Учитель написал на бумажке имена детей, даты рождения, а фамилии им дал по девичьей фамилии Эльзиной мамы. Тут уж никакой комар носа не подточит.

– Да, кстати, нарисуй им еще по медицинской справке от какого-нибудь психиатра о том, что у них агорафобия, ну, боязнь толпы, скопления людей. Поэтому, мол, им нельзя ходить в школу, а следует учиться дома. Ты же понимаешь, в каком состоянии сейчас их нервы! А я буду с ними дома заниматься.

Чтобы не мешать "рисовальщику", Учитель вышел посидеть в скверике. Он хотел было предаться милым воспоминаниям о минувшем, но странное настоящее, которое он видел перед собой, обескураживало его. Вот мимо прошли молодые ребята, видимо, старшеклассники, неистово выкрикивая какие-то нелепые страшные лозунги. Да и весь город стал непохожим на себя, злым и непонятным.

Учитель с сестрой (и с документами) вернулись к ожидавшим их с нетерпением родным. Да, они стали друг для друга самыми родными людьми. Учитель занимался с мальчиками по всем предметам, они выполняли его задания, много читали, благо в доме была богатая библиотека. В свободное от занятий время мальчики помогали по дому и в саду. Каждую неделю, в основном, субботними вечерами Эльза доставала заветный альбом и рассказывала ребятам об их знаменитом прадедушке.

******

Интересная деталь – работа, на которую был приглашен бывший ученик Учителя придумали лично фюрер и его друг Гиммлер. В своем изощренном коварстве они решил подорвать экономику вражеских стран. Для этого следовало завалить Англию фальшивыми фунтами стерлингов, да и Америку тоже не мешало бы... На эту “сверхсекретную и сверхответственную” работу были вызваны все когда-либо сидевшие по тюрьмам фальшивомонетчики. Им создали неплохие условия, нечто среднее между домом отдыха и тюрьмой. Они работали под строгим контролем и охраной. Среди них был молодой человек из Дармштадта, дальнейшая судьба которого нам неизвестна.

А после начала Второй мировой войны со всех концлагерей собрали лучших гравёров, печатников, художников и работников банков из разных стран Европы, и в лагере смерти Заксенхаузен была создана тайная типография под названием «Бернхард» – по имени ее руководителя Бернхарда Крюгера, подчинявшегося лично Гиммлеру. Там изготавливались поддельные документы и банкноты.

******

Было собрано 142 человека, которые печатали английские фунты стерлингов, а позднее и американские доллары. Соломон Смолянов «профессиональный» уголовник-фальшивомонетчик возглавил эту команду. Банкноты были сделаны настолько профессионально, что даже эксперты британских банков не могли их распознать. Заключенные фальшивомонетчики придумали, как дать знать англичанам, что банкноты поддельны – они прокалывали иголкой лица английских монархов. Ведь для англичан, носивших фунты прямо в карманах из-за их больших размеров (13х21 см) и скреплявших их булавкой, прокалывание портрета монарха было недопустимым.

В апреле 1945 года, с приближением советских войск к Заксенхаузену оборудование и заключённые-фальшивомонетчики были эвакуированы в Маутхаузен. В начале мая 1945 года их начали перевозить в подлагерь в Эбензее, где они должны были быть уничтожены, но уничтожить их не успели. 5 мая заключённые были освобождены американскими войсками. Соломону Смолянову и 138 узникам руководимой им бригады специалистов удалось выжить.

После освобождения следы Соломона Смолянова на время затерялись... Есть мнение, что в первые послевоенные годы по изготовленным им поддельным документам в подмандатную Палестину удалось перебраться не одной сотне евреев. Достоверно известно, что в 48-м он был задержан и допрошен итальянской полицией в Риме по факту наводнивших город поддельных долларовых купюр. За неимением доказательств был отпущен и уехал из Италии. Через время он появился в Уругвае, но и его был вынужден покинуть после того, как полиция заподозрила его в изготовлении подделок русских икон.

Последние годы жизни Соломона Смолянова прошли в бразильском Порто-Аллегро, где неожиданно для многих на седьмом десятке лет жизни он открыл магазин по изготовлению и продаже детских игрушек. ***(Алексей Викторов)***

******

Глава восьмая

Отправив мальчиков с Эльзой, Эмма вернулась домой. Йохана в квартире не было. Несколько дней она искала мужа по всему городу. Однажды, проходя в своих бесконечных поисках мимо какого-то маленького, неказистого дома на отдаленной окраине города, она узнала – Готлиб как-то показал – этот молельный дом, куда он ходил молиться в первые годы после приезда в Берлин. Эмма остановилась около домика... Она вспоминала, как они с сестрой в детстве в России ходили с мамой и папой в синагогу. Папа оставался на первом этаже, в большом зале, где молились мужчины, а девочки с мамой поднимались на второй этаж на балкон для женщин... А вот здесь в Берлине они с Йоханом в синагогу не ходили...

Эмма решилась войти в домик, прислушалась, ей показалось, что там кто-то есть, но когда она тихо постучала, за дверью установилась мертвая тишина. Через несколько минут дверь чуть-чуть приоткрылась, в щели появилось чье-то испуганное лицо. Эмма успела заметить в комнате несколько человек, которые, накрыв головы талесами, истово молились.

– Я ищу мужа, Йохана.

– Здесь нет человека по имени Йохан.

Что делала потом, где бродила – она не помнила. Очнулась на скамейке в маленьком скверике. Она говорила сама с собой, очень тихо и невнятно, а над ней стоял полицейский. У него было доброе лицо.

– У вас какие-то проблемы, фрау? Что-то случилось?

– Да, – Эмма неожиданно прониклась доверием к нему, а может, ей просто надо было выплеснуть хоть малую толику переполнявшего ее горя. – Понимаете, у меня вырвали зуб, и поэтому пропал мой муж.

Полицейский вежливо взял ее за локоть:

– Пойдемте, фрау, я отведу вас в такое место, где о вас позаботятся.

До Эммы дошло, что фраза ее звучала нелогично, поэтому попыталась внести ясность:

– Понимаете, это мне во сне вырвали зуб. – Она видела, что еще больше запутала доброго полицейского. Тогда она замолчала, пытаясь привести в порядок свои мысли. “Я не сошла с ума, нет, я просто очень устала. В конце концов, я же врач! Я могу, я должна взять себя в руки и контролировать свою речь! Во-первых, ни в коем случае нельзя ни словом обмолвиться о внуках. А лучше вообще молчать. Да, я буду просто молчать”.

Полицейский привел ее в госпиталь.

– Посмотрите, доктор, мне кажется, фрау немного не в себе, – тихо сказал он, отвернувшись от Эммы.

******

Больных уничтожали не только в концентрационных лагерях, но и в родной Германии, в больницах и приютах… Командир зондеркоманды оберштурмфюрер СС Арно Безсков письменным распоряжением приказал уничтожать душевнобольных, находившихся без присмотра и задерживаемых полицией.

******

Доктор велел дать Эмме горячего чая с печеньем и уложить спать. Измотавшись душой и телом в своих безуспешных и оттого еще более тягостных, отчаянных попытках найти Йохана, Эмма почувствовала, что она как бы “выпадает” из мира своих злоключений и горя, и, свернувшись калачиком, быстро уснула. Утром она проснулась рано и стала обдумывать свое положение.

Главное – она знает, что внуки в безопасности. Ведь она не дала злобному дантисту в своем кошмарном сне вырвать другие зубы! Учитель даже не сказал ей, куда они едут, и значит, ни в бреду, ни во сне она не сможет назвать город или село, где находятся ее внуки. Просто потому, что она сама этого не знает. Йохан пропал. Только чудо может его спасти. Она будет надеяться, ведь чудеса иногда случаются! Теперь надо подумать, что делать дальше. То, что она попала в больницу, очень плохо. Здесь можно попасть на глаза кого-нибудь из бывших коллег или знакомых. И, как только она подумала об этом, в палату вошла бывшая медсестра их с Йоханом клиники, которая истерически кричала тогда, 6 лет назад, что подлые евреи хотят погубить великую Германию. Эмма замерла – что сейчас будет!? Но медсестра равнодушно прошла мимо – она не узнала в этой съежившейся, лохматой старухе некогда элегантную, ухоженную Эмму. А вот нянечка узнала. Она подошла и тихо, с горечью в голосе спросила:

– Это вы, фрау Эмма? – и, увидев ее испуганные глаза, быстро добавила, – Не волнуйтесь, я ничего никому не скажу, – женщина говорила мягко, глядя на Эмму с глубоким состраданием.

Эмма никак не могла вспомнить эту женщину – ни где, ни когда их пути могли пересечься. “Спрашивать неловко, – решила Эмма, – буду ждать, может, она сама расскажет, откуда она меня знает”.

Утром, закончив обход, доктор попросил Эмму рассказать о себе и о том, что с ней произошло. Эмма взяла себя в руки, говорила медленно, обдумывая каждое слово.

– Мой муж ушел из дому и не вернулся. Я очень беспокоюсь, как бы с ним не случилась беда. Он немолод и не очень здоров. Я искала его по всему городу.

– У вас есть дети? Родные? Кто может о вас позаботиться?

– У нас была дочь, но она погибла в автокатастрофе.

– А почему вы не обратились в полицию?

– Я... я не соображала, что мне надо делать, я … голову потеряла от страха за него.

– Может быть, ваш муж еврей?

– Нет-нет, что вы, совсем нет, он настоящий ариец.

– Ну, что же, я вижу, вам уже лучше. По-моему, держать вас здесь нет необходимости. Можете идти.

Доктор, как и полицейский, не захотел брать грех на душу, не хотел вешать на Эмму страшное клеймо душевнобольной, которое привело бы к ее уничтожению в соответствии с последним распоряжением оберштурмфюрера СС Арно Безскова.

В коридоре Эмма столкнулась с нянечкой, которая ее поджидала:

– Погодите, сейчас кончается моя смена, и мы пойдем вместе. – Нянечку звали Гизела. – Вам есть куда идти, где спрятаться?

Эмма отрицательно покачала головой – она почти наверняка знала, что на квартире ее немедленно арестуют.

– Когда-то вы спасли мне жизнь. Теперь, видно, судьба хочет, чтобы я отдала долг. А иначе, зачем бы вы попали именно в этот госпиталь и именно в мою смену?

******

Много лет назад Гизела поступила на работу нянечкой в городской госпиталь, где Эмма работала до того, как они с Йоханом открыли свою практику. Молодая нянечка любовалась элегантной, красивой докторшей, которая много знала, пользовалась уважением всех врачей, была ласковой, доброжелательной и совсем не высокомерной, как многие доктора.

А потом произошло вот что. На следующий день после того, как Гизела родила девочку (в своем, конеч-но же, госпитале), у нее поднялась высокая температура. Это был очень плохой признак. Врачи понимали, что, если не остановить воспалительный процесс за несколько часов, может случиться трагедия. К тому времени Эмма в госпитале уже не работала, но именно в этот день зашла туда по каким-то своим делам. И заведующий родильным отделением попросил ее посмотреть Гизелу – как-никак наша сотрудница. Эмма осмотрела Гизелу и высказала подозрение, что, вероятней всего, тот, кто принимал роды, не проверил послед на целостность. Нужна срочная чистка.

Эмма повелительным, даже каким-то королевским жестом показала, чтобы больную отвезли в операционную, и Гизела слышала, как она попросила кого-то: "Позвоните, пожалуйста, моему мужу – я задержусь в госпитале". Она выполнила всю операцию спокойно, четко и аккуратно. Ассистировавшая медсестра потом сказала Гизеле: "Ты просто не представляешь, что там было и что она сделала для тебя!" Эмма проинструктировала Гизелу, как вести себя дальше, какие пить лекарства, а также посоветовала пить очень популярное в Германии народное средство Mullein (масло с настоянными в нем цветами и корнями "коровяка").

Гизела благодарила ее со слезами на глазах и попросила разрешения расплатиться за проделанную операцию в рассрочку, понемногу – муж потерял работу, а она сможет вернуться к работе не раньше, чем через три месяца. Но Эмма не взяла с нее денег. “Так поступает мой отец, он тоже врач, – объяснила она, – и он всегда учил меня, что деньги надо брать с тех, у кого они есть, а тех, у кого их нет, надо лечить бесплатно”.

– Да благословит Господь Вашего отца, и Вас, и всю Вашу семью!

– Хорошо, я не возражаю и буду очень рада, – улыбнулась Эмма, погладила Гизелу по плечу и ушла.

Гизела назвала дочку Эммой и решила, что вырастит ее такой же доброй, образованной и элегантной. И пусть она будет доктором. (Так, к слову, дочка Гизелы тоже не пошла в медицину, как мечтала мать.)

Все это Гизела рассказала Эмме по дороге домой. Эмма смутно помнила этот случай, но сама никогда бы не узнала Гизелу, все-таки прошло лет 20. (*Классика русских народных сказок: помог Иванушка зайчику, ворону, медведю и Бог знает кому еще, а потом они в самые критические моменты выручали его.)*

Соседям Гизела сказала, что это ее двоюродная тетя приехала из Ганновера и будет жить с ней. Когда Эмму о чем-то спрашивали, она испуганно переспрашивала: “Was ist das?". В конце концов, соседи решили, что она или плохо слышит, или, мягко говоря, не очень умная, и оставили ее в покое. Эмма была спасена!

Глава девятая

Эмма жила у Гизелы. На улицу почти не выходила.

К 29 сентября 1939 года евреям Германии приказано сдать свои радиоприемники. Гизела как немка не должна была сдавать приемник, который они с Эммой и так редко слушали. Что там слушать? Речи фюрера? Только их и не заглушают. Однажды они долго крутили ручку приемника – сначала что-то говорили, кажется, на финском, слышно было неплохо, но непонятно. Потом поймали другую волну, говорили на немецком, но пошел треск, и они поняли – заглушают то, что им нельзя знать. Вслед за этим треском ясно и четко зазвучала речь “великого фюрера”. Они быстро покрутили ручку приемника и вдруг услышали песню, которую пел на немецком Эрнст Буш – известный немецкий антифашист-интернационалист, перебравшийся в Бельгию после окончания войны в Испании. Это была песня о Родине “Широка страна моя родная...", та самая, всем советским народом любимая песня, музыку которой написал Исаак Дунаевский, слова – Василий Лебедев-Кумач. (Перевод Э. Вейнерта - Erich Weinert)

Nicht mehr Haß der Rassen und Nationen!	Нет больше ненависти, рас и наций!
Gleiches Recht für jeden, der hier schafft!	Равные права для всех, кто здесь создает!
Überall, wo unsre Völker wohnen,	Везде, где живут наши народы,
Hat das Wort Genosse Klang und Kraft.	Слово “Товарищ” имеет звучание и силу.

Обе женщины слушали песню молча. О какой Родине в ней пелось? Трудно описать, что они чувствовали. Горечь, гордость, обиду, ненависть, жалость к себе, жалость к своему народу?.. Молчали до конца вечера и так же молча пошли спать.

Пока Гизела была на работе, Эмма готовила, убирала, что-то штопала, перешивала, делала другую домашнюю работу. По вечерам они рассказывали друг другу о своей прошлой жизни. Дочка Гизелы, названная в честь Эммы, бредила архитектурой. Гизела считала, что это мужская профессия, но дочь не переубедила. Муж Гизелы был рабочий и, хотя в коммунистической партии не состоял, очень сочувствовал идеям справедливости и равенства, заразил этими идеями дочь. Оба стали ходить на митинги и собрания коммунистов. Когда в 1933 году начались аресты коммунистов, мужу удалось переправить дочь в Швейцарию, а его самого арестовали. Теперь дочка не может сюда приехать, не подвергая себя очень серьезной опасности, не может

писать, чтобы не подвергать опасности мать. Вот так Гизела и живет – одной только надеждой, что все плохое когда-нибудь кончится, и все они встретятся.

Эмма тоже надеялась... Она рассказывала Гизеле, не имевшей ни малейшего понятия, что такое Россия, о жизни там, о том, как вслед за старшей сестрой она приехала в Германию учиться, вышла замуж.

******

Осенью 1922 года из России без всяких судов и следствий была выслана элита тогдашней интеллигенции: крупнейшие ученые, журналисты, писатели, философы. В основном, они осели в Берлине…
"Оглядываясь на эти годы вольного зарубежья, я вижу себя и тысячи других русских людей ведущими несколько странную, но не лишенную приятности жизнь в вещественной нищете и духовной неге..."

(В.В. Набоков)

******

Писатели, философы, ученые... Образовалось много эмигрантских кружков, которые Эмма изредка посещала. Йохан не возражал, чтобы Эмма ходила одна на эти собрания, поскольку он не говорил по-русски. Он провожал и встречал ее, но ей самой было неловко приходить без мужа. Иногда, если беседы велись на двух языках, она затаскивала его туда.

– Особенно интересны были встречи с Николаем Александровичем Бердяевым. С того времени, как в 1922 году его да еще многих достойных людей, большевики выслали из страны, и до 1924 года Бердяев жил в Берлине, – вспоминала Эмма.

– Кто такой Бердяев? – спросила Гизела.

– После мировой войны он считался ведущим философом Европы, – сказала задумчиво Эмма, глядя куда-то поверх головы Гизелы. – Он был близок с нашими философами – Шпенглером, Шелером, фон Кайзерлингом… – и вдруг осеклась. ("С нашими"…я сказала "с нашими", то есть с немецкими... Кто наши? И кто я сама? К кому я сама принадлежу? – горько подумала она.)

– В июне 1917 года, – продолжала Эмма после некоторой паузы, – Бердяев вместе с другими, очень известными в России людьми организовал "Лигу русской культуры". Через год Николая Александровича избрали вице-президентом Всероссийского союза писателей. Он сделал еще очень много для российской культуры. Был профессором Московского университета!

– Такой умный человек, почему же его выслали? И к тому же он русский, не еврей, – удивилась Гизела.

– Видишь ли, Гизела, если правительство презирает свой народ, не ценит его таланты, то нет ответа на твой вопрос. Николай Александрович рассказывал нам, как его арестовали в 1920 году. Было тогда, да и после, много громких судилищ над лучшими людьми из интеллигенции. К одному делу его и причислили. Допрашивал лично Дзержинский – самый главный их чекист. Потом Бердяева все же освободили. А через два года заставили подписать бумаги, что он покинет страну… На его лекциях было очень интересно, – продолжала вспоминать Эмма, – просто праздник для ума. Но через два года он переехал во Францию... Ривочка, моя сестра, сейчас тоже там...

– Неужели он еще в1924 году понял, какая судьба ждет Германию, что здесь станет так плохо? – с горечью изумилась Гизела.

– Не думаю, просто его бабушка по матери была француженка. Наверно, французский язык был ему роднее.

Так и жили эти две такие разные женщины, заботясь друг о друге и поверяя друг другу историю своей жизни.

******

1940 год. *С этого года евреи Германии обязаны были покинуть свои дома и жить в гетто, которые вскоре превратились в концентрационные лагеря.*

10 мая. Началось немецкое наступление на Западном фронте против Франции, Бельгии и Голландии.

15 мая. Голландская армия капитулировала перед немецкими войсками.

13 июня. Французский маршал Анри Петен и главнокомандующий французскими вооруженными силами генерал Максим Вейган объявили Париж "открытым городом". И на следующий же день немцы вошли в Париж. Маршал Петен возглавил правительство, которое 22 июня подписало капитуляцию в Компьене. С этого времени во Франции наступил режим Виши (по названию города, в котором обосновалось правительство Петена).

В конце 1940 года 362 болгарских еврея покинули страну в надежде спастись на исторической родине в Эрец-Исраэле. Британские власти в Палестине отказались принять болгарских беженцев. В Стамбуле корабль простоял 7 дней, ему не разрешили даже войти в порт. Выйдя в открытое море, судно потерпело крушение и большинство пассажиров погибло.

******

Эмма звезду не приколола, так как никуда не выходила. Управившись с домашней работой, она садилась в удобное глубокое кресло и дремала до прихода Гизелы. Ночью спать не могла. Что делает человек, когда он не спит и ничем не занят? Он думает. Как волны океана, которые то плавно и медленно накатывают на берег, то бурными барашками торопятся одна за другой, то бросаются с ревом на утес, разбиваясь на тысячи брызг, так и мысли Эммы обо всех несчастьях, свалившихся на нее, были подобны этим волнам – то медленно, удушливым валом подкатывали к горлу, то рвали мозг на части, заставляя ее из последних сил сдерживать рвущиеся из души рыдания... Эмма думала…

Эмма думала: … почему, Господи, Ты насылаешь столько несчастий и горя на наш народ? ведь это избранный Тобою народ, зачем же Ты избрал его? чтобы подвергать мучениям? этот народ, к которому и я принадлежу, и мой папочка принадлежал, и все родные – и муж, и внуки, и сестра, и вся ее семья, и все остальные знакомые и незнакомые евреи… как будто они играют роль "мальчиков для битья" в старых народных представлениях или похожи на клоуна в цирке, над которым все смеются, а он, клоун, на самом деле очень талантлив и многое умеет… и еще он хочет, чтобы к нему относились, как к остальным циркачам… он подбегает к жонглерам, они гонят его, но он просит дать шанс… сначала у него как будто получается плохо, но это понарошку, и зрители смеются, не зло, а весело, а потом он жонглирует не только булавами, шарами и кольцами, но даже горящими факелами, у него получается так профессионально, лучше, чем у самих жонглеров… публика замолкает… за это жонглеры бьют его булавой по голове, он падает, и зал смеется громко и насмешливо-снисходительно, а грустный клоун уходит… потом он залезает на трапецию к эквилибристам или канатоходцам, сначала, тоже специально, неуклюж, чтобы развеселить зрителей, а потом, когда он ловко кувыркается, делает сальто на канате, публика опять удивленно затихает – как это он все может?.. но потом гимнасты нарочно роняют его, роняют не в сетку, а преднамеренно мимо… как хорошо, что ему удается схватиться за что-то и не разбиться... и опять в зрительном зале смех, злорадный смех, а он, печальный, уходит, потешно потирая ушибленный бок… потом на арену выбегают его любимые лошади, они добрые, только они одни и жалеют его, безмолвно и грустно, гладят теплым, шершавым языком за кулисами, а на лошади стоит прекрасная изящная наездница в коротенькой воздушной пачке с блестками, как принцесса из сказки… она так грациозна!.. клоун выбегает на арену, бежит, спотыкаясь и протягивая к ней руки, все смеются, но вдруг он легко вспрыгивает на лошадь и вытворяет такое... все ахают – он легко подкидывает наездницу, перепрыгивает с ней на плечах с одной лошади на другую… но вдруг дрессировщик щелкает бичом и скидывает клоуна, и он падает прямо лицом в опилки, ему очень больно, но плачет он якобы не на самом деле, якобы понарошку, фонтаны из глаз бьют в два длинных ручья, и зрители снова хохочут, а он уходит за кулисы… и там из его грустных глаз медленно текут настоящие, горькие слезы… и он печально, с безнадежностью приговоренного думает о том, что завтра и послезавтра, и еще много-много дней с неотвратимостью судьбы он будет снова выходить на эту арену и снова падать и разбиваться… и нельзя никуда спрятаться от этого, потому что ему надо содержать семью, растить детей, дать им образование и, может, тогда минет их его участь, может, тогда они не будут клоунами, над которыми все с чувством собственного превосходства потешаются, которых все бьют и прогоняют...

… что же Ты ничего не делаешь, Господи? ведь так легко и просто решить эту проблему, что даже я, неразумная, слабая женщина, знаю, а Ты, Великий и Всемогущий, не можешь спасти Свой народ? или не хочешь?

… я прошу Тебя, призови к себе Ноя, повели ему построить ковчег, большой, красивый и удобный, как огромный океанский лайнер… ах, нет, не надо красивый, как "Титаник", пусть будет простой и надежный… потом пусть придет Моисей, созовет всех евреев, заиграет мелодию на волшебной дудочке, чтобы все пошли за ним… нет, я перепутала, на дудочке играл другой человек, а Моисей загудит в шофар, в большой витой бараний рог, грозно и торжественно будет гудеть, призывая к себе всех, кто хочет быть евреем, и пойдет он в Ковчег, и двинутся за ним евреи, что останутся живы после этой войны, с маленькими узелками самых необходимых вещей, а кто-то и совсем без вещей – счастливый тем, что выжил… еще возьмет мудрый Ной корову, быка, козочек и баранчиков, а других нам не надо – зачем нам нужны разные змеи или тараканы?.. потом Ной крикнет: "Отдать концы!", и мы поплывем... океан будет тихим и ласковым, и солнышко будет теплым и ласковым, и Моисей будет добрым и ласковым, будет рассказывать нам, как правильно жить… а потом мы приплывем к красивому необитаемому острову… Господи, ведь у Тебя так много земли, на которой Ты еще никого не поселил… и там мы никому не будем мешать, не будем мешать другим людям жить, как они хотят, не станем лезть со своими советами, никого не будем раздражать… и все будут работать, помогать друг другу, и этот остров станет просто раем…

…да-а, как бы другие народы не позавидовали, а то начнется опять все сначала... но Ты же все можешь, Всемогущий Господи!.. возможно, что и мой план не идеальный, ну, так придумай же что-нибудь...

******

Засунь подальше тяжкий вздох!
Ты говорил, что лучше б сдох!
О, как ты плох! О, как ты плох,
Печальный белый клоун!
Ты был сражен слепой судьбой,
Но встань, посмейся над собой!
Ты примешь бой! Ты примешь бой!
Ты просто избалован!
Забудь про ноги – сделай шаг!
Ты сам себе подлец и враг!
Каков дурак! Каков дурак,
Прикованный к арене!
Развей кошмаров сизый дым!
В слепой попытке стать другим
Ты одержим, ты одержим
Безумием сомнений!
Пусть этот мир, жесток и зол,
Глумился, втаптывая в пол!
Твой час пришел! Твой час пришел,
Пленённый хриплым смехом!
Так смой белила, сбрось парик!
Сними все то, к чему привык!
И в этот миг, и в этот миг
Ты станешь Человеком!

(***Сергей Карин. Белый клоун.***)

******

Глава десятая

В кинофильме «Вторая мировая война. День за днем» авторы утверждают, что «для того, чтобы понять, что происходило во Франции после разгрома Польши, нет более точной и правдивой книги». Речь идет о работе Марка Блока «Странное поражение. Свидетельство, записанное в 1940 году».

Марк Блок (1886-1944) – французский историк еврейского происхождения, автор трудов по западно-европейскому феодализму, аграрным отношениям во Франции, общим проблемам методологии истории. Один из основателей школы, произведшей переворот в исторической методологии. Участвовал в I и II мировых войнах в чине капитана.

«Я еврей,** – писал Блок, – **но не вижу в этом причины ни для гордыни, ни для стыда и отстаиваю свое происхождение лишь в одном случае: перед лицом антисемита».

В 1940 году эвакуирован из Дюнкерка в Британию, но вернулся оттуда во Францию, где участвовал в движении Сопротивления. В марте 1944 года был арестован гестапо, стойко выдержал все пытки, не раскрыв ни имен, ни явок. 16 июня 1940 года был расстрелян вместе с группой патриотов. Его последние слова:«Vive la France!»

******

22 сентября 1941 года первый день месяца Тишрей. Во Франции, в Тулузе, Рива со своей семьей дома тайно встречает еврейский Новый год – Рош ха-Шану. Как и положено в этот день, она вспоминает свою жизнь, чтобы попросить у всех близких и Всевышнего прощения за свои грехи. По количеству их было не так уж и много, но, как она считала, очень серьезных. Душа ее страдала из-за них повседневно, а не только в судный день.

Почему она оставила отца в России, почему после Первой мировой войны не сумела убедить его приехать? Да, младшенький только родился, да, была занята, но даже через несколько лет после революции надо было самой поехать за ним.

Как она могла уехать из Германии, не вывезя Эстер (Йохан такой упрямый!) или хотя бы племянников?..

Итак, еврейский Новый 5702 год. В этот день Бог судит нас за наши дела, взвешивает грехи и добрые поступки, подсчитывает дебит с кредитом, потом записывает приговор, но еще не окончательный. Если искренне раскаяться и просить прощения, приговор может быть смягчен. На это дается только 10 дней. А потом на Йом-Кипур приговор скрепляется печатью и обжалованию не подлежит!

******

Первое известное упоминание о "Судном дне" встречается в Мишне (на иврите – повторение). Это основная часть Талмуда, сборник трактатов, в которых изложена так называемая "Устная Тора". В ней говорится: "Четырежды в году мир предстает перед судом: на Песах решается судьба злаков земных, на Шавуот – плодов древесных, на Рош ха-Шану – весь род людской предстает пред очами Создателя, а в Суккот предопределяются дожди на весь грядущий год".

******

Рива просит Всевышнего за сестру, за внучатых племяников, за упрямца Йохана, за всех остальных невинных евреев. "Боже, Великий и Всемогущий, помоги, спаси! У нас в Берлине было столько добрых друзей, столько порядочных знакомых! Может быть, кто-нибудь из них поможет семье моей сестры?“ Рива страдала от неизвестности. Она не знала о том, что достойные люди спасли внуков Эммы.

Но вот Новый год и вся ее семья уже за столом. Готлиб проникновенно рассказывает:

– По Мидрашу, в первый день месяца Тишрей Всевышний создал мир, во второй день – ангелов с их приверженностью к добру и полной неспособностью грешить. В следующие дни он создал зверей, движимых животными страстями. Но не остался доволен ни той, ни другой крайностью. «Посему Я сотворю человека, в коем соединятся черты ангельские и звериные, дабы мог он следовать склонностям ангельским и животным. Пагубные дела его унизят горше диких тварей, а благородные порывы вознесут его выше ангелов небесных»

Мидраш (на иврите – изучение, толкование) – раздел «Устной Торы» – особый литературный жанр, представляющий собой притчи и легенды, отвечающие на вопросы учеников.

******

В 1881 году по Польше прокатились страшные погромы, а в России был убит царь Александр II. В этом же 1881 году случилось еще одно, не столь знаменательное, событие – в Яблуневе (тогда это была Польша, сейчас – Украина, Ивано-Франковская область) родилась еврейская девочка Ханна (на польский лад – Хансия) Верберг. Когда ей исполнилось восемь лет, семья бежала от очередных погромов в немецкий тогда Эльзас. Там ее по-эльзасски звали Шансья...

Шансья выросла, вышла замуж за *шойхета* (кошерного мясника), жила с ним в Страсбурге. Мужа звали Иосель (по французски – Шарль) Менгель. У них родились два сына – Аллан и Исер, которого друзья звали Маркель. (*Что за страсть к переименованиям? А может это не страсть, может, это хамелеоновский инстинкт – чтобы выжить, надо поменять окраску?)*

******

Эльзас… Эта территория в центре Европы постоянно являлась яблоком раздора. Еще бы! На севере региона с 1740 года разрабатывалось одно из первых месторождений нефти в мире! Кроме того, там есть залежи поташа, серебряные рудники, горячие источники, там выращивают зерновые, виноград, хмель. Горы, равнины, озера, леса – красота неописуемая. В средние века Эльзас принадлежал Франции. В 1871 г. Германия аннексировала Эльзас и владела им по 1918 г. С началом первой мировой войны власти Германии ввели режим военной диктатуры: запрещен французский язык, подвергается цензуре переписка и т.п.

Но мало кто знает, что 10 ноября 1918 года на всей территории Эльзаса установилась советская власть! Да-да, советская власть. Принимается декларация о независимости от Берлина. Объявлено, что отныне Эльзас является народной республикой. На стенах домов в Страсбурге революционные лозунги. Эльзасская республика просуществовала вплоть до аннексии Францией Эльзаса и Лотарингии – до 22 ноября 1918 года. Целых 12 дней! Эльзасские евреи жившие, в основном, в Страсбурге, не успели испугаться перемен, как оказались во Франции. Франция "забрала" обратно Эльзас – этот лакомый кусочек.

******

И вот снова война. Вторая Мировая. Фашисты заняли Страсбург, начали арестовывать евреев и увозить их в лагеря смерти. Да, пятой графы в паспорте не было, но были соседи, которые все знали. Да и как не знать национальность кошерного мясника?

Воистину в человеке соединяются «черты ангельские и звериные, дабы мог он следовать склонностям ангельским и животным». Те, которые были с чертами звериными оказались проворнее, и Иосель был схвачен фашистами. С ангельскими чертами тоже не бездействовали и помогли бежать Хансе-Шансье с сыновьями на юг, в Тулузу и даже "нарисовали" им новые документы, в которых их снова переименовали. Мальчикам предложили выбрать любую французскую фамилию. Они взяли историческую фамилию – известного генерала Французской Революции Франсуа **Марсо** Северен Де Гравье. Братья активно участвовали в движении "Сопротивление", а младший Исер Иоселович Менгель (Маркель Марсо) входил в группу по спасению еврейских детей.

Семья Менгелей 22 сентября 1941 года тоже тайком в Тулузе встречала еврейский Новый год, но без отца во главе стола. Он был в Освенциме.

******

Суровый и справедливый! Любишь ли Ты детей своих? Или только желанна Тебе их хвала?

<<Ведь страх пред Тобой довлеет над толпами ангелов, над шествием сонмов, собранием тысяч и тысяч... Благоговейный страх пред Тобой довлеет над ними! ***И все же желанна Тебе хвала, исходящая от иного свечения, сияния угасающего, от скудных разумом злоумышленников – и в этом слава Твоя!***

Ведь страх пред Тобой довлеет над ангелами, произносящими освящение, над возглашающими благословение, над четырехликими, над серафимами шестикрылыми. Благоговейный страх пред Тобой довлеет над ними! ***И все же желанна Тебе хвала вызванных из небытия, взывающих лицемерно, далеких от истины, лишенных добродетели – и в этом слава Твоя!***

Ведь страх пред Тобой довлеет над искрящимся пламенем, над струящимися водами, отвесными утесами, уступами скал. Благоговейный страх пред Тобой довлеет над ними! ***И все же желанна Тебе хвала созданий из плоти и крови, одолеваемых хаосом и суетой, подобно траве засыхающей, тени преходящей, цветку увядающему, хвала смертных, чей дух отлетает и жизнь улетучивается, чье дыхание пресекается и отходит душа*** *(здесь упомянуты пять уровней души: нэфэш, руах, нэшама, хайя, ехида. – Прим переводчика), кто предстает пред судом, умирает по приговору суда и оставляется в живых из милосердия, и кто прославляет Тебя, о, Жизнь миров!>>* ***(Махзор на День Искупления)***

Глава одиннадцатая

******

...Однако, для большей основательности суждений относительно самых разных деяний, как человеческих, так и Божественных, неплохо было бы также принять в расчет и то обстоятельство, что тяжкое возмездие за совершенную ошибку, например, царя Давида постигло незамедлительно, а вот теперь Всевышний почему-то явно не торопится, отстраненно наблюдая, как Рим подвергает всевозможным притеснениям возлюбленных чад Его, и, что смущает больше всего, с непонятным безразличием воспринимает вопиющие проявления непочтительности по отношению к Своему имени и могуществу. Ну, а коли так, то есть когда становится совершенно очевидно, что Господь Бог не спешит на помощь и вообще никак не дает о себе знать, ничего иного не остается человеку, как самому искать выход из создавшегося положения, и он покидает дом свой и отправляется наводить порядок в мире, где царствует хаос, где все вверх дном и ничего не разберешь, и весь этот мир, не ему, а Всевышнему принадлежащий, превращает в дом свой. ***(Жозе Сарамаго. Евангелие от Иисуса)***

******

Движение Сопротивления потеряло 20000 убитых в боях и 30000 казненных нацистами – эти цифры соизмеримы с потерями двухмиллионной французской армии. Кто посчитает сколько было среди них французов, а сколько остальных?

Состав участников движения Сопротивления во Франции был такой неоднородный, как ни в одной другой стране. В него входили самые разные люди: простые французы-патриоты, возмущенные своим продажным правительством, католики, анархисты, потомки русских эмигрантов, бежавшие из концлагерей военнопленные, поляки, армяне, спасшиеся от турецкого геноцида, испанские партизаны, левые республиканцы и баскские националисты, эвакуировавшиеся из побеждённой Испанской Республики во Францию и имеющие военный опыт, другие беженцы из оккупированных нацистами стран. (Французские коммунисты присоединились к движению Сопротивления только после того, как фашисты напали на Советский Союз.)

О многих выходцах из России, участвовавших во французском Сопротивлении, известно до обидного мало, чаще – ровным счетом ничего. По данным министра по делам ветеранов Франции Амлауи Мекашера (2005 г.), в движении Сопротивления во Франции сражались около 35 тысяч русских и выходцев из бывших советских республик, 7 тысяч из которых навеки остались лежать во французской земле. Подавляющее большинство – белоэмигранты. Их имена так несправедливо забыты...

Дочь бакинского губернатора, жена князя Николая Оболенского, княгиня Вера Оболенская (урожденная Макарова) стала основателем и активным участником Сопротивления. В конце 1943 года Оболенскую схватили вместе с её подругой и соратницей по Сопротивлению Софьей Носович… Вера Оболенская была посмертно награждена Военным крестом, медалью Сопротивления и орденом Почетного легиона с пальмовой ветвью. На памятнике жертвам войны в Нормандии установлена мемориальная доска с ее именем.

Анна Марли (Анна Юрьевна Смирнова-Марли) принадлежала к аристократическому роду, в котором также значились Михаил Лермонтов и Петр Столыпин. Кузен матери – Николай Бердяев. В 1937 году в Париже на конкурсе красоты «Мисс Россия» Анна была названа первой красавицей зарубежной России. Анна писала песни и исполняла их под гитару. Её «Песня партизан» стала неофициальным гимном Сопротивления, а по окончании войны эту песню предлагали сделать национальным гимном Франции. Марли была награждена Орденом Почетного легиона. Княгиня Тамара Алексеевна Волконская имела опыт сестры милосердия. В её доме лечились десятки раненых французских партизан, а позже советских воинов, бежавших на концлагерей. Закупала на свои средства еду, одежду, медикаменты.

Участники Сопротивления – слева на право:

С.Б.Пиленко,
сын Юрий,
Алексей Бабаджан,
мать Мария,
профессор Г.П.Федотов,
о.Дмитрий Клепинин,
К.В.Мочульский.

Не могу не привести цитату из "Люди, годы, жизнь" Ильи Эренбурга:

«*Петербургская поэтесса Лиза Кузьмина-Караваева... Уехав в Париж... постриглась; в монашестве приняла имя Мария... Во время войны монахиня Мария стала одной из героинь Сопротивления. Немцы ее отправили в Равенсбрук. Когда очередную партию заключенных вели в газовую камеру, мать Мария стала в колонну на место молоденькой советской девушки.* ***»***

Господа, почитайте о них, расскажите друзьям, постарайтесь, чтобы их имена не растворились в нашем быстротекущем времени...

******

И только в мае 2004 года в парижском православном Свято-Николаевском соборе состоялся обряд одновременной канонизации матери Марии, отца Д. Клепинина и Юрия Скобцова. Некоторых из них посмертно наградили российскими орденами и медалями. Через год на парижском кладбище Пер-Лашез был открыт памятник русским участникам движения Сопротивления во Франции. На постаменте по-русски и по-французски выбиты два слова: «РОДИНА ПОМНИТ». Должно было пройти более шестидесяти лет чтобы Родина о них вспомнила... ***(По материалам Юлии Горячевой «Белое дело не терпит пафоса. Русские герои французского Сопротивления». 2010 г.)***

******

Связь между группами осуществляли те, кто владел двумя и более языками. В рядах Сопротивления сражались также французские евреи, создавшие свою организацию. Среди них было немало евреев – эмигрантов из России.

В одну из групп Еврейского Сопротивления входила Рива со своей семьей. Их задачей было спасение еврейских детей от смерти в концлагере. Еврейских детей передавали по цепочке в Испанию, в католические монастыри, монахи и настоятели которых прятали их.

В двадцать девятой главе первой книги упоминался писатель и художник Жан Марсель Брюллер (псевдоним Веркор), который со своим другом Пьером де Лескюр основали в Париже подпольное «Полночное издательство». Среди многих произведений тайно напечатанных ими выделяется повесть Веркора «Шествие со звездой». В основу произведения положена история 16-летнего подростка, который приходит пешком из Моравии во Францию, и всю жизнь воспринимает её как страну свободы и справедливости. В годы оккупации он добровольно надевает желтую звезду. Но в его любимой Франции царит коллаборационизм, и французы выдают его немцам.

Французские полицейские по указке фашистов собирали евреев в определенных пунктах сбора, потом погружали в товарные вагоны и увозили в лагеря уничтожения. Пока люди еще находились в Тулузе – еще была надежда... При помощи фальшивых документов можно было вывести из гетто нескольких детей. Чтобы охранник не слишком пристально рассматривал документы, ему давали бутылку хорошего коньяка или французские духи. Обычно это делал старший сын Ривы – у него это получались лучше. Рива действовала иначе.

…К скучающему охраннику подходила пожилая ухоженная немецкая фрау и заводила разговор. Она немка, когда-то, по молодости вышла замуж за француза, а теперь ей так приятно видеть и говорить с земляком! Это была Рива со своей легендой. Ей помогал молодой парнишка из ее группы – Маркель Марсо. Он показывал искусно сфабрикованный пропуск и проходил в охраняемое помещение с намеченными к депортации евреями. Охранник не очень тщательно разглядывал документ – ему было приятно пообщаться с такой любезной дамой. Для того, чтобы еще более отвлечь фашиста от Маркеля, Рива придумала потрясающую аферу. Готлиб писал на старых пожелтевших листах бумаги (вот они и пригодились) стихи немецких поэтов старинным готическим шрифтом, зачеркивал некоторые строчки, имитируя разными способами черновик поэта. Например, Фридриха Шиллера “Немецкое величие”:

Мы пришли из мглы столетий,
Варварства седого дети.
Дряхл Имперский наш союз.
Но в цветах и беспечален
Вид готических развалин.

Доблесть немца и величье –
Не в неправде ратных дел.
Битвы против заблуждений,
Чванных, злобных обольщений,
Мир духовных достижений –
Вот достойный нас удел!

И вот Рива “трепетно” раскрывает папку с "черновиком" великого поэта и рассказывает историю, что, якобы, сам Иоганн Кристоф Фридрих Шиллер был дружен с ее дедушкой и подарил другу много своих черновиков. А тем временем Маркель заходит в гетто и выходит с каким-нибудь еврейским ребенком. Снова тычет он поддельный документ на ребенка с поддельной датой рождения, делавшей его возраст неподходящим для депортации и быстро уходит. Охраннику не до него – он думает, как бы купить у фрау этот черновик. Она обещает посоветоваться с антикваром и продать такому образованному сержанту этот документ недорого – пусть попадет в хорошие руки.

Сколько бы раз Маркель ни проходил мимо одного и того же охранника, тот не узнавал его. Один раз мимо сурового стражника проходил молодой парнишка подпрыгивающей походкой, весело насвистывающий, другой раз это был грустный прихрамывающий человек, иногда понурый и сутулый, иногда с глупым, удивлен-

ным лицом… Маркель обладал талантом перевоплощения. После войны весь мир узнал его под именем Марсель Марсо.

Маркель отводил ребенка к Ривиной дочке. Соседи ничего не подозревали – ведь к ней приходили разные дети обучаться танцам и пению. Потом, накормив и переодев этих ребят, передавали их дальше и затем перевозили в коробках на грузовиках в Испанию, в монастырях которых дети находили спасение.

******

В Испании Франко отказался принять антисемитское законодательство, несмотря на сильное давление фашистской Германии. Он «закрывал глаза» на то, что испанские пограничники за взятки пропускали на территорию Испании евреев, бежавших из оккупированных стран. Католические монастыри прятали переправленных через границу еврейских детей. (По этой причине историография современного Израиля относится к нему снисходительно, несмотря на его сотрудничество с Гитлером.) Помимо евреев, на территории Испании спасались сбитые над Францией и сумевшие перейти Пиренеи лётчики антигитлеровской коалиции. Режим Франко даже не мешал им за их деньги фрахтовать суда и отправляться на территории, подконтрольные западным союзникам.

(*По некоторым источникам он спас жизни не меньше 60 тыс. евреев, которые бежали от нацистов.)*

******

Иногда им удавалось достать настоящие или сделанные более качественно документы, и тогда детей и даже взрослых переправляли в Швейцарию.

Когда в задней комнатке Ривиной квартиры собиралась их небольшая подпольная группа, все разговоры сводились к одному – то, что они делают, – это капля в море. Как спасти больше людей?

– Почти каждый день уходят из Тулузы поезда, наполненные евреями, цыганами, подпольщиками. А мы не можем им помочь. Мы радуемся, если удается вывести из гетто двух ребятишек вместо одного, а пока их сотнями увозят в Германию.

…Какова доля вины Французской национальной железнодорожной компании (SNCF) в депортации из Франции в лагеря смерти на территории Германии 76 тысяч французских евреев, 20 тысяч цыган, 38 тысяч участников Сопротивления?..Французская полиция выискивала и арестовывала евреев, включая детей и стариков, и затем депортировала их. Немцы контролировали их «работу», а детали разрабатывали сами французы. Служащие железнодорожной компании проявляли рвение, чтобы оккупанты были довольны.

******

Именно французы придумали использовать вагоны для перевозки скота без лавок и туалетов, поскольку в них можно было затолкать больше людей. В вагоны загоняли мужчин, женщин, стариков и детей. Люди в вагонах теряли сознание, кричали, плакали дети, умирали старики… Французы вели составы до границы с Германией, там французскую бригаду сменяла немецкая. Французы-железнодорожники сортировали отобранные у евреев при погрузке вещи и отправляли их в Германию. Отправку вагонов, закрытие дверей на цепи и висячие замки, навешивание деревянных щитов-заглушек на окна проверяли французы – инженеры SNCF. Все железнодорожники были членами профсоюза, который не прекращал работу и в период оккупации. Аресты евреев проходили не только на оккупированной, но и на, так называемой, «свободной территории Франции», где формально оккупации не было! Отправка составов с евреями велась до последнего дня оккупации. ***Были случаи, когда составы отправлялись со станции за час до прихода союзных войск!*** *Ни разу ни один француз – инженер, рабочий, машинист, сцепщик, кочегар – не отказался вести состав с обреченными. Не было ни одного взрыва на железных дорогах по пути следования этих составов.* ***Лишь однажды три студента, фамилия одного из них была Лифшиц, остановили состав, пригрозили машинисту и успели открыть несколько вагонов. 232 евреям удалось бежать.*** *Повторяю, это был единственный случай за всю войну! А ведь немцы не охраняли эти составы на территории Франции. Был, правда, один машинист, который отказался вести состав, но не с евреями, а с участниками Сопротивления. Один за всю войну!*

Весь оккупационный корпус немцев во Франции составлял 60 тысяч солдат и офицеров. На 40 миллионов французов. Нация, рубившая головы своим королям, организованно сдалась на милость бошей и послушно следовала указаниям оккупантов… Францию освободили союзники. Кроме того, с момента оккупации и до нападения немцев на СССР французские коммунисты вообще не вели борьбы с оккупантами. «Победительницей» в войне коллаборационистскую Францию сделала умная политика де Голля, который привел Францию в Ялту и усадил за один стол с СССР, Англией и Америкой. ***(Нина Большакова.***)

P.S. *В январе 2011 на 20-м Фестивале еврейского кино в Нью-Йорке был показан документальный фильм «Конвои позора» («Convoys of Shame» / «Les Convois de la honte») об этом позорном поведении французов во время войны, о котором они хотят забыть как можно быстрее.*

******

Как-то Рива пришла домой сама не своя. Едва войдя в дом, она зарыдала на плече у Готлиба:

– Лифшиц погиб...

Муж обнял ее, так и сидели оба, ничего не говоря. Готлиб отворачивался, пряча слезы. Он знал этого красивого кудрявого парня, возбужденно размахивавшего руками... Позднее Рива рассказала ему, что Лифшиц с двумя друзьями сумели остановить поезд, начали открывать вагоны с криками: "Разбегайтесь скорее!" Их застрелили...

******

Полвека (!) совесть никого не тревожила... И только 16 июля 1995 года президент Жак Ширак официально признал ответственность французского правительства за депортацию парижских евреев в Освенцим, сказав, что преступление было совершено французами и французским государством.

Ариадна Скрябина. Дочь великого русского композитора… Осиротев, и попав в Париж, к дяде и бабушке, Ариадна влюбилась в известного поэта Довида Кнута (Фиксмана), перешла в иудаизм по строгим религиозным правилам и приняла имя Сарра. Третьим браком вышла за него замуж.

(Хотя большинство биографов их семьи считают, что предками ее матери – Татьяны Шлецер – были эльзасские евреи. Мать крестилась сама и крестила своих троих детей. Впрочем, для нашей истории это не имеет значения.) 11 июня 1940 г. немцы вошли в Париж. Довид и Ариадна с детьми сразу же переправились на юг, в Тулузу. Здесь они создали подпольную группу Еврейского Сопротивления, ставшую частью Еврейской боевой организации.

Ариадна, Довид и Ева Киршнер. Париж, февраль 1940

(История Ариадны достаточно хорошо известна и многократно описана, упоминается здесь только в связи с тем, что она, свободно владея несколькими европейскими языками, связывала русские группы сопротивления с еврейскими и французскими, координировала работу группы, в которую входила Рива)

******

Довид Кнут и Ариадна настояли на том, чтобы организовать чисто еврейские боевые группы, потому что для французов – это борьба с захватчиками, а для евреев – борьба за выживание. Сама она сформировала отряд в департаменте Од, была начальником штаба еврейского партизанского движения Тулузы, вызывалась идти на самые рискованные задания. Вместе с другими Сарра переправляла еврейских детей до испанской границы, где их забирали испанские друзья и везли дальше. В Тулузу, в главный перевалочный пункт, она возвращалась с грузом оружия.

…До последних дней оккупации трусливые французские полицейские старательно исполняли директивы нацистов, ловя и отправляя в их лапы своих сограждан, самоотверженно спасавших от гибели малолетних детей. …Не зря же после освобождения Франции союзниками сам генерал де Голль вынужден был признать, что «синагога дала больше бойцов, чем церковь».

(Розалия Степанова. Путеводная нить Ариадны Скрябиной)

******

Когда до Освобождения оставалось меньше месяца, 27 июля 1944 года была убита Ариадна Скрябина-Фиксман. Ей было всего 39 лет. Ариадна Скрябина была награждена (посмертно) военным крестом и медалью Сопротивления.

В этом же, 1944 году, погиб в Освенциме отец Марселя Марсо.

******

И если умирает человек,
с ним умирает первый его снег,
и первый поцелуй, и первый бой…
Все это забирает он с собой.
Уходят люди… Их не возвратить,
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
от этой невозвратности кричать.

(Евгений Евтушенко)

Маркель Марсо, в совершенстве владевший тремя языками, после освобождения Франции служил переводчиком у генерала де Голля. Возможно, ему светила военная карьера, но вмешался слу-чай. Чтобы как-то выразить свою признательность освободителям, развеселить американских солдат, оторванных так надолго от дома, он вспомнил, как еще 13-летним подростком выступал в Эльзасе перед ребятишками в детском лагере, который каждое лето устраивала его тетя. Он изображал Чарли Чаплина. Дети были в восторге. Вот и сейчас он показал несколько пантомим трем тысячам солдат ВС США. Так началась профессиональная карьера мима Марселя Марсо и его героя Бипа – маленького человека, маленького еврейского мальчика в этом большом мире.

Глава двенадцатая

Союзники открыли второй фронт. Во время британских бомбардировок Германии 11 сентября 1944 года более трех четвертей города и центр Дармштадта были разрушены, погибло 12,300 человек, без крова остались 66-70 тысяч жителей. Были разгромлены и школа, где когда-то преподавал Учитель, и скверик, столь любимый им в молодости.

В маленьком городке недалеко от Дармштадта умирал Учитель. Рядом с ним находились его кузина, преданная Эльза и мальчики – внуки Эммы. Учитель понимал состояние Эльзы, так привязавшейся к мальчикам, что одна мысль о предстоящей разлуке приводила ее в отчаяние.

– Ты должна выполнить свой долг. Во-первых, ты обещала фрау Эмме передать детей ее сестре Риве. Во-вторых, подумай о них. У них нет будущего в этой несчастной стране. Что они будут делать без настоящих документов? Как будут учиться в школе, в университете? Когда закончится война, они захотят вернуть себе свое имя, идентификацию, родню, национальность в конце концов. Ты же сама рассказывала им об их прадедушке – докторе Левине. Не бери грех на душу. Выполни свой долг – верни их семье. При первой же возможности напиши фрау Риве, да не один, а несколько раз – вдруг одно письмо затеряется, вдруг они сменили адрес. Надо писать и искать, искать... Эльза обещала.

******

Берлин. 28 апреля 1945 г. Беспрерывные бомбежки. Ясно, что город вот-вот сдадут. Гизела выходила раздобыть что-то съестное, приходила часто пустая, но всегда с новостями.

– Такие слухи разные! В одном месте сказали, что русские раздают еду. Сами видели – стояла полевая кухня, а перед ней очередь – дети с мисками, и повар им кашу в миски половником клал. А в другом месте сказали, что русские грабят и насилуют.

Эмма воспринимала эти новости без особых эмоций.

– Грабить у нас нечего, насиловать нас не будут – старые мы с тобой для этого. А от мисочки каши мы бы не отказались...

– Ты так спокойна, потому что это твои, русские. А мне очень тревожно. Как ты думаешь, это правда?

– Как тебе сказать... Это ведь озлобленные за четыре года войны мужчины, повидавшие на своем пути столько зверств, творимых врагом на их родине, над их близкими... Ты думаешь, фашисты вели себя на их земле по-другому? Вот и растет ненависть, агрессивность, жажда мщения... Их можно понять. А как иначе? Сейчас всего можно ожидать, но все же, я думаю, их руководство не разрешит убивать и насиловать.

Представь себе семью, в которой отец – тиран и жестокий деспот. Он бьет жену и детей, издевается над ними, но перед соседями хочет выглядеть как хороший и заботливый семьянин. Каждое воскресенье он выводит свою семью, например, в церковь, все приодеты, отмыты раны и синяки припудрены, всей семье приказано вести себя так, как будто у них все прекрасно. Так и Советы постараются показать всему миру, что они – освободители Европы от тирана, справедливые и благородные. И их командиры, я думаю, запретят зверствовать. Будем ждать...

– Послушай, как только сюда войдут русские, ты сразу кричи: "Я своя, я русская".

– Ладно, постараюсь.

И опять, в который раз, Эмма спрашивала себя: кто я? какой народ «мой»? Гизела сказала: «это твои, русские». А так ли? Но ведь я немка, немка! Германия – моя Родина! И еще я еврейка. А родилась я в России и выросла там. Русские мне, как родные. Я до конца дней своих буду помнить Николая Петровича, который был другом папы, был рядом с ним до конца. И русский язык мне такой же родной, как немецкий и идиш...

Когда звучал сигнал тревоги, Гизела и Эмма только теснее прижимались друг к другу, в бомбоубежище не спускались. Гизела боялась быть засыпанной в подвале, у нее была клаустрофобия – боязнь замкнутого пространства, а Эмма не хотела оставлять ее одну. Вдруг шарахнуло так, что стены задрожали – бомба попала в дом напротив.

******

1 мая 1945 года. Советские войска в Берлине. И вот показались красноармейцы. Они шли врассыпную, внимательно оглядывая все вокруг – развалины, окна верхних этажей.

Из подъезда дома Гизела и Эмма завороженно смотрели на приближающихся солдат. В их глазах страх смешивался с надеждой, что мир снова станет нормальным. Внимание Эммы привлек один очень молодой, но рослый солдат с юношеским румянцем и добродушной улыбкой. Глаза их встретились. И он улыбнулся им – мол, война кончилась, не бойтесь, расслабьтесь. В этот момент Эмма не выдержала, эмоции захлестнули ее, она, забыв об осторожности и обо всем на свете, бросилась к этому юному солдатику.

– Наши, наши, русские, дорогие, – кричала она, радостно упиваясь далеким, но не забытым русским языком.

Эмма, маленькая, сухонькая обняла большого, красивого молодого солдата, едва доставая ему до груди, и разрыдалась. Солдаты не понимали, что происходит.

– Бабушка, вы что, русская?

– Да, да, я из Н-ска, – сказала Эмма. У парня удивленно округлились глаза. Он хотел сказать, что он тоже из Н-ска, это же надо, какое совпадение... Но не успел...

Фашистский снайпер видел из окна противоположного дома, как старая немецкая фрау обнимает русского солдата.

– Ах ты, старая б..., – грязно выругался он и двумя меткими выстрелами сразил обоих.

Молодой солдат (а это был Ванечка – сын Афанасия и Веры Васильевны из Н-ска) вместе с Эммой медленно сползли вниз и, также в обнимку, остались лежать на земле.

…Тонкие нити, каким-то случайным образом связывающие людей... Кто разберется в их хитросплетении? Кто мог догадаться, размотав весь клубок земных связей, что так оборвутся их дороги? Что погибнут они в один миг, крепко обнявшись, не знакомые друг другу земляки...

Внук старого немецкого доктора, доживающего свой век в разрушенном Берлине, убил дочку доктора Давида Эммануиловича Левина, его приятеля по XI Медицинскому конгрессу...

Солдаты бросились в дом, где засел снайпер. А Гизела рыдала над трупом Эммы, ставшей за эти годы самым родным и близким человеком, пытаясь объяснить солдатам:

– *Sie war aus Russland. Sie verbarg sich von den Nazis hier.* (Она была из России. Она здесь пряталась от нацистов.)

После войны, как потом оказалось, в Берлине осталось 59 евреев, которых прятали друзья-немцы.
59 счастливчиков сумели пережить все эти долгие годы войны и ужасов, укрытые благородством, порядочностью и бесстрашием друзей. А ведь их могло быть 60... если бы Эмма осталась жива...

Глава тринадцатая

Наконец, наступил долгожданный конец этому всемирному кошмару. Война закончилась. Эльза долго собиралась с духом. Она понимала, что нужно написать письмо во Францию, разыскать Риву. Да, она помнила обещание, данное Учителю, да и мальчики робко и деликатно намекали. Боже, как она не хотела! Но все-таки взяла себя в руки и вечером, когда все легли спать, написала три письма (хоть одно, возможно, дойдет в это тяжелое время послевоенного восстановления) и относила их на почту с недельным интервалом.

Где взять слова, выражения, чтобы описать эмоции Ривы и ее семьи, их радость, счастье – они нашли друг друга! Эльза написала, что ни за что не отпустит мальчиков без сопровождения. Младший сын Ривы приехал за ними. Они звали Эльзу с собой, но она не уехала – не могла оставить старенькую кузину, дом, который теперь отходил ей по наследству. Что случилось с Эммой после их расставания на вокзале, она не знала...

Рива разыскивала сестру и Йохана через Красный Крест всех европейских стран. Писала письма по старому и новому адресам Эммы, некоторым знакомым врачам, адреса которых помнила. Безрезультатно... Тогда она начала писать письма в управление концлагерей. Она знала аккуратность и тщательную исполнительность немцев – списки всех убитых, сожженных, умерших от непосильного труда, от болезней должны были быть зарегистрированы. Ответы приходили отрицательные, что оставляло некоторую надежду.

После окончания войны дети Ривы работали в лагерях для перемещённых лиц, где находились пережившие Холокост евреи. Они помогали организовывать их переселение в Палестину. Младший сын Ривы был особенно активным членом организации "Бриха".

******

В 1944 году после освобождения Вильнюса, Барановичей и Ровно группы сионистски настроенных евреев-партизан объединились, чтобы помочь уцелевшим евреям Европы добраться до Израиля.

Была создана подпольная организация Бриха́ (ивр. «побег»), члены которой собирали евреев почти изо всех европейских стран: Польши, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Советского Союза, перевозили их через Германию, Югославию, Австрию, Италию и Францию к портам Средиземного моря. Оттуда на специально зафрахтованных для этого кораблях под руководством подразделения «Хаганы» (называемого «Мосад ле-Алия Бет») тайком вывозили евреев в Эрец-Исраэль. Англичане перехватывали суда с нелегальными эмигрантами-евреями и заключали их в лагеря для перемещенных лиц на Кипре, на Маврикии и в Германии, где большинство из них содержались до провозглашения Государства Израиль в 1948 году. Бесчеловечная политика… Широкую известность получила драматическая история пассажиров парохода «Эксодус». ***(По материалам электронной еврейской энциклопедии)***

******

У измученных, несчастных людей, потерявших родных и близких, оставалась только одна надежда обрести Родину предков – пытаться добраться до нее по морю. Но и в этом им было отказано.

Великобритания имела мандат на Палестину с целью оказания помощи евреям в создании национального дома. Квота на иммиграцию евреев в Палестину была "не более 1500 ежемесячно". Но с 1941 года остались неиспользованными тысячи сертификатов на въезд в Палестину. Англия их почти не выдавала. Оставался нелегальный путь.

******

С мая по декабрь 1945 года по всей Европе происходило массовое переселение народов. Люди возвращались на родные пепелища, искали своих близких. Добровольцы из организации “Бриха” помогали им. Евреев с фальшивыми удостоверениями личности (многие из которых были изготовлены Соломоном Смоляновым – тем самым главным фальшивомонетчиком из лагеря смерти Заксенхаузен) строжайше предупреждали, что разговаривать можно только на иврите, который пограничники принимали за греческий язык. Так они переходили границы государств. Но к концу декабря 1945 года положение в Европе стабилизировалось, власти государств стали препятствовать нелегальным переходам границ. Переправлять людей становилось сложнее и опаснее.

(По материалам электронной еврейской энциклопедии)

******

Группы спасенных от нацистов евреев фрахтовали старые суда – на более современные, разумеется, не было денег. Корабли были дряхлые, двигатели то и дело ломались. Турецкие власти, под нажимом британских дипломатов, не разрешали отплывать этим кораблям с евреями, в Палестину.

На небольших суденышках смелые контрабандисты (хоть и не бескорыстно, но все же поступая благородно и сострадательно) под покровом ночи без всяких разрешений и сертификатов более успешно перевозили евреев в Палестину.

И, несмотря на все опасности, старшие дети и внуки Ривы отплыли в Палестину на пароходе, на котором было около 700 еврейских беженцев. Небольшой корабль, ведомый смелым, авантюрным и благородным (все эти качества не противоречат одно другому) капитаном смог прорваться из Италии сквозь английскую морскую блокаду и достичь побережья.

Пароход сел на мель вблизи Нагарии. На немногих спасательных шлюпках высаживали только маленьких детей, стариков и больных.. Все остальные кто вплавь, кто держась за протянутые канаты, добирались до берега сами Всем благополучно удалось выбраться.

.

******

Небо в тучах свинцовых, шумит ураган,
Волны гонит зловещее море.
Мы подымем стакан в твою честь,капитан!
Мы с тобой еще встретимся вскоре.
……...
Про тот маленький флот из бесчисленных стран
Сочинят и стихи, и романы.
И уж точно тебе – да, тебе, капитан,
Позавидуют все капитаны.
Наши парни работали ночью впотьмах;
За свой труд отдадут они душу.
Ты видал, как они с корабля на плечах,
Свой народ переносят на сушу.
……...
День придет, и в таверне ночной
Ты вздохнешь за бутылкою кьянти,
Улыбнешься и скажешь, тряхнув сединой:
«Постарел я, друзья мои, гляньте!
И хоть много прошел с того дня я путей,
Но я помню – о, Санта-Мария,
Как при спуске в ту ночь я промок до костей
В этой... как ее звать?.. Нагарии!»
Вот тогда-то мы скажем: «Замок уже снят,
И ворота открыты народу;
И открыла их, брат, эта кучка ребят,
Что в ту ночь смело бросились в воду».
……...
День придет! А пока всё шумит ураган!
Тост наш за риск без награды!
За наш маленький бот, что ведёшь, капитан,
Сквозь шторма, ураган и блокады!
(Натан Альтерман. Перевод Х.Райхман)

Местная полиция на следующий день смогла поймать только 100 из 700 евреев. Через несколько дней на оставшемся на мели корабле трепыхалось на ветру большое бело-голубое полотнище с надписью: "Этот корабль – памятник шести миллионам наших братьев и сестер, сгоревших в огне Холокоста. Да послужит он свидетельством позора британского правительства". Британские власти, не обращая внимания на плакат, продолжали жестоко отгонять от заветных берегов обетованной земли людей, чудом спасшихся от фашистских палачей.

Глава четырнадцатая

Наконец-то мировое сообщество благосклонно разрешило евреям обустроить собственный дом, и 14 мая 1948 года (5 ияра 5708 – по еврейскому календарю) было провозглашено (на основании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181, принятой 29 ноября 1947 года) новое государство – Израиль

******

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО

"Государство не преподносят народу на серебряном блюде." (Хаим Вейцман)

И наступит покой. И багровое око
Небосвода померкнет в дыму,
И народ, всею грудью вздыхая глубоко,
В предвкушении близкого чуда замрет.
Он в сияньи луны простоит до восхода.
В радость, в боль облаченный.
И с первым лучом двое – девушка с юношей –
выйдут к народу,
Мерным шагом ступая, к плечу плечом.
Молчаливо пройдут они длинной тропою,
Их одежда проста, башмаки тяжелы,
Их тела не отмыты от копоти боя,
Их глаза еще полны и молний и мглы.
Как устали они! Но чело их прекрасно
И росинками юности окроплено,
Подойдут и застынут вблизи…
И неясно,
То ли живы они, то ль убиты давно.
И, волнуясь, народ спросит: "Кто вы?"
И хором скажут оба, в засохшей
крови и пыли:
"Мы – то блюдо серебряное, на котором
Государство еврейское вам поднесли".
Скажут так и падут. Тень на лица их ляжет.
Остальное история, видно, доскажет…
(Натан Альтерман. Перевод Р. Морана)

******

Начиная с 1934 года, до провозглашения еврейского государства в страну нелегально въехало около 115 тыс. человек. После этой великой даты до конца 1948 года в Эрец Исраэль прибыло более 100 тыс.(!) репатриантов. Первыми прибыли европейские евреи, пережившие Катастрофу и находившиеся в лагерях перемещенных лиц. Ехали также те, кто хотел бы приехать раньше, но боялся ехать нелегально – пожилые, семьи с маленькими детьми.

Рива с Готлибом и племянниками перехали в Израиль в конце 1949-го. Младший сын Ривы пока остался в Европе с секретной миссией.

******

Как известно, в страшные годы войны от рук нацистов погибли более 6 миллионов евреев. Нюрнбергский процесс 1945 года заставил ответить за мучения миллионов людей только 24 представителей политической и военной элиты Третьего Рейха. Но как же быть с теми, кто охранял лагеря смерти, запирал двери газовых камер и пускал в них смертоносный газ «Циклон Б»? Какое наказание понесут те, кто служил в гетто или стрелял евреям в спину со строгим приказом использовать только по одному

патрону на человека и оставлял их умирать на груде таких же еще дышащих, дергающихся в конвульсиях тел, или же хоронил своих жертв заживо? Что ждало «нацистов среднего звена»?

А ничего особенного. Согласно статистике, после разгрома фашизма в одной только ФРГ насчитывалось 13,2 миллионов человек, которых можно было арестовывать автоматически только за то, что они были напрямую замешаны в преступлениях нацистского режима. Из этого списка были арестованы менее 3,5 миллионов, 2,5 миллиона из которых были освобождены без проведения какого-либо следствия. Около миллиона оставшихся получили различные наказания в виде штрафов или конфискации имущества, украден-ного ими в военные годы; кому-то временно запретили работать в государственных учреждениях. К 1949 году в тюрьме сидели только 300 нацистских преступников. ***Триста из 13 миллионов виновных!***

…Кровь погибших ждала отмщения, но мир хотел поскорее обо всем забыть и жить будущим. Родственникам жертв нацизма невыносимо больно было видеть, как убийцы их близких разгуливают на свободе. Понятно, что в таких условиях не могла не родиться идея о вершении собственного правосудия. Так, весной 1945 года в Румынии появилась подпольная организация ***Нокмим*** *(ивр. "Мстители"). Согласно некоторым источникам принято считать, что лидером организации был участник восстания в вильненском гетто Аба Ковнер.* ***(Оксана Ширкина)***

******

«Мстители» уничтожали нацистских преступников. По словам Чезарани, «они держали рты на замке и унесли этот секрет с собой в могилу». Мстители понимали, что со временем остывает справедливый гнев мирового сообщества и многие из фашистов будут отпущены на свободу. Этого нельзя допустить…

Бежавших от возмездия нацистов настигала смерть самыми разными способами. В авариях, их обнаруживали задушенными или повешенными, в больницах вдруг в кровь к ним через капельницу поступала отрава. «Нокмим» добрались до Канады, Латинской Америки, Испании и других стран. В Канаде в Виннипеге нашли Александра Лаака, виновного в смерти 100 тысяч евреев в эстонском концлагере Ягала. Его жена ушла в кино, а когда вернулась, он был мертв, все признаки самоубийства...

Самая большая операция была проведена в Нюрнбергском лагере для бывших эсэсовцев «Сталаг-13». Хлеб для всего лагеря изготавливался в одной пекарне. Яд был подсыпан в утреннюю выпечку. 20 апреля 1946 года в The New York Times появилась статья: *«На этой неделе 1900 немецких военных преступников в нюрнбергском лагере отравились хлебом с мышьяком и сейчас находятся в тяжелом состоянии…»* Американцы промыли желудки всем отравленным и тщательно скрывали результаты этой акции. Точное число погибших так и не сообщили... «Первый сезон охоты» продолжался до 1949-50 гг.

Активным членом «Нокмим» был младший сын Ривы. Периодически он появлялся в Израиле у мамы, через несколько недель опять пропадал, никому не рассказывал, чем занимается, но чуткое мамино сердце болело от страха за него. В 1949 году он приехал с молодой женой, пожил месяц и уехал, оставив семью в ожидании наследника. Жена знала об опасной деятельности мужа, но тоже умела хранить секреты.

В начале 1950 года, перевалив далеко за 70 лет, Рива еще раз стала бабушкой.

Европейские страны были заняты своими проблемами. Никто не хотел наказывать преступников. «Великобритания предпринимала попытки привлечь к ответственности тех, кто убивал...» Не наказывала, не судила, не привлекала, а лишь «предпринимала попытки» или только делала вид?..

«Нокмим» готовилась к более грандиозной операции. Ковнер и его группа решили отравить водные запасы в пяти крупнейших германских городах: Берлине, Мюнхене, Веймаре, Нюрнберге и Гамбурге. Днем и ночью они изучали схемы системы водоснабжения, чтобы отравленной оказалась вода в районах, где жили только немцы. Эта задача была посложнее, чем отравить хлеб в лагере. И в техническом и в моральном смысле. В лагере были собраны гестаповцы и эсэсовцы (всего их было в этом лагере 12 000), а водой из крана могут отравиться и маленькие дети... Еврейские мстители думали о маленьких немецких детях...

На пути в Европу Ковнера с двумя канистрами яда арестовала британская военная полиция. Абба Ковнер успел выбросить канистры с ядом за борт при аресте, поэтому он пробыл в каирской тюрьме недолго. Но этим планам не удалось осуществиться не только из-за отсутствия яда. По одной версии – его убедил Бен Гурион не делать этого. По другой версии – лидеры сионистского движения приложили усилия, чтобы сорвать эту акцию, опасаясь осуждения мировой общественности. А может, он передумал, пожалев маленьких детей. Мы этого никогда не узнаем…

******

К сожалению, деятельность «Мстителей» не заняла полагающегося ей по значимости места в истории Холокоста. Этот факт стал наибольшим разочарованием для Ковнера, который умер в 1987 году. Один из его бывших соратников Габик Седлис рассказал, что лидер «Нокмим» полагал, что его имя займет не последнее место в истории защитников еврейского народа. «Он хотел, чтобы и по прошествии 2000 лет люди помнили об Иуде Маккавее и Абе Ковнере», – сказал он. Помнят ли? ***(Оксана Ширкина)***

Глава пятнадцатая

Время бежит... Люди спешат на работу, спешат с работы, торопят время, как мальчишка на самокате, отталкиваясь одной ногой от земли, которая ускоряется и летит все скорее и скорее. Вот уже 1958 год на дворе. Племянники Ривы, спасенные Эльзой, выполнили задуманное. Они описали историю своего спасения и отправили в музей Холокоста – Яд Вашем. Эльзу и ее мужа Учителя (посмертно) признали Праведниками Мира. Ей должны были вручить это почетное звание и посадить деревья в их честь в аллее Праведников. Какая радость была для Эльзы, когда приехали за ней в Дармштадт ее дорогие мальчики! Такие взрослые, красивые, умные, образованные. Они увезли Эльзу с собой.

В Израиле ее приняли как самую родную. Через несколько дней отвели в ателье к Фане Тобисельской (вот опять пересеклись нити судеб наших героев), чтобы сшить выходное платье к торжественному событию. Эльза смущалась от всеобщего внимания, но семья настояла. Фаня сшила ей строгое синее платье, удлиненное, слегка расширенное книзу, а воротник и манжеты – в синюю и белую полоску. И маленькую синюю шляпку с вуалью.

Очень скромно, строго, красиво и торжественно.

В ателье на примерки Эльзу сопровождали Рива и младшая невестка с сыном. Мальчишке было лет восемь-девять, он с интересом поглядывал на Гелу – дочку портнихи. Разговор велся на иврите и идиш с переводом на немецкий для Эльзы. Мальчик тоже вставил в разговор несколько слов на одном языке, потом на другом и посмотрел на Гелу – как она отреагирует на его многоязычие. Она тоже говорила на обоих, хотя предпочитала идиш. Неожиданно оказалось, что Эльзе и Фаине переводчики не нужны – Эльза, к собственному удивлению, еще помнила русский.

****

Невидимой красной нитью соединены те, кому суждено встретиться, несмотря на Время, Место и Обстоятельства. Нить может растянуться или спутаться, но никогда не порвется.

(Китайская древняя пословица.)

******

Гела спокойно вставила "свои 5 копеек" в разговор мамы и Эльзы на русском языке. Через некоторое время она сказала что-то маме по-польски и победно посмотрела на мальчика. А когда заказчики уходили, она, как бы мимоходом, небрежно бросила через плечо:

– А я еще два языка знаю: азербайджанский и джуури.

Хотя, если говорить честно, то она знала примерно по 20-30 самых употребительных слов и выражений, но мальчик был посрамлен – он даже не подозревал о существовании таких экзотических языков.

На приеме в Яд Вашем в этот день чествовали еще нескольких праведников. Зал был полон. Говорили речи, люди рассказывали истории своего спасения, многие плакали… Вручали грамоты, потом сажали деревья.

******

Все взято в трубы, перекрыты краны,
ночами только ноют и скулят,
что надо… надо сыпать соль на раны,
чтоб лучше помнить – пусть они болят! ***(Владимир Высоцкий)***

******

Эльза смотрела на все как бы со стороны. За что так превозносят ее? Что такого героического совершила она? Увезла детей в деревню? Так они были ее радостью и счастьем... Вот Учитель получил посмертно звание Праведника по заслугам, справедливо....

В Дармштадт Эльзу уже не отпустили. "Ты не должна быть одна, мы все – твоя семья." Так сказали её мальчики. Они окружили Эльзу вниманием, любовью и заботой, продлили самые счастливые годы её полосатой жизни…

В заключение можно добавить, что первая встреча детей не прошла бесследно.

В 1973 году младший внук Ривы женился на Геле Тобисельской, завершив цикл жизненных перипетий моих героев и окончательно связав их всех .

Гела тщательно собирает и хранит историю всех членов семьи Тобисельских, а ее муж – историю своей семьи и бережно сохраняет архивные реликвии своего прадеда – доктора Давида Эммануиловича Левина.

Они живут сейчас в Тель-Авиве, на улице Алленби, недавно вышли на пенсию.

Книга третья.
История семьи Тобисельских

Хоть ты не выйдешь из своих дверей,
Хоть уплывешь за тридевять морей,
Ты все равно отмечен будешь веком,
Как медяки портретами царей.
(Мирза Шафи Вазех)

Глава первая

Польша, конец 20-х годов. В одном еврейском местечке под Варшавой жила большая и дружная семья Тобисельских. Все они были портными. Старший брат Меир шил верхнюю одежду, второй по старшинству брат Беня специализировался на пошиве костюмов, брюк, а его жена шила платья, юбки. Третий брат Мойша предпочитал работать с мехом. Ну, а четвертый, младший, Юзеф, как и старший, шил пальто. Еще была у них сестра Эстерка, которая тоже хорошо шила, но не работала, потому что вышла замуж за фельдшера.

В эти годы, почувствовав каким-то седьмым, десятым чувством необъяснимый страх за своих близких, Мойша-меховщик решил с семьей перебраться в Америку. Очень уговаривал остальных ехать вместе, но старший брат, Меир, боялся ехать так далеко.

– Там хорошо, где нас нет, – говорил он в свое оправдание. – Всегда кажется, что где-то лучше, а рая на земле нет нигде. Я думаю, что перееду в Дрогобыч. Оттуда портной тоже уехал в Америку, его клиентура осталась. И вообще, город побольше нашего местечка.

– А про погромы ты забыл? Забыл, как в сентябре 1914 года, когда Дрогобыч заняли русские войска, какой погром устроили в городе казачьи части, а синагогу уничтожили? А мы здесь сидели и тряслись от страха. Моему Шлемочке тогда было 3 года... Потом все утихло. И все теперь надеются, что этого больше не случится. Так ведь все волнами и случается, а мы все терпим и прячемся. Даже цадик дрогобычских хасидов Хаим Шапиро вместе со многими другими семьями уехал оттуда в Эрец-Исраэль.

– Хасиды? Не говори мне про хасидов!

– Да какая разница, евреи есть евреи.

Одним словом, Мойша с женой, сыном-подростком и двумя дочерьми уехал в сказочную Америку, старший, Меир, сестра Эстер с семьями и младший брат Юзеф – в Дрогобыч, а второй брат, Беня, остался в своем местечке. Он был бы не прочь уехать, но два его сына учились в одной из самых известных ешив Польши и ни о чем, кроме учебы, думать не хотели. Эта ешива славилась на весь еврейский религиозный мир. А его сыновья были лучшими учениками. Когда он приезжал навестить своих мальчиков, главный раввин большой синагоги, вызывая его к Торе, объявлял всем: "У этого человека не два сына, а два бриллианта! Их скоро нечему будет учить, их можно сравнить только с Виленским Гаоном". Можете себе представить, что чувствует отец! Это же такой бальзам ему на сердце!

******

Слово «гаон» в переводе с иврита означает «гений». Виленский Гаон – это Элияху бен Шломо Залман (1720-1797). Богослов, раввин, каббалист и общественный деятель, один из высших духовных авторитетов ортодоксального еврейства.

Из биографии Виленского Гаона: *С детства он проявлял феноменальные способности* (сейчас таких детей называют «дети-индиго» – А.Н.) *К трём годам знал наизусть всю письменную Тору, которую мог процитировать даже в обратном порядке. До 7 лет учился у ребе Моше Маргалиота из Кейдан, автора книги «Пней Моше». Затем до самой старости учился самостоятельно, так как ни один учитель не мог уже его обучать. Посещал такие крупнейшие центры еврейской и мировой учености, как Берлин, Прага, Амстердам, где встречался с видными раввинами и нашел редчайшие рукописи. В 1745 году Шломо Залман поселился в Вильно, где он стал известен в еврейском мире как выдающийся раввин поколения.*

С 1760 года стал собирать вокруг себя талантливых учеников, которым передавал свои знания. В дальнейшем они развили идеи учителя, открыли ешивы и создали общины по его принципам.

******

Брат из Америки писал обо всем и подробно. <<*Конечно, не могу сказать, что здесь из крана течет молоко с медом. Много трудностей, но погромов не предвидится… Американцам трудно произносить нашу фамилию – им она кажется очень длинной. Тогда мы сделали ей "обрезание", отрубили хвостик, и теперь я – мистер Тобисел. Соломончика моего, Шлемочку, все называют тоже коротко Сол. Но в документах оставили как есть. Соломон – имя, которым можно гордиться!*

…Вначале с работой было очень трудно. Устраиваешься на работу, хорошо работаешь, хозяин доволен. В пятницу он спрашивает: "Ты выходишь завтра на работу?" – "Не могу, у меня шабес." – "Получи расчет, ты уволен". Поэтому многие евреи теперь нарушают святую субботу. С трудом находили работу, чтобы хозяин был еврей, который закрывает свое дело по субботам. Так такие хозяева, пользуясь тем, что их мало, тоже все соки выжимают.

…Говорят, мы в плохое время приехали – наступил упадок в экономике. Есть такие семьи, что обратно едут. Но я думаю, постепенно все повернется к лучшему. Хорошо, что дочек уже пристроил, они за детишками смотрят в богатых семьях, да и Шлема подрос, мне помощник. Замечательный меховщик из него получается, такие вещи уже делает – просто загляденье!>>

Письма его были подробные и очень интересные. Их приходили читать все евреи Дрогобыча (ну, если не все, то большинство – это точно), а потом приезжал Беня, забирал письмо, а там уже все местечко с нетерпением ожидало такую важную информацию.

<<…Мы живем в районе, который называется "Ист-сайт". Что это значит, я не знаю – это слово не еврейское. Но это не имеет никакого значения: "Ист-сайт" – пусть будет "Ист-сайт". Самое главное, что это еврейский район. Здесь живут евреи, которые приехали в конце прошлого века после больших погромов. Дома большие, 4-5-6- этажные, выше, чем в Варшаве. Хозяева разделили комнаты на 2-3 части и сдают каждую клеточку. Очень тесно. В каждом большом доме живут все из одного местечка, все друг друга знают. А в подвалах почти каждого дома есть маленькие молельные комнатки, в них каждое утро собирается миньян. Есть несколько больших синагог. Туда мы ходим по большим праздникам.

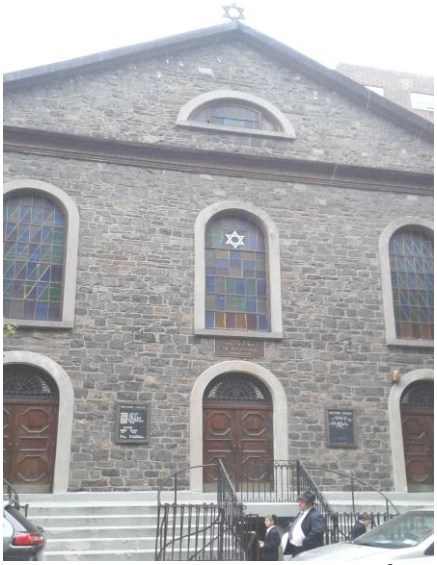
Туалет один, в конце коридора. Старожилы рассказывают, что раньше и туалетов не было – выносили на улицу, в специальное место. В районе несколько бань, купаться ходим по пятницам...>>

О синагоге Белостокских евреев он подробно описал в другом письме.

<<…Американцы часто переселяются из квартиры в квартиру. Если разбогател, то находит более престижное место, если победнел, то ищет жилье подешевле. Бывает так, что евреи выселяются из какого-то района и туда постепенно заселяются другие, например, ирландцы. И "шул" (синагога) стоит почти пустая, приходит в упадок, ребе нищает. Приходят тогда ирландцы и говорят: "Продайте нам вашу синагогу."

Ребе забирает тору, семисвечники, молитвенники, а здание продает ирландцам. Они ставят на входе большой крест, а внутри вешают иконы и все "обгемахт". Теперь это церковь или храм, или костел... Вы можете себе это представить? Уму непостижимо, что творится в этой Америке...

А в нашем районе получилось наоборот. Евреев стало много, ихняя церковь стоит пустая, вот Белостокские евреи ее и купили. Сняли сверху большой крест, сделали красивый "парохет" (шкаф, в котором хранятся свитки Торы), и теперь это наш "бет-а-кнесет"(синагога, дом собраний). Но самое главное – то, что фасад здания обращен не к востоку, не к Иерусалиму, как положено, а совсем наоборот... Что вы на это скажете?>>



Синагога Белостокских евреев

Через несколько лет Сол Тобисел женился на хорошей девочке Регине. Об этом событии его отец тоже подробно написал братьям. Отец не писал о страсти Соломона к рисованию, считая это просто блажью.

Сколько Соломон себя помнил, он не расставался с карандашом. Самое первое воспоминание в жизни: Первая мировая война, ему три года, они всей семьей прячутся от погрома – то ли в сарае, то ли в подвале. Он капризничает, плачет, что-то просит. В глазах старших страх, его уговаривают замолчать, потом пытаются зажать рот… И тут двоюродная сестра показывает ему карандаш и водит карандашом по клочку бумаги. Он завороженно смотрит на тонкие следы, линии, оставляемые карандашом.

Сестра рисует кружок, потом лепестки, получился цветочек. Соломончик потрясен! С тех пор он никогда не расставался с карандашом, рисовал все свободное время. Повзрослев, он помогал отцу-скорняку шить шубы, кожаные пальто и куртки. Женился, родилась дочка. Это был внеший, видимый ход жизни. А в душе его жил художник. Как жаждал Сол рисовать!.. С завистью, лишавшей покоя, смотрел он на художников в парке, когда они расставляли свои работы для продажи или, поставив мольберты, рисовали пейзажи, сидя на раскладных стульчиках. Он понимал, что нет школы – нет возможности воспроизвести то, чем наполнена его голова, чем восхищаются его глаза, что просится из души на бумагу. (И что за блажь такая у простого скорняка?..)

Его милая, дорогая Регина, *а гите нешуме* (добрая душа) – только она понимала его. На его день рожденья она, умудрившись ужать и без того более чем скромные их расходы, выкроила из семейного бюджета и торжественно преподнесла ему 15 долларов: "На несколько уроков рисования хватит, а там видно будет".

И Сол взял несколько уроков. На первом уроке учитель положил на стол куб, пирамиду и мячик. Так начинаются все уроки рисования. Надо было изобразить объем и тени предметов. Как это было увлекательно! Получилось неплохо. Сол с удвоенным рвением продолжал заниматься. Учитель показывал, поправлял, давал задания на дом. Регина собирала раздаваемые на улицах листовки и рекламки – на оборотной белой стороне Сол рисовал. А из обувных коробок она вырезала по две картонки, и на них тоже можно было рисовать. Учитель понял ситуацию и снизил Солу плату за несколько последующих уроков.

На уроке копирования ему досталась открытка с изображением скульптуры Родена "Мыслитель". Долго сидел Сол, глядя на Мыслителя. Даже на маленькой открытке были видны мощь и скорбь задумавшегося Человека, сила таланта Автора.

Учитель подошел к Солу:

– Почему ты не рисуешь? Может быть, твоя религия не позволяет тебе рисовать обнаженного человека?

.

– Нет, нет. Наверное, мне нужно больше времени. Можно я возьму открытку домой? Я обязательно верну

Он решил взять картинку домой, нарисовать ее по максимуму своих возможностей, последний раз отвести душу, потому что знал – денег на продолжение обучения у него нет.

Дома не мог оторвать глаз от гениального произведения искусства. Господи! Как он хотел рисовать это! Увидев рисунок, Регина всплеснула руками:

– Какой талант надо иметь, чтобы вылепить такую фигуру!

– Ты знаешь, он в детстве тоже не имел денег, чтобы покупать бумагу и рисовал на оберточной бумаге от маминых покупок. Может быть, он начал лепить оттого, что рядом было много бесплатной глины?

– Посмотри, как он сидит, – жена продолжала разглядывать картинку, – локоть правой руки он положил на левое колено. Так ведь не сидят, так же неудобно...

Регина замолчала, поймав недовольный взгляд мужа, – мол, что она вообще понимает в искусстве, чтобы критиковать великого Родена?

Через неделю Сол, с тяжелым сердцем, отнес учителю открытку и свой рисунок. Сказал, что больше приходить не будет. Это был его прощальный визит в класс. Так он решил. Великая Депрессия – не время для занятий искусством. Горько было расставаться со студией, с преподавателем, с мечтой...

Учитель молчал, с грустью глядя на Сола, – он все понял...

На этом уроке, уже без его участия, рисовали живую натуру. В кресле на невысоком постаменте сидел голый старик, положив ногу на ногу. Возможно, учитель экономил, потому что молодой, красивой натурщице надо больше платить. Хотя рисовать обнаженного старика наверняка сложнее. В дверях Сол обернулся, последний раз окинул взглядом старательно рисующих студентов, старика-натурщика... Увидел, что кожа старика посинела и начала покрываться пупырышками. Стало больно – значит, этот человек так беден, что согласился позировать голым за несколько долларов. Он постоял еще несколько минут и осторожно, но решительно закрыл за собой дверь.

Так закончилось для Сола Тобисела профессиональное художественное образование. Но рисовать он продолжал везде и всюду.

Глава вторая

******

В апреле 1939 года Италия оккупировала Албанию.

В мае того же года 930 еврейских беженцев, отплыли на корабле из Европы, спасая свои жизни. Но их не допускают к высадке на Кубе, в США и других странах. Корабль с беженцами вернулся в Европу…

******

1 сентября 1939 года Германия начала Вторую мировую войну нападением на Польшу. Дрогобыч заняли части Красной Армии. Пришла советская власть. Старший, Меир Тобисельский, со своей семьей, младший, еще неженатый Юзеф и сестра Эстерка с семьей оказались на советской территории, а Беня с женой, двумя дочками и двумя сыновьями-цадиками, оставшиеся в Польше, – под немцами. Письма от американского брата уже не доходили. Старший Тобисельский утешал себя, что в Советской стране еще не так плохо, могло быть и хуже.

******

За субботним столом, словно царь, восседает хозяин
И двенадцать сынов – как двенадцать библейских колен.
"Я, как раб ханаанский, пахал и снимал урожаи.
Как еврей и отец, делал все, что нам Бог повелел.
Вот такой, какой есть, все на свете я делать умею:
И доить, и ковать, и уладить базарный скандал.
Я трудился и ездил. Я видел, поверьте еврею,
И Париж, и Нью-Йорк, и в Одессе я тоже бывал".
В хрен макает он белую халу, сопит и чихает.
И, размазавши слезы, которых не может унять,
Говорит: "Хрен в субботу – ведь это же радость какая!
Все равно, что страничку Талмуда прочесть и понять.
А мои сыновья? Я всегда их воспитывал честно.
И прошу я вас, пан, объясните, пожалуйста, мне:
Я приучен к любому труду, так найдется ли место
Для такого, как я, в вашей новой советской стране?"

(Перец Маркиш. Перевод Р. Сефа)

******

А вот за Беню душа его болела – успел ли с семьей убежать от немцев?..

Так как в Дрогобыче жили семнадцать тысяч евреев, советские власти вынуждены были открыть две еврейские школы с преподаванием на идиш, еврейские клубы и библиотеки, но синагогу все-таки закрыли.

Беженцев, прибывающих из немецкой зоны оккупации, депортировали в отдаленные районы СССР. Депортация велась не столь жестко. Те из беженцев, которые имели родных или знакомых в других регионах страны, могли там "зацепиться", а остальных везли на поселение в Сибирь, на Дальний Восток, на Крайний север, за Полярный круг в Ханты-Мансийск и еще Бог (или черт?) знает куда. То есть формально это была не ссылка, а просто новое место проживания, хотя и с далеко не курортным климатом.

Неженатому Юзефу приглянулась девушка Фаня из беженцев.

Фашисты заняли их местечко, где жили Клара с мужем и тремя дочерьми – Эдитой, Фаиной и Басей, и велели всем евреям собраться с ценными вещами в синагоге. Фанин отец решил не идти туда, а ночью убежать из села и пробираться на советскую территорию. Но они не успели, кто-то донес. И когда двое польских полицаев уже входили к ним во двор, отец велел женщинам бежать через огород. Вошедшим он сказал, что жена с дочерьми уже пошли к месту сбора, стал отвлекать жандармов, торговаться, уговаривать – одним словом, как мог тянул время.

Забор, отделяющий их участок от соседского, был дырявый во многих местах. Соседи дружили, куры, гуси и индюшки ходили спокойно друг к другу в гости, чинить забор не было первоочередной задачей. Поэтому Клара с дочерьми легко перебежали во двор соседей и спрятались у них в дровяном сарайчике – бежать все равно было некуда. Они услышали выстрел и поняли, что осиротели. Весь день они просидели, затаившись, среди дров, видели в щели, как мародеры выносили из их дома все, что можно было вынести. Когда стемнело, дверь открыл сосед – видел, как они спрятались в сарае. Он дал им буханку хлеба и попросил уйти – боялся прятать у себя евреев.

– Не обижайтесь, поймите меня, у меня свои дети, за которых я боюсь.

Мы были дружными соседями, мне стыдно за этих полицаев, но вы должны уйти. Идите в лес и пробирайтесь на восток. Я буду молиться за вас. Простите...

Так они и шли по лесу, встретили еще одну семью, добрались до Дрогобыча. По дороге младшая из сестер, Бася, ей было 12 лет, все время молчала. В сарае Басенька так боялась чихнуть или кашлянуть и этим выдать их всех, что и потом долгое время не могла говорить. Они сначала не обратили внимания на ее молчание – следствие сильного психического потрясения.

В Дрогобыче Фаина познакомилась с Юзефом Тобисельским, они пошли к ребе и были, с соблюдением еврейских законов, но на скорую руку, объявлены мужем и женой. К великому неудовольствию Клары невесту под хупой обвели вокруг жениха только три раза вместо положенных семи. Вручили *кетубу* (брачное свидетельство, которое должна хранить жена) – и все, можете идти домой.

Напуганная Клара решила пробираться в глубь страны, подальше от опасной границы, на Украину в город Елизаветград, где у нее когда-то была подруга. *(В 1924 году Елизаветград был переименован в Зиновьевск. С 1934 по 1939 гг – Кирово.* А с *1939 года это уже г. Кировоград.)*

Но прошло уже много лет. Живет ли еще подруга все там же? Осталась ли столь же близкой, как была когда-то? Поможет ли устроиться?..Оказалось, что они едва успели застать подругу на месте – вся её семья уже сидела на чемоданах. Они переезжали в Баку.

Глава третья

С середины 20-х годов из Украины многие евреи бежали от голодомора в Баку. Южный, веротерпимый, добрый, интернациональный город. Там можно найти работу, там есть две синагоги, еврейский театр. Там можно делать обрезание мальчикам и иметь мацу на Пасху. Там есть инжир, гранаты и виноград – как раз для праздника суккот. Самые умные поехали первыми и уже хорошо устроены. Семья же подруги все никак не могла решиться. Сомнения продолжались десять лет... Теперь, наконец, едут.

И Юзеф Тобисельский, взяв на себя роль главы семьи в этом женском царстве Клары и трех ее дочерей, решил, что все они тоже поедут с ними в Баку.

Приехали. Пошли в синагогу. Евреи помогли с жильем, с работой. Сняли комнатку для Клары и ее двух дочерей у горских евреев. Она страшно боялась местных мужчин – смуглых, горячих, с жаркими глазами. Всем двором командовала очень энергичная горластая дама средних лет Зильфа-ханум. Она сразу же пришла к новеньким познакомиться и разведать, чем они дышат. Поняв, что это люди порядочные, пережившие много горя, а их девушки – скромные, она взяла их под свое покровительство и пообещала, что здесь, у нее во дворе, никто их не обидит. Потом "командирша" встала посреди двора и на незнакомом гортанном языке произнесла очень страстную, пылкую речь, обращенную ко всем соседям. Она сказала, что где-то далеко идет война, люди бегут, спасая свои жизни, и кто знает, что может когда-нибудь случиться с нами или с нашими детьми... Эмоционально напомнила всем святую заповедь о сострадании и благотворительности. И соседи стали заходить к беженцам, приносить кто что мог: подержаную одежду, ложки, вилки, стаканы, табуретку, чайник и много других вещей.

Юзеф Тобисельский с молодой женой сняли маленькую комнатку в соседнем дворе в полуподвальном помещении, длинную и узкую, как пенал, с маленьким окошком под потолком. Там были кровать и тумбочка, на которой стояла старая керосинка. Души их истосковалась по тихой и спокойной жизни. Наконец, можно ходить по улицам, ничего не опасаясь. Это настоящее счастье. Разве не так?

Юзеф устроился на работу в пошивочный цех, а жена – в артель под названием “Надомный труд". Ее работницы вязали дома "авоськи" и сдавали их раз в неделю в артель.

В Баку Клара и девочки были ошарашены незнакомой обстановкой, все было странным и необычным.

******

Старый город, купола, мечети,
Горы в море, как турецкий серп,
И луна висит на минарете,
Как серьга, как оттоманский герб. ***(Станислав Соколов)***

В один из первых дней пребывания в Баку Клара вечером тихо поделилась с семьей:

– Местные жители не могут правильно произнести "Шалом Алейхем", они выговаривают "Салом Алейкем". Я слышала, они здороваются, как и мы. Может, они знают идиш?..

Но потом, когда они немного освоились, трудности вхождения в новый для них мир стали казаться не столь драматичными. Самое сложное было хоть немного освоить чужой язык.

Еще в марте 1926 года на I Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку было принято решение заменить арабскую вязь латинским алфавитом. Этот процесс занял два-три года, а как раз в 1939 году, когда прибыли наши беженцы, была введена кириллица вместо латинского алфавита, и вся письменность с этого времени изображалась русскими буквами. *(В настоящее время – опять латинские буквы.)*

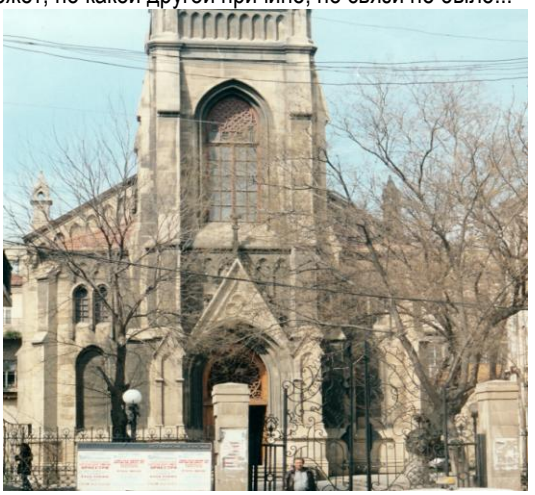
На первых порах особенно озадачивали вывески, хотя они и были уже написаны русскими буквами. Идут однажды по улице и читают название магазина: "Черек". Читают его с ударением на первом слоге, а на идиш это значит "чирий". Заглянули туда через открытую дверь – на полках хлеб, вроде, хлебный магазин, а на прилавке лежат какие-то сероватые тонкие тряпочки. Вот удивительно – хлеб с тряпочками продают! Потом узнали, что это тонко-тонко раскатанные лепешки, лаваш называются. В лаваш сыр брынзу заворачивают и кушают – очень вкусно. Как узнали об этом, вот уж над собой посмеялись!

******

Письма к старшему брату Меиру и сестре Эстер в Дрогобыч не доходили. Наивный Юзеф писал адрес по-польски латинскими буквами: "Drohobycz". А может, по какой другой причине, но связи не было...

В интернациональном и веротерпимом Баку среди прочих конфессий жили и католики, в основном, немцы и поляки, и у них была красивая церковь – Храм Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии. При советской власти под лозунгами борьбы с религией в 1931 г. католическая церковь в Баку была разрушена, а настоятеля прихода священника Стефана Демурова в 1937 г. Расстреляли

Но католики, сильно рискуя, продолжали проводить совместные богослужения тайно, на частных квартирах. Небольшую польскую общину Баку формально общиной назвать было не совсем верно – просто поляки знали друг друга и дружили.



Малый католический костёл в Баку, закрытый, но не разрушенный.

Случайно Юзеф и Фаня Тобисельские познакомились с одной польской парой. Обеим семьям было приятно и тепло друг с другом. Их объединял язык общения – польский. И совсем не мешало, что Тобисельские ходят по субботам в синагогу, а Ковальские по воскресеньям – тайком в католический молельный дом…

******

Дополнительная информация, к делу не относящаяся: *Среди прихожан Храма Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии был и Януарий Феликсович Вышинский, отец Андрея Вышинского (в будущем печально известного в годы сталинских репрессий прокурора-карателя).*

Вышинский Андрей Януарьевич родился 10 декабря 1883 г. в Одессе. Вскоре семья переехала в Баку, где отец его стал владельцем известной аптеки. В Баку Вышинский окончил гимназию.

В 1901 г. поступил на юридический факультет Киевского университета. За участие в студенческих беспорядках был исключен и вернулся домой в Баку. В 1903 г. вступил в меньшевистскую организацию РСДРП. Участвовал в революции 1905 г., за что отсидел год в Баиловской тюрьме (Баку). Там познакомился со Сталиным. Закончить Киевский университет смог лишь в 1913 г.

В 1915 г. Андрей Януарьевич стал помощником знаменитого адвоката Малянтовича в Москве. Через четверть века Малянтович был приговорен к расстрелу. Больной, измученный старик ждал смерти в камере. Отчаянные письма его обезумевшей от горя жены к "милейшему Андрею Януарьевичу" остались без ответа…

******

Зильфа-ханум очень им помогала. Клара была ей бесконечно благодарна и решилась попросить помочь с работой. Сказала, что согласна на любые уборки, а вообще может хорошо шить. И Зильфа нашла ей подработку. Так как у Клары не было своей швейной машинки, она ходила шить к тем людям, у которых эта машинка была, и обшивала всех. И так от семьи – к семье. Старшую дочь, Эдиту, Зильфа устроила посудомойкой. Недалеко от их дома, на Балаханской улице был небольшой ресторанчик ("*хаш-хана*") на шесть столиков, но очень популярный. Каждое утро в 6 часов до работы туда приходили любители хаша.

*[Рецепт хаша: Говяжьи ножки, кости и некоторые субпродукты (требуха, сухожилия и т.д.) варились всю ночь (часов 8) на маленьком огне. Кости сами отделялись от мяса и оставались на дне огромной кастрюли, жилы, полностью разваренные, превращались в сплошное желе. Так делают холодец, но в Баку горячий хаш пользовался бо**л**ьшим успехом. Его подавали в глубоких пиалах. На столе была солонка (сол**и** сам себе по вкусу) и банка с раздавленным чесноком и уксусом (также добавляй сам, сообразуясь с собственными предпочтениями). Специалисты утверждают, что, съев порцию хаша, будешь сыт весь день. Весьма практично, потому что это было недорогое блюдо.]*

Хозяин ресторана Чингиз-ага к этому времени стал толстым и неповоротливым, так что обслуживать клиентов самому уже было не с руки, пришлось взять официантку, а потом и посудомойку. Поваром был его отец. Зильфа привела к нему Эдиту вместе с Кларой, описала их ситуацию, трагическую историю их бегства от фашистов.

– Поклянись именем Аллаха, что никто не обидит эту девушку, сироту нельзя обижать, – патетически завершила она торговлю по поводу часов работы и оплаты.

Глава четвертая

Басенька начала разговаривать, но только со своими – с мамой, сестрами и Юзей, остальных она панически боялась. Опять Зильфа-ханум приняла участие. Дай Бог ей здоровья за ее доброту! Отвела ее, дрожащую и крепко вцепившуюся в мамину руку, к одной старухе в соседний двор на Бондарной улице. Объяснялась с ней Зильфа на азербайджанском языке. Старая азербайджанка сочувственно качала головой.

– Будем посмотреть, спуг надо снимать сразу на камень, не знаю точно, будем постараться, – сказала она с сильным акцентом. Подвела девочку к большому камню, положила свою руку ей на голову, потом на камень, снова на голову и опять на камень. Как будто что-то снимала с головы и перекладывала на камень. И так несколько раз, при этом она что-то приговаривала. Клара пыталась расслышать, что та бормочет. Ей послышалось "бисимилла, бисимилла". Может, так, а может, и не так. Казалось, что дочке стало немного полегче. Бася не вздрагивала от каждого постороннего взгляда и говорила поспокойнее. Но как быть дальше – ей же надо идти в школу, как оторвать ее от маминой руки?

Скромная Клара чувствовала себя неловко, когда Зильфа-ханум рассказывала ее печальную историю и, вызывая жалость, добивалась какой-нибудь выгоды. Но на все возражения Клары Зильфа-ханум говорила: "Так надо. Ты меня слушай. Я лучше знаю".

Клара со своими детьми и зятем говорили только на идиш – родной язык. Она не только писала, читала, но и думала на нем. Часто сыпала пословицами и поговорками. "*Вос ду зогст – зол зайн фор мир, вос ду мейнст – зол зайн фор дир*" (То, что ты говоришь – пусть будет мне, а что ты думаешь – пусть будет тебе). "*Алэ шустерс геен борвэс*" (Все сапожники ходят босыми) и др.

Зильфу между собой в семье Клары называли *балабустой*. На идиш *балабус* – означает хозяин, начальник. (Если еврей многозначительно поднимал палец кверху и тихо говорил *балабус*, эта шифровка означала: "самый главный начальник" – сами понимаете, кто. К слову, на том же шифрованом языке *тетя Милиха* означало "правительство", "власть".) А *балабуста*, в зависимости от интонации, могла быть "милой хозяюшкой" или "строгой начальницей". Дошлая Зильфа просекла, что о ней говорят, запомнила это слово. И как-то, встретив на базаре знакомую еврейку-ашкенази, спросила, что означает слово *балабуста*. Знакомая перевела: *балабуста* – это "начальница". О, это Зильфе понравилось – понимают, значит, кто во дворе главный, уважают!

У Зильфы было пятеро детей, четверо уже жили своими семьями, а с родителями оставался самый младший, Хаскел. 13 лет, шустрый мальчишка, огонь-пацан, весь в маму. Муж Зильфы был на удивление тихим и спокойным. Он был маляр. Рано утром, держа на плече свои кисти, уходил на работу. Вечером Зильфа хлопотала и суетилась вокруг него. Молодых хозяек во дворе учила уму-разуму:

– Мужа надо ублажать, а перед детьми его авторитет поддерживать. Я всегда детям говорю: "Как папа скажет, так и будет."

Хотя и ее собственные дети, и все соседи знали, что как Зильфа скажет, так и будет.

Хасику с самого начала приглянулась новая девочка во дворе, но никак к ней не подступиться, всех она боится. Хасик слышал все мамины разговоры, был в курсе всех событий, переживал за Басю. На самом деле, несмотря на свой бойкий характер, он был добрый мальчик, в маму...

Вопрос посещения Басей школы стоял очень серьезно. Восьмилетнее школьное образование было обязательным. Представители РОНО ходили по дворам, переписывали детей школьного возраста, выискивая неохваченных, особенно, девочек. Нередки случаи, когда строгие отцы, решив, что 5 лет в школе – вполне достаточный уровень образования для дочерей, не пускали их больше в школу.

Надо сказать, что сестры были способные, и языки им легко давались. Две старшие окончили школу в Польше с хорошими отметками, а Басенька там вообще была отличница. На семейном совете старшая сестра решила: “Пока суд да дело, я буду с Басей заниматься, а там видно будет. Кроме математики ей нужно языки осваивать. Писать и читать по-русски и по-азербайджански. Надо достать учебники.”

Кто поможет? Ну, конечно, *балабуста*. Вечером раздался стук в дверь. На пороге стоял Хасик:

– Мама сказала, чтобы я вам учебники принес. – Он говорил, обращаясь к Кларе и стараясь при этом не смотреть на Басю, чтобы не смущать ее. – Сейчас даю русский и историю, а математику я пока сам решаю, потом принесу.

И быстро выбежал.

Так Хасик стал заходить к Басе. Эдита иногда занималась с обоими. Особенно перед контрольными. Хасику легко давалась учеба. С арифметикой все было превосходно. Считать он научился раньше, чем читать. И вообще, кто придумал такие, например, детские задачки: у тебя два яблока, я дам тебе еще три и так далее? На Шемахинке любого пацана-трехлетку спроси: у тебя есть два рубля, я тебе дам еще три... Посчитает лучше любого, ты только дай. Не яблоки они привыкли считать, а деньги. Так что с арифметикой проблем не было. А позже, когда начались алгебра и геометрия, нужно было к толковой голове добавить хоть чуточку терпения и усидчивости. Вот тут все решило желание не ударить в грязь лицом перед Басей и ее старшей сестрой. Хасик стал лучше учиться, меньше бегать по улицам, мама не нарадуется, Бася и Эдита гордятся им.

У Хасика был друг, а у друга – сестра. Ее-то и привлекли к участию в Басиной судьбе. Она должна была опекать Басю в классе. Утром Хасик с Басей шли в школу, там он передавал Басю подруге, бежал в свой класс, а после уроков забирал ее и приводил домой. Постепенно она оттаивала, смелела. И хотя уже чувствовала себя достаточно уверенно, но Хасик все равно продолжал заботиться о ней.

Эдита приходила на работу в 9 часов. В этот час на работе затишье, любителей хаша уже нет. Она мыла всю посуду, потом помогала повару, научилась готовить местные блюда: джиз-быз, кюфта-бозбаш и другие. Во второй половине дня приходила официантка Тамара, начинался новый цикл. Эдита в зал не выходила. Но однажды прибежала соседка Тамары и сказала, что ее сынок заболел и его привели из садика домой. Чингиз-ага, конечно, ее отпустил и стал сам официантом.

– Два джиз-быза, – кричал он на кухню.

Эдита ставила на поднос две порции заказанного блюда, рядом салат, *пиндыр* (сыр), все красиво украшала веточкой кинзы или укропа и, выйдя из кухни, передавала хозяину. И он сам, протискиваясь своим толстым животом между столиками, обслуживал клиентов.

Каждый раз, передавая поднос хозяину, она натыкалась на заинтересованный взгляд молодого человека, сидевшего в углу вместе с пожилым мужчиной напротив. Молодой был уж очень симпатичный! При этом их взгляды пересекались, что вгоняло Эдиту в краску, и, кстати, румянец этот был ей очень к лицу. Разумеется, молодой человек постарался узнать у Чингиз-ага побольше об этой девушке.

– А зачем ты о ней спрашиваешь? Какой толк, если ты все узнаешь? Она тебе не пара. Они беженцы из Польши, отца убили. Она скромная, ни с кем не гуляет, ее вечером мать встречает. Живут здесь совсем рядом, на Бондарной. Вот и все. Больше не приставай.

Настойчивость – черта смелых и залог удачи. Мало ли что сказал Чингиз-ага! "Она тебе не пара." И вообще, кто он такой, чтобы решать за меня.

Вечером в 8 часов хозяин закрывал свое заведение. Он не любил поздних посетителей. Вечера, считал он, надо проводить дома с семьей.

Место было популярное, поэтому хаша в большой кастрюле в конце рабочего дня оставалось не много. Чингиз-ага, естественно, забирал с собой бо**о**льшую часть – семья-то немаленькая, но и Тамара с Эдитой уходили не пустые.

Мама уже поджидала Эдиту, иногда одна, иногда с Фаней, Юзей и Басенькой. Дом в двух кварталах, но отпускать девушку вечером одну...

На другой стороне улицы стоял симпатичный молодой человек и наблюдал за семейной идиллией. Хорошая, дружная семья, все заботливы и внимательны друг к другу, разговаривают тихо, не то что бакин-

цы горластые. Так повторялось несколько дней подряд. И однажды он дождался момента, когда Эдита вышла чуть раньше, или мама чуть опоздала. Он тут же подошел.

– Я постою тут с вами, пока ваша мама не придет.

Клара увидела издали, что дочка стоит с каким-то мужчиной, и прибавила шагу.

– Здравствуйте. Меня зовут Теймур (*в переводе с тюркского - железный, крепкий).* Я здесь стоял с Эдитой, чтобы к ней никто не приставал, пока вы не подойдете. Идемте, мне тоже в ту сторону. Я студент, через полгода кончаю институт.

Он болтал, не переставая. Так повторялось каждый вечер. Познакомился с Фаней и Юзей.

– Клара Моисеевна, я хочу пригласить Эдиту в кино, разрешите, а?

– Нет, не обижайся, пожалуйста. Мы здесь совершенно одни, отца у моих девочек нет, я боюсь их куда бы то ни было отпускать.

–Тогда давайте пойдем все вместе, – не обиделся Теймур, – я куплю билеты, я вас всех приглашаю.

Вся семья так умоляюще смотрела на маму, что ей пришлось согласиться.

В кино все с интересом смотрели на экран, Теймур смотрел на Эдиту. А Клара сидела, закрыв глаза, и из-под ресниц тихо лились слезы – она вспоминала, как однажды они с мужем поехали в Варшаву навестить родственников, все вместе пошли в кино. Показывали польский фильм на идиш "Мереле Эфрос". Публика бурно реагировала на все душещипательные перипетии фильма, а потом они долго обсуждали судьбы героев... Как счастливо они жили с мужем!..

Что ей делать сейчас? Как решать судьбу дочки? Она же видит, как настойчив этот симпатичный азербайджанец. С кем посоветоваться?

Глава пятая

Теймур был самым старшим ребенком в семье. Любимый внук бабушки и дедушки. Лет через 12-15 после смерти жены, когда дети уже были совсем взрослые, дедушка Эльман привел новую жену – тихую, скромную русскую женщину Татьяну. Семья особенно не возражала. Во-первых, чего возражать, если дедушка все равно ни у кого разрешения не спрашивал, во-вторых, пусть на старости лет тешится, как хочет, а в-третьих, Татьяна оказалась очень доброй, ласковой. Учительница по образованию, она занималась с внуками, особенно, с дедушкиным любимцем Теймуром, который, поступив в ВУЗ, вообще переселился к деду – трехкомнатная квартира в центре города – живи – не хочу. Это дед повел его однажды к Чингизу на хаш, но не как было принято в шесть-семь утра, а попозже, в девять... Судьба...(?)

Теймур рассказал дедушке Эльману о своих чувствах. Мудрый старик рассудил так:

– Ты говоришь, что она хорошо в школе училась. Значит, для начала мы ее устроим на работу. Я попрошу друга (а друг у дедушки был директором ГАПУ – Главного аптечного управления – весьма значительная фигура) взять ее на работу, на самую маленькую должность, но поближе к себе, в управление, на полгода – на проверку. Потом мы спросим его мнение, потому что на работе человек раскрывается, все видно – как он относится к сотрудникам, к начальству, к работе. А через полгода пусть переводит, куда посчитает нужным. Ты сейчас должен как следует заниматься, осталось несколько месяцев до госэкзаменов. Вот получишь диплом, тогда все и решим.

Так Эдита начала работать в плановом отделе. Переписывала какие-то таблицы. Подсчитывала, переносила из нескольких таблиц цифры в одну большую, сводную. Делала "разноску" данных по разным документам, т.е. выполняла порученную ей механическую работу, но очень аккуратно, без ошибок. Постепенно ей стали давать задания посложнее. Когда ей случалось обнаружить чью-то ошибку в расчетах, она тихонько показывала своей начальнице, потом исправляла, не шумела. За это ее уважали. Постепенно она стала хорошим сотрудником, и ее не перевели через полгода в маленькую аптеку, как планировали дедушка со своим другом.

Теймур сдал госэкзамены, получил диплом и направление на работу. Радостный примчался на серьезные и, как он понимал, трудные переговоры с будущей тещей. Он шел по двору сквозь строй любопытных и оценивающих глаз. Все соседи уже знали, что старшую дочку Клары часто провожает один молодой человек. Теперь вот увидели... Двери и окна у всех распахнуты настежь – лето. Лето 1940 года.

Теймур вежливо постучал в незапертую дверь, тщательно вытер ноги и вошел в комнату. Его поразила убогая обстановка. Но эта нищета, уколовшая в самое сердце, только усилила его любовь и твердое намерение сделать его дорогую Эдиту счастливой, чтобы она никогда не жила в таких условиях, никогда ни в чем не нуждалась.

– Здравствуйте, Клара Моисеевна. Здравствуйте все. Можете меня поздравить, я уже окончил институт, получил назначение на промыслы. Я хотел поговорить с вами, – Теймур решил сказать все сейчас и сразу. – Я хочу жениться на Эдите. Надеюсь, вы не будете против? Клара молчала.

– Понимаю, вы бы предпочли иметь зятя еврея, но поверьте, я тоже буду вам хорошим зятем. И вообще у нас много общего. Вот смотрите. И вы, и мы не едим свинины – это у нас общее. И прародитель Авраам у нас один, только от служанки Агарь пошли ишмаэлиты, а от Сарры – евреи.

"Интересно, этот молодой человек знает Тору", – удивилась Клара.

– Дальше. Внуки ваши тоже будут обрезаны. Только у вас обрезание делают на 8-й день, а у нас в 13 лет, – продолжал Теймур. – Вы делаете обрезание ребенку, который еще ничего не понимает, вы решаете за него. А у нас, я считаю, правильнее – ребенок вырастает и сам соглашается на эту операцию, он сам решает быть таким, как его отец, братья, как его народ – это осознанный выбор. Сейчас, конечно, времена другие и обрезание делают ребятишкам в шесть-семь лет – до школы. Вот и получается, что наши дети будут обрезаны не на восьмой день и не в тринадцать лет, а как раз в середине: ни нашим, ни вашим.

"Господи, я еще не решила, а он уже обрезание моим внукам делает", – думала Клара.

Она молчала, опешив от этого напора. "Что делать? С кем посоветоваться? Хоть бы Фанечка с Юзей пришли..."

– А еще у нас будет в два раза больше праздников – все-все праздники будем отмечать. Я вообще фаршированную рыбу очень люблю.

Он говорил много, ласково-настойчиво. Наконец, иссяк и вопросительно посмотрел на Клару.

– Видишь ли, о чем я думаю... Твои родители, твоя родня не будут рады такой невестке. Они тоже, наверное, хотят девочку вашего круга и вашей нации. Если ты пойдешь против воли родителей, все шишки падут на Эдиту, она не будет счастлива. И еще. У нас нет никакого приданого. Все осталось там, все, что я собирала, шила моим девочкам...

Тяжелые воспоминания опять захлестнули Клару, но она изо всех сил старалась сохранять достоинство. Плакать – значит, вызывать жалость.

– Что вы, Клара Моисеевна, у нас в доме совсем не такое отношение, как вы думаете. Дедушкина жена – Татьяна Матвеевна – русская, а мой второй брат собирается жениться на армянке, так что сейчас у нас будет полный интернационал. Вот, значит, мы придем завтра с официальным предложением, тогда и познакомитесь с дедушкой и с родителями.

– Как завтра? Так скоро? Я... мы еще не готовы, – растерялась Клара.

– Ну, ладно, не завтра, тогда в воскресенье, – сразу согласился Теймур. Быстро попрощался и убежал. Вот хитрец!

Клара сидела, схватившись за голову. Боже мой, что делать? На что решиться? Слава Богу, пришли Фаня с мужем. Но они тоже не могли дать совет, да и кто что может сказать? Замужество, женитьба – это же лотерея! Кто-то в ней выигрывает, вытаскивает счастливый номер, а для кого-то потом окажется, что его лотерейный билет совсем не в радость... Как угадать?

Зашел Хасик, но, увидев их расстроенные лица, извинился и убежал домой.

– Мама, мама, иди скорее к тете Кларе, у них что-то случилось.

Зильфа-ханум не торопясь вытерла руки, сняла фартук и пошла к соседям – опять, видно, без нее не справятся.

Клара рассказала ей важную новость: в воскресенье придут гости знакомиться и сватать. Как быть, радоваться ли этому – дочке действительно замуж пора – или огорчаться, что парень все-таки чужой. Как принять их в этой комнатенке? И что им ответить?

– Зильфа, дорогая, ты такая умная, опытная, ты рассудительная, что мне делать?

– А что думают молодые? – Она повернулась в сторону Фани с мужем.

– Так на вид парень ничего и видно, очень влюблен. Но кто знает, что потом будет...

– И как сложится ее жизнь в чужой семье? – добавила Фаня свои соображения.

– Моя бедная Кларочка, только я понимаю, как трудно решать судьбу детей. Мой старший был влюблен в одну девочку. Я не разрешила ему жениться на ней, потому что она была наполовину русская, наполовину армянка. Поехали в Дербент, посватали там нашу, горскую, наших друзей племянницу. Такая ласковая была, все дороги нам с мужем забегала, так юлила перед нами! А как замуж вышла, сразу переменилась, змея лицемерная. Троих детей подряд родила, дома ничего не делает, только моим сыном командует. К нам приходить не хочет, внуков редко вижу. К ним прихожу – никакого уважения не оказывает. Один раз, в начале сыну сказала, а он говорит: "Это, мама, твой выбор был". Теперь получается, что я своими руками сына сделала несчастным. С другой стороны, если бы он на той девочке женился, разве есть гарантия, что они бы хорошо жили? Ее папа, когда трезвый был – нормальный, а как выпьет, всех ругал – и армян, и евреев, и азербайджанцев. Как с такой родней жить? Главное, что детям-полукровкам в жизни бывает трудно. Кто они? Кем себя чувствуют? Каких обычаев им придерживаться?..

Все это время Эдита сидела в углу молча, уставившись в одну точку и сцепив руки.

– А он такой симпатичный, – раздался тихий голос Басеньки. Оказывается, они с Хасиком стояли у раскрытой двери и все слышали.

– Ты маленькая еще тут рассуждать, – одернула ее Клара.

– Ну вот, когда молчу, говорят: "Чего ты молчишь?" А как скажу чего, так говорят: "Помалкивай". Вот вы все советуетесь между собой, а надо у Эдиты спросить, что она думает.

– Слава Богу, наконец, кто-то догадался и мое мнение выслушать, – взорвалась Эдита. Глаза ее были полны слез.

Зильфа-ханум молча вышла из комнаты. Ее тактичность победила любопытство. Семья должна сама решить такую серьезную задачу. А завтра она все равно все узнает.

– Я могу решать за себя или нет? Это же моя жизнь!

Эдита разрыдалась. Клара обняла дочку, успокаивала, гладя по спине.

– Мамочка, дорогая, пойми меня. Мне он нравится, я не хочу никого другого. Я понимаю, что ты хотела для меня еврейского мужа. Сколько раз мы ходили в синагогу, там все старички охали и ахали: *а гите мейделе, а шейне мейделе* (хорошая девушка, красивая девушка). И что толку? Кто-нибудь из них посватал меня за своего сына или внука? Нет никого. А сейчас, даже если придет самый красивый и умный, и богатый еврей, я все равно за него не пойду. Я люблю Теймура. Если ты не дашь своего согласия, я ни за кого другого не пойду – буду старой девой.

Фаня и Юзя, грустные оттого, что ничем не могут помочь, ушли домой, держась за руки. А Бася с Хасиком продолжали стоять во дворе между настежь распахнутыми окном и дверью и все слышали.

– Как хорошо, что у нас такой проблемы не будет. И мы евреи, и наши мамы дружат. Когда вырастем, сразу поженимся, – тихо, по-взрослому сказал Хаскел.

Бася покраснела и опустила глаза.

Мама с дочкой поплакали в обнимку, потом стали утешать друг друга. Понятное дело, мама сдалась. Вечером, уложив дочек спать, забежала к соседке:

– Что делать? Не могу же с дочкой навсегда поссориться. В крайнем случае – домой вернется... Лишь бы была здорова.

– Ну все, дорогая Кларочка, раз решила, так тому и быть. Иди спать, завтра начнем готовиться, я тебе про все обычаи расскажу и помогу – все сделаем, как надо.

Излишне описывать, как Клара провела эту ночь, а утром рано побежала в синагогу – благо, она совсем недалеко, несколько кварталов.

Старенький ребе сочувственно качал головой:

– *Ой вей!* Что сказать? Сейчас весь мир перевернулся. Евреев и так на земле не много, и мы постепенно растворяемся среди других наций. Сейчас уже ничего не изменишь – раз молодые так решили, их не переубедишь. Ты же знаешь – еврейство передается по материнской линии. Девочки понесут еврейство от мамы к дочке, но только до четвертого поколения. А если родятся мальчики, то очень важно на ком они женятся... Значит, теперь думай об их детях, своих внуках. Будешь рассказывать им о своей жизни, о своем местечке, говорить с ними на идиш, рассказывать обо всех наших обычаях и праздниках, о нашей истории. Постарайся, чтобы они остались евреями, женились на своих, хотя, понимаю, что не всегда все получается, как мы хотим. Желаю тебе *нахес*(счастья).

Глава шестая

Эдита ушла на работу. Зильфа-ханум принялась за дело, которое она делала лучше всех, – она руководила. Это не ирония, ведь правильное руководство – б*о*льшая часть успеха. Всем соседям было велено отменить все воскресные утренние стирки, снять протянутые по всему двору бельевые веревки (чтобы не плутали уважаемые гости между мокрыми простынями и панталонами), а также каждому убрать часть двора, прилегающую к его квартире. Собрали немного денег на краску и покрасили ворота.

Муж Зильфы был призван побелить комнату. Пока он белил, Хасик делал трафарет для наката. На толстом прямоугольном куске картона он нарисовал веточки с цветочками и листиками, но Зильфа их забраковала. Перевернув картонку, он нарисовал четкий геометрический узор – этакую квадратную спираль.

Рисунок был одобрен, и острым ножом вырезан трафарет. После того, как стены были побелены, к верхней части стены Хасик прикладывал трафарет, а отец красил его теми же белилами с добавлением синьки. И так кусочек за кусочком, передвигаясь по периметру, Хасик с отцом завершили работу. Все соседи пришли полюбоваться на красивый голубой бордюр на стенах под потолком, ахали и охали.

Больше всех была довольна Зильфа-ханум. Да и Хасик был счастлив тем, что украшает комнату любимой. Стены украсили две картины, одолженные у соседей. Сделали перестановку – отодвинули стол от окна и придвинули его к кровати, чтобы больше народу можно было разместить.

На следующий день были закуплены все необходимые ингредиенты для пирогов. Зильфа-ханум делала пахлаву, Бася с Эдитой были у нее на подхвате, одновременно набираясь опыта. Клара тоже не ударила в грязь лицом – она сделала пирог из "венского" теста. Все соседки аккуратно переписали рецепт. А еще Клара совсем разошлась и сказала, что напечет "мутаков" из "утопленника". Тут соседки бросили все свои дела. Было ясно, что они не сдвинутся с места пока все сами не увидят. Рецепт рецептом, а тесто под странным названием "утопленник" надо видеть своими глазами. Клара замесила тесто в большой ком, завязала его в марлевый узелок. Потом взяла чистое эмалированное ведро, набрала в него воды и на глазах изумленных соседок опустила туда тесто в марлевом узелке. Тесто утонуло. А Клара спокойно принялась готовить начинку. Все растерянно молчали. Как это так – тесто всегда надо было держать в тепле, а тут его бросают в холодную воду... Наконец кто-то спросил:

– А сколько оно там будет плавать?

– Имейте терпение. Я вас обязательно позову, когда буду вытаскивать.

Некоторые соседки ушли по своим делам, остались самые стойкие. Они стали помогать, чистить орехи, мыть *кишмиш* (изюм), изредка заглядывая в ведро. Наконец, к изумлению зрителей тесто всплыло – значит, готово. Клара вытащила его, положила на присыпанную мукой доску, помесила еще раз, раскатала, порезала на треугольнички, на каждый кусочек теста положила начинку, скатала рулетиком – и в печь. Вот и все. Когда "мутаки" испеклись, каждая из соседок получила один на пробу. Таким вот образом этот рецепт "прописался" в Баку, расходясь от хозяйки к хозяйке… Как приятно видеть изумление подруги, когда ты бросаешь тесто в ведро с водой!

Наконец, настало воскресенье. Вся семья в напряжении ждала гостей. Зильфа-ханум в парадно-выходном красном атласном халате и цветной косынке, закрывающей ее роскошные косы, давала последние указания. Басю с Хасиком посадили во дворе, дома все равно места нет, соседей попросили без надобности не болтаться во дворе, все равно через окна все увидят.

Зильфа принесла красивую скатерть, тарелочки и маленькие стаканы, по форме напоминающие пышную женскую фигуру – узкую талию и широкие бедра.

Она сказала, что стаканы называются "*армуды*" и по форме напоминают грушу. Груша – пускай будет груша, Клара не спорила, но все-таки на соблазнительную женщину похоже больше. Потом Зильфа пошла на переговоры с одной соседкой и, торжествуя, принесла от нее красивый медный самовар (самый большой во дворе). Что с ним сделается, если один раз гости чай попьют?

– Так, сейчас я вам все объясню, как надо себя вести и что делать, – важно, с чувством глубокого удовлетворения от важности возложенной самой на себя миссии, произнесла Зильфа-ханум.

Но... не успела. В широко распахнутых свежевыкрашенных воротах показались гости.

Теймур шел впереди, показывая дорогу. Увидел Басю, поздоровался с ней, посмотрел на Хасика, понял весь расклад и заговорщически-одобрительно подмигнул ему.

Когда они вошли в комнату, на их лицах не отразилось никаких эмоций по поводу убогой обстановки. Возможно, Теймур предупредил их, а может, они сами были весьма деликатные люди. Наверняка это было так. Родители Теймура оказались очень приятными людьми. Папа был завучем в школе, а мама – методистом в РОНО. Гости пришли с подарками: на большом подносе лежало несколько отрезов на платья.

Родители Теймура познакомились в ВУЗе, с большим трудом добились права на свою любовь. Не так чтобы Монтекки и Капулетти, но слишком разными были их семьи. Отец Теймура, его бабушка и дедушка, были из древнего богатого аристократического рода, да еще все ученые – историки, археологи, специалисты по древним языкам и манускриптам. А мама его, Нигяр – дочка простого нефтяника Эльмана.

Все-таки добились своего, поженились, родили четверых детей, и дали слово, что своим детям предоставят полную свободу в выборе спутников жизни.

Вторая жена дедушки Татьяна Матвеевна, не сказавшая за весь вечер и двух слов, тем не менее, всем очень понравилась своей милой, доброй улыбкой. У Клары немного отлегло от сердца, комок в груди, давивший ее последние дни, как будто стал рассасываться. Гости хвалили ее пироги.

Дедушка Эльман шумно и весело рассказывал какие-то истории. Все шло просто замечательно, но она не понимала, почему гости говорят на посторонние темы, почему не сватают, то есть не делают предложение. Она вопросительно поглядывала на Зильфу, но та незаметно под столом успокаивающе похлопала ее по колену. Постепенно разговор стал иссякать, и Зильфа засуетилась около самовара, Клара ей помогала. Чай был заварен по всем правилам, темно коричневый с бордово-золотым оттенком, душистый, ароматный. Зильфа насыпала в каждый маленький фигуристый стаканчик по две полные ложечки сахара.

– Зачем ты сыпешь заранее, может, они не хотят, вон сколько сладостей на столе. Поставь сахарницу на стол, они сами насыпят, – прошептала ей Клара.

– Так надо, я потом тебе объясню.

Гости попили чай и стали прощаться. Клара стояла растерянная, не понимая... и это все?.. Выходили в обратном порядке, Теймур шел последним. Он сиял, как тот медный самовар, из которого они только что пили сладкий чай. Во дворе он опять по-дружески, и уже несколько по-родственному, подмигнул Хасику.

Уф! Вот и первый этап позади! Прибежали соседки и началось обсуждение будущих родственников, особенно пристально разобрали свекровь – и как она была одета, как держалась, как смотрела и так далее.

Наконец, когда все разошлись, Зильфа-ханум объяснила все дипломатические тонкости восточного сватовства.

– Вот смотри, например, они пришли и говорят: "Отдайте нам вашу дочку". А ты отказываешь. Они уходят обиженные, вроде как оплеванные, соседи смотрят им в след с ухмылками. А сейчас они пришли просто познакомиться, посидели, поговорили. А мы-то знаем, зачем они пришли. И мы подаем им чай. Если чай сладкий – значит, мы согласны, если не сладкий – то уж извините. Приняли их вежливо, сладостями угостили, с поклоном проводили, и никто из соседей не знает, какой чай они пили. Такой обычай придумали, чтобы гостей не унизить.

Да... "Восток – дело тонкое".

– Здесь очень ценится деликатность, чтобы гордость не унизить, чтобы чувства не оскорбить,– продолжала Зильфа. – Но сейчас народ грубее стал, друг о друге не думают, хамства много…

Клара вспоминала, как у них в местечке все делали через ребе. Приходит отец жениха и советуется с ребе: "Вот, мол, так и так, нравится моему сыну дочка бондаря. Как вы думаете, отдаст он нам свою дочку?" Тогда ребе при случае спрашивает бондаря его мнение. Вот так закулисные переговоры велись, чтобы сваты пришли уже заранее знакомые с положительным ответом. Так и ее, Клару, посватали…

Со свадьбой долго тянуть не стали. По просьбе молодых, это счастливое событие отпраздновали «скромно». Трехкомнатная дедушкина квартира битком набита гостями, музыка, тосты, обильное угощение... Родители Теймура пожелали молодым счастья – тост был душевным. Директор ГАПУ расхваливал невесту как отличную работницу. Каждый, произносящий тост, старался сделать его еще более закрученным и замысловатым, чем все предыдущие.

Ды калэ хот эйн хэсорн – зи из цу шейн. (Невеста имеет один недостаток – она слишком красива.) Все это Клара помнила смутно, как в тумане. Вот, отдала дочку без хупы, что теперь будет... Если раньше была надежда, что когда-нибудь смогут они вернуться на родину, то уже такой надежды нет. Теймур никуда не двинется, Баку – это его родина.

Да и Басенька ее, видно, здесь застрянет навсегда. Как на нее Хаскел смотрит, так и кошке ясно, к чему дело идет...

И вот после свадьбы Эдита осталась в квартире у Теймура с его дедушкой и Татьяной Матвеевной. Дедушка Эльман, крупный, сильный, моложавый – никто не мог поверить, что ему уже за 60 перевалило, – все зубы свои, еще работал.

Ровно в положенный срок Эдита, на радость семье, родила сына, назвали Сулейман (что соответствовало еврейскому имени Соломон)

Счастье осветило жизнь всей семьи! Но, Боже, как оно хрупко!!!

ВОЙНА! Война искорежила весь мир! Все думали, что это будет краткосрочная война и ослепительная победа, как обещали вожди и пели в песнях...

Глава седьмая

О дедушке Эльмане надо рассказать отдельно, и даже не потому, что он опекал всю семью, вернее не только потому. Очень добрый по натуре человек, он проникся трудностями своей новой польской родни. Особенно ему был симпатичен скромный Юзеф Тобисельский. А после того, как Юзя сшил ему пальто, Эльман пришел в изумление от такого таланта. Сшить какое-то изделие(!) – это было для его разумения что-то запредельное...

Эльман (*в переводе с тюркского – “человек народа”*) искренне любил советскую власть. Не ухмыляйтесь – это не ирония. Когда он рассказывал о своей жизни, становились понятны его чувства.

Отец его владел маленьким клочком земли и добрым, совсем не упрямым осликом. Сухой, выжженный солнцем песок был хорош только для винограда и инжира и не мог прокормить семью. Пришлось перебраться в город. Землю продал соседу за копейки, за ослика получил больше. Когда они уезжали, ослик очень жалобно кричал, прощаясь, а маленький Эльман плакал.

В Баку отец Эльмана устроился на нефтяные промыслы, а потом и сына туда же пристроил. Эльман рано женился, родилась девочка, а потом два мальчика. Работа на нефтепромыслах известной фирмы Нобеля была нелегкой, но давала возможность содержать семью.

Работали они в Бакинском поселке Сабунчи. На этом участке нефтепромыслов инженером был Густав Вильгельм Рихард Зорге (у которого в 1895 году родился сын Рихард, но это совсем другая история).

А потом началось такое... Ничего не поймешь, что это в жизни творится! Мусаватисты, гянджинские федералисты, националисты, интернационалисты, буржуазия, социалисты, большевики, меньшевики... Когда все говорят вроде бы одни и те же, в общем-то, правильные, справедливые слова, – как рассудить, кто из них прав? Хозяин говорит: "Работайте больше – больше заработаете." Это правильно, Эльман согласен лишние пару часов поработать. Приходят агитаторы, говорят: "Бросайте работу, надо поддержать рабочих России – всеобщая забастовка называется." Простые, безграмотные рабочие, особенно, из разорившихся крестьян, не согласны – чем детей кормить будем? "Стачечный комитет, – отвечают, – будет деньги платить." Тогда согласны. Приходит хозяин, дает больше, – они выходят на работу. Никак Эльман не мог разобраться в этой круговерти слов.

******

А где-то грохот сабель, гром копыт…
Но Каспий гонит волны, словно годы.
Пробив пласты, под солнцем нефть кипит
И обещает золотые горы.

Хозяин руки потирает вновь;
Трудись, тартальщик,и глотай обиды!
Пусть нету крова, пусть струится кровь,
Как нефть чернея на щеке разбитой.

(Александр Халдеев)

******

Он размышлял: "Если все за народ и справедливость, почему же в стране такая разруха?" Подумав, Эльман пришел к выводу, что, если все кричат, спорят, ходят на демонстрации, и никто не работает, – какой толк может быть для жизни? Причем, ведь не просто спорят, а ненавидят же каждый каждого – на собраниях орут, друг на друга гадости говорят, мол, только моя партия за народ, за справедливость!
А другие кричат это же про себя!...

Или вот эта страшная Мировая война... Зачем? Кто так решил? За что убивают друг друга? В чем смысл всего этого?

******

15-20 апреля 1917 года – Съезд мусульман Кавказа поддержал Временное правительство России, получив от него за это автономию для Азербайджана в рамках Российской Федерации.

1 мая 1917 года – первая свободная демонстрация. Через год – Совет Народных Комиссаров под председательством С.Г. Шаумяна.

******

В Азербайджане почти гражданская война длится больше года. Эльман работал, но старался ходить на всякие собрания, чтобы понять, что к чему.

26 мая 1918 года он пришел на съезд Советов крестьянских депутатов Бакинского уезда. Пришел просто послушать, что будет с простыми крестьянами. Хоть и были они с отцом оторваны от земли давным-давно, но душа не остыла. Слушал внимательно. Все, вроде, правильно, но какие-то сомнения оставались. У земли должен быть хозяин – это он знал твердо, но об этом говорили как-то туманно и неясно.

После окончания съезда все разошлись, а он сидел, задумавшись. Никак не укладывается все услышанное в голове... Потом посмотрел вокруг – какая грязь! Ну, понятное дело, приехали крестьяне, обувь в грязи. Нашел метелку, подмел, потом ведро с водой, начал мыть полы. Полы паркетные, таким красивым узором выложенные. В это время около него остановился человек.

Всю жизнь потом Эльман вспоминал этот момент, эту встречу. Это был председатель исполкома Мешади Азиз-бек оглы Азизбеков.

– Ты кто?

– Я Эльман.

– Что делаешь?

– Смотрю, грязи много. Полы красивые, жалко такие затаптывать грязью.

– Правильно рассуждаешь. Это все теперь наше, народное, беречь надо, и народ к культуре и чистоте приучать надо. Будешь здесь теперь завхозом работать, за порядок отвечать. Семья есть? Где живешь?

– В подвале комнату снимаю, на Шемахинке.

Азизбеков написал что-то на бумажке.

– Иди в жилищный комитет, там получишь комнату в уплотнении. Там, где раньше буржуи жили, теперь наши люди жить будут.

Вот так случайно попал он на раздачу жилья, получил одну небольшую комнату на втором этаже старого трехэтажного дома. Потолки в квартире высокие, лепные, повсюду паркетные полы, два больших окна. Вселился туда с женой, тремя детьми и стареньким отцом. После старого темного подвала не было

им тесно. В квартире было еще пять семей, туалет и ванная комната общие на всех. Соседи попались хорошие. По составу – полный интернационал: одна семья смешанная – русско-немецкая, по одной – азербайджанская и осетинская и две – армянские семьи.

Все лето он пробыл на ответственной должности. Зарплату почти не платили, выдавали иногда пайки. Потом на Азербайджан напали турки, их поддержала Германия. 15 сентября 1918 года турки захватили город, учинили армянам страшный, кровавый погром. Во время погрома Эльман взял в руки топор, а остальных мужчин своей коммунальной квартиры вооружил кого кухонными ножами, кого секачом для рубки мяса. Когда послышался топот в подъезде, крики и стуки в дверь, Эльман крикнул по-азербайджански погромщикам, что у них в квартире нет русских, нет армян, нет богатств, чтобы грабить, а есть два ружья и два топора для защиты своих женщин и детей, и что двое первых будут застреляны, двое – зарублены, а остальные – как получится. Погромщики покричали, покричали и ушли, никто не захотел быть в первой четверке.

Новое мусаватское правительство во главе с Ф. Хан-Хойским полностью подчинилось турецким оккупантам. Эсеры, меньшевики и дашнаки приняли резолюцию о приглашении английских войск для защиты от турецких интервентов. Уцелевшие большевики ушли в подполье.

В ноябре 1918 года Турция и Германия по условиям Мудросского перемирия покинули Азербайджан, и тут же (17 ноября) в Баку из иранского порта Энзели прибыл в сопровождении французской и американской военных миссий английский отряд под командованием генерала Томпсона, объявившего себя губернатором Баку. Было создано марионеточное местное буржуазное правительство. А Эльман опять вернулся на промыслы – нефть нужна всегда и любому правительству.

Страну, не желающую быть английской колонией, трясло от забастовок и демонстраций. В конце лета 1919 года англичане ушли, но мир не наступил.

27 апреля 1920 года части XI Красной Армии перешли северную границу Азербайджана. Большевики торжественно встретили на вокзале Бронепоезд "III Интернационал", и советская власть надолго утвердилась в республике.

При советской власти Эльман опять стал завхозом. Пришел к Нариману Нариманову и сказал, что был назначен завхозом самим Азизбековым.

Жена умерла. Русская соседка с мужем-немцем уехали из Баку, и Эльман получил их комнату. А потом умерла старая армянка, и ее маленькая комнатка тоже досталась Эльману. В коммуналке стало просторнее. Старый отец, трое детей подрастают, все заботы – на Эльмане. Да и соседи бегут к нему со своими проблемами...

Дочка выросла быстро, совсем невеста. Дома она за хозяйку, учится лучше всех, одевается скромно, платок на голове, но лицо открыто. Однако упорная и настойчивая – хочет быть учительницей. И никак с ней не сладить. Мальчишки, наоборот, – послушные, слово отца – закон, но учатся с ленцой. Каждый день сестра с ними занимается, уроки помогает делать, ремень отца на столе лежит...

По правилам коммуналки ванную комнату соседи занимали по очереди раз в неделю. Но, если Эльман просил, его охотно пускали без очереди, учитывая его занятость, большую семью и безотказную помощь всем, кому она была нужна. Когда Эльман как заботливый сын помогал отцу купаться в ванне, наступало время их задушевных разговоров.

– Эльман, дорогой, ты помнишь наш аул?

– Помню, отец, ослика помню...

– Как я тяжело работал, сколько ведер воды перетаскал, а сейчас открываем кран – и вода льется. Купайся, когда хочешь и сколько хочешь! И туалет какой удобный! Я, бедный человек, живу, как король. Ты – сын бедного крестьянина – работаешь на таком высоком посту! Какое счастье, что я дожил до этого!

Как же мог Эльман при таком раскладе не любить советскую власть!?

Говорили они и о судьбе детей.

– Знаешь, Эльман, не надо удерживать дочку. Пусть учится. Жизнь идет вперед. Она же у нас скромная девочка, ведет себя достойно. Будет учительница, будет девочек учить. За уважаемого человека замуж выйдет, пусть Аллах позволит мне дожить до этого.

Аллах не позволил, но забрал его к себе тихо, без мучений.

Потом пришли к Эльману сватать его дочку Нигяр. Эльман накрыл красивый стол, но сидел молчаливый и подал им несладкий чай. Вечером дочка билась в истерике, потом сказала: выпью уксус. (Кроме самосожжения был в Баку и такой очень мучительный способ сведения счетов с жизнью – выпивали бутылку неразбавленной уксусной эссенции). Назавтра пришел жених.

– Почему, почему вы нам отказали? Я очень люблю вашу дочку, и моим родителям она понравилась.

Тут жених не лукавил, девушка действительно понравилась родителям, но... слишком разными были их семьи, слишком явной была необразованность отца... Возможно Эльман это почувствовал.

– Мы совсем на разных ступенях среди людей, понимаешь? Твои родители ученые, за границей учились. А я кто? Нефтяник, чернорабочий. Был некоторое время завхозом, потом опять на промыслы пошел – кормить семью надо. Теперь снова завхоз. Когда маленький был, отцу на земле помогал, грамоту еле-еле выучил, получается, что я малограмотный. Твои родители меня стесняться будут, дочке – унижение. И богатств у меня никаких нет.

Он сидел, низко опустив голову.

– Я вас понимаю, уважаемый Эльман-ага, но и вы меня поймите. Я хочу жениться только на Нигяр. Сейчас новые времена, наше поколение смотрит на жизнь совсем по-другому. Мне не нужно приданого, мне неважно, какой уровень ее семьи, положение и работа ее отца, то есть ваше. Никто в семье моих родителей никогда ничем не попрекнет мою жену. Да я и не дам ее никому в обиду. Одним словом, я никуда не уйду, пока не получу согласия. Подавайте мне скорее сладкий чай, а то придется мне украсть Нигяр.

Последняя фраза всех развеселила. Мальчишки в соседней комнате захихикали, не удержались, потом и Эльман улыбнулся и махнул рукой.

******

Эльман – честный, добросовестный, ответственный и доброжелательный, прекрасный работник. У него в подчинении три уборщицы и двое рабочих (мастера на все руки: они и электрики, и слесари, и стекольщики, и столяры – все умели). Для них Эльман был, как отец родной. Забирал их с собой, когда его переводили с места на место. Баксовет, райсоветы, райкомы, горком, партийная школа – везде поработал. Налаживал хозяйство на одном месте – его переводили на другой объект. Везде его знали, уважали. У него была масса знакомых – и среди высокопоставленных чиновников, и среди простых людей, которым он всегда помогал, чем мог.

Он долго не понимал, почему его перебрасывают с одного места на другое. Со временем догадался. Просто уволить его было как-то неудобно – все-таки ставленник Азизбекова и Нариманова, но с другой – он не укладывался в систему чиновничьих ценностей, не такой он, как все: Эльман не брал взяток! Такое, конечно, случается (чего только в жизни ни бывает!), но крайне редко. А так как он не брал взяток, то, соответственно, и не давал ничего вышестоящим чиновникам. Вот его и спихивали из одного учреждения в другое, куда он беспрекословно отправлялся со своей бригадой. Приводил в порядок все помещения, столы, стулья, кладовки, канцтовары и т.д. Все сверкало чистотой, все ключи, замки, сейфы, пишущие и счетные машинки, двери, окна функционировали без сюрпризов. И ждал нового назначения.

С детских лет он помнил текущие по щекам отца слезы, когда у него беззастенчиво вымогали взятку. Это так страшно – видеть настоящие слезы на суровом мужском лице! Как это жестоко, несправедливо – тяжело, изо всех сил работать, а пот***о***м заработанное кровью и п***о***том оторвать у голодающей семьи и отдать какому-то мерзавцу только за то, что он имеет власть! Никогда не забыть ему отцовских слез!

По натуре Эльман был совершенно не деловым человеком – не обладал деловой хваткой, деловым чутьем, не шел на рискованные сделки. Ведь что такое деловой человек? К примеру, если у одного вашего знакомого есть, скажем, 100 кг. слив на продажу, и вы знаете другого, который варит повидло или пастилу из слив, самое элементарное действие делового человека – купить эту сливу у одного, продать немного дороже другому и заработать свой маленький навар. Эта схема Эльману не подходила. Во-первых, у него не было лишних денег, а одалживать он боялся: вдруг покупатель передумает, и Эльман останется и с товаром, и с долгом, чего он страшно боялся, т.е. начисто отсутствовал деловой риск. Он просто сводил людей, нужных друг другу, и был рад, если сделка состоялась. Все знали, что этот чудак денег не берет. Но подарки (причем, **после** завершения сделки) он брал с поклоном и признательностью – такова была местная традиция. Бывало, что в его дверь стучали, заходил мальчик-посыльный, заносил пакет: “Это Фуад-ага просил передать", и убегал. Иногда это была ляжка барана, или баллон топленого масла, или мешочек орехов, риса или гороха, или еще что-нибудь, чем его искренне хотели отблагодарить за помощь. Вот так и получалось, что дом его был полная чаша, а денег хватало только от получки до получки. Эти непонятные подношения удивляли Эдиту, она никак не могла понять, что они означают и чем конкретно занимается ее свекр – а спрашивать стеснялась.

******

Как уже упомянуто раньше, в марте 1926 года в Баку состоялся I Всесоюзный тюркологический съезд. На этом съезде, к гордости Эльмана, выступали его сваты. Не так легко заменить арабские буквы латинскими во всех тюркских языках. Сразу, как того требует Партия, это невозможно. Они добились разрешения провести процесс поэтапно за несколько лет.

Жизнь текла, даря неравномерно радости и горести. Смерть отца, замужество дочери, уважение на работе, заботы по трудоустройству сыновей – это внутренние, семейные проблемы Эльмана. Но в последнее время появились и другие, которые все больше волновали его – почему вдруг стали исчезать честные, достойные люди из правительства? Некий Мир Джафар Багиров стал жутким, злобным пугалом для всех. Как быстро он лезет вверх, расталкивая достойных людей, заставляя трепетать не только простых граждан, но даже всех работников партаппарата! И каждый день, по дороге на работу, Эльман молился Аллаху и просил заступничества отца на небесах. Кто такой этот Мир Джафар Багиров? Откуда он вылез?

******

С 1918 года Мир Джафар Багиров участвовал в революционной деятельности в Закавказье, тогда же подружился с Л. П. Берией. В Кавказской партийной организации их даже называли «сиамскими близнецами». Багиров состоял в дашнакском отряде, учинившем погром в азербайджанском городе Куба.

В феврале 1921 года М. Д. Багиров был назначен председателем ЧК АзССР, а в сентябре 1926 года, при содействии Берии, – председателем ГПУ АзССР. Одновременно он являлся и Наркомом внутренних дел, и заместителем Председателя СНК Азербайджана.

В течение 20-х гг. при участии Багирова все очаги политического сопротивления были подавлены с особой жестокостью. Когда весной 1929 года вспыхнуло крестьянское восстание в селе Кедабек, он приказал подразделениям ГПУ уничтожить в мятежном селении не только всех мужчин, но и ***всех детей****, чтобы, став взрослыми, не вздумали мстить! (*Эльман слышал передаваемые шепотом сведения о расстрелах крестьян в Кедабеке около Гянджи. Сердце ныло и ныло...)

В октябре 1932 года Багиров возглавил Совет Народных Комиссаров Азербайджанской ССР, в декабре 1933 года Багирова "избрали" Первым секретарём ЦК КП Аз ССР.

И стал он полным правителем-повелителем Азербайджана.

Что за страшный такой год – 1933-й?!

******

Однажды в коридоре Эльман с ужасом увидел "хозяина", быстро идущего со своей свитой. Прижался к стене. Багиров прошел было мимо, но вдруг остановился и обернулся:

– Салам Алейкум, дорогой. Это ты такой завхоз, который денег не берет?

– Мне отец не велел, – тихо сказал Эльман, – учил, что недостойно это.

У сопровождающих заметно удлинились лица. Может, это намек на то, что они-то берут взятки? Багиров секунду колебался, а потом, подняв вверх указательный палец, сказал:

– Вот, смотрите все! Человек немолодой, а заветы отца помнит! Такие традиции нам нужны. Молодец!

Все вздохнули с облегчением, и Эльман почувствовал, как свинцовый груз свалился с него. На следующий день он, под покровом темноты, в тайне от всех, отнес некоторую сумму в мечеть.

******

На 1937-1938 гг. приходится пик массовых репрессий над политическими деятелями и над командным составом Красной Армии во всех республиках. Азербайджан не был исключением. К 1940 году примерно 70 тыс. азербайджанцев погибли в результате чисток, устраиваемых Багировым.

******

Бекир Чобан-заде был близким другом свекора дочки. Он был профессором Бакинского университета, учёным-тюркологом, крымско-татарским поэтом. Был арестован и доставлен под спецконвоем из Кисловодска в Баку. За "сотрудничество с иностранными разведками" суд приговорил его к расстрелу, и этот приговор был тут же приведен в исполнение. Новые родственники Эльмана тоже ждали ночных гостей. От переживаний умер свекор дочки...

По совету Эльмана вдова разменяла свою роскошную 4-х комнатную квартиру на 3 однокомнатные поскромнее, и вся семья затихла, не участвовала ни в каких научных или общественных мероприятиях.

Самед Вургун (Векилов Самед Юсиф оглы), знаменитый поэт и прекрасный переводчик, в своем стихотворении, прославляющем родной Азербайджан, с горечью писал о прошлом своей страны:

И невежды порочили имя твое,
И безумцы пророчили горе твое,
И надежды измучили сердце твое...

Думающим интеллигентам (которых усилиями Багирова почти не осталось в стране) нужно было только поменять в стихотворении прошлое время на настоящее. Самед Вургун метался между Баку и Москвой, мудрый человек, он видел все, что творится и здесь, и там. По русскому обычаю он заливал горе с русскими друзьями и умер сразу после своего 50-летнего юбилея.

******

Только дома хорошо и спокойно, слава Аллаху. А любимый внук Теймур – такая умница! – радость души. И жену – Эдиту – выбрал хорошую, скромную, уважительную. Вот и до правнука дожил. Эх, если бы

не эта проклятая война! Теймур месяцами пропадал на промыслах. Приезжал на день-два – и обратно: стране нужна была нефть. В 1943 году Эдита родила второго сына, назвали Ибрагим (что по-еврейски означало Абрахам). Эльман, по возможности, помогал всей семье: и своим детям, и даже родным Эдиты что-то перепадало, устроил Фаину нянечкой в госпиталь. Клара и Юзеф шили телогрейки на швейной фабрике.

Глава восьмая

Исторические события: ***1940 год.***

1 апреля. В Германии изданы географические карты, на которых территории Эстонии, Латвии и Литвы обозначены уже как составные части Советского Союза. Это была, увы, не первоапрельская шутка (до ввода советских войск в эти страны оставалось 2,5 месяца).

Весной органы НКВД уничтожили в Катыни свыше 4 тыс. польских офицеров, интернированных осенью 1939 на территорию СССР и доставленных из Козельского лагеря в Катынь (14 км к западу от Смоленска. В 1930-х годах – это было местом массового захоронения советских граждан – жертв зверских репрессий).

15 июня. Советские войска вступили на территорию Литвы.

17 июня. Советские войска перешли латвийскую границу.

17 июня. В столицу Эстонии Таллинн вошли части Красной Армии. Одновременно на рейд Таллинна прибыли боевые корабли советского Балтийского флота, высадившие в городе десант морской пехоты.

17 июня. Статс-секретарь МИД Германии Э.Вейцзеккер своим циркулярным письмом, направленным всем дипломатическим миссиям Германии за рубежом, уведомил их, что действия России в Прибалтике касаются только России и Прибалтийских стран. (Россия – наш друг, пусть делает, что хочет на территориях "своей сферы интересов".)

28 июня. Войска Южного фронта генерала Г. Жукова перешли реку Днестр и вступили в Бессарабию и Северную Буковину. К исходу дня войска Красной Армии заняли города Черновцы, Бендеры, Бельцы, Кишинев и Аккерман.

******

Черновцы был особый город. До первой мировой войны евреи составляли около трети населения города. Австрийские власти были заинтересованы в притоке евреев в город, полагая, что, поскольку они говорят на идиш, близком к немецкому, то будут проводниками немецкой культуры. Особенно поощрялась ассимилировавшаяся немецкоязычная еврейская интеллигенция, представителям которой дозволялось занимать государственные должности и участвовать в экономической жизни города. Реформистский иудаизм, ортодоксальный иудаизм, хасидизм мирно сосуществовали. В 1908 году в Черновцах состоялась первая международная конференция по языку идиш. Но с лета 1940 года, когда Черновцы заняла Красная Армия и город вошел в состав УССР, жить становилось все тяжелее и тяжелее…

******

Обратимся к семье второго брата Тобисельских – Бене, который остался на территории Польши, занятой фашистами в сентябре 1939 года. Беня с семьей не сумели перейти границу на советскую территорию – в Дрогобыч, где находились их родные. Они бежали в Литву, пока еще самостоятельное государство.

Прибывающие в Каунас польские евреи рассказывали страшные вещи. Про Варшавское гетто. *(в котором находилось около 440 тысяч человек, т.е. 37 % населения Варшавы; при этом площадь гетто составляла всего 4,5 % площади города).* Про что-то совершенно непонятное, что они, эти беженцы, называли "концлагеря"...

Литовцы уважали немцев и не верили беженцам. А такое обилие нищих, напуганных, обездоленных евреев, свалившихся вдруг на тихую Литву с ее размеренным укладом жизни, не способствовало любви к ним со стороны литовцев.

Куда же, куда бежать? Фашисты захватывают одну страну за другой, а свободные еще от них страны не дают евреям визы. Следуя инструкциям своих правительств, американские, британские и французские консульства категорически отказались предоставить эмигрантам транзитные визы. Куда ехать, как спасти детей? У собравшихся в Литве польских евреев оставалось все меньше возможностей покинуть страну и перебраться за океан или хотя бы в Азию, где пока было относительно спокойно.

******

22 июля "Правительства" Эстонии, Латвии и Литвы обратились в Верховный Совет СССР с просьбой принять их в состав СССР. Конечно же, им не отказали и в начале августа приняли в «дружную семью советских народов». «За компанию» была образована и Молдавская ССР.

Новые прибалтийские республики надо было срочно советизировать, а тут еще под ногами эти польские евреи-беженцы мешаются...Пустить их к себе, дать гражданство или вид на жительство? Да ни в коем случае! Свои евреи, 23 года воспитывавшиеся в покорности, и то, как мозоль, а тут еще эти польские со своими запросами. Они всех "наших" перепортят. Однако для имиджа советской власти в Прибалтике надо было сделать хоть что-то, показать, какие фашисты плохие, а мы – хорошие. И тогда евреям-беженцам из Польши объявили, что СССР может им выдать визы, но только транзитные, если у них на руках будет виза принимающей их страны.

Вот она, спасительная идея: два острова, старые голландские колонии в Карибском море – Курасао и Суринам – не требуют для въезда никаких виз и документов. Генеральный консул Голландии в Каунасе Ян Цвартендейк согласился проставить разрешение на въезд всем, кто подаст заявление. Первые документы, благодаря Яну Цвартендейку, получили студенты ешив и их семьи. В их числе была и семья Бени Тобисельского.

Но, чтобы попасть на эти острова, беженцам нужно было не только пересечь по Транссибирской железной дороге всю территорию Советского Союза (несколько недель), но и добраться через порты Находка или Владивосток до Японии, а уж оттуда отплыть на Карибы. То есть нужны две транзитные визы.

Через несколько дней после установления в Прибалтике советской власти Москва потребовала, чтобы сотрудники всех иностранных дипломатических учреждений в Эстонии, Латвии и Литве покинули территорию теперь уже Советского Союза. Почти все дипломаты немедленно выехали. Остались только два консула в литовском Каунасе: голландский и японский. Японский консул Сугихара попросил разрешения на продление своего пребывания в Каунасе до конца августа и получил его.

******

В знаменательный день 1 января 1900 года, на грани веков, как уже упоминалось, родилось много детей, но на страницах нашего повествования мы встречаемся только с тремя.

С фашистским офицером – сыном старого доктора – на страницах первой книги. История второго – горе-рисовальщика денежных купюр – упомянута во второй книге. Третьего мальчика, который родился в этот же день в далекой стране Восходящего Солнца в маленьком городке Яотсу, что в префектуре Гифу, звали Чиунэ. Он также родился в семье врача Ёшимизу Сугихары, и, как два предыдущих, став взрослым, пошел своей дорогой, а не по стопам отца.

Чиунэ отлично учился в школе, но хотел посвятить себя не медицине, а литературе и культуре европейских стран и изучению иностранных языков. В гневе за ослушание отец лишил Чиунэ всякой материальной помощи. Тем не менее, Чиунэ Сугихара совершенствовал в университете свой английский язык, прошел отборочный экзамен в Министерстве иностранных дел и в составе учебной группы при посольстве Японии отбыл в один из крупнейших городов Китая – Харбин, центр российской белоэмиграции в то время.

Там он активно общался с российскими эмигрантами, изучал немецкий и русский языки. В 1924 году Чиунэ Сугихара принял православие и женился на жительнице Харбина, уроженке Белоруссии Клавдии Семеновне Аполлоновой.

******

Старая Россия в годы гражданской войны и красного террора напоминала буйно помешанного самоубийцу. Побушевала в конвульсиях и померла. Однако её крохотный аппендикс, отделившийся от больного тела ещё до катастрофы, сохранился, даже расцвёл, и зажил своей изолированной жизнью. Жизнью иной, особенной, но всё же так похожей на старое доброе время! Этот аппендикс существовал в Китае, а точнее, в Шанхае и Харбине, куда хлынули, спасаясь от красных и белых, толпы разного люда: служащие КВЖД (Китайско-Восточной Железной Дороги), ремесленники, аристократы, врачи, музыканты – в массе народ образованный и предприимчивый. Впрочем, прибыли также уголовники и прохиндеи всех мастей. В Харбине эта криминальная публика селилась в районе под соответствующим названием «Нахаловка». Советская Россия открыла в Харбине генеральное консульство и торговое представительство, начиненные чекистами и шпионами, тесно кооперирующимися с населением Нахаловки.

Город процветал. Работали магазины, фабрики, школы, был свой симфонический оркестр, опера, оперетта, музыкальная школа, выходили газеты. Китайский Харбин превратился в истинно русский город, каких в самой России к началу двадцатых не осталось вовсе. Китайцы жили на окраинах и приходили в центр только на работу. Русские не говорили по-китайски, а китайцы по-русски, однако все друг друга отлично понимали и жили в мире и согласии. Росла и еврейская община, которой руководил доктор Кауфман, построивший на свои деньги синагогу и больницу. ***(Яков Фрейдин. Судьба музыканта)***

******

В начале 1932 года Япония захватила Манчжурию и оккупировала Харбин. *(Великая Маньчжурская империя, образованная японской военной администрацией, просуществовала до 19 августа 1945 года.)*

В 1932 году Сугихара, уже признанный эксперт по Советской России, принимал активное участие в переговорах с советскими властями о приобретении Японией Китайско-Восточной железной дороги. В 1934 году был подписан договор о продаже на весьма выгодных для Японии условиях. Историки считают, что именно усилиями Сугихары японскому правительству удалось выиграть в этой сделке больше миллиона долларов (по тем временам это были огромные деньги).

Под властью японской военщины жизнь этнических китайцев была очень тяжелой. Харбин стал приходить в упадок. В 1935 году в знак протеста против действий японской армии в отношении мирного населения Китая Сугихара подал в отставку со своего поста в Харбине и возвратился в Японию. Это был мужественный и даже опасный шаг. По сути, это был протест против политики своего правительства.

Возвратился он один. Клавдия Аполлонова совершила мудрый поступок – она отпустила Чиунэ. Она не могла родить ему детей, да и трудно ей, не говорящей по-японски, было бы в чужой стране. Здесь, в Харбине, хоть еще оставались соотечественники…

Настал 1937 год. Чиунэ Сугихара получил назначение на работу в японское посольство в Финляндии и едет в Хельсинки вместе с молодой женой Юкико Кикучи и первенцем Хироки. Через два года – новое назначение – в японское консульство в литовском Каунасе. В семье уже трое детей. В его обязанности теперь входит докладывать в Министерство иностранных дел Японии обстановку в Европе, действия Германии и Советского Союза. Это уже серьезно.

******

"В консульство пришли пять делегатов от беженцев. Они рассказывали страшные истории о том, что происходит с евреями в Германии и Польше и почему они решили приехать в Каунас. Сказали, что если бы не побег в Литву, все они были бы уже мертвы". Сугихара был озадачен. Он, конечно, мог выписать несколько виз, но не сотни, как его просили. Выйдя к воротам, он сказал толпе, что объявит о своем решении на следующий день.

"Мы обсуждали проблему всю ночь. Без виз все эти люди могли умереть, в этом мы прекрасно отдавали себе отчет…Это был трудный выбор. Тиунэ (так на японском звучит имя Чиунэ) понимал, что в случае выдачи виз он, с одной стороны, нарушит прямой приказ своего начальства, а с другой – нацисты не простят ему спасения евреев. В первом случае он терял лицо самурая, во втором – его ждала верная смерть". ***(Из книги воспоминаний Юкико, жены Сугихары)***

******

Чиунэ Сугихара телеграфировал своему начальству снова и снова, прося разрешения выдавать транзитные визы еврейским беженцам, то есть разрешения просто проехать через Японию в другие страны, и таким образом спасти ни в чем не повинных людей. Ответа не было. Складывалось впечатление, что там просто никто не знает, как поступить. С одной стороны, Япония – союзник Германии, с другой – у Японии не было никаких причин поддерживать Холокост.

Наконец, на очередной запрос по поводу транзитных виз из Министерства иностранных дел Японии пришел ответ – отрицательный. Самурай должен подчиниться. Но один раз, в 1935 году он уже подал в отставку со своего поста в японском посольстве в Харбине в знак протеста против действий японской армии в отношении мирного населения Китая. Тогда он жертвовал карьерой. А чем он жертвует сейчас?

Сугихара – государственный служащий, дипломат – рисковал обеспеченным положением своей семьи, карьерой и, возможно, жизнью ради таких эфемерных понятий, как великодушие, гуманность,сострадание...

Многие называют его самураем, хотя формально он им не был – в Японии сословие сына определяется сословием отца, а у Сугихары только мать, Ятсу Сугихара (урожденная Иваи), была из самурайской семьи, хоть и небогатой. Все знают, что воинам-самураям предписано беспрекословно подчиняться приказам.
В отличие от европейских коллег, Чиунэ Сугихара решил идти наперекор прямым приказам начальства.

******

«…Согласно бусидо (самурайской философии), главными достоинствами благородного мужа являются сострадание, честность, бескомпромиссность и вера, выраженная в поступках. Такие поступки – "благие жесты" – должны делаться мгновенно, без мыслей об их последствиях. Тем более, если речь идет о помощи слабому. И в этом смысле подвиг Сугихары вполне укладывается в рамки самурайской традиции». ***(Мюррей Сейл, специалист по Японии)***

******

С 31 июля до 28 августа, пока не кончилось разрешение на пребывание в Каунасе, он как японский вице-консул подписал 2139 транзитных виз. Так как у подавляющего большинства беженцев не было действующих паспортов, голландский консул Ян Цвартендейк начал выдавать временные туристские

документы всем желающим. На основании этих “липовых” справок Сугихара выписывал транзитные визы для путешествия в другие страны через Японию. Многие беженцы не имели всех необходимых документов для формального получения визы, а некоторые не имели вообще никаких документов. Еще работая в Харбине, Чиунэ Сигухара узнал, что "Рабинович" – это типичная еврейская фамилия, поэтому, если у беженца не было никаких документов, то Сугихара писал привычные иероглифы "Рабинович", "Рабинович"."Рабинович". Большинство из них не имело требуемой для визы суммы денег. Сугихара подписывал всем. Ежедневно он работал по 12-16 часов, не отрываясь даже на еду. Когда уставала рука, Юкико массировала ему плечи и пальцы. Толпа людей не уменьшалась. Когда кончились бланки виз, он раздавал листы белой бумаги, на кото-рых ставил печати, а люди аккуратно перерисовывали непонятные иероглифы.

28 августа Сугихара ставил печати на последние листки чистой бумаги и выбрасывал их из окна поезда, увозившего его из Каунаса.

Поскольку одна виза выдавалась на всю семью, сейчас невозможно точно сказать, какому количеству людей удалось помочь. Ориентировочно называют от пяти до десяти тысяч человек. Из 2139 держателей виз до Японии добралось 2132 семьи.

Составы с польскими евреями прибыли во Владивосток в декабре 1940 года. Можно представить себе изумление пограничников, когда они брали в руки эти нарисованные от руки листочки с "однофамильцами" (кстати, однофамильцами великого Шолом-Алейхема). Постепенно их переправляли в японские города Кобе и Цуругу, в которых беженцы провели несколько месяцев. Жители Японии, особенно города Кобе, с большим сочувствием встречали прибывающих евреев, собирали для них пожертвования: одежду, еду. Впоследствии беженцы перебирались в Австралию, в страны Северной и Южной Америки. Последняя группа из 74 человек покинула Владивосток в конце апреля 1941 года и оказалась в Шанхае.

Таким образом, эти люди спаслись от гитлеровского геноцида.

Глава девятая

Семья Бени Тобисельского, бежавшая из Польши в Каунас, тоже была спасена японским консулом Сугихарой. По ряду причин они задержались в Японии в городе Кобе на несколько месяцев. Все это время члены семьи помогали соотечественникам, как могли – отец перешивал и чинил одежду, которую японцы дарили всем, кто в этом нуждался; сыновья старались поддержать беженцев морально, провожали отплывающих. Они также составляли списки семей, спасенных господином Сугихарой, в которых указывали, кто куда уезжает, чтобы потом, когда-нибудь, когда кончатся, Бог даст, эти изуверские гонения на евреев, найти своего спасителя, выразить ему безмерную благодарность, поведать миру о его Подвиге и, если вдруг потребуется, всем вместе прийти ему на помощь.

Как-то приехал богатый фермер из пригорода Кобе, привез продукты беженцам и теплую одежду. Женская половина семьи Тобисельских, желая быть полезной фермеру и хоть как-то отблагодарить его, предложила свои услуги – они очень хорошо могут доить коров, бережно и нежно, знают подход к скотине. Фермер усмехнулся и многозначительно произнес:

– У меня коровы Вагиу!

Тобисельские по тону поняли, что это какие-то особенные коровы. А фермер по их растерянному виду понял, что они ничего не поняли, и взял их к себе на ферму на два дня.

Во всем мировом животноводстве этих коров выводили только в Японии и только в окрестности Кобе. Фермеру хотелось похвастать перед иностранцами своими уникальными коровами. И вообще, сделать еще одно доброе дело не мешает – зачтется ему и его семье. Да и его работникам очень интересно будет

посмотреть на спасенных людей, которых хотели убить другие европейские люди без всякой на то причины и вины с их стороны. Кто они такие, эти евреи?

В основе японского менталитета огромное уважение к сильному. А после того, как Гитлер объявил своей целью уничтожить всех евреев, потому что те, якобы, контролируют весь мир, японцы прониклись уважением к этим удивительным людям. И всем было интересно на них взглянуть.

Два дня семья Бени Тобисельского прожила, как в раю, хотя и не бездельничала. Все им было в диковинку: и взаимное уважение всех ко всем, и теплые чистые коровники, и домики, совершенно не похожие на европейские, и высокое синее небо, на которое в городе редко обращаешь внимание, и, главное, – тишина. Тишина… Как будто нет на свете войны, горя, ненависти и убийств...

В ночь перед их возвращением в Кобе выпал снег. Утром они вышли из дома приютившего их фермера и замерли от этой невообразимой красоты. Вокруг было белым-бело, и в воздухе беззвучно танцевали белые снежинки...

Уехали они от фермера, полные благодарности за удивительную экскурсию. Наконец-то они поняли, что такое коровы Вагиу – отношение к этим животным со стороны работников и хозяина фермы было такое, словно это персоны королевских кровей. Обращались с ними, мало сказать нежно и внимательно, – почтительно (!), кормили лучшими травами, поили пивом (!), делали массаж с саке (!). Неудивительно, что такое мясо стоило безумных денег. Выращивали этих элитных коров, понятное дело, для богатых гурманов, а не для простых людей.

Весь этот удивительный уход за редкостным стадом привел их в недоумение. Что же это делается, Господи? Скотина здесь живет лучше, чем люди в других краях.

В конце концов Тобисельские попали в Австралию в Сидней. Как-то в беседе с одним кошерным мясником всплыла тема японских коров Вагиу. "Мраморная говядина" – так называлось это деликатесное мясо, экспортируемое из Японии по всему миру. Один из сыновей Тобисельских рассказал, что помнил, об их посещении той самой фермы под Кобе. Не знаю, какую роль сыграла эта беседа, но некоторые австралийские фермеры сумели закупить этих коров в Японии, и теперь Австралия стала второй страной в мире, где их выращивают. Там тоже относятся к ним почтительно, кормят лучшими травами, делают особый массаж, но поят не пивом, а вином.

После войны семья Бени Тобисельского переехала из Австралии в далекую Аргентину. Хотели перебраться в Америку, найти там брата Мойшу и его сына Соломона, но судьба распорядилась иначе.
В Аргентине для портных и скорняков работы невпроворот – там и остались.

******

Как оказалось, в Аргентине жило очень много евреев. Еще в 1888 году в провинции Санта-Фе еврейские эмигранты из России основали три еврейских поселения. В 1891 году немецкий барон Морис де Гирш основал в Лондоне Еврейское колонизационное общество. Главной целью ЕКО было финансирование эмиграции российских евреев в Аргентину.

После проигранной войны с японцами, после кровавых погромов мало было евреев, которые бы не мечтали уехать куда угодно. В Аргентине было основано несколько новых сельскохозяйственных поселений (Мозус-вилль, Клара, Маурисио, Сан-Антонио, Люсиен-вилль и Барон Гирш). В Мозус-вилле было открыто семь синагог и учительская семинария, готовившая педагогов для преподавания на идиш.

На момент смерти барона Гирша (1896 г.) общество владело в Аргентине 302 736 га земли в районах Буэнос-Айреса, Энтре-Риос и Санта-Фе, а в колониях проживало 910 семей (6757 человек). Через 12 лет – в два раза больше. Евреи выращивали в промышленных объемах пшеницу, рожь, овес, ячмень, сорго, подсолнечник, лен и три вида люцерны.

******

Глава десятая

Вернемся к Юзефу Тобисельскому и его семье. Война подошла к Баку. Юзефа в армию не взяли, так как он был польский подданный (им не доверяли). Фаня работала нянечкой в эвакогоспитале N 1543, который находился по ул Шаумяна 39 в здании Аз.Пединститута.

Во время войны в Баку действовал 41 военный госпиталь на 31 400 мест.

******

Виктор Некрасов дважды был серьёзно ранен, и оказался в госпитале в Баку. После длительного лечения его комиссовали как инвалида, так как пальцы его правой руки почти не двигались, и врач посоветовал разрабатывать их самостоятельно – например, брать карандаш и ежедневно рисовать или писать. Тогда Некрасов решил создать нечто вроде любимого романа “На Западном фронте без перемен” Ремарка, только события он перенес в Сталинград, где воевал, и где впервые был ранен. Он начал работу в Баку, а окончил в Киеве, назвал роман “На краю земли”.

******

Когда не было настоящих артистов, в госпиталь к раненым приглашали детей с их самодеятельностью. Иногда приходил молодой поэт Абраша. Фаня не очень понимала поэтическую прелесть его русских стихов, но видела, как их любят и раненые, и медперсонал. Она по-матерински, при случае, подкармливала его перловой кашей. Но главным для обоих было услышать друг от друга несколько слов на идиш – *маме лошн*.

******

Абрам Львович Плавник родился 1 августа 1916 года в белорусском посёлке Кубличи (Полоцкая губерния). Подростком, выскочив на зимнюю улицу, угодил под тяжёлые сани, и ему отрезали правую ногу. Во время погрома убили отца, и в 1928 году мама вывезла его с младшей сестрёнкой в Баку. Была ещё и старшая сестра, Фаина, но она жила в Ленинграде и погибла в блокаду от голода.

******

Если он вдруг пропадал и не приходил некоторое время, Фаина переживала, но спросить боялась. Муж очень серьезно, в категорической форме велел ей никого не спрашивать ни об Абраме и ни вообще о ком-либо. Если человек не появляется, то интересоваться им ни в коем случае нельзя!

Периодически Абрам появлялся опять и читал стихи раненым бойцам. И вдруг она увидела его на своей улице Димитрова. Проводила его взглядом и заметила, как он зашел во двор дома, недалеко от них. Она побежала к Зильфе-ханум, к кому же еще? Та объяснила, что в том дворе в маленькую комнату коммуналки, в которую превратили большую квартиру известного туберкулезного доктора Паукера, вселили инвалида без ноги.

– Так я его знаю, – радостно воскликнула Фаина, – это такой хороший поэт!

******

Госпиталь в школе,
Госпиталь в школе,
Где я отвечал по истории бойко.
В классе десятом,
Корчась от боли,
Лежит человек
На железной койке.
……
Школа моя,
Ты стала загадочной,
Но сердце мое
Стихами согрето, -
В нагрудном кармане,
Где хлебные карточки,
Я их носил
В тыловую газету.
Мне скудно платили,
А печатали часто -
Немец стоял
У предгорий Кавказа.
Цветы продавал
Мальчишка глазастый
У театра,
Набитого доотказа.
А в бархатных ложах
Сидели курсанты,
Уезжавшие завтра
В последнее лето.
И шумела листва
Обреченно, невнятно
У Театра оперы и балета.
Я бесплатно читал
Стихи в этом зале,
И было на сердце моем светло.
А на Кубинке
Хлеб продавали,
Ворованый хлеб,
Сто рублей за кило.
Я четыреста грамм
Отоваривал в магазине,
Шел в школу,
Войну по дороге кляня.
И парень
С лицом, изувеченным миной,
Смотрел, не мигая,
И слушал меня.
И белая марля меня слепила.
Я робел
И стихи бормотал невпопад.
Госпиталь в школе.
Казни и милуй,
Взгляд войны,
В ткани сердца
Впечатанный взгляд.

(Абрам Плавник)

******

Фашисты рвались к кавказской нефти, уже заняли Кавказские Минеральные Воды, Пятигорск, но до Баку не дошли. Несмотря на голод и холод, бакинцы не роптали... В городе уже был введен комендантский час, обязательное строгое затемнение окон. В небе повисли серебристые аэростаты. Люди дежурили до утра на крышах у ящиков с песком. Небо города защищал корпус ПВО. Плотность зенитной артиллерии при обороне Баку была почти такой же, как при обороне Москвы и Ленинграда, и в несколько раз больше, чем при обороне Берлина и Лондона. Все окна в домах оклеили крест-накрест полосками бумаги. За городом рыли окопы и расставляли в поле “ежи”, сваренные из рельсов.

******

В Баку пришла война. Хлеб становился с каждым днем все дороже, по утрам люди слушали сводки Совинформбюро, а на фронт отправлялось все больше эшелонов цистерн с надписью на боку: «Смерть немецким оккупантам!» Теперь нефтяники работали на промыслах в две смены и приходили домой только поспать.

…Когда немцы подошли близко к Баку, были заминированы все промыслы, и их с минуты на минуту должны были взорвать, но нефтяники, несмотря на опасность, не уходили с них, чтобы не пропала для фронта ни одна капля нефти. (***Максуд Ибрагимбеков. 1001-я ночь войны***)

******

В эти годы были на редкость холодные и снежные для юга зимы. Фаня Тобиселькая ставила на керосинку два кирпича, которые немножко дольше сохраняли тепло. Хорошо, что комнатка маленькая. Вот ведь никогда не знаешь, как жизнь повернется: комната маленькая, тесная, все время мечтали о квартире побольше, а сейчас – хорошо, что маленькая – легче обогреть. И весьма болезненная проблема – отсутствие детей – тоже отступила на время. Много ночей провела Фаня в слезах оттого, что не может забеременеть. А сейчас вроде и ладно, что пока нет детей. Вот кончится война... Жили надеждой.

Глава одиннадцатая

Чудовищная, безумная Вторая мировая. Что же это за всемирное помешательство!? Эпидемия бешенства, злобной жажды истребления себе подобных, властолюбия… Хуже чумы и холеры... Как могло это случиться? Господи! Помоги, образумь!..

1 июля 1941 г Германская армия оккупировала Дрогобыч. В ноябре 1941-го евреи-инвалиды получили приказ собраться в еврейском доме престарелых якобы для устройства на работу. Всех пришедших (320 человек) погрузили в машины, вывезли в Броницкий лес и расстреляли. Здоровые евреи пока должны были работать. Пока…

******

20 января 1942 года в пригороде Берлина Ванзее под председательством Р. Гейдриха состоялось совещание представителей правительства, НСДАП, спецслужб, высших офицеров СС, на котором обсуждались меры по выполнению указаний Гитлера "об окончательном решении еврейского вопроса".
В истории не было случая, чтобы даже в стране со значительным распространением антисемитских предрассудков само государство официально целью своей внешней и внутренней политики поставило физическое истребление всех евреев. Вначале своих граждан, а потом и рассеянных по всему миру. Таким государством был только Третий рейх.

На совещании людоедов в Ванзее было запланировано уничтожить ***всё*** *еврейское население Европы (в том числе, в странах, Германией еще не оккупированных) –* ***одиннадцать миллионов****. И уже не от нацистов зависело, что приказ Гитлера не был исполнен до конца, что были расстреляны, удушены газами, забиты до смерти "только"* ***шесть миллионов*** *евреев.*

На приложенной к протоколу совещания в Ванзее карте указывается и точное число евреев, подлежащих депортации в лагеря смерти из каждой страны. ***(Иосиф Тельман)***

******

Нацисты основательно подготовились к выполнению варварской задачи (перепись населения и статистические исследования помогли). В конце 1941 – первой половине 1942 года в Польше было создано шесть больших лагерей уничтожения (оно и понятно, в Польше было больше евреев): Хелмно, Белжец, Майданек, Треблинка, Собибор и Освенцим. И началось планомерное истребление евреев. В начале августа 1942 года около пяти тысяч евреев Дрогобыча отправили в лагерь уничтожения Белжец и удушили в газовых камерах. Остальных бросили в тюрьму и затем расстреляли в том же Броницком лесу.

******

Уходят из Варшавы поезда,
И скоро наш черед, как ни крути,
Ну, что ж, гори, гори, моя звезда,
Моя шестиконечная звезда,
Гори на рукаве и на груди! ***(Александр Галич. Кадиш****.)*

(*Поэма "Кадиш" посвящена памяти великого польского писателя, врача и педагога Якова Гольдшмидта – Януша Корчака, погибшего вместе со своими воспитанниками из Варшавской школы-интерната "Дом сирот" в лагере уничтожения Треблинка.)*

******

Евреи оказались в западне, им никуда не разрешалось уезжать. С другой стороны, им и некуда было ехать. Никто (!) не хотел их принимать, ни одна страна.

Всевышний одарил людей свободой воли, и они по своей воле выбирали разные пути – кто-то помогал фашистам вылавливать и расстреливать евреев, кто-то их спасал... Много было в те годы и подлости, и благородства…

******

Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку –
Каждый выбирает для себя. ***(Юрий Левитанский)***

******

Праведники мира – кто они? Некоторые особо придирчивые "моралисты" считают подвиг Оскара Шиндлера не столь кристально чистым – он, мол, зарабатывал деньги, евреи работали на его заводе, приносили ему реальный доход. Так ведь именно благодаря этому заводу он и смог спасти столько людей, гораздо больше, чем спрятав одного-двух или даже десятерых в подвале своего дома! Да будет благословенно его имя наряду с именами других Праведников!

******

Леонид Велехов – журналист и телеведущий, зам. главного редактора газеты «Совершенно секретно» – встретился с Эмилией Шиндлер, вдовой Оскара Шиндлера.

– Я спросил, действительно ли Шиндлер, как его обвиняют недруги, руководствовался чисто меркантильными соображениями, когда взял в 1944 году 1200 заключенных концлагеря работать на своем заводе в Брунлице, спасая их тем самым от отправки в Освенцим. Эмилия взорвалась:

– Хороши меркантильные соображения! Эта затея каждую минуту могла стоить нам головы! Да, в 1943 году Шиндлер встречался с представителями «Джойнта» в Стамбуле, и те попросили его, если он может, облегчить участь соотечественников. И пообещали, что после войны отблагодарят за это. Но только до этого «после» надо было дожить! Хотела бы я посмотреть, кто еще согласился бы такой ценой зарабатывать обеспеченное будущее. Второго такого авантюриста, как Шиндлер, пришлось бы поискать. Он был игрок и любил острые ощущения, авантюризм был в нем сильнее всего остального, сильнее любого расчета – поэтому он и согласился. Ну а потом, когда сблизился с этими людьми, проникся к ним сочувствием и стал помогать без всякой выгоды для себя. Если на первой фабрике, под Краковом, где тоже работали евреи, он и заработал какие-то деньги, то вторую, в Судетах, он организовал исключительно с целью спасти людей. Ведь в Плашове, под Краковом, фабрику закрыли из-за приближения фронта, и все рабочие должны были отправиться в Освенцим. В Брунлице он ничего не заработал. Я занималась на фабрике финансами и знаю это точно...

Она отрицала, что, помогая Шиндлеру на фабрике, делала нечто особенное, героическое.

– Но вот какая штука. Тогда же, в 98-м, я, – продолжил Леонид Велехов, – отыскал в Аргентине еще одного участника событий 1944 года, который не только рассказал мне об исключительном личном мужестве Эмилии, но и высказал мнение, что ее роль в судьбе «евреев Шиндлера» была несправедливо затушевана и недооценена в фильме Спилберга.

Человек, о котором я говорю, Франсиско Вихтер, 18-летним юношей попал в заветный «список Шиндлера» и благодаря этому миновал Освенцима. После войны оказался в Аргентине, пустил здесь корни. Он вспоминал, как лютой зимой 1945-го узнал, что на ближайшей железнодорожной станции Троттау стоит на запасных путях вагон, из которого раздаются человеческие стоны. Шиндлер был в Кракове. Эмилия сама поехала на станцию в сопровож-дении нескольких рабочих. Велела вскрыть запломбированный вагон. В нем оказалось 110 предельно истощенных и обмороженных людей. Их не довезли до Освенцима, случился какой-то сбой, вагон отцепили и загнали в тупик, где он простоял несколько недель. Полуживых людей Эмилия забрала с собой в Брунлиц, где их выходили. И сделала она это на собственный страх и риск

******

Управляющий сельскохозяйственными работами майор Эберхард Хельмрих и его жена Доната причислены к Праведникам мира. Они делали свой маленький *гешефт* (бизнес). Доната имела, как мы бы теперь сказали, агентство по трудоустройству домработниц. Эберхард выписывал еврейским женщинам фальшивые документы, и под видом полек Доната отправляла их на работу в немецкие семьи в Берлин.

Супруги Хельмрих спасли, по разным оценкам, от семидесяти до двухсот еврейских женщин. Среди спасенных ими женщин были Эстер (сестра портных Тобисельских) и две ее дочери.

Да, они зарабатывали деньги, но подвергали себя неслыханной опасности. Гораздо безопаснее было бы направлять на работу польских женщин. Зачем было так рисковать? Так что помолчите, моралисты, неизвестно, как бы вы поступили, живи вы в то время...

Одна из жительниц Дрогобыча, учительница Мария Струтинская укрыла и спасла от гибели 13 евреев. И даже в самом Берлине остались в живых 59 евреев, которых спрятали благородные и бесстрашные друзья-немцы.

******

Когда-нибудь, когда вы будете вспоминать имена героев, не забудьте, пожалуйста, я очень прошу вас, не забудьте Петра Залевского, бывшего гренадера, инвалида войны, служившего сторожем в "Доме сирот" и убитого польскими полицаями во дворе осенью 1942 года.

Он убирал наш бедный двор,
Когда они пришли,
И странен был их разговор,
Как на краю земли,
Как разговор у той черты,
Где только "нет" и "да" –
Они ему сказали: "Ты,
А ну, иди сюда!"
Они спросили: "Ты поляк?"
И он сказал : "Поляк".
Они спросили: "Как же так?"
И он сказал: " Вот так".
"Но ты ж, культяпый, хочешь жить,
Зачем же, черт возьми,
Ты в гетто нянчишься, как жид,
С жидовскими детьми?!
К чему, – сказали, – трам-там-там,
К чему такая спесь?!
Пойми, – сказали, – Польша там!"
А он ответил: "Здесь!
И здесь она и там она
Она везде одна –
Моя несчастная страна,
Прекрасная страна".
И вновь спросили: "Ты поляк?"
И он сказал: "Поляк".
"Ну, что ж , – сказали,– Значит, так?"
И он ответил: "Так".
"Ну, что ж, – сказали, – Кончен бал!"
Скомандовали :"Пли!"
И прежде, чем он сам упал,
Упали костыли,
И прежде, чем пришли покой
И сон, и тишина,
Он помахать успел рукой
Глядевшим из окна.
...О, дай мне, Бог, конец такой,
Всю боль испив до дна,
В свой смертный миг махнуть рукой
Глядящим из окна!

(Александр Галич)

******

Всевышний в очередной раз грустно посмотрел на творившийся на Земле кошмар, ушел в свои сияющие чертоги и не услышал самую искреннюю, пламенную и строгую молитву Якова Гольдшмидта (Януша Корчака). Всего Януш Корчак написал восемнадцать молитв-монологов. Они вошли в цикл "Sam na sam z Bogiem" ("Один на один с Богом") и предназначались для тех, кто молиться не умеет.

“Я не возношу Тебе длинных молитв, Господи. Не посылаю бесчисленных вздохов. Не бью низкие поклоны. Не приношу богатые жертвы во славу Твою и хвалу.

Не стремлюсь вкрасться Тебе, Владыка, в милость. Не прошу почестей. Нет у меня мыслей-крыльев, которые вознесли бы песнь мою в небеса. Слова мои не красочны и не благоуханны. Устал я, измучен. Глаза мои потускнели, спина согнулась под грузом забот.

И все-таки обращаюсь к тебе, Господи, с сердечной просьбой. Ибо есть у меня драгоценность, которую не хочу доверить брату-человеку. Боюсь – не поймет, не проникнется, пренебрежет, высмеет.

Если обычно я пред Тобою смиренен, то в этой просьбе моей буду неуступчив. Всегда я говорю с Тобой – тишайшим шепотом, но эту просьбу мою выскажу непреклонно ибо не для себя требую.

Ниспошли детям счастливую долю, помоги, благослови их усилия…

А в залог этой просьбы прими мое единственное сокровище: печаль. Печаль и труд.”

******

В апреле 1944 г. тех оставшихся в живых рабочих и ремесленников, в работе которых оккупанты были до поры до времени заинтересованы, в связи с наступлением Красной Армии отправили в лагерь смерти Белжец.

После освобождения Дрогобыча в августе 1944 г. из укрытий в городе и из лесов вернулись около 400 евреев. Среди них был старший из братьев Тобисельских – Меир. Один. Вся его семья погибла в лагере.

Глава двенадцатая

Соломона Тобисельского, ставшего в Америке Сол Тобисел, 19 июля 1943 года призвали в армию. В Нью-Йорке остались его жена Регина и маленькая дочка.

Американские войска с жестокими боями упорно продвигались на восток, и в их составе, как частица громадной военной машины, шагал маленький солдат-пехотинец. Маленький в прямом смысле – Сол был небольшого роста, щуплый, но храбрый, а это качество весьма ценится у солдатской братии.

Некоторые солдаты родились в Европе, у других родители когда-то приехали в Америку из европейских стран. С большим интересом и волнением смотрели они по сторонам, узнавая знакомые названия населенных пунктов. Знакомые не по урокам географии, а по рассказам родных и близких. Сол чрезвычайно хотел попасть в Польшу – а вдруг удастся встретить своих дядю Меира, дядю Беню, дядю Юзефа, тетю Эстер и многочисленных двоюродных братьев и сестер? Но надежда эта таяла по мере продвижения на восток – страшные вещи узнавали американские солдаты от местных жителей. И с еще большим ожесточением сражались.

******

В мае 1944 года второй человек рейха Г.Гиммлер, когда исход войны становился предсказуемым, предложил Америке продать ей миллион евреев. Миллион жизней! Взамен Гиммлер просил два миллиона брусков мыла, 800 тонн кофе, 200 тонн чая, а также, и это было самым серьезным пунктом, 10 тысяч грузовых автомобилей. Немцы готовы были торговаться.

Гиммлер согласился продемонстрировать добрую волю. 21 августа 1944 года, получив двенадцать тракторов швейцарского производства, он вывел к швейцарской границе 318 венгерских евреев из концлагеря Берген-Бельзен. Затем были освобождены еще 1 368 человек. Все они были также из Венгрии, почти все ортодоксы, включая многих раввинов. Даже само по себе ведение переговоров могло замедлить адский конвейер смерти, который в одном только Освенциме уносил 12 000 жизней ежедневно. Американцы от переговоров отказались… ***(Уильям Перл "Заговор Холокоста". 1989 г.)***

******

Подходил к концу 1944 год. В середине декабря наступила Ханука. Война – войной, а священный еврейский праздник – праздником. Все евреи роты собрались вместе и, помолившись, зажгли свечу. Им не удалось в точности соблюсти религиозный обряд – зажигать каждый день еще по одной свече. В тяжелых сражениях американская армия отвоевывала пядь за пядью оккупированные фашистами земли и продолжала двигаться навстречу Красной Армии.

И солдаты-христиане встретили свое Рождество. Все-таки великий праздник. Настроение солдат побеждало суровые военные будни – скоро кончится война, все вернутся домой и будут жить спокойно и счастливо, как в кино.

Новый год тоже решили встретить, хотя для американцев этот праздник менее важный, чем Рождество. В эту ночь фашисты оказались хитрее... Ранним утром 1 января 1945 года все подразделение американцев, в котором служил Сол, немцы взяли в плен. Прямо со сна, тепленьких отправили в концлагерь, гогоча и издеваясь.

Сол не любил рассказывать о войне. Он относился к жизни философски: считал, что, любят тебя или не любят, хорошо тебе или плохо, – это не должно влиять на человека и его отношение к окружающему миру и людям. В любой ситуации веди себя честно и достойно.

Нельзя сказать, что в американской армии не было случаев антисемитизма и расизма. Бывало всякое. И сверху, и снизу. Сверху – означало, что евреев реже представляли к наградам.

******

Прошло более полувека(!) и евреи-ветераны Американской армии добились пересмотра наградных листов, добились отмены дискриминационных решений. К сожалению, многие медали и ордена получали уже не сами ветераны, а их дети (если они еще были живы).

******

А антисемитизм снизу... что ж, и так ясно. Но, попав в плен, американцы, в отличие от советских солдат, своих евреев не выдавали!

******

После того, как фашистам с тяжелыми кровопролитными боями удалось все-таки взять Брестскую крепость, они выстроили только что захваченных в плен и, как обычно, скомандовали: "Коммунисты, комиссары, евреи – шаг вперед". Среди грязных, изможденных людей, без документов и знаков различия, в лохмотьях... никак нельзя было определить, кто есть кто. Один из "защитников-героев" указал на комиссара Фомина Ефима Моисеевича: "Это не просто еврей, это самый главный... Комиссар!" Ефим Моисеевич был немедленно расстрелян. ***(По материалам Б. Кипниса и М. Пойзнера)***

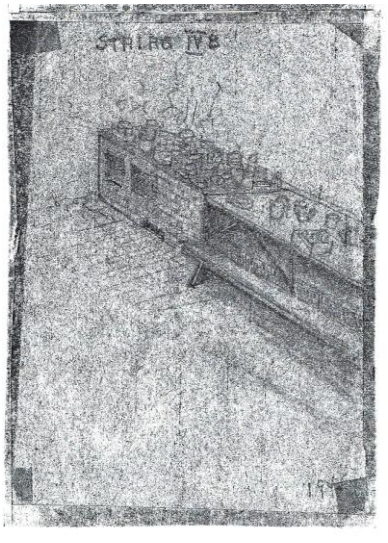
Справедливости ради надо отметить, что предателя ночью задушили красноармейцы. Ведь состав гарнизона был уж очень интернациональным. Кроме русских лейтенантов Ивана Зубарева, Андрея Кижеватова, среди защитников Брестской крепости были и воспитанник музыкального взвода – украинский мальчик Петя Клыпа, комсорг – армянин Самвел Матевосян, а командир полка майор Петр Гаврилов был татарином. ***(Илья Левитас. "Герои и жертвы")***

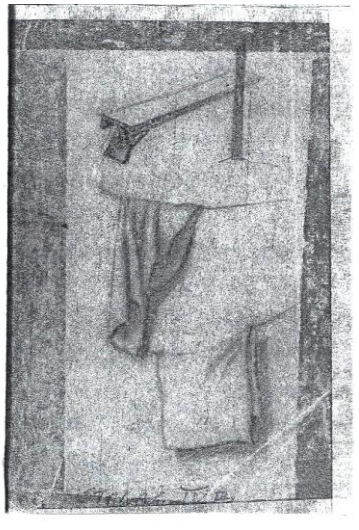
******

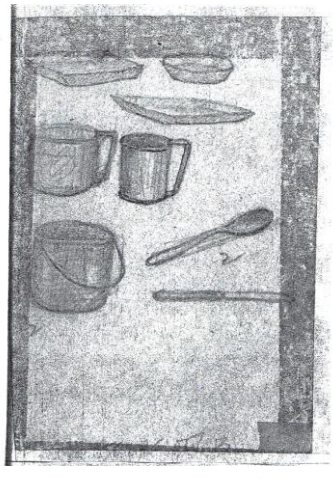
И вот теперь Сол в плену. Ему удалось припрятать при обыске огрызок карандаша, но бумаги нет, рисовать не на чем. Американские военнопленные получали иногда по линии Красного Креста передачи: консервы и папиросы.

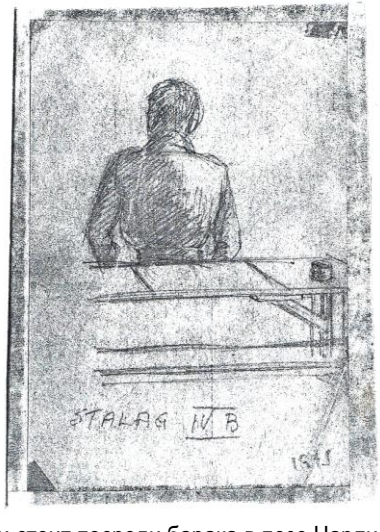
Некурящий Сол свою порцию папирос выменивал у русских пленных из соседнего барака на бумагу. Там знали, что есть у американцев один чудик, который меняет папиросы на бумагу. Достали где-то лист, разрезали (хитрецы!) на шесть частей и сменяли шесть раз.

Сол рисовал свой барак (Stalag IVB), лица друзей, их согбенные спины, солдатскую кружку на щербатом столе, кухню в бараке (пустую и чистую) – ничего особенного, но такой тоской веяло от этих маленьких листков.









Нарисовал шарж на себя: маленький еврей с большими ушами стоит посреди барака в позе Чарли Чаплина – типичный облик маленького человечка. Пронзительный взгляд друга, на плечо которого положил голову тот, которому сейчас слишком тоскливо. *(Возможно, это не Высокое искусство, но мне хочется оставить для истории эти настоящие, подлинные зарисовки, сохраненные Соломоном с 1945 года. А.Н.)*

В плену прошел месяц, второй, третий... Как живется в фашистском плену, – об этом ужасающем, вопиющем преступлении перед человечеством есть страшные свидетельства выживших в этом аду.

Но вот уже советские и французские самолеты летают над их головами. И, наконец, наступил тот самый долгожданный, радостный день – Красная Армия мощным броском заняла два соседних городка и железнодорожные пути в концлагерь.

На плац выбежали все заключенные. У многих на глазах слезы – слезы радости, слезы пережитого горя, слезы признательности… Каждый старался обнять, прижаться или хотя бы дотронуться до советского солдата. Каждый хотел высказать свою благодарность, а слов не хватало, но и без них все всё понимали. Сол, кроме английского, хорошо знал идиш и благодаря этому понимал по-немецки. Он слышал разговоры немецких охранников о быстром приближении линии фронта, пересказывал своим в бараке, и это поддерживало в них надежду. Знание польского помогало общаться с польскими и украинскими заключенными, а через них и с русскими. Так что Сола ценили в своем бараке. И сейчас, после всех рукопожатий, объятий и даже поцелуев, американский барак вытолкнул скромного Сола вперед и все однополчане выкрикивали:

– Скажи этому офицеру, как мы ему благодарны, скажи, что благодарны русской армии, скажи, что мы и наши родные будем молиться за них всех, скажи, скажи...

– Thank you very much! Dziękuję bardzo! – с чувством сказал Сол высокому симпатичному советскому офицеру, примерно одних с ним лет, с очень доброй, радостной улыбкой.

Миша Семенов, это был именно он, на секунду запнулся. Английский язык он не знал, но хорошо знал немецкий. Ему хотелось сказать что-то теплое, неформальное.

– Seien Sie gesund (будьте здоровы), – неожиданно вырвалось у него. Эти слова почти одинаково звучат по-еврейски и по-немецки. Он даже сам четко не осознал на каком языке он хотел сказать.

– *Ду бист аид* (Ты еврей)? –округлились глаза у Сола.

– Нет… Я просто… немного помню, – ответил Миша по-русски, но Сол его понял.

******

Вечером постепенно затихал возбужденный лагерь. Сол вышел из барака на свежий воздух и увидел сидящего на каком-то бревне того самого русского офицера, с которым он пытался говорить сегодня утром. Ему захотелось многое рассказать этому русскому. И они говорили на смеси польского, еврейского и немецкого. Сол рассказывал о своей жене, дочке, показывал свои рисунки. Они обменялись адресами. Миша подарил Соломону блокнот (это ж сколько можно будет рисовать!), осчастливив этим нового американского друга.

– Уже с марта было ясно, что дела немцев плохи, – тихо рассказывал Сол, – но каждый день приходили полные эшелоны смертников, даже увеличили количество надзирателей и расстрельных бригад. Мы все удивлялись – снять людей с фронтов и направить в лагеря, чтобы поскорее убить как можно больше людей, в основном, евреев?... Странная логика...

******

*Рудольф Хёсс – показания на Нюрнбергском процессе: "В июне 1941 года я получил приказ установить в Аушвице [Освенциме] оборудование для истребления евреев. Когда я оборудовал здание для истреблений в Аушвице, то приспособил (*какой сообразительный! – А.Н.) *его для использования газа «Циклон Б» (синильную кислоту). Другим усовершенствованием, сделанным нами, было строительство газовых камер с единовременной пропускной способностью в 2 тысячи человек, в то время как в десяти камерах Треблинки можно было истреблять за один раз только по 200 человек в каждой."*

(F. Kaul. Nazimordaktion. F. Кауль. Нацистские убийства, Т.4
Отчет об убийствах в промышленных масштабах. Берлин, 1973)

******

Глава тринадцатая

Наконец, страшная война закончилась!

******

Долгие громы салюта и крики,
в крошечных двориках – столпотворенье.
Это – Победа! На праздник великий
тащат, кто может, чурек и варенье. ***(Лиана Алавердова)***

******

В Баку был цирк, который любили и взрослые, и дети. Силачи поднимали гири, жонглеры и акробаты приводили публику в восторг и изумление. Старый, похудевший за годы войны слон, несколько обезьянок в юбочках, ослабевшие лошади, которые едва носили худеньких наездниц, зато красиво кланялись. Директором был товарищ Микаэл (фамилию его мы опустим), по-настоящему болевший за свое дело.

Всему коллективу он был отец родной, только благодаря его стараниям цирк еще как-то существовал, радуя население в столь печальные годы.

Когда он узнал, что наступила долгожданная победа, он устроил такой праздник для всего города! Он вывел цирк в народ, на улицу! По центральной улице шел цирковой оркестр, за ним наездницы в блестящих костюмах, даже лошади, почувствовав важность момента, приосанились и выглядели очень достойно. Затем ехали эквилибристы на смешных велосипедах, держа на плечах обезьянок. За ними, приплясывая, шли жонглеры со своими булавами и кольцами – и ведь ни разу ни один предмет не упал на землю!
Кувыркались акробаты, фокусники вытаскивали из шляп бесконечные шарфы и бумажные цветы, играли мускулами силачи, а последним шел слон, размахивая хоботом в разные стороны, приветствуя зрителей. Он так давно не дышал свежим воздухом! Какая радость! Какое счастье! Победа! Цирк на улице!

За слоном бежали дети, подростки. Среди них были и Бася с Хасиком. Такой был прилив радостных чувств, что они, неожиданно для самих себя, поцеловались первый раз в жизни... (Как же целомудренны были тогда дети!) Они тоже вместе со всеми кричали "Ур-р-ра!"

И никто не мог предвидеть, во что выльется для Микаэла эта всенародная радость...Много лет спустя Бася познакомилась в Израиле с дочерью Микаэла, которая рассказала неизвестные широкой публике детали этого празднества и его последствия.

Как в замечательном стихотворении Чуковского «Тараканище»: "Звери задрожали, в обморок упали..." Вот эта самая дрожь от безумного страха, охватившего местных правительственных мужей, вылилась в истерический гневный окрик: "Как ты, товарищ Микаэл, мог проявить такую самодеятельность, **не спрося разрешения?!**" "Но ведь это радость какая для нашего народа! Это же Победа всех советских людей! Надо было как-то празднично отметить!" "Свои соображения оставь при себе. Еще **неизвестно, что скажут наверху**... Ничего нельзя предпринимать без разрешения!"

Депеши и доносы летели, как почтовые голуби. Три дня продолжалась эта дрожь. Дрожали высокопоставленные чины, дрожал весь цирк, дрожал и, чего скрывать, Микаэл, особенно, за жену и двух малюток-дочерей.

Наконец, сверху принесли весть, что “Тараканище” усмехнулся в свои усы и сказал: "Какой маладэц, харашо придумал".

Высокие мужи, скрепя сердце и сцепив зубы, оставили Микаэла в покое, но не простили ему своего страха. Прошли годы, старое помещение цика пришло в негодность, начали строить новый, красивый цирк. Микаэл вникал в каждую деталь проекта, дни и ночи проводил на стройке. Это было его детище. А когда здание было готово, его уволили… Сердце обиды не вынесло...

******

После войны как-то неожиданно для всех оказалось, что дети – Хасик и Басенька – уже не дети и хотят пожениться. Но Клара была тверда: Хасик скоро должен идти армию, а три года – большой срок. Дочку отдам только после армии. Басе торжественно надели кольцо, она обещала ждать. После демобилизации Хасика справили свадьбу. Через положенное природой время обе мамаши радостно встретили известие о беременности Баси. Фаня и Юзя обожали своих племянников. Но глубоко в сердце ныла тяжелая печаль – у них не было детей!

Наконец, Зильфа-ханум не выдержала и напрямик спросила Фаню, почему нет детей. Наивный ответ "Не знаю" вызвал бурю негодования. Почему столько лет ничего не делала, не поделилась с ней, Зильфой, не ходила к врачу, к гадалке, в конце концов! И сразу же энергично (как и все, что она делала) взялась за решение проблемы. Нет, определенно, эти слабые, нерешительные польские евреи (видимо, действительно, сильно запуганные!) ничего без нее не могут. Помочь им – это мицва, это доброе дело, и оно зачтется ей когда-нибудь...

И тут же, взяв с собой Клару, пошла на улицу Басина (названную в честь одного из 26 Бакинских комиссаров, бывшая Балаханская). Под номером 29 на этой улице находился комплекс больничных зданий, построенных в 1888-1913 гг (архитектор И.В. Эдель). Высокие потолки, большие, светлые палаты, удобно спланированные кабинеты, зеленый внутренний дворик, ответственный медперсонал – все это делало больницу очень популярной среди женщин Баку и всей округи. Это был знаменитый роддом им. Азизбекова. *(Там и я в 1971 году родила своего первенца, хотя к этому времени больница потеряла былой лоск и престиж.)*

Балаханская (она же Басина) – совсем неширокая улица, по которой проходила трамвайная линия. Крики разносчиков, зазывал, непрестанно звенящие трамваи... А когда, невзирая на этот звон, мальчишки перебегали дорогу перед самым носом трамвая, Клара и вовсе хваталась за сердце. Она не любила ходить по этой улице. Вот в Варшаве все переходили дорогу на трамвайных остановках по сигналу регулировщиков, не то что здесь – никакого порядка.

Окна роддома были открыты, радостные пациентки махали руками и, пытаясь перекричать гомон улиц и звон трамваев, переговаривались с родными, гроздьями висящими на железной ограде. Зильфа-ханум с улыбкой глядела на эту суматоху – сколько раз она сама стояла у ограды, выкрикивая что-то своим дочерям или невесткам. Она быстро шла мимо окон, но вдруг остановилась – увидела в окне знакомое лицо. Женщина ни с кем не переговаривалась – то ли родной человек еще не пришел, то ли уже ушел.

– Лейла-джан, дорогая, что ты здесь делаешь?

Этот вопрос может показаться нелепым – что может делать женщина в роддоме? Но Лейла – это не просто женщина в роддоме. Она много лет работала здесь нянечкой, и ее все знали и любили за доброту, искреннюю заботливость и жалели за ее тяжелую долю. А теперь она стояла в окне в больничном халате.

– Я сына родила! Больше работать не буду, муж не разрешает.

– Хороший муж. Слава Аллаху, ты заслужила все самое хорошее. Да, кстати, мне надо видеть Зюмруд-ханум, она сегодня в какую смену?

– В первую.

– Спасибо. А тебе желаю удачи. Может, еще встретимся.

(История жизни Лейлы составит сюжет другого романа)

Зильфа-ханум вошла в приемное отделение и о чем-то переговорила с медсестрой. На обратном пути она объяснила Кларе, что договорилась с самой опытной акушеркой на свете. После смены они зайдут за ней, приведут домой, она посмотрит Фаину и поставит самый верный диагноз, а тогда уж посоветует, что делать дальше.

Зюмруд-ханум и в самом деле была опытнейшая акушерка. Отношение к ней было лакмусовой бумажкой для главврача. Он пристально наблюдал за молодыми врачами. Кто из новичков внимательно следил за работой Зюмруд, был у нее на подхвате, невзирая на иерархию и должность, – тот будет хорошим врачом. Но бывало и наоборот, особенно, в ночную смену – некоторые ленивцы из молодых шли спать, если дежурной с ними в смену была Зюмруд-ханум, потому что знали – на нее можно полностью положиться.

Она принимала самые тяжелые роды, не применяя ненавистные акушерские щипцы, знала, как развернуть ребенка в утробе матери, если плод лежал неправильно. Если у роженицы не было сил тужиться, она, не обращая внимания на запрет официальной медицины, заставляла ее сесть на корточки. (В тайне этот метод применялся в дальних селах Азербайджана.) Но уж в тех редких случаях, когда она говорила, что нужно делать кесарево сечение, хирург мчался незамедлительно.

Вечером Зильфа с Кларой привели Зюмруд-ханум к Фаине. Она была очень некрасивая – пряди седых, всклокоченных волос выбивались из-под платка, смуглое от природы и загара лицо с грубыми чертами исчерчено такими глубокими морщинами, что они казались темными от грязи, хотя на самом деле Зюмруд была крайне чистоплотна.

– Ложись, живот смотреть буду, – голос оказался неожиданно мягким и ласковым.

Она начала ощупывать живот своими жилистыми, крепкими пальцами, все глубже и глубже вдавливая их в тело, и спрашивала, где больнее – справа или слева. Вдруг от резкой боли Фаня вскрикнула, да так громко, что Юзя, стоявший за дверью, не выдержал и влетел в комнату. Зюмруд-ханум как-то по-матерински тепло посмотрела на него. Осмотр был окончен, диагноз – сильное воспаление, но можно вылечить нафталанскими грязями.

Первое и самое лучшее – это путевка на лечение в Кировский институт (так бакинцы называли знаменитый на весь Союз НИИ физиотерапии и курортологии им. С.М. Кирова).

Второй вариант – курсовка: жить дома и ходить каждый день на лечение. Третий – няньки из института выносят и продают из-под полы парафин, смешанный с нафталанской грязью. Можно самим дома растопить на пару и обмазываться. Вот и все.

Деньги Зюмруд не взяла, но от баночек меда и топленого масла не отказалась. После ее ухода все смотрели друг на друга с немым вопросом: "Что делать?"

– Ну, что же вы молчите?! – Зильфа-ханум стояла у двери, театрально скрестив руки на груди.

– Конечно, самое лучшее – путевка, но как ее достать? – робко сказал Юзя.

У обладателей польских паспортов был комплекс "не граждан" – не высовываться, не попадаться лишний раз на глаза любому чиновнику. Они не знали, на что имеют право, на что – нет (впрочем, граждане тоже опасались всего).

– Смотрю я на вас и не понимаю, что вы за люди, – патетически начала Зильфа-ханум, – дочка, родная дочка(!) нуждается в путевке, а ты, Клара, молчишь, теребишь платочек и не знаешь, что делать. Да я бы весь город перевернула, если бы моей дочке что-то надо было!

Голос ее дрожал на высокой, драматической ноте.

– И ты, именно ты, не знаешь, что делать?! Да начни хотя бы с поликлиники, получи направление, а потом ищи связи! У тебя-то уж больше возможностей, чем у кого бы то ни было! Удедушки Эльмана столько связей, твоя дочка работает в Аптечном Управлении! Ты должна пойти ко всем начальникам, встать на колени, плакать, умолять, обещать что угодно! Но просить и умолять надо не наедине, а обязательно в присутствии жен этих чиновников, – голос Зульфы-ханум звучал уже не так гневно, просто по-деловому, – пообещать шить бесплатно платья всем их женам и дочерям... Да мало ли что можно придумать, если очень надо! Я вообще не понимаю, что вы за люди такие!

Закончив эту громкую отповедь (между прочим, с конкретным указанием, что надо делать), Зильфа-вышла, но дверью не хлопнула. Соседи во дворе притихли, не понимая, отчего было такое возмущение в голосе Зильфы? Неужели Зильфа с Кларой – самые близкие подруги и даже родственницы – поругались?

Не могу точно сказать, кому и сколько платьев сшила Клара, но путевка была на руках, и нянечка привела Фаню в палату, где уже сидела на своей кровати грустная Мехрибан.

А на следующий день в эту же палату вошла Маняша.

Глава четырнадцатая

Маняша и Фаина почти не расставались, вместе на процедуры, вместе в столовую, и говорили, говорили.

Как получилось, что в одной палате оказались именно эти три такие разные женщины? Случай каждый день сталкивает разных людей – иногда эти столкновения становятся судьбоносными, иногда остаются просто приятными (или наоборот) воспоминаниями...

…Есть такая теория шести рукопожатий. Согласно этой теории, каждый человек связан с любым другим человеком на земле через цепочку всего из шести контактов (автор теории называет эти контакты “рукопожатиями”). Все мы связаны друг с другом!...

И неведомо было ни Фаине ни Маняше, как близко они связаны невидимыми нитями через Федю и Мишу с Соломоном Тобисельским (родным племянником Юзефа, о котором он не слышал ничего с 1938 г).

Хитросплетение взаимоотношений, невидимые нити, связующие разных людей... Кто может распутать этот клубок?

******

Наступил конец недели, воскресенье – день отдыха от всяких процедур. Юзя и Фаиночка повели Маняшу погулять по городу. Через неделю они повели Маню на базар, там она тоже увидела много интересного и необычного. В третье воскресенье Юзя с Фаней также не оставили Манечку скучать в палате, взяли ее с собой на празднование в честь обрезания племянников. И на этом праздновании случилось такое... Что даже много позже, при воспоминании и рассказе об этом у Маняши учащенно билось сердце.

Последняя неделя лечения пролетела неожиданно быстро и... пора домой, в Челябинск. В пятницу вечером Юзя забрал Фаню домой (так как в субботу, 24 сентября наступал еврейский Новый 5710 год). Они обещали Маняше проводить ее в воскресенье.

В эти дни семьи Клары и Зильфы-ханум вместе встречали Новый год. По обычаю просили прощения друг у друга и у Всевышнего, просили хорошей записи в Книге Жизни.

******

Фаня так породнилась душой с Маней, навсегда, на всю жизнь! Глубоко в сердце жило обоюдное доверие, взаимопонимание, ощущение надежности. Желание и возможность открыть свою душу без страха – это и есть настоящая дружба.

Всю дорогу домой Манечка думала о Фане, о том как она и вся их семья привыкли, прижились в новых условиях... Им негде искать другого места, которое было бы для них «своим», у них просто нет Родины…

Глава пятнадцатая

В первой книге подробно описаны все события после отъезда Маняши. Как переписывались подруги, как у обех родились долгожданные доченьки: Гела в Баку и Поленька в Челябинске, как они росли, их радости и успехи. Говорят, что чужие дети растут быстро...

Но прежде, чем перенестись в Баку в 1957 год, необходимо сделать небольшой экскурс в историю еврейского театра. Эта тема имеет некоторое отношение к моим героям.

******

Еврейские бродячие актеры посещали Баку еще с конца XIX века. Из Вильно, Одессы, Житомира приезжали в благодарный Баку театральные труппы, наскоро собранные и срепетированные, но всегда тепло встреченные доброжелательными бакинскими зрителями. Когда в Баку гастролировал театр из Одессы, на еврейской улице был большой праздник. (Роман Бродавко в своей книге "Еврейский театр в Одессе" подробно описал историю еврейского одесского театра.) Наконец, в конце 1904 года в Баку была создана

первая собственная драматическо-опереточная еврейская труппа, которая первой среди еврейских театральных коллективов поставила “Слушай, Израиль!” Осипа Дымова.

******

“*Роль Арона исполнил со свойственным ему талантом г.Ратштейн; хорошей, тихой и покорной старой еврейкой была г-жа Ратштейн. Очень удачно сыграла г-жа Житомирская роль Ханы. Г.Вайсблат в начале играл как-то неуверенно, но скоро освоился с ролью и провел ее очень хорошо… Вообще “Слушай, Израиль!” произвел сильное впечатление”.*

“Отрадно отметить, что еврейская труппа решила, наконец, отказаться от репертуара пресловутых Шумеров и Лейтанеров и приступить к постановке лучших авторов современной еврейской литературы. Сегодня пойдет известная пьеса О.Дымова “Шма Исроэль”. А завтра – лучшая пьеса современного репертуара “Фамилия Цви”, талантливого беллетриста Д.Пинского…“

(Бакинские отголоски. Театральная Россия. СПб. 1905. № 9)

******

Но… Завтра не наступило. Пьеса была запрещена. Автор ее писал: *“Цензура нанесла мне тяжелый удар. “Фамилия Цви” – это гора Синай души моей, куда я хотел скликать весь еврейский народ…”*

Да, во все времена цензура особенно пристально следила за еврейским искусством и за евреями в искусстве…

При советской власти в 20-х и начале 30-х Еврейский театр в Баку расцвел, несмотря на строгую уже советскую цензуру. С 1932 года Государственный еврейский театр разместился в Большой хоральной синагоге. В 1934 году синагогу закрыли, а здание полностью передали Бакинскому еврейскому театру. Директором был Я. Фридман, возглавлявший одновременно Театр русской драмы. В это же время в Киеве расформировали Первый Государственный еврейский театр Украины, некоторые актеры перебрались в Баку. Передвижные труппы распадались сами или закрывались властями. В Баку съехались лучшие еврейские актеры со всех концов страны. Репертуар Бакинского еврейского, как и всех советских театров, строго контролировался цензурой. Малейшее отклонение от “рекомендательных списков” или канонов соцреализма ставило коллективы на грань закрытия. Сколько мудрости, изворотливости и смелости надо было иметь руководителям театра в то время, чтобы тонко и умело соблюсти “пропорции” между современными, классическими и национальными пьесами?.. Не дай Бог оступиться...

Художественный руководитель театра с 1935 года Иосиф Михайлович Миндлин – одаренный актер, талантливый режиссер – ставит: Гольдони – “Хозяйка гостиницы”, Джафар Джабарлы – “Севиль”(Пьесу азербайджанского драматурга Джафара Джабарлы о судьбе женщины востока перевела на идиш артистка театра С. Хромченко), Лопе де Вега – “Овечий источник”, Я. Гордин – “Мireле Эфрос”, Перец Маркиш – “Семья Овадис”, А.Островский –“Без вины виноватые”, М. Гершензон –“Гершеле Острополер”, Карл Гуцков – “Уриэль Акоста”, Гольдфаден – “Суламифь”, Мирза Ибрагимов – “Хаят”, Шолом-Алейхем – “Стемпеню”, “Тевье-молочник“, “Блуждающие звёзды” и, наконец, (1939) – “Кровавая шутка”.

На премьеры приходили не только евреи, но актеры и режиссеры других театров, вся интернациональная интеллигенция Баку, особенно, когда приезжал на гастроли великий Михоэлс.

Шло время, во всех крупных городах Советского Союза, начали закрывать еврейские театры. Актеры недоумевали, чем опасен великому и могучему тихий скромный еврейский театр? Это же очевидно – задачей антисемитского диктатора и его антисемитского окружения было лишить народ языка. Во все времена с проповедниками-диссидентами и прочими "врагами отечества" расправлялись или физически, или лишая их языка. Вырвать язык у человека, даже у колокола отрывали язык, чтоб не будоражил народ. Закрыть школы, библиотеки, театры... Нет языка – нет народа… Нет народа – нет проблемы...

Бакинский еврейский театр продержался довольно долго, до 1939 года.

******

…Не будет преувеличением сказать, что пьеса "Кровавая шутка", сыгранная в последний сезон 1939 года, явилась творческим подвигом театра. Сам роман Шолом-Алейхема со времён октябрьского переворота советской цензурой (мягко скажем) не одобрялся. …В произведении предвосхищена самая злободневная проблема действительности – проблема воинствующего антисемитизма...

***Из дневника актрисы С.Иоффе**: "За что нас так? Пять месяцев ликвидации театра, месяцы бездействия, унижения, малодушия – самая страшная пора в моей жизни".*

… для видимости, для показухи, рядом с другими национальными театрами надо было иметь и цыганский, и еврейский театры. Вот и был организован в конце 1939 г. еврейский областной театр в Белостоке. Коллектив театра формировался из двух групп: еврейских актеров из Польши и основного творческого ядра бывшего Еврейского государственного бакинского драматического во главе с И.М.Миндлиным.

Прошли тяжелые годы войны, еврейский театр ГОСЕТ перебрасывали из города в город пока он не умер в Кривом Роге, куда приехал зимой 1949 года на несколько спектаклей. Умирал самым светлым спектаклем – "Фрейлехс". Участники свадебного карнавала с наполненными вином чашами в последний раз спустились в зал, чтобы попрощаться со своими зрителями. На самом деле все присутствовавшие прощались с тем, что объединяло их в единый народ. В последний раз прозвучал традиционный еврейский тост "Лехаим!" ("За жизнь!") Еврейское искусство убили.

Последняя запись в трудовой книжке Иосифа Миндлина: "15 апреля 1949 года. Уволен в связи с ликвидацией театра". А потом он экспромтом сказал о русском издании стихов И.Переца: "Они иначе бы звенели, когда б их по-еврейски пели!", и … был брошен в лагерь в Иркутской области на 10 лет за "националистические настроения и умаление величия русского языка".

******

После краткого обзора темы еврейского театра возвратимся в 1957 год в Баку к Юзе Тобисельскому и его семье.

Жил в Баку всеми уважаемый господин Барон (фамилия такая) Яков Зиновьевич, высокообразованный, культурный, владеющий несколькими языками. Уже после смерти диктатора под солнышком оттепели в интернациональном Баку разрешили ... не театр, не надейтесь, на такое безрассудство верховные власти (Боже сохрани!) не пошли, а простую самодеятельность, ладно, дозволили.

Получив "добро" на открытие еврейского драматического кружка, Яков Зиновьевич бросил клич в еврейской общине города, и потянулись к нему люди, любящие театр всей душой – артисты талантливые и не очень, музыкальные и не слишком, молодые, пожилые.

Клара и Фаня были энтузиастами, помощниками, шили костюмы, Юзеф помогал сколачивать декорации, а во время спектакля передвигать их, то есть был рабочим сцены.

Играли старые актеры, еще той, довоенной поры: Хромченко, Маргулис. Играли молодые: Гусев, Гамарник, Сакирский, Кустина, Меблина, Спиваков. А вот Жаботинского не удалось уговорить. Когда-то он работал в Москве в театре с самим Михоэлсом. Когда и Зускинда арестовали, Жаботинский (фамилия-то какая звучная...) тихонько вышел из дома, сел в поезд и приехал в Баку, где играл много лет назад в местном театре и где еще сохранились друзья. Его устроили на работу в маленький цех штамповать значки. Так он пережил все страшные послевоенные годы репрессий. Страх был так силен, что растопить его не смогла хрущевская оттепель, не верил он этой весне. Жаботинский помогал репетировать, помогал советами, но на сцену выходить категорически отказался, и имени его ни на одной афише не было...

Спектакли сначала шли в помещении дома культуры им. Тельмана принадлежавшего табачной фабрике. Здание было дряхлым, предназначенным на слом. (На этом месте позже был построен Дворец Ленина – ныне дворец Гейдара Алиева). Затем в Доме Медработников был снят актовый зал и потянулись счастливые евреи по воскресеньям послушать родной язык, так давно и надолго запрещенный суровой властью. Где еще найдешь таких благодарных зрителей? На спектакли ходили целыми семьями. Три, а то четыре поколения.

Сцены из спектакля "Люди" по Шолом Алейхему

Премьера пьесы "Двести тысяч". В первом акте сидит за швейной машинкой пожилой портной, шьет и поет незамысловатую песенку: "*В понедельник у нас была на обед картошка, во вторник – тоже картошка, в среду – бульба"... и так он грустно перечисляет все дни недели "... а уж на шабес будет совершенно новое, изысканное субботнее блюдо... картошка*". Заходит его жена, и в середине их диалога

на весь зал раздается звонкий детский голос: "Мама, какой же это театр? Они разговаривают как мои бабушка с дедушкой на кухне".

Смеялись все – и зрители, и даже актеры на сцене.

Еще один спектакль назывался "Колдунья" (А.Гольдфаден) – этакая сказочно-реалистическая душещипательно-слезливая музыкальная история о бедной еврейской Золушке – девушке-сиротке и, конечно же, со счастливым концом.

На премьеру пришли Клара с Гелочкой, Эдита и Бася со своими семьями. А Юзя с Фаиной хлопотали за сценой. В соответствии с советами старого ребе, все внуки, хоть и не совсем свободно изъяснялись на идиш, но, во всяком случае, понимали бабушку.

Гела села между Теймуром и Зильфой-ханум и шепотом переводила им. В особенно трагические моменты, когда зал замирал, был слышен ее деликатный голосок. Он не мешал зрителям, а вызывал чувство гордости – вот какая малышка, а как хорошо знает родной язык.

Клара с Гелочкой ходили на все спектакли. Как-то после очередного спектакля к ним подошел Яков Зиновьевич:

– Уважаемая Клара Моисеевна, у вас замечательные дети, внуки – это большое счастье. Желаю вам дальнейшего процветания. А эта чудная девочка мне очень нравится, – он обратился к Геле, – у меня на тебя большие планы. Сможешь со сцены прочитать стихотворение? Не побоишься?

– Нет. А какое стихотворение?

– Видите ли, уважаемая Клара Моисеевна, мне надо, чтобы со сцены прозвучало что-то патриотическое. Сейчас очень трудно найти какое-нибудь подходящее стихотворение на идиш. Решил сам перевести, вот выбрал о советском солдате-освободителе, спасшем немецкую девочку, памятник которому поставили в Берлине. Все-таки это тема освобождения... И будет просто замечательно, если ваша Гелочка прочтет его со сцены. Голосок у нее звонкий. И смелости хватает. Так что приходите ко мне в субботу на ужин, все обсудим. А еще я вам дам послушать еврейские песни, мне пластинку из Москвы привезли в подарок. Наслаждение получите необыкновенное – я вам обещаю.

В субботу Клара напекла свои знаменитые мутаки из "утопленника" и, торжественно приодевшись, вместе с Фаней, Юзей и будущей артисткой Гелой пришли в красивый старинный дом в центре города, две комнаты в коммуналке которого занимал господин Барон.

Наконец, ужин кончился. Яков Зиновьевич прочел две строфы стихотворения, которые он уже перевел на идиш. Когда он завершит работу, сразу же передаст Гелочке учить наизусть. Потом настал черед обещанного сюрприза.

******

28 июля 1957 года в Москве открылся VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Гостями фестиваля стали 34 000 человек из 131 страны мира. Во время этого фестиваля в Москву проникло много недозволенной властями литературы, журналов, пластинок. В составе Аргентинской делегации было два еврея, один из них – внук Бени Тобисельского, который привез несколько пластинок с песнями на идиш. Вся семья была очень музыкальная. Для всех музыка была увлечением. Мама (дочка Бени Тобисельского) была хозяйкой ателье, ее муж – учитель, дети – студенты. У всех должна быть какая-то реальная специальность в руках, а лучше две для надежности – кто знает, как жизнь повернется. Но все члены семьи пели, и даже выступали с концертами в своем кругу для наслаждения души. Младший внук Бени замечательно пел, играл на многих музыкальных инструментах, сочинял музыку – поэтому и попал в делегацию, представлять молодежь своей страны. Из всей семьи только он решил сделать музыку своей профессией. Он со своим маленьким клейзмерским оркестриком исполнял еврейскую музыку, аргентинскую, а также мелодии других стран. Записал несколько пластинок, которые пользовались успехом, и даже уговорил свою маму спеть старые еврейские песни «Офн припечек брант а фаерл», «Тум балалайка», «Ву немт мен абиселе мазл, ву немт мен абиселе глик?» и другие. Несколько пластинок взял с собой в Москву, подарил кому-то в синагоге. А потом через друга, который чем-то был очень обязан Якову Барону и понимал, что лучшего подарка он никогда не придумает, пластинка попала в Баку.

Хоть на дворе уже стоял 1957 год, но на всякий случай закрыли двери и окна и приглушили звук.

Слушали не ушами а сердцем, подпевая про себя. Гела, радостная от того, что она понимает слова песен, не понимала, почему же бабушка плачет…

******

Тускнело небо вдалеке.
Играла старая пластинка, –
На отзвучавшем языке
Печально пела аргентинка.

Уже никто не мог помочь –
Сказать: о чём слова скорбели.
Угадывалась только ночь
И завывание метели.

……..
История одной тоски
Связала русские равнины,
Библейской родины пески
И дальний берег Аргентины;
Свела в печали, но светло –
Звучанием всемирной боли,
В котором брезжится тепло
И чаяние лучшей доли.
Не гасло небо вдалеке...
Хотелось верить, сняв пластинку,
Что на другом материке
Не расстреляли аргентинку.
(Ростислав Дижур. Еврейская песня)

******

Как сильно билось сердце у Юзи. Если бы он только мог знать, что слышит голос родной племянницы.

После того, как у Гелы забрежила переспектива стать артисткой, она решила организовать свой театр во дворе у бабушки. Жили они через квартал, за углом, но свой двор – поменьше и какой-то скучный. Поэтому все свободное время она проводила у Клары – там полный двор ребятни и двоюродные братья – дети тети Баси. Гела собрала всех детей и начала командовать. Себя назначила режиссером и примадонной, а также заведующей литературной частью и главным балетмейстером (хотя и слов таких не знала, но суть от этого не меняется). Пьесу она скомбинировала из "Сказки о спящей красавице" Шарля Перро и "Сказки о мертвой царевне и семи богатырях" А. Пушкина. Подсознательно понимая, что момент, когда царевна живет в доме с семью богатырями, не очень понравится бакинской публике, да и набрать семь богатырей тоже непросто.

Слава Богу, на дворе уже стоял 1957 год и мало кто помнил о том, что А.С.Пушкин был почти под запретом всего лишь 20 лет назад.

******

Представьте себе, что в Советском Союзе А.С. Пушкин был, как бы это помягче сказать, не то, чтобы напрямую запрещен, но особенно не популяризировался. Руководство страны считало, что народу нужна современная, боевая, революционная поэзия. Это же пережитки царизма, если в рабоче-крестьянском государстве будут воспевать принцев и принцесс… Все прошлое и буржуазное скидывалось "с корабля современности". А сказки поэта до 1937 г. вообще не переиздавались и в детских садиках их детям не читали. (К большому огорчению К.И.Чуковского. Т.е. огорчались многие, но Корней Иванович высказывался)

Но Александра Сергеевича помнили на всей земле "...всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык."

Русскоязычная интеллигенция за пределами изгнавшей их Родины-мачехи готовилась отметить в 1937 году печально памятную дату 100-й годовщины со дня гибели А.С. Пушкина.

В Нью-Йорке в декабре 1934 г. для подготовки к этой знаменательной дате был создан Пушкинский организационный комитет. В 1935 году в других странах была подхвачена идея проведения торжеств, посвященных поэту, а также призванных способствовать более активному распространению русской культуры и литературы по всему миру. Издавались произведения поэта на русском языке и в переводах.

И тогда "отец всех народов", главный языковед и литературовед, решил, что негоже, если А.С.Пушкин будет забыт в своей родной стране. И повелел тоже готовиться к торжественной дате. Тогда вышло прекрасное академическое издание полного собрания сочинений поэта, писались рефераты, готовились доклады, торжества проходили с большой помпой.

По подсчетам С.М. Лифаря:«неимоверное по масштабам мероприятие пушкинских дней прошло во всех пяти частях света: в Австралии в 4 городах, в Европе в 24 странах и 170 городах, в Америке в 6 странах и 28 городах,в Азии в 8 странах и в 14 городах, в Африке в 3 странах и в 5 городах»

После 1937 года Пушкинский организационный комитет был трансформирован в Пушкинское общество, которое существует по сей день.

******

Во время распределения ролей произошел (наверное, как и в любом театре) конфликт. Красавицей-принцессой была сама Гела, царем – старший сын Баси, царевич Елисей – второй двоюродный брат, а третий был "ветер" (тот самый, который "гонял стаи туч", и привел Елисея к хрустальному гробу). Конечно, в распределении ролей была явно видна семейственность, но ничего не поделаешь – Гела руководила четко. А вот быть злой волшебницей никто из девочек не соглашался. Пришлось изменить сюжет. Сначала злая фея была укутана большим черным платком. А после того, как принц-Елисей поцеловал царевну-Гелу (в лоб, конечно), она из мертвой превращалась в спящую, начинала громко дышать, но глаза не открывала. В это время приходила бывшая злая фея, перевоспитавшаяся в добрую, – теперь она выходила уже в красивом белом *килагае* (платке). Она давала принцу волшебную ягоду, которая должна окончательно разбудить

Гелу. Королевич Елисей с поклоном благодарил фею, (артистка особенно настаивала на поклоне и благодарности – иначе она не соглашалась играть) и запихивал конфету "подушечку", которая изображала волшебную ягоду, в полураскрытый рот спящей царевны.

Наконец, после нескольких репетиций, была объявлена премьера. Артисты обошли всех соседей, персонально пригласили каждую семью. Еще «глашатаи» объявили, (ведь все должно быть, как в настоящем театре!) что билеты стоят 20 копеек (это было еще до хрущевской денежной реформы), и велели приходить со своими табуретками.

Пришли даже гости из соседних дворов. Словом, полный аншлаг! Во дворе, позади «сцены», на бельевых веревках висели одолженные у соседей покрывала. Перед «сценой», между ней и зрителями, покрывала изображали занавес, позади нее – задник. Декорации были очень изобретательные – по замыслу постановщика (Гелы) три ящика, (за неимением других реквизитов) покрытые половиком, становились то троном, то колыбелью, то хрустальным гробом.

Костюмы тоже были отличные – краснеть не приходилось. Девочки все надели мамины юбки, которые преображали их в великосветских дам, поскольку были здорово длинны «актрисам», как и положено в благородном обществе; мальчики все, как один, вышли в папиных кепках с воткнутыми в них гусиными перьями – ну, чем вам не “баронессы” и “бароны”?

Королевичу Елисею булавками прикололи на спине к плечам рубашки большой кусок темной подкладочной ткани – получился великолепный королевский плащ! На голову ему надели берет с яркой брошкой – явный символ королевского происхождения. Правда, нижняя часть костюма вызвала некоторые споры. Бася взяла черные трусы Хасика, продела две резинки, превратив их в шаровары, но сын категорически отказался выходить на люди с голыми ногами – уже не маленький. (Бакинские мальчишки стремились одеть брюки как можно раньше – признак взрослости.) В конце концов надел эти шаровары поверх брюк.

На голове у царевны-Гелы была корона из картона, украшенная золотой фольгой от шоколада.

******

Расписаны были кулисы пестро.
Я так декламировал страстно,
И мантии блеск, и на шляпе перо,
И чувства – все было прекрасно. ***(Г. Гейне . Перевод А. Толстого)***

******

"Старушка" в чадре сидела на маленькой скамеечке и вязала чорабки, пять спиц в ее руках заменяли веретено. *("Чорабки" – высокие полосатые носки для дома – вяжут из остатков разноцветных ковровых ниток очень плотной вязкой. Они настолько толстые, что заменяют домашние тапочки.)*

Старшая девочка лет 11-12 была ведущей, рассказывала содержание каждого акта, читала авторский текст, просила соблюдать тишину, а это в бакинском дворе, поверьте, непросто.

Вокруг "короля" и "королевы" сидели все остальные незанятые ребятишки – “бароны” и “баронессы”. Когда внесли “новорожденную” девочку-куклу, все вскочили и обрадованно загалдели, потом начали танцевать. Мальчики кланялись девочкам, а те делали реверансы, которым их научила Елизавета Евсеевна. Публике это понравилось. Когда Гела "укололась" о спицы и упала, одна из сердобольных зрительниц запричитала:

– *Вахсей*, бедная девочка, надо врача позвать!

– Ты что, не понимаешь – это же театр, здесь все не поправде, – зашикали на нее сведущие соседки.

А пока Гелу понесли и положили на ящики.

– Конечно, понимаю, я что, дура, что ли. Я сказала, что там, в пьесе, ее родители должны врача позвать.

Началась перебранка. Ведущая сказала, что надо уважать актеров, и если не будет тишины, не будет продолжения спектакля.

Дальше шло уже почти полностью по Пушкину. Елисей с выражением декламировал, протягивая руки к стоящему на стуле "Солнышку" – самому маленькому пацану (к полному его восторгу!), который держал над головой начищенный медный таз: *Свет наш солнышко! Ты ходишь*

Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?...

Успех полный! После спектакля на вырученные деньги купили две трехлитровые банки газированной воды и для актеров, и для зрителей.

Фаина с юмором и восторгом описала Мане это роскошное представление со всеми подробностями, включая пиршество с газировкой.

А Полинка, как оказалось, не менее талантлива, чем Гела. В школах Челябинска на утренниках, посвященных А.С.Пушкину, прошли конкурсы чтецов. Полинка победила, получила грамоту, теперь ходит в драматический кружок.

Глава шестнадцатая

Юзя очень тосковал по своей родной Польше. Всё в Баку было ему немило, хотя умом он понимал, что жить здесь много спокойнее, чем в других местах. Женщины как-то быстрее и легче приживаются на новом месте. Тем более, что у Фани и ее сестер были способности к языкам – они довольно сносно могли объясниться на азербайджанском, а Бася еще немного и на джуури (языке горских евреев). Он, как и Клара, понимал, что Эдита и Бася, которые здесь уже обзавелись семьями и детьми, никуда не уедут. И Гелочка здесь родилась и уже пошла в школу.

Нет, никогда, никогда не выбраться из этого знойного, горячего Баку, из этой узкой, как пенал, а вернее, как гроб, комнаты. В очередь на квартиру их не ставят, так как они польские граждане, а сдать польский паспорт и получить советский он ни за что не соглашался. Эта корочка – его единственная ниточка, единственная надежда уехать отсюда. Робкие попытки найти братьев результатов не дали. О брате в Америке даже упоминать опасно – родственник за границей! А как искать его? Если старшие братья Меир и Беня с семьями спаслись и уехали к Мойше в Америку – это счастье для них, а если нет?! Страшно даже думать об этом...Все эти переживания он держал в себе молча, и никто не знал, как болело его сердце. Доболело...

Обычно Гела после школы шла к маме в детский сад, где работала Фаня. Там она делала уроки и вместе возвращались домой. В один прекрасный день... (Господи, какой неудачный шаблон!) В один отнюдь не прекрасный день, придя домой, они застали Юзефа лежащим на кровати. Поверх одеяла и покрывала, нераздетым. Пришел с работы рано – отпросился, потому что почувствовал себя плохо. Невзирая на его протесты, Фаня вызвала скорую. Молодой, но очень внимательный врач сказал, что подозревает инфаркт. Нельзя трогать его, главное – ему нельзя шевелиться. На следующий день диагноз подтвердился. В те годы инфаркт лечили неподвижностью. Фаня с Гелой стали спать на полу.

В обычных обстоятельствах Гела спала на раскладушке рядом с родительской кроватью. А кровать называлась «полуторной», т.е. на «полтора человека». Фаня побоялась двигать мужа, а спать вдвоем на раскладушке и вовсе невозможно. Она хотела отправить дочку к Кларе, но Гела категорически отказалась. «Я тоже буду ухаживать за папой.» Вот и устроились вдвоем на полу.

Фаня взяла отпуск и ухаживала за мужем, строго соблюдая все указания врача. Благодаря тщательному уходу преданных самых близких людей, здоровье Юзи медленно шло на поправку. Какая тут тоска, когда любимая доченька так трогательно гладит его по лицу: «Папочка, дорогой!» Учится лучше всех в классе. Надо ее еще вырастить, насладиться ее успехами, дождаться внуков... А ведь жизнь в Баку не такая уж плохая. Никто не тычет тебе в рожу «жид». Народ горячий, взрывной, но отходчивый и немного наивный. Вот Теймур азербайджанец – и образованный, и добрый. А квартира – ну, что ж, пусть маленькая, но все же крыша над головой. Есть люди вовсе бездомные. О братьях он запрещал себе сейчас думать.

Так рассуждал он, пока лежал неподвижно. Эти позитивные мысли тоже помогали выздоравливать. Врачи уже разрешили садиться, скоро встанет с постели, но Фаня с дочкой продолжали спать на полу, чтобы ему было просторнее, чтобы ненароком во сне не толкнуть его.

Что сейчас немного Юзю тревожило, это его неучастие в еврейском самодеятельном театре. Как они там без него? Артисты театра забегали навестить Юзю, пришел и Яков Зиновьевич Барон, успокоил. Пока перерыв в выступлениях, обдумываем репертуар на следующий сезон. Времени много. Дело в том, что исполнительница главных ролей, примадонна, так сказать, в положении. Выступала, пока можно было свободной одеждой скрыть живот. Сейчас он ищет ей замену. Хотя она обещала выйти на сцену через пару месяцев после родов, сказала что будет приносить ребеночка с собой, чтобы кормить его за кулисами в антракте. Но надежды на это мало, потому что муж и так недоволен, что жена выступает, а после родов, я думаю, он вообще ей запретит. Ревнует ее не к кому-то конкретно, а, возможно, к успеху, к вниманию зрителей. Чувство собственника, одним словом... Так что, лежи, дорогой Юзя, выздоравливай, ни о чем не беспокойся. Однако, дело было не в примадонне, просто оттепель очень быстро закончилась, и еврейский театр (даже самодеятельный) был не ко двору.

Большой еврейской общине Баку приходилось довольствоваться редкими гастролями заезжих актеров и певцов: Сиди Таль, Анны Гузик, Нехаме Лифшицайте, Михаила Александровича, Эмиля Горовца и др., которым разрешалось во время гастролей по стране среди песен народов мира спеть только 1-2 песни на идиш (и хватит вам...).

Долгие годы спустя некоторые актеры встретились с Яковом Зиновьевичем в Америке…

******

Всезнающая Зильфа-ханум сказала, что ходят упорные слухи, что весь их район будут ломать, всем дадут новые квартиры, единственное плохо, что будет далеко от центра в микрорайоне. (Надо сказать, что слухи эти периодически повторялись, но ни Зильфа, ни Клара так новой квартиры и не дождались.)

И еще Зильфа сказала, что Плавнику и семье Паукера уже дали новые квартиры на улице Узеира Гаджибекова. (Туда друзья тоже переехали вместе, став теперь соседями по подъезду). В городе шло большое строительство. Многие получали новые квартиры. А кому же еще давать? Это справедливо предоставить новое жилье известному поэту и знаменитому врачу. К этому времени Абрам Плавник стал членом Союза писателей Азербайджана, вместе с поэтом Иосифом Оратовским возглавлял поэтическую секцию.

Глава семнадцатая

******

После нападения фашистской Германии на Советский Союз советский и польский народы оказались по одну сторону баррикад. Москва возобновила дипломатические отношения с польским правительством в эмиграции и тепло приветствовала польского посла С.Кота. Тот учтиво, но твердо попросил списки всех депортированных польских граждан безотносительно к их национальности, а потом начал ездить по местам ссылок. Заместитель наркома иностранных дел Вышинский сообщил, что количество депортированных составляло в 1941 году 338 000 человек. Методом сплошного опроса жертв депортации сотрудники С.Кота, а потом польские историки установили более реальную цифру – свыше миллиона человек.

******

После войны антисемитизм не исчез. Те польские евреи, которые спаслись или возвращались из эвакуации домой (у кого еще был дом) были, как бельмо на глазу. Для одних (кто имел совесть и сострадание) это было укором, они испытывали чувство вины. А тем, кто присвоил их жилища, посуду, все вещи, было некомфортно (всего лишь!) смотреть в лица возвратившихся. Но самая лютая ненависть охватила тех, кто помогал их ловить, кто расстреливал... «Какого черта они вернулись?! Они чужаки, это не их родина!»

Старший Тобисельский, Меир, нашел сестру Эстерку с дочерьми, спасенных майором Эберхардом Хельмрихом и его женой Донатой – Праведниками Мира.

Меир писал в Американское отделение Красного Креста, разыскивая брата Мойшу и его сына Соломона. Писал в Кировоградское справочное бюро, куда, как он помнил, уехал Юзя. И совсем маленькая надежда была найти брата Беню с сыновьями, оставшихся в начале войны в Польше. Сумели ли убежать?

******

Весной 1946 года из Советского Союза в Польшу начали прибывать евреи по соглашению о репатриации польских граждан, в годы войны оказавшихся в СССР. Среди сотен тысяч польских подданных, вернувшихся на родину из Советского Союза за апрель-июнь 1946 года, было более 100 000 евреев. В Польше начался очередной всплеск антисемитизма и многочисленные погромы. Евреи не могли и не хотели оставаться в стране, которая стала кладбищем для их семей и их народа, а целые банды преступников убивали евреев, разыскивавших родственников или семейное имущество. Многие их них смогли перебраться в Землю Израиля благодаря "Брихе".

После погрома в польском городе Кельц летом 1946 года темпы выезда евреев значительно возросли – если до этого при содействии "Брихи" Польшу покидало несколько тысяч евреев в месяц, то после погрома их число стало превышать тысячу в день. Польские власти перестали активно сопротивляться выезду евреев, и для третьего периода "Брихи" были характерны неофициальные соглашения с властями Польши, Чехословакии и Германии. Американские военные власти дали согласие на проезд евреев через Германию и разрешили им временно останавливаться в лагерях для перемещенных лиц.

******

С каждым месяцем и годом война отходила в прошлое, однако антисемитизм в Польше крепчал. Меир отправил сестру с семьей в Израиль, и сам тоже готов был уехать, как неожиданно, через людей, через знакомых знакомых, до него дошли сведения, что Юзя в Баку и даже дали его адрес.

Меир приехал в Баку поздно вечером. Это был самый конец сентября – дни раскаянья – между Рош ха-Шаной и Йом Кипур. Прежде всего он пошел в синагогу, рассказал ребе, кого он разыскивает. Оказалось, что Клара часто приходит сюда и ребе знает ее. А Юзеф Тобисельский – ее зять. И живут недалеко. Выслушав трагическую историю Меира, он проникся состраданием.

– Да, адрес верный. Может, вы переночуете у меня, а утром рано пойдете к родным?

– Нет-нет, не могу больше ждать! Да и переночевать, если придется, на всякий случай есть адрес, который мне дали знакомые.

Ребе все же дал свой адрес и показал дорогу.

В этот день Фаня уложила Гелу рано, сама при свете ночника пришивала ей на коричневую школьную форму белый воротничок, который надо было менять каждый день. Приготовила белые ленточки на банты своей красавице. Муж еще не спал, и они шепотом переговаривались. Фаню радовало хорошее настроение Юзефа. Они вспоминали радостные моменты их жизни, говорили о том, как быстро летит время. Вот и племянникам – мальчикам Эдиты и Теймура уже 17 и 15,5 лет. А как они любят их Гелочку! Как Басины сыновья слушаются ее! А какой она спектакль провела во дворе!.. Она – единственная девочка в семье и командует ими – настоящая командирша. В кого такая боевая?

– В *Балабусту*, – сказал Юзя, и оба засмеялись.

В это время в дверь постучали. Фаня отложила шитье, отодвинула занавеску и увидела стоявшего за дверью солидного мужчину в шляпе и с бумажкой в руке.

– Это квартира Тобисельских? – спросил он, заглядывая в бумажку.

Голос... Какой знакомый голос... У Фани тревожно забилось сердце. Она открыла дверь и отступила. Гость вошел. Увидел их, одним взглядом охватил все. Прошел к торцу кровати (подойти к Юзе не давал лежащий на полу матрас и спящая на нем девочка) и стал гладить ноги брата.

– Ёселе, дорогой (так называла его мама в детстве), я нашел тебя!

Фаня не узнала Меира в этом седом старике. А Юзя узнал сразу. Среди тысяч лиц, даже под слоем лет и страданий, он узнал бы эти родные глаза, а постарев, Меир стал так похож на отца!

Юзя сел и придвинулся к концу кровати, они обнялись поверх спинки.

Фаня поняла, почему голос показался ей удивительно близким – голоса братьев были неразличимо похожими. Плакали все трое. Потом Фаня попросила Меира больше не травмировать мужа рассказами о всех несчастьях, свалившихся на их семью, – он только-только начинает вылезать из инфаркта.

Побежала рассказать маме и заодно устроить гостя на ночлег. Весь двор Клары всполошился. Все хотели посмотреть на польского гостя. Его уложили у Клары, а сама Клара ушла ночевать к Балабусте.

Меир сразу взял, что называется, быка за рога. Он не собирается оставлять брата в этой конуре, в этой стране, хоть вы все и считаете, что в Баку не так плохо. Все равно, это Страна Советов и нам здесь делать нечего. Пока у вас есть польские паспорта, пока еще можно отсюда выехать, надо уезжать.

В этой ситуации горше всех было Кларе. Сердце ее разрывалось. Дочка, дорогой зять, при этом не очень здоровый, любимая внучка уедут навсегда, и навряд ли она еще когда-нибудь увидит их. Меир предлагает ей тоже уехать с ними, но как она оставит двух дочерей, да еще Басенька в положении третий раз (все хотят девочку)?

– Ты знаешь, моя дорогая *махетейнесте* (сватья), моя жена и дети сожжены в концлагере. Если бы я знал, что они живы, но живут Бог знает где – хоть в Африке, хоть в Австралии, и я знал, что никогда их не увижу, я был бы счастлив раз в год получать от них короткие весточки.

Клара перестала роптать, но на душе у нее легче не стало. Она снова побежала к ребе.

– Что Бог ни делает, все к лучшему, – заверил ее старенький ребе. – Ты все равно не сможешь остановить их. Дети разбегаются, разлетаются из родительского гнезда. Они должны строить свою жизнь сами. Такая у евреев судьба – скитаться. Везде остаются наши могилы. Но сейчас есть надежда, что когда-нибудь эти скитания окончатся... в Израиле.

Этими словами он не успокоил Клару, а еще больше встревожил. Название этого государства было крамольным, о нем говорили шепотом только между собой. Клара поняла, о чем шептались братья, – сестра их в Израиле, и они смотрят в ту же сторону.

Скрывая слезы, она сшила баулы, упаковала стеганые одеяла, пуховые подушки. Как раз этим летом Клара купила на базаре верблюжью шерсть и, под руководством Балабусты, простегала новое одеяло для Гелочки. Чтобы отвлечься, она рассказывала Меиру, как здесь готовят шерсть к использованию.

– У нас было просто, – говорила она, – относили шерсть в чесальню, и получали готовую. А здесь – ни за что. Шерсть моют, сушат, а потом бьют тонкой длинной палкой – веткой кизилового дерева...

Но Меир не слушал ее, мысли его были далеко... Неожиданно он стал рассказывать ей то, что столько лет никому не мог рассказать – уж очень, невыносимо тяжелы были эти воспоминания.

Меир попал с семьей в концлагерь. Сыновей отправили на работы, женщин отделили и увели в швейную мастерскую. О женщинах доходили какие-то скудные сведения: они шили матрасы из волос женщин, которых стригли перед уничтожением. Матрасы из этих волос...

(Как вам, немцы, спится на матрасах из мягких, нежных, шелковистых волос загубленных женщин? Какие сны снятся? Интересно было бы провести статистические исследования, сколько людей из спящих на этих матрасах, чувствуют душевное равновесие, сколько детей, зачатых на них, стали счастливыми, а сколько – нет? Тогда мы бы точно знали, существует ли аура убиенных и загубленных душ.)

А мыло из человеческого жира? Хорошее мыло ...

******

Утверждения, что немцы используют мыло из человеческих трупов, появились во время Первой мировой войны. Газета The Times в апреле 1917 года заявила, что немцы производят из трупов мыло и другую продукцию. (Но тогда прямых доказательств не было)

Слухи об изготовлении в Германии мыла из трупов людей вновь появились с началом Второй мировой войны. Профессор (!) Рудольф Шпаннер произвёл до 100 кг мыла из трупов заключённых. Показания, которые фигурировали на Нюрнбергском процессе, дали свидетели, работавшие в институте.

28 мая 1945 года Зигмунд Мазур показал на допросе, что он работал в анатомическом институте препаратором. Трупы поставлялись из тюрем Кёнигсберга, Данцига и др.

*(*Хотите рецепт?*) 5 кг человеческого жира с 10 литрами воды и 500—1000 г каустической соды варили 2—3 часа. После остывания мыло всплывало на поверхность. Добавляли соль, соду, свежую воду и снова варили. Мыло имело неприятный запах, для уничтожения которого применялся бензальдегид. Мазур сообщил, что для своих нужд (для туалета и стирки) он использовал это мыло, взяв себе 4 кг.* (Скажите, Зигмунд Мазур, хорошее получилось мыло? качественное? а как чисто было выстирано белье? только 4 кг взяли? что так скромно?)

*По словам Мазура, институт посещали министр просвещения Бернхард Руст, министр здравоохранения Леонардо Конти, гауляйтер Данцига Альберт Форстер. (*А они тоже взяли себе редкое мыло для своих нужд?)

Показания также дали двое английских военнопленных – Джон Генри Виттон и Вильям Андерсон Нили, занимавшиеся строительством в институте. Они подтвердили факт изготовления мыла из трупов.

Памятная табличка на здании Медицинской академии в Гданьске:

“В этом здании немецкие фашисты в годы Второй Мировой Войны использовали останки жертв преступлений против человечества, людей казненных в тюрьмах Кенигсберга и Гданьска, пациентов окружного лечебного заведения в Коцборове и узников концлагеря Штуттхоф, как сырьё для изготовления мыла. Люди людям уготовили такую участь...”

******

Потом женщин, которые шили матрасы, тоже отправили в печи.

(А почему не на мыло? Из одного трупа получается 6-7 кусков мыла. Может, не выгодно, может, делать из них удобрение будет более продуктивно?.. Поля, удобренные человеческим пеплом, давали хороший урожай. Вкусен ли вам, немцы, хлеб из пшеницы, взращенной на человеческом пепле? Хороши ли овощи? Желудок не протестует?)

******

Над просёлками листья - как дорожные знаки,
К югу тянутся птицы, и хлеб недожат.
И лежат под камнями москали и поляки,
А евреи - так вовсе нигде не лежат.

А евреи по небу серым облачком реют.
Их могил не отыщешь, кусая губу:
Ведь евреи мудрее, ведь евреи хитрее,-
Ближе к Богу пролезли в дымовую трубу.

(Александр Городницкий)

Мужчины-портные, и среди них Меир, в другой пошивочной ремонтировали фашистские гимнастерки, шинели. Обычно утром, когда мужчины уже сидели за своими машинками, в швейную мастерскую распахивалась дверь, и входил их надсмотрщик, их мучитель, садист, упирался руками в дверной косяк и начинал издеваться. Он подробно рассказывал, как отсасывали кровь у детей для нужд раненых, как корчились в газовых камерах, он сам видел в окошечко. А как сжигали он, к сожалению, не видел – слишком жарко...

Слушать его было невыносимо, легче, наверно, иной раз переносить побои, чем такое садистское надругательство над душой.

Когда Меир узнал, что сыновья тоже погибли, стало совсем невмоготу. Они с другом решили бежать. Пусть лучше убьют сразу, если заметят. Начали собираться. Запаслись крепкими нитками из мастерской, связали из них сеть, к которой пришили ветки. Перед побегом они натыкали иголки в те места двери, где надсмотрщик обычно с размаху упирался руками в дверной косяк. «Умирать – так с музыкой!»

И рано-рано, когда ночь сдает вахту утру, и сон у охранников самый крепкий, накинув на себя эту сетку с листьями и ветками, поползли к колючей проволоке. Они ползли, замирали, опять ползли, и опять остановка... Меир полз первым, поглядывая на охранника сквозь пожухлые листья. Вдруг ему показалось, что охранник увидел его – глаза в глаза... Секунды тянулись, как часы... Охранник отвел взгляд, отвернулся, пошел к другому краю площадки и стал смотреть в противоположную сторону. Он давал им шанс? А может, решил проверить, движется ли эта куча сухих веток или ему показалось? Друзья решили – будь, что будет – и доползли до проволоки. Здесь они начали яростно рыть землю, проползли под проволокой, некоторое время еще ползли... Быстрее... быстрее, не оглядываясь... Бежали от лагеря как можно дальше, сколько хватило сил. Меир подумал, что если бы на вышке стояли два охранника, им бы не убежать – ведь каждый из них боялся другого. Пока бежали, слышали гудки паровоза с другой стороны лагеря – привезли новую партию узников...

******

Перед отъездом 5 октября на Йом Кипур Меир с Кларой пошли в синагогу попросить прощения у Всевышнего, Великого и Справедливого, просить о милости, прочитать поминальную молитву по всем умерщвленным, убитым, заколотым, сожжённым, заживо погребенным, утопленным и удушенным за освящение имени Всевышнего.

******

И Ты приемлешь хвалу от движимых чувством, творящих молитву, возопивших в мольбе, ждущих помилования – ***и в этом слава Твоя!***

И Ты приемлешь хвалу от стучащихся во врата Твои, изливающих мольбу, чающих прощения, жаждущих искупления – ***и в этом слава Твоя!*** ***(Утренняя молитва дня искупления.)***

******

Меир думал: «В день Великого Суда судьей над человеком является сам Всемогущий Господь, а кто же обвинители и защитники? Если Он все видит и знает все наши неблаговидные поступки, наверное, ему не нужны обвинители. А защитники?.. А есть ли они?... Кто может и... хочет защитить нас?»

Глава восемнадцатая

У Юзи и Фани скопилась некоторая сумма – работали оба, вещи не покупали – некуда было их класть. Одежду шили сами, красил, белил, если надо, Юзя. Новая мебель, посуда, ковры, хрусталь – все это было не для них. Но деньги не провезешь. Поэтому на всю собранную сумму Меир купил мотоцикл «Ява», очень

ценимый в Польше. Теймур хотел было подключить к их сборам дедушку Эльмана с его связями, но Меир сумел обойтись сам. Чтобы ускорить процесс оформления, он умело и вовремя «подмазывал», кого надо.

И вот уже все сборы позади. Надо прощаться. Проводы устроили у Клары во дворе – там и Клара, и Басенька, и Эдита с семьями, и Балабуста, и все соседи, так полюбившие Гелочку, ее танцы и театральные представления.

Представьте сами эти горькие проводы (ведь на дворе осень 1957 года!). Двоюродные братья крепились, чтобы не заплакать. Старшие отвели Гелу в уголок:

– Слушай внимательно. Если тебя кто обидит, ты скажи, что у тебя есть старшие братья.

– Пять братьев, – влез в разговор пятилетний младший сын Баси.

– Если что – приедем, башки поотрываем. А сама смотри, я тебя научу приемам. Кто пристает, тому сразу кулаком в нос. Не в ухо, не в глаз, не в скулу, а по носу. Кулаком. У человека сразу пойдет кровь, он растеряется, а дальше действуй по обстановке: если ты одна – беги, а если рядом люди – кричи во всю глотку: «Это он меня обижает!». Ну, а если очень серьезная опасность, бей ногой в пах. У мужчин это самое больное место. Но смотри, этот прием только в экстренных случаях.

Гела – боевая девчонка, хорошо усвоила урок.

В Варшаве сразу же стали оформлять документы на выезд в Израиль. Комнату Меир снимал вместе с другом, с которым бежал из концлагеря. Въехали туда же. Меир временно устроил Юзю в какую-то швейную мастерскую, чтобы был чем-то занят, Гелу – в школу, тоже, чтобы была при деле, а сам с Фаней бегал с документами по инстанциям (в ихний польский ОВИР). Продали «Яву», перевели деньги Эстер в Израиль.

Гела довольно сносно говорила по-польски – в Баку папа любил говорить с ней на польском, бабушка и мама – на идиш, в школе – на русском, совсем немного на джуури – у Балабусты дома и со старшими двоюродными братьями – на азербайджанском.

Поэтому в школу пошла без страха, уж как-нибудь поймет, о чем речь. По математике она и вовсе выделялась. Остальным ученикам было обидно, что она быстрее всех и правильно все примеры и задачки сходу решает, и они отыгрывались на уроке польского языка, насмехались над ней, передразнивали. Дома ей говорили: «Потерпи немного, вот уедем в Израиль и тебе польский язык больше не будет нужен.»

Гела не выдержала, когда один из них громко сказал:

– Она же безграмотная, что с нее возьмешь, – ведь это русская жидовка (он даже не понял, насколько уморительна эта «изысканная» формулировка).

Гела посмотрела на учительницу. Та молчала! Гела медленно встала, подошла к обидчику. Весь класс заинтересованно ждал. Гела ударила пацана кулаком в нос, повернулась к учительнице и твердо сказала, как учили двоюродные братья: «Это он меня обижает!». Спокойно подошла к своему месту, собрала вещи и вышла из класса. При этом она изо всех своих детских сил постаралась хлопнуть дверью так, чтобы вся школа вздрогнула... В 8 лет уже иметь такой характер!..

******

Радуйся, радуйся, грейся убогой лаской,
О мой народ богоизбранный – вечный лакмус!
Празднуй, сметая в ладонь последние крохи.
Мы – индикаторы свинства любой эпохи.
Как наши скрипки плачут в тоске предсмертной!
Каждая гадина нас выбирает жертвой
Газа, погрома ли, проволоки колючей –
Ибо мы всех беззащитней – и всех живучей!
Участь избранника – травля, как ни печально.
Нам же она предназначена изначально:
В этой стране, где телами друг друга греем,
Быть человеком – значит уже евреем.

(Д. Быков. Послание к евреям.)

******

На следующий день в школу пришел Меир. Вы только можете себе представить, что он сказал директору и учительнице... Он ничего не боялся. У него уже были все бумаги на выезд, да и без этого он давно вытравил страх из души – хуже, чем было, уже все равно никогда не будет...

Он говорил тихо, но так яростно, что директор и учительница не могли ничего возразить, впрочем он не дал им возможности сказать в свое оправдание ни слова, высказал все. В конце проклял их, и всех фашистов, и всех антисемитов. Оставил их онемевших с морозом по коже.

Наконец, они совершили алию – восхождение, прибыли в Израиль. Сестра Эстер к их приезду сняла пятикомнатную квартиру, в которой они поселились все вместе: сестра с дочерьми, старший брат Меир и Юзеф с семьей.

Открыли небольшое ателье в центре Тель-Авива. Заказчики были довольны оригинальными фасонами, аккуратностью исполнения и приемлемой ценой.

Вся семья Ривы – дочки старого доктора Левина из далекого города Н-ска, переехавшая из Тулузы в Израиль, – стала их постоянными клиентами. А в 1958 году Рива привела в ателье Эльзу – немку, спас-

шую ее племянников в Германии во время войны. Фаня сшила ей нарядное платье для торжественного приема в музее праведников Яд-Вашем. В ателье Эльзу и Риву сопровождали младшая невестка с сыном. Мальчишке было лет 8-9, он с интересом поглядывал на Гелу.

Так опять, в который раз пересекаются пути наших героев.

******

Меир Тобисельский писал из Израиля своему другу, оставшемуся в Варшаве. В этот же конверт вкладывали письма Фани к маме и сестрам, а друг пересылал их в Баку. Письма из Польши было получать менее опасно, чем из Израиля...

Друг Меира нашел свою племянницу, спасенную добрыми людьми. Она была удивительно похожа на его погибшую дочь. Теперь он жил ради нее и только для нее. Девушка была талантливой пианисткой, хотела учиться в Варшавской консерватории…

И вот в самом конце 1958 года (хороший все-таки был год для многих наших героев) Меир получил от своего друга из Польши толстое письмо. Он подробно описывал положение евреев в стране, сетовал, что никак не может убедить племянницу уехать. В конверте также были письма и фотографии от Клары, Эдиты и Баси для Фаины. Но самое главное, там был запрос от Красного Креста – его разыскивает племянник Соломон Тобисел из Нью-Йорка.

– Боже мой, как я мог забыть, ведь брат из Америки писал, что они обрезали фамилию. А я все время разыскивал Тобисельского...

Брат Мойша в Америке уже покинул этот временный мир, но до последних дней разыскивал братьев. Перед своим уходом он завещал сыну не прекращать поиски. Надо найти родных, надо помочь... Соломон разыскивал их по отдельности, а нашел всех вместе в Израиле: Дядю Меира, тетю Эстер, двоюродных сестер, дядю Юзефа с семьей.

И кто-то надоумил его искать в Латинской Америке. Запросы полетели в Бразилию, Мексику, Аргентину. Нашел! Нашел в Буэнос-Айресе! Какое счастье! Соломон даже не думал, что в Аргентине так много евреев...

******

Количество евреев в земледельческих колониях Аргентины постепенно уменьшалось. Молодежь стремилась в большие города. Многие уехали в Израиль. Сейчас в Аргентине проживает около 190 тыс. евреев (94% родившихся в стране), которые заняты почти во всех сферах жизни государства. Мозусвиль существует по сей день, живёт там горстка старых евреев и высятся те же семь синагог, построенных в конце XIX века, но ни одна из них не может собрать полноценный миньян.

******

Все дети и внуки Бени Тобисельского прекрасно устроены в Аргентине, как и потомки Мойши в Америке. И, наконец, все члены семьи приехали повидаться, встретиться с выжившими родными в Израиль.

Через два года Меира не стало. Шел 1960 год. Перед смертью он завещал не терять друг друга, собираться всем вместе хотя бы раз в три года на святой земле и посещать его могилу, чтобы он мог радоваться за всех, молиться в высях небесных под крылами Шхины на ступенях святых и чистых, сияющих блеском небосвода, и просить за всех Властелина, преисполненного милосердия…

И еще перед смертью он сказал странную фразу, которую никто не понял. "Обвинители – это наши угрызения совести из-за прошлых грехов, а защитники – это тоже наши угрызения совести, и они охраняют от будущих грехов."

Сол Тобисел после выхода на пенсию переехал со своей дорогой Регионой во Флориду. В пригороде города Вест Палм Бич есть такие кооперативные комплексы для пожилых. Собрали Тобиселы нужную сумму на скромную квартирку в одном из них и живут там с 1980 года. Приглашают всех в гости... Застекленную лоджию Сол приспособил под свою студию. Рисует простым карандашом или иногда даже шариковой ручкой. Рисунки необычные, фантастические...

Соломон с женой Региной.

Глава девятнадцатая

Гела – активная и талантливая девочка. Начиная лет, эдак, с 15-ти, она очень усердно помогала маме и тете не только шить, но и выдумывала фасоны, и украшала витрину.

Разрешите немного отвлечься и рассказать одну легенду, впрочем, очень похожую на правду, о художнике Нико Пиросмани. После того, как его уволили с должности кондуктора железной дороги и выдали небольшое жалование, Нико открыл на паях с другом лавочку, то ли молочную, то ли керосиновую, не столь важно. Дела пошли в гору. И не потому, что молоко (или керосин) были лучше, и не потому что цена отличалась от стоимости в других магазинах, но каждое утро в лавку прибегали постоянные покупательницы со всей округи. А дело в том, что каждый вечер, после окончания торговли, Нико рисовал новую картину на большой деревянной доске – вывеске над лавкой. Для всей округи развлечение, художественная выставка, картинная галерея... Все торопились увидеть новую картину. Заодно и торговля процветала. Возможно, этот рекламно-маркетинговый ход надо назвать его именем.

Гела даже имени Пиросмани, наверное, не слышала, а метод сама придумала. Каждую пятницу в середине дня витрина ее ателье завешивалась красивой занавесью с кистями, как в театре. Она колдовала внутри. В субботу неработающая гуляющая публика обязательно приходила посмотреть на новую выставку портняжно-декоративного искусства. То это было платье последнего крика французской моды. То старинное платье и элегантные шляпки. То на фоне лоскутного одеяла на бельевых веревках, пришпиленные простыми шпильками, висели панталоны с кружавчиками и другие атрибуты нижнего белья. То на одном манекене булавками были приколоты с одной стороны половина женского платья, с другой стороны - половина мужского костюма. Кроме этого большое количество живых и вьющихся цветов. Как можно было пройти мимо? По субботам и воскресеньям у витрины толпился народ, а по будним дням спешащий люд замедлял шаг.

1973 год. Гела Тобисельская отслужила в армии, окончила дизайнерские курсы, вышла замуж за того самого мальчика, который влюбился в нее во время приезда Эльзы (за правнука доктора Давида Эммануиловича Левина из далекого российского города Н-ска).

Гела расширила ателье, которым она начала руководить, набрала талантливую молодежь, открыла еще дизайнерскую фирму по украшению витрин. Через несколько лет она уже преподает в техникуме, организует местные и международные выставки.

Все правильно, все согласно всезнающим звездам: *По гороскопу индейцев майя и ацтеков (какая связь между польско-еврейской девочкой и индейцами майя и ацтеками, неизвестно, но гороскоп верный) у родившихся 1 июля не бывает конфликта между любовью и работой. Она хозяйка дома, склонна к работе в коллективе, имеет много друзей. Люди этого знака – все удачливы, умеют обращаться с деньгами. Рожденные в этот день эмоциональны, от них просто искры блестящих фантазий сыплются во все стороны**. В них бурлит жажда деятельности, они заряжены творческой энергией.** Семья важна для родившихся под знаком Имиш: они заботливы и обожают опекать кого-либо.*

******

Прошло много лет... Гела тщательно собирает и хранит историю всех членов семьи Тобисельских, а ее муж – историю своей семьи и бережно сохраняет архивные реликвии своего прадеда – доктора Давида Эммануиловича Левина. Они живут сейчас в Тель-Авиве, на улице Алленби, недавно вышли на пенсию.

****

Рассказ о большой семье Тобисельских закончен, но, думаю, читателям интересна судьба оставшихся в Баку Клары, Эдиты с Теймуром, Баси с Хасиком и дедушки Эльмана – тех наших героев, которые не являлись главными, но оставили некоторый след в памяти и душе. Они тоже – частицы истории. Вернемся в Баку к дедушке Эльману.

После разоблачения культа личности Сталина стало известно о жестокости и изуверствах многих «правителей» и их приближенных в те страшные времена. У дедушки Эльмана болело сердце, но его радовала справедливость.

Справедливость – дама неторопливая... Хотя она восторжествовала, но, как всегда, не скоро. Наконец-то в 1956-м Мир Джафар Багиров понес заслуженное наказание. И хотя он заклеймил своего бывшего друга: «Берия – хамелеон, злейший враг нашей партии. Я его не смог раскусить». Но это не помогло, и Багирова расстреляли как бериевского пособника.

Шли годы, которые потом назовут застойными.

В июле 1969 года Гейдар Алиев был назначен Леонидом Брежневым на должность Первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, а затем, как положено, "избран" на Пленуме ЦК Компартии Азербайджана на эту должность. И он начал активно бороться с коррупцией. По радио и в печати он говорил простые и правильные слова. Алиев самолично ходил по рынкам и говорил с народом. Продавцы рассказывали ему о притеснениях от председателей колхозов и базаркомов, об отсутствии холодильников и элементарных бытовых условий, о вымогательствах перекупщиков. Покупатели жаловались на дороговизну рыночных продуктов, на то, что покупать в государственных магазинах по твердым ценам невозможно из-за плохого качество продуктов.

Большое количество голов полетело с "хлебных" должностей и даже с плеч. В полном составе (24 человека!) арестовали Государственную торговую инспекцию Министерства торговли республики. В течение первых пяти лет руководства им республикой были сменены две трети министров, 8 из 10 членов Бюро ЦК, 37 из 45 секретарей райкомов. У народа появилась надежда, что "жить станет лучше, жить станет веселее..."

Дедушка Эльман вновь воодушевился – его вера в Советскую власть восторжествовала! Все недостатки, как оказалось, были из-за нечестных руководителей, а ведь идеи – самые правильные и разумные! Но теперь все будет по справедливости! С такими светлыми мыслями и спокойной душой он отошел в мир иной.

А дальше все пошло, как в старой мудрой сказке о кровожадном Драконе, – побеждавшие его смелые юноши, став правителями своей страны, незаметно для себя сами превращались в Драконов. Так случилось и в Азербайджане. Все освободившиеся должности стали занимать земляки Алиева, родственные кланы.

******

… местничество приобрело особенно откровенный и издевательский характер. В конце семидесятых правительственными дачами в Загульбе распоряжались несколько родственных кланов, поскольку почти все члены Правительства и ответственные работники ЦК были между собой родственниками. Сквозь такую круговую оборону было нелегко пробиться. В лучшем случае, это удавалось сделать путем удачной женитьбы… Страшное в условиях Азербайджана «харалы сан» – откуда ты родом? – разобщало нацию... Липко-грязное слово «взятка» мы заменили на «хормет» – «уважение» и начали «уважать» друг друга… ***(Чингиз Абдуллаев. Час откровения.)***

******

Басю с Хасиком, как и всех, волновал классический вопрос еврейской интеллигенции: "Ехать или не ехать?" Растут 3 сына. Какое будущее их ждет? В Баку разгромили подпольный кружок по изучению иврита и еврейской истории. Причем, сделали это по-изуитски подло, создав впечатление у всех арестованных, что их выдал свой, которого «ТЕ» назвали по имени. Кто-то поверил, кто-то – нет. Но парнишка не выдержал – повесился...

Бася с Хасиком избежали ареста, но после этого заявили родителям, что теперь нет никаких сомнений – они уедут, чего бы им это ни стоило. Тем более, что из Израиля Фаня пришлет им настоящее приглашение.

В 1971-72 гг, когда в РСФСР существовали большие трудности с выездом за рубеж, в Азербайджане и некоторых других Союзных республиках это не было такой непреодолимой проблемой. Во всяком случае, для евреев, уезжающих в Израиль.

В Баку подавшие в ОВИР документы на выезд начинали искать связи... Ну, такая уж восточная традиция... Люди могли получить разрешение или отказ, причем, ничем не аргументированный, с весьма странной формулировкой "не считается целесообразным". В ОВИРе на все вопросы скромно отвечали: "Мы ничего не знаем – это Москва так решила".

А если найти связи... родственные, деловые, дружеские, и через эти связи передать кому надо определенную сумму... Тогда разрешение приходило быстро, без проволочек. Справедливости ради надо сказать, что иногда получали разрешение и без взятки.

Этим обстоятельством воспользовались два предприимчивых молодых человека. Они брали деньги за помощь в получении разрешения на выезд (такса – 1000 рублей с человека) с гарантией возврата в случае неудачи. Деньги они никому не передавали. Если люди получали разрешение, то думали, что это их взятка сработала. А если получали отказ – "честные" жулики возвращали деньги. Как всегда, мошенники не смогли вовремя остановиться, и их поймали. Но ОВИРу было абсолютно невыгодно поднимать шум по этому очень щепетильному поводу, ведь кто-то там и вправду брал взятки. Жуликам приказали молчать, в рекордный срок выправили им самим и приглашение, и разрешение и выпроводили из страны.

Зильфа ханум была знакома с бабушкой одного из этих "деятелей". Бедная бабушка... Она была готова ехать за внуком хоть на край света, но в семье был полный раздрай – часть семьи категорически отказывалась ехать. Проштрафившиеся предприимчивые парни уехали вдвоем. В Израиле стали партийными функционерами.

Добрейшая Зильфа сильно постарела после похорон мужа, который ушел из жизни так же тихо, как и жил. Характер же ее остался все тот же – боевой, решительный. Она тоже собиралась ехать: надо помочь младшему, Хасику, и надо самой все своими глазами увидеть. (“Если будет хорошо, – остальных детей вытащу, а не понравится, – вам всю правду напишу”).

И тут та самая невестка, которая "змея подколодная", вдруг резко изменилась, вновь, как перед свадьбой, стала ласковей шелка, слаще халвы! Настроила мужа ехать с семьей его матери – своих детей надо спасать от армии! Обмануть мудрую свекровь она и не рассчитывала, но знала, что отказать сыну мать не сможет. Зильфа, разумеется, понимала, какой обузой будут Хасику и Басе ее вялый, неактивный старший сын и неработающая, недобрая, к тому же еще и завистливая невестка. Но делать нечего – сын-то родной...

А что было делать Кларе? Рискнуть уехать с младшей дочкой и оставить старшую без помощи и поддержки? Отпустить младшую в неизвестность, а самой остаться? Где же ее помощь будет нужнее – там или здесь?

С другой стороны, там живет (и неплохо живет!) Фаня с семьей, зовет и ждет ее и Басенькино семейство. Клара знала, что там и девочек берут в армию, знала какая смелая и боевая ее Гелочка. Через год ей исполнится 18 лет и ее призовут в армию. Как страшно жить на свете... Так хочется увидеть Гелочку, любимую внученьку!

******

Снова взрывы гремят
На священной полоске планеты,
Эту землю, мой Бог,
Ты когда-то для нас сотворил.
Мы сегодня живем
В атмосфере беды перегретой,
Мы сегодня живем
На пределе разгневанных сил.

Разве Ты позабыл,
Как годами нас вел по пустыне?
Мы свободны теперь,
Но, как прежде, опасен наш кров.
Кровь невинных детей
Никогда, никогда не остынет,
Продолжая стекать
В наши души со стенок веков. ***(Марк Мордухович)***

******

Эдита категорически против отъезда мамы: «Нет, нет и еще раз нет! Мама переезда не выдержит! Я маму не отпускаю!»

Бася с Хасиком дождались вызова от Фаины, подали документы. Наступила пора тревожного ожидания. Не знаю, каким образом, со связями или без оных, но большая семья Зильфы-ханум получила разрешение.

Перед отъездом Зильфы они с Кларой долго плакали в обнимку. Но что делать?

– Не волнуйся за Басеньку, дорогая! – успокаивала Зильфа Клару. – Ты же знаешь, я ее, как дочку люблю, заботиться и помогать буду, сколько только моих сил хватит.

И снова слезы. Прощались ведь навсегда...

И ехали они в вагоне с Розочкой и Давидом из российского города Н-ска...

******

В 1979 году умер Абрам Плавник. Клара была на похоронах. Проводила любимого поэта в последний путь. Скромно стояла в задних рядах. Его похоронили на Еврейском кладбище, на главной аллее. Мансур Векилов – прекрасный двуязычный поэт, как никто другой ценивший стихотворный талант Абрама Плавника, наутро принес в редакцию свое стихотворение.

Хоронили Плавника
Гроб качался плавненько
на шести плечах.
Как на костылях.
Он опоры лишней
Не имел при жизни, –
Нес его талант
На ноге единственной
С костылем воинственным,
Торс вперед бросая,
Словно бы таран.
…Голубел глазами,
Хохотал над шуткою,
Четками бряцая,
Еще вчера,
А сегодня – музыка,
Траурная музыка:
Там… Там… – пора…
Голова закинута
К небесам,
Ветерок последний
Треплет волоса, –
Там… Там… Там..

(Мансур Векилов)

******

1980 год. Клара поехала в Израиль, повидалась с дочерьми, внуками, увидела правнуков, поклонилась могиле Зильфы-ханум (многим она была обязана этой доброй женщине). Приехала домой и через несколько месяцев слегла.

Похоронили ее на старом еврейском кладбище недалеко от могилы Абрама Плавника. Кладбище было закрыто для новых захоронений, но там было место, которое заранее купила Зильфа для себя, рядом с мужем – вот там теперь и лежит милая Клара рядом с тихим папой Хасика (настолько он был скромен и незаметен, что история не сохранила его имени). Бабушки и дедушки Клары были похоронены в Австро-Венгрии, прах родителей и мужа – в Польше, сама она осталась в далеком Баку, а дети разлетелись по свету. Как когда-то давно сказал Кларе старенький ребе, который тоже уже покинул этот сложный для понимания мир, о еврейской судьбе скитальцев: "Везде остаются наши могилы".

******

Без вуали, плаща, вне ведома Истории
и прочего аполлонова бабья
вплывает в прошлое с
накрахмаленной койки
бабушка местечковая моя,
нам оставляя бесснежную зиму,
от ветра бегущие
облака-небозрители,
проникновенный голос раввина,
что ее не знал, но звучит убедительно.
Все – по машинам.
Она одна остается в земле, с природой сливаясь.
Нам остается – выпить вина,
в душе заперев неподкупную память.

(Лиана Алавердова)

******

1988 год. Резня в Сумгаите. Начало страшных событий. Митинги против армян в Баку. Потом от митингов перешли к погромам. Дяди Теймура (братья его мамы Нигяр) были настроены очень националистически, ходили на все митинги, кричали, что все инородцы должны покинуть Азербайджан. Теймур говорил с ними, пытался понять, пытался спорить. Бесполезно...

Младший брат Теймура был женат на армянке. Ее, детей и всю армянскую родню успели отправить в Москву на время. У Теймура и Эдиты были уже внуки призывного возраста. Две большие семьи собрались и двинулись на запад.

Перед отъездом Эдита написала Манечке последнее прощальное письмо. Она описала жизнь Фаины с Юзефом, Гелы с мужем и тремя детьми, Баси с Хасиком и их детей и внуков в Израиле. Вложила несколько фотографий. Написала, что в Баку творятся жуткие события.

<<Жить стало совсем невозможно. Подрастают внуки. Не сегодня-завтра их призовут в армию и пошлют воевать в Афганистан неизвестно с кем и неизвестно за что... Мы решили уехать.

В Баку творятся ужасные вещи. Националисты проверяют население на чистоту крови. На улице хожу с шестиконечной звездочкой на виду, показать, что я не армянка и с паспортом в кармане для более строгой проверки...

Когда мы бежали из Польши, спасая свои жизни, и попали в Баку, Бася с Фаиной приспособились быстрее, чем мама и я. Много лет должно было пройти, родились и выросли дети на земле, ставшей родной. Теперь здесь могила мамы, а мы опять должны бежать, искать новую родину...

На всякий случай посылаю адрес Фаины. Напиши ей, если захочешь. Но кто знает, как повернется жизнь... Может, опять будет осуждаться связь с заграницей?..

Фанечка всегда с необыкновенной теплотой вспоминает тебя. Не только она, но мы все тебя искренне полюбили и желаем, чтобы Господь всегда смотрел на тебя с доброй улыбкой.>>

******

Конечно, Теймур не мог оставить старенькую Татьяну Матвеевну, которая его вырастила, ведь у нее никого не было на всем белом свете. Ей было за девяносто... Ее взяли с собой, но… не довезли... Похоронили ее на лазурном берегу в Ладисполи под голубым небом Италии.

Там же, в Ладисполи познакомились и подружились с пятидесятниками, вместе ходили к фонтану на перекличку. Теймур из Баку и Арон из-под Владивостока, сами не зная об этом, были связаны с друг с другом короткой цепочкой. Маняша – их связующая ниточка – в 1936 году ехала в теплушке с маленьким Арончиком и она же была в 1949 году в Баку на праздновании обрезания сыновей Теймура...

Вместе получили документы и вместе улетели в великую Америку. Пятидесятники – в город Reading около Филадельфии, семья Теймура осела в Кливленде, штат Огайо. Семья брата перебралась в Канаду, так уж получилось. Все хорошо устроены, но при воспоминаниях о Баку в сердце постоянно что-то свербит.

******

Где бродил Заратустра,
где затоплен бульвар,
где мазут стынет тусклый
на волнах, где кошмар
бойни, где не стереться
клеймам старых обид –
там оставлено сердце,
потому и болит.

(Лиана Алавердова)

******

В Баку оставлено сердце, поэтому оно и болит...

==========

Анна Немеровская родом из города, который когда-то был самым добрым, интернациональным, веротерпимым – из Баку. Родители переехали из Украины в Баку в 1931году, а Анна, по ее шутливому выражению, «мудро дождавшись окончания войны, родилась вместе со счастливым поколением послевоенных детей». Окончила школу, университет, вышла замуж, родила двух сыновей. В 1988 году семья поменяла столицу Азербайджана на «столицу мира» – Нью-Йорк. Здесь Анна работала в банке. Изредка печаталась в русскоязычных газетах и журналах. Сейчас на пенсии - есть время для творчества...

Уже написаны ею несколько рассказов, пьеса, повести, киносценарии - с некоторыми из них можно ознакомиться на сайте:http://www.nemerovsky.com/anna/. В этом, втором издании романа автор переработала текст и несколько перераспределила содержание, в результате получились три книги под одной обложкой, сюжеты которых объединены одним временн***ы***м периодом жизни героев. Это роман о нескольких поколениях российских семей, переживших все перипетии XX века.

==========

Аня, я дочитала Вашу книжку, хочу сделать Вам комплимент: независимо от того, реальные ли судьбы описаны или вымышленные (кстати, это и правда интересно, кто из героев действительно существовал?) – книжка увлекательна и очень правдива, видно – не просто понаслышке писана, большой фактический материал перелопачен! **(Ира Акс)**

==========

Согласна со всеми хвалебными отзывами своих знакомых, с которыми делилась впечатлениями о романе. Особенно оригинальным оказался прием со вставками об исторических событиях в тот или иной отрезок времени. В компактной форме, без многостраничных описаний политической обстановки читатель получает полное и объективное представление о жизни общества страны и Европы в каждый значительный момент 20-го века. Очень уместны, на мой взгляд, также вкрапления замечательных стихов, выпукло рисующих эмоциональные переживания героев. Действительно, ведь стихи – это своеобразная лупа, ярко высвечивающая внутренний мир человека, состояние его души, для описания которых в прозе потребовалось бы немало страниц.

Я, по крайней мере, не встречала аналога в литературе. **(Марина Белкина)**

==========

Когда открываешь книгу, в первой фразе автора, обращенной к читателю, содержится предложение не читать, если у вас мало времени, текст, напечатанный курсивом. Может, А.Немеровская считала этот текст не всем интересным, а может, это своеобразный психологический прием привлечь внимание читателя к выделенным текстам, как к запретному плоду... Если это так, то автор безусловно добилась своей цели.

Именно благодаря курсивным вставкам с хронологией серьёзных фактов и сведений о событиях в стране и в мире, на которые опирается автор, роман приобретает исторический смысл и значение.

Автору удается раскрыть жизнь своих героев на фоне широких исторических панорам, охватывая значительный временной период, вмещающий тяжкие кровавые потрясения в Европе. Это революции в России, становление Советской власти, раскулачивание крестьян, ужасы фашизма и Отечественная война Советского Союза с Германией и ее последствия.

В романе Анны Немеровской прослеживается ряд тем, касающихся взаимоотношений между людьми. Одна из них – о людях разных национальностей и разных религиозных воззрений и их судьбах в стране тоталитарного режима. Тема щекотливая и актуальная сегодня. Автор деликатно, но достоверно и реалистично прослеживает различные аспекты их совместной жизни в разные времена и в разных ситуациях. Еще один пласт общественных отношений – между людьми разного культурного уровня, образования, социального положения.

Удовольствию от чтения книги способствует прекрасный, высокохудожественный, чистый литературный язык. Роман Анны Немеровской несомненно войдет в ряд лучших литературных произведений последнего времени. **(Игорь Михайлович Безчастнов)**

==========

ISBN 978-0-9829750-6-0

9 780982 975060 >